

ANTHOLOGY

mergeFB2

Сборник "Чужаки"

Фредерик Браун, Джеймс Шмиц, Эрик Фрэнк Рассел, Клиффорд Дональд Саймак, Рэй Бредбери, Гордон Диксон, Уильям Моррисон, Роберт Хайнлайн, Лион Спрэг де Камп, Хол Клемент, Альфред Ван Вогт, Мюррей Лейнстер

Аннотация
Фредерик Браун. Арена
Джеймс Шмиц. Ветры времени
  В Ядре Звездного Скопления
Эрик Фрэнк Рассел. Дьявологика
Клиффорд Саймак. Заповедник гоблинов
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
  Глава 9

Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Рэй Бредбери. И грянул гром
Гордон Диксон. Лалангамена
Уильям Моррисон. Мешок
Роберт Хайнлайн. Пасынки Вселенной
Часть 1. Вселенная
Часть 2. Здравый смысл
Лион Спрэг де Камп. С ружьем на динозавра
Хол Клемент. У критической точки
Пролог
1

2
3
4
5
6
7
8
Эпилог
The Monster
Мюррей Лейнстер. Чужаки

Аннотация

Содержание:

1. **Фредерик Браун**: Арена *(Перевод: А. Иорданский)*
2. **Джеймс Шмиц**: Ветры времени *(Перевод: В. Михайлов)*
3. **Эрик Фрэнк Рассел**: Дьявологика
4. **Клиффорд Дональд Саймак**: Заповедник гоблинов *(Перевод: Ирина Гурова)*
5. **Рэй Бредбери**: И грянул гром... *(Перевод: Лев Жданов)*
6. **Гордон Диксон**: Лалангамена *(Перевод: Владимир Баканов)*
7. **Уильям Моррисон**: Мешок *(Перевод: Бережков Валентинович)*
8. **Роберт Хайнлайн**: Пасынки Вселенной *(Перевод: Александр Митюшкин, Елена Беляева)*
9. **Лион Спрэг де Камп**: С ружьем на динозавра *(Перевод: Я. Пазар)*
10. **Хол Клемент**: У критической точки *(Перевод: В. Голанд)*
11. **Альфред Ван Вогт**: Чудовище / The Monster [= Пятый вид: Загадочное чудовище;

Воскресшее чудовище; Возрождение] *(Перевод: Ф. Мендельсон)*

12. **Мюррей Лейнстер**: Чужаки *(Перевод: Т. Гладков)*

Фредерик Браун
Арена

Карсон открыл глаза и увидел над собой тускло мерцающую голубизну.

Было жарко. Он лежал на песке. Ему в спину впивался торчавший из песка острый камень. Карсон повернулся на бок, потом сел, упираясь руками в песок.

"Я сошел с ума, - подумал он. - Или умер. Или еще что-нибудь..."

Песок был голубым. Ярко-голубым. А голубого песка нет ни на Земле, ни на одной из планет.

Голубой песок.

Голубой песок под голубым куполом - ни небом, ни потолком, а какой-то замкнутой поверхностью. Карсон почему-то знал, что она замкнута и конечна, хотя и не мог этого видеть.

Он набрал горсть песка, который заструился между его пальцами. Струйки защекотали его голую ногу.

Голую? Он был абсолютно обнажен, и его тело уже покрылось обильным потом от расслабляющего жара и тоже стало голубым там, где к нему

прилип песок.

Но в остальных местах оно было белым. "Значит, этот песок на самом деле голубой, - подумал он. - Если бы он только казался голубым в голубом свете, то и я был бы голубой. Но я белый - значит, песок голубой. Голубой песок. Голубого песка не бывает. И такого места не бывает, как это".

Пот стекал ему в глаза. Было жарко, как в аду. Только ад должен быть докрасна раскаленным, а не голубым.

Но если это не ад, то что это? Из всех планет такой горячий только Меркурий, но это не Меркурий. И потом, Меркурий остался примерно в четырех миллиардах миль позади от...

И тут он вспомнил, где он был только что. В маленьком одноместном космолете, несшем патрульную службу за орбитой Плутона, в миллионе миль от фланга земной армады, построившейся в боевой порядок, чтобы встретить Пришельцев.

Он вспомнил тот внезапный, резкий, тревожный звонок, когда следящие системы зарегистрировали приближение врага...

* * *

Никто не знал, кто такие Пришельцы, как они выглядят, из какой далекой галактики они при-

шли, - знали только, что она где-то в направлении Плеяд.

Первые разрозненные налеты на дальние колонии и опорные пункты Земли. Отдельные стычки между земными патрулями и небольшими группами космических кораблей Пришельцев; стычки, в которых земляне иногда побеждали, иногда терпели поражение, но до сих пор ни разу не смогли захватить космолет противника. Не осталось в живых и ни одного жителя подвергавшихся налетам колоний - рассказать хоть что-нибудь о Пришельцах было некому.

Сначала угроза казалась не очень серьезной - налеты были немногочисленными и приносили не так уж много ущерба. Их космолеты как будто слегка уступали земным в вооружении, хотя чуть-чуть превосходили их в скорости и маневренности. Как раз настолько, что Пришельцы, если только они не были окружены, могли выбирать - вступить им в бой или скрыться.

И все-таки Земля готовилась к решительному сражению. Был построен небывало могучий космический флот. Ждать пришлось долго. Но теперь генеральное сражение приближалось.

Разведчики обнаружили огромный флот Пришельцев в двадцати миллиардах миль от Земли.

Эти разведчики так и не вернулись, но их сообщения были получены. И вот земная армада, все десять тысяч космолетов и полмиллиона космонавтов, расположилась в ожидании за орбитой Плутона, готовая сражаться насмерть.

Битва предстояла на равных - об этом можно было судить по рапортам передовых патрулей; которые пожертвовали жизнью, но перед тем, как погибнуть, передали данные о численности и силе флота противника.

При равенстве сил судьбу Солнечной системы могла решить ничтожнейшая случайность. И решение было бы окончательным - в случае поражения Земля и все ее колонии оказались бы в полной власти Пришельцев...

О да, теперь Боб Карсон все вспомнил.

Правда, это не имело отношения к голубому песку и мерцающей голубизне над головой. Но он помнил, как прозвучал этот резкий звонок тревоги, как он бросился к панели управления, как в лихорадочной спешке пристегнулся к креслу, как перед ним на экране росла светлая точка.

Как у него пересохло горло. Как он с ужасом понял - началось! Для него, по крайней мере: основные силы сражающихся были еще вне пределов досягаемости друг для друга.

Меньше чем через три секунды он или останется победителем, или превратится в горстку пепла. Три секунды - столько длится бой в космосе. За это время можно не спеша сосчитать до трех, а после этого ты или победишь, или будешь мертв. Одного попадания вполне достаточно для маленького, одноместного, легко вооруженного и слабо бронированного патрульного космолета.

Машинально шепча пересохшими губами "Раз!", он лихорадочно крутил ручки на пульте, чтобы растущая точка оставалась в перекрестье линий на экране. Правая нога его замерла над педалью спуска. Единственный смертоносный залп - или он попадет, или нет. Для второго выстрела времени уже не останется.

"Два". Он снова не слышал, как у него это вырвалось. Точка на экране перестала быть точкой. Расположенный в нескольких тысячах миль вражеский космолет был виден так, как будто до него несколько сотен метров. Это был легкий, быстрый патрульный космолет почти такого же размера, как и у Боба.

Вражеский патрульный космолет.

"Тр..." Его нога коснулась педали...

И вдруг Пришелец скользнул по экрану в сторону и вышел из перекрестья. Карсон схватился

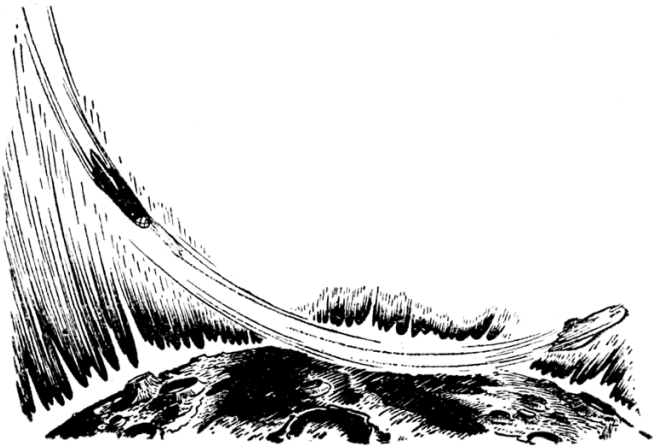
за ручки, чтобы пуститься в погоню. Какую-то долю секунды противника не было видно, потом корабль Карсона развернулся, и тот снова появился на экране - Карсон увидел, как он круто снижается к Земле.

К Земле?!

Какая-то оптическая иллюзия, не иначе. Этой планеты, теперь занимавшей весь экран, не могло быть здесь. Просто не могло. Вокруг не было ни одной планеты ближе, чем Нептун, а он был в трех миллиардах миль. Плутон находился по другую сторону Солнца, которое виднелось отсюда крохотной точкой.

А как же системы слежения? Они не обнаруживали никакого предмета размером хотя бы с астероид. Сигналы молчали и сейчас.

Этого не могло быть - того, к чему он приближался и что было уже в нескольких сотнях миль под ним.



Иллюстрации WILLAMS

Внезапная угроза катастрофы заставила его забыть даже о противнике. Он включил передние тормозные ракеты и, повиснув на ремнях, изо всех сил навалился на штурвал аварийного разворота, зная, что только полная мощность

двигателей спасет его от катастрофы и что от таких перегрузок он сейчас потеряет сознание.

* * *

А теперь он сидел на горячем голубом песке, совершенно голый, но целый и невредимый. Вокруг не было никаких следов его космолета, да и самого космоса. Эта поверхность над головой никак не могла быть небом.

Он, шатаясь, встал на ноги. Сила тяжести была немного больше земной. Не намного.

Кругом простирался ровный песок. Кое-где группами росли какие-то тощие кустики. Они тоже были голубые, но разных оттенков - одни светлее, чем туесок, другие темнее.

Из-под ближайшего куста выбежало маленькое животное, похожее на ящерицу, только у него было не четыре ноги, а гораздо больше. Оно тоже было голубым - светло-голубым. Увидев Карсона, оно снова спряталось под куст.

Боб снова посмотрел вверх, пытаясь сообразить, что же там такое. Это не было похоже на крышу, однако имело форму купола. Оно мерцало, и смотреть на него было трудно. Но оно определенно со всех сторон доходило до самой земли - до голубого песка.

Боб стоял недалеко от центра купола. До ближайшей стены - если это стена - было метров сто. Над плоской поверхностью песка как будто было опрокинуто какое-то голубое полушарие метров 250 в окружности.

И все было голубое, кроме одного предмета. У дальней стороны круглой стены лежало что-то багровое. Это был почти правильный шар диаметром около метра. Он был слишком далеко, чтобы его можно было ясно разглядеть в этом голубом мерцании. И все-таки Картон почему-то содрогнулся.

Он вытер пот со лба тыльной частью руки.

Что это, кошмар? Эта жара, этот песок, это смутное ощущение ужаса при одном взгляде на багровый шар?

Сон? Не может быть: во время космического боя не засыпают.

Смерть? Невозможно: если бессмертие и существует, то в нем не может быть этого бессмысленного голубого песка, голубого жара и багрового ужаса.

И тогда он услышал голос.

Он услышал его не ушами - голос зазвучал внутри его головы. Он шел ниоткуда и отовсюду.

"Путешествуя в пространстве и времени, - зве-

нело у него в мозгу, - я обнаружил две цивилизации, готовые начать войну, которая истребила бы одну из них и настолько ослабила бы другую, что она неизбежно регрессировала бы и уже никогда не выполнила бы своего предназначения, а распалась бы и вернулась в прах, из которого она поднялась. Но этого не должно случиться".

"Кто... ты?" - Карсон не сказал это вслух, но вопрос возник у него в мозгу.

"Ты не сможешь этого правильно понять. Я... - голос замолк, как будто искал в мозгу Карсона слово, которого там не было, которого он не знал. - Я результат эволюции цивилизации такой древней, что ее возраст нельзя выразить понятными для тебя словами. Цивилизации, слившейся в единое целое, каким может стать и твоя примитивная цивилизация... - снова пауза, подыскивание слова, - много времени спустя. Такими могут стать и те, кого ты называешь Пришельцами. Поэтому я и вмешался перед началом битвы, столь равной, что результатом ее будет истребление обеих цивилизаций. Одна из них должна выжить. Выжить, чтобы развиваться дальше".

"Одна? - подумал Карсон. - Моя или..."

"В моих силах прекратить войну, послать При-

шельцев назад, в свою галактику. Но они все равно вернутся, или же вы рано или поздно их найдете. Только постоянным вмешательством мог бы я предотвратить взаимное истребление, но я не могу остаться. Поэтому я решил вмешаться сейчас. Я полностью истреблю один флот без всяких потерь для другого. Так одна из цивилизаций сможет выжить".

"Кошмар. Конечно, это кошмар", - подумал Карсон. Но он знал, что это не кошмар.

Все это было слишком бредово, слишком невероятно, чтобы не происходить на самом деле.

Он не осмелился задать вопрос - который? Но его мысли задали этот вопрос сами.

"Выживет сильнейший, - сказал голос. - Этого я не могу - и не стал бы - изменять. Я просто вмешаюсь, чтобы это была настоящая, а не... - снова пауза, - а не Пиррова победа, чтобы победившая цивилизация не была ею сломлена.

Я выбрал двух индивидуумов - тебя и Пришельца. Я вижу, что в вашей древней истории, истории межнациональных войн, известны поединки между представителями племен, решавшие исход борьбы.

Тебе и твоему противнику предстоит выдержать поединок. Оба вы наги и безоружны,

обстановка одинаково незнакома обоим, одинаково неприятна для обоих. Время не ограничено - здесь нет времени. Один из вас победит. Его цивилизация выживет".

- Но... - Карсон сам не знал, что он хотел сказать, но голос ответил:

"Это справедливо. Условия таковы, что решит не случайное физическое превосходство. Между вами барьер. Ты поймешь. Ум и мужество будут важнее силы. Особенно мужество - воля к жизни".

- Но пока это будет происходить здесь, наши космолеты...

"Нет, вы в ином времени, ином пространстве. Пока вы здесь, в известном вам мире время стоит на месте. Я вижу, ты думаешь, на самом ли деле все это существует. И да и нет. Но для тебя сейчас это существует на самом деле. То, что ты здесь перенесешь, будет на самом деле. И если ты умрешь, ты умрешь на самом деле. А твоя смерть будет концом всей вашей цивилизации. Теперь ты знаешь достаточно".

И голос умолк.

Карсон снова остался один. Нет, не один - он поднял глаза и увидел, что тот багровый предмет, тот страшный шар, который, как он теперь знал,

и есть Пришелец, катится к нему.

Катится.

У него как будто не было ни рук, ни ног, никаких внешних придатков. Он катился по голубому песку, как капля ртути. А перед ним каким-то образом распространялась парализующая волна головокружительной, одуряющей, страшной ненависти.

Карсон огляделся. В нескольких футах от него в песке лежал камень - единственное, что могло сойти за оружие. Камень был невелик, но с острыми краями, как у осколка кремня. Он и похож был на голубой кремень.

Карсон схватил камень и пригнулся, готовый отразить нападение. Противник приближался - он двигался быстрее, чем мог бы бежать Карсон.

Некогда было думать о том, как сражаться с ним, да и как можно было заранее представить себе сражение с существом неизвестной силы, неведомого устройства, с неизвестными приемами борьбы?

Десять метров. Пять. И тут оно остановилось.

Вернее, его что-то остановило. Его передняя часть вдруг стала плоской, как будто оно наткнулось на невидимую стену. Оно даже отскочило назад.

Потом оно снова покатилось вперед, но уже медленнее, осторожнее. И в том же месте снова остановилось. Попробовало в другом месте - и тоже остановилось.

Между ними был какой-то барьер. И Карсон вспомнил: "Дело решит не случайное физическое превосходство. Между вами барьер".

Это, конечно, какое-то силовое поле. Не поле Нетци, известное на Земле: оно светилось и потрескивало. Это же было невидимо и не издавало никаких звуков.

Барьер шел от одного края перевернутого полушария до другого. Карсону не пришлось самому в этом удостовериться - это сделал Пришелец. Он боком прокатился вдоль барьера и не нашел прохода.

Карсон сделал полдюжины шагов вперед, протянув перед собой левую руку, и наконец коснулся барьера. Он был гладкий, упругий, похожий больше на резину, чем на стекло. Теплый на ощупь, но не теплее песка под ногами. И он был совершенно невидим, даже вблизи.

Он бросил камень и налег на барьер обеими руками. Барьер как будто чуть подался. Но не больше, даже после того как Карсон навалился на него всем своим весом. Это было похоже на сталь,

покрытую слоем резины. До какого-то предела - упругость, а дальше - несокрушимая твердость.

Он привстал на носки, но там, куда он мог дотянуться, барьер был.

Пришелец, докатившись до края арены, возвращался. Карсона снова охватило головокружение и тошнота, и он отступил от барьера. Но Пришелец не остановился.

А далеко ли простирается барьер вниз? Карсон встал на колени и начал разрывать песок. Песок был легкий, рыхлый, копать его было легко. Он выкопал яму глубиной в два фута - и барьер там все еще был.

Пришелец снова катился к нему. Очевидно, он нигде не нашел прохода.

Но ведь должен же быть способ проникнуть через барьер, подумал Карсон. Мы должны как-то добраться друг до друга. Иначе вся эта дуэль бессмысленна.

Но не надо спешить. Сначала нужно попробовать кое-что еще. Пришелец уже вернулся и остановился по ту сторону барьера, всего в каких-нибудь двух метрах от Карсона. Казалось, он разглядывает его, хотя Карсон никак не мог обнаружить у него каких бы то ни было органов чувств. Ничего похожего на глаза, уши, даже на

рот. Впрочем, теперь он увидел на поверхности с десяток выемок, и как раз в это время из двух таких выемок внезапно высунулись два щупальца, которые погрузились в песок, как будто пробуя его плотность. Щупальца были около дюйма диаметром и фута в полтора длиной. Они убирались в выемки, когда в них не было нужды - например, когда Пришелец катился. К его способу передвижения они, очевидно, не имели отношения. Насколько Карсон мог судить, Пришелец перекатывался, как-то изменяя положение своего центра тяжести, хотя как он мог это делать, Карсон не имел даже отдаленного представления.

Еще раз поглядев на Пришельца, он содрогнулся. Это было существо, до жути чуждое всему земному, всем формам жизни, обнаруженным на других планетах Солнечной системы. И он инстинктивно почувствовал, что разум, которым наделено это существо, так же чужд всему земному, как и его организм.

Но попробовать нужно было. Если это существо не обладает телепатическими способностями, попытка обречена на неудачу. Но Карсону казалось, что такие способности у Пришельца есть. Во всяком случае, он распространял вокруг себя почти ощутимую волну ощущения - ощущения

ненависти. А раз так, то, может быть, он сможет и читать мысли.

Карсон поднял камень - свое единственное оружие, потом демонстративно швырнул его на землю и поднял перед собой пустые руки ладонями вперед. Он заговорил, хотя и знал, что его слова будут непонятны для этого существа, - но он подумал, что так ему легче будет сосредоточиться на мыслях, которые он хотел передать.

- А может быть, заключим мир? - сказал он, и его голос странно прозвучал в абсолютной тишине. - Нам сказали, что произойдет, если наши цивилизации будут воевать друг с другом: истребление одной и ослабление и регресс другой. Исход сражения зависит от того, чем кончится дело у нас здесь. Не заключить ли нам мир - вы остаетесь в своей галактике, мы - в своей?

Карсон отключил все свои мысли, чтобы получить ответ.

И ответ пришел - он обрушился на него почти физически, так что Карсон пошатнулся. Он даже отступил на несколько шагов в ужасе от силы и глубины той ненависти, той жажды убивать, которые открылись перед ним в переданных Пришельцем образах. Не в членораздельных словах, как передавались ему мысли Единого Существа, а

в волнах дикой ярости. Какое-то мгновение, показавшееся ему вечностью, он боролся с силой этой ненависти, чтобы очистить от нее свой разум и отогнать чуждые мысли, которые он допустил себе в голову. Его затошнило.

Его разум понемногу освободился, как человек, очнувшийся от кошмара, понемногу разрывает бредовые нити, которыми был опутан. Карсон еще задыхался и ощущал слабость, но он уже мог думать.

Он стоял, разглядывая Пришельца. Тот не двигался с места, пока длилась эта дуэль, которую он чуть не выиграл. Теперь он откатился на несколько футов в сторону, к ближайшему голубому кусту. Из выемок показались три щупальца и начали ощупывать куст, ветка за веткой.

- Что ж, - сказал Карсон, - война так война.

Ему удалось даже криво ухмыльнуться.

- Если я правильно тебя понял, мир тебя не устраивает.

И, не в силах удержаться от красивой фразы, добавил:

- Война - не на жизнь, а на смерть!

Но в этой абсолютной тишине его слова прозвучали глупо - даже он сам это почувствовал. И тут он понял, что война будет в самом деле не

на жизнь, а на смерть. И его смерть - или смерть этого круглого существа - будет смертью целой цивилизации. Если он потерпит поражение, это приведет к гибели человечества.

При этой мысли он вдруг почувствовал робость. Ведь он знал это наверняка, вне всякого сомнения. Он почему-то знал, что тот, кто устроил этот поединок, говорил правду о своих намерениях и возможностях. Без дураков.

Будущее человечества зависит от него. Об этом было страшно подумать, и он отогнал эту мысль. Нужно было подумать о насущных делах.

Должен же быть какой-нибудь способ проникнуть через барьер - или убивать через барьер.

С помощью телепатии? Он надеялся, что нет, потому что телепатические способности Пришельца явно превосходили человеческие. А может быть, не превосходили? Ведь смог же он изгнать из своего разума мысли Пришельца. А Пришелец? Если у него сильнее развита способность передавать свои мысли, не делает ли это его более уязвимым для чужих?

Карсон уставился на Пришельца и сконцентрировал на нем всю силу своих мыслей.

- Умри, - подумал он. - Ты сейчас умрешь. Ты умираешь. Ты...

Он пробовал несколько раз, в разных вариантах, пробовал передавать образы. Пот выступил у него на лбу, он весь дрожал от напряжения. Но Пришелец продолжал ощупывать куст - все это произвело на него не большее впечатление, чем если бы Карсон декламировал таблицу умножения.

Значит, ничего не вышло.

От жары и страшного напряжения мысли он снова почувствовал слабость и головокружение. Он присел на песок отдохнуть и занялся внимательным изучением Пришельца. Может быть, так он сможет обнаружить его сильные и слабые стороны, узнает о нем что-нибудь такое, что может пригодиться, когда дойдет дело до рукопашной.

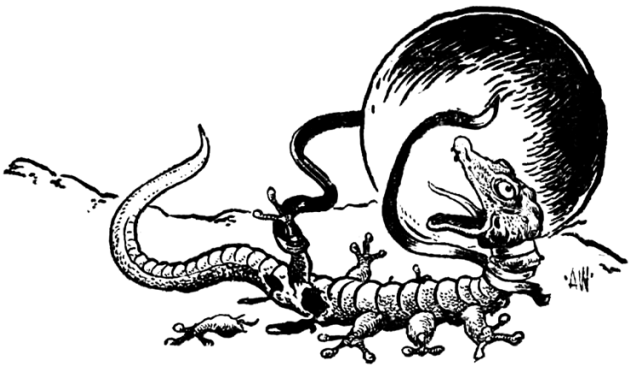
Пришелец обламывал веточки. Карсон внимательно следил за ним, пытаясь определить, каких это требует от него усилий. Надо будет найти такой же куст на моей стороне, подумал он, самому сломать такие же веточки и сравнить силу моих рук и этих щупалец. Веточки отламывались с трудом; он видел, что Пришельцу приходилось с каждой изрядно повозиться. Каждое щупальце на конце раздваивалось, образуя два пальца с когтем на каждом. Когти выглядели не особенно

опасными. Не опаснее человеческих ногтей, если дать им немного подрасти.

Нет, в общем с ним не так трудно будет справиться. Конечно, если эти кусты не очень крепкие. Карсон огляделся и увидел точно такой же куст рядом с собой. Он протянул руку и отломил веточку. Она оказалась хрупкой и непрочной. Конечно, Пришелец мог нарочно скрывать свою силу, но вряд ли.

С другой стороны, где его уязвимые места? Как, собственно, можно его убить, если представится такая возможность? Он снова начал изучать противника. Его внешняя оболочка выглядела довольно крепкой. Понадобится какое-нибудь острое оружие. Карсон опять поднял камень. Он был дюймов 12 длиной, узкий и с одним довольно острым краем. Если бы он расщеплялся, как кремень, из него можно было бы сделать вполне приличный нож.

Пришелец продолжал исследовать кусты. Он подкатился к ближайшему кусту другой разновидности. Из-под куста выскочила голубая многоногая ящерка - точно такая же, какую Карсон видел на своей стороне.



Щупальце Пришельца метнулось, схватило ее и подняло в воздух. Другое щупальце начало обрывать ей ноги - спокойно и равнодушно, как будто это были веточки. Ящерка судорожно билась, издавая резкий визг - первый звук, который Карсон услышал здесь, если не считать его собственного голоса.

Карсон содрогнулся, ему захотелось отвести взгляд. Но он заставил себя смотреть - все, что он

узнает о Пришельце, мотает оказаться полезным. Полезно даже видеть эту ненужную жестокость. Будет просто приятно прикончить это существо, если это удастся.

Именно поэтому он сдержал отвращение и продолжал смотреть, как Пришелец рвет ящерку на куски.

Но он обрадовался, когда ящерка, у которой была уже оторвана половина ног, умолкла, перестала биться и висела мертвая в щупальцах Пришельца.

Тот не стал отрывать ей остальные ноги и пренебрежительно отшвырнул ее тело в сторону Карсона. Мертвая ящерка упала у самых его ног.

Она миновала барьер! Барьера больше нет!

Карсон мгновенно вскочил, крепко сжимая в руке нож, и прыгнул вперед. Сейчас он с ним расправится! Если барьера нет...

Но барьер был. Он убедился в этом на горьком опыте, налетев на него головой и чуть не потеряв сознание от удара. Его отбросило назад, и он упал.

Когда он снова сел, тряся затуманенной головой, он заметил, что в его сторону что-то летит, и, чтобы увернуться, распластался на песке. Он уберег свое туловище, но ощутил внезапную

острую боль в левой икре.

Не обращая внимания на боль, он откатился назад и поднялся на ноги. Теперь он видел, что в него попал камень, а Пришелец уже поднял другой, захватив его двумя щупальцами, и замахнулся для броска.

Камень полетел в Карсона, но он легко увернулся. Пришелец, очевидно, не мог бросать камни сильно и далеко. Первый камень попал в него только потому, что он сидел и не видел его приближения.

Увернувшись от слабо брошенного второго камня, Карсон запустил в Пришельца своим камнем, который все еще был у него в руке. Он вдруг обрадовался, подумав: если камни могут перелетать через барьер, то стоит этим заняться. Человек с сильной рукой и точным глазомером...

На расстоянии четырех метров он не мог промахнуться по трехфутовой мишени, и он не промахнулся. Камень полетел точно и сильно - в несколько раз быстрее, чем камни, брошенные Пришельцем. Он попал в самую середину, но, к несчастью, попал плашмя, а не острым концом.

Тем не менее он попал - раздался увесистый удар, и Пришелец явно его почувствовал. Он в это время искал еще камень, но теперь передумал

и откатился назад. К тому времени, как Карсон приготовился к новому броску, Пришелец был уже в сорока метрах от барьера и продолжал катиться назад.

Во второй раз Карсон промахнулся на несколько футов, а третий камень не долетел до цели. Пришелец был вне пределов досягаемости - во всяком случае, для достаточно тяжелого камня, который мог бы причинить ему вред.

Карсон усмехнулся. Этот раунд он выиграл. Если не считать...

Он нагнулся, чтобы посмотреть, что у него о ногой, и улыбка исчезла с его губ. Острый край камня нанес ему довольно глубокую рану в несколько дюймов длиной. Она сильно кровоточила, хотя артерия, скорее всего, задета не была. Если кровотечение прекратится само, все будет в порядке. А если нет, дело плохо.

Но нужно было заняться кое-чем поважнее этой раны. Устройством барьера.

Он снова подошел к барьеру, вытянув вперед руки. Он нашел барьер и, упираясь в него одной рукой, швырнул в него горсть песка. Песок пролетел насквозь, а его рука - нет.

Органика и неорганика? Нет, потому что сквозь барьер пролетела мертвая ящерка, а ящерка, да-

же мертвая, - это все равно органика. А растение? Он отломал сучок и ткнул им в барьер. Сучок прошел насквозь, но когда до барьера дотронулись его пальцы, сжимавшие сучок, они не прошли.

Значит, Карсона барьер не пропускает и Пришельца тоже. А камни, песок, мертвую ящерицу...

А живая ящерица? Он принялся охотиться за ними под кустами и скоро поймал одну. Он осторожно бросил ее в барьер, и она отлетела назад и побежала прочь по голубому песку.

Насколько можно было судить, это был окончательный ответ. Барьер преграждал путь живым существам. Неживое и неорганическое вещество могло проникать сквозь него.

Выяснив это, Карсон снова взглянул на свою раненую ногу. Кровотечение ослабло - это значило, что ему не нужно думать о турникете. Но нужно было разыскать немного воды, чтобы обмыть рану.

При мысли о воде он понял, что страшно хочет пить. Если схватка затянется, рано или поздно необходимо будет найти воду.

Слегка хромая, он начал обход своей половины арены. Касаясь барьера одной рукой, он дошел до полукруглой стены. Она была видима - вблизи

она казалась серо-голубой - а на ощупь была точно такая же, как и барьер.

Карсон на всякий случай бросил в нее горсть песка - песок прошел насквозь и исчез из виду. Значит, полукруглая стена - это тоже силовое поле. Но сплошное, а не прозрачное, как барьер.

Он пошел вдоль стены, пока не вернулся к барьеру, а потом вдоль барьера к тому месту, с которого начал.

Воды не было и следов.

Обеспокоенный, он начал ходить зигзагами между барьером и стеной, внимательно разглядывая пространство между ними.

Воды не было. Голубой песок, голубые кусты, невыносимая жара. И больше - ничего.

"Наверное, мне только кажется, что я так уж страдаю от жажды", - сказал он себе. Сколько прошло времени? Конечно, по меркам его пространства-времени - нисколько. Ему же было сказано, что пока он здесь, там время стоит на месте. Но жизненные процессы в его организме идут и здесь. Сколько же прошло времени, если измерять его этими процессами? Вероятно, три-четыре часа. Во всяком случае, не так долго, чтобы начать серьезно страдать от жажды.

И все-таки он испытывал сильнейшую жажду.

В горле у него пересохло. Может быть, дело в жаре. А было в самом деле жарко! Наверное, градусов 55. Сухая жара без малейшего движения воздуха.

Он сильно хромал и был совершенно измучен к тому времени, как кончил бесплодный обход своих владений.

Он поглядел на неподвижного Пришельца и подумал: надеюсь, что и ему так же скверно. Очень может быть, что так и есть; Ведь нам сказали, что обстановка здесь одинаково незнакомая и одинаково неприятная для нас обоих. Может быть, на планете Пришельцев нормальная температура - градусов 90. Может быть, здесь, где Карсон медленно поджаривается, Пришелец замерзает.

А может быть, воздух здесь слишком плотен для Пришельца, как он слишком разрежен для Карсона. После прогулки он просто запыхался. Теперь он сообразил, что воздух здесь не плотнее, чем на Марсе.

И никакой воды.

Это означало, что для борьбы поставлен предел - во всяком случае, для него. Если он не найдет способа проникнуть сквозь барьер или убить врага, оставаясь по эту сторону, - рано или поздно его убьет жажда.

Он понял, что нужно спешить. Но все-таки он

заставил себя присесть, чтобы немного отдохнуть и подумать.

Что делать? Ничего. И тем не менее дел много. Вот, например, разные виды кустов. Они выглядят не очень многообещающими, но нужно внимательно их изучить. Потом нога: с ней что-то нужно сделать, хоть и без воды. Приготовить боеприпасы в виде камней. Найти камень, из которого можно было бы сделать хороший нож.

Нога к этому времени сильно разболелась, и он решил начать с нее. На одном из кустов росли листья или что-то вроде листьев. Он сорвал горсть листьев и решил рискнуть. Листьями он стер песок, грязь и запекшуюся кровь, потом сделал компресс из свежих листьев и привязал его к ноге усиками с того же куста.

Эти усики оказались неожиданно прочными. Они были тонкие, но зато гибкие и упругие, и он не мог их переломить, как ни старался. Пришлось отпиливать их острым краем голубого камня. Те усики, что были потолще, в длину достигали целого фута, и он на всякий случай запомнил, что, если их связать по нескольку штук, получится вполне приличная веревка. Может быть, веревка ему пригодится.

Он продолжал исследовать кусты. Оставалось

еще три разновидности. Одни кусты были без листьев, сухие, хрупкие, похожие на сухое перекати-поле. Другие были мягкие и крошились, почти как гнилушка. Похоже было, что из них получится прекрасный трут для костра. Третьи были больше остальных похожи на деревья. У них были нежные листья, которые сворачивались при прикосновении, а стебли были хотя и короткими, но прочными и крепкими.

Было жарко. Невыносимо жарко.

Сильно хромая, Карсон подошел к барьеру и пощупал, здесь ли он еще. Барьер все еще был здесь.

Некоторое время он стоял и глядел на Пришельца. Тот держался на безопасном расстоянии от барьера и там что-то делал, двигаясь взад и вперед. Что он делал, Карсон разглядеть не мог.

Один раз он остановился, немного приблизился и как будто уставился на Карсона. И снова Карсону пришлось бороться с приступом тошноты. Он швырнул в Пришельца камнем, тот отступил и продолжал заниматься своим непонятным делом.

По крайней мере Карсон мог держать его на расстоянии.

"Очень много от этого толку", - подумал он с

горечью. Тем не менее следующие два часа он провел, собирая камни подходящей величины и складывая их в аккуратные кучки поблизости от барьера.

Горло у него горело. Он почти ни о чем не мог думать, кроме воды.

Но ему приходилось думать. О том, как проникнуть сквозь барьер, как добраться до этого существа и убить его, пока жара и жажда не убили его самого.

Барьер с обеих сторон доходил до стены. А вверху и внизу?

Некоторое время у Карсона в голове стоял какой-то туман, и он никак не мог сообразить, как бы ему это выяснить. Сидя неподвижно на голубом песке (а как он сел - этого он не помнил), он бесцельно смотрел, как голубая ящерка перебегает от одного куста к другому.

Карсон улыбнулся ей. Может быть, у него в голове что-то было неладно; потому что он вдруг вспомнил старые россказни марсианских колонистов: "...Скоро тебе становится так одиноко, что ты начинаешь заговаривать с ящерицами, а потом приходит время, когда они начинают тебе отвечать..."

Конечно, ему надо бы думать о том, как убить

Пришельца, но вместо этого он улыбнулся ящерице и сказал:

- Привет!

Ящерица сделала несколько шагов в его сторону.

- Привет! - ответила она.

Карсон оцепенел от изумления, а потом пришел в себя и разразился хохотом. И смеяться ему было не больно - не настолько уж у него пересохло горло.

А почему бы и нет? Почему бы существу, которое изобрело это кошмарное место, не обладать и чувством юмора? Говорящие ящерки, которые отвечают тебе на твоем языке, - разве это не мило?

Он улыбнулся ящерке и сказал:

- Иди сюда.

Но ящерка повернулась и убежала, перебегая от куста к кусту, пока не скрылась из виду.

Он снова почувствовал жажду.

И потом нужно что-то делать. Он не может победить, просто сидя здесь и предаваясь отчаянию. Нужно что-то делать. Но что?

Проникнуть сквозь барьер. Но он не может пройти сквозь него, не может и перелезть. А если подлезть под него снизу? И ведь к тому же, чтобы найти воду, копают колодцы. Одним выстрелом

двух зайцев...

Преодолевая боль, Карсон подошел к барьеру и начал копать песок голыми руками. Это была медленная, трудная работа: песок осыпался, и чем глубже он копал, тем шире приходилось делать яму. Он не знал, сколько часов прошло, но на глубине четырех футов он уперся в скалу. Скала была совершенно сухой - никаких признаков воды.

А силовое поле доходило до скалы. Все зря. И воды нет. Ничего.

Он выполз из ямы и лег на песок, задыхаясь. Потом он поднял голову, чтобы посмотреть, что делает Пришелец. Должен же он что-то делать.

Так и есть. Он что-то сооружал из веток кустарника, связывая их тонкими усиками. Странное сооружение высотой фута в четыре, и почти квадратное. Чтобы разглядеть его получше, Карсон взобрался на кучу песка, которую он выкопал. Сзади из машины торчали два длинных рычага, один из них заканчивался углублением наподобие чашки. "Похоже на какую-то катапульту", - подумал Карсон.

И верно - Пришелец положил в чашку увесистый камень, одним щупальцем подвигал вверх-вниз другой рычаг, потом слегка повернул машину, как будто целясь, а потом рычаг с кам-

нем метнулся вверх и вперед.

Камень пролетел в нескольких метрах над головой Карсона, так далеко, что он даже не стал нагибаться, но он прикинул, на какое расстояние полетел камень, и присвистнул. Он не мог бы бросить камень такого веса дальше, чем на половину этого расстояния. И даже если он отступит к задней стене своих владений, эта машина достанет до него, когда Пришелец придвинет ее к самому барьеру.

Над ним пролетел еще камень - уже поближе.

"Это может быть опасно", - решил он. Нужно что-то предпринять.

Двигаясь из стороны в сторону вдоль барьера, чтобы катапульта не могла взять его в вилку, он запустил в нее десятком камней. Но он увидел, что от этого не будет никакого толку. Так далеко он мог бросать только небольшие камни. И если они попадали в машину, они отскакивали от нее, не причинив никакого вреда. А Пришелец на таком расстоянии легко увертывался от тех камней, которые падали около него.

Кроме того, у него сильно устала рука. От изнеможения у него болело все тело. Если бы только он мог немного отдохнуть и не увертываться каждые тридцать секунд от снарядов катапульты...

Он, шатаясь, отошел к задней стене. Но и это его не спасало. Камни долетали и туда, только реже, как будто приходилось дольше заводить механизм катапульты.

Он снова устало потащился к барьеру. Несколько раз он падал и с трудом поднимался на ноги. Он знал, что его силы на исходе. И все-таки он не мог остановиться, пока не выведет из строя эту катапульту. Стоит ему задремать, и больше он не проснется.

Первый проблеск идеи появился у него после очередного выстрела катапульты. Ее снаряд попал в одну из кучек камней, которые он запас у барьера, и от удара вылетела искра.

Искра. Огонь. Первобытные люди добывали огонь, высекая искры. А если использовать эти сухие крошащиеся кусты как топливо...

К счастью, один такой куст оказался как раз около него. Он сломал его, поднес к куче камней, а потом принялся терпеливо молотить камнем о камень, пока одна искра не попала на древесину, похожую на трут. Дерево занялось так быстро, что пламя обожгло ему брови, и превратилось в пепел за несколько секунд.

Но теперь он уже знал, что делать, и через несколько минут под защитой горки песка, кото-

рый он выкопал из ямы, горел маленький костер. На растопку он взял мягкие ветки, а огонь можно было поддерживать ветками другого куста, которые тоже горели, но медленнее.

Прочные усики, похожие на проволоку, почти не горели - с их помощью было легко делать зажигательные снаряды. Пучки хвороста с маленьким камнем внутри - для веса, обвязанные усиками с петлей, чтобы сильнее замахнуться.

Он запас полдюжины таких снарядов, потом зажег и бросил первый. Он не попал в цель, и Пришелец спешно начал отступать, таща за собой катапульту. Но у Карсона было готово еще несколько снарядов, и он швырнул их один за другим. Четвертый застрял в машине, и этого было достаточно. Пришелец тщетно пытался погасить расползавшееся пламя, закидывая его песком, - когтистые щупальца не могли захватить его помногу. Катапульта сгорела.

Пришелец откатился на безопасное расстояние от огня и снова сосредоточил свое внимание на Карсоне. Снова Карсон почувствовал эту волну ненависти и тошноты. Но уже слабее: или сам Пришелец ослабел, или Карсон уже научился защищаться от такого нападения.

Он показал Пришельцу нос и отогнал его камнями на почтительное расстояние. Пришелец откатился к задней стене своей половины и снова начал собирать ветки. Наверное, он собирался сделать еще одну катапульту.

Карсон в сотый раз проверил, действует ли еще барьер, и вдруг обнаружил, что сидит у самого барьера на песке, слишком ослабев, чтобы встать. В его раненой ноге распространялась пульсирующая боль, и жажда мучила его еще сильнее. Но

все это отступало на второй план перед полным изнеможением.

И жарой.

Вот это, наверное, и есть ад, подумал он. Ад, в который верили в древности. Он изо всех сил старался не заснуть, хотя не видел в этом особого смысла: все равно он ничего не может сделать, пока барьер остается непроходимым и Пришелец держится далеко у задней стены.

Но должен же быть какой-нибудь способ! Он попытался припомнить, что он читал в книгах по археологии о том, как воевали когда-то, до появления металла и пластиков. Первым оружием был как будто камень для метания. Ну, это у него уже было. Единственным усовершенствованием этого оружия была катапульта, вроде той, какую построил Пришелец. Но Карсон никогда не сможет такую сделать: кусты могли дать только крохотные веточки, длиной не больше фута. Он, конечно, мог бы придумать что-нибудь и из них, но для этого понадобилось бы несколько дней, а у него уже мало сил.

Несколько дней? Но Пришелец же ее построил. Неужели прошло несколько дней? Но тут он вспомнил, что у Пришельца много щупалец и что он, несомненно, может работать быстрее.

Кроме того, катапульта не решит исхода борьбы. Нужно придумать что-нибудь получше.

Лук и стрелы? Нет! Он как-то пробовал стрелять из лука и знал, что у него ничего не получится. Даже с современным спортивным стальным луком точного боя. А из примитивного самодельного лука, какой он мог бы соорудить здесь, он вряд ли сможет стрелять дальше, чем бросает камни, и наверняка уж не так точно.

Копье? Это он может сделать. Его будет бессмысленно метать, но оно может пригодиться в рукопашной - если дело дойдет до рукопашной.

И потом это даст ему хоть какое-то занятие. Отвлечет его от бредовых мыслей, которые уже лезут к нему в голову. Ему уже время от времени приходилось делать усилие, чтобы вспомнить, зачем он здесь, зачем ему нужно убить Пришельца.

К счастью, он лежал поблизости от одной из заготовленных кучек камней. Он перебрал их, пока не нашел один осколок, формой напоминавший наконечник копья. Другим, маленьким камнем он начал обтесывать его, стараясь придать ему такую форму, чтобы он, воткнувшись в тело, не мог выйти обратно.

Что-нибудь вроде гарпуна? В этом что-то есть,

подумал он. Для этого сумасшедшего сражения гарпун лучше, чем копье. Если бы поразить им Пришельца, и если к гарпуну будет привязана веревка, он сможет притянуть Пришельца к барьеру - и тогда, даже если его руки не смогут проникнуть на ту сторону, это сделает каменное лезвие ножа.

Древко было труднее сделать, чем наконечник. Но, расколов вдоль и соединив самые толстые стволы четырех кустов и обвязав сочленения тонкими, но крепкими усиками, он сделал прочное древко фута в четыре длиной и к концу его привязал каменный наконечник. Получилось коряво, но надежно.

Теперь веревка. Из тонких, крепких усиков он сплел веревку футов в двадцать длиной. Веревка была легкой и казалась непрочной. Но он знал, что она легко выдержит его вес. Один конец ее он привязал к древку гарпуна, а другой обвязал вокруг правого запястья. Теперь, бросив гарпун сквозь барьер, он во всяком случае - сможет вытянуть его обратно, если промахнется.

Когда он затянул последний узел и не знал, что делать дальше, он почувствовал, что жара, усталость, боль в ноге и страшная жажда стали вдруг во сто раз сильнее.

Он попытался встать, чтобы посмотреть, что делает Пришелец, и обнаружил, что не может подняться на ноги. С третьей попытки он ухитрился встать на четвереньки и снова упал на песок.

"Надо поспать, - подумал он. - Если сейчас дойдет до схватки, я ничего не смогу сделать. Он мог бы сейчас подойти и убить меня, если бы он знал. Нужно немного отдохнуть".

Преодолевая боль, он с трудом пополз от барьера.

* * *

Что-то ударилось о песок рядом с ним и пробудило его от ужасного, запутанного сна к еще более ужасной реальности. Он открыл глаза и снова увидел голубое мерцание над голубым песком.

Сколько времени он спал? Минуту? День?

Рядом упал еще один камень, уже ближе. Его осыпало леском. Он уперся руками, сел, повернулся и увидел Пришельца в двадцати ярдах от себя, у самого барьера.

Как только Карсон сел, Пришелец поспешно укатился прочь и остановился только у задней стены.

Карсон понял, что заснул слишком рано, когда

был еще в пределах досягаемости для камней, брошенных Пришельцем. А тот, увидев, что он лежит неподвижно, осмелился подойти к барьеру и начал бросать в него камнями. К счастью, Пришелец не знал, насколько Карсон ослабел - иначе он остался бы здесь и продолжал бросать камни.

Долго ли он спал? Наверное, нет, потому что чувствовал себя точно так же, как и раньше. Сил у него не прибавилось, жажда не усилилась, - никакой разницы. Может быть, прошло всего несколько минут.

Он снова прополз, на этот раз заставляя себя ползти дальше и дальше, пока бесцветная, непрозрачная внешняя стена арены не была всего в метре от него. Тогда он снова заснул...

Когда он проснулся, ничего вокруг не изменилось, но на этот раз он знал, что спал долго.

Первое, что он ощутил, была сухость в запекшемся рту. Язык распух.

Медленно приходя в сознание, он понял: что-то неладно. Он уже не чувствовал такой усталости - изнеможение прошло. Но он чувствовал сильнейшую боль. И когда он попробовал пошевелиться, он понял, что источник ее - нога.

Он поднял голову и посмотрел. Нога ниже колена ужасно распухла, и опухоль распространилась

до половины бедра. Усики растений, которыми он привязал к ране компресс из листьев, теперь глубоко впились в раздувшуюся ногу. Просунуть под них нож оказалось невозможно. К счастью, последний узел пришелся над костью голени, спереди, где прутья впились не так глубоко. Собрав все силы, он развязал узел.

Взглянув под повязку, он увидел самое худшее, что только могло быть. Заражение - очень сильное и ползущее кверху.

И не имея лекарств, не имея бинтов, не имея даже воды, он ничего не мог с этим поделать.

Разве что умереть, когда заражение охватит все тело.

Теперь он понял, что надежды нет. Он побежден.

И вместе с ним - человечество. Когда он умрет здесь, там, в его мире, умрут все его друзья, все люди. Земля и ее колонии на планетах станут вотчиной чуждых всему земному Пришельцев. Кошмарных, нечеловеческих созданий, которые получают удовольствие, разрывая на часты живых ящериц.

Эта мысль придала ему мужества, и он пополз вперед, почти ничего не видя от боли, вперед, к барьеру. Теперь уже не на четвереньках, а

ползком, отталкиваясь ногами и подтягиваясь на руках.

Оставался один шанс из миллиона, что, когда он доберется до барьера, у него хватит сил один-единственный раз бросить свой гарпун и попасть, если - еще один шанс из миллиона - Пришелец тоже окажется около барьера. Или если барьер исчезнет.

Ему показалось, что понадобились годы, чтобы доползти до барьера. Барьер был на месте. Такой же непроходимый, как и тогда, когда он впервые его нащупал.

А Пришельца у барьера не было. Приподнявшись на локтях, Карсон увидел его в задней части той половины арены - он был занят постройкой деревянной рамы, которая была наполовину готовой копией уничтоженной Карсоном катапульты.

Движения Пришельца были медленными - несомненно, он тоже ослабел; Но Карсон подумал, что вряд ли Пришельцу понадобится вторая катапульта. Он подумал, что умрет раньше, чем тот ее закончит.

Если бы приманить его к барьеру, пока он еще жив... Карсон замахал рукой и попытался крикнуть, но его запекшиеся губы не могли

произнести ни звука. Или если бы проникнуть сквозь барьер...

На него, наверное, нашло какое-то затмение, потому что он обнаружил, что в тщетной ярости колотит кулаками по барьеру. Он заставил себя остановиться, закрыл глаза, пытаясь успокоиться.

- Привет, - произнес какой-то тоненький голос. Он был похож на голос...

Карсон открыл глаза и повернулся. Это в самом деле была ящерка.

"Уйди, - хотел сказать Карсон. - Уйди. Тебя на самом деле нет, а если ты тут, то ты не можешь говорить. Мне опять мерещится".

Но он не мог произнести ни слова - его рот и горло совершенно высохли. Он снова закрыл глаза.

- Больно, - сказал голос. - Убей. Больно. Убей. Иди.

Он снова открыл глаза. Десятиногая голубая ящерка была еще тут. Она пробежала немного вдоль барьера, вернулась, опять пробежала, опять вернулась.

- Больно, - сказала она. - Убей. Иди.

Снова она отбежала, опять вернулась. Она явно хотела, чтобы Карсон последовал за ней вдоль барьера.

Он снова закрыл глаза. Голос не умолкал. Все те же три бессмысленных слова. Каждый раз, как он

открывал глаза, она отбегала и возвращалась.

- Больно. Убей. Иди.

Карсон застонал. Проклятое создание не оставит его в покое, пока он не последует за ним. Он пополз следом за ящеркой. До него донесся другой звук - тонкий визг. Он становился громче.

На песке что-то лежало, извиваясь и корчась. Что-то маленькое и голубое - похожее на ящерку и в то же время...

Тут он понял, что это такое - это ящерка, у которой Пришелец отрывал ноги. Это было так давно... Но она была жива; она пришла в себя и теперь, визжа, корчилась в агонии.

- Больно, - сказала другая ящерка. - Больно. Убей. Убей.

Карсон понял. Он вытащил из-за повязки каменный нож и убил изувеченное создание. Живая ящерка быстро ускользнула.

Карсон повернулся к барьеру. Припав к нему руками и лицом, он смотрел, как вдалеке Пришелец мастерит катапульту.

"Если бы добраться туда, - думал он. - Если бы попасть на ту сторону. Я бы еще мог победить. Кажется, он тоже ослабел. Я мог бы..."

Снова на него надвинулась черная безнадежность; его воля отступила перед болью, и он

подумал, что лучше было бы умереть. Он позавидовал ящерке, которую только что убил. Ей не пришлось больше страдать. А ему придется. Может быть, часы, может быть, дни - пока он не умрет от заражения крови.

Если бы можно было самого себя этим ножом...

Но он знал, что не сможет это сделать. Пока он жив, есть хоть один шанс из миллиона...

Он изо всех сил нажимал руками на барьер, как будто хотел оттолкнуть его от себя. Он заметил, какими тонкими и костлявыми стали его руки. Наверное, он здесь уже долго, уже много дней.

Сколько же осталось ему жить? Сколько времени он еще может терпеть жару, жажду и боль?

Некоторое время он был близок к истерике, но потом пришло глубокое спокойствие и с ним - потрясающая мысль.

Ящерка, которую он только что убил. Она пересекла барьер, когда была еще жива! Она была на стороне Пришельца; тот оборвал ей ноги и презрительно отшвырнул сюда, и она пролетела сквозь барьер. Он-то подумал - это потому, что она мертва.

Но она была жива! Она была всего лишь без сознания.

Живая ящерка не может пересечь барьер, но

если она без сознания - это возможно. Значит, барьер непроходим не для живой материи, а для мыслящей материи!

И с этой мыслью Карсон пополз вдоль барьера, чтобы сделать последнюю отчаянную ставку. Надежда была так ничтожна, что только умирающий мог бы ухватиться за нее.

Нет смысла взвешивать шансы на успех. Потому что если он откажется от этой попытки, они почти равны нулю.

Он дополз до кучи песка высотой фута в четыре, которую он накопал, пытаясь - сколько дней назад это было? - подкопаться под барьер или найти воду.

Куча была у самого барьера - один ее склон наполовину заходил на ту сторону.

Взяв камень из соседней кучи, он забрался на холмик, миновал его вершину и улегся, опершись на барьер так, что, если бы барьер вдруг исчез, он скатился бы по склону на вражескую территорию.

Он проверил, на месте ли нож, удобно ли лежит в его левой руке гарпун и прочно ли привязана к нему и к запястью веревка.

Потом он поднял правой рукой камень, которым сейчас ударит себя по голове. Придется

положиться на везение: удар должен быть настолько сильным, чтобы он потерял сознание, но не настолько, чтобы это было надолго.

Он чувствовал, что Пришелец следит за ним, что тот увидит, как он скатится сквозь барьер, и непременно приблизится, чтобы выяснить, в чем дело; Карсон надеялся, что тот примет его за мертвого - он надеялся, что тот пришел к такому же выводу о барьере, как в свое время и он. Но Пришелец будет осторожен и-подойдет не сразу. Немного времени у него будет.

Он нанес удар...

Очнулся он от боли. От внезапной резкой боли в бедре, не похожей на пульсирующую боль в голове и в ноге.

Но, обдумывая все перед тем, как оглушить себя, он предвидел именно эту боль, даже надеялся на нее и приготовился очнуться, не выдавая себя никаким движением.

Лежа неподвижно, он чуть приоткрыл глаза и увидел, что его догадка оправдалась. Пришелец приближался. Он был футах в двадцати, и боль, от которой Карсон очнулся, причинил ему брошенный Пришельцем на всякий случай камень.

Он продолжал лежать неподвижно. Пришелец приближался. В пятнадцати футах он остановил-

ся. Карсон затаил дыхание.

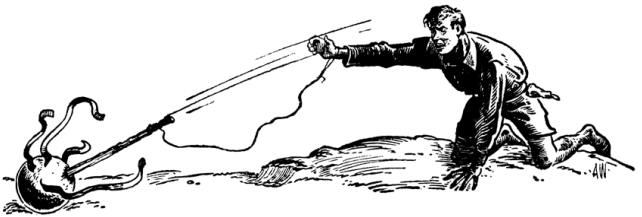
Он изо всех сил старался, чтобы у него в голове не было ни единой мысли, - иначе телепатические способности врага подскажут ему, что Карсон в сознании. Но тут на его мозг с потрясающей силой обрушились мысли Пришельца.

Он почувствовал дикий ужас от этих совершенно чуждых, иных мыслей, которые он ощущал, но не мог ни понять, ни выразить, потому что ни в одном земном языке не нашлось бы для них слов, ни в одной земной душе - представлений. Он подумал, что мысли паука, или богомола, или марсианской песчаной змеи, обрети они разум, показались бы по сравнению с этим родными и милыми.

Он теперь понял, что то таинственное существо было право. Человек или Пришелец - во всей Вселенной было место только для одного их них. Они были дальше друг от друга, чем бог или дьявол, - между ними не могло быть даже равновесия.

Ближе. Карсон ждал, пока он приблизится на несколько футов, пока он протянет к нему свои щупальца...

И тут, забыв про свои страдания и, собрав все оставшиеся силы, он сел, занес гарпун и бросил его.



Пришелец, с глубоко вонзившимся в него оружием, покатился прочь. Карсон попытался встать, чтобы броситься вдогонку, но не смог. Он упал и пополз вслед за противником.

Веревка размоталась и потянула Карсона за руку. Его протащило еще несколько футов, потом натяжение ослабло. Карсон продолжал двигаться вперед, подтягиваясь руками по веревке.

Пришелец остановился, размахивая щупальцами и тщетно пытаясь вытащить гарпун. Казалось, он задрожал, а потом, очевидно, поняв, что ему не уйти, прокатился назад к Карсону, протянув к

нему когтистые щупальца.

Карсон встретил его с ножом в руке. Он наносил удар за ударом, а эти ужасные когти рвали его кожу и мясо.

И вдруг Пришелец застыл в неподвижности.

* * *

Зазвонил звонок. Карсон открыл глаза, но не сразу сообразил, где он и что с ним. Он был пристегнут к сиденью своего космолета, и на экране перед ним не было ничего, кроме космической пустоты. Никакого противника, никакой немыслимой планеты.

Звонок вызова продолжал звенеть - кто-то хотел, чтобы он ответил. Чисто рефлекторным движением Карсон протянул руку и перебросил тумблер.

На экране появилось лицо Брандера - капитана судна-базы "Магеллан". Он был бледен, глаза его возбужденно сверкали.

- Карсон! Я - "Магеллан"! - рявкнул он. - Отбой. Все кончилось! Мы победили!

Экран померк - Брандер вызывал остальных патрульных.

Медленно Карсон вывел свой корабль на обратный курс. Медленно, не веря своим глазам и

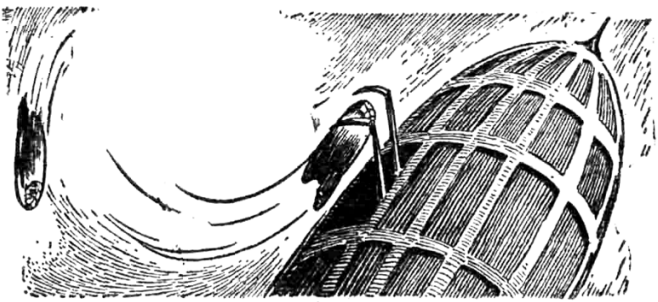
ушам, он отстегнулся от кресла и пошел к крану попить. Почему-то он чувствовал страшную жажду. Он выпил шесть стаканов.

Потом он прислонился к стене, собираясь с мыслями.

Было ли все это на самом деле? Он здоров, цел и невредим. Жажда была скорее воображаемой, чем настоящей: горло у него вовсе не пересохло. Нога...

Он задрал штанину и посмотрел на икру. Там был длинный белый шрам, но он давно зажил. Раньше никакого шрама здесь не было. Он расстегнул молнию на куртке и увидел, что его грудь и живот иссечены крохотными, почти незаметными и тоже совершенно зажившими шрамами.

Это было на самом деле.



Автопилот уже вводил его космолет в трюм базы. Захваты уложили его на место, и через мгновение зуммер сообщил, что шлюз заполнен воздухом. Карсон открыл люк и вышел наружу через двойную дверь шлюза.

Он направился прямо в кабинет Брандера, вошел и отдал честь.

Брандер выглядел все еще слегка ошалевшим.

- Привет, Карсон, - сказал он. - Ты такое пропустил! Вот это была картина!

- Что случилось, сэр?

- Точно не знаю. Мы дали один залп, и весь их

флот рассыпался в пыль! Что-то такое мгновенно перекинулось с корабля на корабль - даже на те, в которые мы не целились и которые были за пределами нашего огня. Весь флот был уничтожен на наших глазах, а у нас ни одной царапины! Мы даже не можем приписать себе эту честь. Наверное, в их металле была какая-нибудь нестабильная составная часть, и наш пристрелочный выстрел вызвал реакцию. Ух, что было! Жаль, что все обошлось без тебя.

Карсону удалось улыбнутъся. Это было жалкое подобие улыбки, - только много дней спустя он переживет все происшедшее, - но капитан не смотрел на него и ничего не заметил.

- Да, сэр, - сказал он. Здравый смысл, а не скромность, подсказал ему, что он навеки прослывет самым последним лжецом во всем космосе, если проговорится хоть словом. - Да, сэр, жаль, что все обошлось без меня.

Джеймс Шмиц
Ветры времени

В Ядре Звездного Скопления

Гефти Раммер шел по узкому проходу между командным отсеком и номерами люкс «Серебряной Королевы», стараясь придать своему изможденному лицу властно-самоуверенное выражение. Если бы оба его пассажира заподозрили, что за прошедшие несколько минут их пилот, и одновременно владелец фирмы «Раммер — Космические Путешествия», несколько раз был на грани нервного срыва, ни к чему хорошему это бы не привело.

Он открыл дверь в люкс мистера Молбоу и зашел туда. Мистер Молбоу лежал на спине на своей кушетке с закрытыми глазами. Он был бледен как смерть и не приходил в сознание: бедняга был сражен наповал, когда какие-то неведомые силы ни с того ни с сего принялись волтузить похожий на брюкву корпус «Серебряной Королевы». За всю восемнадцатилетнюю историю космических странствий «Королевы» никто так свирепо ее не колошматил. Рядом с кушеткой стояла на коленях Керри Руз, секретарша Молбоу, и щупала у патрона пульс. Она озабоченно взглянула на Гефти.

— Что тебе удалось выяснить, капитан? — спросила она дрогнувшим голосом.

Гефти пожал плечами:

— Пока ничего определенного. Хорошо, хоть корабль цел. Бадья крепкая, ничего не скажешь… В других же отношениях… Гм… в общем, я напялил скафандр и выглянул из аварийного люка. Та же картина, что и на обзорных мониторах.

— Значит, ты не имеешь ни малейшего понятия ни о том, что с нами приключилось, ни о том, где мы находимся? — настойчиво продолжала расспрашивать мисс Руз.

Девушка отличалась невысоким ростом, прекрасными большими серыми глазами и густыми иссиня-черными волосами. Она была боса и щеголяла в ночном прикиде, который состоял из чего-то мягкого, обернутого вокруг стана и бюста, и мягких широких брюк. Ее волосы были растрепаны. Сейчас она выглядела лет на пятнадцать, не старше. Она спала в своем люксе, когда на «Королеву» что-то шлепнулось. Тогда у нее хватило здравого смысла не вылезать из окружающего койку поля безопасности до тех пор, пока корабль окончательно не перестанет содрогаться и взбрыкивать. Таким образом, она оказалась единственной на борту, кто не собрал за время

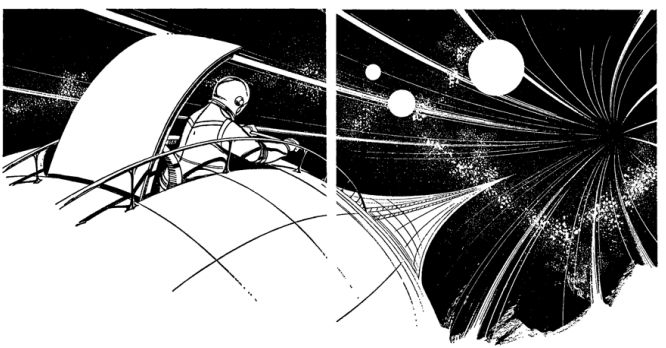
тряски солидную коллекцию синяков и ушибов. Разумеется, она была напугана, но держалась в этой нештатной ситуации молодцом.

Гефти осторожно произнес:

— Возможны разные варианты. Ясное дело, «Королеву» каким-то макаром вышибло из нормального пространства. Чтобы придумать, как вернуться обратно, потребуется некоторое время. Но главное, что корабль не поврежден. Так что пока все не так уж плохо.

Кое-как он убедил мисс Руз. А вот себя Гефти вряд ли успокоил. Он был квалифицированным пилотом нормального пространства и субпространства. Заключив небольшой договор с Военно-Космическими силами Федерации, он в течение последних восьми лет занимался в Ядре частным извозом на двух своих кораблях и нередко хаживал за пределы космических границ Звездного Скопления. Но он никогда не сталкивался ни с чем подобным. То, что он увидел на экранах мониторов, когда корабль более или менее обрел устойчивость, что позволило капитану оторваться от пола кабины управления, а через несколько минут с определенной прытью вынырнуть из аварийного люка, не поддавалось никакому осмыслению, а, может, и не имело

никакого смысла. Судя по показаниям приборов, за обшивкой «Королевы» находился вакуум, и стояла темень хоть глаз выколи. Правда, периодически вспыхивали какие-то огоньки. Их блеск длился не дольше мгновения, и они возникали то тут, то там, словно булавочные уколы. И еще одно явление поразило Гефти: нечто, отдаленно напоминающее гигантский взрыв.



Иллюстрации BROTMAN

Внезапно окружающее пространство далеко впереди «Королевы» озарила ослепительная мертвенно-бледная вспышка, и некоторое мгновение можно было наблюдать, как она, казалось, стремительно движется навстречу. У Гефти создалось устойчивое впечатление, что сам звездолет, набирая скорость, с трудом вгрызается в эту жуткую среду. Однако капитан прекрасно помнил, что, когда он, пошатываясь, поднялся с пола и подошел к консоли управления, чтобы глянуть на монитор, то первым делом переключил двигатели на холостой ход. Так что это двигался свет, а не корабль.

Но такие подробности лучше было с пассажиркой не обсуждать. Керри Руз принялась бы высказывать собственные измышления по этому поводу, что внесло бы излишнюю нервозность. Так что, чем меньше он ей скажет, тем лучше. Была еще проблема с приборами ориентации. Единственный вид аппаратуры, с которой Гефти мог в данный момент снять хоть какие-то показания, были датчики направления. И они показывали, что «Серебряная Королева» меняет курс двадцать раз в секунду или даже больше.

— Есть ли какие-то признаки того, что мистер Молбоу пришел в себя? — спросил Гефти.

Керри покачала головой:

— Дыхание и пульс, кажется, в норме, а шишка на голове тоже, по-моему, не внушает особых опасений. Но он совсем не шевелится. Чем мы еще, по-твоему, можем ему помочь, Гефти?

— Пока ничем, — сказал Гефти. — Я проверил, все кости у него целы. Посмотрим, как он себя будет чувствовать, когда кончится обморок.

Положа руку на сердце, Гефти недоумевал и по поводу самого мистера Молбоу, и по поводу того факта, что с самого начала чартерный рейс не заладился, и стало твориться что-то неладное. А вот Керри оказалась девушкой, приветливой и дружелюбной на удивление. Уже через день или два после начала путешествия они с Гефти перешли на «ты». Однако вслед за этим она, казалось, стала его избегать. Он подумал, что Молбоу недоволен отношениями молодых людей друг к другу и сделал секретарше внушение, чтобы не очень-то якшалась с пилотом. Видимо, побаивался, что Керри выболтает его секреты.

Что же касается самого Молбоу, то это был самый молчаливый и замкнутый клиент, которого когда-либо обслуживала «Раммер — Космические Путешествия». Тощий белобрысый тип неопределенного возраста, с водянистыми глазами и резко

очерченным ртом. Почему для путешествия к крохотной и безжизненной солнечной системе далеко за пределами цивилизации с целью любительских минералогических изысканий он решил выбрать такой громоздкий полугрузовик, как «Королева», Гефти с ним не обсуждал. Снедаемый подступающей нуждой Гефти придержал свое любопытство, соглашаясь на этот фрахт. Если Молбоу нужен только пилот, а все остальное он предпочитает делать сам, то, без сомнения, это его личное дело. А если он собирается сделать что-либо противозаконное, — хотя трудно было представить, что именно, — его прижмут к ногтю на таможне, когда они вернутся в Ядро Звездного Скопления.

Но теперь все это представлялось совсем в ином свете.

* * *

Гефти почесал в затылке и спросил, не глядя на собеседницу:

— Ты, случайно, не знаешь, где твой босс хранит ключи от бункера грузового отсека?

Керри, казалось, была шокирована этим вопросом.

— Зачем? Нет! Пока он без сознания, я не могу

позволить тебе взять ключи, ни под каким видом! И тебе это отлично известно!

Гефти усмехнулся.

— Скажи, у тебя есть какие-нибудь соображения по поводу того, что он хранит в бункере?

У Керри вытянулось лицо.

— Меня нельзя об этом спрашивать… А в чем дело? Это не может иметь никакого отношения к тому, что произошло!

Пожалуй, подумал Гефти, он слишком успокоил ее.

— Как знать! — сказал он. — Я просто не хочу сидеть, сложа руки, и теряться в догадках до тех пор, пока Молбоу очухается. Пока мы не попадем обратно в нормальное пространство, надо цепляться за любую возможность, чтобы прояснить ситуацию. Потому что в случае повторения случившегося никто об этом нас не предупредит. Я доступно излагаю?

Керри, несомненно, было все понятно. Она побледнела и промолвила нерешительно:

— Ну, если вопрос стоит таким образом… В запечатанных ящиках, которые мистер Молбоу взял с собой из Ядра, хранится какая-то очень дорогостоящая аппаратура. Это все, что мне известно. Я никогда не совала нос в его дела, и мистер

Молбоу это очень высоко ценил. И, разумеется, я ограничиваюсь кругом своих профессиональных секретарских обязанностей.

— Значит, ты не в курсе, что он притащил сюда с той луны несколько часов назад? Помнишь два здоровенных ящика, которые он тут же запер в бункере?

— Нет, конечно, Гефти. Понимаешь, он не говорил, с какой целью отправляется в эту поездку. Мне известно только то, что она имеет для него огромное значение.

Помолчав, Керри добавила:

— Судя по тому, как он осторожно орудовал выносным краном при погрузке этих ящиков, в них находится что-то довольно тяжелое. Во всяком случае, у меня создалось такое впечатление.

— Да, я тоже это заметил, — сказал Гефти, хотя его наблюдательность мало чем могла помочь. — Послушай теперь, что я тебе скажу, — продолжал он. — Я вручил твоему шефу обе связки ключей от грузового бункера, потому что при подписании договора на грузоперевозку он на этом настаивал особо. Только я не сказал, что примерно за полчаса могу изготовить дубликат. Легко.

— О! И ты уже..?

— Нет еще. Но я намерен взглянуть, что прячет

в бункере мистер Молбоу. Причем, независимо от того, согласен он на это или нет. Ты бы лучше оделась полностью, что ли, пока я переправлю твоего босса в аппаратную.

— Зачем? — спросила Керри, имея в виду, очевидно, перемещение мистера Молбоу, а не пожелание переодеться.

Капитан понял ее правильно.

— Аппаратная окружена защитным полем полностью. Сейчас оно включено. Если нас опять начнет бомбить, аппаратная станет самым безопасным местом на корабле. Я перенесу туда и его личные вещи, и ты сможешь поискать в них ключи. Может, ты найдешь их до того, как я сделаю новые. А может, он очнется и сам скажет, где находятся ключи.

Керри Руз с сомнением взглянула на своего патрона и, кивнув, промолвила:

— Наверно, ты прав, Гефти.

Она поспешно вышла из комнаты, шлепая босыми ногами. Через несколько минут она, полностью одетая, явилась в аппаратную. Гефти стоял у настенного столика, на котором были разложены инструменты. Обернувшись к девушке, он сказал:

— Он не шевелился. Его чемоданы — вон там. Я

их уже вскрыл.

Керри уставилась на экраны рядом с консолью управления, и ее охватила легкая дрожь.

— Я вот о чем думаю, — сказала она. — Существует ли так называемое Пространство-Три?

— Конечно, существует. Иначе оно называется псевдопространством. Но мы находимся не в нем. Существуют специальные военно-космические корыта, которые могут работать в этой среде, правда, не очень долго. А корабль вроде нашего… Ну, в общем, если бы нас вдруг занесло в Пространство-Три, то и ты, и я, и все, что здесь находится, уже давно превратилось бы в ледышки.

— Понятно, — сказала Керри, поежившись. Гефти слышал, как она подошла к чемоданам. Вскоре она спросила:

— Как выглядят ключи от бункера?

— Их невозможно не заметить, если, конечно, он их не упрятал как следует. У них длина больше пятнадцати сантиметров. Слушай, кто такой этот Молбоу? Он что, ученый?

— Я бы не сказала. Он никогда не отзывался о себе, как об ученом, а ведь я работаю у него уже полтора года. Мистер Молбоу — очень заботливый хозяин… один из самых чутких людей, кого я знаю, честное слово. С самого начала само собой

подразумевалось, что я не буду расспрашивать его о бизнесе, кроме того, что мне необходимо знать по моей работе.

— Какое официальное название его бизнеса?

— «Молбоу Инжиниринг».

— Ну, это мне ни о чем не говорит, — отмахнулся Гефти. — А аппаратура, которую он взял с собой из Ядра… Он что, сам ее изготовил?

— Нет, но кое-что из нее спроектировал он сам. Может, даже, основную часть. Компаниям, которые занимались ее изготовлением, пришлось здорово повозиться, потому что мистер Молбоу требовал делать все строго по чертежам и технологиям, которые он им предоставил. Слушай, Гефти, в этих двух чемоданах нет ничего похожего на связку ключей.

— Вот что, — сказал Гефти, — если ты и в остальных чемоданах не найдешь, то начинай простукивать днища и прощупывать стенки. Может, где-то есть потайные отделения.

— Я очень хотела бы, — замявшись, сказала Керри Руз, — чтобы мистер Молбоу пришел в сознание. Ведь это так… так низко проделывать подобные вещи у него за спиной!

Гефти не смог сдержать усмешки. Теперь он не был уверен в своем желании видеть таинствен-

ного клиента пришедшим в себя до того, как будет проверено содержимое грузового бункера «Королевы».

* * *

Четверть часа спустя Гефти Раммер спускался на грузовую площадку, расположенную в расширенной корме «Королевы». В кармане у него позвякивала связка новеньких ключей от бункера. Керри осталась со своим работодателем, кожа которого приобретала здоровый оттенок. Но он до сих пор не размыкал век. Старых ключей Керри так и не нашла. Гефти сомневался в ее усердии. Хотя сейчас она, вроде, осознала всю серьезность ситуации. Впрочем, преданность патрону вполне могла оказаться сильнее, чем это осознание. Тем более что в этом случае она чувствовала бы себя более комфортно.

Как только Гефти свернул в широкий коридор, ведущий от грузового люка к бункеру, там автоматически включился свет. Шаги гулко отдавались от стальных переборок. На секунду капитан остановился перед большими раздвижными дверями бункера, прислушиваясь к ворчанию работающих на холостом ходу двигателей «Королевы», доносящемуся из соседнего отсека. Знакомый

звук несколько успокаивал. Он вставил первый ключ, повернул два раза по часовой стрелке, вынул его и нажал одну из кнопок на контрольной панели рядом с дверью. Тяжелая стальная плита отодвинулась в сторону с мелодичным свистом и скрылась в стене. Гефти засунул другой ключ в замок внутренней двери. Через несколько секунд вход в бункер был свободен.

Он немного постоял, недовольно сморщив нос. Пространство перед ним было освещено, но тускло. Встряска, которую пережила «Королева», не прошла бесследно для местной системы освещения. А чем это здесь воняет? Резкий неприятный душок походил на запах от разлитого нашатырного спирта. Гефти перешагнул через комингс и очутился в широком коротком проходе. Не мешкая, капитан повернул направо и всмотрелся в полумрак бункера.

Два здоровенных стальных ящика — те самые, которые Молбоу спустил на лишенную атмосферы поверхность луны, загрузил чем-то и втащил обратно на «Королеву» — неуклюже громоздились в углу. Видимо, они сползли туда, когда корабль бросало под ударами невыясненной природы. Один из них был раскрыт и, по-видимому, пуст. Насчет другого Гефти не был уверен.

Рядом с ящиками лежали с трудом различимые в темноте растрепанные бухты какого-то очень толстого троса. А почти в самом центре на полу стояла такая штука, которая сразу же приковала к себе взгляд Гефти. Он медленно втянул в легкие воздух, чувствуя, как колени охватывает непроизвольная дрожь.

Он понял, что нехорошее предчувствие и в самом деле не обмануло, хотя он вначале ему и не поверил. Ну конечно! Если из нормального пространства «Королеву» выдернула не какая-то неслыханная внешняя сила и зашвырнула сюда, в Бог знает какое пространство, то, значит, это произошло из-за того, что затащил на борт Молбоу. И это «что-то» должно быть какого-то рода машиной…

Это и была машина.

Вокруг нее можно было различить слабый отблеск проводов — наспех сооруженное поле безопасности. Внутри защитной клетки, которая выглядела весьма ненадежно, находился двойной комплект устройств. Некоторые из них сейчас работали, подмигивая разноцветными огнями. Должно быть, эти вывезенные Молбоу из Центра устройства действительно очень много стоили. Наверное, их действительно было трудно

изготовить. Рядом с устройствами располагалась машина, приземистая и массивная на вид. При тусклом освещении в бункере она казалась бесформенной и как бы бесцветной. Эта была та часть оборудования, которой пришлось немало вытерпеть. Но она все равно работала.

Гефти так и стоял, уставившись на нее, как внезапно из машины начали доноситься перемежающиеся всплески щелкающих звуков. Как будто пистолет-пулемет стрелял короткими очередями, причем огонь все время усиливался.

За одну секунду целый рой вопросов промчался беспорядочно у него в мозгу. Что это было? Почему это находилось на той луне? Сломанная часть какого-то корабля… Корабля, чей дом здесь? Может, это нечто вроде двигателя?

Молбоу должен все это знать. Раз его хватило на то, чтобы спроектировать оборудование, которое необходимо, чтобы вернуть к жизни искалеченное чудовище. С другой стороны, он не смог полностью предусмотреть, что может случиться, если привести сей артефакт в действие. Об этом говорило хотя бы то, что непредвиденное взбрыкивание «Королевы» оказалось для босса Керри полной неожиданностью, да и его самого пришибло аж до полной «отключки».

В любом случае, сейчас следовало привести Молбоу в чувство. Исследовать загадочное устройство до того, как разузнать о нем все подробности из первых уст, было бы полнейшим безрассудством. Было совершенно очевидно, что следующая ошибка, совершенная кем угодно, означала бы конец всем и вся.

Возможно, из-за того, что нервы Гефти были на пределе, он сразу отметил важность двух, казалось бы, второстепенных сигналов от своих органов восприятия. Обоняние сообщило о том, что запах аммиака, к которому он почти привык, заметно усилился. Слух отреагировал на наличие тихого звука — едва уловимого шелеста, выдавшего какое-то движение за спиной. Но здесь, в грузовом бункере, ничто не должно было двигаться. Мышцы Гефти напряглись, и он обернулся…

Почти в то же самое мгновение он отпрянул в сторону в каком-то поистине диком прыжке, споткнулся, приземлившись на ноги, едва не упал, — что-то большое и темное тяжело шлепнулось на пол в том самом месте, где он только что стоял. Гефти пулей метнулся по входному коридору, то и дело оборачиваясь, и одним махом опустил вниз рычажки замка на панели внешней двери.

Это «нечто» выплыло из-за угла коридора, когда двери бункера стали сближаться. Он запомнил в основном быстрое, плавное, вкрадчивое движение, как у большой змеи, когда она ползет. Потом на долю секунды полоса более яркого света из внешнего коридора выхватила из полумрака длинную, массивную, клинообразную голову и зеленоватый металлический блеск внимательных глаз.

Двери бесшумно зашли в проемы и захлопнулись. Существо оказалось внутри. Но прошла еще почти минута, прежде чем Гефти смог унять дрожь в коленях, и отправиться назад к главной площадке. В полутьме бункера «нечто» выглядело как длинный, свернутый в бухту кабель, сваленный рядом с упаковочными ящиками. Его могло помять и серьезно покалечить во время недавней встряски, как и Молбоу, а когда оно оправилось от контузии, то обнаружило рядом с собой Гефти. Правда, все могло быть и по-другому. «Нечто» могло все это время пребывать в полном создании и, притаившись, выжидать, пока внимание Гефти не сосредоточится на чем-нибудь другом, чтобы, воспользовавшись этим, броситься в атаку. Загадочное существо выглядело достаточно могучим, чтобы расплющить человека и переломать ему

все кости, будь нападение более удачным.

Что-то вроде сторожевого животного — «цепная» змея? Какая еще связь могла быть между этим существом и таинственной машиной? Может быть, Молбоу намеревался с самого начала держать змею взаперти в одном из ящиков, а она вылезла на свободу воспользовавшись передрягой?

Что-то слишком много вопросов скопилось, подумал Гефти. А ответы на них были только у Молбоу.

* * *

Он спешил по центральному проходу главной палубы, когда из-за двери, мимо которой он только что прошел, раздался окрик:

— Раммер, стоять! Ни с места. У меня…

Это был Молбоу. Его выкрик закончился на нотке удивления. Реакция Гефти была не очень рациональной, зато мгновенной. Тон Молбоу и его слова показывали, что он вооружен. У Гефти не было оружия при себе, но в аппаратной хранилось ружье. К тому же, следовало учесть, что ему уже пришлось пережить целую серию обескураживающих событий. Да еще он был на взводе из-за того, что его выкурили из его собственного

бункера чем-то, от чего за километр несло аммиаком, и что походило на гигантскую питонаконду. В довершение всего, какой-то пассажир его «Королевы», видите ли, приказал не двигаться с места! Все прочие соображения были отброшены прочь страстным желанием добраться до своего ружья.

Он оглянулся, увидел Молбоу, выходящего из полуоткрытой двери и держащего что-то вроде тонкого белого стержня длиной в полметра. Согнувшись, Гефти вприпрыжку бросился вперед, виляя от стены к стене, чтобы Молбоу не смог как следует прицелиться — если, конечно, у него в руках было оружие, и он собирался им воспользоваться. Молбоу что-то сердито прокричал. Потом, когда Гефти достиг следующего пересечения проходов и только-только успел завернуть за угол, струя белого огня рассекла воздух у него над головой, опалив ему плечи, и врезалась в стену. Гефти кипел от ярости, даже, скорее, не из-за выстрела Молбоу, хотя прицельную стрельбу по собственной персоне он, ясное дело, не очень-то приветствовал. Но даже она подействовала на него слабее, чем безмолвная атака бестии на складе в темноте. Прошло несколько секунд, не больше, прежде чем он добрался до аппаратной. Гефти взял ружье, поставил его на боевой взвод

и обернулся в сторону прохода, откуда прибежал сюда. Молбоу, если он сразу же, без колебаний, устремился в погоню за Гефти, должен был вот-вот появиться. Но в проходе было тихо, а Гефти не мог заглянуть туда с того места, где стоял.

Он чуточку подождал, стараясь восстановить дыхание и гадая, куда подевалась Керри Руз, и какая муха укусила Молбоу. Потом, не спуская глаз с прохода, он дотянулся до стенного шкафчика, из которого до этого вынул ружье, и выудил оттуда еще один сувенир, оставшийся у него после пребывания на действительной службе. Это был нож с тонким лезвием, вдетый в узкие ножны. Гефти ловко и быстро приладил застежки вокруг левого запястья, установив лезвие под курткой в сторону предплечья, проверил, работает ли механизм освобождения ножен, и потряс рукой, чтобы рукав сполз на место.

В проходе по-прежнему царило полное безмолвие. Гефти потихоньку подошел к одному из стульев, снял с сиденья маленькую подушечку и бросил во входной проем.

Послышался пронзительный свист. Подушечка в полете превратилась в клубок ярко-белого пламени. Гефти не стал раздумывать, прицелился повыше в стену напротив входного проема

и нажал спусковой крючок. Ружье было метательным. Он услышал, как заряд срикошетил от гладкой перегородки и с грохотом устремился дальше по проходу. Оттуда раздался испуганный нечленораздельный звук. Но не такой, какой издает раненый человек.

— Если ты зайдешь сюда с оружием, — прокричал Гефти, — я снесу тебе башку! Может, хватит ерундой заниматься?

В ответ на некоторое время воцарилась тишина. Потом из прохода раздался дрожащий голос Молбоу. Судя по звуку, он находился примерно в семи метрах от аппаратной.

— Если ты, безмозглый болван, прекратишь свои попытки вмешиваться в чужие дела, Раммер, — сказал он, — то не будет никаких проблем.

Слышно было, как он едва сдерживает клокочущую ярость:

— Ты подвергаешь опасности всех нас. Ты совсем не понимаешь, что делаешь!

Что ж, последнее, пожалуй, смахивало на правду.

— Мы еще поговорим об этом, — неприветливо отозвался Гефти. — Пока я ничего такого не сделал. И потом, я вовсе не давал тебе права

распоряжаться на моем корабле. А что ты сделал с мисс Руз?

Молбоу явно замялся.

— Она в штурманской кабине, — наконец, произнес он. — Я… возникла необходимость ненадолго ограничить свободу ее действий. Но теперь можешь спокойно ее выпустить. Мы должны как можно скорее договориться.

Гефти оглянулся через плечо на маленькую закрытую дверь штурманской кабинки. На двери не было замка, но изнутри не доносилось никаких звуков. Наверное, тут таился какой-то подвох. Что ж, выяснить все это не займет много времени. Он повернулся спиной к стене, толкнул дверь, чтобы та открылась, и заглянул внутрь.

Керри сидела на стуле в углу крошечной комнатушки. Сразу стало ясно, почему она не издавала никаких звуков.

Девушку вместе со стулом плотно покрывал мешок из прозрачной блестящей ткани. Она смотрела сквозь него на Гефти с потерянным видом, губы ее энергично, но беззвучно шевелились.

— Молбоу! — свирепо выкрикнул Гефти.

— Только не кипятись, Раммер! — В тоне Молбоу слышались пренебрежительные нотки. — Моя секретарша нисколько не пострадала.

Она без труда может дышать через «усмиритель». Его можно снять, потянув на себя материю.

Гефти поджал губы:

— Учти, пока я буду этим заниматься, проход под прицелом…

Молбоу не отозвался.

Гефти протиснулся обратно в штурманскую и на пробу ухватил прозрачную ткань над плечом Керри. К его изумлению, ткань расползлась под пальцами, как мокрая папиросная бумага. Он резко потянул на себя. Секунду спустя, Керри, отчаянно работая руками, локтями и плечами, выпуталась оттуда. Лицо ее было заплаканным.

— Гефти, — всхлипнула она, — это… мистер Молбоу…

— Он там, в проходе, — сказал Гефти, — и может тебя услышать. — На секунду его внимание привлек висевший на стене второй такой же прозрачный «саван». Для кого он, интересно, мог быть предназначен, если не для Гефти Раммера? — У нас возникли небольшие неприятности, — добавил он.

— О! — она глянула в сторону прохода, потом на ружье в руке у Гефти, затем на его лицо.

— У твоего патрона, — продолжал Гефти нарочито громко, чтобы Молбоу смог его услышать, —

тоже есть оружие. Он останется в проходе, а мы будем находиться в аппаратной, пока не придем к соглашению по поводу того, что нам делать дальше. Ответственность за случившееся с кораблем в этом рейсе, между прочим, лежит на нем. Он знает, где мы находимся.

Гефти посмотрел в испуганные глаза Керри и понизил голос до шепота:

— Не принимай мои слова слишком близко к сердцу. Я пока не знаю, что он там задумал. Но до сих пор на все его выходки у меня находился достойный ответ! Сначала он рассчитывал захватить нас обоих врасплох. Это у него не получилось, поэтому теперь он вынужден пойти на сотрудничество.

— А ты пойдешь ему навстречу?

Гефти пожал плечами.

— Это зависит от того, что у него на уме. Я-то заинтересован только в одном, — чтобы в итоге мы остались живы. Давай послушаем, что Молбоу собирается нам сказать.

* * *

Через несколько минут Гефти пытался решить, что будет хуже — рискнуть и поверить словам Молбоу или, наоборот, предположить, что он

лжет.

Керри Руз сидела на краешке стула, как курица на насесте. Прямая спина, бесцветное лицо, округлившиеся глаза. Она, очевидно, склонялась к тому, чтобы верить Молбоу, хотя ей и не хотелось бы выглядеть в собственных глазах дурой. Для этого имелись веские основания. В особенности, неправдоподобная среда, в которой они все очутились. Да и тонкий, как карандаш, извергатель огня вместе с прозрачным «усмирителем» достаточно сильно противоречили рассказу Молбоу. Но, насколько было известно Гефти, и загадочная машина, и оружие могли быть изготовлены умельцами Ядра.

Потом еще эта джанандра — большое змееподобное существо на складе. Молбоу прихватил ее с луны вместе со сломанной машиной. Джанандра, как он заявил, уже сопровождала его в одном из путешествий. Обычно она сидела тихо и не проявляла агрессивности. Видимо, неожиданное появление Гефти в бункере спровоцировало ее на нападение. Джанандра не была питомцем Молбоу в истинном значении этого слова. Между нею и патроном Керри сложились особые духовные отношения, которые Молбоу даже не пытался растолковать. Дескать, все равно молодые люди

были не способны уловить их многогранную сущность. В этом неизъяснимом качестве джанандра была для Молбоу жизненно необходима.

Этот момент был достаточно интересен, чтобы казаться подтверждением остальных его заявлений, но, в сущности, ничего не доказывал. Единственное, в чем Гефти не нуждался, так это в доказательстве того, что положение всех троих было аховым, а скоро могло стать еще хуже. Он взглянул на экраны мониторов. То, что он там увидел, — окрестности корабля — являлось, по словам Молбоу, иллюзорным, кажущимся пространством. Его порождал временной поток, в котором они сейчас медленно дрейфовали.

Кроме того, по утверждению Молбоу, имелась некая цивилизация, чьи корни в будущем. Человекоподобные существа, являвшиеся ее представителями, обладали машинами, на которых они путешествовали по временному потоку через всю Вселенную. Они носились на своих машинах, используя так называемые «ветры времени», то погружаясь в нормальное пространство, то выныривая из него. Таким образом, они добирались до самых отдаленных эпох и галактик. Молбоу, будучи одним из таких путешественников, попал в беду в миллионе световых лет от дома своих

сородичей, который к тому же остался в прошлых веках. Его аппарат потерпел крушение на луне, начисто лишенной атмосферы. Блок управления и другие приборы оказались сильно повреждены. Кое-как он добрался до человеческой цивилизации, чтобы с помощью людей заполучить необходимое оборудование. Наконец, он вернулся на «Серебряной Королеве» в то место, где был спрятан его времялёт.

Гефти вытянул губы трубочкой. Он не собирался принимать все за чистую монету. Однако если Молбоу *не врал*, то мимо проносились невидимые звезды, а родная Галактика ускользала прочь. В итоге они с Керри могли навсегда затеряться в черных бездонных глубинах космоса и оказаться на таком расстоянии от Ядра Звездного Скопления, которое не смог бы одолеть ни один космический двигатель. Противостояние с Молбоу необходимо было самым срочным образом урегулировать. У пришельца из будущего нервы тоже были взвинчены. К тому же он проявлял нетерпение. Этим следовало воспользоваться. Если его нетерпение малость усилить, то можно будет выудить подробности, которые требовались Гефти в первую очередь. Медленно, как бы не решаясь выдать себя, капитан «Серебряной

Королевы» произнес:

— А зачем вы нас впутали в это дело?

Голос из прохода выпалил:

— Да потому что мои ресурсы истощились практически до нуля, Раммер! Я не смог закупить новый корабль. Поэтому и зафрахтовал ваш, а вместе с ним получил и вас самих. Что же касается мисс Руз… Несмотря на принятые предосторожности, мои действия могли вызвать подозрение и любопытство у ваших сородичей. Стоило мне бесследно исчезнуть, к ней полезли бы с расспросами. Я не мог допустить, чтобы за мной по пятам до самого места катастрофы времялета следовали любопытствующие, поэтому я взял мисс Руз с собой. А что, собственно говоря, это меняет в моем предложении, которое я вам сделал? Захватывающее приключение, которое, я вас торжественно заверяю, благополучно завершится возвращением в ваши время и место. За причиненные неудобства вам будет выплачена неслыханно щедрая компенсация!

Керри, переглянувшись с Гефти, энергично замотала головой.

— Мы считаем, — сказал Гефти, — что нам сейчас трудно поверить вам на слово, Молбоу. Что вам было нужно в аппаратной?

Молбоу несколько секунд хранил молчание. Потом заговорил:

— Как я вам уже объяснял, ваш корабль не угодил бы в переплет в момент перехода, если бы мой блок управления работал с максимальной эффективностью. В нем надо кое-что подправить, и это требуется сделать как можно скорее.

— А причем тут оборудование моей «Королевы»? Оно-то каким образом способно повлиять на ситуацию?

— С его помощью я смогу выяснить, в чем суть проблемы. Когда меня… вывело из строя… блок был серьезно поврежден. Кое-что мне уже удалось привести в порядок, но я был вынужден сильно торопиться, и…

— Что именно привело к поломке вашего блока?

Голос Молбоу задрожал от нетерпения.

— Определенные участки Великого Потока кишат опасными силами. Я даже не берусь их описать…

— Считаете, что до меня не дойдет?

— Признаюсь, Раммер, я и сам не очень хорошо в этом разбираюсь. Эти силы нельзя назвать живыми, однако, они обладают некоторыми характерными особенностями, присущими живой

материи. Можно даже сказать, что они отчасти представляют собой некую разумную форму жизни. Если вы можете себе представить лучевую энергию, способную на сознательную и при этом враждебную деятельность…

У Гефти по спине пробежал холодок.

— Большие, быстро движущиеся источники света?

— Вот именно — В голосе, доносившемся из прохода, вдруг прозвучала нотка сильной тревоги: — Так вы… Когда вы их наблюдали?

Гефти посмотрел на экраны:

— За время нашей беседы — дважды. И еще один раз до этого — сразу, как только началась эта чертова болтанка.

— В таком случае, Раммер, нельзя терять ни минуты! Эти силы чутко реагируют на отклонения в параметрах моего блока управления. Если они уже находятся в пределах видимости, то, значит, им известно, что где-то поблизости находится корабль. Они попытаются определить его точное местонахождение.

— Чего от них можно ожидать?

— Одной-единственной атаки оказалось достаточно, чтобы вывести из строя блок управления, когда он еще был частью моего времялета. В тот

злополучный момент Великий Поток мгновенно выплюнул мой корабль из себя. Корабль таких размеров, как ваш, защищен гораздо лучше. Честно говоря, по этой причине я его и выбрал. Тем не менее, если сейчас же не отрегулировать блок управления, что позволит нам выбраться из этого участка, атаки будут продолжаться до тех пор, пока «Королева» не будет уничтожена. И мы вместе с ней.

Гефти тяжело вздохнул.

— У этой задачи есть еще одно решение, Молбоу. Нам с мисс Руз оно нравится больше. А что касается вас… если вы и вправду намерены позаботиться о том, чтобы мы, в конце концов, попали домой, то оно не вызовет у вас возражений.

— Что вы имеете в виду? — резко прозвучал вопрос.

— Для начала отключить ваш блок управления. Из того, что вы сказали, следует, что это автоматически выбросит нас обратно в нормальное пространство, и мы окажемся все еще не слишком далеко от родного Ядра Звездного Скопления. Там найдется немало людей, готовых рискнуть и отправиться вместе с вами в будущее. Если вы их, конечно, сможете убедить, что они смогут в любой момент вернуться домой… А у нас с мисс

Руз, ничего не поделаешь, не хватает авантюрной жилки!

В проходе наступило молчание.

Гефти добавил:

— Не торопитесь и, если хотите, обдумайте как следует мое предложение. Мне совсем не хочется быть мишенью для этих огней. Но, я уверен, и вам это не по вкусу. Однако мне кажется, я могу малость потерпеть, так же, как и вы…

Молчание затянулось.

Немного погодя, Гефти произнес:

— Если вы согласны, то прежде, чем объявиться, забросьте к нам в комнату этот ваш огнемет. Мне ни к чему неприятности.

Он снова выдержал паузу. Керри сидела, закусив губу. Руки были сжаты на коленях в кулачки. Наконец, Молбоу отозвался. На этот раз его голос был сух и невыразителен.

— Худшее, что мы можем сделать в настоящий момент, — сказал он, — это продолжать дискуссию о том, что именно необходимо предпринять. Если я добровольно разоружусь, вы тоже отложите свое ружье?

— Да.

— В таком случае, я принимаю ваши условия, какими бы неутешительными для меня они ни

были.

Он умолк. В следующий момент Гефти услышал, как по полу прохода загремел белый стержень Молбоу. Он ударился о стенку прохода, крутясь, отскочил от нее и закатился в аппаратную, остановившись в метре от ног Гефти. Капитан поднял огнемет и положил на стол. Потом рядом с ним положил свое ружье и отошел в сторону. Керри встревоженно наблюдала за его действиями.

— Гефти, — прошептала она, — он может…

Повернув голову к Керри, Гефти одними губами произнес: «Все в порядке», а вслух выкрикнул:

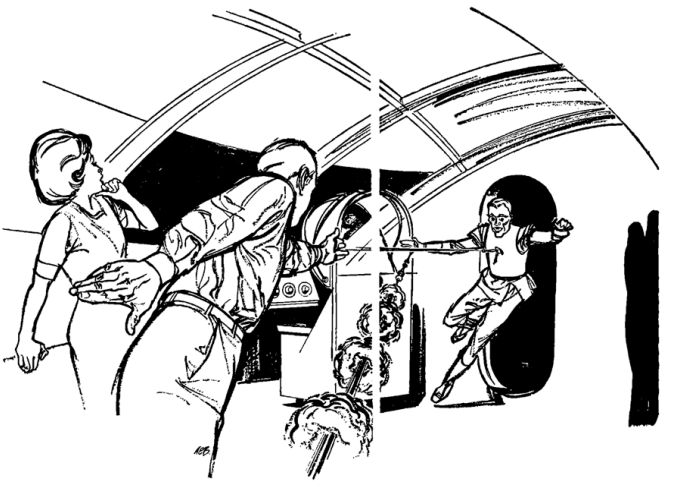
— Молбоу! У меня нет оружия! Заходите сюда, и заключим мир!

У Гефти сильно билось сердце, пока в проходе раздавались быстрые приближающиеся шаги. Наконец в проеме появился Молбоу. Пришелец из будущего посмотрел на молодых людей, потом оглядел помещение. На мгновение он задержал взгляд на предметах, лежащих на столе, потом опять вернул его к Гефти. Только после этого Молбоу вошел в отсек:

— Не в наших правилах, Раммер, — сказал он, скривив рот, — делиться секретами Великого Потока с представителями других цивилизаций. Я и предположить не мог, что вы окажетесь таким

настырным. Зато теперь…

Он быстро поднял вверх правую руку с зажатым в кулаке маленьким золотистым шариком. Гефти, в свою очередь, сделал ответное движение, но не правой, а левой рукой, будто передергивал затвор помпового ружья.



Армейский нож выскочил из ножен в то же самое время, когда из шарика Молбоу низверглась на пол узенькая струя черного дыма. Эта чернота, рыча, метнулась к ногам Гефти. Но над ней сверкнуло лезвие ножа, вращаясь в воздухе, и по рукоятку вонзилось в грудь Молбоу.

* * *

Несколько минут спустя, Гефти вернулся из передней каюты, которая служила на «Королеве» корабельным лазаретом, и сообщил Керри:

— Он до сих пор жив. Правда, почему — совершенно непонятно… Может быть, даже очухается. Сейчас я накачал его анестезией. Это должно утихомирить его на время. Когда мы окажемся в нормальном пространстве, подумаем, что с ним делать.

За время отсутствия капитана девушка отчасти утратила испуганный вид.

— Ты знал, что он сделает попытку убить тебя? — дрожащим голосом спросила она.

— Я подозревал, что такое пришло ему на ум. Он слишком быстро согласился на предложенные условия. Но я полагал, что мне первым удастся обезоружить его. К сожалению, сделать это не удалось. Теперь нам надо поторапливаться.

Он включил панель аварийной проверки и взглянул на знакомый узор, выложенный световыми сигналами и цифрами. Отсутствие некоторых из них указывало на незначительные изменения параметров корабля, но в целом звездолет был пока полностью управляем. Причину неисправности следовало искать в углу аппаратной, рядом с дверью штурманской кабины. Сама эта дверь, примыкающие к ней переборки и участок пола под ней были выщерблены, почернели и испускали целый букет отвратительного зловония, характерного для обгоревшего пластика. В этом углу стоял Гефти, когда в помещение вошел Молбоу. Если бы он остался там хоть на мгновение после того, как метнул нож, то сейчас был бы в куда худшем состоянии, чем эта, в общем-то, весьма огнестойкая обстановка.

Оба метательных оружия Молбоу все еще выпускали свои заряды в данном направлении — белый штырь, невинно лежавший на столе, и круглое золотистое устройство, выпавшее у него из рук и разбрызгивавшее струи черного дыма. Это продолжалось чуть ли не полминуты после того, как Молбоу рухнул и скорчился на полу. Стрельба прекратилась в тот момент, когда он окончательно обмяк. Очевидно, перестал управ-

лять обоими, когда потерял сознание.

К счастью, аварийные принадлежности, хранившиеся в лазарете, были спроектированы так, что могли держать в состоянии неподвижности самых буйных своих обитателей, не говоря уже о пациенте со страшной ножевой раной в груди. При наклоне, под которым нож вошел под ребра Молбоу, обыкновенный человек не протянул бы и минуты.

Но теперь стало ясно, что Молбоу не был обыкновенным человеком. Даже после того, как его жуткое оружие было выброшено из корабля через трубу мусорного утилизатора, Гефти не мог избавиться от неприятного ощущения, что ему так и не удалось до конца отвязаться от Молбоу. И не отвязаться ему от него до тех пор, пока кто-нибудь из них двоих не отправится на тот свет.

— Раньше я думал, — сказал Гефти, чтобы отвлечь Керри от грустных мыслей, — что машина, которую Молбоу установил в складском бункере, является чем-то вроде двигателя. Оказывается, у нее совсем другое назначение. Он подсоединил ее к аппаратуре, которую ему изготовили в Ядре, и вместе они образовали то, что он называл «блоком управления». Если бы этот блок подпитывался энергией от корабля, на аварийную

панель поступали бы соответствующие сигналы. Но панель молчит, и я ума не приложу, откуда он черпает энергию. Зато теперь мы наверняка знаем, что «блок управления» удерживает нас во временном потоке. И будет нас держать все то время, пока работает. Если бы мы смогли его выключить, поток выбросил бы «Королеву» из своей среды. Именно это и произошло с времялетом Молбоу. Другими словами, мы бы оказались обратно в нормальном пространстве. Чего и нужно добиться. Нам надо проделать это как можно быстрее. Если Молбоу говорил правду насчет странствований по ветрам времени, то каждая проведенная здесь минута уносит нас все дальше от Ядра Звездного Скопления и от нашего времени, приближая к его эпохе.

Керри кивнула, не сводя с Гефти сосредоточенного взгляда.

— Сейчас я не могу просто пойти туда, в бункер, и начать щелкать на этой проклятой штуке всеми переключателями подряд, — продолжал Гефти. — Молбоу сказал, что она малость барахлит, но даже если машина и была бы в полном порядке, я не рискну предположить, к чему приведет такое щелканье. Однако, по всей видимости, она не связана ни с одной системой на «Королеве».

Возможно, просто держит нас в своем собственном поле. Поэтому мне надо как-то изловчиться и подтащить весь этот «блок» к загрузочному люку и вытолкать его наружу. Если мы уберем корабль из зоны действия его поля, то получим тот же эффект, что и отключение «блока управления». В результате мы опять окажемся в нормальном пространстве.

Керри снова кивнула.

— А как насчет питомицы мистера Молбоу — джанандры?

Гефти пожал плечами.

— Все зависит от того, в каком она будет настроении. Молбоу заявил, что она, как правило, не агрессивна. Может быть, это и правда. Для вящей безопасности я влезу в скафандр. Кроме того, придется прихватить кое-какое альпинистское снаряжение, чтоб было, чем ее погонять. Если мне удастся загнать эту тварь в пустой отсек, где она будет находиться вне…

Гефти вдруг умолк и с изменившимся выражением лица уставился на аварийную панель. Потом он быстро повернулся и через край консоли дотянулся до пульта управления стыковочным воздушным замком.

— В чем дело, Гефти? — встрёвоженно спросила

Керри.

— Я и сам хотел бы знать… в чем тут дело. — Гефти показал на аварийную панель. — Видишь маленький красный огонек среди сигналов, показывающих состояние грузовой палубы? Минуту назад его там не было. Это значит, что в течение прошедшей минуты двери бункера открывались.

Он увидел на лице девушки тот же, поразившей его ранее, суеверный страх.

— Ты думаешь, это… он?

— Не знаю.

И в самом деле, у Молбоу имелся навык управляться со своим оружием каким-то таинственным образом. Но это оружие являлось продуктом его времени и его науки. Другое дело — механизмы открывания дверей бункера. За время пребывания на борту «Королевы» у него могло быть достаточно возможностей их изучить, а потом переиначить в собственных интересах…

— Сейчас все отсеки и палубы корабля изолированы друг от друга, — медленно произнес Гефти, чтобы и самому уяснить произошедшее. — Единственные связующие точки — это впускные люки для экипажа. Они представляют собой маленькие воздушные шлюзы. Так что джанандра находится

в заточении на грузовой палубе. Если она выбралась из бункера, то это, конечно, досадно. Чтобы ее обуздать, придется изыскать какие-нибудь подручные средства. Но все это не так страшно. Скафандры для выхода в космическое пространство находятся на второй палубе. Перед тем, как отправиться на склад, я надену один из них. Подожди минутку, я только сперва посмотрю, как себя чувствует Молбоу.

Похоже, что Молбоу до сих пор был без сознания. Если он притворялся, то делал это весьма умело. Гефти посмотрел на бледное, изможденное лицо, полузакрытые глаза, покачал головой и вышел из каюты, не забыв запереть за собой дверь. Независимо от состояния Молбоу, большая змея, разгуливающая по складу на свободе, могла доставить множество неудобств. Гефти сомневался в том, что его ружье способно произвести должное впечатление на существо подобных размеров. Несколько траловых приспособлений, имевшихся на борту, можно было использовать в качестве очень эффективного оружия в ближнем бою. Но они, как назло, хранились на той же самой палубе, по которой разгуливала джанандра.

Вернувшись в аппаратную, Гефти обнаружил, что Керри стоит посередине комнаты.

— Гефти, — сказала она, — ты ничего не чувствуешь? Пахнет чем-то странным…

Вскоре аромат добрался идо ноздрей Гефти. У него похолодела спина, — он узнал этот запах. Гефти взглянул на вентиляционную решетку, потом вновь на Керри.

Взяв девушку за руку, он тихо произнес:

— Быстро отсюда. И не вздумай шуметь! Не знаю, как это служилось, но джанандра теперь на главной палубе. Это ее запах. Он проникает сюда по вентиляционным трубам. Значит, она ползает по причальному отсеку. Мы изберем другой маршрут.

— Что же делать? — прошептала Керри.

— Вначале наденем скафандры, потом избавимся от блока управления Молбоу. Возможно, джанандра повсюду ищет своего хозяина. Если это так, то ей не до нас.

* * *

Гефти не хотелось говорить Керри, что от «блока управления» нужно было избавиться как можно скорее и по другим причинам. То, что Гефти услышал от Молбоу, касательно этих причин, не выходило у него из головы. С того момента, как умолкли странные орудия Молбоу, прошло

несколько минут. За это время Гефти дважды наблюдал на экранах мониторов среди неспокойного потока темноты бледный кратковременный проблеск. Гефти ни словом не обмолвился об этом в присутствии девушки — берег ее душевное спокойствие. Если враждебные силы и в самом деле были начеку и разыскивали их здесь, это, конечно, увеличивало прямую угрозу существованию молодых людей. Но это нисколько не удовлетворяло их страстного желания успеть вырваться из безжалостного напора Великого Потока до того, как «Королеву» отнесет безнадежно далеко от родной цивилизации без всякой надежды на возвращение.

Вместе с тем, эти непродолжительные световые всплески усиливали осознание необходимости предпринять безотлагательные действия. Эти мысли уже давно не давали Гефти покоя. В то же время, все произошедшие события и неизбежная суровая необходимость избежать неверного шага, который мог привести к роковым последствиям среди этого сумбура неизвестных факторов, заставляли его пребывать в каком-то заторможенном состоянии. Теперь, когда малоприятный попутчик Молбоу столь загадочным образом оказался на главной палубе, не осталось ничего

другого, как постоянно держать Керри у себя под боком. Если Молбоу до сих пор в состоянии вмешиваться в ход событий, то на борту не оставалось достаточно безопасного места для Керри.

А Молбоу вполне был способен вмешаться.

За то время, пока молодые люди проталкивались по узким, извилистым переходам к воздушному шлюзу, ведущему в соседний отсек, ноздри Гефти дважды ловили аммиачный душок джанандры, исходивший из решеток вентиляционной системы. И все равно они благополучно добрались до шлюза. Но потом, когда Гефти и Керри миновали вторую палубу, и вышли к корабельному арсеналу, тишину вестибюля позади них нарушил громкий щелчок. Значение этого щелчка было угрожающе очевидным. Немного поколебавшись, Гефти завел Керри в боковой проход, и они направились вдоль него.

Девушка взглянула ему в глаза.

— Она нас преследует?

— Похоже на то.

Времени на скафандры теперь совсем не оставалось. Гефти помог девушке быстро спуститься по ступенькам трапа к воздушному шлюзу, который соединял вторую палубу со складскими помещениями, и нажал кнопку на стене. Как

только открылась дверь шлюза, из прохода, откуда они только что вышли, раздался глухой звук. Будто по одной из боковых переборок отбивали сильную барабанную дробь. Керри издала короткий вздох. Вскоре они уже находились в шлюзе, и Гефти быстро пробежался пальцами еще по двум кнопкам. Они напряженно наблюдали, как за ними захлопнулась стальная дверь. А еще через несколько секунд в дальнем конце шлюза открылась дверь, ведущая на неосвещенную грузовую палубу.

Они спустились по трапу и очутились в боковом проходе. Слышно было, как захлопнулся шлюз. После этого они оказались в полной темноте. Гёфти взял Керри за руку, и они двинулись по проходу направо. Для того, чтобы держаться верного направления, Гефти касался кончиками пальцев левой переборки. Когда они добрались до угла, Гефти вновь повернул налево. Через несколько секунд он рывком открыл маленькую дверь, втолкнул в нее Керри, проскочил сам и прикрыл дверцу за собой, оставив узенькую щелочку.

— А теперь что мы будем делать, Гефти? — спросила Керри прерывистым шепотом.

— Останемся пока здесь. Сначала она будет

искать нас в бункере.

Охоту за ними джанандра и впрямь могла начать с грузового бункера, где она прежде охраняла машину Молбоу. Хотя могла начать и не оттуда. Гефти взвел свое ружье. На другом конце темного отсека виднелась еще одна дверь. При необходимости они могли отступить чуть подальше, но не более того.

Они ждали в полной тишине, которая нарушалась лишь прерывистым дыханием, да отдаленным басистым гулом двигателей «Королевы», работавших на малой тяге. Поскольку здесь было тесно, Гефти ощущал дрожь Керри. Каким образом этой твари удалось пробраться через воздушные шлюзы? Механизмы управления ими были простейшими, — пользоваться ими можно было научить даже собаку. Но у собаки есть, по крайней мере, хотя бы лапы…

Послышалось слабое шипение открываемого шлюза. Справа от входного отверстия в проход, за которым Гефти наблюдал через щелку, что-то проблеснуло. За этим последовали тяжелые глухие удары по полу, расположенному ниже шлюзов. Затем раздался громкий щелчок закрываемого шлюза, и опять наступили полная темнота и безмолвие.

Секунды, казалось, тянулись бесконечно долго. Гефти наглядно представил себе эту тварь: как она затаилась и, вздернув огромную клинообразную голову, напрягает свои органы чувств — не подадут ли в этой темноте признаков жизни два человеческих существа? Затем за входным отверстием прохода раздался какой-то порывистый непонятный звук. Он нарастал по мере приближения к входному отверстию. Миновав же его, он стал стремительно удаляться в левую сторону.

Гефти медленно выпустил воздух из легких, приоткрыл дверь пошире и прислушался. Внезапно в шлюзовом проходе возник отраженный свет, который теперь исходил слева.

— Она рыскает по центральному проходу, Керри, — прошептал Гефти. — Теперь можно двигаться дальше. Сейчас мы осуществим обходной маневр. Только давай спокойно и по-быстрому. Я, кажется, придумал, как нам избавиться от этой твари.

* * *

В загрузочном шлюзе на грузовой палубе имелось две внутренние двери. Та, что открывалась в сторону площадки перед бункером, позволяла пропускать через себя самые крупногабарит-

ные грузы, предназначенные для перевозки на «Королеве». Эта дверь была почти десять метров шириной и семь метров высотой. Вторая дверь была гораздо уже, но все же позволяла человеку, облаченному в скафандр, пролезать в шлюз и обратно. Благодаря ей можно было не пользоваться лишний раз громоздкой и тяжелой грузовой дверью. Эта маленькая дверца открывалась в сторону крошечной кабинки, из которой и осуществлялось управление шлюзовыми механизмами в процессе погрузки.

Гефти впустил Керри в эту комнатенку и зашел следом. Вокруг стояла кромешная тьма. Он усадил девушку на стул у панели управления. На ощупь нашел на панели тумблер и повернул его. Раздался слабый щелчок. На панели тотчас вспыхнула россыпь бледных световых сигналов. Их отражения появились на темном экране монитора, закрепленного на кронштейне над панелью.

Понизив голос, Гефти принялся объяснять:

— Левая сторона экрана этого монитора показывает шлюз. Правая — большую погрузочную площадку перед бункером сразу за шлюзом. Свет сейчас ни там, ни там не горит, поэтому на мониторе ничего и не видно. Грузовую дверь на площадку можно открыть или закрыть только с

помощью вот этих рычажков. Я хочу заманить джанандру в шлюз, закрыть дверь и застопорить эти самые рычажки. Тогда она окажется в ловушке.

— И как же ты собираешься ее туда заманить?

— Это не так уж сложно. Я буду все время находиться в трех прыжках от нее. Потом нырну сюда, в эту кабину, и запру обе двери. Джанандра окажется внутри шлюза. Картина ясна?

— Да, пожалуй, — неуверенно проговорила Керри. — Но ведь это же очень рискованно.

— Ну, если честно, — согласился Гефти, — такой вариант мне тоже не очень-то нравится. Но делать нечего. Так что приступим прямо сейчас, пока у меня боевой настрой не выдохся. Как только я появлюсь на погрузочной площадке перед бункером, там зажжется свет. При появлении любого объекта он включается автоматически. Ты следи за правой частью экрана. Если увидишь, что джанандра меня опередила и первой вылезла на площадку, вопи что есть мочи.

Он перещелкнул два переключателя входных дверей вправо. На темном экране, чуть выше его центра, появилась красная искорка. Второй сигнал, тоже красного цвета, загорелся на переборке кабины рядом с Гефти. Продолговатая секция

переборки, над которой появился этот сигнал, оказалась дверью. Плита в полметра толщиной стала проворачиваться на мощных петлях в сторону погруженного в темноту грузового шлюза. Распахнувшись на девяносто градусов, она остановилась.

Из образовавшегося проема в кабинку управления дохнуло морозным холодом.

На экране монитора рядом с красной звездочкой появилась еще одна.

— Теперь обе двери открыты, — пробормотал Гефти. — На грузовой площадке бункера джанандры нет, иначе там включилось бы освещение. Но она могла расслышать, как открываются двери, и, видимо, уже поспешает сюда. Так что гляди на экраны в оба!

— О чем речь, Гефти, конечно! — дрожащим шепотом заверила Керри.

Гефти снял со стены массивный гаечный ключ на 34, быстро и бесшумно спустился на три ступеньки по трапу. Оказавшись на полу шлюза, он прошел к порогу гигантской грузовой двери, ось вращения которой располагалась горизонтально. Сейчас она была раскрыта в сторону грузовой площадки и утоплена в паз. Секунду Гефти провел в нерешительности. Потом шагнул из шлюза в

большой темный вестибюль грузовой площадки. Тот немедленно озарился светом как по направлению к бункеру, так и в сторону шлюза.

Гефти застыл, как статуя. Его внимание было приковано к входу в грузовой бункер в дальнем левом конце вестибюля. Он прекрасно видел, что бункер открыт. Там, внутри, вполне могла находиться джанандра. Однако протекали секунды, а темный вход хранил молчание. Из бункера тоже не поступало никакого намека на движение. Гефти поглядел направо и сделал с десяток шагов в глубь вестибюля. Потом размахнулся и запустил ключом в вентиляционную решетку на противоположной переборке.

Тяжелый инструмент громко лязгнул по решетке, отскочил и загромыхал по полу. Ощущая бешеные удары сердца, Гефти стал медленно приближаться к нему, не упуская из виду вход в бункер.

— *Гефти!* — раздался пронзительный вопль Керри, — *она уже..!*

Он резко повернулся и рванул обратно к грузовому шлюзу. Джанандра тихонько вылезла из ближайшего бокового прохода за Гефти и теперь подкрадывалась к нему в столь запомнившейся ему скользящей манере, держа голову в метре

над полом. Капитан «Королевы» проскочил через шлюз, с разбега запрыгнул сразу на верхнюю ступеньку перед дверью и, спотыкаясь, ввалился в кабинку. Керри вскочила со стула и во все глаза уставилась на него. Гефти одним махом перекинул переключатель двери влево, придавив его к панели. Дверь задвинулась в стену позади него с такой силой, что задрожал пол.

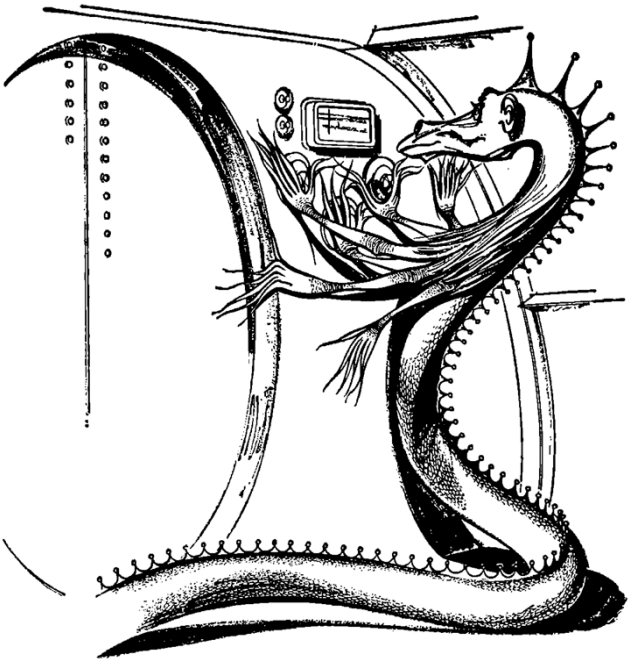
На экране монитора было видно, как по тускло освещенному шлюзу металось толстое, темное, червеобразное тело джанандры, пытаясь найти выход в просторный вестибюль. Она уже поняла, что сейчас окажется в западне. Переключатель грузовой двери был прижат к панели рядом со своим собратом, и массивная дверь поднялась с неожиданной быстротой. Тяжелое тело с размаху ударилось об нее и сползло на пол. Дверь затворилась. Ту часть экрана, что показывала территорию грузового шлюза, окутал мрак.

— Получилось, — получилось, — получилось!.. — услышал Гефти свой торжествующий шепот и включил внутреннее освещение шлюза.

Сразу же вслед за этим он тихонько выругался сквозь зубы, а у Керри, стоявшей рядом, перехватило дыхание.

* * *

На экране бесновалась джанандра. Самое интересное, что ее буйные телодвижения внутри шлюза явно имели осмысленный характер, они были целенаправленными.



Кроме того, теперь стало ясно, что она пред-

ставляла собой более сложное и организованное существо, нежели то, каким показалось на первый взгляд из-за своего длинного червеобразного тела и массивной головы. Так, в частности, шкура на расстоянии примерно трех метров от головы раздалась в стороны, образовав широкую, гибкую оборку. Из-под нее выпросталось наружу с полдюжины мертвенно-бледных конечностей. Эти конечности, как и человеческие руки, разделялись на суставы. Вместе с ними из-под оборки показались какие-то развевающиеся, похожие на ленты, придатки, еще более трудно описуемые. Существо привстало на дыбы у двери вестибюля, исследуя поверхность преграды всеми своими членами. Потом оно внезапно развернулось и метнулось к внешней двери шлюза. Три «руки» ухватились цепкими пальцами за штурвалы трех поворотных замков, принялись их вращать.

— Керри, она собирается…

Но джанандре это не удалось. Штурвалы застопорились, а затем открутились в обратном направлении. Замки вновь затянулись туго-натуго. Джанандра отпрянула от двери и приподнялась над полом на половину своей длины, вращая головой по сторонам. Она осматривала верхние полки с инструментом. Вдруг «рука» протянулась

к одной из полок, и что-то с нее выхватила. Потом существо снова повернулось, и в следующее мгновение голова заполнила целиком весь экран. Керри сдавленно вскрикнула и в испуге отпрянула, натолкнувшись на Гефти. Выпуклые, зеленые, с металлическим блеском глаза, казалось, уставились прямо на него. И тут экран погас.

— Что произошло, Гефти? — шепотом спросила Керри.

Гефти сглотнул слюну и вымолвил:

— Тварь раскокала видеокамеру. Должно быть, догадалась, что мы за ней наблюдаем, и ей это не понравилось… Я начал было думать, что Молбоу каким-то непостижимым, сверхъестественным образом управляет джанандрой на расстоянии. Но потом понял, что никаких чудес тут нет. То, что она вылезла из бункера, открыла стыковочные шлюзы, когда забралась на главную палубу, потом спустилась вслед за нами — все это она проделала сама, независимо от Молбоу. Скорее всего, она его компаньон, а не слуга. Возможно, за этой уродливой физиономией скрывается интеллект, ничуть не меньший, чем у любого из нас троих.

Керри облизала губы.

— А она может… Она не выберется оттуда?

— Назад, в корабль? — Гефти решительно помотал головой. — Не-а. Она могла запросто вывалиться за борт. И чуть было это не сделала. Но потом вовремя сообразила, где находится, и что ей нужно предпринять. Однако внутренние двери шлюза не откроются, пока кто-то не откроет их с этой панели. Не-ет, эта тварь заперта надежно. С другой стороны…

С другой стороны, до Гефти дошло, что теперь он никак не сможет выгнать джанандру из грузового шлюза и отправить ее в Великий Поток. Конечно, она не скрывала своих недружелюбных намерений, но по уровню интеллекта не уступала капитану. Возможно, в чем-то она даже превосходила его. В настоящий момент змея была беспомощна. Избавиться от нее, как он планировал первоначально, означало хладнокровное убийство разумного существа. Пойти на это Гефти не мог. Но пока безобразный и неукротимый партнер Молбоу по космическим полетам оставался в грузовом шлюзе, этот шлюз нельзя было использовать, чтобы избавиться от блока управления, находившегося в бункере.

Гефти отчаянно стал перебирать в уме всевозможные тяжелые инструменты, которые можно было бы применить в качестве оружия, чтобы

укротить джанандру и загнать ее куда-нибудь в другое место на корабле.

И тут решение пришло само собой. Вполне можно было совершить одну операцию, правда, довольно ненадежную и отнимающую много времени — и это в лучшем случае. Потом пришла другая мысль: грузовой бункер прилегал прямо к корпусу «Королевы»…

Сколько времени займет пробиться через корпус? Долбежное, резательное, дробильное и прочее оборудование на борту имелось. Инструменты обладали автономными источниками питания. Надеть космический скафандр, откачать воздух со всей грузовой палубы, оставив джанандру запертой в грузовом шлюзе, беспомощного Молбоу в лазарете и Керри в отсеке управления, предварительно облаченную в скафандр — для дополнительной защиты. Затем отключить энергопитание, поступающее на эту палубу, чтобы не возиться с запутанной схемой электроснабжения «Королевы», и работать в открытом космосе — с полчаса, если поторопиться.

* * *

— Осталось еще десять минут, не больше, — сообщил он по переговорному устройству скафанд-

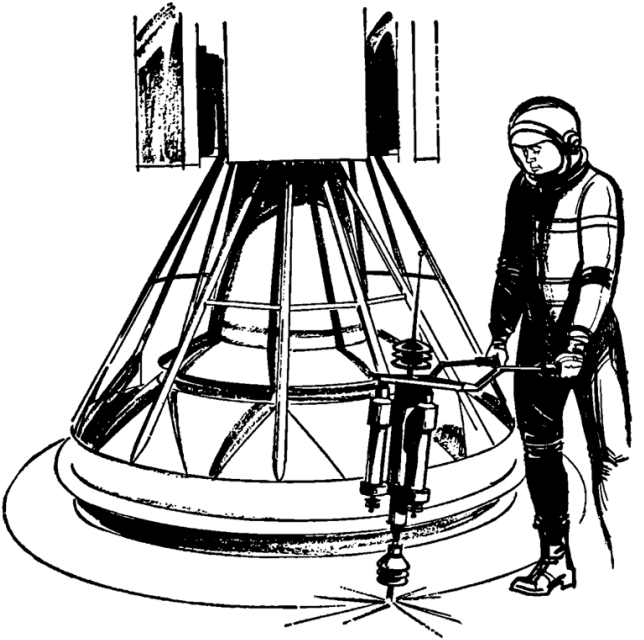
ра, когда дело близилось к концу.

— Я очень рада это слышать, Гефти, — отозвалась Керри дрожащим голосом.

— Что-нибудь происходит на экранах монитора? — поинтересовался он.

Она замялась немного, и промолвила:

— Нет, во всяком случае, не сейчас.



Гефти крякнул, поморгал несколько раз (пот заливал глаза), и. снова взялся за рукоятку тяже-

лой камнерезки, опустив рабочей частью вниз, к полу бункера. Световой искатель нашел место, где проводился распил. Инструмент выпустил плоский, как лист, пучок лучей, который стал мало-помалу въедаться в толстую обшивку «Королевы», удлиняя уже проделанную прорезь. Гефти наметил круг в восемь метров диаметром вокруг изрядно потрепанного блока управления Молбоу и прикрепленной к нему аппаратуры, на приличном расстоянии от хрупкого на вид генератора предохранительного поля. Круг не задумывался сплошным. В четырех местах разрыва — на равном расстоянии друг от друга — Гефти собирался заложить взрывчатку. Сдетонировав одновременно в этих четырех точках, взрывчатка должна была разрушить крепежные звенья, соединяющие бункер с корпусом, и отбросить прочь агрегат Молбоу. Если это не избавит «Королеву» от его воздействия на ход событий, надо будет попробовать запустить на полную тягу маршевые двигатели.

— Гефти? — раздался голос Керри.

— М-м?

Он расслышал по интеркому, как она сглотнула слюну.

— Огни опять вернулись.

— Сколько их?

— Два, — сообщила Керри. — Мне кажется, что их два. Они все время снуют перед нами. — Она нервно рассмеялась. — Глупо, конечно, но у меня такое ощущение, что они на нас смотрят.

Гефти нерешительно произнес:

— У меня практически все готово, но понадобится минута-другая, чтобы еще немного ослабить последнее сочленение. Если я подорву заряды раньше времени, машина Молбоу полностью не отстанет от корабля.

— Я понимаю, — сказала Керри. — Я просто буду наблюдать… Они только что опять исчезли. — Ее голос изменился. — А теперь тут объявилось еще что-то.

— Что именно?

— Ты ведь сказал, чтобы я следила за световыми сигналами грузового шлюза на аварийной панели.

— Ну да.

— Так вот, внешняя дверь шлюза только что открылась.

— Что?!

— Должно быть, так. Я смотрела на панель, и вот как раз сейчас замигала красная лампочка.

Гефти замолк на мгновение, его мысли пришли в смятение. Зачем джанандре понадобилось

открывать шлюз? Молбоу говорил, что она некоторое время способна обходиться без воздуха. Но за пределами корабля она точно не найдет ничего, кроме верной смерти.

А что, если, подумал Гефти, джанандре стало каким-то образом известно, что он собирается вышвырнуть с «Королевы» их с Молбоу машину… В грузовом отсеке находились тросы с дреками. Если четыре или пять из них прицепить к кольцеобразной секции корпуса, которую он ослабил…

— Керри, — позвал он.

— Да?

— Я собираюсь взорвать это дело прямо сейчас. Ты закрепила скафандр на стене, как я тебе показывал?

— Да, Гефти.

Ее голос был слабый, но четкий.

Он отодвинул резак от линии, которую проделал, и оттолкнул его прочь. Тот откатился на своих роликах к дальней стенке. Гефти быстренько обошел круг, проверяя детонаторы на всех четырех зарядах, протопал к проходу в бункер и остановился прямо за углом. Наконец, вынул запальный ящичек из скафандра.

— Готова, Керри? — Он открыл ящичек.

— Готова…

— Врубаю! — Гефти запустил руку в ящичек, повернул запальный тумблер. В бункере полыхнуло огнем. Палуба задрожала под ногами. Спотыкаясь, Гефти вышел из-за стены.

Машина Молбоу исчезла вместе с подставкой для обслуживающей аппаратуры и самой аппаратурой. Там, где она стояла, образовалась темная круглая дыра. Больше, на первый взгляд, ничего не произошло. Гефти, тяжело ступая, поспешил к камнерезке, развернул ее и осторожно подкатил к двери. У него не было ни малейшего представления, что сейчас произойдет, но, вполне возможно, скоро здесь замаячит темный силуэт джанандры, заползающий в бункер из вакуума. Лучшим способом отвадить тварь от попыток вновь забраться на «Королеву» — это встретить ее плоским лучом резака.

Вместо этого все вокруг внезапно залил ослепительный свет. Камнерезку вырвало из рук Гефти. Затем его самого подбросило и со всей силы припечатало к потолку. У него возникло ощущение, что корабль периодически сотрясают неслышимые раскаты грома. А его самого будто прижал пальцем незримый великан и теперь перекатывает из стороны в сторону. В конце концов, скафандр превратился в нечто совсем уж

неудобоваримое, и Гефти потерял сознание.

* * *

Левая сторона лица распухла, левый глаз ничего не видел, в макушке пульсировала резкая боль. Тем не менее, Гефти был очень доволен.

Состоялось несколько обсуждений состояния дел на текущий момент.

— Разумеется, — объяснил он девушке, — сейчас мы можем с уверенностью сказать только одно: мы снова очутились в благословенном нормальном пространстве и находимся где-то в пределах родной Галактики.

Керри вяло улыбнулась.

— Но ведь это еще не победа, да, Гефти?

— Но зато и не поражение!

Он окинул моноскопическим взглядом аппаратную. На консоли горел ранее установленный им фонарь аварийного освещения. За исключением аппаратной, остальной отсек управления был погружен в темноту. Возобновившаяся бомбардировка, которой подверглась «Королева», лишила энергии всю носовую часть звездолета. Экраны всех мониторов были черны, приборы бездействовали. Но через продырявленный пол бункера Гефти успел заметить звезды нормаль-

ного пространства. Это что-нибудь да значило…

— Возможно, за все стоит сказать спасибо огню, которым нас шандарахнуло, — сказал он. — Мне не вполне понятно, что произошло, но вполне вероятно, что он атаковал скорее блок управления Молбоу, нежели корабль. В разговоре со мной Молбоу утверждал, что эти блуждающие огни чувствительны к блоку. Во всяком случае, мы — здесь, в обычном пространстве, и избавлены от агрегата Молбоу — и от джанандры. — Он замялся. — Мне кажется, не стоит слишком сильно обольщать себя надеждой. Может оказаться, что мы находимся на очень большом расстоянии от Ядра Звездного Скопления.

Глаза Керри так лучились доверием, что капитану стало не по себе.

— Если даже и так, — безмятежно сказала она, — то ты тем или иным способом сумеешь вернуть нас домой.

Гефти откашлялся.

— Ладно, поживем — увидим. Если ремонтным сканерам удастся восстановить энергоснабжение «Королевы», приборы оживут в любую минуту. Дадим им ровно десять минут. Если к этому сроку восстановление не произойдет, значит, это сканерам не по силам, и мне придется немного побыть

слесарем-ремонтником. А если навигационные приборы придут в рабочее состояние, мы сможем точно определить наше местонахождение.

Если только их не занесло куда-нибудь в отдаленный спиральный рукав, сказал он себе мысленно, куда никогда не добирались картографические бригады Федерации. Оставался еще один, малюсенький вопросик: в каком времени они сейчас находятся? Но поскольку Керри от облегчения даже порозовела, он решил, что не надо спешить с выяснением всех подробностей.

Он взял другой аварийный фонарь, включил его и произнес:

— Пока мы ждем подключения энергии, пойду проведаю, как там Молбоу. Если он продержался до сих пор благодаря оказанной ему первой помощи, то, может, автохирург поставит его на ноги окончательно.

На лице Керри появилось виноватое выражение:

— Я совсем забыла про мистера Молбоу! — Она помялась немного. — Мне пойти с тобой?

Гефти отрицательно покачал головой.

— Помощь мне не понадобится. Эти жужжащие штуковины работают безболезненно для пациента, но все равно, зрелище не из приятных,

уж поверь.

Когда он добрался до лазарета, который был на автономном электропитании, он выключил фонарь. Открыв дверь в бокс, где теперь лежал Молбоу, чтобы занести туда автохирург из соседней амбулатории, Гефти стало ясно, что Молбоу все еще жив, но, по всей видимости, находится в горячке. Гефти поставил автохирург на стол и взглянул на Молбоу. Тот медленно ворочался в кровати, насколько это позволяли ему инструменты экстренного медицинского вмешательства, мягко и осторожно ограничивающие свободу движений пациента. Он что-то говорил низким голосом. Лицо было искажено от предельного волнения. Слова произносились им четко, раздельно, но звучали они совершенно незнакомо для Гефти. Было очевидно, что Молбоу полагает, что находится в своем родном времени. Несколько секунд он оставался в неведении, что его навестил Гефти. Потом сощуренные глаза пришельца из будущего неожиданно расширились, и Молбоу гневно закричал.

Гефти почувствовал некоторое замешательство. Молбоу должен был пребывать в бессознательном состоянии хотя бы потому, что находился под анестезией. Тем не менее, он был

в сознании. Речь Молбоу стала теперь полностью понятна. И слова, им произносимые, стоили бы внимания, да только при другой обстановке. Гефти поспешил прервать этот словесный поток.

— Послушайте, — сказал он спокойно, — я пытаюсь вам помочь. Я…

Теперь Молбоу прервал его, но отнюдь не спокойным тоном.

Гефти послушал немного и пожал плечами. Ну, не нравился он Молбоу, и все тут! Положа руку на сердце, Гефти мог заявить, что Молбоу тоже не вызывает в его душе положительный отклик. А то, что он сейчас услышал от Молбоу, заставляло любить его еще меньше. И все-таки, в меру своих ограниченных возможностей, Гефти старался сохранить жизнь человеку из грядущих времен.

Он поместил автохирург у изголовья кровати, чтобы тот мог приступить к анализу состояния больного. Потом занял такое место у пульта управления аппаратом, чтобы можно было следить за действиями автохирурга и одновременно наблюдать за Молбоу, находясь вне его поля зрения, чтобы излишне его не возбуждать. В следующее мгновение автохирург отключил средства первой помощи и аккуратно ввел сильное успокаивающее. Затем принялся ждать.

Молбоу должен был впасть в беспамятную дремоту уже через тридцать секунд. Однако препарат, казалось, подействовал на сознание Молбоу так же неэффективно, как и предшествующее анестезирующее средство. Раненый продолжал метаться и вопить, что есть мочи. Гефти встревоженно наблюдал за ним, понимая, что перед ним — совершенно невменяемый субъект. В настоящий момент он не мог ничего поделать, — заключение автохирурга было надежнее любых непрофессиональных догадок. А тот продолжал выжидать.

А потом Молбоу скончался. Это произошло внезапно. Судорожно напрягшееся тело конвульсивно дернулось, а искаженные черты лица, наоборот, смягчились. Глаза остались полуоткрытыми, и, когда Гефти подошел к кровати сбоку, они, казалось, продолжали смотреть, но теперь уже неподвижно. Из угла обмякшего рта показалась тоненькая струйка крови — и замерла…

* * *

Когда Гефти вернулся в аппаратную, там было все так же темно. Энергоснабжение еще не было налажено. Вкратце сообщив Керри о случившемся, он добавил:

— Знаешь, я совсем не уверен, что твой бывший босс был человеком. И это лучше, чем наоборот.

— Почему так, Гефти? — Керри внимательно всмотрелась в его лицо.

Помявшись немного, Гефти произнес:

— Поначалу мне показалось, что он пришел в ярость оттого, что мы расстроили его планы. Но это были не его планы… а джанандры. Это он был ее слугой, вернее, питомцем. Пожалуй, точнее, следует сказать, что он являлся для нее чем-то вроде домашнего животного.

— Но ведь это невозможно! — недоверчиво промолвила Керри. — Подумай только, как разумно излагал мистер Молбоу…

— Он следовал чужим предписаниям, — сказал Гефти. — Джанандра сообщала ему обо всем, что ей было нужно, чтобы он для нее сделал. Когда он пытался меня прикончить после того, как я убежал из бункера от этой твари, он тоже выполнял указание. Решения принимала только джанандра… Из них двоих именно она обладала подлинным разумом. Ей бы капельку везения, и она сумела бы завладеть кораблем.

Керри кротко улыбнулась.

— Но ты, как мне кажется, довольно успешно справился с ее могучим интеллектом.

— Просто удача оказалась на моей стороне, — сказал Гефти. — В общем, там, откуда пришел Молбоу, командуют существа, подобные джанандре. И вся штука в том, что Молбоу это вполне устраивало. Иного он просто не желал. Когда нас поразил тот последний огонь, он убил джанандру, которая в тот момент находилась снаружи. Молбоу почувствовал, что она погибла, и это окончательно вывело его из равновесия. Он хотел отомстить за ее смерть, прикончив нас обоих. Но так как он был беспомощен, то покончил с собой. Он совсем не хотел, чтобы его вылечили — во всяком случае, он не желал принимать помощь из моих рук. Вот так все это выглядит, если вкратце.

Он потянулся, взглянул на часы и поднялся с кресла.

— Ну что ж, — сказал он, — десять минут, которые я дал «Королеве» на то, чтобы вновь подключиться к энергоснабжению, истекли. Кажется, моя старушенция с этим не справилась. Так что господину капитану придется засучить ру…

Бесшумно включилась косвенная система освещения аппаратной. Аварийная подсветка мигнула и погасла. Гефти завертел головой по

сторонам.

Керри уставилась мимо него на экраны мониторов. Лицо ее сияло.

— О, Гефти! — тихонько всхлипнула она. — Наши звезды, Гефти!

* * *

— Зеленая точка вот здесь, — это мы, — объяснял Гефти с легкой хрипотцой в голосе. Откашлявшись, он продолжил: — Истинное местоположение «Серебряной Королевы», это... — Гефти умолк, понимая, что говорит слишком много и торопливо. Он почти что трещал, как сорока, пытаясь подобным способом хоть как-то ослабить напряженность момента. В следующие несколько секунд их местоположение может и не проясниться, но за это время станет понятно, находятся ли они вне областей космоса, охваченных технической деятельностью Федерации, или им повезло. Тогда они узнают, есть ли шанс вернуться домой (к худу это, или к добру — неведомо) или им суждено безнадежно затеряться в бездонных пучинах космоса.

В великолепных узорах густых звездных скоплений, которые показывали экраны мониторов, не было ничего узнаваемого. Но Гефти не стал

углубляться в размышления по этому поводу. До тех пор, пока точное местонахождение корабля не было определено, или хотя бы не стало известно, находится ли корабль в зоне проложенных космических маршрутов, искать знакомые вехи по развернутой над головой звездной россыпи было пустой тратой времени.

Гефти включил на «тарелке» локатора исходную звездную карту. На ней вновь появилась крохотная светло-зеленая точка. Теперь вокруг нее светился красный ободок. Она как бы висела на фоне трехмерного изображения бездонного Млечного Пути. Некоторое время искомая точка оставалась неподвижной, потом стала плавно перемещаться в восточную часть Галактики. Гефти затаил дыхание. Он чувствовал на себе пристальный взгляд Керри, но все же не сводил глаз с «тарелки» локатора.

Зеленая точка замедлила ход и остановилась. Гефти четыре раза нажал на одну и ту же кнопку. Большая карта пропала из виду, и на «тарелке», быстро сменяя друг друга, появились и исчезли три локальные звездные карты. Осталась только четвертая по счету. Зеленой искорки в красном кружочке на ней не было заметно в течение нескольких секунд. Потом она всплыла у восточ-

ного края карты, заскользила вверх и налево, снова замедлила свое движение и, наконец, остановилась. Теперь звездная карта вместе с зафиксированной на ней зеленой точкой стала плавно перемещаться по локаторной «тарелке». Карта вплотную поднесла эту точку к «мертвому» центральному пятну на локаторной «тарелке» и замерла.

Гефти немного расслабился. Он медленно провел руками по лицу и что-то пробормотал. Потом тряхнул головой.

— Гефти, — прошептала Керри, — что это? Где мы?

Он посмотрел на девушку.

— После того, как нас затянуло в этот Поток Времени, — сказал он хрипло, — я пытался выяснить, в каком направлении нас несет. Судя по этим индикаторам курса, мы пытались двигаться сразу во всех направлениях. Помнишь, блок управления Молбоу барахлил, ибо нуждался в дополнительной наладке? Ну, в общем, все эти мелкие толчки в разные стороны скомпенсировали друг друга, поэтому нас занесло не так уж далеко. За последние полтора часа мы покрыли расстояние, примерно равное тому, какое проходит «Королева» на полном ходу, скажем, за

месяц.

— Тогда где же…

— Дома, — просто сказал Гефти. — Это даже смешно! Мы находимся просто по другую сторону от Ядра. Она противоположна той, откуда мы стартовали. — Он кивком головы указал на «тарелку». — Восточный квадрант Ядра, участок шестьдесят восемь. Участок Г-два позади зеленой точки — это система Эвали. Если попросим помощи, то три часа спустя к нам подойдет, чтобы взять на буксир, Межзвездный Эвали.

Керри засмеялась и заплакала одновременно.

— О, Гефти! Я была уверена, что ты сможешь…

— Но, тем не менее, попотеть пришлось изрядно! Слишком много было поставлено на карту. — Гефти вдруг подался вперед и включил передатчик. — А сейчас давай-ка послушаем последние эвалийские новости. Есть еще кое-что, что я…

Его голос медленно затих. На табло передатчика высветилась беспорядочная и совершенно непонятная мешанина из букв и разноцветных пятен; из динамика послышалась какофония голосов, музыки и прочих звуков. Гефти покрутил ручку настройки. Табло очистилось, и на нем появилась полоса свежих новостей. Гефти прищурился на

нее, скосил глаза на Керри, поморщился.

— Это кое-что, — сказал он немного натянуто, — меня также беспокоило. Похоже на то, что я был более или менее прав.

— А что такое?

— Ничего страшного, — заверил ее Гефти и добавил: — Но это лично мне так кажется. Взгляни на дату выпуска новостей Федерации.

Керри всмотрелась в табло и нахмурилась.

— Но…

— Ага.

— Да ведь это… это же почти…

— Это был тот день, — сказал Гефти, — вернее, сегодня тот день, который последовал непосредственно за датой нашего отправления из Ядра на запад Галактики. Что произошло три недели тому назад. Мы должны были только что миновать Миам. — Он подпер рукой подбородок. — Интересная мысль, не правда ли?

Керри долго молчала.

— Значит, они… то есть мы…

— О, они — это мы, будь покойна, — сказал Гефти. — Иначе и быть не может, разве не так?

— Я тоже так считаю. Это все кажется таким запутанным. Вот что я подумала… Если бы ты связался с ними по радио…

Гефти помотал головой.

— Передатчик «Королевы» не настолько мощный, но его сигнал может достичь Эвали. Через них мы можем затем выйти на КомСеть, и через десять минут или около того… Но я не думаю, что нам следует это сделать.

— Почему? — заинтересовалась Керри.

— Потому что раз уж мы благополучно выбрались из всей этой заварухи, то надо, чтобы для нас все закончилось так же благополучно. Но если мы получим сейчас то самое их сообщение и в то же время никогда не отправимся на луну Молбоу… понимаешь? Просто невозможно узнать, что из этого выйдет.

Керри выглядела неуверенной. Она нахмурилась.

— Наверное, ты прав, — наконец согласилась она с неохотой. — Значит, мистеру Молбоу так и придется оставаться мертвым. И джанандре тоже. — Через секунду она добавила: — Ну и пусть, ведь эта парочка далеко не ангелы.

Гефти передернуло. Но не от слов девушки.

Помимо всего прочего, из бреда Молбоу он узнал истинную причину, по которой тот взял с собой в путешествие Керри и Гефти. И причина эта не допускала никаких кривотолков: нежная

забота Молбоу о гастрономическом благополучии своего хозяина. Джанандра могла обходиться без пищи довольно долго, но после многолетнего поста на луне разговеться парочкой мясных закусок по дороге домой ей бы совсем не помешало.

А ведь джанандра была гурманом. Она предпочитала, как это было известно Молбоу, чтобы закуска была свежей и, даже будучи проглоченной, продолжала барахтаться и извиваться в ее желудке.

— Да уж, — сказал Гефти, — я бы тоже ангелами их назвать постеснялся — и того, и другого.

Эрик Фрэнк Рассел
Дьявологика

Облетев планету, он внимательно осмотрел ее. Без сомнения, эту планету населяли существа с высокоразвитым интеллектом. Доказательством тому были легко узнаваемые с высоты судоверфи, переплетения железнодорожных рельсов в сортировочных пунктах, энергостанции, каменоломни, заводы, шахты, комплексы жилых строений, мосты и еще немало других свидетельств обитания на планете быстро размножающихся существ, наделенных разумом. Крайне важно было наличие космопортов. Он их насчитал три.

Глядя вниз через небольшой иллюминатор рубки, он понял, что контакт чреват опасностью. За множество столетий освоения человеком космического пространства было открыто более семисот планет, пригодных для жизни. Их обследовали. На всех обитали живые существа. Разумные — на немногих. Но до этого самого мгновения еще никто не сталкивался со столь высокоразвитой формой жизни.

Он послал бы радиограмму с подробным описа-

нием увиденного, если бы находился в пределах досягаемости пограничного сторожевого поста. Даже теперь еще не поздно полететь обратно и через семнадцать недель оказаться в зоне, откуда его сигнал будет принят этим постом. Но в таком случае ему придется искать планету, где он сможет дозаправиться, а ведь сейчас до нее рукой подать. На этой планете, несомненно, было горючее. Быть может, они поделятся с ним.

Сейчас же запаса горючего ему хватит только на то, чтобы совершить посадку и потом вернуться на базу. Э! Синица в руках лучше журавля в небе. Он изменил направление полета, и корабль нырнул в атмосферу чужой планеты, взяв курс на самый большой космопорт из трех.

Казалось, будто они выскочили из-под земли, как это случается у людей, когда на пустынной дороге происходит автокатастрофа. Аборигены были низкорослы — самые высокие не превышали пяти футов. Не будь этого, они походили на него, розовощекого и голубоглазого, не менее, чем монголоиды, обросшие мягкой серой шерстью.

Окружив плотным кольцом космолет, они тараторили, жестикулировали, подталкивали друг друга локтями, о чем-то спорили, пожимали плечами — словом, вели себя, как толпа

зевак, собравшаяся на краю глубокой темной ямы, из которой доносятся странные звуки. Их поведение было примечательно тем, что ни один из аборигенов не выказал и тени страха, никто даже украдкой не пытался отойти подальше от космолета. Единственное, чего они опасались — это внезапного выхлопа газов из молчавших сейчас сопел реактивных двигателей. Он вышел не сразу. Согласно Правилу э 1 перед выходом необходимо проверить состав атмосферы чужой планеты. Воздух, которым дышат аборигены, вполне может оказаться для него непригодным.

Анализатору Шрибера требовалось четыре минуты, чтобы сообщить своему повелителю, может ли тот милостиво снизойти до того, чтобы дышать этой смесью.

Выключив анализатор, он открыл входной люк, уселся, свесив ноги, которые теперь свободно болтались в восьмидесяти ярдах от поверхности планеты. С этого удобного наблюдательного пункта он спокойно разглядывал толпу, как человек, который может плюнуть кому-нибудь в физиономию, зная, что на ответный плевок никто не осмелится. Шестое правило дьявологики гласит: чем выше, тем недоступнее. Доказательство: тактическое преимущество чаек перед людьми.

Поскольку те, внизу, были существа разумные, они быстро оценили невыгодность своего положения. Не имея возможности вскарабкаться наверх по полированной поверхности корабля, они практически были не в состоянии добраться до пришельца. Впрочем, они жаждали приблизиться к нему, не имея при этом каких либо враждебных намерений. Ведь желание тем сильнее, чем меньше возможности его удовлетворить.

Чтобы еще больше раздразнить их, он повернулся к ним боком, обхватив руками согнутую в колене ногу, и продолжал разглядывать их с видом полного превосходства. А они должны были стоять и пялить на него глаза, рискуя вывихнуть себе шеи.

Чем дольше это продолжалось, тем большее нетерпение проявляли аборигены. Некоторые уже что-то кричали ему скрипучими голосами. Этим он снисходительно улыбался. Другие пытались объясниться с ним жестами. Он отвечал им тоже жестами, что отнюдь не радовало тех, кто поумнее. По какой-то непонятной причине ни одного ученого не заинтересовал вопрос, почему в любом уголке Вселенной одни и те же жесты вызывают у тех, к кому они обращены,

только отрицательные эмоции. Те, кто изучал основы дьявологики, проходили курс, известный под названием «Уязвление с помощью жестов». Усвоив его, человек в любой ситуации был способен выразить свое презрительное отношение к любому инопланетянину наиболее обидным для того жестом.

Какое-то время толпа беспокойно шевелилась; аборигены покусывали серую шерсть на пальцах рук, тихо переговаривались и иногда бросали в его сторону злобные взгляды. Они по-прежнему держались вне опасной зоны, видимо, думая, что у существа, разлегшегося у входного люка, вероятно, есть напарник, который дежурит у пульта управления.

Так продолжалось до тех пор, пока не подъехало несколько неуклюжих громоздких автомашин, из которых высыпали солдаты. Вновь прибывшие, одетые в униформу цвета вывалявшейся в грязи свиньи, были вооружены дубинками и ручными пулеметами. Они построились в три ряда, повинуясь лающим звукам команды, резко повернулись направо и зашагали вперед. Толпа расступилась, пропуская их. Они окружили корабль, отрезав его от скопища зевак.

Трое офицеров торжественно прошлись по

кругу и внимательно все осмотрели, соблюдая, однако, безопасную дистанцию. Потом они вернулись на исходные позиции, и, задрав головы, устремили взгляд на инопланетянина.

Старший из трех офицеров похлопал себя по тому месту, где у него, должно быть, находилось сердце, наклонился и постучал рукой по земле, а когда снова поднял глаза на сидевшего высоко над ним гостя, придал своему лицу безмятежно миролюбивое выражение. С его запрокинутой головы слетела фуражка, и, повернувшись, чтобы ее поднять, он на нее наступил.

Как видно, это маленькое приключение доставило удовольствие тому, кто находился на восемьдесят ярдов выше — он хихикнул и свесился наружу, чтобы получше рассмотреть неуклюжего офицера. Офицер, с покрасневшим под серой шерстью лицом повторил свой призывный жест. На этот раз тот, другой, соизволил его понять. Небрежным кивком он выразил свое согласие и скрылся в корабле. Спустя несколько секунд по поверхности корабля змеей скользнула нейлоновая лестница, и нарушитель спокойствия спустился по ней с ловкостью обезьяны.

Когда он предстал перед ними, солдат и толпу любопытных поразили безволосое лицо, огром-

ное могучее тело и то, что, насколько они могли судить, у него не было никакого оружия. Следовало ожидать, что его внешность окажется необычной. В конце концов они сами сделали несколько вылазок в космос и видели еще более диковинные формы жизни. Но какое, спрашивается, живое существо обладает таким высокоразвитым интеллектом, чтобы выстроить космолет, и вместе с тем настолько неразумно, что пренебрегает какими бы то ни было средствами защиты? Их мышление всегда подчинялось законам логики. Убогие недоумки.

Офицеры и не пытались завести разговор с этим экспонатом из необозримых просторов космоса. Они не обладали телепатическими способностями, а опыт, приобретенный в космических путешествиях, открыл им одну простую истину: от издаваемых ртом звуков нет никакой пользы, пока та или иная сторона не научится понимать их значение. Поэтому они жестами объяснили ему, что хотят отвезти его в город, где с ним встретятся другие аборигены, более сведущие в вопросах установления контактов. Они прекрасно объяснялись с помощью рук, что естественно для чуть ли не единственных, по их мнению, разумных существ, которым удалось

открыть новые миры.

Он согласился на это с высокомерием владыки, который снисходит до общения со своими подданными, он повел себя так с первой же минуты встречи с аборигенами. Быть может, под влиянием анализатора Шрибера он немного перегибал палку. Когда охранники повели его к грузовикам, толпа расступилась снова. Он прошествовал через образовавшийся проход, одарив всех язвительным жестом э 17 — кивком, которым дал понять, что признает их право на существование и уж как-нибудь вытерпит их примитивный интерес к своей персоне.

Грузовики покатили прочь, оставив позади космолет с открытой дверью и болтающейся в воздухе лестницей. Не осталось незамеченным, что пришелец не принял никаких мер, чтобы помешать им проникнуть внутрь корабля. Пусть, мол, специалисты обыскивают его и беспрепятственно воруют идеи у других мыслящих существ, которые, подобно им самим, проторили дорогу в космос.

Ни один из представителей таких высокоразвитых существ не мог быть столь преступно небрежен. Следовательно, тут и речи не было ни о какой небрежности. Отсюда логический

вывод: принцип устройства корабля не стоит того, чтобы его засекречивать, ибо это устройство безнадежно устарело. Или же, напротив — позаимствовать какие-либо идеи невозможно, потому что существа, не достигшие определенного уровня развития, все равно в них не разберутся. За кого он их принимает? Уж они его проучат, тому свидетель сам Кас, владыка преисподней. Один из младших офицеров влез по лестнице наверх, осмотрел корабль, спустился на землю и доложил, что не обнаружил больше ни одного пришельца; там не было даже ручного лансима и ни крошки съестного. Выходит, незнакомец прибыл сюда один. Эта новость облетела толпу. На аборигенов она не произвела особого впечатления. Вот если б их посетила целая флотилия боевых кораблей с десятью тысячами солдат на борту, такое они бы поняли. Ведь это была бы демонстрация военной мощи, превосходящей их собственную.

Тем временем грузовики покинули территорию космопорта, промчались миль двадцать по сельской местности и въехали в город. Здесь машина, которая шла во главе колонны, отделилась от остальных, свернула к западному предместью и наконец остановилась перед похожим на кре-

пость зданием, окруженным высоченной стеной. Пришелец вылез из машины, и его тут же препроводили в тюремную камеру.

Здесь он тоже повел себя странно. Ему следовало бы возмутиться: никто ведь еще не объяснил ему, почему с ним так обошлись. А он вот не возмутился. Полюбовавшись на аккуратно застеленную койку, словно она являла собой предмет роскоши, предоставленный ему в знак признания его полномочий, он, как был, в одежде, в ботинках, улегся на нее, глубоко, с удовлетворением вздохнул и погрузился в сон, Рядом с его ухом висели часы, и их тиканье заменило ему неумолчное тиканье автопилота, без которого в космосе по-настоящему не заснешь. В камеру не раз заглядывали охранники, чтобы проверить, не пытается ли он потихоньку отпереть замки или распылить на атомы каким-нибудь своим, неизвестным им способом прутья решетки. Но он все храпел, отрешенный от мира, не подозревая, что тревожный озноб мало-помалу охватывает всю космическую империю.

Он еще спал, когда пришел Пэрмис, нагруженный книгами с картинками. Пэрмис уселся на стул около кровати и стал терпеливо ждать, пока от соседства со спящим не отяжелели его

собственные веки, и он поймал себя на том, что мысленно прикидывает, удобно ли лежать на застеленном ковром полу. Тут он решил, что ему следует либо взяться за работу, либо улечься на пол. И он разбудил спящего, потыкав его в бок пальцем.

Они взялись за книги. "Ах — это «ахмад» — резвящийся в траве. «Ай» — это «айсид» — запаянный в стекле. "Оом — это «оом-тук» — найден на Луне. «Ухм» — это «ухмлак» — смешит толпу везде. И так далее. Прерывая урок только для того, чтобы поесть, они заучивали слова весь день напролет и достигли немалых успехов. Пэрмис был первоклассным педагогом, пришелец — наиспособнейшим учеником, который мгновенно схватывал все и ничего не забывал. В конце этого первого урока они уже могли немного побеседовать, обменяться несколькими простыми фразами.

— Меня зовут Пэрмис. А как зовут вас? — Уэйн Гилдер. — Два имени? — Да. — А как зовут вас во множественном числе? — Землянами. — А мы называем себя вардами.

Из-за недостатка слов разговор на этом закончился, и Пэрмис ушел. Через девять часов он вернулся в сопровождении некоего Герки,

который был помоложе и специализировался на декламации — он бубнил одни и те же слова и фразы до тех пор, пока его слушателю не удавалось повторить их с безукоризненным произношением. Они занимались этим еще четыре дня с утра и до позднего вечера. — Вы не пленник.

— Знаю, — сказал Гилдер мягко, но достаточно самоуверенно. Пэрмис несколько растерялся. — Откуда вам это известно?

— Вы б не осмелились посадить меня в тюрьму. — Но почему?

— У вас недостаточно информации обо мне. Поэтому вы обучаете меня своему языку — вам ведь нужно побольше выведать у меня и как можно скорее. Это было настолько очевидно, что крыть было нечем. Пэрмис пропустил слова Гилдера мимо ушей и промолвил:

— Вначале мне казалось, что нам потребуется девяносто дней, чтобы научить вас говорить бегло. А сейчас похоже, что хватит и двадцати.

— Если б мои соплеменники не отличались необычайной живостью ума, обучение продвигалось бы не так быстро, — заметил Гилдер.

На лице Герки отразилось беспокойство, Пэрмис смущенно заерзал. — Нам еще не при-

ходилось обучать вардов, — ехидно добавил Гилдер. — Пока что ни один не пожаловал к нам в гости.

Пэрмис торопливо произнес:

— Мы должны продолжить наш урок. Одна высокая комиссия хочет задать вам несколько вопросов и ждет, когда вы научитесь говорить бегло и внятно. Займемся-ка повторением звукосочетания «фс», произношение которого вы еще до конца не усвоили. Поупражняйтесь на одной весьма трудной фразе. Вслушайтесь, как ее произносит Герка.

— Фсон дис фслимен фсангафс, — нараспев продекламировал Герка, терзая свою нижнюю губу. — Фусонг дис…

— Фсон, — поправил Герка. — Фсон дис фслимен фсангафс.

— На языке цивилизованных людей это звучит лучше: «Вечерняя сырость гонит прочь комаров». Фусонг…

— Фсон! — настойчиво повторил Герка, стреляя звуками как из рогатки. Комиссия расположилась в пышно убранном зале с полукруглыми рядами сидений, которые были установлены на десяти ступенях амфитеатра. Присутствовало четыреста аборигенов. По тому, как вокруг них увивались

слуги и всякая чиновничья мелюзга, можно было заключить, что здесь собрались самые важные чины. Так оно и было на самом деле. Четыреста аборигенов представляли политическую и военную власть планеты, возглавлявшей космическую империю из двух десятков Солнечных систем и вдвое большего количества обитаемых миров. Совсем недавно они были твердо убеждены, что являются чуть ли не творцами Вселенной. А теперь у них на этот счет возникли кое-какие сомнения.

Когда два охранника ввели Гилдера и усадили его лицом к поднимающимся вверх ступеням амфитеатра, разговоры смолкли. Варды впились глазами в пришельца. Одни смотрели на него с любопытством, другие — с недоверием, некоторые вызывающе, большинство — с откровенной неприязнью.

Усевшись поудобнее, Гилдер оглядел присутствующих с выражением человека, который, придя в зоопарк, задержался у одной из наиболее вонючих клеток. Иными словами — с легким отвращением. Он потер указательным пальцем нос и принюхался. Язвительный жест э 22 — им пользовались в присутствии многочисленного собрания инопланетян, облеченных властью, и

сейчас он вызвал именно ту реакцию, на которую был рассчитан. С полдюжины наиболее воинственно настроенных аборигенов, рассвирепев, готовы были растерзать его.

Пожилой вард с покрытым шерстью нахмуренным лицом поднялся с места и, обращаясь к Гилдеру, словно продекламировал вызубренную заранее речь:

— Только особи с высокоразвитым интеллектом и мыслящие сугубо логически способны покорить космос. Поскольку не вызывает сомнений, что вы относитесь именно к такой категории живых существ, для вас не составит труда понять вашу позицию. Само ваше присутствие здесь вынуждает нас со всей серьезностью обсудить вопрос о том, какая из взаимоисключающих категорий лучше: сотрудничество или борьба за первенство, мирное соседство или война.

— Ни одному явлению не свойственны две взаимоисключающие крайности, — заявил Гилдер. — Есть черный цвет и есть белый, да вдобавок еще множество оттенков перехода одного в другой. Есть слово «да» и есть слово «нет», а кроме них, всякие «если», «однако» и «быть может». Вот вам пример: «Отодвинувшись, вы могли бы стать недосягаемыми».

Они, существа с упорядоченным мышлением, без особого удовольствия восприняли то, как он запутал нить их логических рассуждений. Не понравился им и узелок на конце этой нити — последняя фраза, в которой явно крылся какой-то намек. Пожилой абориген еще больше нахмурился, голос его стал резче.

— Вам следовало бы оценить и свое собственное положение. Вы здесь один, а нас миллионы. И какой бы силой ни обладал каждый представитель вашего племени, лично вы абсолютно беспомощны. Поэтому спрашивать будем мы, а вы — отвечать. Если б мы с вами поменялись местами, было бы наоборот. Такова логика вещей. Вы готовы ответить на наши вопросы? — Да.

Одних такой ответ явно удивил. Другие же приуныли, не сомневаясь, что, само собой, он скажет только то, что найдет нужным, а остальную информацию утаит. Опустившись на свой стул, пожилой абориген сделал знак варду, сидевшему слева от него. Тот встал и спросил: — Где находится ваша базовая планета? — Сейчас я этого не знаю.

— Не знаете? — Судя по его тону, вард предвидел, что трудности возникнут уже в самом начале допроса. — А как вы сможете вернуться на нее,

если вам неизвестно, где она находится?

— Когда я окажусь в радиусе распространения радиоволн ее маяка, я поймаю сигнал и полечу в нужном направлении.

— Но разве, чтобы найти ее, вам недостаточно ваших космических карт? — Нет. — Почему?

— Потому что она перемещается в пространстве вне зависимости от какого-нибудь крупного космического тела.

— Вы имеете в виду, что это планета, которая вырвалась за пределы своей Солнечной системы?

— Вовсе нет. Это база космолетов-разведчиков. Вы же наверняка знаете, что это такое, не правда ли?

— Нет, не знаю! — рявкнул вард, который вел допрос. — Объясните.

— Это небольшая искусственная планетка сферической формы. Что-то вроде пограничного сторожевого поста. Присутствовавшие, пытаясь оценить значение полученной информации, вполголоса заговорили между собой и шумно заерзали Абориген с невозмутимым видом продолжал: — Вы назвали это пограничным сторожевым постом, но ведь такое определение ничего не говорит о координатах вашей родной

планеты.

— А вы об этом не спрашивали. Вы спросили о моей базе. Я это слышал собственными ушами.

— Допустим. Так где же находится ваша родная планета? — Без карты я не могу указать вам ее местоположение. У вас есть карты необследованных районов космоса?

— О да. — Его противник улыбнулся, с нарочитой торжественностью он достал и развернул карты. — Мы раздобыли их на вашем корабле.

— И правильно сделали, — обрадованно сказал Гилдер, отчего у всех вытянулись лица. Встав со стула, он приблизился к картам, ткнул пальцем в ту, что лежала сверху, и воскликнул: — Вот она, добрая старушка Земля! — после чего вернулся на место.

Вард посмотрел на указанную точку на карте, потом окинул взглядом присутствующих, собрался было что-то сказать, но передумал и промолчал. Достав авторучку, он сделал на карте пометку.

— Планета, которую вы называете Землей, — это она основала вашу империю и является ее центром?

— Да. — И на ней возник ваш род?

— Да.

— А сколько таких, как вы? — твердым голосом продолжал вард.

— Этого никто не знает. — Разве вы не ведете счет себе подобным? — Когда-то давным-давно мы этим занимались. А в настоящее время мы слишком рассредоточены, нас разбросало по всей Вселенной. — Гилдер призадумался и добавил: — Впрочем, могу вам сообщить, что четыре миллиарда моих соплеменников обосновались на трех планетах нашей Солнечной системы. А сколько их за ее пределами — это загадка. Нас можно разделить на две группы. Одна — это пустившие корни в родной почве, другая — оторвавшиеся от нее, и сколько этих последних — сосчитать невозможно. Да они сами бы воспрепятствовали такому подсчету: а вдруг кому-нибудь придет в голову заставить их платить налог. В итоге получается четыре миллиарда плюс неизвестное число.

— Это нам ничего не говорит, — возразил вард. — Мы же не знаем число, которое следует приплюсовать.

— Мы тоже, — сказал Гилдер. — Порой нас эта неизвестность просто пугает. — Он обвел взглядом присутствующих. — Если по сей день это дополнительное число лишь иногда вызывало

страх, сейчас самое время прийти от него в ужас. Еще больше нахмурившись, вард сформулировал вопрос иначе: — Вы сказали, что какая-то часть ваших соплеменников обитает в других Солнечных системах. Сколько планет они освоили?

— По последним статистическим данным, семьсот четырнадцать. Но эти сведения уже устарели. Пока готовят очередной доклад, таких планет становится на восемь-десять больше.

— И вы полностью освоили такое огромное количество планет? — А разве какую-нибудь планету можно освоить полностью? Да мы еще не добрались до ядра своей собственной, и сомневаюсь, что нам это когда-нибудь удастся. — Гилдер пожал плечами и закончил свою мысль: — Нет, мы просто разгуливаем по поверхности этих планет и слегка их при этом общипываем.

— Вы хотите сказать, что ведете на них разработки полезных ископаемых? — Да, если такая формулировка вас больше устраивает. — А случалось, что аборигены оказывали вам сопротивление?

— Очень незначительное, друг мой, очень незначительное. — И что вы в таких случаях предпринимали? — Это зависело от обстоятельств. На одних аборигенов мы просто не обращали вни-

мания, других наказывали, третьих просвещали.

— Просвещали? — недоуменно переспросил вард. — То есть прививали им наше мировоззрение. Какой-то пузатый субъект, сидевший в третьем ряду, не выдержал и вскочил на ноги.

— Вы надеетесь, что и мы будем смотреть на вещи вашими глазами? — раздраженно спросил он. — Ну, не сразу, конечно, — ответил Гилдер. — Может, вы считаете, что мы неспо…

Пожилой абориген, который выступал первым, поднялся с места и заявил:

— Либо мы будем вести допрос по всем правилам логики, либо откажемся от него вообще. Он должен идти без отступлений: пока кто-нибудь один задает вопросы, другие не вмешиваются. — Он властно кивнул варду, который держал при себе карты: — Продолжайте, Тормин.

И Тормин продолжил допрос, затянувшийся на целых два часа. Видимо, он был экспертом-астрономом, так как все его вопросы в той или иной степени имели отношение к этой области науки. Гилдер охотно ответил на часть вопросов, а что касается остальных — сослался на свою некомпетентность. Наконец Тормин сел и с глубокомысленным видом погрузился в изучение сделанных им пометок в блокноте. Теперь вопро-

сы стал задавать вард по имени Грасуд, который за последние полчаса прямо-таки извертелся от нетерпения.

— Является ли ваш корабль новейшей моделью космолетов такого класса?

— Нет.

— Есть более усовершенствованные?

— Да.

— Намного ли они лучше?

— Откуда я знаю? Мне ведь еще не поручали пилотировать такой космолет.

— Не странно ли, — многозначительно проговорил Грасуд, — что нашу планету обнаружил космолет устаревшей конструкции, а не более современный?

— Нисколько. Это чистая случайность. Так сложилось, что я полетел сюда, а другие разведчики — кто на старых, кто на новых кораблях — отправились по другим маршрутам. Сколько направлений в глубинах космоса? Сколько радиусов может быть у сферического тела?

— Поскольку я не математик, мне…

— Будь вы математиком, — перебил его Гилдер, — вам было бы известно, что их число выражается цифрой 2n. — Он обвел взглядом аудиторию и поучающим тоном добавил: — Ко-

эффициент 2 вытекает из того легко доказуемого факта, что радиус — это половина диаметра, а 2n — это наименьшее число, которое любого собьет с толку.

Сбитый с толку Грасуд попытался было вникнуть в смысл сказанного, но сразу же сдался и спросил:

— Значит, этим числом определяется количество ваших кораблейразведчиков?

— Нет. Нам ни к чему проводить разведку во всех направлениях. Эти корабли отправляются только к тем звездам, которые нам видны. — А разве звезды не везде?

— Разумеется, везде, если рассматривать этот вопрос без учета расстояния до них. Разведчиков посылают в самые близкие, еще не исследованные Солнечные системы, тем самым сокращая до минимума число холостых полетов.

— Вы уклоняетесь от темы, — сказал Грасуд. — Сколько таких кораблей, как ваш, совершают сейчас разведывательные полеты? — Двадцать.

— Двадцать? — Он притворился, будто утратил интерес к этому вопросу. — И только-то?

— А что, этого недостаточно? До каких же пор, по-вашему, можно использовать устаревшие модели?

— Я спрашиваю не о космолетах устаревшей конструкции. Сколько у вас действующих разведывательных кораблей вообще?

— Честно говоря, не знаю. И сомневаюсь, знает ли это кто-нибудь другой из моих соплеменников. Помимо самой Земли, у которой свои флотилии, разведывательные экспедиции в космос снаряжают и некоторые из наиболее технически развитых колоний. Более того, два-три других вида разумных существ кое-чему у нас научились и, вдохновившись нашим примером, начали осваивать космическое пространство. Поэтому подсчитать количество космолетов для нас теперь так же невозможно, как произвести перепись себе подобных. Ни словом не возразив Гилдеру, Грасуд продолжал: — По нашим меркам, ваш корабль не так уж велик. У вас, несомненно, есть и побольше. — Он наклонился вперед и пристально посмотрел на Гилдера. — Какова величина вашего самого большого космолета, если его сравнить о тем, на котором вы прилетели сюда?

— Самый большой из тех, что я видел, — это линейный космолет «Ланс». Его масса в сорок раз превышает массу моего корабля.

— Какова численность живой силы на борту? —

Членов экипажа — свыше шестисот, но в случав необходимости этот корабль может вместить втрое большее число моих соплеменников.

— Итак, вам точно известно, что существует как минимум один космолет, который при критических обстоятельствах может взять на борт около двух тысяч ваших соплеменников, верно? — Да.

Присутствующие снова заерзали, раздался гул приглушенных голосов. Не обращая внимания на этот шум, Грасуд, внешне полный решимости во что бы то ни стало выудить самые подробные сведения, продолжал допрос. — А есть у вас еще корабли такого же размера? — Да. — Сколько?

— К сожалению, не знаю. Если б знал, я бы сказал. — Может, у вас даже есть космолеты размером и побольше?

— Вполне вероятно, — не стал отрицать Гилдер. — Но если такие есть, я еще ни одного не видел. Впрочем, это ничего не значит. Сколько бы ты ни прожил, а всего не увидишь. Если вы пересчитаете предметы, которые у вас перед глазами, прибавите количество тех, что вы уже видели, то останется какое-то число предметов, которые вам еще Предстоит увидеть. И если на осмотр каждого из них вы потратите по секунде, потребуется…

— Меня это не интересует! — рявкнул Грасуд, боясь запутаться в непривычных для его мышления доводах пришельца.

— И напрасно, — сказал Гилдер. — Ведь если от бесконечного числа отнять сколько-то миллионов, останется все то же бесконечное число. Следовательно, вы можете отнять от целого какую-то часть, а целое не станет меньше. Получается, что один пирог можно съесть дважды. Разве нет?

Грасуд шлепнулся на свое сиденье и с выражением крайнего недовольства обратился к престарелому варду:

— Я хочу получить конкретные сведения, а не выслушивать громогласное опровержение основных правил логики. Его болтовня нарушает стройный ход моих мыслей. Пусть им займется Шахдинг.

Осторожно поднявшись со стула, Шахдинг начал расспрашивать о разных видах оружия, которым располагают земляне, и способах обращения с ним. В своем допросе он твердо держался одной линии, чтобы у землянина не возникло соблазна увести его в сторону от основной темы. Задавая вопросы, он проявил хитрость и проницательность. Гилдер отвечал свободно, без

запинки и выложил все, что мог.

— Выходит, — сказал Шахдинг, подводя итог допросу, — вы отдаете предпочтение силовым полям, неким лучам, парализующим центральную нервную систему, бактериологической войне, демонстрации военной мощи и бесконечным переговорам с целью убедить противника принять ваши условия. Поскольку вы в столь значительной степени пренебрегаете баллистикой, эта наука у вас наверняка отстает в развитии.

— Да она и не могла бы развиться, — сказал Гилдер. — Поэтому мы перестали ею заниматься. По той же причине мы в свое время прекратили возню с луками и стрелами. Ни один разовый удар не может превзойти непрерывное и длительное воздействие. — И, словно с некоторым запозданием, ему в голову пришла еще одна мысль, добавил: — Во всяком случае, можно доказать, что никакая пуля не попадет в бегущего.

— Чушь! — воскликнул Шахдинг, который сам некогда дважды сумел увернуться от пуль.

— Когда пуля достигнет точки, в которой находился бегущий в момент выстрела, тот уже будет далеко впереди, — сказал Гилдер. — В этом случае пуле нужно преодолеть это дополнительное расстояние, но окажется, что там его нет

— он уже убежал дальше. Она покрывает и это расстояние — и вновь его не находит. Так оно и продолжается.

— Но ведь пуля постепенно теряет пробивную силу и перестает отвечать своему назначению, — ехидно заметил Шахдинг.

— На любое расстояние, которое преодолевает пуля, уходит определенный, пусть очень малый, отрезок времени, — разъяснял Гилдер. — И даже если делить частицу времени на все уменьшающиеся доли, все равно в результате получится не ноль, а бесконечный ряд небольших отрезков времени, составляющий в сумме бесконечный временной период. Подсчитайте-ка сами, и вы поймете, что пуля не попадет в бегущего, потому что не сможет его настигнуть.

Судя по реакции присутствующих, им до сих пор никогда не приходилось выслушивать такие доводы или самим додуматься до чего-либо подобного. Однако ни один из них не был настолько глуп, чтобы принять это утверждение за непреложный факт. Все были достаточно сообразительны и распознали в нем логическое или псевдологическое отрицание само собой разумеющегося и легко доказуемого явления.

Они сразу же стали искать слабое место в этом

чуждом для них рассуждении пришельца и, обсуждая между собой этот вопрос, так расшумелись, что Шахдинг был вынужден молча ждать, пока они утихнут. Сидевшие в первом ряду амфитеатра вскочили со своих мест, опустились на колени и принялись чертить на полу диаграммы, все больше распаляясь и надрывая голоса до хрипа. Нескольких вардов в последнем, верхнем, ряду амфитеатра, казалось, вот-вот хватит удар. Наконец пожилой вард, Шахдинг и еще двое одновременно проревели: — Молчать!!!

Члены следственной комиссии неохотно расселись по своим местам, продолжая что-то бормотать себе под нос, жестикулировать и показывать друг другу листки бумаги с набросками схем. Шахдинг гневно взглянул на Гилдера и открыл было рот, чтобы продолжить допрос. Опередив его, Гилдер небрежно произнес: — Это кажется глупостью, не так ли? Но ведь может произойти все, что угодно, абсолютно все. К примеру, особь мужского пола может жениться на сестре своей вдовы.

— Нет, не может, — заявил Шахдинг, чувствуя, что в состоянии опровергнуть это, особо не мудрствуя. — Чтобы жена стала вдовой, муж должен умереть.

— Представьте себе, что особь мужского пола женится на особи женского пола и та вскоре умирает. Тогда он женится на ее сестре и умирает сам. Разве его первая жена не является в этом случае сестрой его вдовы?

— Я здесь не для того, чтобы своими хитросплетениями меня дурачил пришелец с чуждым для нас образом мышления! — выкрикнул Шахдинг. Он решительно опустился на свой стул и чуть погодя, немного успокоившись, сказал сидевшему рядом с ним варду: — Ладно, Кадина, теперь будьте любезны, займитесь им вы.

С выражением полной уверенности в себе Кадина встал и окинул властным взглядом окружающих. Ростом он был выше других вардов, одет в мундир с темнокрасного цвета отделкой на рукавах. Впервые за последние полчаса все умолкли. Удовлетворенный впечатлением, которое он произвел, Кадина повернулся к Гилдеру и заговорил; голос у него был ниже тоном и не такой скрипучий, как у тех, кто беседовал с Гилдером до него.

— Кроме кое-каких маловажных проблем, которых вы, забавы ради, коснулись и тем самым поставили в тупик моих соотечественников, — вкрадчиво начал он, — вы, не увиливая и не

колеблясь, ответили на наши вопросы. Вы снабдили нас обильной информацией, весьма полезной с точки зрения военных специалистов.

— Я рад, что вы оценили это, — сказал Гилдер, — О да, мы это ценим. И даже очень. — В улыбке Кадины было что-то зловещее. — Однако есть один вопрос, в который не мешало бы внести ясность. — Какой же?

— Если б все было наоборот, если б какой-нибудь разведчик-вард подвергся перекрестному допросу перед собранием ваших соплеменников и так же охотно, как вы, сообщил разного рода сведения… — Кадина не закончил фразу, взгляд его стал жестким, и он прорычал: — В этом случае мы б сочли, что он предал свой народ, и приговорили бы его к смертной казни.

— Как же мне повезло, что я не вард, — сказал Гилдер. — Рано радуетесь, — отрезал Кадина. — Смертный приговор ничего не значит только для тех, кому он уже вынесен. — Куда вы клоните?

— Я вот думаю, а не совершили ли вы там, у себя, тягчайшее преступление и потому ищете у нас убежища? Впрочем, возможно, что вы сбежали по какойнибудь другой причине, но, как бы там ни было, вы без малейшего колебания предали своих соплеменников. — На его лице появилась

все та же зловещая улыбка.

— И все-таки приятно было бы узнать, почему вы ответили на наши вопросы.

— Все очень просто, — сказал Гилдер, в свою очередь, улыбнувшись, но так, что Кадине эта улыбка не очень-то понравилась. — Дело в том, что я неисправимый лжец.

И, сказав это, он встал и смело пошел к выходу. Охранники проводили его в камеру.

Он провел в ней три дня, съедая регулярно приносимую ему пищу с раздражающим аборигенов удовольствием, развлекал себя, записывая какие-то цифры в маленький блокнот, и, казалось, так же наслаждался жизнью, как легендарный разведчик космоса по имени Ларри. На исходе третьего дня ему нанес визит какой то незнакомый вард.

— Меня зовут Булак. Быть может, вы помните меня. В том зале, где вы отвечали на вопросы комиссии, я сидел в конце второго ряда.

— Там присутствовало четыреста ваших соплеменников, — сказал Гилдер. — Я не могу помнить каждого. — Он подвинул варду стул. — Впрочем, это не имеет значения. Присаживайтесь и поднимите для удобства ноги, если внутри этих ваших странных ботинок вообще есть ноги. Чем могу

быть вам полезен? — Сам не знаю.

— Но ведь что-то побудило вас прийти ко мне, не так ли? Булак был сама печаль. — Я бегу от тумана. — Какого тумана?

— Того, который вы здесь напустили. — Он поскреб волосатое ухо, внимательно осмотрел пальцы и уставился на стену. — Главной целью комиссии было определить уровень вашего интеллекта. От этого и только от этого зависит наше отношение к контакту с другими завоевателями космоса. — Я сделал все, чтобы помочь вам, разве нет?

— Помочь? — эхом отозвался Булак, как бы повторяя какое-то новое и непонятное для него слово. — Помочь? И вы называете это помощью? На самом-то деле допрос должен был выявить, шагнула ли ваша логика вперед по сравнению с нашей и можно ли вывести из ваших посылок более совершенные умозаключения.

— Ну и как?

— Кончилось тем, что вы попрали все законы логики. Оказывается, пуля не может никого убить! Прошло уже три дня, а пятьдесят членов комиссии все еще не пришли по этому поводу к единому мнению, а сегодня утром один из спорящих доказал, что никто не может подняться

по приставной лестнице. Друзья перессорились, родственники начинают ненавидеть друг друга. Состояние остальных трехсот пятидесяти членов комиссии немногим лучше.

–

Иллюстрации KELLY FREAS

А их-то что тревожит? — поинтересовался Гилдер. — Они спорят о том, что есть истина, и едва удерживаются, чтобы не пустить в ход кулаки, —

сказал Булак таким тоном, будто был вынужден упомянуть о чем-то непристойном. — По вашим словам, вы — неисправимый лжец. Отсюда следует, что само это заявление — ложь. Тогда выходит, что вы не являетесь неисправимым лжецом. Вывод: вы можете быть неисправимым лжецом, только не будучи им. И еще — вы можете быть неисправимым лжецом только в том случае, если вы неисправимы.

— Плохо дело, — посочувствовал Гилдер. — Чем дальше, тем хуже, — продолжал Булак, — потому что если вы и вправду неисправимый лжец — с позиции логики это заявление само себя опровергает, — то все сведения, которые вы нам сообщили, не стоят и мешка с гнилым зерном. Если же вы на допросе говорили правду, то ваше последнее утверждение, что вы лжец, тоже должно соответствовать истине. Но если вы неисправимый лжец, то все, что вы нам сказали, — ложь.

— Вздохните-ка поглубже, — посоветовал Гилдер. — Однако, — продолжал Булак, сделав глубокий вздох, — поскольку ваше последнее заявление лживо, все остальное, сказанное вами, может оказаться правдой. — В глазах его появилось безумное выражение, и он принялся

размахивать руками. — Но из-за того, что вы признаете себя неисправимым, ни одну вашу фразу нельзя счесть ни ложной, ни правдивой, потому что тщательный анализ выявляет неразрешимое противоречие, которое…

— Успокойтесь, — сказал Гилдер, похлопав его по плечу, — ведь это же естественно, когда стоящий на более высокой ступени развития приводит в замешательство того, кто еще не достиг этого уровня. Беда в том, что вы пока недостаточно развиты и мыслите несколько примитивно. — Он поколебался и таким тоном, будто решился высказать смелое предположение, добавил: — Честно говоря, меня не удивит, если я узнаю, что до сих пор вы мыслите логически.

— Во имя Великого Солнца! — воскликнул Булак. — А как еще мы можем мыслить?

— Как мы, — ответил Гилдер. — Когда ваш интеллект для этого созреет. Он дважды обошел вдоль стен свою камеру и задумчиво произнес, словно эта мысль только что пришла ему в голову:

— Кстати, в настоящее время вам не удалось бы разобраться в проблеме: «Почему это мышь, когда вертится волчком».

— Почему это мышь, когда вертится волч-

ком? — как попугай повторил Булак, и у него отвисла челюсть.

— Или возьмем задачу полегче, которую на Земле может решить любой ребенок. — Какую же?

— Общеизвестно, что островом называется часть суши, со всех сторон окруженная водой. — Совершенно верно.

— А теперь представим себе, что все Северное полушарие планеты занято сушей, а все Южное — водой. Является ли Северное полушарие островом, а Южное — океаном?

Булак минут пять размышлял над этим. Потом на листке бумаги нарисовал круг, разделил его пополам, заштриховал одну из половин и несколько минут рассматривал свой рисунок, после чего сунул эту бумагу в карман и встал.

— Некоторые из нас с удовольствием перерезали бы вам глотку, если б не опасались, что ваши соплеменники, возможно, точно знают, где вы находитесь, и способны за это покарать. Остальные охотно дали бы вам улететь и проводили бы вас с почестями, если б не боязнь уронить себя в глазах существ с более низким уровнем интеллекта.

— Рано или поздно им все-таки придется принять какое-либо определенное решение, — заметил Гилдер, внешне не выказав никакого

интереса к тому, какая из сторон возьмет верх в этом споре.

— А за это время, — с подавленным видом продолжал Булак, — мы осмотрели ваш космолет, который может быть космолетом устаревшей конструкции или новейшей — в зависимости от того, солгали вы или сказали правду. Мы имеем доступ ко всему, кроме двигателей и дистанционного управления, ко всему, кроме самого главного. Чтобы определить, превосходят ли они по своим параметрам наши двигатели и нашу систему дистанционного управления, нам пришлось бы разобрать ваш корабль на части, а значит, разрушить его и сделать вас пленником. — Что же вас останавливает? — То, что ваш прилет может быть провокацией. Если ваши соплеменники обладают значительной военной мощью и хотят развязать с нами войну, им нужен предлог. А наше дурное к вам отношение как раз и явится таким предлогом. Той искрой, которая взорвет бочку с порохом. — Он безнадежно махнул рукой. — Что можно предпринять, если приходится работать в потемках?

— Можно попробовать решить вопрос, сохранит ли зеленый лист свой цвет в беспросветном мраке.

— С меня достаточно, — заявил Булак и пошел к двери. — Более, чем достаточно. Остров или океан, а? Да не все ли равно? Пойду-ка я к Мордэфе. С этими словами он удалился, беспокойно шевеля пальцами, а на его покрытом шерстью лице содрогался каждый волосок. После его ухода двое охранников боязливо заглянули в камеру сквозь решетку. У них был такой вид, будто им поручили присматривать за опасным маньяком.

Мордэфе пришел к нему на следующий день после полудня. Это был пожилой, тощий и какой-то очень уж морщинистый вард с не соответствующими его внешности живыми молодыми глазами. Усевшись, он внимательно оглядел Гилдера и спокойно заговорил, взвешивая каждое слово.

— Исходя из того, что доходило до моих ушей, я вывел основной закон, касающийся живых существ, которые, по нашим представлениям, наделены разумом.

— Вы его вывели умозрительно?

— А как же иначе? У меня нет другой возможности. Все живые существа, которых нам пока что удалось обнаружить на других планетах, не являются по настоящему разумными. Некоторые из них кажутся таковыми, но это только видимость.

Что касается вас, то вы, безусловно, обладаете таким запасом знаний, который, быть может, рано или поздно накопим и мы, но это время пока не пришло. И если вдуматься, нам еще повезло, раз мы сознаем, что контакт с вами — дело крайне рискованное. Не предскажешь, чем он может обернуться. — В чем же суть этого закона?

— В том, что правящая верхушка в любых подобных нашему обществах в большинстве случаев состоит из властолюбцев, а не специалистов в той или иной области. — Неужели?

— К сожалению, это так. Места в правительстве захватывают алчущие власти; они не достаются тем, кого интересуют иные проблемы. — Он немного помолчал. — Однако из этого не следует, что нами правят дураки. Как организаторы масс, они достаточно умны, но при всем при том слишком невежественны за пределами этого узкого поля деятельности. Слабое место власти в том, что неуважение к ней ее обессиливает. Стоит раструбить о невежестве правителей, и их голос будет едва слышен.

— Хм! — Гилдер смотрел на него с возрастающим уважением. — Из всех, с кем я здесь общался, вы первый, кто видит дальше собственного носа.

— Благодарю, — сказал Мордэфе. — Так вот,

сам факт, что вы рискнули посадить здесь свой корабль, на котором, кроме вас, никого не было, а позже вконец заморочили головы нашим высокопоставленным деятелям, — сам этот факт указывает на то, что ваши соплеменники разработали методику поведения в подобной ситуации с учетом комплекса возможных случайностей или даже целую серию таких методик, каждая из которых применяется в зависимости от обстоятельств.

— Давайте дальше! — нетерпеливо воскликнул Гилдер. — Такие методики разрабатываются скорей всего на основе практики, а не теоретических выкладок, — продолжал Мордэфе. — Иными словами, они — результат огромного опыта, многочисленных исправленных и учтенных ошибок, испытаний на пригодность для тех или иных условий, настойчивых попыток добиться максимального успеха при минимальных затратах сил. — Он взглянул на своего собеседника. — Ну как, прав я или нет? — Пока придраться не к чему.

— К настоящему времени нам удалось прочно утвердить свою власть на сорока двух планетах, причем без особых трудностей, если не считать стычек с примитивными формами жизни. Одна-

ко мы можем обнаружить равного нам по силе врага на сорок третьей планете, когда она будет открыта. Кто знает? Так вот, ради того, чтобы обосновать одну идею, давайте допустим, что разумные существа заселяют одну из сорока трех обитаемых планет.

— А что нам даст эта посылка? — живо спросил Гилдер. — Лично я полагаю, — задумчиво проговорил Мордэфе, — что для разработки правильных методик общения с разумными существами, обитающими в любой точке Вселенной, необходим опыт, который можно приобрести лишь в результате контакта по крайней мере с шестью их разновидностями. Отсюда следует, что ваши соплеменники открыли и обследовали не менее двухсот пятидесяти планет. И это по скромному подсчету. Истинное же их число (вполне может соответствовать тому, которое вы назвали.

— Так, значит, я не являюсь неисправимым лжецом? — улыбнувшись, спросил Гилдер.

— Это несущественно, и наши правители, если будут еще какое-то время в, здравом рассудке, придут к такому же выводу. Быть может, вы в своих интересах несколько исказили кое-какие факты и кое-что преувеличили. Если так, не в нашей власти это изменить. Вдобавок, это все равно

не повлияет на истинное положение вещей, а именно: совершенно очевидно, что вы намного опередили нас в области освоения космоса. Отсюда следует, что ваш род старше нашего, обладает более развитым интеллектом и превосходит нас численно.

— Звучит достаточно логично, — признал Гилдер. — Пощадите! — взмолился Мордэфе. — Если вы загоните меня в тупик какими-нибудь ложными выводами, я не успокоюсь, пока из него не выберусь. А это не пойдет на пользу ни вам, ни мне.

— Вот как! Значит, вы намерены сделать что-то полезное для меня?

— Кто-то же должен наконец принять то или иное решение, если ясно, что правительство на это неспособно. Я собираюсь посоветовать им освободить вас и отпустить на все четыре стороны, пожелав вам всех благ.

— Вы считаете, что они прислушаются к вашему совету?

— Разумеется. И вам это известно — вы же рассчитываете именно на такой исход. — Мордэфе бросил на Гилдера проницательный взгляд. — Они ухватятся за мое предложение, чтобы вернуть чувство собственного достоинства. Если

все обойдется благополучно, они присвоят себе честь такого мудрого решения. Если же нет — вся вина падет на мою голову. — Он задумался, затем с искренним любопытством спросил: — А вам случалось наблюдать подобный расклад где-нибудь еще, у других разумных существ?

— Везде одно и то же, — заверил его Гилдер. — И у всех всегда находится свой Мордэфе, который улаживает дело таким же образом, как вы. Власть имущие и козлы отпущения шагают рука об руку, как супружеские пары.

— Хотел бы я когда-нибудь встретиться со своим двойником инопланетянином. — Встав со стула, Мордэфе пошел к двери. — Если б я сегодня не посетил вас, как долго могли бы вы с вашей сложной психологической структурой пребывать в ожидании, не впадая в депрессию?

— До тех пор, пока в это дело не вмешался бы кто-нибудь другой вроде вас. Если никто не берет на себя эту роль добровольно, великие мира сего теряют терпение и кому-нибудь ее навязывают из среды себе подобных. Власть существует за счет пожирания собственных внутренностей.

— Это уже похоже на парадокс, — с легким укором заметил Мордэфе и ушел. Гилдер стоял, глядя сквозь решетку, которая закрывала верхнюю

половину двери. Два охранника, прислонившись к стене напротив его камеры, не спускали с него глаз.

Обращаясь к ним, он произнес шутливо-добродушным тоном:

— Ни у какой кошки нет восьми хвостов. У любой кошки на один хвост больше, чем у кошки несуществующей. Поэтому у каждой из них по девять хвостов. Охранники сердито насупились.

К космолету он прибыл в сопровождении внушительного эскорта. Зрелище было впечатляющее: присутствовали все четыреста членов правительственной комиссии, около ста из них были в роскошных парадных мундирах, остальные — в своих лучших праздничных одеяниях. Вооруженный конвой под лай команды прожонглировал винтовками. Кадина елейным голосом произнес речь, заверив Гилдера в братской любви и яркими красками расписав, какое их всех ждет лучезарное будущее. Кто-то преподнес ему букет дурно пахнущих растений, и Гилдер про себя отметил, что люди и варды воспринимают один и тот же запах по-разному.

Поднявшись по нейлоновой лестнице на корабль, он посмотрел вниз с высоты в восемьдесят ярдов. Кадина все еще махал ему на прощанье

рукой. Гилдер высморкался в носовой платок — язвительный жест э 9, задраил люк и уселся в кресло перед пультом управления.

Из сопел с глухим рокотом вырвалось пламя. Струя пара, ударив в землю, осыпала толпу провожающих комьями грязи. Это получилось случайно, не по инструкции. «А жаль, — подумал он. — В инструкции должно быть предусмотрено все. Такого рода вещи мы обязаны систематизировать. Грязевой ливень необходимо упомянуть в разделе, посвященном прощанию космонавта с аборигенами».

Корабль с ревом взмыл в небо, оставив позади планету вардов. Когда космолет вырвался из гравитационного поля этой Солнечной системы, Гилдер взял курс на тот сектор, где можно было поймать волну радиомаяка, и включил автопилот. Какое-то время он неподвижно сидел, вперив взгляд в усыпанную блестками звезд непроглядную тьму. Потом сделал запись в бортовом журнале.

«Куб К-49, сектор 10, Солнце класса Д7, третья планета. Название — Вард. Аборигены именуют себя вардами; уровень интеллекта по космической шкале — ВВ; осваивают космос, имеют колонии на сорока двух планетах. Примечание:

до некоторой степени укрощены».

Он взглянул на свою маленькую полку с книгами, прикрепленную к стальной переборке. Не хватало двух томов. Варды украли книги, в которых было много всевозможных иллюстраций и диаграмм. Остальные они не тронули — у них ведь не было Розеттского Камня, который помог бы им расшифровать текст. Они и не прикоснулись к стоявшей на самом виду книге, озаглавленной: «Дьявологика — наука об одурачивании существ, наделенных разумом».

Вздохнув, Гилдер вынул из ящика лист бумаги и в сотый, двухсотый, а может, и в трехсотый раз попытался вывести некую формулу с числом «Алеф», в которой оно было бы больше А, но мень-

ше С. Он так взъерошил себе пальцами волосы, что вскоре они уже торчали вихрами во все стороны, а сам он, того не ведая, не очень-то походил на человека с уравновешенной психикой.

Клиффорд Саймак
Заповедник гоблинов

Глава 1

Инспектор Дрейтон сидел за письменным столом, как несокрушимая скала, и терпеливо ждал. Он был костляв, а его лицо словно вырубили тупым топором из узловатого чурбака. Глаза его, больше всего напоминавшие кремневые наконечники стрел, время от времени, казалось, тускло поблескивали — он был сердит и расстроен. Но Питер Максвелл знал, что такой человек никогда не допустит, чтобы его раздражение вырвалось наружу. Он будет делать свое дело с бульдожьим упорством и хваткой, игнорируя все окружающее.

Именно такой ситуации Максвелл и надеялся избежать. Но теперь ему стало ясно, что он тешил себя пустыми иллюзиями. Конечно, он с самого начала понимал, что на Земле не могли не встревожиться, когда полтора месяца назад он не появился на станции своего назначения, и, естественно, у него не было никаких шансов вернуться домой тихо и незаметно. И вот сейчас он сидит напротив инспектора, и ему во что бы то ни стало нужно сохранять спокойствие и держать себя в руках. Он сказал:

— Я, право, же, не понимаю, почему мое возвращение на Землю могло заинтересовать службу безопасности. Меня зовут Питер Максвелл, я профессор факультета сверхъестественных явлений Висконсинского университета. Вы ознакомились с моими документами…

— У меня нет никаких сомнений касательно того, кто вы такой, — сказал Дрейтон. — Может быть, я удивлен, но сомнений у меня нет ни малейших. Странно другое. Профессор Максвелл, не могли бы высказать мне поточнее, где вы находились все это время?

— Но я и сам почти ничего не знаю, — ответил Питер Максвелл. — Я был на какой-то планете, однако мне не известны ни ее название, ни координаты. Может быть, до нее не больше светового года, а может быть, она находится далеко за пределами нашей Галактики.

— Но как бы то ни было, — заметил инспектор, — вы не прибыли на станцию назначения, указанную в вашем билете?

— Да, — сказал Максвелл.

— Не могли бы вы объяснить, что произошло?

— Только предположительно. Я полагаю, что моя волновая схема отклонилась от заданного направления, а может быть, ее перехватили. Сна-

чала я приписал это неполадкам в передатчике, но потом усомнился. Передатчиками мы пользуемся уже сотни лет, и малейшая возможность ошибки была исключена давным-давно.

— То есть вы полагаете, что вас похитили?

— Если угодно.

— И все-таки не хотите мне ничего сказать?

— Но я же объяснил, что говорить, в сущности, нечего.

— А эта планета никак не связана с колесниками?

Максвелл покачал головой.

— Точно сказать не могу, но вряд ли. Во всяком случае, там их не было. И я не заметил никаких признаков того, что они могли бы иметь ко всему этому хотя бы малейшее отношение.

— Профессор Максвелл, а вы когда-нибудь видели колесников?

— Всего один раз. Это было несколько лет назад. Кто-то из них стажировался в Институте времени, и я однажды столкнулся с ним в коридоре.

— Так что вы узнали бы колесника, если бы увидели его?

— Да, конечно!

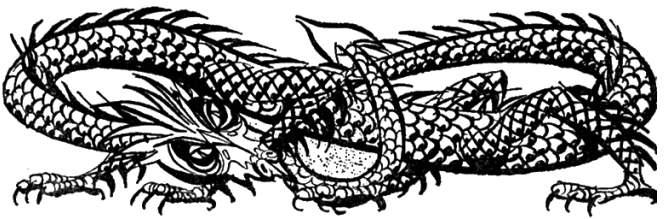
— Судя по вашему билету, вы намеревались посетить одну из планет системы Енотовой

Шкуры?

— Ходили слухи о драконе, — объяснил Максвелл. — Правда, ничем не подтвержденные. И довольно смутные. Но я подумал, что имело бы смысл установить…

Дрейтон поднял бровь.

— О драконе? — переспросил он.



Иллюстрации MORROW

— Вероятно, человеку, далекому от моей науки, трудно оценить все значение дракона, — сказал Максвелл. — Пока еще не обнаружено ни одного реального подтверждения того, что подобное

существо действительно где-нибудь когда-нибудь обитало. А ведь легенды о драконах — одна из характернейших черт фольклора Земли и некоторых других планет. Феи, гоблины, тролли, банши — их всех мы обнаружили во плоти, но драконы по-прежнему остаются легендой. И любопытно, что у нас на Земле эта легенда бытовала не только среди людей. Легенды о драконах есть и у маленького народца холмов. Мне иногда кажется, что наши сказания о драконах мы заимствовали именно у них. Но все это лишь предания, и нет никаких фактов, подтверждающих…

Он умолк. Какое дело лишенному воображения полицейскому до легенд о драконах?

— Извините, инспектор, — сказал он. — Боюсь, я несколько увлекся.

— Мне приходилось слышать, что в основе этих легенд лежат воспоминания о динозаврах, унаследованные от предков.

— Да, я знаю о таких предположениях, — ответил Максвелл. — Но ведь этого не могло быть. Динозавры вымерли задолго до того, как появились самые отдаленные предки человека.

— Но маленький народец…

— Возможно, — перебил Максвелл, — но ма-

ловероятно. Я хорошо знаком с обитателями холмов и разговаривал об этом с ними. Их род, несомненно, гораздо древнее нашего, но нет никаких данных, что их предки уже существовали в дни динозавров. Во всяком случае, никаких воспоминаний об этом у них не сохранилось, хотя их легенды и сказания восходят к событиям давностью в несколько миллионов лет. Они очень долговечны, почти бессмертны по нашим меркам, но, конечно, в свой срок они тоже умирают. При подобном положении вещей изустные предания, переходящие от поколения к поколению, как правило, сохраняются…

Дрейтон нетерпеливо отмахнулся от драконов и от маленького народца холмов.

— Вы отправились в систему Енотовой Шкуры, — сказал он, — но не попали туда.

— Совершенно верно. Я оказался на той планете, о которой говорил. На хрустальной планете, заключенной в оболочку.

— Хрустальной?

— Из какого-то камня. Может быть, из кварца. А может, и из металла. Я видел там металлы.

Дрейтон спросил мягко:

— А когда вы отправлялись, вы не знали, что окажетесь на этой планете?

— Если вы подозреваете сговор, — ответил Максвелл, — то вы ошибаетесь. Для меня это было полной неожиданностью. В отличие от вас, как будто. Ведь вы ждали меня здесь!

— Да, особой неожиданностью ваше прибытие не было, — согласился Дрейтон. — Нам уже известны два таких случая.

— Значит, у вас есть сведения об этой планете?

— О ней — никаких, — сказал Дрейтон. — Нам известно только, что где-то имеется планета с незарегистрированным передатчиком, а также приемником, позывные которой в списках не значатся. Когда здесь, на Висконсинской станции, оператор принял их уведомление о передаче, он послал им сигнал подождать, пока не освободится какой-нибудь из приемников, а сам связался со мной.

— А остальные двое?

— Также поступили сюда. Оба они были адресованы на Висконсинскую станцию.

— Но если они вернулись…

— В том-то и дело! — сказал Дрейтон… — Они не вернулись. То есть в том смысле, что мы не могли их ни о чем расспросить. В волновой схеме произошли какие-то нарушения, и они восстановились неверно. Перепутались друг с другом.

Оба — внеземляне, но клубок получился такой, что нам пришлось много повозиться, прежде чем мы установили, кем они могли быть. Да и сейчас еще мы полностью не уверены.

— Они были мертвы?

— Мертвы? Еще бы! Довольно жуткая история. Вам повезло.

Максвелл с трудом подавил дрожь.

— Да, пожалуй, — сказал он.

— Казалось бы, — продолжал Дрейтон, — те, кто берется за передачу материи на расстояние, должны бы прежде научиться делать это как положено. И неизвестно, сколько пассажиров они уже успели неправильно принять!

— Но ведь вы должны были бы это знать! — возразил Максвелл. — Я хочу сказать, что вам должны быть известны все случаи исчезновения в пути. Любая станция немедленно сообщила бы о том, что ожидаемый пассажир не прибыл.

— Тут-то и зарыта собака! — воскликнул Дрейтон. — Не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь исчез. Мы не сомневаемся, что двое внеземлян, которых мы приняли мертвыми, благополучно прибыли на станцию назначения, так как ни единого нарушения в расписании прибытий зарегистрировано не было.

— Но ведь я же отправился в систему Енотовой Шкуры, и оттуда должны были сообщить…

Он умолк, оглушенный внезапной мыслью.

Дрейтон медленно кивнул.

— Я так и думал, что вы разберетесь в ситуации. Питер Максвелл благополучно прибыл на станцию системы Енотовой Шкуры и почти месяц назад вернулся на Землю.

— Это какая-то ошибка, — машинально сказал Максвелл.

Он был не в силах поверить, что их теперь двое, что на Земле существует еще один Питер Максвелл, во всем ему подобный.

— Нет, это не ошибка, — сказал Дрейтон. — Мы пришли к выводу, что эта планета не перехватывает волновые схемы. Она их дублирует.

— Так, значит, я существую в двойственном числе? И, может быть…

— Уже нет, — сказал Дрейтон. — Вы существуете в единственном числе. Примерно через неделю после своего возвращения Питер Максвелл погиб. Несчастный случай.

Глава 2

В нескольких шагах от крохотного кабинета, где Максвелл беседовал с Дрейтоном, за поворотом коридора он увидел ряд свободных стульев и, поставив свой чемодан на пол, осторожно опустился на один из них.

Это невозможно, твердил он себе. Сразу два Питера Максвелла — а теперь один из этих Максвеллов мертв! Как поверить, что хрустальная планета располагает аппаратами, которые способны дублировать систему волн, движущихся со сверхсветовой скоростью, вернее, со скоростью, неизмеримо превосходящей скорость света, поскольку в любом уголке Галактики, уже охваченном сетью передатчиков материи, нигде не замечалось ни малейшего разрыва между моментом передачи и моментом приема. Перехват — да, пожалуй! Перехватить волновую схему в пути теоретически еще можно. Но снять с нее копию? Нет!

Две невероятности, думал он. Два события, которые просто не могли произойти. Впрочем, если одно все-таки произошло, то другое было лишь его естественным следствием. Раз с волновой

схемы была снята копия, то обязательно должны были возникнуть два Максвелла, один из которых отправился в систему Енотовой Шкуры, а другой — на хрустальную планету. Но если тот, другой Питер Максвелл действительно отправился в систему Енотовой Шкуры, он должен еще быть там или только-только вернуться. Ведь он уехал туда на шесть недель и собирался задержаться дольше, если того потребуют розыски источника легенд о драконе.

Внезапно он заметил, что у него дрожат руки, и, стиснув их, зажал в коленях.

«Держись!» — приказал он себе. Что бы его ни ждало, он должен довести дело до конца! И ведь он ничего, в сущности, не знает. У него нет никаких фактов. Только утверждения инспектора службы безопасности, а к ним следует относиться критически. Ведь это могло быть всего лишь неуклюжей полицейской уловкой, попыткой заставить его сказать лишнее. Однако это могло быть и правдой… все-таки могло!

Но если так, он тем более должен держаться. Потому что у него есть дело, которое надо довести до конца, ничего не напортив.

Однако все станет гораздо сложнее, если за ним будут следить. С другой стороны, не известно,

будут ли за ним следить. А впрочем, так ли уж это важно? Труднее всего будет пробиться к Эндрю Арнольду. Попасть на прием к ректору Планетарного университета не очень-то просто. Он слишком занятой человек, чтобы тратить время на разговоры с заурядным преподавателем, тем более что указанный преподаватель не сможет даже сообщить заранее, о чем, собственно, он намерен беседовать с ректором.

Дрожь в руках унялась, но он все еще не разжимал их. Немного погодя он выберется отсюда, спустится к шоссе и сядет где-нибудь на одной из внутренних скоростных полос. Через час с небольшим он уже будет у себя в университетском городке и скоро узнает, правду ли говорил Дрейтон. И увидит своих друзей — Алле-Опа, Духа, Харлоу Шарпа, Аллена Престона и всю прочую братию. И вновь будут буйные ночные пирушки в «Свинье и Свистке», долгие мирные прогулки по тенистым аллеям и катанье на байдарках по озеру. Будут беседы, и споры, и обмен старинными сказаниями, и неторопливый академический распорядок дня, оставляющий человеку досуг, чтобы жить.

Он поймал себя на том, что с удовольствием думает о предстоящей поездке, потому что шоссе

огибало холмы по границе Заповедника гоблинов. Там, конечно, жили не только гоблины, но и прочие существа, с древних времен называемые маленьким народцем, и все они были его друзьями — ну если не все, то очень многие. Тролли порой могли вывести из себя кого угодно, а заключить настоящую прочную дружбу с такими созданиями, как банши, было трудновато.

В это время года, подумал он, холмы должны быть великолепны. Он отправился в систему Енотовой Шкуры на исходе лета, и холмы все еще были облачены в темно-зеленые одежды, но теперь, в середине октября, они, конечно, уже блистают всеми пышными красками осени: винный багрянец дубов, багрец и золото кленов и пламенеющий пурпур дикого винограда, как нить, сшивающая все остальные цвета. И воздух будет пахнуть сидром, будет пронизан тем неповторимым пьянящим благоуханием, которое приходит в леса только с умиранием листьев.

Он сидел и вспоминал, как два года назад в такую же осень они с мистером О'Тулом отправились на байдарках вверх по реке в северные леса, надеясь где-нибудь по пути вступить в контакт с лесными духами, о которых повествуют древние легенды оджибуэев. Они плыли по кристаль-

но-прозрачным потокам, а вечером разжигали костер на опушке темного соснового бора; они ловили рыбу на ужин, и отыскивали лесные цветы на укромных полянках, и рассматривали бесчисленных птиц и зверей, и отлично отдохнули. Но никаких духов они так и не увидели, что, впрочем, было вполне естественно. С маленьким народцем Северной Америки редко кому удавалось вступить в соприкосновение, потому что это были подлинные дети первозданной природы, непохожие на полуцивилизованных, свыкшихся с людьми обитателей холмов Европы.

Стул, на котором сидел Максвелл, был повернут к западу, и сквозь гигантские стеклянные стены он видел реку и обрывы за ней, по которым в старину проходила граница штата Айова, — темно-лиловые громады в венце молочно-голубого осеннего неба. На краю одного из обрывов он различил чуть более светлое пятно — это был Институт тавматургии, где преподавали главным образом восьминожки с планет Альфы Центавра. Вглядываясь в дальний силуэт здания, Максвелл вспомнил, что много раз обещал себе принять участие в одном из их летних семинаров, но так и не собрался.

Он протянул руку и переставил чемодан, наме-

реваясь встать, но остался сидеть. Он никак не мог отдышаться, а в коленях ощущалась неприятная слабость. То, что он услышал от Дрейтона, потрясло его гораздо больше, чем ему показалось в первый момент, и шок никак не проходил. Спокойнее, спокойнее, сказал он себе. Нельзя так распускаться. Может быть, это неправда, даже наверное неправда. И пока он сам во всем не убедился, нервничать нечего.

Максвелл медленно встал, нагнулся, чтобы взять чемодан, но задержался, все еще не решаясь окунуться в шумную суматоху зала ожидания. Люди — земляне и внеземляне — деловито спешили куда-то или стояли небольшими группами. Белобородый старец в чопорном черном костюме — маститый ученый, судя по его виду, решил Максвелл, — что-то говорил компании студентов, явившихся его проводить. Семейство рептилий расположилось на длинных диванчиках, предназначавшихся для существ такого типа, то есть не способных сидеть. Двое взрослых, лежавших лицом друг к другу, переговаривались с шипением, характерным для речи рептилий, а дети тем временем ползали по диванчикам и под диванчиками и, играя, свивались в клубки на полу. В небольшой нише бочкообразное существо, лежа

на боку, неторопливо перекатывалось от одной стены к другой, что, вероятно, соответствовало манере землян в задумчивости расхаживать взад и вперед по комнате. Два паукообразных создания, удивительно похожие на фантастические конструкции из тоненьких палочек, расположились друг против друга на полу. Они начертили мелом на плитах что-то вроде игральной доски, расставили на ней странные фигурки и, азартно вереща, принялись двигать их с молниеносной быстротой.

Дрейтон спрашивал о колесниках. Нет ли какой-нибудь связи между хрустальной планетой и колесниками?

Вечно колесники! Настоящая мания — колесники, колесники, колесники, думал Максвелл. И может быть, для этого все-таки есть основания. Ведь о них не известно почти ничего. Они были смутным и неясным фактором, возникшим где-то в глубинах космоса, еще одной движущейся по вселенной мощной культурой, которая кое-где на дальних границах вступала в отдельные контакты с ширящейся человеческой культурой.

И Максвелл воскресил в своей памяти первый и единственный случай, когда ему довелось увидеть колесника — студента, который приехал из

Института сравнительной анатомии в Рио-де-Жанейро на двухнедельный семинар в Институте времени. Он помнил возбуждение, охватившее Висконсинский университетский городок: разговоров было много, однако выяснилось, что увидеть загадочное существо практически невозможно — колесник почти не покидал здания, где проходил семинар. Но однажды, когда Максвелл шел к Харлоу Шарпу, который пригласил его пообедать вместе, ему в коридоре встретился колесник, и это было настоящее потрясение.

Все дело только в колесах, сказал он себе. Ни у какого другого существа в известных пределах вселенной колес не было. Он вдруг увидел перед собой пухлый пудинг, подвешенный между двумя колесами, ось которых проходила примерно через середину туловища. Колеса были одеты мехом, а обод, как он заметил, заменяли роговые затвердения. Низ пудингообразного тела свисал под осью, точно набитый мешок. Но худшее он обнаружил, подойдя поближе: вздутая нижняя часть была прозрачной, и внутри что-то непрерывно извивалось и копошилось — казалось, ты видишь огромную банку, наполненную червяками самых ярких расцветок.

И эти извивающиеся червяки в этом обвислом

безобразном брюхе действительно были если и не червями, то, во всяком случае, какими-то насекомыми, какой-то формой жизни, тождественной земным насекомым. Колесники представляли собой организмы-ульи, и их культура слагалась из множества таких ульев, каждый из которых был отдельной колонией насекомых или чего-то, что соответствовало насекомым в представлении землян.

Такие ульевые создания вполне могли дать пищу для тех страшных историй о колесниках, которые возникали где-то на отдаленных границах вселенной. И если эти жуткие истории не были вымыслом, значит, человек, наконец, действительно столкнулся с тем гипотетическим врагом, встречи с которым он опасался с того момента, как вышел в космос.

Исследуя вселенную, человек обнаружил немало странных, а иногда и жутких созданий, но ни одно из них, размышлял Максвелл, не наводило такого ужаса, как это снабженное колесами гнездо насекомых. В самой его идее было что-то тошнотворное.

Земля уже давно стала гигантским галактическим учебным центром, куда десятками тысяч прибывали внеземные существа, чтобы учиться

и преподавать в его бесчисленных университетах и институтах. И со временем, подумал Максвелл, в это галактическое содружество, символом которого стала Земля, могли бы войти и колесники, если бы только удалось установить с ними хоть какое-то взаимопонимание. Но до сих пор достичь этого не удавалось.

Почему, с недоумением спросил себя Максвелл, даже мысль о колесниках вызывает необоримое отвращение, хотя человек и все другие обитатели вселенной научились отлично ладить друг с другом?

Зал ожидания вдруг представился ему вселенной в миниатюре. Тут были существа, прибывшие с множества планет самых разных звезд — и прыгуны, и ползуны, и дергунчики, и катуны. Земля стала плавильной печью галактик, думал он, тем местом, где встречаются существа с тысяч звезд, чтобы знакомиться с чужими культурами, чтобы обмениваться мыслями и идеями.

— Номер пять-шесть-девять-два! — завопил громкоговоритель. — Пассажир номер пять-шесть-девять-два, до вашего отбытия остается пять минут. Кабина тридцать седьмая. Пассажир пять-шесть-девять-два, просим вас немедленно пройти в кабину тридцать семь!

Куда может отправляться пассажир №5692, прикинул Максвелл. В джунгли второй планеты Головной Боли, в мрачные, открытые всем ветрам ледяные города Горести IV, на безводные планеты Убийственных Солнц или на любую другую из тысяч и тысяч планет, до которых с того места, где он стоял, можно было добраться в мгновение ока, потому что их объединяла система передатчиков материи? Но сама эта система служит вечным памятником кораблям-разведчикам, которые первыми проложили путь сквозь тьму космического пространства — как пролагают они его и теперь, медленно, с трудом расширяя пределы вселенной, известной человеку.

Зал ожидания гудел от отчаянных призывов диктора к опоздавшим или не явившимся пассажирам, от жужжания тысяч голосов, разговаривающих на сотнях языков, от шарканья, топота и перестука множества ног.

Максвелл нагнулся, поднял чемодан и направился было к выходу, но тотчас снова остановился, пропуская автокар с аквариумом, заполненным мутной жижей. В туманной глубине аквариума он разглядел неясные очертания фантастической фигуры; вероятно, это был обитатель какой-нибудь жидкой планеты (жидкой, но отнюдь не

водяной!), профессор, прибывший на Землю прочесть курс лекций по философии, а может быть, на стажировку в тот или иной физический институт.

Когда автокар с аквариумом проехал, Максвелл без дальнейших помех добрался до дверей и вышел на красивую эспланаду, которая террасами спускалась к бегущим полосам шоссе. Он с удовольствием заметил, что около шоссе нет очереди — это случалось не так уж часто.

Максвелл всей грудью вдыхал чистый вкусный воздух, пронизанный холодной осенней свежестью. Он казался особенно приятным после недель, проведенных в мертвой затхлой атмосфере хрустальной планеты.

Подходя к шоссе, Максвелл увидел огромную афишу. Набранная старинным крупным шрифтом, она торжественно и с достоинством зазывала почтенную публику:

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР, ЭСКВАЙР
из Стрэтфорда-на-Эйвоне
(Англия)
прочтет лекцию
«ПИСАЛ ЛИ Я ШЕКСПИРОВСКИЕ ПЬЕСЫ»

под эгидой Института времени
22 октября в аудитории Музея времени.
Начало в 8 часов вечера.
Билеты продаются во всех агентствах.

— Максвелл! — крикнул кто-то, и он обернулся. К нему по эспланаде бежал какой-то человек.

Максвелл поставил чемодан, поднял было руку в приветственном жесте, но тут же опустил ее, увидев, что окликнул его кто-то совсем незнакомый. Тот перешел на рысцу, а потом на быстрый шаг.

— Профессор Максвелл, не так ли? — спросил он. — Я не мог ошибиться.

Максвелл сдержанно кивнул, испытывая некоторую неловкость.

— А я — Монти Черчилл, — объяснил незнакомец, протягивая руку. — Мы познакомились с вами около года назад. У Нэнси Клейтон на ее очередном вечере-гала.

— Как поживаете, Черчилл? — сказал Максвелл холодно.

Потому что теперь он вспомнил этого человека если не лицо, то фамилию. Как будто юрист. И кажется, специализируется на посредничестве. Один из тех, кто берется за любое дело, лишь бы

клиент хорошо заплатил.

— Лучше не бывает! — весело воскликнул Черчилл. — Только что вернулся из поездки. Не слишком долгой. Но все-таки до чего же приятно вернуться домой! Ничего нет на свете лучше дома. Потому-то я вас и окликнул. Несколько недель ни одного знакомого лица, представляете?

— Спасибо, — сказал Максвелл.

— Направляетесь в университетский городок?

— Да. Я как раз шел к шоссе.

— Ну, зачем же! — запротестовал Черчилл. — У меня тут автолет. На станционной площадке. Места для двоих хватит. Доберетесь домой гораздо быстрее.

Максвелл молчал, не зная, на что решиться. Черчилл ему не нравился, но он был прав: по воздуху они доберутся туда гораздо быстрее. А это его устраивало — он хотел поскорее выяснить положение вещей.

— Очень любезно с вашей стороны, — наконец ответил он. — Конечно, если я вас не стесню.

Глава 3

Мотор зафыркал и смолк. Через секунду оборвалось тихое гудение сопел, и в наступившей тишине стал слышен пронзительный свист воздуха, ударяющегося о металл.

Максвелл взглянул на своего соседа. Черчилл сидел, словно окаменев — то ли от страха, то ли от изумления. Ведь случилось нечто немыслимое, то, чего никак не могло быть. Автолеты этого типа никогда не ломались.

Внизу под ними вздымались острые зубцы крутых утесов и макушки могучих деревьев, под которыми прятались скалы. Слева вилась серебристая лента реки, омывавшая подножия лесистых холмов.

Время словно застыло и начало растягиваться; казалось, непонятное колдовство превращает каждую секунду в целую минуту. И с удлинением времени пришло спокойное осознание того, что должно было произойти — так, как будто речь шла не о нем, а о ком-то другом, как будто ситуацию трезво и реалистически оценивал сторонний наблюдатель, подумал Максвелл. Но где-то в дальнем, скрытом уголке его мозга жила

мысль о паническом страхе, который вспыхнет чуть позже, когда автолет ринется вниз, на верхушки деревьев и скал, а время обретет обычную быстроту.

Подавшись вперед, он осмотрел простиравшуюся внизу местность и вдруг увидел поляну — крохотный светло-зеленый разрыв в темном море деревьев.

Он толкнул Черчилла локтем и указал на поляну. Тот посмотрел, кивнул и начал поворачивать штурвал медленно и нерешительно, словно проверяя, будет ли машина слушаться.

Автолет слегка накренился и сделал вираж, по-прежнему продолжая медленно падать, но уже в нужном направлении. На мгновение он, казалось, вышел из-под контроля, затем скользнул вбок, теряя высоту быстрее, чем раньше, но планируя туда, где среди деревьев был виден просвет.

Теперь верхушки стремительно мчались к ним навстречу, и Максвелл уже различал их осенние краски — сплошная темная масса стала красной, золотой и оранжевой. Длинные багряные копья взметнулись, чтобы пронзить их, золотые клешни злобно тянулись к ним, чтобы сомкнуться в цепкой хватке.

Автолет задел верхние ветки дуба, на миг словно в нерешительности повис между небом и землей, а затем нырнул к зеленой лужайке в самой гуще леса.

Лужайка фей, сказал себе Максвелл. Их бальный зал, а теперь — посадочная площадка.

Он покосился на Черчилла, вцепившегося в рычаги управления, и вновь устремил взгляд на несущийся к ним зеленый круг. Он должен, должен быть ровным! Ни кочек, ни рытвин, ни ям! Ведь когда создавалась эта лужайка, почва специально выравнивалась в соответствии с принятыми стандартами.

Автолет ударился о землю, подскочил и угрожающе накренился. Затем он вновь коснулся травы и покатил по ней без единого толчка. Деревья в дальнем конце лужайки неслись на них с ужасающей быстротой.

— Держитесь! — крикнул Черчилл, и в тот же момент машина повернула и пошла юзом. Когда она остановилась, до стены деревьев было не больше пяти шагов. Их обступила мертвящая тишина, которая словно надвигалась на них от пестрого леса и скалистых обрывов.

Из безмолвия донесся голос Черчилла:

— Еще немного, и…

Он откинул верх и выбрался наружу. Максвелл последовал за ним.

— Не понимаю, что произошло, — говорил Черчилл. — В эту штуку встроено столько всяких предохранителей, что уму непостижимо! Да, конечно, можно угодить под молнию, или врезаться в гору, или попасть в смерч — но мотор не выходит из строя никогда. Остановить его можно, только выключив.

Он вытер лоб рукавом, а потом спросил:

— Вы знали про эту лужайку?

Максвелл покачал головой.

— Нет. Но я знал, что такие лужайки существуют. Когда создавался заповедник, в планах его ландшафта эти лужайки были специально оговорены. Видите ли, феям нужно место для танцев. И, заметив в лесу просвет, я догадался, что это может быть такое.

— Когда вы указали вниз, — сказал Черчилл, — я просто положился на вас. Деваться нам все равно было некуда — и я рискнул…

Максвелл жестом остановил его.

— Что это? — спросил он, прислушиваясь.

— Как будто топот лошадиных копыт, — отозвался Черчилл. — Но кому могло взбрести в голову прогуливать тут лошадь? Доносится вон

оттуда.

Цоканье копыт явно приближалось.

Обойдя автолет, Максвелл и Черчилл увидели тропу, которая круто поднималась к узкому отрогу, увенчанному массивными стенами полуразрушенного средневекового замка.

Лошадь спускалась по тропе тряским галопом. На ее спине примостился толстячок, который при каждом движении своего скакуна подпрыгивал самым удивительным образом. Выставленные вперед локти нескладного всадника взлетали и падали, точно машущие крылья.

Лошадь тяжелыми скачками спустилась со склона на лужайку. Она была столь же неизящна, как и ее всадник, — лохматый битюг, чьи могучие копыта ударяли по земле с силой парового молота, вырывая куски дерна и отбрасывая их далеко назад. Он держал курс прямо на автолет, словно намереваясь опрокинуть его, но в последнюю секунду неуклюже свернул и встал как вкопанный. Бока его вздымались и опадали, точно кузнечные меха, из дряблых ноздрей вырывалось шумное дыхание.

Всадник грузно соскользнул с его спины и, едва коснувшись ногами земли, разразился гневными восклицаниями.

— Это все они, негодники и паршивцы! — вопил он. — Это все они, мерзкие тролли! Сколько раз я им втолковывал: летит себе помело и летит, а вы не вмешивайтесь! Так нет! Не слушают! Только и думают, как бы это шутку сшутить. Наложат заклятие, и все тут…

— Мистер О'Тул! — закричал Максвелл. — Вы меня еще помните?

Гоблин обернулся и прищурил красные близорукие глаза.

— Да никак профессор! — взвизгнул он. — Добрый друг всех нас! Ах, какой стыд, какой позор! Профессор, я с этих троллей спущу шкуры и растяну на двери, я приколочу их уши к деревьям!

— Заклятие? — спросил Черчилл. — Вы сказали заклятие?

— А что же еще? — негодовал мистер О'Тул. Что еще может свести помело с неба на землю?

Он подковылял к Максвеллу и озабоченно уставился на него.

— А это и вправду вы? — спросил он с некоторым беспокойством. — В истинной плоти? Нас известили, что вы скончались. Мы послали венок из омелы и остролиста в знак нашей глубочайшей скорби.

— Нет, это воистину я и в истинной плоти, —

сказал Максвелл, привычно переходя на диалект обитателей холмов. — Это были только слухи.

— Тогда на радостях мы все трое, — вскричал О'Тул, — испьем по большой кружке доброго октябрьского эля! Варка как раз окончена, и я от всего сердца приглашаю вас, господа, разделить со мной первую пробу!

Со склона по тропе к ним бежало полдесятка других гоблинов, и мистер О'Тул властно замахал, поторапливая их.

— Всегда опаздывают! — пожаловался он. — Никогда их нет на месте в нужную минуту. Прийти-то они приходят, но обязательно позже, чем надо бы. Хорошие ребята, как на подбор, и сердца у них правильные, но нет в них подлинной живости, коей отмечены истинные гоблины вроде меня.

Гоблины косолапой рысью высыпали на лужайку и выстроились перед О'Тулом, ожидая распоряжений.

— У меня для вас много работы! — объявил он. — Для начала идите к мосту и скажите этим троллям, чтобы они не смели заклятия накладывать. Раз и навсегда пусть прекратят и больше не пробуют. Скажите им, что это последнее предупреждение. Если они снова примутся за свое, тот

мост мы разнесем на камни и каждый мшистый камень укатим далеко от других, так что вновь тот мост не встанет никогда. И пусть снимут заклятие вот с этого упавшего помела, чтобы оно летело как новое! А другие идите искать фей, расскажите им о повреждении их лужайки, не забыв присовокупить, что во всем повинны эти подлые тролли, и обещайте, что лужайка будет выровнена к той поре, когда они придут сюда танцевать под полной луной. Третьи же позаботьтесь о Доббине: приглядите, чтобы его неуклюжие копыта не причиняли лужайке нового ущерба, но если найдется трава повыше, пусть он ее пощиплет. Бедняге нечасто выпадает случай насладиться таким пастбищем.

Мистер О'Тул повернулся к Максвеллу и Черчиллу, потирая ладонь о ладонь в знак удачно исполненного дела.

— А теперь, господа, — сказал он, — соблаговолите подняться со мной на холм, и мы испробуем, на что годится сладкий октябрьский эль. Однако прошу вас из сострадания ко мне идти помедленнее — мое брюхо что-то очень выросло, и я весьма страдаю от одышки.

— Ведите нас, старый друг, — сказал Максвелл. — Мы с охотой подладим свой шаг к вашему. Давненько не пили мы вместе октябрьского эля.

— Да-да, разумеется, — сказал Черчилл растерянно.

Они начали подниматься по тропе. Впереди на фоне светлого неба четко вырисовывался силуэт развалин.

— Я должен заранее извиниться за состояние замка, — сказал мистер О'Тул. — Он полон сквозняков, способствующих насморкам, гайморитам и всяким другим мучительным недугам. Ветер рыскает по нему, как хочет, и всюду стоит запах сырости и плесени. Я так и не постиг, почему вы, люди, раз уж вы начали строить для нас замки, не могли сделать их уютными и непроницаемыми для ветра и дождя. Если мы некогда и обитали в руинах, это еще не значит, что нас не влекут удобства и комфорт. Поистине, мы жили в них лишь потому, что бедная Европа не могла предложить

нам ничего более подходящего.

Он умолк, отдышался и продолжал:

— Я прекрасно помню, как две тысячи лет назад и более мы жили в новехоньких замках, хотя, конечно, и убогих, ибо невежественные люди той поры не умели строить лучше — и мастерства они не знали, и инструментов у них нужных не было, а уж о машинах и говорить не приходится. Да и вообще худосочный был народ. А нам приходилось скрываться по углам и закоулкам замков, ибо непросвещенные люди той поры страшились и чурались нас и пытались в своем невежестве обороняться от нас могучими чарами и заклинаниями.

— А впрочем, — добавил он не без самодовольства, — они же были всего только люди, и колдовство у них хромало. Нам были не страшны даже самые замысловатые их чары.

— Две тысячи лет? Не хотите ли вы сказать… — начал было Черчилл и замолчал, заметив, что Максвелл замотал головой.

Мистер О'Тул остановился и бросил на Черчилла уничтожающий взгляд.

— Я помню, — объявил он, — как из того болотистого бора, который вы теперь называете Центральной Европой, весьма бесцеремонно

явились варвары и рукоятками своих грубых железных мечей начали стучаться в ворота самого Рима. Мы слышали об этом в лесных чащах, где обитали тогда, и среди нас еще жили те — теперь давно умершие, — кто узнал про Фермопилы всего через несколько недель после того, как пали Леонид и его воины.

— Простите, — сказал Максвелл. — Но не все настолько хорошо знакомы с маленьким народцем…

— Будьте добры, — перебил О'Тул, — познакомьте его в таком случае!

— Это правда, — сказал Максвелл, обращаясь к Черчиллу. — Или, во всяком случае, вполне может быть правдой. Они не бессмертны и в конце концов умирают. Но долговечны они так, что нам и представить это трудно. Рождения у них — редкость, иначе на Земле не хватило бы для них места. Но они доживают до невероятного возраста.

— А все потому, — сказал мистер О'Тул, — что мы роем глубоко, в самом сердце природы, и не транжирим драгоценную силу духа на мелочные заботы, о которые вдребезги разбиваются жизнь и надежды людей. Однако это слишком печальные темы, чтобы тратить на них столь великолепный

осенний день. Так обратим же наши мысли со всем рвением к пенному элю, который ждет нас на вершине!

Он умолк и вновь начал взбираться по тропе заметно быстрее, чем раньше.

Сверху к ним навстречу опрометью бежал крохотный гоблин — пестрая рубаха, которая была ему велика, билась на ветру.

— Эль! — верещал он. — Эль!

Он остановился перед ними, еле удерживаясь на ногах.

— Ну, и что — эль? — пропыхтел мистер О'Тул. — Или ты хочешь покаяться, что осмелился его попробовать?

— Он скис! — стенал маленький гоблин. — Весь этот заклятый чан скис!

— Но ведь эль не может скиснуть! — возразил Максвелл, понимая, какая произошла трагедия.

Мистер О'Тул запрыгал на тропе, пылая яростью. Его лицо из коричневого стало багровым и тут же полиловело. Он хрипел и задыхался.

— Нет, может! Если его сглазить! Проклятие, о проклятие!

Он повернулся и заспешил вниз по тропе в сопровождении маленького гоблина.

— Только дайте мне добраться до этих гнусных

троллей! — вопил мистер О'Тул. — Только дайте мне наложить лапы на их жадные глотки! Я их выкопаю из-под земли вот этими самыми руками и повешу на солнце сушиться! Я спущу с них со всех шкуры! Я их так проучу, что они вовек не забудут!..

Его угрозы все больше сливались в нечленораздельный рев, пока он быстро удалялся вниз до тропе, спеша к мосту, под которым обитали тролли.

Два человека с восхищением смотрели ему вслед, дивясь такому всесокрушающему гневу.

— Ну, — сказал Черчилл, — вот мы и лишились возможности испить сладкого октябрьского эля.

Глава 4

Когда Максвелл на одной из внешних более медленных полос шоссе доехал до окраины университетского городка, часы на консерватории начали отбивать шесть. Из аэропорта Черчилл поехал другим путем, и Максвелл был этим очень доволен — не только потому, что юрист был ему чем-то неприятен, но и потому, что он испытывал потребность побыть одному. Ему хотелось ехать медленно, откинув щиток, в тишине, ни с кем не разговаривая и только впитывая атмосферу всех этих зданий и аллей, и чувствовать, что он вернулся домой, в единственное место в мире, которое по-настоящему любил.

Сумерки спускались на городок благостной дымкой, смягчая очертания зданий, превращая их в романтические гравюры из старинных книг. В аллеях группами стояли студенты с портфелями и негромко переговаривались. Некоторые держали книги прямо под мышкой. На скамье сидел седой старик и смотрел, как в траве резвятся белки. По дорожке неторопливо ползли двое внеземлян-рептилий, поглощенные беседой. Студент-человек бодро шагал по боковой аллее,

насвистывая на ходу, и его свист будил эхо в тихих двориках. Поравнявшись с рептилиями, он поднял руку в почтительном приветствии. И повсюду высились древние величественные вязы, с незапамятных времен осеняющие все новые и новые поколения студентов.

И вот тут-то огромные куранты начали отбивать шесть часов. Густой звон разнесся далеко вокруг, и Максвеллу вдруг почудилось, что это дружески здоровается с ним университетский городок. Часы были его другом, подумал он, и не только его, но всех, до кого доносился их бой. Это был голос городка. По ночам, когда он лежал в постели и засыпал, ему было слышно, как они бьют, отсчитывая время. И не просто отсчитывая время, но, подобно стражу, возвещая, что все спокойно.

Впереди в сумраке возникла громада Института времени — гигантские параллелепипеды из пластмассы и стекла, сияющие огнями. К их подножию прижался музей. Поперек его фасада протянулось бьющееся на ветру белое полотнище. В сгущающихся сумерках Максвелл с такого расстояния сумел разобрать только одно слово: «ШЕКСПИР».

Он улыбнулся при мысли о том, как должен

бурлить сейчас факультет английской литературы. Старик Ченери и вся компания не простили Институту времени, когда два-три года назад Институт докопался, что автором пьес был все-таки не граф Оксфорд. И это появление стрэтфордца во плоти будет горстью соли, высыпанной на еще не зажившую рану.

Вдали, на западной окраине городка, высились на вершине холма административные корпуса, словно вписанные тушью в гаснущий багрянец над горизонтом.

Полоса шоссе двигалась все дальше, мимо Института времени и его кубического музея с трепещущим полотнищем плаката. Часы кончили отбивать время, и последние отголоски замерли во мгле.

Шесть часов! Через две-три минуты он сойдет с полосы направится к «Гербу Уинстонов», который был его домом уже четыре года… нет, впрочем, не четыре, а пять! Максвелл сунул руку в правый карман куртки и в маленьком внутреннем кармашке нащупал кольцо с ключами.

Теперь, впервые после того, как он покинул Висконсинскую передаточную станцию, им вдруг овладела мысль о другом Питере Максвелле. Конечно, история, которую рассказал ему инспек-

тор Дрейтон, могла быть правдой, хотя он сильно в этом сомневался. Служба безопасности была вполне способна пустить в ход именно такой прием, чтобы выведать у человека всю подноготную. Однако если это ложь, то почему из системы Енотовой Шкуры не поступило сообщения о том, что он не прибыл? Впрочем, и это ему известно только со слов инспектора Дрейтона, и про другие два таких же случая — тоже. Если можно усомниться в одном утверждении Дрейтона, с какой стати принимать на веру остальные? Если хрустальная планета перехватывала и других путешественников, он, пока был там, ничего об этом не слышал. Однако, сказал себе Максвелл, это тоже ничего не означает: хозяева хрустальной планеты, несомненно, сообщали ему только то, что считали нужным сообщить.

Тут он сообразил, что тревожит его не столько разговор с Дрейтоном, сколько слова О'Тула: «Мы послали венок из омелы и остролиста в знак нашей глубочайшей скорби». Если бы не скисший эль, он, конечно, обсудил бы со старым гоблином события этих недель, но им так и не представился случай поговорить по душам.

Впрочем, пока можно об этом не думать. Как только он доберется домой, то сразу же позвонит

кому-нибудь из своих друзей и узнает правду. Но кому позвонить? Харлоу Шарпу в Институт времени? Или Даллесу Греггу, декану его факультета? Или, может быть, Ксигму Маону Тайру, старому эриданцу с белоснежным мехом и задумчивыми лиловыми глазами, который целую жизнь провел в крохотном кабинете, разрабатывая методы анализа структуры мифов? Или Аллену Престону, близкому приятелю, юристу? Пожалуй, начать следует с Престона — ведь если Дрейтон не солгал, ситуация может осложниться именно в юридическом плане.

Максвелл сердито одернул себя. Он, кажется, поверил! Во всяком случае, — вот-вот поверит! Если так пойдет дальше, он начнет убеждать себя, что все это — чистая правда!

«Герб Уинстонов» был уже совсем близко. Максвелл поднялся с сиденья, взял чемодан и перешел на внешнюю, еле ползущую полосу. Напротив «Герба Уинстонов» он спрыгнул на тротуар.

Ни на широкой каменной лестнице, ни в вестибюле никого не было. Пошарив в кармане, он вытащил ключи и зажал в пальцах тот, который открывал дверь его квартиры. Лифт уже ждал, и он нажал кнопку седьмого этажа.

Ключ сразу вошел в замок и легко в нем по-

вернулся. Дверь открылась, и Максвелл вошел в темную комнату. Дверь за его спиной автоматически закрылась, щелкнув замком, и он протянул руку к выключателю.

Но так и застыл с поднятой рукой. Что-то было не так. Какое-то чувство… ощущение… может быть, запах? Да, именно — запах! Слабый нежный аромат незнакомых духов.

Максвелл ударил по кнопке. Вспыхнул свет.

Комната стала другой. Не та мебель и пронзительно-яркие картины на стенах. У него не было и никогда не будет таких картин!

Позади него снова щелкнул замок, и он стремительно обернулся. Дверь распахнулась, и в комнату вошел саблезубый тигр.

При виде Максвелла огромный кот припал к полу и заворчал, обнажив шестидюймовые кинжалы клыков.

Максвелл осторожно попятился. Тигр медленно пополз вперед, по-прежнему ворча. Максвелл шагнул назад, почувствовал удар по лодыжке, попытался удержаться на ногах и понял, что падает. Он же видел этот пуфик! Мог бы, кажется, вспомнить… но не вспомнил, споткнулся о него и сейчас здорово шлепнется. Он попытался расслабиться, ожидая удара о жесткий пол, но вместо

этого его спина погрузилась во что-то мягкое, и он сообразил, что приземлился на кушетку, которая стояла за пуфиком.

Тигр в изящном прыжке повис в воздухе, прижав уши, полуоткрыв пасть и вытянув массивные лапы вперед, словно таран. Максвелл вскинул руки, загораживая грудь, но лапы отбросили их в сторону, как пушинки, и придавили его к кушетке. Огромная кошачья морда со сверкающими клыками придвинулась к самому его лицу. Медленно, почти ласково тигр опустил голову, и длинный розовый язык, шершавый, как терка, облизал щеки Максвелла.

Гигантский кот замурлыкал.

— Сильвестр! — донеслось из-за двери, — Сильвестр, немедленно прекрати!

Тигр еще раз ободрал языком лицо Максвелла и присел на задние лапы. Ухмыляясь и поставив уши торчком, он рассматривал Максвелла с дружеским и даже восторженным интересом.

Максвелл приподнялся и сел, откинувшись на спинку кушетки.

— Кто вы, собственно, такой? — спросила стоявшая в дверях девушка.

— Видите ли, я…

— Однако вы не из робких, — заметила она.

Сильвестр замурлыкал громче.

— Извините, мисс, — сказал Максвелл, — но я здесь живу. Во всяком случае, жил раньше. Это ведь квартира семь — двадцать один?

— Да, конечно, — кивнула она. — Я сняла ее ровно неделю назад.

— Я мог бы догадаться, — сказал Максвелл, пожимая плечами. — Ведь мебель другая!

— Я потребовала, чтобы хозяин вышвырнул прежнюю, — объяснила она. — Это было что-то чудовищное.

— Погодите, — перебил Максвелл. — Старый зеленый диван, довольно потертый…

— И бар орехового дерева, — подхватила девушка. — И гнуснейший морской пейзаж, и…

— Достаточно, — устало сказал Максвелл. — Вы вышвырнули отсюда мои вещи.

— Не понимаю… Хозяин сказал, что прежний жилец умер. Несчастный случай, если не ошибаюсь.

Максвелл медленно поднялся на ноги. Тигр последовал его примеру, подошел поближе и начал нежно тереться головой о его колени.

— Сильвестр, перестань! — скомандовала девушка.

Сильвестр продолжал свое занятие.

— Не сердитесь на него, — сказала она. — Он ведь просто большой котенок.

— Биомех?

Девушка кивнула.

— Поразительная умница. Он ходит со мной повсюду. И всегда ведет себя прилично. Не понимаю, что на него нашло. Наверное, вы ему понравились.

Говоря все это, она смотрела на тигренка, но тут внезапно бросила на Максвелла внимательный взгляд.

— Вам нехорошо?

Максвелл покачал головой.

— Вы что-то очень побелели.

— Небольшое потрясение, — объяснил он. — Вероятно, в этом все дело. Я сказал вам правду. До недавнего времени я действительно жил здесь. Произошла какая-то путаница…

— Сядьте, — приказала она. — Хотите выпить чего-нибудь?

— Если можно. Меня зовут Питер Максвелл, я профессор…

— Погодите! Максвелл, вы сказали? Питер Максвелл… Ведь так звали…

— Да, я знаю, — сказал Максвелл. — Так звали того человека, который умер.

Он осторожно опустился на кушетку.

— Я принесу вам чего-нибудь, — сказала девушка.

Сильвестр подобрался поближе и ласково положил массивную голову Максвеллу на колени. Максвелл почесал его за ухом, и Сильвестр, громко замурлыкав, чуть-чуть повернулся, чтобы показать Максвеллу, где надо чесать.

Девушка вернулась с рюмкой и села рядом.

— Но я все-таки не понимаю… Если вы тот, кто….

— Все это, — заметил Максвелл, — очень запутано.

— Должна сказать, что держитесь вы неплохо. Немного ошеломлены, пожалуй, но не сокрушены.

— По правде говоря, — признался Максвелл, на самом-то деле я не был застигнут врасплох. Меня поставили об этом в известность, но я не поверил. То есть не позволил себе поверить. — Он поднес рюмку к губам. — А вы не будете пить?

— Если вам лучше, — сказала она, — если вы в норме, я пойду налью и себе.

— Я прекрасно себя чувствую, — объявил Максвелл. — И как-нибудь все это переживу.

Он посмотрел на свою собеседницу и только

теперь увидел ее по-настоящему — стройная, подтянутая, коротко подстриженные темные волосы, длинные ресницы и глаза, которые ему улыбались.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Кэрол Хэмптон. Я историк, работаю в Институте времени.

— Мисс Хэмптон, — сказал он, — приношу вам свои извинения. Я уезжал — вообще с Земли. И только что вернулся. У меня был ключ, он подошел к замку, а когда я уезжал, эта квартира была моей…

— Не нужно ничего объяснять, — перебила она.

— Мы выпьем, — сказал он. — А потом я встану и уйду. Если только…

— Что?

— Если только вы не согласитесь пообедать со мной. Чтобы я мог хоть чем-то отплатить вам за чуткость. Ведь вы могли бы выбежать с воплями…

— А не подстроено ли все это? — спросила она подозрительно. — Вдруг вы…

— Ни в коем случае, — сказал он. — У меня не хватило бы сообразительности. И к тому же откуда я взял ключ?

Она поглядела на него, а потом сказала:

— Это было глупо с моей стороны. Но нам придется взять с собой Сильвестра. Он ни за что не останется один.

— Да я никогда и не согласился бы бросить его одного! — заявил Максвелл. — Мы с ним друзья до гроба.

— Это обойдется вам в бифштекс, — предупредила она. — Он всегда голоден, а ест только хорошие бифштексы. Большие. И с кровью.

Глава 5

В «Свинье и Свистке» было темно, шумно и чадно. Между тесно поставленными столиками оставались лишь узенькие проходы. Мерцали дрожащие огоньки свечей. Низкий зал был заполнен разноголосым гулом, точно все посетители говорили разом, перебивая друг друга.

Максвелл прищурился, стараясь высмотреть свободный столик. Пожалуй, подумал он, им следовало бы пойти куда-нибудь еще. Но ему хотелось поужинать именно тут, потому что этот кабачок облюбовали студенты и преподаватели его факультета и здесь он чувствовал себя как дома.

— Пожалуй, нам лучше пойти куда-нибудь еще, — сказал он, обернувшись к Кэрол Хэмптон.

— Сейчас к нам кто-нибудь подойдет и укажет столик, — ответила она. — Наверное, большой наплыв — официанты совсем сбились с ног… Сильвестр! Немедленно прекрати! Извините его, пожалуйста, — добавила она умоляюще, обращаясь к людям, сидевшим за столиком, возле которого они стояли. — Он такой невоспитанный! И особенно не умеет вести себя за столом.

Хватает все, что увидит…

Сильвестр облизывался с довольным видом.

— Пустяки, мисс, — сказал обездоленный бородач. — Я, собственно говоря, и не собирался его есть. Просто у меня привычка заказывать бифштексы.

— Пит! Пит Максвелл! — закричал кто-то в дальнем конце зала.

Прищурившись, Максвелл разглядел в полумраке, что ему машет руками какой-то человек, вскочивший из-за столика в углу. Потом он узнал его. Это был Алле-Оп, а рядом с ним маячила белая фигура Духа.

— Встретили друзей? — спросила Кэрол.

— Да. По-видимому, они приглашают нас за свой столик. Вы не возражаете?

— Это неандерталец? — спросила она.

— Вы его знаете?

— Видела несколько раз. Но мне хотелось бы с ним познакомиться. А рядом сидит Дух?

— Они неразлучны, — объяснил Максвелл.

— Ну, так идемте же!

— Мы можем просто поздороваться, а потом отправиться куда-нибудь еще.

— Ни в коем случае! — воскликнула Кэрол. — По-моему, это очень интересное место.

— Вы не бывали тут раньше?

— Не осмеливалась, — ответила она.

— Ну, так следуйте за мной, — сказал он и начал медленно пробираться между столиками. Девушка и тигренок шли за ним по пятам.

Алле-Оп выскочил навстречу Максвеллу, бурно заключил его в объятия, потом взял за плечи, отодвинул и начал всматриваться ему в лицо.

— Ты и в самом деле старина Пит? — спросил он. — Ты нас не морочишь?

— Да, я Пит, — ответил Максвелл. — А кем еще я могу быть, как по-твоему?

— В таком случае, — сказал Оп, — кого мы хоронили три недели назад, в четверг? И я, и Дух оба были там. И ты должен нам двадцать монет — ровно столько стоил венок, который мы прислали.

— Давайте сядем, — предложил Максвелл.

— Опасаешься скандала? — осведомился Оп. — Но ведь это место для скандалов и создано: каждый час по расписанию завязываются кулачные бои, а в промежутках кто-нибудь влезает на стол и разражается речью.

— Оп, — сказал Максвелл, — со мной дама, так что укротись и оцивилизуйся. Мисс Кэрол Хэмптон, а эта стоеросовая дубина зовется Алле-Оп.

— Счастлив познакомиться с вами, мисс Хэмптон, — сказал Алле-Оп. — Но кого я вижу! Саблезубый тигр, с места мне не сойти! Помнится, был случай, когда я в буран укрылся в пещере, где уже сидела такая вот киска, а при мне никакого оружия, кроме тупого кремневого ножа. Понимаете, палица у меня сломалась, когда я повстречал медведя, и…

— Доскажешь как-нибудь в другой раз, — перебил Максвелл. — Может быть, мы все-таки сядем? Нам очень хочется есть и вовсе не хочется, чтобы нас вышвырнули отсюда.

— Пит, — сказал Алле-Оп, — быть вышвырнутым из этой забегаловки — весьма большая честь. Ты можешь считать свое общественное положение упроченным только после того, как тебя вышвырнут отсюда.

Однако, продолжая ворчать себе под нос, он все-таки направился к своему столику и галантно подвинул стул Кэрол. Сильвестр устроился между ней и Максвеллом, положил морду на стол и недоброжелательно уставился на Алле-Опа.

— Этой киске я не нравлюсь, — объявил Оп. — Возможно, она знает, сколько ее предков я поистреблял в добром старом каменном веке.

— Сильвестр всего лишь биомех, — объяснила

Кэрол, — и ничего знать не может.

— Ни за что не поверю, — сказал Оп. — Эта животина — никакой ни биомех. У него в глазах видна самая что ни на есть типичная саблезубая подлость.

— Пожалуйста, Оп, уймись на минутку, — прервал его Максвелл. — Мисс Хэмптон, позвольте представить вам Духа, моего очень старого друга.

— Мне очень приятно познакомиться с вами, мистер Дух, — сказала Кэрол.

— Только не «мистер», а просто Дух, — поправил тот. — Я ведь дух, и больше ничего. И самое ужасное заключается в том, что я не знаю, чей я, собственно, дух. Очень рад познакомиться с вами. Так уютно сидеть за столиком вчетвером. В цифре «четыре» есть что-то милое и уравновешенное.

— Ну, — объявил Оп, — теперь, когда мы перезнакомились, давайте перейдем к делу. Выпьем! Ужасно противно пить в одиночку. Конечно, я люблю Духа за многие его превосходные качества, но не переваривaю непьющих.

— Ты же знаешь, что я не могу пить, — вздохнул Дух. — И есть не могу. И курить. Возможности духов весьма и весьма ограничены, но мне хотелось бы, чтобы ты перестал указывать на это всем, с

кем мы знакомимся.

Оп повернулся к Кэрол.

— Вы, кажется, удивлены, что варвар-неандерталец способен изъясняться так красноречиво и свободно, как я?

— Не удивлена, а потрясена, — поправила Кэрол.

— Оп, — сообщил ей Максвелл, — за последние двадцать лет вобрал в себя такое количество знаний, какое обыкновенному человеку и не снилось. Начал с программы детского сада в буквальном смысле слова, а сейчас работает над докторской диссертацией. А главное, он и дальше собирается продолжать в том же духе. Его можно назвать одним из самых выдающихся наших студентов.

Оп поднял руку и замахал официанту, призывая его могучим голосом.

— Сюда! — крикнул он. — Здесь есть люди, которые хотели бы облагодетельствовать вас заказом. Все они умирают от ползучей жажды.

— Больше всего меня в нем восхищает, — заметил Дух, — его застенчивость и скромность.

— Я продолжаю учиться, — сказал Оп, — не столько из стремления к знанию, сколько ради удовольствия наблюдать ошарашенное выра-

жение на лицах педантов-преподавателей и дураков-студентов. Впрочем, — повернулся он к Максвеллу, — я отнюдь не утверждаю, что все преподаватели обязательно педанты.

— Спасибо! — сказал Максвелл.

— Есть люди, — продолжал Оп, — которые, по-видимому, убеждены, что Homo sapiens neanderthalensis — глупая скотина, и ничего больше. Ведь что ни говори, а он вымер, он не смог выдержать борьбы за существование, в чем усматривается прямое доказательство его безнадежной второсортности. Боюсь, я и дальше буду посвящать мою жизнь опровержению…

Рядом с Опом возник официант.

— А, это опять вы! — сказал он. — Можно было сразу догадаться, как только вы принялись на меня орать. Вы невоспитанны, Оп.

— С нами тут сидит человек, — сообщил ему Оп, пропуская мимо ушей оскорбительное утверждение, — который вернулся из страны теней. По-моему, достойнее всего будет отпраздновать его воскрешение вакханалией дружбы.

— Насколько я понял, вы хотели бы чего-нибудь выпить?

— Так почему же вы сразу не принесли бутылку хорошего пойла, ведерко льда и четыре… нет,

три рюмки? — осведомился Оп. — Дух, знаете ли, не пьет.

— Я знаю, — сказал официант.

— То есть если мисс Хэмптон не предпочитает какую-нибудь модную болтушку, — уточнил Оп.

— Кто я такая, чтобы вставлять палки в колеса? — спросила Кэрол. — Что пьете вы?

— Кукурузное виски, — ответил Оп. — Наш с Питом вкус в этом отношении ниже всякой критики.

— Ну, так кукурузное виски, — решила Кэрол.

— Насколько я понял, — сказал официант, — когда я приволоку сюда бутылку, у вас будет чем за нее заплатить. Я помню, как однажды…

— Если я обману ваши ожидания, — объявил Оп, — мы обратимся к старине Питу.

— К Питу? — переспросил официант и, посмотрев на Максвелла воскликнул: — Профессор! А я слышал, что вы…

— Я вам уже битый час об этом толкую, — перебил Оп. — Потому-то мы и празднуем. Он восстал из гроба.

— Но я не понимаю…

— И незачем, — сказал Оп. — Несите-ка выпивку, а больше от вас ничего не требуется.

Официант убежал.

— А теперь, — сказал Дух, обращаясь к Максвеллу, — пожалуйста, объясните нам, что вы такое. По-видимому, вы не дух, или же процесс их изготовления значительно улучшился с той поры, когда человек, которого представляю я, сбросил бренную оболочку.

— Насколько можно судить, — начал Максвелл, — перед вами результат раздвоения личности. Один из меня, насколько я понял, стал жертвой несчастного случая и умер.

— Но это же невозможно! — возразила Кэрол. — Психическое раздвоение личности — это понятно, но чтобы физически…

— Ни на земле, ни в небесах нет ничего невозможного, — объявил Дух.

— Цитатка-то заезженная! — заметил Оп. — И к тому же ты ее переврал.

Он принялся энергично скрести волосатую грудь короткими пальцами.

— Не глядите на меня с таким ужасом, — сказал он Кэрол. — Зуд, и больше ничего. Я дитя природы и потому чешусь. Но я отнюдь не наг. На мне надеты шорты.

— Его выучили ходить на двух ногах, — заметил Максвелл, — но только-только.

— Вернемся к раздвоению вашей личности, —

сказала Кэрол. — Не могли бы вы объяснить нам, что, собственно, произошло?

— Я отправился на одну из планет системы Енотовой Шкуры, и в пути моя волновая схема каким-то образом сдублировалась, так что я прибыл одновременно в два разных места.

— Вы хотите сказать, что возникло два Питера Максвелла?

— Вот именно.

— На твоем месте, — сказал Оп, — я бы подал на них в суд. Этим транспортникам даже убийство с рук сойдет! Ты можешь вытрясти из них хорошее возмещение. Вызовешь свидетелями меня и Духа. Мы ведь были на твоих похоронах! И вообще, — добавил он, — нам с Духом тоже следует предъявить им иск. За причинение моральных мук. Наш лучший друг лежит в гробу бледный и неподвижный, а мы совсем убиты горем.

— Нет, правда, мы очень горевали, — сказал Дух.

— Я знаю, — ответил Максвелл.

— Послушайте, — сказала Кэрол. — По-моему, вы все трое относитесь к случившемуся как-то слишком уж легко. Один из трех друзей…

— Чего вы от нас хотите? — осведомился Оп. — Чтобы мы запели «Аллилуйя»? Или таращили

глаза, дивясь неслыханному чуду? Мы потеряли приятеля, а теперь он вернулся…

— Но ведь их было двое, и один…

— Для нас он всегда был один, — сказал Оп. — И пожалуй, так лучше. Нетрудно представить, какие недоразумения возникли бы, если бы его было двое.

Кэрол повернулась к Максвеллу.

— А что скажете вы?

Он покачал головой.

— Я буду всерьез думать об этом только дня через два. А пока, наверное, просто не могу. По правде говоря, при одной мысли об этом меня охватывает какое-то оцепенение. Но сейчас я сижу здесь с хорошенькой девушкой, с двумя старыми друзьями и с большим симпатичнейшим котиком и знаю, что нам предстоит разделаться с бутылкой виски, а потом хорошенько поужинать.

Он весело ей улыбнулся. Кэрол пожала плечами.

— Таких сумасшедших я еще не видела, — сказала она. — И знаете, мне это нравится.

— Мне тоже, — объявил Оп. — Что ни говорите, а эта ваша цивилизация куда приятнее давних эпох. В моей жизни не было дня счастливей того,

когда экспедиция из Института времени утащила меня сюда как раз в тот момент, когда несколько моих любящих соплеменников вздумали подзакусить мною. Впрочем, у меня к ним нет никаких претензий. Зима выдалась долгая и суровая, снег был очень глубоким, и дичь совсем исчезла. К тому же кое-кто из племени имел на меня зуб — и не без основания, не буду вас обманывать. Меня уже собирались тюкнуть по затылку и, так сказать, бросить в общий котел…

— Каннибализм! — с ужасом произнесла Кэрол.

— Естественно, — утешил ее Оп. — В те безыскусственные первобытные деньки в подобной ситуации не было ничего особенного. Но, разумеется, вам этого не понять. Ведь вы ни разу не испытывали настоящего голода, верно? Такого, чтобы кишки сводило, чтобы совсем иссохнуть…

Он умолк и обвел глазами зал.

— Наиболее утешительный аспект этой культуры, — продолжал он, — заключается в изобилии пищи. В старину у нас была чересполосица: ухлопаем мастодонта и едим, пока нас не начнет рвать, после чего опять едим и…

— На мой взгляд, — предостерегающе сказал Дух, — эта тема не слишком подходит для разго-

вора за столом.

Оп поглядел на Кэрол.

— Во всяком случае, вы должны признать, — объявил он, — что я прямодушен. Когда я имею в виду рвоту, я так и говорю — «нас рвало», а не «мы срыгивали».

Подошел официант и почти швырнул на стол бутылку и ведерко со льдом.

— Горячее сейчас закажете? — спросил он.

— Мы еще не решили, будем ли мы питаться в этой подозрительной харчевне. Одно дело тут нализаться, и совсем другое…

— В таком случае, сэр… — сказал официант и положил перед ними счет.

Оп порылся в карманах и вытащил деньги. Максвелл придвинул бутылку и ведерко поближе и начал накладывать лед в рюмки.

— Но мы же поужинаем тут? — спросила Кэрол. — Если Сильвестр не получит бифштекса, который вы ему обещали, я ничего не гарантирую. И ведь как терпеливо и благонравно он ведет себя, несмотря на все эти аппетитные запахи!

— Но он уже скушал один бифштекс! — напомнил Максвелл. — Сколько еще он способен их сожрать?

— Неограниченное количество, — ответил

Оп. — В старину такое чудище в один присест запросто уминало лося. Я вам когда-нибудь рассказывал…

— Думаю, что да, — поспешно сказал Дух.

— Но бифштекс был пережаренный! — запротестовала Кэрол. — А он любит их с кровью. И к тому же совсем крохотный!

— Оп, — попросил Максвелл. — Верни официанта. У тебя это отлично получается. Твой голос словно создан для этой цели.

Оп взмахнул могучей рукой и взревел. Потом подождал немного и снова взревел, но опять безрезультатно.

— Он меня игнорирует, — проворчал Оп. — А может быть, это вовсе и не наш официант. Я их, макак, не различаю. Они для меня все на одно лицо.

— Не нравится мне сегодняшняя публика, — сказал Дух. — Я все посматриваю по сторонам. Что-то назревает.

— А чем они плохи? — спросил Максвелл.

— Слишком много слизняков из английской литературы. Обычно они сюда не заходят. Завсегдатаи здесь временщики и сверхъестественники.

— Ты думаешь, из-за Шекспира?

— Возможно, — согласился Дух.

Максвелл передал рюмку Кэрол, а другую подвинул через стол Опу.

— Как-то неудобно, что вы остаетесь ни при чем, — сказала Кэрол, обращаясь к Духу. — Ну, понюхайте хотя бы!

— Пусть это вас не тревожит, — вмешался Оп. — Этот субъект напивается до розовых слонов одним лунным светом. Он может танцевать на радуге. У него перед вами масса преимуществ. Например, он бессмертен. Духа ведь ничем не убьешь.

— Ну, не знаю, — сказал Дух.

— Я не понимаю одного… — сказала Кэрол. — Вы не рассердитесь?

— Пожалуйста, не стесняйтесь!

— Вы сказали, что не знаете, чей вы дух. Вы пошутили или это правда?

— Это правда, — ответил Дух. — И поверьте, весьма неприятная правда. Я чувствую себя крайне неловко. Но что поделаешь — забыл! Из Англии — это я, во всяком случае, знаю твердо. Но фамилию вспомнить никак не могу. У меня есть подозрение, что и остальные духи…

— У нас тут нет других духов, — сказал Максвелл. — Контакты с духами, беседы, интервью — это сколько угодно, но ни один дух, кроме тебя,

не захотел жить среди нас. Почему ты это сделал, Дух? Пришел к нам, я имею в виду?

— Он прирожденный аферист, — заметил Оп. — Всегда высматривает, где чем можно поживиться.

— Ну, положим! — возразил Максвелл. — Что, собственно, мы можем дать духу?

— Вы даете мне, — сказал Дух, — ощущение реальности.

— Какова бы ни была причина, я очень рад, что ты пришел к нам, — сказал Максвелл.

— Вы трое — уже давние друзья, — задумчиво произнесла Кэрол.

— И это вас удивляет? — спросил Оп.

— Да, пожалуй... Я не очень отдаю себе отчет, что, собственно, я имела в виду.

В противоположном конце зала послышалась какая-то возня. Кэрол и Максвелл обернулись на шум, но не смогли разобрать, что там происходит.

Внезапно на один из столиков вспрыгнул человек и запел:

Билл Шекспир, хороший малый,
Зря бумаги не марал,
Не давал проходу юбкам,

Громко песенки орал…

Раздались возмущенные вопли и свист. Кто-то бросил чем-то в певца, но промахнулся. Часть посетителей подхватила песню:

Билл Шекспир, хороший малый,
Зря бумаги не марал…

Какой-то могучий бас оглушительно взревел:

— К черту Билла Шекспира!

И зал словно взорвался. Летели на пол стулья, люди вскакивали на столы, пронзительно вопили, сталкивали и стаскивали друг друга вниз. Замелькали кулаки. В воздух взвились различные предметы.

Максвелл вскочил, протянул руку и перебросил Кэрол себе за спину. Оп с оглушительным боевым кличем перепрыгнул через стол и опрокинул ногой ведерко. Ледяные кубики разлетелись во все стороны.

— Я посбиваю их, как кегли, — кричал он Максвеллу, — а ты знай оттаскивай!

Максвелл заметил кулак, взметнувшийся у него над ухом, увернулся и нанес удар в пустоту, примерно в том направлении, откуда появился кулак. Над его плечом промелькнула ручища Опа, завершавшаяся могучим кулаком, который

врезался в чью-то физиономию, и кто-то покатился по полу за их столиком.

В затылок Максвелла угодил какой-то тяжелый предмет, летевший со значительной скоростью, и он свалился. Вокруг двигалась стена ног. Кто-то наступил ему на руку. Кто-то упал на него. Где-то в неизмеримой вышине раздавались дикие завывания Опа.

Максвелл извернулся, сбросил упавшее на него тело и, пошатываясь, поднялся с пола. В его локоть впились сильные пальцы.

— Давай-ка выбираться отсюда, — сказал Оп. — Это может скверно кончиться.

Кэрол откинулась назад, обеими руками сжимая загривок Сильвестра. Тигренок стоял на задних лапах, молотя передними по воздуху. Он утробно рычал, и его длинные клыки поблескивали даже в полутьме.

— Если мы сейчас же не вытащим его отсюда, — сказал Оп, — котик сам раздобудет себе бифштекс.

Он стремительно нагнулся, ухватил тигренка поперек живота, поднял его и прижал к груди.

— Позаботься о девушке, — скомандовал Оп. — Тут где-то есть другой выход. И не забудь бутылку! Она нам еще понадобится.

Максвелл взял бутылку за горлышко.

Духа нигде не было видно.

Глава 6

— Я трус, — признавался Дух. — Я не скрываю, что стоит завязаться драке, и я превращаюсь в зайца.

— А ведь ты единственный парень в мире, которого никто и пальцем тронуть не может, — заметил Оп.

Они сидели вокруг квадратного шаткого стола, который Оп однажды в припадке хозяйственной энергии собственноручно сколотил из нестроганых досок.

Кэрол отодвинула тарелку.

— Я умирала от голода, — сказала она, — но не в силах больше проглотить ни кусочка.

— И не только вы, — отозвался Оп. — Взгляните-ка на нашу кисоньку.

Сильвестр лежал, свернувшись возле очага. Обрубок хвоста был плотно прижат к заду, пушистые лапы прикрывали нос, усы ритмично подрагивали от спокойного дыхания.

— В первый раз вижу, чтобы саблезубый наелся до отвала, — сказал Оп.

Он взял бутылку и встряхнул ее. Она была пуста. Неандерталец встал, направился в угол, на-

гнулся, приподнял дверцу в полу и пошарил под ней. Он вытащил стеклянную банку и отставил ее в сторону. Потом достал еще одну и поставил ее рядом с первой. Наконец, он с торжествующим видом извлек из темной дыры бутылку.

Убрав банки на прежнее место, Оп опустил дверцу, вернулся к столу, откупорил бутылку и начал разливать ее содержимое по стаканам.

— Вы, ребята, конечно, пьете без льда, — сказал он. — Что зря разбавлять хороший напиток! А к тому же льда у меня все равно нет.

Он указал на дверцу в полу.

— Мой тайник. Я всегда держу там бутылку-другую. На случай, если я, например, сломаю ногу, а медик запретит мне пить…

— Из-за сломанной-то ноги? — усомнился Дух.

— Ну, не из-за ноги, так из-за чего-нибудь другого, — сказал Оп.

Они с удовольствием прихлебывали виски, Дух смотрел в огонь, а снаружи ветер шуршал по стенам хижины.

— В жизни я так вкусно не ужинала, — вздохнула Кэрол. — Я никогда еще не жарила себе сама бифштекс на палочке прямо над огнем.

Оп удовлетворенно рыгнул.

— Так мы жарили мясо в каменном веке. Или

ели его сырым, как вон тот саблезубый. У нас ведь не было ни плит, ни духовок, ни прочих ваших выдумок.

— У меня такое ощущение, — сказал Максвелл, — что лучше не спрашивать, откуда взялась эта вырезка. Ведь все мясные лавки наверняка были закрыты.

— Были-то были, — согласился Оп. — Но есть тут один магазинчик, и на задней двери там висел вот этот простенький замок…

— Когда-нибудь, — сказал Дух, — ты наживешь крупную неприятность.

Оп покачал головой.

— Не думаю. Во всяком случае, не в этот раз. Жизненно важная потребность… Нет, пожалуй, не то. Когда человек голоден, он имеет право на любую пищу, которую отыщет. Такой закон был в первобытные времена. Уж, конечно, суд и сейчас примет его во внимание. Кроме того, я завтра зайду туда и объясню, что произошло. Кстати, — повернулся он к Максвеллу, — есть у тебя деньги?

— Сколько хочешь, — ответил тот. — Мне были выписаны командировочные для поездки в Енотовую Шкуру, и я не истратил из них ни гроша.

— Значит, на планете, куда вы попали, с вами

обращались как с гостем? — заметила Кэрол.

— Примерно. Я так до конца и не разобрался, в каких отношениях я находился с местными обитателями.

— Они были приятными людьми?

— Приятными-то приятными, но вот людьми ли — не знаю. — Он повернулся к Опу. — Сколько тебе нужно?

— Сотни должно хватить. Мясо, взломанная дверь и, конечно, оскорбленные чувства нашего друга — мясника.

Максвелл достал бумажник, вытащил несколько банкнот и протянул их Опу.

— Спасибо, — сказал неандерталец. — Считай за мной.

— Нет, — возразил Максвелл. — Сегодня угощаю я. Ведь я пригласил Кэрол поужинать, хотя из этого так ничего и не вышло.

Сильвестр у очага зевнул, потянулся и снова уснул — уже на спине, задрав все четыре лапы кверху.

— Вы здесь в гостях, мисс Хэмптон? — спросил Дух.

— Нет, — с удивлением ответила Кэрол. — Я здесь работаю. А почему вы подумали…

— Из-за вашего тигра. Вы сказали, что это био-

мех, и я, естественно, подумал, что вы сотрудник Биомеханического института.

— А! — сказала Кэрол. — Нью-йоркского или венского?

— Есть еще азиатский центр в Улан-Баторе, если мне не изменяет память.

— А вы там бывали?

— Нет. Только слышал.

— А ведь мог бы побывать, если бы захотел, — сказал Оп. — Он ведь способен переноситься куда угодно в мгновение ока. Вот почему сверхъестественники терпят его штучки. Они рассчитывают в конце концов докопаться до этих его свойств. Только старина Дух стреляный воробей и ничего им не говорит.

— На самом деле его молчание объясняется тем, что ему платят транспортники, — вмешался Максвелл. — Им нужно, чтобы он держал язык за зубами. Если он расскажет о способе своего передвижения, им придется закрыть лавочку. Люди смогут переноситься по желанию куда захотят, не обращая внимания на расстояние, будь то хоть миля, хоть миллион световых лет.

— А до чего он тактичен! — подхватил Оп. — Ведь клонил-то он к тому, что такой саблезубый стоит больших денег, если вы не специалист по

биомеханике и сами состряпать его не можете.

— Понимаю! — сказала Кэрол. — Это верно. Они стоит безумных денег, которых у меня нет. Мой отец преподавал в нью-йоркском Биомеханическом институте, и Сильвестра изготовили студенты его семинара, а потом подарили ему, когда он уходил на пенсию.

— А я все равно не верю, что эта киса биомеханического происхождения. Слишком уж у нее блестят глаза, когда она смотрит на меня, — заметил Оп.

— Дело в том, — объяснила Кэрол, — что в настоящее время они все уже не столько «мех», сколько «био». Термин «биомеханический» родился в те дни, когда чрезвычайно сложный электронный мозг и нервная система помещались в особого типа протоплазму. Но теперь механическими в них остались только органы, которые в природе изнашиваются особенно быстро, — сердце, почки, легкие и прочее в том же роде. Собственно говоря, в настоящее время биомеханические институты просто создают те или иные живые организмы… Но вы это, конечно, знаете.

— Ходят разговоры, — сказал Максвелл, — что где-то под замком содержится группа сверхлюдей. Вы что-нибудь об этом слушали?

— Да. Но ведь всегда ходят какие-нибудь странные слухи.

— А самый лучший поймал недавно я, — вмешался Оп. — Конфетка! Мне шепнули, что сверхъестественники установили контакт с Сатаной. Так как же, Пит?

— Ну, возможно, кто-то и предпринял подобную попытку, — сказал Максвелл. — Ведь это просто напрашивалось.

— Неужели вы считаете, что Сатана и в самом деле существует? — удивилась Кэрол.

— Двести лет назад, — ответил Максвелл, — люди точно таким же тоном спрашивали, неужели существуют гоблины, тролли и феи.

— И духи, — вставил Дух.

— Кажется, вы говорите серьезно! — воскликнула Кэрол.

— Нет, конечно, — ответил Максвелл. — Но я не склонен априорно отрицать существование даже Сатаны.

— Это удивительный век! — заявил Оп. — Что, несомненно, вы слышали от меня и раньше. Вы покончили с суевериями и бабушкиными сказками. Вы отыскиваете в них зерно истины. Однако мои соплеменники знали про троллей, гоблинов и прочих. Легенды о них, как вам известно, всегда

основывались на фактах. Только позже, когда человек вышел из пеленок дикарской простоты, если вам угодно называть это так, он отмел факты, не позволяя себе поверить в то, что, как он знал, было правдой. Поэтому он принялся приукрашивать факты и упрятал их в сказки, легенды и мифы. А когда люди размножились, все эти существа начали старательно от них прятаться. И хорошо сделали: в свое время они вовсе не были такими милыми, какими вы считаете их теперь.

— А Сатана? — спросил Дух.

— Не знаю, — ответил Оп. — Возможно, но точно сказать не могу. Тогда уже были все те, кого вы теперь разыскали, выманили на свет и поселили в заповедниках. Но их разновидностей было куда больше. Некоторые были жуткими, и все — вредными.

— По-видимому, вы не питали к ним большой симпатии, — заметила Кэрол.

— Да, мисс. Не питал.

— На мой взгляд, — сказал Дух, — этим вопросом стоило бы заняться Институту времени. Вероятно, существовало много разных типов этих… можно назвать их приматами?

— Да, пожалуй, можно, — согласился Макс-

велл.

— ...приматов совсем иного склада, чем обезьяны и человек.

— Еще бы не другого! — с чувством произнес Оп. — Гнусные вонючки, и больше ничего.

— Я уверена, что когда-нибудь Институт времени возьмется и за разрешение этого вопроса, — сказала Кэрол.

— Еще бы! — ответил Оп. — Я им только об этом и твержу и прилагаю надлежащие описания.

— У Института времени слишком много задач, — напомнил им Максвелл. — В самых различных и одинаково интересных областях. Им же надо охватить все прошлое!

— При полном отсутствии денег, — добавила Кэрол.

— Мы слышим голос лояльного сотрудника Института времени, — объявил Максвелл.

— Но это же правда! — воскликнула девушка. — Исследования, которые проводит наш институт, могли бы принести столько пользы другим наукам! На писаную историю полагаться нельзя. Во многих случаях оказывается, что все было совсем не так. Пристрастия, предубеждения или просто тупые суждения, навеки мумифицированные на страницах книг и документов! Но разве другие

институты выделяют на такие исследования необходимые средства? Я вам могу ответить: нет и нет! Ну, есть, конечно, исключения. Юридический факультет всегда идет нам навстречу, но таких мало. Остальные боятся. Они не хотят рисковать благополучием своих уютных мирков. Возьмите, например, историю с Шекспиром. Казалось бы, факультет английской литературы должен был обрадоваться, узнав, кто был настоящим автором этих пьес. В конце концов вопрос о том, кто их автор, дебатировался несколько столетий. Но когда Институт времени дал на него точный ответ, они только вышли из себя.

— А теперь, — сказал Максвелл, — Институт тащит сюда Шекспира читать лекцию о том, писал он их или нет. Не кажется ли вам, что это не слишком тактично?

— Ах, дело совсем в другом! — вспыхнула Кэрол. — В том, что Институт времени вынужден превращать историю в аттракцион, чтобы пополнить свою кассу. И так всегда. Всевозможные планы, цель которых одна — раздобыть деньги. И так уж у нас репутация балаганных клоунов. Неужели вы думаете, что декану Шарпу нравится…

— Я хорошо знаю Харлоу Шарпа, — сказал Максвелл. — Поверьте, он извлекает из этого массу

удовольствия.

— Какое кощунство! — воскликнул Оп с притворным ужасом. — Или ты не знаешь, что за разглашение священных тайн тебя могут распять?

— Вы смеетесь надо мной! — сказала Кэрол. — Вы смеетесь над всеми и над всем. И вы тоже, Питер Максвелл.

— Я приношу извинения от их имени, — вмещался Дух, — поскольку у них не хватает ума извиниться самим. Только прожив с ними бок о бок десять-пятнадцать лет, начинаешь понимать, что они, в сущности, совсем безвредны.

— И все равно наступит день, когда Институт времени получит в свое распоряжение все необходимые средства, — сказала Кэрол. — Тогда он сможет привести в исполнение задуманные проекты, а остальные факультеты могут убираться ко всем чертям. Когда состоится продажа…

Она внезапно умолкла и словно окаменела. Казалось, только колоссальным усилием воли она удержалась от того, чтобы зажать себе ладонью рот.

— Какая продажа? — спросил Максвелл.

— По-моему, я знаю, — сказал Оп. — До меня дошел слух, собственно говоря, слушок, и я не об-

ратил на него внимания. Хотя, если на то пошло, как раз такие мерзкие тихие слушки и оказываются на поверку правдой. Когда слух грозен, повсеместен и…

— Оп, нельзя ли без речей, — перебил Дух. — Просто скажи нам, что ты слышал.

— О, это невероятно! — объявил Оп. — Вы не поверите. Как бы ни старались.

— Да перестаньте же! — вскричала Кэрол.

Все трое выжидающе посмотрели на нее.

— Я сказала лишнее. Слишком увлеклась и… Пожалуйста, забудьте об этом. Я даже не знаю, действительно ли предполагается что-то подобное.

— Разумеется! — сказал Максвелл. — Ведь вы провели вечер в дурном обществе, вынуждены были терпеть грубости и…

— Нет, — сказала Кэрол, покачав головой. — Моя просьба бессмысленна. Да я и не имею права просить вас об этом. Мне остается только рассказать вам все и положиться на вашу порядочность. И я совершенно уверена, что это не пустые слухи. Институту времени предлагают продать Артефакт.

В хижине воцарилась напряженная тишина — Максвелл и его друзья замерли, почти не дыша.

Кэрол удивленно переводила взгляд с одного не другого, не понимая, что с ними.

Наконец Дух сделал легкое движение, и в безмолвии им всем показалось, что его белый саван зашуршал так, словно был материален.

— Вы понятия не имеете, — сказал он, — насколько нам всем троим дорог Артефакт.

— Вы нас как громом поразили, — объявил Оп.

— Артефакт! — вполголоса произнес Максвелл. — Артефакт. Величайшая загадка. Единственный предмет в мире, ставящий всех в тупик…

— Таинственный камень! — сказал Оп.

— Не камень, — поправил его Дух.

— Значит, вы могли бы объяснить мне, что это такое? — спросила Кэрол.

Но вся соль как раз и заключается в том, что Дух не может ответить на ее вопрос, и никто другой тоже, подумал Максвелл. Около десяти лет назад экспедиция Института времени, отправившаяся в юрский период, обнаружила Артефакт на вершине холма, и он был доставлен в настоящее ценой неимоверных усилий и затрат. Его вес потребовал для переброски во времени такой энергии, какой еще ни разу не приходилось применять, — для осуществления этой операции

пришлось отправить в прошлое портативный ядерный генератор, который пересылался по частям и был смонтирован на месте. Затем перед экспедицией встала задача возвращения генератора в настоящее, поскольку простая порядочность не позволяла оставлять в прошлом подобные предметы даже в столь отдаленном прошлом, как юрский период.

— Я не могу вам этого объяснить, — сказал Дух. — И никто не может.

Дух говорил чистую правду. Пока еще никому не удалось установить хотя бы приблизительно, что такое Артефакт. Этот массивный брус из какого-то материала, который не был ни металлом, ни камнем, хотя вначале его определили как камень, а затем как металл, ставил в тупик всех исследователей. Он был длиной в шесть футов и высотой в четыре и представлял собой сгусток сплошной черноты, не поглощавшей энергии и не испускавшей ее. Свет и другие излучения отражались от его поверхности, на которой никакие режущие инструменты не могли оставить ни малейшего следа — даже лазерный луч оказывался бессильным. Неуязвимый и непроницаемый Артефакт упрямо хранил свою тайну. Он лежал на пьедестале в первом зале Музея времени — един-

ственный предмет в мире, для которого не было найдено хотя бы гипотетически правдоподобного объяснения.

— Но если так, — сказала Кэрол, — то почему вы расстроились?

— А потому, — ответил Оп, — что Питу кажется, будто эта штука в далекую старину была предметом поклонения обитателей холмов. То есть если эти паршивцы вообще способны чему-то поклоняться.

— Мне очень жаль, — сказала Кэрол. — Нет, правда. Я ведь не знала. Наверное, если сообщить в Институт…

— Это же только предположение, — возразил Максвелл, — У меня нет фактов, на которые можно было бы сослаться. Просто кое-какие ощущения, оставшиеся после разговоров с обитателями холмов. Но даже и маленький народец ничего не знает. Это ведь было так давно.

Так давно! Почти двести миллионов лет назад.

Глава 7

— Ваш Оп меня просто ошеломил, — заметила Кэрол. — И этот домик, который он соорудил на краю света!

— Он оскорбился бы, если бы услышал, что вы назвали его жилище домиком, — сказал Максвелл. — Это хижина, и он ею гордится! Переход из пещеры прямо в дом был бы для него слишком тяжел. Он чувствовал бы себя очень неуютно.

— Из пещеры? Он и в самом деле жил в пещере?

— Я должен вам сообщить кое-что про моего старого друга Опа, — сказал Максвелл. — Он записной врун. И его рассказам далеко не всегда можно верить. Эта история про каннибализм, например…

— У меня сразу стало легче на душе. Чтобы люди ели друг друга… Брр!

— О, каннибализм в свое время существовал, это известно точно. Но вот должен ли был Оп попасть в котел — дело совсем другого рода. Вообще-то, если речь идет об общих сведениях, на его слова можно полагаться. Сомнительны только описания его собственных приключений.

— Странно! — оказала Кэрол. — Я не раз видела его в Институте, и он показался мне интересным, но я никак не думала, что познакомлюсь с ним. Да если говорить честно, у меня и не было такого желания. Есть люди, от которых я предпочитаю держаться подальше, и он казался мне именно таким. Я воображала, что он груб и неотесан…

— Он такой и есть! — вставил Максвелл.

— Но и удивительно обаятельный, — возразила Кэрол.

В темной глубине неба холодно мерцали ясные осенние звезды. Шоссе, почти совсем пустое, вилось вдоль самого гребня холма. Далеко внизу широким веером сияли фонари университетского городка. Ветер, срывавшийся с гребня, приносил слабый запах горящих листьев.

— И огонь в очаге — такая прелесть! — Вздохнула Кэрол. — Питер, почему мы обходимся без огня? Ведь построить очаг, наверное, совсем несложно.

— Несколько сотен лет назад, — сказал Максвелл, — в каждом доме или почти в каждом доме был по меньшей мере один очаг. А иногда и несколько. Разумеется, эта тяга к открытому огню была атавизмом. Воспоминанием о той эпохе, когда огонь был подателем тепла и защитником.

Но в конце концов мы переросли это чувство.

— Не думаю. Мы просто ушли в сторону. Повернулись спиной к какой-то части нашего прошлого. А потребность в огне все еще живет в нас. Возможно, чисто психологическая. Я убедилась в этом сегодня. Огонь был таким завораживающим и уютным! Возможно, это первобытная черта, но должно же в нас сохраниться что-то первобытное.

— Оп не может жить без огня, — сказал Максвелл. — Именно отсутствие огня ошеломило его больше всего, когда экспедиция доставила его сюда. Первое время с ним, конечно, обходились как с пленником — держали не то чтобы взаперти, но под строгим присмотром. Но когда он стал, так сказать, сам себе хозяином, он подыскал подходящее место за пределами городка и выстроил там хижину. Примитивную, как ему и хотелось. И конечно, с очагом. И с огородом. Вам непременно следует посмотреть его огород. Идея, что пищу можно выращивать, была для него абсолютно новой. В его времена никто и представить себе не мог ничего подобного. Гвозди, пилы, молотки и доски тоже были ему в новинку, как и все остальное. Но он проявил поразительную психологическую гибкость и с легкостью освоил

как новые инструменты, так и новые идеи. Его ничто не могло ошеломить. Свою хижину он строил, пользуясь пилой, молотком, гвоздями, досками и всем прочим. И все-таки, мне кажется, больше всего его потряс огород — возможность выращивать пищу вместо того, чтобы охотиться за ней. Вероятно, вы заметили, что он и сейчас еще внутренне не может до конца привыкнуть к изобилию и доступности еды.

— И напитков! — добавила Кэрол.

Максвелл засмеялся.

— Еще одно новшество, с которым он мгновенно освоился. Это почти его конек. Он даже поставил у себя в сарае аппарат и гонит гнуснейший самогон. Удивительно ядовитое пойло.

— Но гостям он его не дает, — сказала Кэрол. — Мы же пили виски.

— Самогон он бережет для самых близких друзей. Банки, которые он достал из подполья…

— Я еще подумала, зачем он их там прячет. Они показались мне совсем пустыми.

— Обе до краев полны прозрачным самогоном.

— Вы сказали, что прежде он находился на положении пленника. А теперь? Какое отношение он имеет к Институту времени?

— Он считается подопечным вашего Институ-

та. Впрочем, это его ни к чему не обязывает. Но он ни за что не расстанется с Институтом. Он ему предан даже больше, чем вы.

— А Дух? Он живет в общежитии факультета сверхъестественных явлений? На положении подопечного?

— Ну нет! Дух — бродячая кошка. Он странствует повсюду, где захочет. У него есть друзья во всех уголках планеты. Насколько мне известно, он ведет большую работу в Гималайском институте сравнительной истории религий. Однако он довольно часто выбирается сюда. Они с Опом сразу же стали закадычными друзьями, едва только факультет сверхъестественных явлений установил контакт с Духом.

— Пит, вы называете его Духом. Но что он такое на самом деле?

— Дух, а что же еще?

— Но что такое дух?

— Не знаю. И никто не знает, насколько мне известно.

— Но вы же сверхъестественник!

— Да, конечно. Но я всегда работал с маленьким народцем, специализируясь по гоблинам, хотя меня интересуют и все остальные. Даже банши, хотя трудно вообразить более коварные и скрыт-

ные существа.

— Но значит, имеются и специалисты по духам? Что они говорят?

— Вероятно, довольно многое. Написаны тонны книг о привидениях, призраках и прочем, но у меня никогда не хватало на них времени. Я знаю, что в давние века считалось, будто всякий человек после смерти становится духом, но теперь, насколько мне известно, эта теория отвергнута. Духи возникают благодаря каким-то особым обстоятельствам, однако каким именно, я не имею ни малейшего представления.

— Знаете, — сказала Кэрол, — его лицо, хотя, может быть, и потустороннее, в то же время на редкость притягательно. Мне было ужасно трудно удержаться и не разглядывать его все время. Просто клочок сумрака в складках савана, хотя, конечно, это вовсе не саван. И порой — намек на глаза. Крохотные огоньки, которые кажутся глазами. Или это одно мое воображение?

— Нет, мне тоже иногда мерещится что-то такое.

— Пожалуйста, — попросила Кэрол, — возьмите этого дурака за шиворот и оттащите немного назад. Он того и гляди соскользнет на скоростную полосу. Ну, просто ничего не соображает! И засы-

пает где угодно и когда угодно. Ни о чем другом, кроме еды и сна, он вообще думать не способен.

Максвелл нагнулся и сдвинул Сильвестра на прежнее место. Сильвестр сонно заворчал.

Откинувшись на спинку сиденья, Максвелл посмотрел вверх.

— Поглядите на звезды, — сказал он. — Нигде нет такого неба, как на Земле. Я рад, что вернулся.

— Но что вы намерены делать дальше?

— Провожу вас домой, заберу чемодан и вернусь к Опу. Он откроет одну из своих банок, и мы будем попивать его зелье и разговаривать до зари. Тогда я улягусь в постель, которую он завел для гостей, а он свернется на куче листьев…

— Я видела эти листья в углу, и мне было ужасно любопытно узнать, зачем они там. Но я не спросила.

— Он спит на них. На кровати ему неудобно. Ведь в конце-то концов в течение многих лет куча листьев была для него верхом роскоши…

— Ну вот, вы снова надо мной смеетесь.

— Вовсе нет, — сказал Максвелл, — я говорю чистую правду.

— Но я же спрашивала вас вовсе не о том, что вы будете делать сегодня вечером, а вообще. Вы

ведь мертвы. Или вы забыли?

— Я буду объяснять, — сказал Максвелл. — Без конца объяснять. Где бы я ни оказался, найдутся люди, которые захотят узнать, что произошло. А может быть, даже будет проведено официальное расследование. Я искренне надеюсь, что обойдется без этого, но правила есть правила.

— Мне очень жаль, — сказала Кэрол, — и все-таки я рада. Как удачно, что вас было двое.

— Если транспортники сумеют разобраться в этой механике, — заметил Максвелл, — они откроют для себя золотую жилу. Все мы будем хранить где-нибудь свою копию на черный день.

— Это ничего не даст, — возразила Кэрол. — То есть для каждого данного индивида. Тот, другой Питер Максвелл был самостоятельной личностью и… нет, я запуталась. Час слишком поздний, чтобы разбираться в подобных сложностях, но я убеждена, что ваша идея неосуществима.

— Да, — согласился Максвелл, — пожалуй, так. Это была глупая мысль.

— А вечер был очень приятный, — сказала Кэрол. — Спасибо. Я получила большое удовольствие.

— А Сильвестр получил большой бифштекс.

— Да, конечно. Он вас не забудет. Он любит тех,

кто угощает его бифштексами. Удивительный обжора!

— Я хотел вас спросить вот о чем, — сказал Максвелл. — Вы нам не сказали, кто предложил купить Артефакт.

— Не знаю. Мне известно только, что такое предложение было сделано. И, насколько я поняла, условия достаточно выгодные, чтобы серьезно заинтересовать Институт времени. Я случайно услышала отрывок разговора, не предназначавшегося для моих ушей. А от этого что-нибудь зависит?

— Возможно, — сказал Максвелл.

— Я теперь вспоминаю, что одно имя упоминалось, но не покупателя, как мне кажется. Просто кого-то, кто имеет к этому отношение. Я только сейчас вспомнила — кто-то по фамилии Черчилл. Это вам что-нибудь говорит?

Глава 8

Когда Максвелл вернулся, таща свой чемодан, Оп сидел перед очагом и подрезал ногти на ногах большим складным ножом.

Неандерталец указал лезвием на кровать.

— Брось-ка его туда, а сам садись где-нибудь рядом со мной. Я только что подложил в огонь парочку поленьев, и того, что в банке, хватит на двоих. К тому же у меня припрятаны еще две.

— А где Дух? — осведомился Максвелл.

— Исчез. Я не знаю, куда он отправился. Он мне этого не говорит. Но он скоро вернется. Он никогда надолго не пропадает.

Максвелл положил чемодан на кровать, вернулся к очагу и сел, прислонившись к его шершавым камням.

— Сегодня ты валял дурака даже лучше, чем это у тебя обычно получается, — сказал он. — Ради чего?

— Ради ее больших глаз, — ответил Оп, ухмыляясь. — Девушку с такими глазами нельзя не шокировать. Извини, Пит, я никак не мог удержаться.

— Все эти разговоры о каннибализме и рво-

те, — продолжал Максвелл. — Не слишком ли ты перегнул палку?

— Ну, я, пожалуй, и вправду немного увлекся, — признал Оп. — Но ведь публика как раз этого и ждет от дикого неандертальца!

— А она далеко не глупа, — заметил Максвелл. — Она проболталась об этой истории с Артефактом на редкость ловко.

— Ловко?

— Само собой разумеется. Неужто ты думаешь, что она и в самом деле проговорилась нечаянно?

— Я об этом вообще не думал, — сказал Оп. — Может быть, и нарочно. Но в таком случае зачем ей это, как ты думаешь?

— Скажем, она не хочет, чтобы его продавали. И она решила, что, если упомянуть об этом при болтуне вроде тебя, наутро новость станет известна всему городку. Она рассчитывает, что такие разговоры могут сорвать продажу.

— Ты же знаешь, Пит, что я вовсе не болтун.

— Я-то знаю. Но вспомни, как ты себя сегодня вел.

Оп сложил нож, сунул его в карман и, взяв банку, протянул её Максвеллу. Максвелл сделал большой глоток. Огненная жидкость полоснула его по горлу, как бритва, и он закашлялся. «Ну

хоть бы раз выпить эту дрянь, не поперхнувшись!» — подумал он. Кое-как проглотив самогон, он еще несколько секунд не мог отдышаться.

— Забористая штука, — сказал Оп. — Давненько у меня не получалось такой удачной партии. Ты видел — чистый, как слеза!

Максвелл, не в силах произнести ни слова, только кивнул.

Оп в свою очередь взял банку, поднес ее к губам, запрокинул голову, и уровень самогона в банке сразу понизился на дюйм с лишним. Потом он нежно прижал ее к волосатой груди и выдохнул воздух с такой силой, что огонь в очаге заплясал. Свободной рукой он погладил банку.

— Первоклассное пойло, — сказал он, утер рот рукой и некоторое время молча смотрел на пламя.

— Вот тебя она, несомненно, не могла принять за болтуна, — сказал он наконец. — Я заметил, что сегодня вечером ты сам выделывал лихие пируэты вокруг да около правды.

— Возможно, потому что я сам не знаю, какова эта правда, — задумчиво произнес Максвелл, — и как мне с ней поступить. У тебя есть настроение слушать?

— Сколько угодно, — сказал Оп. — То есть, если

тебе этого хочется. А так можешь мне ничего не говорить. Я имею в виду — по долгу дружбы. Если ты мне ничего не скажешь, мы все равно останемся друзьями. Ты же знаешь. Мы вообще можем ничего об этом не говорить. У нас найдется немало других тем.

Максвелл покачал головой.

— Нет, Оп. Мне необходимо с кем-то обсудить все это. Но довериться я могу только тебе. В одиночку мне не справиться.

— Ну-ка, отхлебни еще, — сказал Оп, протягивая ему банку, — а потом начинай, если хочешь. Я одного не могу понять: как транспортники допустили такую промашку. И я не верю, будто они ее допустили. Я бы сказал, что тут кроется что-то совсем другое.

— И ты не ошибся бы, — ответил Максвелл. — Где-то есть планета и, по-моему, не так уж далеко. Свободно странствующая планета, не связанная ни с каким солнцем. Хотя, насколько я понял, она в любой момент может присоединиться к той системе, какая ей приглянется.

— Это ведь довольно-таки сложно! Орбиты законных местных планет спутаются в клубок.

— Не обязательно, — возразил Максвелл. — Она может выбрать орбиту в другой плоскости.

И тогда ее присутствие практически на них не отразится.

Он взял банку, зажмурил глава и сделал могучий глоток. Отняв банку ото рта, он снова прислонился к грубым камням. В трубе мяукал ветер, но эти тоскливые звуки раздавались снаружи, за дощатыми стенами. Головешка в очаге рассыпалась каскадом раскаленных угольков. Пламя заплясало, и по всей комнате замелькали неверные тени.

Оп забрал банку из рук Максвелла, но пить не стал, а зажал ее между коленями.

— Иными словами, эта планета перехватила и сдублировала твою волновую схему, так что вас стало двое, — сказал он.

— Откуда ты знаешь?

— Дедуктивный метод. Наиболее логичное объяснение того, что произошло. Мне известно, что вас было двое. С тем другим, который вернулся раньше тебя, я разговаривал. И он был — ты. Он был точно таким же Питером Максвеллом, как ты. Он сказал, что на планетах системы Енотовой Шкуры никаких следов дракона не оказалось, что все это были пустые слухи, а потому он вернулся раньше, чем предполагал.

— Так вот в чем дело! — заметил Максвелл. — Я

никак не мог понять, почему он вернулся до срока.

— Передо мной стоит дилемма, — сказал Оп, — должен ли я предаваться радости или горю? Наверное, и радости, и горю понемножку, оставив место для смиренного удивления перед неисповедимыми путями человеческих судеб. Тот, другой был ты. И вот он умер — и я потерял друга, ибо он был человеком и личностью, а человеческая личность кончается со смертью. Но тут сидишь ты. И если прежде я потерял друга, то теперь я вновь его обрел, потому что ты такой же настоящий Питер Максвелл, как и тот.

— Мне сказали, что это был несчастный случай.

— Ну, не знаю, — заметил Оп. — Я над этим довольно много размышлял. И я вовсе не уверен, что это действительно был несчастный случай — особенно после того, как ты вернулся. Он сходил с шоссе, споткнулся, упал и ударился затылком…

— Но ведь никто не спотыкается, сходя с шоссе. Разве что калеки или люди мертвецки пьяные. Наружная полоса еле ползет.

— Конечно, — сказал Оп. — И так же рассуждала полиция. Но других объяснений не нашлось, а полиции, как тебе известно, требуется какое-ни-

будь объяснение, чтобы закрыть дело. Случилось это в пустынном месте. Примерно на полпути отсюда до заповедника гоблинов. Свидетелей не было. Очевидно, все произошло, когда шоссе было пустынно. Возможно, ночью. Его нашли около десяти часов утра. С шести часов на шоссе было уже много людей, но, вероятно, все они сидели на внутренних скоростных полосах и не видели обочины. Труп мог пролежать очень долго, прежде чем его заметили.

— По-твоему, это не был несчастный случай? Так что же — убийство?

— Не знаю. Мне приходила в голову эта мысль. Одна странность так и осталась необъясненной. В том месте, где обнаружили тело, стоял какой-то необычный запах. Никому не знакомый. Может быть, кто-то знал, что вас двое. И по какой-то причине это его не устраивало.

— Но кто же мог знать, что нас двое?

— Обитатели той планеты. Если на ней были обитатели…

— Были, — сказал Максвелл. — Это поразительное место…

И пока он говорил, оно вновь возникло перед ним, как наяву. Хрустальная планета — во всяком случае, такой она показалась ему при

первом знакомстве. Огромная, простирающаяся во все стороны хрустальная равнина, а над ней хрустальное небо, к которому с равнины поднимались хрустальные колонны, чьи вершины терялись в молочной голубизне неба, — колонны, возносящиеся ввысь, чтобы удержать небеса на месте. И полное безлюдье, рождавшее сравнение с пустым бальным залом гигантских размеров, убранным и натертым для бала, ожидающим музыки и танцоров, которые не пришли и уже никогда не придут, и этот пустой зал во веки веков сияет сказочным блеском, никого не радуя своим изяществом.

Бальный зал, но бальный зал без стен, простирающийся вдаль — не к горизонту (горизонта там, казалось, не было вовсе), а туда, где небо, это странное матово-стеклянное небо, смыкалось с хрустальным полом.

Он стоял, ошеломленный этой невероятной колоссальностью — не безграничного неба (ибо небо отнюдь не было безграничным) и не огромных просторов (ибо просторы не были огромными), но колоссальностью именно замкнутого помещения, словно он вошел в дом великана, и заблудился, и ищет дверь, не представляя себе, где она может находиться.

Место, не имевшее никаких отличительных черт, потому что каждая колонна была точной копией соседней, а в небе (если это было небо) не виднелось ни облачка, и каждый фут, каждая миля были подобны любому другому футу, любой другой миле этих абсолютно ровных хрустальных плит, которые тянулись во всех направлениях.

Ему хотелось закричать, спросить, есть ли здесь кто-нибудь, но он боялся закричать — возможно, из страха (хотя тогда он этого не сознавал, а понял только потом), что от звука его голоса холодное сверкающее великолепие вокруг может рассыпаться облаком мерцающего инея, ибо там царила тишина, не нарушаемая ни единым шорохом. Это было безмолвное, холодное и пустынное место, все его великолепие и вся его белизна терялись в его пустынности.

Медленно, осторожно, опасаясь, что движение его ног может обратить весь этот мир в пыль, он повернулся и уголком глаза уловил… нет, не движение, а лишь намек на движение, словно там что-то было, но унеслось с быстротой, не воспринимаемой глазом. Он остановился, чувствуя, что по коже у него забегали мурашки, завороженный ощущением чужеродности, более страшной, чем реальная опасность, пугаясь этой чужерод-

ности, столь непохожей, столь далекой от всего нормального, что при взгляде на нее, казалось, можно было сойти с ума прежде, чем успеешь закрыть глаза.

Ничего не случилось, и он снова пошевелился, осторожно поворачиваясь дюйм за дюймом, и вдруг увидел, что за спиной у него все это время было какое-то сооружение… Машина? Прибор? Аппарат?

И внезапно он понял. Перед ним находилось неведомое приспособление, которое притянуло его сюда, эквивалент передатчика и приемника материи в этом невозможном хрустальном мире.

Одно он знал твердо — эта планета не принадлежала к системе Енотовой Шкуры. Об этом месте он никогда даже не слышал. Нигде во всей известной вселенной не было ничего, даже отдаленно похожего на то, что он видел сейчас. Что-то произошло, и его швырнуло не на ту планету, на которую он отправился, а в какой-то забытый уголок вселенной, куда человек, быть может, проникнет не ранее чем через миллион лет, — так далеко от Земли, что мозг отказывался воспринять подобное расстояние.

Он снова уловил какое-то неясное мерцание,

как будто на хрустальном фоне мелькали живые тени.

И внезапно это мерцание превратилось в непрерывно меняющиеся фигуры, и он увидел, что их здесь много, этих движущихся фигур, непонятных, отдельно существующих и, казалось, таивших в своем мерцании какую-то индивидуальность. Словно это были призраки неведомых существ, подумал он с ужасом.

— И я отнесся к ним как к реальности, — сказал он Опу. — Я принял их на веру. Другого выхода у меня не было. Иначе я остался бы один на этой хрустальной равнине. Человек прошлого века, возможно, не смог бы воспринять их как реальность. Он постарался бы вычеркнуть их из своего сознания как плод расстроенного воображения. Но я слишком много часов провел в обществе Духа, чтобы пугаться идеи привидений. Я слишком долго работал со сверхъестественными явлениями, чтобы меня могла смущать мысль о существах и силах, не известных человеку. И странно, но утешительно одно — они почувствовали, что я их воспринимаю.

— Так, значит, это была планета с привидениями? — спросил Оп.

Максвелл кивнул.

— Можно посмотреть на это и так, но скажи мне, что такое привидение?

— Призрак, — сказал Оп, — дух.

— Но что ты подразумеваешь под этими словами? Дай мне определение.

— Я пошутил, — виновато сказал Оп, — и пошутил глупо. Мы не знаем, что такое привидение. Даже Дух не знает точно, что он такое. Он просто знает, что он существует. А уж кому это знать, как не ему? Он много над этим размышлял. По-всякому анализировал. Общался с другими духами. Но объяснения так и не отыскал. Поэтому приходится вернуться к сверхъестественному…

— То есть к необъясненному, — сказал Максвелл.

— Какие-то мутанты? — предположил Оп.

— Так считал Коллинз, — сказал Максвелл. — Но у него не нашлось ни сторонников, ни последователей. Я тоже не соглашался с ним — до того, как побывал на хрустальной планете. Теперь я уже ни в чем не уверен. Что происходит, когда раса разумных существ достигает конца своего развития, когда она как раса минует пору детства и зрелости и вступает в пору глубокой старости? Раса, подобно человеку, умирающая от дряхлости. Что она тогда предпринимает? Разумеется,

она может просто умереть. Это было бы наиболее логично. Но, предположим, есть причина, которая мешает ей умереть. Предположим, ей надо во что бы то ни стало остаться в живых и она не может позволить себе умереть.

— Если призрачное состояние — это действительно мутация, — сказал Оп, — и если они знали, что это мутация, и если они достигли таких высот знания, что могли контролировать мутации... — Он умолк и посмотрел на Максвелла. — По-твоему, произошло что-то в этом роде?

— Пожалуй, — сказал Максвелл. — Я все больше и больше склоняюсь к этой мысли.

— Выпей, — сказал Оп, протягивая ему банку. — Тебе это будет полезно. А потом дай и мне отхлебнуть.

Максвелл взял банку, но пить не стал. Оп протянул руку к дровам, могучими пальцами ухватил полено и бросил его в огонь. Столб искр унесся в трубу. Снаружи за стенами стонал ветер.

Максвелл поднес банку к губам. Самогон хлынул в его глотку, как поток лавы. Он закашлялся. «Ну, хоть бы раз выпить эту дрянь, не поперхнувшись!» Он протянул банку Опу. Тот поднял ее, но пить не стал и посмотрел на Максвелла.

— Ты сказал — какая-то причина, ради которой

необходимо жить. Какая-то причина, не позволяющая им умереть, заставляющая их существовать в любой форме, в какой это для них возможно.

— Вот именно, — сказал Максвелл. — Сведения. Знания. Планета, нафаршированная знаниями, настоящий склад знаний. И, думаю, не более десятой доли дублирует то, что известно нам. А все остальное — новое для нас, неведомое. Такое, что нам и не снилось. Знания, каких нам еще миллион лет не приобрести, если мы вообще до них доберемся. Вся эта информация, насколько я понимаю, зафиксирована на атомарном уровне таким образом, что каждый атом становится носителем частички информации. Хранится она в железных листах вроде книжных страниц, сложенных гигантскими стопками и кипами, причем каждый слой атомов — да, они расположены слоями — содержит какой-то определенный раздел. Прочитываешь первый слой и принимаешься за второй. И опять это похоже на страницы книги: каждый слой атомов — страница, положенная на другие такие же страницы. Каждый металлический лист… Нет, не спрашивай, я даже примерно не могу сказать, сколько слоев атомов содержит каждый лист. Вероятно, сотни тысяч.

Оп поспешно поднял банку, сделал гигантский глоток, расплескав самогон по волосатой груди, и шумно вздохнул.

— Они не могут бросить эти знания на произвол судьбы, — сказал Максвелл. — Они должны передать их кому-то, кто сможет ими воспользоваться. Они должны жить, пока не передадут их. Вот тут-то им и понадобился я! Они поручили мне продать их запас знаний.

— Продать? Кучка призраков, дышащих на ладан? Что им может понадобиться? Какую цену они просят?

Максвелл поднял руку и вытер внезапно вспотевший лоб.

— Не знаю, — сказал он.

— Не знаешь? Но как же ты можешь продавать товар, не зная, чего он стоит, не зная, какую цену просить?

— Они сказали, что еще свяжутся со мной. Они сказали, чтобы я узнал, кого это может заинтересовать. И тогда они сообщат мне цену.

— Хорошенький способ заключать деловые сделки! — возмутился Оп.

— Да, конечно, — согласился Максвелл.

— И у тебя нет даже примерного представления о цене?

— Ни малейшего. Я попытался объяснить им положение, а они не могли понять. Или, может быть, не хотели. И сколько я с тех пор ни ломал над этим голову, я так и не пришел ни к какому выводу. Все, конечно, сводится к вопросу, в чем, собственно, может нуждаться подобная братия. И, хоть убей, я не могу себе этого представить.

— Во всяком случае, — заметил Оп, — они знали, где искать покупателей. И что же ты собираешься предпринять?

— Я попробую поговорить с Арнольдом.

— Ты умеешь выбирать крепкие орешки! — сказал Оп.

— Видишь ли, я могу говорить только с самим Арнольдом. Такой вопрос нельзя пускать по инстанциям. Все необходимо сохранить в строжайшей тайне. Ведь на первый взгляд подобное предложение кажется смехотворным. Если про него проведают репортеры или просто любители сплетен, университет немедленно откажется от каких бы то ни было переговоров. Ибо если он, несмотря на огласку, все-таки что-то предпримет, а сделка сорвется — что не исключено, так как я действую вслепую, — хохотать над ним будут по всей вселенной до самых дальних ее пределов. Расплачиваться же придется Арнольду, и

мне, и…

— Арнольд — чиновник, Пит, и больше ничего. Ты это знаешь не хуже меня. Он — администратор. Его интересует лишь деловая сторона. От того, что он носит звание ректора, суть не меняется — он коммерческий директор, и только. На науку ему в высшей степени наплевать. И он не рискнет своей карьерой даже ради трех планет, какими бы знаниями они ни были нашпигованы.

— Ректор университета и должен быть администратором…

— Случись это в другое время, — печально добавил Оп, — у тебя еще могли бы быть какие-то шансы. Но в настоящий момент Арнольд и без того танцует на канате. Когда он перевел ректорат из Нью-Йорка в этот заштатный городишко…

— Знаменитый своими замечательными научными традициями, — перебил Максвелл.

— Университетскую политику меньше всего заботят традиции — научные или какие бы то ни было другие! — объявил Оп.

— Пусть так, но я все равно должен поговорить с Арнольдом. Конечно, я предпочел бы иметь дело с кем-нибудь другим. Однако нравится он мне или не нравится, выбора у меня нет.

— Но ты мог бы вообще отказаться!

— От роли посредника? Ну, нет, Оп! И никто на моем месте не отказался бы. Тогда бы они нашли еще кого-нибудь и могли бы довериться человеку, который не справился бы с такой задачей. Я вовсе не хочу сказать, что сам обязательно с ней справлюсь, но, во всяком случае, я приложу все усилия. А кроме того, ведь речь идет не только о нас, но и о них.

— Ты проникся к ним симпатией?

— Не знаю, можно ли тут говорить о симпатии. Скорее о восхищении. Или о жалости. Они ведь делают все, что в их силах! Они так долго искали, кому бы передать накопленные знания.

— Передать? По-моему, ты говорил о продаже!

— Только потому, что они в чем-то нуждаются. Если бы я знал, в чем именно! Это облегчило бы дело для всех заинтересованных сторон.

— Один побочный вопрос — ты с ними разговаривал? Каким образом?

— С помощью таблиц. Я тебе о них уже рассказывал — о металлических листах, содержащих информацию. Они говорили со мной посредством таблиц, а я отвечал им тем же способом.

— Но как же ты читал…

— Они дали мне приспособление для этого. Что-

то вроде защитных очков, только очень больших. Довольно-таки объемистая штука. Наверное, в ней скрыто множество всяких механизмов. В этих очках я свободно читал таблицы. Не письмена, а крохотные закорючки в металле. Это трудно объяснить, но когда глядишь на них сквозь очки, становится ясно, что они означают. Потом я обнаружил, что фокусировку можно менять по желанию и читать разные слои. Но вначале они просто писали… если тут подходит слово «писать». Ну, как дети пишут вопросы и ответы на грифельных досках. А когда я отвечал, еще одно приспособление, прикрепленное к моим очкам, непосредственно воспроизводило мои мысли.

— Машина-переводчик! — воскликнул Оп.

— Да, пожалуй. Двустороннего действия.

— Мы пытались сконструировать такой прибор, — сказал Оп. — Говоря «мы», я имею в виду объединенные усилия лучших инженерных умов не только Земли, но и всего того, что в шутку именуется «известной частью вселенной».

— Да, я знаю.

— А у этих ребят он есть. У твоих призраков.

— У них есть еще очень много всякой всячины, — ответил Максвелл. — Я и миллионной части не видел. Я познакомился лишь с некото-

рыми образчиками, которые выбирал наугад. Только чтобы убедиться в истинности их утверждений.

— Но одного я так и не могу понять, — сказал Оп. — Ты все время говоришь о планете. А как насчет звезды?

— Планета заключена в искусственную оболочку. Какая-то звезда там есть, насколько я понял, но с поверхности она не видна. Соль ведь в том, что звезда для них необязательна. Если не ошибаюсь, ты знаком с гипотезой пульсирующей вселенной?

— Типа «уйди-уйди»? — спросил Оп. — Та, которая взрывается, а потом снова взрывается и так далее?

— Правильно, — сказал Максвелл. — И теперь мы можем больше не не ломать над ней головы. Она соответствует действительности. Хрустальная планета — это частица вселенной, существовавшей до того, как возникла наша Вселенная. Видишь ли, они успели своевременно во всем разобраться. Они знали, что наступит момент, когда вся энергия исчезнет и мертвая материя начнет медленно собираться в новое космическое яйцо которое затем взорвется, породив новую вселенную. Они знали, что приближается

смертный час их вселенной, который станет смертным часом и для них, если они не найдут какого-то выхода. И они создали планетарный проект. Они засасывали энергию и накопили гигантские ее запасы… Не спрашивай меня, как и откуда они ее извлекли и каким способом хранили. Но во всяком случае, она находилась в самом веществе их планеты, и потому, когда вся остальная вселенная сгинула в черноте и смерти, они по-прежнему располагали энергией. Они одели планету в оболочку, преобразили ее в свое жилище. Они сконструировали двигатели, которые превратили их планету в независимое тело, несущееся в пространстве, послушно подчиняясь их воле. И до того, как мертвая материя их вселенной начала стягиваться в одну точку, они покинули свою звезду, превратившуюся в черный мертвый уголь, и отправились в самостоятельное путешествие, которое длится до сих пор — обитатели прежнего мира на планете-космолете.

Они видели, как погибала их вселенная, предшествовавшая нашей. Они остались одни в пространстве, в котором не было ни единого намека на жизнь, ни единого проблеска света, ни единого биения энергии. Вероятно — точно я

не знаю — они наблюдали образование нового космического яйца. Они могли находиться в неизмеримой дали от него, но все-таки его видеть. А в этом случае они видели и взрыв, положивший начало Вселенной, в которой теперь обитаем мы, — ослепительную вспышку, когда энергия вновь ринулась в пространство. Они видели, как зарделись первые звезды, они видели, как складывались галактики. А когда галактики окончательно сформировались, они отправились в эту новую вселенную. Они могли посещать любые галактики, обращаться по орбите вокруг любой приглянувшейся им звезды, а потом лететь дальше. Они были межгалактическими бродягами. Но теперь их конец недалек. Планета, я думаю, еще на полном ходу, так как машины, снабжающие ее энергией, работают по-прежнему. Наверное, для планеты тоже существует свой предел, но до него еще далеко. Однако сами они, как раса, утратили жизнеспособность, хотя хранят в своем архиве мудрость двух вселенных.

— Пятьдесят миллиардов лет! — пробормотал Оп. — Пятьдесят миллиардов лет познания мира!

— По меньшей мере, — сказал Максвелл. — Вполне возможно, что срок этот гораздо больше.

Они умолкли, пытаясь охватить мыслью эти пятьдесят миллиардов лет. Огонь в очаге потрескивал и что-то шептал. Издалека донесся бой курантов консерватории, отсчитывающих время.

Глава 9

Максвелл проснулся оттого, что Оп тряс его за плечо.

— Тут тебя желают видеть!

Сбросив одеяло, Максвелл спустил ноги с кровати и начал нащупывать брюки. Оп сунул их ему в руку.

— А кто?

— Назвался Лонгфелло. Отвратный надутый тип. Он ждет снаружи. Явно боится войти в хижину из опасения инфекции.

— Ну так пусть убирается к черту! — объявил Максвелл и потянулся за одеялом.

— Нет-нет, — запротестовал Оп. — Я выше оскорблений. Чихать я на него хотел.

Максвелл влез в брюки, сунул ноги в ботинки и притопнул.

— А кто он такой?

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Оп.

Максвелл побрел в угол к скамье у стены, налил из ведра воды в таз и ополоснул лицо.

— Который час? — спросил он.

— Начало восьмого.

— Что-то мистер Лонгфелло торопится меня увидеть!

— Он там меряет газон шагами. Изнывает от нетерпения.

Лонгфелло и правда изнывал.

Едва завидев Максвелла в дверях, он бросился к нему с протянутой рукой.

— Профессор Максвелл! — воскликнул он. — Как я рад, что отыскал вас. Это было нелегко. Но мне сказали, что я, возможно, найду вас здесь, — он посмотрел на хижину, и его длинный нос чуть-чуть сморщился. — И я рискнул.

— Оп, — спокойно сказал Максвелл, — мой старый и близкий друг.

— Может быть, прогуляемся немного? — предложил Лонгфелло. — Удивительно приятное утро! Вы уже позавтракали? Ах да! Конечно же нет!

— Если бы вы сказали мне, кто вы такой, это значительно упростило бы дело, — заметил Максвелл.

— Я работаю в ректорате. Стивен Лонгфелло, к вашим услугам. Личный секретарь ректора.

— Вы-то мне и нужны! — сказал Максвелл. — Мне необходимо встретиться с ректором, и как можно скорее.

Лонгфелло покачал головой.

— Могу сразу же сказать, что это невозможно.

Они неторопливо пошли по тропинке, ведущей к шоссе. С могучего каштана, осенявшего тропинку, медленно слетали листья, отливавшие червонным золотом. Дальше на фоне голубого утреннего неба багряным факелом пылал клен. И высоко над ним к югу уносился треугольник утиной стаи.

— Невозможно. — повторил Максвелл. — Это звучит как окончательный приговор. Словно вы обдумали мою просьбу заранее.

— Если вы хотите что-нибудь сообщить доктору Арнольду, — холодно проинформировал его Лонгфелло, — вам следует обратиться в соответствующие инстанции. Неужели вы не понимаете, что ректор чрезвычайно занят и…

— О, я это понимаю! И понимаю, что такое инстанции. Отсрочки, оттяжки, проволочки, пока твое дело не станет известно всем и каждому!

— Профессор Максвелл, — сказал Лонгфелло, — я буду говорить с вами откровенно. Вы человек настойчивый и, мне кажется, довольно упрямый, а с людьми такого типа обиняки ни к чему. Ректор вас не примет. Он не может вас принять.

— По-видимому, из-за того, что нас было двое?

И один из нас умер?

— Все утренние газеты будут этим полны. Гигантские заголовки: человек воскрес из мертвых! Может быть, вы слушали вчера радио или смотрели какую-нибудь телевизионную программу?

— Нет, — сказал Максвелл.

— Ну, так вы — сенсация дня. И должен признаться, положение создалось весьма неприятное.

— Попросту говоря, назревает скандал?

— Если угодно. А у ректората довольно хлопот и без того, чтобы еще вмешиваться в историю вроде вашей. У нас уже на руках Шекспир и все, что отсюда вытекает. Тут мы не могли остаться в стороне, но обременять себя еще и вами мы не станем.

— Неужели у ректората нет ничего важнее Шекспира и меня? — спросил Максвелл. — А возрождение дуэлей в Гейдельберге? И спор о том, этично ли допускать некоторых внеземных студентов в футбольные команды, и…

— Но поймите же! Важно то, что происходит именно в этом городке! — простонал Лонгфелло.

— Потому что сюда перевели ректорат? Хотя Оксфорд, Гарвард и десяток других…

— Если хотите знать мое мнение, — сухо сказал

Лонгфелло, — то я считаю, что попечительский совет поступил несколько необдуманно. Это создало для ректората множество трудностей.

— А что произойдет, если я поднимусь на вершину холма, войду в здание ректората и начну стучать кулаком по письменным столам? — спросил Максвелл.

— Вы это сами прекрасно знаете. Вас вышвырнут вон.

— А если я приведу с собой полки журналистов и телевизионных операторов, которые будут ждать моего возвращения у дверей?

— В этом случае вас, вероятно, не вышвырнут. И возможно, вы даже прорветесь к ректору. Но могу вас заверить, что при подобных обстоятельствах вы заведомо ничего не добьетесь.

— Следовательно, — сказал Максвелл, — я заранее обречен на неудачу, что бы я ни пытался предпринять.

— Собственно говоря, — сообщил ему Лонгфелло, — я пришел к вам сегодня совсем для другого. Мне было поручено передать вам приятное известие.

— Не сомневаюсь! Так какую же косточку вы собирались мне бросить, чтобы я тихо исчез со сцены?

— Вовсе не косточку! — обиженно заявил Лонгфелло. — Я уполномочен предложить вам пост декана в экспериментальном институте, который наш университет организует на Готике IV.

— А, на планете с колдуньями и магами?

— Перед специалистом в вашей области этот пост открывает огромные возможности, — убедительно сказал Лонгфелло. — Планета, где магические свойства развивались без помех со стороны разумных существ иного типа, как это произошло на Земле…

— И расстояние в сто пятьдесят миллионов световых лет, — заметил Максвелл. — Далековато и, наверное нудно. Однако оплачивается эта миссия, вероятно, неплохо?

— Весьма и весьма, — ответил Лонгфелло.

— Нет, спасибо, — сказал Максвелл. — Моя работа здесь меня вполне удовлетворяет.

— Работа?

— Ну конечно. Разрешите напомнить вам, что я профессор факультета сверхъестественных явлений.

Лонгфелло покачал головой.

— Уже нет, — объявил он. — Простите, но я должен вам напомнить, что вы скончались более трех недель назад. А открывающиеся вакансии

заполняются немедленно.

— То есть мое место уже занято?

— Ну, разумеется, — заметил Лонгфелло. — В настоящее время вы безработный.

Глава 10

Официант принес омлет с грудинкой, налил кофе и удалился, оставив Максвелла одного. За огромным окном голубым зеркалом простиралось озеро Мендота, и холмы на дальнем берегу терялись в лиловой дымке. По стволу кряжистого дуба у самого окна пробежала белка и вдруг замерла, уставившись глазами-бусинами на человека за столиком. Красно-бурый дубовый лист оторвался от ветки и, неторопливо покачиваясь, спланировал на землю. По каменистому откосу у воды шли рука об руку юноша и девушка, окутанные утренней озерной тишиной.

Куда воспитанное и цивилизованнее было бы принять приглашение Лонгфелло и позавтракать с ним, подумал Максвелл. Но в ту минуту он чувствовал, что сыт секретарем ректора по горло, и ему хотелось только одного: наедине с самим собой оценить положение и кое о чем поразмыслить — хотя, возможно, времени на размышления у него уже не осталось.

Он оказался прав — шансов увидеться с ректором у него почти не было, и не только потому, что тот был чрезвычайно занят, а его подчиненные

настаивали на строжайшем соблюдении всех тонкостей священной бюрократической процедуры, но еще и потому, что по не вполне понятной причине ситуация с удвоившимся Питером Максвеллом запахла скандалом, от которого Арнольд жаждал держаться как можно дальше. Глядя в выпученные беличьи глазки, Максвелл прикидывал, не могла ли позиция ректора объясняться беседой с инспектором Дрейтоном. Может быть, служба безопасности взялась за Арнольда? Это казалось маловероятным, но все же возможным. Как бы то ни было, о нервном состоянии Арнольда можно было судить по той поспешности, с какой ему был предложен пост на Готике IV. Ректорат не только не хотел иметь ничего общего с этим вторым Питером Максвеллом, но и предпочел бы убрать его с Земли на захолустную планету, где он вскоре был бы всеми забыт.

После смерти того, другого Максвелла его место на факультете, естественно, не могло оставаться незаполненным — студенты должны учиться и кто-то должен вести его курс. Тем не менее для него можно было бы подыскать что-нибудь и здесь. А если этого не сделали и сразу же предложили ему пост на Готике IV, следовательно, на Земле он мешает.

И все-таки странно! Ведь о том, что существовали два Питера Максвелла, ректорату стало известно лишь накануне, а до тех пор никакой проблемы вообще не было. А это значит, решил Максвелл, что кто-то уже успел побывать в ректорате — кто-то стремящийся избавиться от него, кто-то опасающийся, что он помешает… Но чему? Ответ напрашивался сам собой, и самая эта легкость вызвала у Максвелла инстинктивное ощущение, что он ошибается. Однако, сколько он ни раздумывал, ответ был только один: кто-то еще знает о сокровищах библиотеки хрустальной планеты и пытается ими завладеть.

Во всяком случае, ему известно одно имя — Черчилл. Кэрол сказала, что к переговорам о продаже Артефакта, которые ведет Институт времени, имеет отношение какой-то Черчилл… А вдруг Артефакт и есть цена, за которую можно получить библиотеку хрустальной планеты? Конечно, слишком полагаться на это нельзя, и тем не менее… ведь никому не известно, что такое Артефакт.

И если подумать, Черчилл — самый подходящий человек для устройства подобных сделок. Конечно, только как подставное лицо, по поручению кого-то, кто не может выступить открыто.

Ведь Черчилл профессиональный посредник и знает все ходы и выходы. У него есть связи, и за долгие годы, он, наверное, обзавелся источниками информации в самых разных влиятельных учреждениях.

Но в этом случае, подумал Максвелл, его собственная задача очень усложняется. Ему теперь надо остерегаться не только огласки, неизбежной, если бы он обратился в обычные инстанции, — возникала опасность, что его сведения попадут во враждебные руки и будут обращены против него.

Белка уже соскочила со ствола и теперь деловито сновала по спускающейся к озеру лужайке, шурша опавшими листьями в надежде отыскать желудь, которого не углядела раньше. Юноша и девушка скрылись из виду, и поднявшийся легкий ветерок морщил зеркальную поверхность озера.

Зал был почти пуст — те, кто начал завтракать раньше, уже кончили и ушли. С верхнего этажа доносились звуки голосов и шарканье подошв — это студенты собирались в клубе, где они обычно проводили свободное от занятий время.

Это здание было одним из самых старых в городке и, по мнению Максвелла, самым прекрас-

ным. Уже более пятисот лет оно служило уютным местом встреч и занятий для многих поколений, и множество чудесных традиций превратило его в родной дом для бесчисленных тысяч студентов. Тут они находили тишину и покой для размышлений и занятий, и уютные уголки для дружеской беседы, и комнаты для бильярда и шахмат, и столовые, и залы для собраний, и укромные маленькие читальни, где стенами служили полки с книгами.

Максвелл отодвинул стул от столика, но остался сидеть — ему не хотелось вставать и уходить, так как он понимал, что, покинув этот тихий приют, будет вынужден сразу же погрузиться в водоворот трудных проблем. За окном золотое осеннее утро нежилось в лучах солнца, которое поднималось все выше и пригревало все сильнее, обещая день, полный золотых метелей опадающих листьев, голубой дымки на дальних холмах, торжественного великолепия хризантем на садовых клумбах, пригашенного сияния златоцвета и астр в лугах и на пустырях.

За его спиной послышался торопливый топоток множества ног в тяжелой обуви, и, повернувшись, он увидел, что собственник этих ног быстро приближается к нему по красным плиткам пола.

Больше всего это существо напоминало гигантского сухопутного краба — членистые ноги, нелепо наклоненное туловище, длинные гротескные выросты (по-видимому, органы чувств) над непропорционально маленькой головой. Он был землисто-белого цвета. Три черных глаза-шарика подрагивали на концах длинных стебельков.

Существо остановилось перед столиком, и три стебелька сошлись, направив глаза на Максвелла.

Оно заговорило высоким пискливым голосом, и кожа на горле под крохотной головкой быстро запульсировала.

— Сообщено мне, что вы есть профессор Максвелл.

— Вас не обманули, — сказал Максвелл. — Я действительно Питер Максвелл.

— Я есть обитатель мира, вами названного Наконечник Копья Двадцать Семь. Имя, мною имеемое, вам интересно не есть. Я являюсь к вам с поручением лица, меня нанимающего. Возможно, вам оно известно под наименованием мисс Нэнси Клейтон.

— Еще бы! — сказал Максвелл и подумал, насколько это в духе Нэнси — нанять в качестве посыльного столь явно внеземное существо.

— Я тружусь на свое образование, — объяснил Краб. — Я выполняю работу, какую нахожу.

— Весьма похвально, — заметил Максвелл.

— Я прохожу курс математики времени, — сообщил Краб. — Я специализируюсь на конфигурации линий вселенной. Я лихорадочно этим увлечен.

По виду Краба было трудно поверить, что он способен на увлечение, и тем более лихорадочное.

— Но чем объясняется подобный интерес? — спросил Максвелл. — Какими-то особенностями вашей родной планеты? Вашими культурными традициями?

— О, весьма и весьма! Абсолютно новая идея есть. На моей планете нет представления о времени, никакого восприятия такого явления, как время. Очень есть потрясен узнать о нем. И заинтересован. Но я чрезмерно уклоняюсь. Я есть здесь с поручением. Мисс Клейтон желает знать, способны вы посетить ее прием вечером данного дня. У нее в восемь по часам.

— Пожалуй, я приду, — сказал Максвелл. — Передайте ей, что я всегда стараюсь не пропускать ее приемов.

— Чрезмерно рад! — объявил Краб. — Она столь хочет получить вас там. Вы есть говоримы о.

— Ах так! — сказал Максвелл.

— Вас тяжко находить. Я бегаю быстро и тяжко. Я спрашиваю во многих местах. И вот — победоносен.

— Мне очень жаль, что я причинил вам столько беспокойства, — сказал Максвелл, опуская руку в

карман и извлекая кредитку.

Существо протянуло одну из передних ног, ухватило кредитку клешней, сложило ее несколько раз и засунуло в маленькую сумку, открывшуюся на его груди.

— Вы добры более ожидания, — пропищало оно. — Еще одно сведение. Причина приема — представление гостям картины, недавно приобретенной. Картины очень долго утраченной и исчезнувшей. Кисти Альберта Ламберта, эсквайра. Большой триумф для мисс Клейтон.

— Не сомневаюсь, — сказал Максвелл. — Мисс Клейтон — специалистка по триумфам.

— Она, как наниматель, любезна, — с упреком возразил Краб.

— Конечно, конечно, — успокоил его Максвелл.

Существо быстро переставило ноги и галопом выбежало из зала. Максвелл услышал, как оно протопало вверх по лестнице, ведущей к выходу на улицу.

Потом он встал и тоже направился к дверям. Если прием посвящен картине, подумал он, полезно будет поднабраться сведений о художнике. И усмехнулся — уж наверное, почти все, кого Нэнси пригласила, займутся сегодня тем же.

Ламберт? Фамилия показалась ему знакомой. Что-то он о нем читал… возможно, очень давно. Статью в каком-нибудь журнале, коротая свободный час?

Глава 11

Максвелл открыл книгу.

«Альберт Ламберт, — гласила первая страница, — родился в Чикаго (штат Иллинойс) 11 января 1973 года. Славу ему принесли картины, исполненные причудливого символизма и гротеска, однако его первые работы никак не позволяли предугадать последующий взлет его таланта. Хотя они были достаточно профессиональны и свидетельствовали о глубоком проникновении в тему, их нельзя назвать выдающимися. Период гротеска в его творчестве начался после того, как ему исполнилось пятьдесят лет, причем его талант развивался не постепенно, а достиг расцвета буквально за один день, словно художник работал в этом направлении тайно и не показывал картин в своей новой манере до тех пор, пока не был полностью удовлетворен тем, что создал. Однако никаких фактических подтверждений подобной гипотезы не найдено; наоборот, существуют данные, свидетельствующие, что она не…»

Максвелл бросил читать, открыл книгу на цветных репродукциях и быстро перелистал об-

разчики раннего творчества художника. И вдруг на какой-то странице картины стали совсем иными — тематика, колорит и даже, подумал Максвелл, сама манера.

Перед ним словно были произведения двух художников: один давал выход интеллектуальной потребности в упорядоченном самовыражении, а другой был весь захвачен, поглощен, одержим каким-то потрясшим его переживанием, от которого он пытался освободиться, перенеся его на холст.

Скупая, темная, грозная красота рвалась со страницы, и Максвеллу почудилось, что в сумрачной тишине читальни он различает шорох черных крыльев. Немыслимые существа взмывали над немыслимым ландшафтом, и все же Максвеллу почудилось, что и этот ландшафт, и эти существа не были простой фантазией, прихотливой причудой намеренно затуманенного сознания, но четко укладывались в рамки какой-то неслыханной гармонии, опирающейся на логику и мироощущение, чуждые всему тому, с чем ему приходилось сталкиваться до сих пор. Форма, цвет, подход к теме и ее интерпретация не были просто искажением человеческих представлений; наоборот, зритель немедленно проникался

убеждением, что они были вполне реалистическим воспроизведением чего-то, что лежит за пределами человеческих представлений. «Причудливый символизм и гротеск» — говорилось в предисловии… Может быть, сказал себе Максвелл, но в таком случае символизм этот возник в результате и на основе самого тщательного изучения натуры.

Он открыл следующую репродукцию и вновь увидел такой же полнейший уход от всего человеческого — иные существа в иной ситуации на фоне иного ландшафта, но несущие в себе столь же ошеломляющее ощущение реальности; нет, все это не было плодом воображения художника, все это он когда-то видел, а теперь изгонял из сознания и памяти. Вот так, подумал Максвелл, человек яростно намыливает руки куском едкого и грубого мыла и снова и снова трет их, пытаясь с помощью физических средств избавиться от следов психической травмы. Возможно, художник созерцал эту сцену не непосредственно, а через зрительный аппарат давно исчезнувшей и никому теперь не известной расы.

Максвелл сидел, завороженно глядя на страницу книги, не в силах оторваться от нее, захваченный в плен жуткой и зловещей красотой,

скрытым и ужасным смыслом, которого он не мог постичь. Краб сказал, что Время было неизвестно его расе, что этот универсальный фактор никак не воздействовал на культуру его планеты, а вот здесь, в этих цветных репродукциях, крылось что-то не известное людям, не грезившееся им даже во сне.

Максвелл протянул руку, чтобы закрыть книгу, но вдруг заколебался, словно по какой-то причине книгу закрывать не следовало, словно ему почему-то было необходимо еще пристальнее вглядеться в репродукцию.

И в этот момент он осознал, что в ней прячется нечто загадочное, ускользающее и притягательное.

Он положил руки на колени и продолжал смотреть на репродукцию, потом медленно перевернул страницу и, взглянув на третью репродукцию, внезапно поймал то, что раньше от него ускользало, — особые мазки создавали эффект неуловимого движения, туманной нечеткости, словно мгновение назад здесь что-то мерцало и сразу же исчезло, оставаясь за гранью зрения, но где-то совсем рядом.

Полуоткрыв рот, Максвелл вглядывался в загадочное мерцание — разумеется, это был

оптический обман, рожденный виртуозным мастерством художника.

Но пусть даже оптический обман — все равно он был томительно знаком тому, кто побывал на хрустальной планете и видел ее призрачных обитателей.

И глубокая тишина сумрачной читальни зазвенела вопросом, на который не было ответа: откуда Альберт Ламберт мог узнать про обитателей хрустальной планеты?

Глава 12

— Мне сообщили о твоем возвращении, — заявил Аллен Престон. — И я просто не мог поверить. Однако источник, из которого я получил эти сведения, настолько надежен, что я попытался связаться с тобой. Ситуация мне не слишком нравится, Пит. Как юрист, должен сказать, что ты очутился в очень незавидном положении.

Максвелл опустился в кресло перед столом Престона.

— Да, пожалуй, — согласился он. — Начать хотя бы с того, что я лишился работы. Можно ли в подобном случае добиться восстановления?

— В подобном случае? — переспросил Престон. — А как, собственно, обстоит дело? Никто этого ясно не представляет. Разговоров много, но никому ничего толком не известно. Я сам…

Максвелл криво усмехнулся.

— Да, конечно. Ты был бы рад составить определенное мнение. Ведь ты ошеломлен, растерян и опасаешься за свой рассудок. И сейчас ты задаешь себе вопрос, действительно ли я Питер Максвелл.

— А ты действительно Питер Максвелл? —

спросил Престон.

— Я в этом уверен. Но если ты сомневаешься, я на тебя не обижусь… и ни на кого другого. Нас, несомненно, было двое. Что-то произошло с моей волновой схемой. Один из нас отправился в систему Енотовой Шкуры, другой — куда-то еще. Тот, кто отправился в систему Енотовой Шкуры, вернулся на Землю и умер. А я вернулся вчера.

— И обнаружил, что умер?

Максвелл кивнул.

— Моя квартира сдана, все мое имущество исчезло! Университет заявил, что на мое место взят другой преподаватель, и я остался без работы. Вот почему я и спрашиваю, можно ли добиться восстановления.

Престон откинулся на спинку кресла и задумчиво скосил глаза на Максвелла.

— С точки зрения закона, — сказал он, — позиция университета, бесспорно, неуязвима. Ты же мертв, понимаешь? И у них по отношению к тебе нет никаких обязательств. Во всяком случае, до той поры, пока твои права не будут подтверждены.

— После нескончаемых судебных разбирательств?

— Боюсь, что да. Дать тебе точный ответ на твой

вопрос я пока не могу. Ведь это беспрецедентно. О, разумеется, известны случаи неверного установления личности, когда умершего ошибочно опознавали как кого-то другого, кто на самом деле был жив. Но ведь тут никакой ошибки не произошло. Человек, который бесспорно был Питером Максвеллом, столь же бесспорно мертв, а прецедента установления личности при подобных обстоятельствах не существует. Этот прецедент должны будем создать мы путем кропотливейших юридических исследований, на которые, возможно, потребуются годы. По правде говоря, я еще толком не представляю себе, с чего следует начать. Безусловно, какая-нибудь зацепка отыщется и все можно будет уладить, но это потребует сложнейшей работы и предварительной подготовки. В первую очередь необходимо будет установить юридически, кто ты такой.

— Кто я такой? Но ради всего святого, Аллен! Мы же это знаем.

— Мы, но не закон. Для закона ты в настоящем своем положении не существуешь. Юридически ты никто. Абсолютно никто. Все твои документы были отправлены в архив, и, несомненно, уже подшиты…

— Но все мои документы при мне, — спокойно

сказал Максвелл. — Вот в этом кармане.

Престон с недоумением уставился на него.

— Ах да! Конечно, они должны быть при тебе. Ну и клубок!

Он встал и прошелся по кабинету, покачивая головой. Потом вернулся к столу и снова сел.

— Дай подумать, — сказал он. — Мне нужно немножко времени, чтобы разобраться… Я что-нибудь откопаю. Мы должны отыскать какую-нибудь зацепку. И сделать нам нужно очень много. Вот хотя бы твое завещание…

— Мое завещание? Я о нем начисто забыл. Ни разу даже не вспомнил.

— Оно рассматривается в нотариате. Но я добьюсь отсрочки.

— Я завещал все брату, который служит в Корпусе исследователей космоса. Я мог бы связаться с ним, хотя, вероятно, это будет очень нелегко. Он ведь из одной экспедиции почти немедленно отправляется в следующую. Но важно другое: затруднений в этом отношении у нас не будет. Как только он узнает, что произошло…

— К сожалению, — сказал Престон, — решает не он, а суд. Конечно, все должно уладиться, но времени на это, возможно, потребуется много. А до тех пор ты не имеешь никаких прав на свое

имущество. У тебя нет ничего кроме одежды, которая сейчас на тебе, и содержимого твоих карманов.

— Университет предложил мне пост декана экспериментального института на Готике IV. Но я не намерен соглашаться.

— А как у тебя с деньгами?

— Пока все в порядке, Оп пригласил меня пожить у него. И на ближайшее время денег мне хватит. Ну, а в случае необходимости я могу подыскать временную работу. Если понадобится, Харлоу Шарп мне, конечно, поможет. На крайний случай возьмет в экспедицию. Это должно быть интересно.

— Разве в такие экспедиции берут людей без диплома Института времени?

— В качестве подсобных рабочих берут. Но для чего-либо более ответственного диплом, я полагаю, необходим.

— Прежде, чем я начну действовать, — сказал Престон, — мне нужно точно знать, что именно произошло. Во всех подробностях.

— Я напишу для тебя полное изложение событий. И заверю у нотариуса. Все, что тебе угодно.

— Мне кажется, — заметил Престон, — мы можем предъявить иск транспортному управлению.

Это по их вине ты оказался в таком положении.

— Не сейчас, — уклончиво ответил Максвелл. — Этим можно заняться и позже.

— Ну, пиши изложение событий, — сказал Престон. — А я пока подумаю и пороюсь в кодексах. Тогда уж начнем. Ты видел газеты? Смотрел телепередачи?

Максвелл покачал головой.

— У меня не было времени.

— Репортеры неистовствуют, — сказал Престон. — Просто чудо, что они тебя еще не разыскали. Уж конечно, они охотятся за тобой. Пока ведь у них нет ничего, кроме предположений. Вчера вечером тебя видели в «Свинье и Свистке». Там тебя опознало множество людей — во всяком случае, так они утверждают. В настоящий момент считается, что ты воскрес из мертвых. На твоем месте я постарался бы не попадаться репортерам. Но если они тебя найдут, не говори им ничего. Абсолютно ничего.

— Можешь быть спокоен, — сказал Максвелл.

Они умолкли и в наступившей тишине некоторое время смотрели друг на друга.

— Какой клубок! — задумчиво произнес Престон. — Какой потрясающий клубок! Нет, Пит, я чувствую, что возиться с ним будет одно удо-

вольствие.

— Кстати, — сказал Максвелл, — Нэнси Клейтон пригласила меня на свой сегодняшний вечер. Я все думаю, нет ли тут какой-нибудь связи… хотя почему же? Она и раньше меня иногда приглашала.

— Но ты же знаменитость! — улыбнулся Престон. — И значит, чудесный трофей для Нэнси.

— Ну, не знаю, — сказал Максвелл. — Она от кого-то услышала, что я вернулся. И конечно, в ней заговорило любопытство.

— Да, — сухо согласился Престон. — В ней, конечно, заговорило любопытство.

Глава 13

Максвелл почти не сомневался, что возле хижины Опа его подстерегают репортеры, но там никого не было. По-видимому, они еще не пронюхали, где он остановился.

Хижину окутывала сонная предвечерняя тишина, и осеннее солнце щедро золотило старые доски, из которых она была сколочена.

Две-три пчелы лениво жужжали над клумбой с астрами у двери, а над склоном, в туманной дымке уходившим к шоссе, порхали желтые бабочки.

Максвелл приоткрыл дверь и заглянул внутрь. Хижина была пуста. Оп где-то бродил, и Духа тоже не было видно. В очаге алела куча раскаленных углей.

Максвелл закрыл дверь и сел на скамью у стены. Вдали на западе голубым стеклом поблескивало одно из четырех озер, между которыми стоял городок. Пожухлая осока и вянущая трава придавали ландшафту желто-бурый колорит. Там и сям маленькими островками пламенели купы деревьев.

Теплота и спокойствие, думал Максвелл. Край,

где можно тихо грезить. Ничем не похожий на мрачные, яростные пейзажи, которые столько лет назад писал Ламберт.

Он не понимал, почему эти ландшафты репейником вцепились в его сознание. И еще он не понимал, откуда художник мог узнать, как мерцают призрачные обитатели хрустальной планеты. Это не было случайным совпадением; человек неспособен вообразить подобное из ничего. Рассудок говорил ему, что Ламберт должен был что-то знать об этих людях-призраках. И тот же рассудок говорил, что это невозможно.

Ну, а все остальные существа, все эти гротескные чудища, которых Ламберт разбросал по холсту яростной, безумной кистью? Как объяснить их? Откуда они взялись? Или они были просто лоскутами безумной фантазии, кровоточащими, вырванными из странно и мучительно бредящего сознания? Были ли обитатели хрустальной планеты единственными реальными созданиями из всех тех, кого рисовал Ламберт? Это казалось маловероятным. Где-то, когда-то, каким-то образом Ламберт видел и этих, остальных. А ландшафты? Были ли они только плодом воображения, фоном, подкреплявшим впечатление, которое создавали фантастические существа?

Или же такой была хрустальная планета в неизмеримо давнюю эпоху, когда ее еще не заключили в оболочку, навеки укрывшую ее от остальной вселенной? Но нет, решил он, это невозможно! Ведь планету покрыли оболочкой еще до того, как возникла нынешняя Вселенная. Десять миллиардов лет назад, если не все пятьдесят.

Максвелл беспокойно нахмурился. Во всем этом не было смысла. Ни малейшего. А у него и без картин Ламберта хватает хлопот. Он потерял место, на его имущество наложен арест, юридически он просто не существует.

Но все это не так уж важно, во всяком случае сейчас. Главное — сокровищница знаний на хрустальной планете. Она должна принадлежать университету — свод знаний, несомненно превосходящий все, что удалось накопить всем разумным существам известной части вселенной. Конечно, что-то будет лишь повторением старых открытий, но он был убежден, что металлические листы хранят много такого, о чем нынешняя Вселенная еще и не помышляла. Та ничтожная крупица, с которой он успел ознакомиться, подкрепляла это убеждение.

И ему вдруг показалось, что он вновь сгибается над столиком, вроде журнального, на который он

положил стопку металлических листов, сняв их с полки, а на глаза у него надето приспособление для чтения… или для перевода… А, не в названии дело!

Один металлический лист говорил о сознании не как о метафизическом или философском понятии, но как о механизме; однако он не сумел разобраться в терминологии, не смог постичь совершено новых понятий. Он прилагал отчаянные усилия, вспоминал Максвелл, так как уловил, что перед ним труд о еще никем не открытой области восприятия, но потом, отчаявшись, отложил этот лист. И другой лист, по-видимому, руководство по применению определенных математических принципов к социальным наукам; правда, о сути некоторых из упомянутых наук он мог только догадываться, шаря среди идей и понятий на ощупь и наугад, точно слепец, ловящий порхающих бабочек.

А свод истории? Не одной вселенной, но двух! И историческая биология, повествующая о формах жизни, настолько фантастических в самой своей основе и в своих функциях, что в их реальность невозможно было поверить. А тот удивительно тонкий лист, такой тонкий, что он гнулся и сворачивался в руке, как бумажный, — его содержание

было ему абсолютно недоступно, и он даже не сумел уловить, о чем идет речь. Тогда он взял лист потолще, намного толще, и познакомился с мыслями и философией существ и культур, давно уже рассыпавшихся прахом, и испытал невыразимый ужас, отвращение, гнев и растерянность, к которым примешивалось робкое изумление перед полнейшей нечеловечностью этих философий.

Все это — и больше, несравненно больше, в триллионы раз больше — ожидало ученых там, на хрустальной планете.

Нет, он должен, он обязан выполнить возложенное на него поручение. Он должен добиться, чтобы библиотеку хрустальной планеты получила Земля, и сделать это следует как можно быстрее, хотя никаких сроков ему поставлено не было. Ведь если он потерпит неудачу, обитатели планеты, несомненно, предложат свой товар кому-нибудь еще в другом секторе галактики, а может быть, и вообще в другой галактике.

Пожалуй, решил Максвелл, их интересует Артефакт, хотя — полной уверенности в этом нет. Однако кто-то хочет его приобрести, причем в сделке замешан Черчилл, а потому такое предложение похоже на истину. И все-таки вдруг это не так? Артефакт мог понадобиться кому-нибудь

еще совсем по иной причине — например, кто-то сумел разгадать его назначение… Максвелл попробовал представить себе, в чем может заключаться это назначение, но вскоре зашел в тупик.

Стайка дроздов стремительно упала с неба, пронеслась над самой крышей хижины и, повернула в сторону шоссе. Максвелл следил за тем, как черные птички опустились на пожелтевший бурьян у болотца за шоссе, изящно покачиваясь на сгибающихся стеблях. До заката они будут кормиться тут, а потом улетят в какую-нибудь укромную лесную чащу, где переночуют, чтобы завтра отправиться дальше на юг.

Максвелл встал и потянулся. Мирное спокойствие золотистого дня совсем его разнежило. Хорошо бы вздремнуть немножко, подумал он. А потом придет Оп и разбудит его, и у них будет время перекусить и поговорить, прежде чем он отправится к Нэнси.

Он открыл дверь, вошел в хижину и сел на кровать. Тут ему пришло в голову, что не худо было бы проверить, найдется ли у него на вечер чистая рубашка и пара носков. Вытащив чемодан, он положил его на кровать, отпер, откинул крышку и вынул брюки, чтобы добраться до рубашек под ними. Рубашки он нашел, а кроме них — малень-

кий аппарат, прикрепленный к большим очкам.

Максвелл сразу узнал этот аппарат и даже рот раскрыл от изумления. Автоматический переводчик, с помощью которого он читал на хрустальной планете металлические листы! Он поднял аппарат и взвесил его на ладони. Вот лента, охватывающая голову, с генератором энергии сзади, и очки, которые нужно опустить на глаза, когда аппарат надет.

Наверное, он случайно сунул его в чемодан, решил Максвелл, хотя как это могло произойти? Но что же теперь делать? А впрочем, это, пожалуй, и неплохо. Аппарат еще может пригодиться в будущем, в качестве доказательства, что он действительно побывал на той планете. Правда, насколько это доказательство весомо? По виду — ничего особенного.

Однако если заглянуть в механизм, напомнил он себе, эта штука, вероятно, не покажется такой уж обыкновенной…

Раздался легкий стук, и Максвелл, вздрогнув, начал напряженно прислушиваться. Поднялся ветер и ветка ударяет по крыше? Но ветки обычно стучат совсем не так.

Стук оборвался, а затем раздался снова, но теперь он стал прерывистым, словно сигнал: три

быстрых удара, пауза, еще два быстрых удара и снова пауза, а потом все сначала.

Кто-то стучал в дверь.

Максвелл вскочил, но остановился в нерешительности. Возможно, репортерам, наконец, удалось его выследить. А вдруг они только предполагают, что он может быть здесь? В таком случае лучше не откликаться. Но даже один репортер стучал бы куда громче и увереннее. А этот стук был тихим, почти робким, словно тот, кто был за дверью, чего-то опасался или стеснялся. Ну, а если это все-таки репортеры, молча выжидать нет никакого смысла: дверь отперта и, не получив ответа, они наверняка толкнут ее и войдут без приглашения.

Стук на мгновение замер, затем раздался снова. Максвелл на цыпочках подошел к двери и распахнул ее. Снаружи стоял Краб, белея в лучах заходящего солнца, точно привидение. Под одной из своих конечностей, которая в настоящий момент, по-видимому, играла роль руки, а не ноги, он держал большой пакет.

— Да входите же! Пока вас тут никто не увидел, — нетерпеливо сказал Максвелл.

Краб вошел, а Максвелл, закрывая дверь, удивился, с какой стати он потребовал, чтобы это

существо вошло в хижину.

— Вам не нужны опасения, — заявил Краб, — касательно жнецов новостей. Я был осторожен, и я глядел. За мной никто не следил. У меня такой нелепый вид, что за мной никогда не следят. Никто никогда не полагает, что я могу действовать сообразно с целью.

— Очень выгодная особенность, — заметил Максвелл. — По-моему, это называется защитной окраской.

— Я появляюсь вновь по указанию мисс Нэнси Клейтон, — продолжал Краб. — Она знает, что вы ездили в путешествие без багажа и не имели случая сделать покупку или стирку. Без желания причинить обиду — это мне указано сказать с отменным чувством — она желает прислать вам костюм для ношения.

Он вынул из-под конечности сверток и протянул его Максвеллу.

— Очень любезно со стороны Нэнси.

— Она — заботливое лицо. Она поручила мне сказать далее.

— Валяйте!

— Колесный экипаж прибудет отвезти вас к ее дому.

— Зачем? — удивился Максвелл. — Шоссе про-

ходит совсем рядом с ним.

— Еще одно извинение, — твердо объявил Краб, — но она считает, что нужно так. Очень много типов разных существ снуют там и сям, чтобы узнать место, где вы есть.

— Кстати, — сказал Максвелл, — а откуда его узнала мисс Клейтон?

— Поистине сие мне неведомо, — ответил Краб.

— Ну, хорошо. Поблагодарите от меня мисс Клейтон, пожалуйста.

— С восторгом и удовольствием, — сказал Краб.

Глава 14

— Я подвезу вас к черному ходу, — объяснял шофер. — Перед парадным кишмя кишат репортеры. Потом они разойдутся, но сейчас рыщут там стаями. Мисс Клейтон думает, что вы, возможно, предпочтете с ними не встречаться.

— Спасибо, — сказал Максвелл. — Вы очень предупредительны.

Нэнси, подумал он, как обычно, все предусмотрела, присваивая себе привилегию организовывать жизнь других людей.

Ее дом стоял на невысоком обрыве над самым озером. Слева от дороги в лучах недавно взошедшей луны поблескивала вода. Фасад дома был озарен множеством огней, но задняя его сторона была погружена во мрак.

Машина свернула с подъездной аллеи и начала медленно забираться по узкой крутой дороге, окаймленной могучими дубами. Вспугнутая птица с криком стремительно пронеслась у самых фар, отчаянно взмахивая крыльями. Откуда-то навстречу машине выбежали два разъяренных пса и помчались до бокам, точно конвой.

Шофер усмехнулся.

— Если бы вы шли пешком, они сожрали бы вас заживо.

— Но с каких это пор Нэнси охраняет собачья свора? — спросил Максвелл.

— Мисс Клейтон тут ни при чем, — ответил шофер. — Они охраняют совсем не ее.

У Максвелла на языке вертелся новый вопрос, но он не стал его задавать.

Машина свернула под изящную арку и остановилась.

— Вот в эту дверь, — сказал шофер. — Стучать не надо. Пройдете прямо через холл мимо винтовой лестницы. Гости в большом зале.

Максвелл хотел было открыть дверцу машины, но в нерешительности отнял руку.

— О собаках не думайте, — сказал шофер. — Они знают эту машину. И тех, кто из нее выходит, в жизни не тронут.

Впрочем, собак вообще нигде не было видно, и Максвелл, быстро поднявшись по трем ступенькам на крыльцо, распахнул дверь.

Холл был погружен в темноту. Только на винтовую лестницу падал отблеск света — по-видимому, на втором этаже горела лампочка. Кругом же царила полная тьма. Откуда-то доносились голоса и приглушенные звуки музыки.

Максвелл постоял несколько секунд не двигаясь и, когда его глаза привыкли к темноте, различил, что холл простирается и за винтовую лестницу. Вероятно, там дверь или коридор…

Странно! Если уж Нэнси распорядилась, чтобы шофер высадил его у задней двери, то почему она не поручила кому-нибудь встретить его здесь? И во всяком случае, она могла бы сказать, чтобы свет не гасили — тогда он сам отыскал бы дорогу.

Да, странно и довольно глупо — приехать на званый вечер и ощупью отыскивать путь к остальным гостям. Не лучше ли будет просто повернуться и уйти? Вернуться к Опу… Но тут Максвелл вспомнил о собаках. Они, конечно, рыщут вокруг дома, а судя по виду, ничего хорошего от них ждать не приходится. Что-то тут не так! Это совсем не похоже на Нэнси. Она никогда не поставила бы его в подобное положение. Да, тут что-то совсем не так.

Максвелл осторожно прошел по холлу, протянутой вперед рукой нащупывая столики или стулья, которые могли оказаться на его пути. Хотя видел он теперь гораздо лучше, холл по-прежнему оставался темной пещерой, где глаз не различал подробностей. Он обогнул винтовую

лестницу, и холл показался ему еще темнее теперь, когда проблески света остались у него за спиной. Внезапно кто-то спросил:

— Профессор Максвелл? Это вы, профессор?

Максвелл замер на левой ноге, потом медленно и бесшумно опустил на пол правую, уже поднятую для шага, и застыл, чувствуя, что весь покрывается гусиной кожей.

— Профессор Максвелл! — повторил голос. — Я знаю, что вы в холле.

Собственно говоря, это не был голос в прямом смысле слова. Максвелл готов был поклясться, что тишину холла не нарушал ни единый звук, и все же он ясно слышал эти слова… может быть, они раздавались у него не в ушах, а в каком-то уголке мозга.

Его охватил безотчетный ужас, и он попытался отогнать его, но ужас не исчезал — ужас затаился рядом во мраке, готовый вновь захлестнуть его черной волной.

Максвелл попробовал заговорить, но не смог.

Голос произнес:

— Я поджидал вас здесь, профессор. Мне необходимо вступить с вами в контакт. Это столько же в ваших интересах, сколько в моих.

— Где вы? — спросил Максвелл.

— Я за дверью слева от вас.

— Я не вижу никакой двери.

Здравый смысл настойчиво твердил Максвеллу: беги, немедленно беги. Поскорее выберись отсюда! Но он не мог бежать. У него не было сил. Да и куда? Назад под арку нельзя — там ждут собаки. Вперед по темному холлу? Опрокидывая все на своем пути, поднимая оглушительный грохот, чтобы все гости сбежались сюда и обнаружили его — растрепанного, в синяках, дрожащего от страха? Он знал, что стоит ему побежать, и им сразу же овладеет паника.

Чтобы его увидели в подобном состоянии? Нет! Хватит и того, что он проник в дом украдкой, с черного хода.

Если бы это был просто голос — какой угодно, но голос, — он не нагонял бы подобного ужаса. Но он производил такое жуткое впечатление — ни намека на интонацию, монотонный, механический, словно скрежещущий! Ни один человек так говорить не может, решил Максвелл. Где-то рядом с ним в темноте прятался внеземлянин.

— Тут есть дверь, — произнес этот пустой жесткий голос. — Сделайте шаг влево и толкните ее.

Положение становится просто смешным, подумал Максвелл. Либо он войдет в эту дверь, либо

опрометью бросится прочь. Конечно, можно было бы спокойно уйти, но он знал, что стоит ему повернуться спиной к невидимой двери, и он побежит — против воли, гонимый ужасом, маячащим позади.

Максвелл сделал шаг влево, нащупал дверь и толкнул ее. В комнате было темно, но в окна просачивался свет фонаря снаружи и падал на пудингообразное существо в центре комнаты — оплывший живот слабо фосфоресцировал, словно клубок светящихся обитателей морского дна копошился в круглом аквариуме.

— Да, — сказало существо, — вы совершенно правы. Я принадлежу к тем жителям вселенной, которых вы именуете «колесниками». На время моего визита здесь я обзавелся наименованием, которое легко воспринимается вашим сознанием. Вы можете называть меня «мистер Мармадьюк». Несомненно, вы понимаете, что это лишь удобства ради, так как я не ношу подобного имени. Собственно говоря, у нас нет имен. Они излишни. Наше индивидуальное различие достигается иными способами.

— Рад познакомиться с вами, мистер Мармадьюк, — сказал Максвелл, произнося слова медленно и раздельно, потому что губы у него

тоже вдруг стали холодными и непослушными, как и все его тело.

— А я с вами, профессор.

— Как вы узнали, кто я такой? — спросил Максвелл. — Вы, по-видимому, были абсолютно в этом уверены. Значит, вам было известно, что я пройду через холл?

— Разумеется, — сказал колесник.

Теперь Максвелл мог лучше разглядеть своего странного собеседника — пухлое тело, висящее между двумя колесами, копошащаяся масса в нижней прозрачной его части.

— Вы один из гостей Нэнси? — спросил он.

— Да, — ответил мистер Мармадьюк. — Да, разумеется. Если не ошибаюсь, почетный гость, ради которого она и устроила это собрание.

— Но в таком случае вам следовало бы быть в зале с остальными приглашенными.

— Я сослался на усталость, — объяснил мистер Мармадьюк. — Легкое уклонение от истины, признаюсь, ибо я никогда не устаю. И вот я удалился отдохнуть…

— И дождаться меня?

— Вот именно, — сказал мистер Мармадьюк.

Нэнси, подумал Максвелл. Нет! Нэнси, конечно, тут ни при чем. Она слишком легкомысленна,

слишком поглощена своими бесконечными зваными вечерами и совершенно неспособна на интриги.

— Мы могли бы обсудить некую тему, — сказал мистер Мармадьюк. — Ко взаимной выгоде, как я полагаю. Вы, если не ошибаюсь, ищете покупателя для некоего движимого имущества. Не исключено, что это движимое имущество может представлять некоторый интерес для меня.

Максвелл отступил на шаг, стараясь найти какой-нибудь ответ. Но ему ничего не приходило в голову. А ведь он мог бы знать! Мог бы догадаться или хотя бы заподозрить!

— Вы ничего не отвечаете, — сказал мистер Мармадьюк. — Но я не мог ошибиться. Вы действительно посредник по этой продаже, и здесь нет никакого недоразумения?

— Да, — сказал Максвелл. — Да, я посредник.

Он знал, что запираться нет смысла. Каким-то образом это существо на колесах проведало про хрустальную планету и про сокровищницу накопленных там знаний. И возможно, ему известна назначенная цена. Уж не этот ли колесник пытается купить Артефакт?

— В таком случае, — сказал мистер Мармадьюк, — нам следует немедленно приступить

к переговорам и обсудить условия. Не забыв при этом упомянуть и причитающиеся вам комиссионные.

— Боюсь, в настоящее время это невозможно, — сказал Максвелл. — Я не знаю условий продажи. Видите ли, сначала я должен был найти потенциального покупателя, а уж потом…

— Это не составит ни малейшего затруднения, — объявил колесник. — Ибо у меня есть сведения, которыми не располагаете вы. Мне известны условия продажи.

— И вы готовы заплатить требуемую цену?

— О, безусловно, — сказал колесник. — На это просто потребуется некоторое время — весьма незначительное. Необходимо завершить некую коммерческую операцию. По ее заключении мы с вами сможем довести наше дело до конца без хлопот и шума. Единственное, что еще следовало бы установить, как мне представляется, — это размеры комиссионных, которые вы заслужили столь безмерно.

— Я полагаю, — растерянно произнес Максвелл, — они должны быть неплохими.

— Мы намерены, — заявил мистер Мармадьюк, — назначить вас… не сказать ли «библиотекарем»?.. При том движимом имуществе,

которое мы приобретаем, предстоит большая работа по разбору и каталогизации указанного имущества. Для этого нам необходимо существо, подобное вам, и мне представляется, что ваши обязанности будут для вас весьма интересными. А что до жалованья… Профессор Максвелл, мы покорно просим вас самого назвать его цифру, а также и остальные условия, на которых вы согласитесь занять эту должность.

— Мне нужно все это обдумать.

— О, разумеется, разумеется! — произнес мистер Мармадьюк. — В делах такого рода небольшое размышление бывает полезным. Вы найдете нас склонными к самой неограниченной щедрости.

— Вы меня не поняли, — сказал Максвелл. — Мне нужно будет подумать о самой продаже. Сочту ли я возможным ее устроить.

— Быть может, вы сомневаетесь в том, достойны ли мы приобрести указанное движимое имущество?

— И это тоже, — сказал Максвелл.

— Профессор Максвелл, — заявил колесник, — для вас будет несравненно лучше, если вы отбросите свои сомнения. Поверьте, вам не следует испытывать по отношению к нам какие-либо сомнения, ибо мы полны решимости получить то,

что вы можете предложить. А потому вы должны охотно и добровольно вести переговоры с нами.

— Хочу я того или нет? — осведомился Максвелл.

— Я, — сказал мистер Мармадьюк, — не стал бы выражаться столь прямолинейно. Но вы описали ситуацию весьма исчерпывающим образом.

— Ваше положение не дает вам оснований разговаривать подобным тоном! — заметил Максвелл.

— Вы не имеете представления о том, какое положение мы занимаем, — сказал колесник. — Ваши сведения ограничиваются известными вам пределами космоса. И вы не можете знать, что лежит за этими пределами.

В этих словах, в том, как они были произнесены, было что-то такое, от чего по спине Максвелла пробежала холодная дрожь, словно в комнату ворвался ледяной вихрь, примчавшийся из неведомых глубин вселенной.

Ваши сведения ограничиваются известными вам пределами космоса, сказал мистер Мармадьюк… Но что лежит за этими пределами? Никто ничего не знал — известно было только, что в некоторых областях по ту сторону зыбкой границы, за которую еще не проникли разведчи-

ки человечества, колесники создали империю. И из-за этой границы до освоенной части вселенной доходили жуткие истории, какие всегда рождаются на дальних границах, питаемые воображением человека, стремящегося разгадать то неизвестное, что таится чуть дальше впереди.

Контакты с колесниками были редкими и мимолетными, и о них не было известно почти ничего, а это само по себе уже не обещало ничего хорошего. Никто не протягивал дружеских рук, никто не делал жестов благожелательности и доброй воли — ни колесники, ни люди, ни друзья и союзники людей. В огромном секторе космического пространства пролегла безмолвная угрюмая граница, которую не пересекала ни та, ни другая сторона.

— Мне было бы легче принять решение, — сказал Максвелл, — если бы мои сведения были более подробными, если бы мы могли узнать о вас больше…

— Вы знаете, что мы — таракашки, — заявил мистер Мармадьюк, и слова эти буквально брызгали желчью. — Ваша нетерпимость…

— Вовсе нет, — негодующе перебил Максвелл. — И мы не считаем вас таракашками. Мы знаем, что вы — ульевые конгломераты. Мы

знаем, что каждый из вас является колонией существ, сходных с теми, которых мы здесь на Земле называем насекомыми, и это, разумеется, составляет значительное различие между нами, и все же вы отличаетесь от нас не больше, чем многие другие существа с иных звезд. Слово «нетерпимость» мне не нравится, мистер Мармадьюк, так как оно подразумевает «терпимость», а это оскорбительно и для вас, и для меня, и для любого другого существа во вселенной.

Он заметил, что трясется от гнева, и удивился, почему одно какое-то слово могло его так взбесить. Его не вывела из себя даже мысль о том, что знания хрустальной планеты вот-вот достанутся колесникам, и вдруг он пришел в ярость от одного слова. Возможно, подумал он, потому, что там, где множество самых разных рас должно жить в мире и согласии друг с другом, и «нетерпимость» и «терпимость» одинаково стали грязными ругательствами.

— Вы ведете спор убедительно и любезно, — сказал мистер Мармадьюк. — И возможно, вы не нетерпимы…

— Если бы нетерпимость и существовала, — не дал ему докончить Максвелл, — не понимаю, почему вы приходите в такое негодование. Ведь

проявление подобного чувства бросает тень не на того, против кого оно направлено, а на того, кто его испытывает, поскольку он демонстрирует не только невоспитанность, но и глубокое невежество. Нет ничего глупее нетерпимости.

— В таком случае, что же вызывает у вас колебания? — спросил колесник.

— Мне необходимо узнать, как вы думаете распорядиться своим приобретением. Я хотел бы выяснить, какова ваша цель. Я еще очень многое должен был бы о вас узнать.

— Чтобы получить право судить?

— Но как можно судить в подобных ситуациях? — с горечью сказал Максвелл.

— Мы слишком много говорим, — объявил мистер Мармадьюк. — И без всякого смысла. Я вижу, что у вас нет намерения устроить нам это приобретение.

— Вот именно, — ответил Максвелл. — По крайней мере в настоящий момент.

— В таком случае, — сказал мистер Мармадьюк, — нам придется искать иной путь. Своим отказом вы причините нам значительные хлопоты и потерю времени, и мы будем вам весьма неблагодарны.

— Мне почему-то кажется, — сообщил ему

Максвелл, — что я как-нибудь стерплю вашу неблагодарность.

— Быть на стороне победителя, милостивый государь, — угрожающе произнес мистер Мармадьюк, — это немалое преимущество.

Мимо Максвелла промелькнуло что-то большое и быстрое. Уголком глаза он уловил блеск оскаленных зубов и стремительный взлет песочно-коричневого тела.

— Сильвестр, не надо! — вскрикнул Максвелл. — Не трогай его, Сильвестр!

Мистер Мармадьюк не растерялся. Его колеса бешено закрутились, и, ловко обогнув прыгнувшего Сильвестра, он ринулся к двери. Когти Сильвестра царапнули о половицы, и он извернулся спиралью. Максвелл кинулся в сторону от мчавшегося прямо на него колесника, но колесо все-таки задело его плечо, и он отлетел к стене. Мистер Мармадьюк молнией выскочил за дверь. За ним метнулось длинное гибкое тело — казалось, Сильвестр летит по воздуху, не касаясь земли.

— Сильвестр, не надо! — вопил Максвелл, бросаясь вслед за тигренком. В холле он резко повернул и отчаянно засеменил ногами, стараясь сохранить равновесие. Впереди по холлу быстро

катил колесник, но Сильвестр настигал его. Максвелл не стал больше расходовать силы и время на бесполезные крики и поспешил за ними.

В дальнем конце холла мистер Мармадьюк круто свернул влево, а Сильвестр, совсем уже было схвативший его, не сумел проделать поворот столь же быстро и ловко и потерял несколько драгоценных секунд. Максвелл, успев оценить обстановку, обогнул угол на полном ходу и увидел перед собой освещенный коридор и мраморные ступени, ведущие вниз, в зал, где множество людей стояло, разбившись на небольшие группы, с бокалами в руках.

Мистер Мармадьюк стремительно приближался к лестнице. Сильвестр опережал Максвелла на один прыжок, отставая от колесника прыжка на три.

Максвелл хотел было крикнуть, но у него перехватило дыхание, да и в любом случае его вопль вряд ли что-нибудь изменил бы, так как события развивались с неимоверной быстротой.

Колесник соскочил на первую ступеньку, и Максвелл прыгнул, протягивая вперед руки. Он упал на спину тигренка и крепко обнял его за шею. Они вместе растянулись на полу, и краем глаза Максвелл увидел, что колесник на второй ступеньке подскочил высоко в воздух и начал угрожающе крениться набок.

Тут раздался испуганный женский визг, растерянные крики мужчин и звон бьющихся бокалов.

На этот раз, угрюмо подумал Максвелл, Нэнси получила сенсацию, на которую, наверное, не рассчитывала. Он лежал у стены под лестницей. Сильвестр, уютно устроившись у него на груди, примеривался нежно облизать ему лицо.

— Сильвестр, — сказал Максвелл. — Вот ты и добился своего. Ты подложил нам колоссальную свинью.

Сильвестр лизнул его и хрипло замурлыкал.

Максвелл спихнул тигренка на пол и сел, прислонившись к стене. Мистер Мармадьюк валялся на боку у нижней ступеньки лестницы. Оба его

колеса вертелись как бешеные, и он неуклюже вращался вокруг своей оси.

По лестнице взбежала Кэрол и, уперев руки в бока, уставилась на Максвелла и тигренка.

— Хорошая парочка, нечего сказать! — вскричала она и задохнулась от гнева.

— Мы не нарочно, — сказал Максвелл.

— Почетный гость! — она чуть не плакала от злости. — Почетный гость, а вы двое гоняетесь за ним по коридорам, словно он мышь какая-нибудь!

— По-видимому, мы не причинили ему большого вреда, — заметил Максвелл. — Я вижу, он цел и невредим. Хотя меня не удивило бы, если бы его брюхо лопнуло и эти милые жучки разлетелись по всему полу.

— Что подумает Нэнси? — негодующе спросила Кэрол.

— Думаю, она будет в восторге, — ответил Максвелл. — На ее званых вечерах не случалось ничего интересного с тех пор, как огнедышащая амфибия из системы Крапивы подожгла новогоднюю елку.

— Вы это придумали! — заявила Кэрол. — Этого не было.

— Чтоб мне провалиться! Я сам был тогда здесь.

Видел все своими глазами и помогал гасить пожар.

Тем временем мистера Мармадьюка окружили гости и принялись поднимать его. По залу засновали маленькие роботы, собирая осколки и вытирая лужицы коктейлей.

Максвелл встал на ноги, а Сильвестр, подобравшись к нему, начал тереться головой о его колени.

Откуда-то появилась Нэнси и заговорила с мистером Мармадьюком. Гости, окружив их кольцом, внимательно слушали.

— На вашем месте, — посоветовала Кэрол, — я бы испарилась отсюда как можно незаметнее. Не думаю, чтобы вас тут теперь встретили с распростертыми объятиями.

Он начал спускаться по лестнице, а Сильвестр с царственным видом шагал рядом с ним. Нэнси обернулась, увидела Максвелла и поспешила к нему навстречу.

— Пит! — воскликнула она. — Так значит, это все-таки правда! Ты действительно вернулся.

— Да, конечно, — растерянно согласился Максвелл.

— Я читала в газетах, но не могла поверить. Я думала, что это какой-нибудь трюк или розыгрыш.

— Но ты же меня пригласила… — сказал Максвелл.

— Пригласила? Тебя?

Она не шутила. Это было ясно.

— Значит, ты не посылала Краба…

— Какого краба?

— Ну, существо, которое больше всего похоже на краба-переростка.

Нэнси покачала головой, и, вглядываясь в ее лицо, Максвелл вдруг почти со страхом обнаружил, что она начинает стареть. В уголках глаз и рта лучились морщинки, которых не могла спрятать никакая косметика.

— Существо, похожее на краба, — повторил он. — Оно сказало, что работает у тебя посыльным и что ты приглашаешь меня на этот вечер. Оно сказало, что за мной будет прислан автомобиль. Оно даже принесло мне костюм, сказав, что…

— Пит, — перебила Нэнси. — Пожалуйста, поверь мне. Я ничего этого не делала. Я тебя не приглашала. Но я очень рада, что ты пришел.

Придвинувшись, к нему почти вплотную, она взяла его под руку и сказала, еле сдерживая смех:

— И мне было бы очень интересно узнать, что у тебя произошло с мистером Мармадьюком.

— Мне очень жаль… — начал Максвелл.

— И напрасно. Разумеется, он мой гость, а с гостями следует обходиться любезно, но, в сущности, он ужасен, Пит. Скучный педант, сноб и…

— Тсс! — предостерег ее Максвелл.

Мистер Мармадьюк, высвободившись из кольца гостей, катил к ним через зал. Нэнси повернулась навстречу колеснику.

— Вы, правда, не пострадали? — спросила она. — Нет, правда?

— Я отнюдь не пострадал, — сказал мистер Мармадьюк.

Он подкатил к Максвеллу, и из верхушки его округлого туловища возникла рука — гибкая, пружинообразная, больше напоминавшая щупальце, чем руку, — с клешней из трех пальцев. Мистер Мармадьюк обвил этой рукой плечи Максвелла, и тот почувствовал инстинктивное желание сбросить ее, отодвинуться, но подавил этот импульс и заставил себя остаться на месте.

— Благодарю вас, сэр, — сказал мистер Мармадьюк. — Я весьма вам благодарен. Возможно, вы спасли мою жизнь. В момент моего падения я увидел, как вы прыгнули на этого зверя. Весьма героичный поступок.

Сильвестр крепче прижался к боку Максвелла,

поднял голову и обнажил клыки в беззвучном рычании.

— Он не причинил бы вам вреда, сэр, — вмешалась Кэрол. — Он ласков, как котенок. Если бы вы не побежали, он не стал бы за вами гнаться. Он по глупости вообразил, что вы с ним играете. Сильвестр очень любит играть.

Сильвестр зевнул, продемонстрировав все свои зубы.

— Эта игра, — сказал мистер Мармадьюк, — не доставляет мне удовольствия.

— Когда я увидел, что вы упали, — переменил тему Максвелл, — я испугался за вас. Мне показалось, что вы вот-вот разорветесь.

— О, это был напрасный испуг, — заявил мистер Мармадьюк. — Я чрезвычайно упруг. Это тело сотворено из превосходного материала, весьма крепкого и обладающего исключительной эластичностью.

Он снял руку с плеча Максвелла, и она взвилась в воздух, точно промасленный канат, изогнулась и втянулась в тело, на поверхности которого Максвелл не сумел различить ничего, что указывало бы, где именно она скрылась.

— Очень прошу вас извинить меня, — сказал мистер Мармадьюк. — Мне нужно кое-кого уви-

деть, — и, повернув, он быстро покатил прочь.

Нэнси вздрогнула.

— У меня от него мурашки бегают! — пожаловалась она. — Хотя нельзя отрицать, что он — настоящее украшение вечера. Далеко не всякой хозяйке салона удается заполучить колесника. Тебе я могу признаться, Пит, что пустила в ход все свои связи, чтобы он остановился у меня. А теперь я жалею — в нем есть что-то слизистое.

— А ты не знаешь, зачем он здесь? То есть здесь, на Земле?

— Нет. У меня сложилось впечатление, что он обыкновенный турист. Хотя я как-то не могу вообразить, чтобы подобные существа путешествовали для удовольствия.

— Согласен.

— Пит, ну расскажи же мне о себе! Газеты утверждают…

Максвелл ухмыльнулся.

— Как же, знаю! Что я воскрес из мертвых!

— Но на самом деле ты ведь не воскресал? Я понимаю, что это невозможно. Так кого же мы похоронили? Все, слышишь ли, все были на похоронах, и никто из нас не усомнился, что это ты. Но ведь это не мог быть ты. Так что же…

— Нэнси, — перебил Максвелл. — Я вернулся

только вчера. Я узнал, что я скончался, что мою комнату сдали, что мое место на факультете занято и…

— Но это же невозможно! — повторила Нэнси. — Подобные вещи в действительности не случаются. И я не понимаю, что, собственно, произошло.

— Мне самому это не вполне понятно, — признался Максвелл. — Позже мне, возможно, удастся выяснить подробности.

— Но как бы то ни было, ты теперь тут, и все в порядке, — сказала Нэнси. — А если ты не хочешь говорить об этом, я скажу всем, чтобы они тебя не расспрашивали.

— Я очень благодарен тебе за такую предусмотрительность, — сказал Максвелл, — но из этого ничего не выйдет.

— Репортеров можешь не опасаться, — продолжала Нэнси. — Репортеров тут нет. Прежде я их приглашала — специально отобранных, тех, кому, мне казалось, я могу доверять. Но репортерам доверять невозможно, как я убедилась на горьком опыте. Так что тебе они не грозят.

— Насколько я понял, у тебя есть картина…

— А, так ты знаешь про картину! Пойдем посмотрим на нее. Это жемчужина моей коллекции.

Только подумай — подлинный Ламберт! И к тому же никому прежде не известный. Потом я расскажу тебе, как была найдена эта картина, но во что она мне обошлась, я тебе не скажу. Ни тебе и никому другому. Мне стыдно об этом даже думать.

— Так много или так мало?

— Так много, — ответила Нэнси. — И ведь необходима величайшая осторожность. Очень легко попасть впросак! Я начала вести переговоры о покупке только после того, как ее увидел эксперт. Вернее, два эксперта. Один проверил заключение другого, хотя, возможно, тут я несколько перегнула палку.

— Но в том, что это Ламберт, сомнений нет?

— Ни малейших. Даже мне было ясно с самого начала. Ни один другой художник не писал так, как Ламберт. Но ведь его все-таки можно скопировать, и я хотела удостовериться.

— Что тебе известно о Ламберте? — спросил Максвелл. — Больше, чем нам всем? Что-то, чего нет в справочниках?

— Ничего. То есть не очень много. И не о нем самом. А почему ты так подумал?

— Потому что ты в таком ажиотаже.

— Ну вот! Как будто мало найти неизвестного Ламберта! У меня есть две другие его картины,

но эта — особенная, потому что она была потеряна. Собственно говоря, я не знаю, насколько тут подходит слово «потеряна». Вернее сказать, она никогда не значилась ни в одном каталоге. Не существует никаких упоминаний, что он ее писал — во всяком случае, сохранившихся упоминаний. А ведь она принадлежит к его так называемым гротескам! Как-то трудно вообразить, чтобы хоть один из них пропал бесследно, или был совершенно забыт, или… ну, что еще могло с ним произойти? Другое дело, если бы речь шла о картине раннего периода.

Они прошли через зал, лавируя между кучками гостей.

— Вот она, — сказала Нэнси, когда они проложили путь через толпу, собравшуюся у стены, на которой висела картина.

Максвелл откинул голову и взглянул на стену. Картина несколько отличалась от цветных репродукций, которые он видел утром в библиотеке. Это, сказал он себе, объясняется тем, что она больше, а краски ярче и чище… и тут же обнаружил, что этим все не исчерпывается. Иным был ландшафт и населявшие его существа. Ландшафт казался более земным — гряда серых холмов, бурый кустарник, разлапистые, похожие на па-

поротники деревья. По склону дальнего холма спускалась группа созданий, которые могли быть гномами; под деревом, прислонившись к стволу, сидело существо, похожее на гоблина, — оно, по-видимому, спало, нахлобучив на глаза подобие шляпы. А на переднем плане — жуткие ухмыляющиеся твари с безобразными телами и мордами, при взгляде на которые кровь стыла в жилах.

На плоской вершине дальнего холма, у подножия которого толпилось множество разнообразных существ, лежало что-то маленькое и черное, четко выделяясь на фоне серого неба.

Максвелл ахнул, быстро шагнул вперед и замер, боясь выдать свое волнение. Неужели никто еще этого не заметил? Впрочем, возможно, кто-то и заметил, но не придал своему открытию никакой важности или решил, что ошибся.

Но Максвелл знал, что он не ошибается. Никаких сомнений у него не возникло. Маленькое черное пятно на дальней вершине было Артефактом!

Глава 15

Максвелл нашел укромный уголок позади внушительной мраморной вазы с каким-то пышно цветущим растением и сел на один из стоявших там стульев.

Из-за вазы он наблюдал, как толпа гостей в зале постепенно начинает редеть. И даже те, кто пока не собирался уходить, несколько приуныли. Но если кто-нибудь еще вздумает спросить, что с ним произошло, решил Максвелл, он даст ему в челюсть, и дело с концом.

Накануне он сказал Кэрол, что в ближайшее время ему придется объяснять, объяснять и снова объяснять. Именно это он и делал весь вечер — с некоторыми отклонениями от истины, — и никто ему не верил. Его собеседники глядели на него пустыми глазами и прикидывали, пьян он или просто их разыгрывает.

Хотя настоящей жертвой розыгрыша, подумал Максвелл, был он сам. Его пригласили на этот вечер, но приглашение исходило не от Нэнси Клейтон. Нэнси не посылала ему костюма и не поручала шоферу заехать за ним, а потом высадить его у задней двери, чтобы он прошел через холл

мимо двери, за которой его поджидал колесник. И десять против одного, что собаки не принадлежат Нэнси, хотя он и забыл спросить ее о них.

Кто-то, не щадя усилий и хлопот, чрезвычайно сложным способом обеспечил колеснику возможность переговорить с ним. Все это отдавало дешевой мелодрамой и было настолько пропитано атмосферой плащей и кинжалов, что становилось смешным. Но только… только ему почему-то не было смешно.

Сжимая бокал в ладонях, Максвелл слушал гул идущего к концу вечера. Через просветы в густой листве над мрамором вазы он видел почти весь зал, но колесника нигде не было, хотя раньше мистер Мармадьюк все время кружил среди гостей.

Максвелл рассеянно переложил бокал из одной руки в другую и понял, что не будет пить, что и так уже выпил больше, чем следовало бы, не потому, что опьянел, а потому, что пить здесь было не место. Это удовольствие следует приберегать для небольшой дружеской компании в чьей-нибудь привычной уютной комнате, а не пить среди шумной толпы незнакомых и малознакомых людей в большом и безликом зале… Внезапно он почувствовал, что очень устал. Сейчас он встанет, попрощается с Нэнси, если сумеет ее найти, и

тихонько побредет к хижине Опа.

А завтра? Завтра ему предстоит многое сделать. Но сейчас он об этом думать не будет. Он все отложит на завтра.

Поднеся бокал к краю мраморной вазы, Максвелл вылил коктейль на корни растения.

— Ваше здоровье! — сказал он ему, потом осторожно, стараясь не потерять равновесия, нагнулся и поставил бокал на пол.

— Сильвестр! — раздался голос за его спиной. — Ты видишь, что тут происходит?

Максвелл извернулся и встретился взглядом с Кэрол, которая стояла по ту сторону вазы, положив руку на голову Сильвестра.

— Входите, входите, — приветливо сказал он. — Это мой тайник. Если вы оба будете вести себя смирно…

— Я весь вечер пыталась поговорить с вами с глазу на глаз, — заявила Кэрол. — Но где там! Я хочу знать, зачем вам с Сильвестром понадобилось охотиться на колесника.

Она забралась за вазу и остановилась, ожидая его ответа.

— Я был удивлен даже больше вас, — сообщил ей Максвелл. — У меня буквально дух захватило. Я никак не ждал увидеть Сильвестра. Мне и в

голову не приходило…

— Меня часто приглашают на званые вечера, — холодно сказала Кэрол. — Не ради меня самой, поскольку вас это, по-видимому, удивило, но ради Сильвестра. Он служит прекрасной темой для светской болтовни.

— Очко в вашу пользу, — заметил Максвелл. — Меня так вовсе не пригласили.

— И тем не менее вы тут!

— Но не спрашивайте меня, как я сюда попал. Мне будет трудно отыскать правдоподобное объяснение.

— Сильвестр всегда был очень благовоспитанным котенком, — обвиняющим тоном сказала Кэрол. — Возможно, он любит поесть, но он джентльмен.

— Понимаю! В моем дурном обществе…

Кэрол окончательно обогнула вазу и села рядом с ним.

— Вы собираетесь ответить на мой вопрос?

Он покачал головой.

— Трудно. Все было как-то запутано.

— По-моему, я никогда не встречала человека, который так умеет вывести собеседника из себя, как вы. И вообще это непорядочно.

— Кстати, — сказал он, — вы ведь видели эту

картину?

— Конечно! Она же — гвоздь вечера. Вместе с этим забавным колесником.

— А ничего странного вы не заметили?

— Странного?

— Да. На картине.

— По-моему, нет.

— На одном из холмов нарисован крохотный кубик. Черный, на самой его вершине. Он похож на Артефакт.

— Я не обратила внимания… Я особенно ее не разглядывала.

— Но гномов-то вы разглядели?

— Да. Во всяком случае, кого-то на них похожего.

— А существа на переднем плане? Они ведь совсем другие.

— Другие? По сравнению с кем?

— С теми, каких обычно писал Ламберт.

— Вот не знала, — заметила Кэрол, — что вы специалист по Ламберту.

— А я и не специалист. Просто сегодня утром, когда я узнал про этот званый вечер и про картину, которой обзавелась Нэнси, я пошел в библиотеку и взял альбом с репродукциями.

— Но даже если они и другие, так что? — спро-

сила Кэрол. — Художник же имеет право писать все, что ему вздумается.

— Совершенно верно. Но речь не об этом. Ведь на картине изображена Земля. То есть если это действительно Артефакт, в чем я не сомневаюсь, значит, на ней должна быть изображена Земля. Но не наша Земля, не та, которую мы знаем, а Земля, какой она была в юрский период.

— По-вашему, на других его картинах изображена не Земля? Но этого не может быть! Ламберт жил в эпоху, когда ничего другого художник писать не мог. Ведь в космос еще никто не летал — то есть в глубокий космос, а не только на Луну и на Марс.

— Нет, в космос летали, — возразил Макс-велл. — На крыльях фантазии. Тогда существовали и путешествия в космосе, и путешествия во времени — силой воображения. Ни один художник никогда не был ограничен железными рамками «сейчас» и «здесь». Все так и считали, что Ламберт пишет страну Фантазию. Но теперь я начинаю задумываться, а не писал ли он реальные ландшафты и реальных существ — просто то, где он бывал и что видел.

— Но если вы правы, — возразила Кэрол, — то как он туда попадал? Конечно, Артефакт на его

картине объяснить трудно, однако…

— Нет, я имел в виду то, о чем постоянно твердит Оп, — сказал Максвелл. — Он принес из своих неандертальских дней воспоминания о гоблинах, троллях и прочих обитателях холмов. Но он говорил, что были и какие-то «другие». И они были несравненно хуже: злокозненные, безжалостные, и неандертальцы смертельно боялись их.

— И вы думаете, что на картине есть и они? Те, кого вспоминал Оп?

— Да, мне пришло в голову как раз это, — признался Максвелл. Может быть, Нэнси не будет возражать, если я завтра приведу Опа взглянуть на картину.

— Наверное, не будет, — сказала Кэрол. — Но это и не обязательно. Я сфотографировала картину.

— Как же…

— Конечно, я знаю, что так делать не полагается. Но я попросила разрешения у Нэнси, и она сказала, что ничего не имеет против. А что другое она могла бы ответить? И я снимала картину не для того, чтобы продавать снимки, а только для собственного удовольствия. Ну, как плату за то, что я привела Сильвестра, чтобы ее гости могли на него посмотреть. Нэнси хорошо разбирается в подобных тонкостях, и у нее не хватило духа ска-

зать мне «нет». Если вы хотите, чтобы я показала снимки Опу…

— Вы говорите серьезно?

— Конечно. И пожалуйста, не осуждайте меня за то, что я сфотографировала картину. Надо же сводить счеты!

— Счеты? С Нэнси?

— Ну, не специально с ней, но со всеми теми, кто приглашает меня на званые вечера. Со всеми ими без исключения. Ведь их интересую вовсе не я. На самом-то деле они приглашают Сильвестра. Словно он ученый медведь или фокусник! Ну, и чтобы заполучить его, они вынуждены приглашать меня. Я знаю, почему они меня приглашают, и они знают, что я знаю, но все равно приглашают!

— По-моему, я понимаю, — сочувственно сказал Максвелл.

— А по-моему, они просто расписываются в снобизме и чванстве.

— Вполне согласен.

— Если мы намерены показать снимки Опу, — сказала Кэрол, — нам, пожалуй, пора идти. Все равно веселье засыхает на корню. Так вы решительно не хотите рассказать мне, что у вас произошло с колесником?

— Потом, — уклончиво сказал он. — Не сейчас. Возможно, позже.

Они вышли из-за вазы и пошли через зал к дверям, лавируя между поредевшими группами гостей.

— Надо бы разыскать Нэнси, — заметила Кэрол, — и попрощаться с ней.

— Как-нибудь в другой раз, — ответил Максвелл. — Мы напишем или позвоним ей. Объясним, что не сумели ее найти, поблагодарим за удивительно приятный вечер, скажем, что было необыкновенно интересно, что ее приемов мы никогда не пропускаем, что картина нам необыкновенно понравилась и что она поистине гениальна, раз сумела ее приобрести…

— Вам не следует паясничать, — посоветовала Кэрол. — Вы утрируете, и у вас ничего не получается.

— Я тоже так думаю, — признался Максвелл, — но продолжаю пробовать — а вдруг?

Они закрыли за собой парадную дверь и начали спускаться по широким полукруглым ступеням, которые заканчивались у самого шоссе.

— Профессор Максвелл! — крикнул кто-то. Максвелл оглянулся. К ним по лестнице сбегал Черчилл.

— Можно вас на минутку, Максвелл? — сказал он.

— Да. Так что же вам нужно, Черчилл?

— Поговорить с вами. И наедине, с разрешения вашей дамы.

— Я подожду вас у шоссе, — сказала Кэрол Максвеллу.

— Не нужно, — возразил Максвелл. — Я разделаюсь с ним в два счета.

— Нет, — твердо сказала Кэрол. — Я подожду. Не надо бурных эмоций.

Максвелл остановился, и Черчилл, слегка запыхавшись, ухватил его за локоть.

— Я весь вечер искал случая подойти к вам. Но вы ни на минуту не оставались в одиночестве.

— Что вам нужно? — резко спросил Максвелл.

— Колесник! — сказал Черчилл. — Пожалуйста, забудьте о вашей с ним беседе. Он не знает наших обычаев. Я не знал о его намерениях. Более того, я его прямо предупреждал…

— То есть вы знали, что колесник устроил на меня засаду?

— Я отговаривал его! — возмущенно заявил Черчилл. — Я прямо сказал, чтобы он оставил вас в покое! Мне очень жаль, профессор Максвелл! Поверьте, я сделал все, что было в моих силах!

Максвелл вцепился правой рукой в рубашку Черчилла, собрал ее в комок и подтянул юриста к себе.

— А, так, значит, это вы прислужник колесника! — крикнул он. — Его ширма! Это вы ведете переговоры о покупке Артефакта, чтобы его заполучил колесник!

— Я поступаю так, как нахожу нужным! — злобно ответил Черчилл. — Моя профессия — служить посредником в делах, которые люди не хотят или не могут вести сами.

— Колесник к людям не относится, — возразил Максвелл. — Только богу известно, что такое колесник. Во-первых, он — гнездо насекомых, а во-вторых, в-третьих, в-четвертых… мы этого не знаем!

— Он не нарушает никаких законов, — сказал Черчилл. — Он имеет право покупать все, что ему угодно.

— А вы имеете право пособничать ему, — прошипел Максвелл. — Имеете право состоять у него на жалованье. Но осторожней выбирайте способы, как это жалованье отрабатывать! И не попадайтесь на моей дороге!

Резким движением он оттолкнул Черчилла. Тот зашатался, потерял равновесие и покатился

по широким ступеням. Кое-как задержав свое падение, он не встал и продолжал лежать, раскинув руки.

— Надо было сбросить вас с лестницы так, чтобы вы сломали свою поганую шею! — крикнул Максвелл.

Оглянувшись на дом, он обнаружил, что у дверей собралось довольно много людей, которые смотрят на него. Смотрят и переговариваются между собой.

Он повернулся на каблуках и зашагал вниз по ступеням.

Внизу Кэрол мертвой хваткой вцепилась в разъяренного тигренка.

— Я думала, он вот-вот вырвется и растерзает этого субъекта в клочья, — задыхаясь, пробормотала она и посмотрела на Максвелла с плохо скрываемым отвращением. — Неужели вы ни с кем не можете разойтись мирно?

Глава 16

Максвелл спрыгнул с шоссе в том месте, где начиналась лощина Гончих Псов, и несколько минут простоял, вглядываясь в скалистые утесы и резкие очертания осенних обрывов. Дальше по лощине, за желто-красной завесой листвы, он увидел крутой каменистый склон холма Кошачья Берлога, на вершине которого, как ему было известно, стоял, уходя высоко в небо, замок гоблинов, где проживал некий О'Тул. А внизу, в чаще, прятался замшелый каменный мост, обиталище троллей.

Час был еще ранний, потому что Максвелл отправился в путь задолго до рассвета. На траве и кустах, до которых еще не добралось солнце, поблескивала ледяная роса. Воздух оставлял во рту винный привкус, а голубизна неба была такой нежной и светлой, что оно словно вообще не имело цвета. И все это — и небо, и воздух, и скалы, и лес — было пронизано ощущением непонятного ожидания.

Максвелл прошел по горбатому пешеходному мостику, перекинутому через шоссе, и зашагал по тропинке, убегавшей в лощину.

Вокруг него сомкнулись деревья — он шел теперь по затаившей дыхание волшебной стране. Максвелл вдруг заметил, что старается ступать медленно и осторожно, опасаясь нарушить лесное безмолвие резким движением или шумом. С балдахина ветвей над ним, неторопливо кружа, слетали листья — трепещущие разноцветные крылышки — и устилали землю мягким ковром. Тропку перед ним торопливым клубочком перебежала мышь, и опавшие листья даже не зашуршали под ее лапками. Вдали стрекотала голубая сойка, но деревья приглушали и смягчали ее пронзительный голос.

Тропка разделилась на две — левая продолжала виться по лощине, правая свернула к обрыву. Максвелл пошел по правой тропинке. Ему предстоял долгий и утомительный подъем, но он не торопился и был намерен устраивать частые передышки. В такой день, подумал он, просто грех спешить, экономя время, которое можно провести здесь, среди красок и тишины.

Крутая тропинка петляла, огибая огромные, припавшие к земле валуны в бахроме седых лишайников. Ее со всех сторон обступали древесные стволы — грубая темная кора вековых дубов оттенялась атласной белизной берез в

мелких коричневых пятнышках там, где тонкая кора скрутилась в трубочку, но все еще льнула к родному дереву, трепеща на ветру. Над грудой валежника поднималась пирамида ариземы, осыпанная багряными ягодами, и лиловые листья обвисали, как рваная мантия.

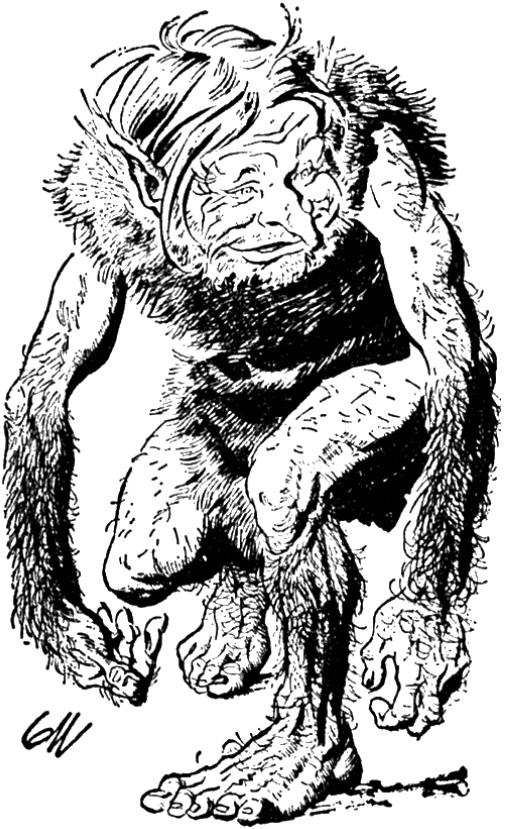
Максвелл не спеша взбирался по склону, часто останавливаясь, чтобы оглядеться и вдохнуть аромат осени, окутывавший все вокруг. В конце концов он дошел до лужайки, на которую опустился автолет Черчилла, когда тролли наложили на него заклятие. Отсюда тропа вела прямо к замку гоблинов.

Он постоял на лужайке, переводя дух, а потом пошел дальше. На огороженном жердями пастбище Доббин — или другой, очень похожий на него конь общипывал редкие пучки скудной травы. Над башенками замка кружили голуби, а в остальном он казался вымершим.

Внезапно благостная тишина утра была нарушена оглушительными воплями, и из распахнутых ворот замка вывалилась орава троллей, которые двигались довольно странным строем. Они шли тремя вереницами, и каждая вереница тянула канат совсем как волжские бурлаки в старину, решил Максвелл, вспомнив картину,

которую ему как-то довелось увидеть. Тролли выбрались на подъемный мост, и Максвелл увидел, что все три каната привязаны к большому обтесанному камню — тролли волочили его за собой, и он, подпрыгивая на мосту, глухо гремел.

Старый Доббин дико ржал и бегал по кругу с внутренней стороны забора, вскидывая задом.



Тролли тяжелой рысцой спускались по тропе — темно-коричневые морщинистые злобные лица, длинные сверкающие клыки, спутанные гривы волос, дыбящиеся больше обычного, — а позади них, поднимая клубы пыли, грузно полз камень.

Из ворот замка выплеснулась кипящая волна гоблинов, которые размахивали дубинками, мотыгами, вилами — короче говоря, всем, что подвернулось им под руку.

Максвелл поспешно посторонился, пропуская троллей. Они бежали молча, решительно, всем весом налегая на канаты, а за ними, испуская пронзительные воинственные клики, мчалась орда гоблинов.

Впереди, тяжело переваливаясь, несся мистер О'Тул; лицо и шея у него посинели от гнева, а в руке была зажата скалка.

В том месте, где Максвелл сошел с тропы, она круто уходила вниз по каменистому склону к лужайке фей. Камень, который волокли тролли, над самым спуском ударился о выступ скалы и подпрыгнул высоко в воздух. Канаты провисли, и камень, еще раз подпрыгнув, стремительно покатился по склону.

Какой-то тролль оглянулся и отчаянно завопил, предупреждая остальных. Бросив канаты, тролли

кинулись врассыпную. Камень, набирая скорость с каждым оборотом, промчался мимо, обрушился на лужайку, опять подскочил, оставив огромную вмятину, и скользнул по траве к деревьям. Поперек бального зала фей протянулась безобразная полоса вывороченного дерна, а камень ударился о ствол могучего дуба в дальнем конце лужайки и, наконец, остановился.

Гоблины, оглушительно крича, кинулись в лес за разбежавшимися похитителями камня. Преследуемые вопили от страха, преследователи — от ярости, по холму раскатывались эхо и треск кустов, ломающихся под тяжестью множества тел.

Максвелл перешел через тропу и направился к огороженному пастбищу. Старый Доббин уже успокоился и стоял, положив морду на верхнюю жердь, словно ему нужна была подпорка. Конь с любопытством наблюдал за тем, что происходило у подножия холма.

Максвелл положил ладонь на шею Доббина, погладил коня и ласково потянул его за ухо. Доббин скосил на него кроткий глаз и задвигал верхней губой.

— Надеюсь, — сказал ему Максвелл, — они не заставят тебя волочить этот камень назад в за-

мок. Подъем тут крутой и длинный.

Доббин лениво дернул ухом.

— Ну, насколько я знаю О'Тула, тебе этого делать не придется. Если ему удастся переловить троллей, камень потащат они.

Шум у подножия холма тем временем стих, и вскоре, пыхтя и отдуваясь, на тропу вышел мистер О'Тул и начал взбираться по склону. Скалку он нес на плече. Лицо у него все еще отливало синевой, но уже не от бешенства, а от усталости. Он свернул с тропы к пастбищу, и Максвелл поспешил ему навстречу.

— Приношу глубочайшие извинения, — произнес мистер О'Тул настолько величественно, насколько позволяла одышка. — Я заметил вас и обрадован вашим присутствием, но меня отвлекло весьма важное и весьма настоятельное дело. Вы, я подозреваю, присутствовали при этой гнуснейшей подлости.

Максвелл кивнул.

— Они забрали мой сажальный камень, — гневно объявил мистер О'Тул, — со злобным и коварным намерением обречь меня на пешее хождение.

— Пешее? — переспросил Максвелл.

— Вы, как я вижу, лишь слабо постигаете смысл

случившегося. Мой сажальный камень, на который я должен взобраться, чтобы сесть на спину Доббина. Без сажального камня верховой езде приходит конец, и я обречен ходить пешком с большими страданиями и одышкой.

— Ах, вот что! — сказал Максвелл. — Как вы совершенно справедливо заметили, сперва я не постиг смысла случившегося.

— Эти подлые тролли! — мистер О'Тул в ярости заскрежетал зубами. — Ни перед чем не останавливаются, негодяи! Сначала сажальный камень, а потом и замок — кусочек за кусочком, камушек за камушком, пока не останется ничего, кроме голой скалы, на которой он некогда высился. При подобных обстоятельствах необходимо со стремительной решимостью подавить зародыш их намерений.

Максвелл посмотрел вниз.

— И как же это кончилось? — спросил он.

— Мы обратили их в паническое бегство, — удовлетворенно сказал гоблин. — Они разбежались, как цыплята. Мы вытащим их из-под скал и из тайников в чаще, а потом взнуздаем, точно мулов, на которых они разительно похожи, и они, потрудившись хорошенько, втащат сажальный камень туда, откуда его забрали.

— Они сводят с вами счеты за то, что вы срыли их мост.

Мистер О'Тул в раздражении отколол лихое коленце.

— Вы ошибаетесь! — вскричал он. — Из великого и незаслуженного сострадания мы не стали его срывать. Обошлись двумя камушками, двумя крохотными камушками и большим шумом. И тогда они сняли чары с помела, а также со сладкого октябрьского эля, и мы, будучи простыми душами, приверженными к доброте и незлобивости, спустили им все остальное.

— Они сняли чары с эля? Но ведь некоторые химические изменения необратимы и…

Мистер О'Тул смерил Максвелла презрительным взглядом.

— Вы, — сказал он, — лепечете на ученом жаргоне, пригодном только для чепухи и заблуждений. Мне непостижимо ваше пристрастие к этой вашей науке, когда, будь у вас охота учиться и попроси вы нас, вам открылась бы магия. Хотя должен признать, что расколдованный эль не безупречен. В его вкусе ощущается намек на затхлость. Впрочем, и такой эль все же лучше, чем ничего. Если вы согласны составить мне компанию, мы могли бы его испробовать.

— За весь день, — ответил Максвелл, — не было сказано ничего приятнее!

— Так удалимся же, — воскликнул мистер О'Тул, — под сень сводов, где гуляют сквозняки — и все по вашей милости, по милости смешных людишек, которые воображают, будто мы обожаем развалины. Так удалимся же туда и угостимся большими кружками пенного напитка.

В большом зале замка, где отчаянно дуло, мистер О'Тул вытащил втулку из огромной бочки, покоившейся на больших козлах, наполнил до краев большие кружки и отнес их на дощатый стол возле большого каменного очага, в котором еле теплилось дымное пламя.

— А главное кощунство в том, — произнес мистер О'Тул, поднося кружку к губам, — что это возмутительное похищение сажального камня было совершено как раз тогда, когда мы приступили к поминовению.

— К поминовению? — переспросил Максвелл. — Мне очень грустно это слышать. Я не знал…

— Нет-нет, никто из наших! — поспешно сказал О'Тул. — За возможным исключением меня самого, все племя гоблинов пребывает в свински прекрасном здравии. Мы поминали банши.

— Но ведь банши не умер!

— Да, но он умирает. И как это печально! Он последний представитель великого и благородного племени в этом заповеднике, а тех, кто еще сохранился в других уголках мира, можно пересчитать по пальцам на одной руке, и пальцев более чем хватит.

Гоблин поднял кружку и, почти засунув в нее физиономию, принялся пить долго и с наслаждением. Когда он поставил кружку на стол, оказалось, что на его бакенбарды налипла пена, но он не стал ее вытирать.

— Мы вымираем весьма ощутимо, — сказал он, погрустнев. — Планета изменилась. Все мы, весь маленький народец и те, кто не так уж мал, спускаемся в долину, где тени густы и непроницаемы, мы уходим от всего живого, и нам настает конец. И содрогаешься, так это горько, ибо мы были доблестным племенем, несмотря на многие наши недостатки. Даже тролли, пока они не выродились, все еще сохраняли в целости некоторые слабые добродетели, хотя и я заявляю громогласно, что ныне никакая добродетель им не свойственна вовсе. Ибо кража сажального камня — это самая низкая подлость, ясно показывающая, что они лишены какого бы то ни было

благородства духа.

Он вновь поднес кружку к губам и осушил ее до дна двумя-тремя большими глотками. Затем со стуком поставил ее на стол и поглядел на еще полную кружку Максвелла.

— Пейте же, — сказал мистер О'Тул. — Пейте до дна, и я их снова наполню, чтобы получше промочить глотку.

— Наливайте себе, не дожидаясь меня, — сказал Максвелл. — Но разве можно пить эль так, как пьете его вы? Его следует хорошенько распробовать и посмаковать.

Мистер О'Тул пожал плечами.

— Наверное, я жадная свинья. Но это же расколдованный эль, и смаковать его не стоит.

Тем не менее гоблин встал и вперевалку направился к бочке. Максвелл поднес кружку к губам и отхлебнул. О'Тул сказал правду — в эле чувствовалась затхлость, отдававшая привкусом паленых листьев.

— Ну? — спросил гоблин.

— Его вкус необычен, но пить можно.

— Придет день, и мост этих троллей я срою до основания, — внезапно взъярился мистер О'Тул. — Разберу камень за камнем, соскребая мох самым тщательным образом, чтобы разру-

шить чары, а потом молотом раздроблю камни на мельчайшие кусочки, а кусочки подниму на самый высокий утес и разбросаю их вдаль и вширь, дабы за всю вечность не удалось бы их собрать. Вот только, — добавил он, понурившись, — какой это будет тяжкий труд! Но соблазн велик. Этот эль был самым бархатным, самым сладким, какой только удавалось нам сварить. А теперь взгляните — свиное пойло! Да и свиньи им побрезгуют! Но был бы великий грех вылить даже такие мерзкие помои, если им наименование «эль».

Он схватил кружку и рывком поднес ее к губам. Его кадык запрыгал, и он поставил кружку, только когда выпил ее до дна.

— А если я причиню слишком большие повреждения этому гнуснейшему из мостов, — сказал он, — и эти трусливые тролли начнут хныкать перед властями, вы, люди, призовете меня к ответу, потребуете, чтобы я объяснил свои мысли. А как стерпеть подобное? В том, чтобы жить по правилам, нет благородства, и радости тоже нет — скверным был день, когда возник человеческий род.

— Друг мой! — сказал Максвелл ошеломленно. — Прежде вы мне ничего подобного не говорили.

— Ни вам и ни одному другому человеку, — ответил гоблин. — И ни перед одним человеком в мире, кроме как перед вами, не мог бы я выразить свои чувства. Но может быть, я предался излишней словоохотливости.

— Вы прекрасно знаете, — сказал Максвелл, — что наш разговор останется между нами.

— Конечно, — согласился мистер О'Тул. — Об этом я не тревожусь. Вы ведь почти один из нас. Вы настолько близки к гоблину, насколько это дано человеку.

— Для меня ваши слова — большая честь, — заверил его Максвелл.

— Мы — древнее племя, — сказал мистер О'Тул. — Много древнее, думается мне, чем может помыслить человеческий разум. Но может быть, вы все-таки изопьете этот мерзейший и ужаснейший напиток и наполните заново свою кружку?

Максвелл покачал головой.

— Но себе вы налейте. Я же буду попивать свой эль не торопясь, а не глотать его единым духом.

Мистер О'Тул совершил еще одно паломничество к бочке, вернулся с полной до краев кружкой, брякнул ее на стол и расположился за ним со всем возможным удобством.

— Столько долгих лет миновало, — сказал он,

скорбно покачивая головой. — Столько долгих, невероятно долгих лет, а потом явился щуплый грязный примат и все нам испортил.

— Давным-давно… — задумчиво произнес Максвелл. — А как давно? Еще в юрском периоде?

— Вы говорите загадками. Мне это обозначение неизвестно. Но нас было много, и самых разных, а теперь нас мало, и далеко не все из прежних дотянули до этих пор. Мы вымираем медленно, но неумолимо. И скоро займется день, который не увидит никого из нас. Тогда все это будет принадлежать только вам, людям.

— Вы расстроены, — осторожно сказал Максвелл. — Вы же знаете, что мы вовсе этого не хотим. Мы приложили столько усилий…

— С любовью приложили? — перебил гоблин.

— Да. Я даже скажу — с большой любовью.

По щеке гоблина поползли слезы, и он принялся утирать их волосатой мозолистой лапой.

— Не надо принимать меня во внимание, — сказал он. — Я погружен в глубокое расстройство. Это из-за банши.

— Разве банши ваш друг? — с некоторым удивлением спросил Максвелл.

— Нет, он мне не друг! — решительно объявил

мистер О'Тул. — Он стоит по одну сторону ограды, а я — до другую. Старинный враг, и все-таки один из наших. Один из истинно древних. Он выдержал дольше других. И упорнее сопротивлялся смерти. Другие все мертвы. И в подобные дни старые раздоры отправляются на свалку. Мы не можем сидеть с ним, как того требует совесть, но в возмещение мы воздаем ему посильную честь поминовения. И тут эти ползучие тролли без капли чести на всю компанию…

— Как? Никто… никто здесь в заповеднике не захотел сидеть с банши в час его смерти?

Мистер О'Тул устало покачал головой.

— Ни единый из нас. Это против закона, в нарушение древнего обычая. Я не могу сделать это вам понятным… он за оградой.

— Но он же совсем один!

— В терновнике, — сказал гоблин. — В терновом кусте возле хижины, которая служила ему обиталищем.

— В терновом кусте?

— Колючки терновника, — сказал гоблин, — таят волшебство, в его древесине… — он всхлипнул, поспешно схватил кружку и поднес ее к губам. Его кадык задергался.

Максвелл сунул руку в карман и извлек фото-

графию картины Ламберта, которая висела на стене зала у Нэнси Клейтон.

— Мистер О'Тул, — сказал он, — я хочу показать вам вот это.

Гоблин поставил кружку.

— Ну, так показывайте! — проворчал он. — Столько обиняков, когда у вас есть дело.

Он взял фотографию и начал внимательно ее разглядывать.

— Тролли! — сказал он. — Ну конечно! Но тех, других, я не узнаю. Словно бы я должен их узнать, но не могу. Есть сказания, древние-древние сказания…

— Оп видел эту картину. Вы ведь знаете Опа?

— Дюжий варвар, который утверждает, будто он ваш друг.

— Он правда мой друг. И он вспомнил этих. Они — древние, из незапамятных времен.

— Но какие чары помогли получить их изображение?

— Этого я не знаю. Снимок сделан с картины, которую написал человек много лет назад.

— Но как он…

— Не знаю, — сказал Максвелл. — По-моему, он побывал там.

Мистер О'Тул заглянул в свою кружку и увидел,

что она пуста. Пошатываясь, он пошел к бочке и наполнил кружку. Потом вернулся к столу, взял фотографию и снова внимательно посмотрел на нее, хотя и довольно смутным взглядом.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Среди нас были и другие. Много разных, которых больше нет. Мы здесь — жалкое охвостье некогда великого населения планеты. — Он перебросил фотографию через стол Максвеллу. Может быть, банши скажет. Его годы уходят в тьму времен.

— Но ведь банши умирает.

— Да, умирает, — вздохнул мистер О'Тул. — И черен этот день, и горек этот день для него, потому что никто не сидит с ним.

Он поднял кружку.

— Пейте, — сказал он. — Пейте до дна. Если выпить сколько нужно, может быть, станет не так плохо.

Глава 17

Максвелл обогнул полуразвалившуюся хижину и увидел терновник у ее входа. В нем было что-то странное — словно облако мрака расположилось по его вертикальной оси, и казалось, будто видишь массивный ствол, от которого отходят короткие веточки с колючками. Если О'Тул сказал правду, подумал Максвелл, — это темное облако и есть умирающий банши.

Он медленно приблизился к терновнику и остановился в трех шагах от него. Черное облако беспокойно заколыхалось, словно клубы дыма на легком ветру.

— Ты банши? — спросил Максвелл у терновника.

— Если ты хочешь говорить со мной, — сказал банши, — ты опоздал.

— Я пришел не говорить, — ответил Максвелл. — Я пришел сидеть с тобой.

— Тогда садись, — сказал банши. — Это будет недолго.

Максвелл сел на землю и подтянул колени к груди, а ладонями уперся в сухую жухлую траву. Внизу осенняя долина уходила к дальнему горизонту, к холмам на северном берегу реки, совсем не похожим на холмы этого, южного берега — отлогие и симметричные, они ровной чередой поднимались к небу, как ступени огромной лестницы.

Над гребнем позади него захлопали крылья, и стайка дроздов стремительно пронеслась сквозь легкий голубой туман, который висел над узким оврагом, круто уходившим вниз. Но когда стих этот недолгий шум крыльев, вновь наступила мягкая ласковая тишина, не таившая в себе угроз и опасностей, мечтательная тишина, одевавшая холмы спокойствием.

— Другие не пришли, — сказал банши. — Сначала я думал, что они все-таки придут. На мгновение я поверил, что они могут забыть и прийти. Теперь среди нас не должно быть различий. Мы едины

в том, что потерпели поражение и низведены на один уровень. Но старые условности еще живы. Древние обычаи еще сохраняют силу.

— Я был у гоблинов, — сказал Максвелл. — Они устроили поминовение по тебе. О'Тул горюет и пьет, чтобы притупить горе.

— Ты не принадлежишь к моему народу, — сказал банши. — Ты вторгся сюда незваный. Но ты говоришь, что пришел сидеть со мной. Почему ты так поступил?

Максвелл солгал. Ничего другого ему не оставалось. Он не мог сказать умирающему, что пришел, чтобы получить сведения.

— Я работал с твоим народом, — произнес он наконец. — И принимаю близко к сердцу все, что его касается.

— Ты Максвелл, — сказал банши. — Я слышал про тебя.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Максвелл. — Могу ли я чем-нибудь тебе помочь? Может быть, ты чего-нибудь хочешь?

— Нет, — сказал банши. — У меня больше нет ни желаний, ни потребностей. Я почти ничего не чувствую. В том-то и дело, что я ничего не чувствую. Мы умираем не так, как вы. Это не физиологический процесс. Энергия истекает из

меня, и в конце концов ее не останется вовсе. Как мигающий язычок пламени, который дрожит и гаснет.

— Мне очень жаль, — сказал Максвелл. — Но может быть, разговаривая, ты ускоряешь…

— Да, немного, но мне все равно. И я ни о чем не жалею. И ничего не оплакиваю. Я почти последний из нас. Если считать со мной, то нас всего трое, а меня считать уже не стоит. Из тысяч и тысяч нас осталось только двое.

— Но ведь есть же гоблины, и тролли, и феи…

— Ты не понимаешь, — сказал банши. — Тебе не говорили. А ты не догадался спросить. Те, кого ты назвал, — более поздние; они пришли после нас, когда юность планеты уже миновала. А мы были колонистами. Ты же, наверное, знаешь это.

— У меня возникли такие подозрения, — ответил Максвелл, — за последние несколько часов.

— А ты должен был бы знать, — сказал банши. — Ты ведь побывал на старшей планете.

— Откуда ты знаешь? — ахнул Максвелл.

— А как ты дышишь? — спросил банши. — Как ты видишь? Для меня держать связь с древней планетой так же естественно, как для тебя дышать и видеть. Мне не сообщают. Я знаю и так.

Так вот, значит, что! Источником сведений,

которыми располагал колесник, был банши. А о том, что банши может знать то, что не известно больше никому, вероятнее всего, догадался Черчилл, и он же сообщил об этом колеснику.

— А остальные? Тролли и…

— Нет, — сказал банши. — Путь был открыт только для нас, для банши. Это была наша работа, единственное наше назначение. Мы были звеньями между старшей планетой и Землей. Мы были связными. Когда старшая планета начала колонизировать необитаемые миры, необходимо было создать средства связи. Мы все были специалистами, хотя эти специальности теперь утратили смысл, а самих специалистов почти не осталось. Первые были специалистами. А те, кто появился позже, были просто поселенцами, задача которых сводилась лишь к тому, чтобы освоить новые земли.

— Ты говоришь про троллей и гоблинов?

— Про троллей, и гоблинов, и всех прочих. Они, бесспорно, обладали способностями, но не специализированными. Мы были инженерами, они — рабочими. Нас разделяла пропасть. Вот почему они не захотели прийти сидеть со мной. Древняя пропасть существует по-прежнему.

— Ты утомляешься, — сказал Максвелл. — Тебе

следует поберечь силы.

— Это не имеет значения. Энергия истекает из меня, и когда она иссякнет совсем, с ней иссякнет жизнь. Мое умирание не материально, не телесно, поскольку у меня никогда не было настоящего тела. Я представлял собой сгусток энергии. Впрочем, это не имеет значения. Ведь старшая планета умирает. Ты ее видел и знаешь.

— Да, я знаю, — сказал Максвелл.

— Все было бы совсем иначе, если бы не люди. Когда мы явились сюда, здесь и млекопитающих почти не было, не говоря уж о приматах. Мы могли бы воспрепятствовать развитию приматов. Мы могли бы уничтожить их еще в зародыше. Вопрос о таких мерах ставился, так как эта планета казалась очень многообещающей, и нам было трудно смириться с мыслью, что мы должны отказаться от нее. Но существует древний закон; разум слишком редок во вселенной, чтобы кто-нибудь имел право становиться на пути его развития. Нет ничего драгоценней — и когда мы с большой неохотой отступили с его дороги, мы признали этим всю его драгоценность.

— Но вы остались здесь! — заметил Максвелл. — Может быть, вы не преградили ему путь, но вы остались.

— Было уже поздно, — ответил банши. — Нам некуда было уйти. Старшая планета умирала уже тогда. Возвращаться не имело смысла. А эта планета, как ни странно, стала для нас родной.

— Вы должны ненавидеть нас, людей.

— Одно время мы вас и ненавидели. Вероятно, следы этого сохраняются и теперь. Со временем ненависть перегорает. И только тлеет, хотя и не исчезает. А может быть, ненавидя, мы немного гордились вами. Иначе почему старшая планета предложила вам свои знания?

— Но вы предложили их и колеснику!

— Колеснику?.. А, да! Но мы ничего ему не предлагали. Где-то в глубоком космосе этот колесник, по-видимому, прослышал о существовании старшей планеты и о том, что она располагает чем-то, что хотела бы продать. Он пришел ко мне и задал только один вопрос: какова цена этого движимого имущества? Я не знаю, имеет ли он представление, что именно продается. Он сказал просто — «движимое имущество».

— И ты открыл ему, что обусловленная цена это Артефакт?

— Конечно. Потому что тогда мне еще не сообщили о тебе. Позже меня действительно поставили в известность, что по истечении опре-

деленного времени я должен буду сообщить цену тебе.

— И конечно, ты как раз собирался это сделать, — заметил Максвелл.

— Да, — сказал банши, — я как раз собирался это сделать. И вот теперь сделал. Вопрос исчерпан.

— Ты можешь сказать мне еще одно. Что такое Артефакт?

— Этого я не могу сказать.

— Не можешь или не хочешь?

— Не хочу, — сказал банши.

«Преданы!» — подумал Максвелл. Человечество предано этим умирающим существом — ведь банши, что бы он ни говорил, вовсе не собирался сообщать ему цену. Бесчисленные тысячелетия банши ненавидел человечество неутолимой холодной ненавистью. И теперь, уходя в небытие, он, издеваясь, рассказал пришедшему к нему человеку обо всем, чтобы тот узнал, как было предано человечество, чтобы люди знали, чего они лишились.

— И ты сообщил колеснику про меня! — воскликнул Максвелл. — Вот почему Черчилл оказался на станции, когда я вернулся на Землю. Он говорил, что и сам только что вернулся из деловой поездки, но, конечно, он никуда не ездил.

Максвелл гневно вскочил на ноги.

— А тот я, который умер?

Он угрожающе шагнул к терновнику, но терновник был пуст. Темное облако, колыхавшееся среди его веток, исчезло. Они четким узором рисовались на фоне закатного неба.

Исчез, подумал Максвелл, Не умер, но исчез. Субстанция стихийного существа распалась на составные элементы, невообразимые узы, соединявшие их в странное подобие живого существа, наконец, настолько ослабели, что оно иссякло, рассеялось в воздухе и в солнечном свете, как щепотка пыли на ветру.

С живым банши ладить было трудно. Но и мертвый он не стал ближе и доступнее. Еще несколько минут назад Максвелл испытывал к нему сострадание, какое вызывают в человеке все умирающие, но теперь он понял, что сострадание было неуместно: банши умер, безмолвно смеясь над человечеством.

Оставалась одна надежда — уговорить Институт времени отложить продажу Артефакта, пока он не переговорит с Арнольдом, не расскажет ему всего, не убедит в правдивости своего рассказа, который, как прекрасно понимал Максвелл, выглядел теперь даже еще более фантастичным,

чем прежде.

Он повернулся и начал спускаться в овраг. На опушке он остановился и посмотрел на вершину холма. Терновник на фоне неба казался крепким и материальным, его корни цепко держались за почву.

Проходя мимо лужайки фей, Максвелл обнаружил, что там угрюмо трудятся тролли — они заравнивали взрыхленную землю и укладывали новый дерн взамен вырванного катившимся камнем. Самого камня нигде не было видно.

Глава 18

Максвелл проехал уже половину пути до Висконсинского университетского городка, когда возле него внезапно возник Дух и опустился на соседнее сиденье.

— Я с поручением от Опа, — начал он сразу же. — Тебе нельзя возвращаться в хижину. Газетчики напали на твой след. Когда они явились с расспросами, Оп принялся действовать, на мой взгляд, довольно необузданно. Он накинулся на них с кулаками, но они все равно болтаются в окрестностях хижины, подстерегая тебя.

— Спасибо за предупреждение, — сказал Максвелл. — Хотя теперь, пожалуй, это большой разницы не составит.

— События развиваются не слишком удачно? — спросил Дух.

— Они вообще не развиваются, — ответил Максвелл и после некоторого колебания добавил: — Вероятно, Оп ввел тебя в курс дела?

— Мы с Опом — одно, — сказал Дух. — Да, конечно, он мне, все рассказал. Он, очевидно, полагал, что ты не станешь возражать. Но во всяком случае, можешь быть совершенно спокоен…

— Я просто хотел знать, нужно ли мне декламировать все сначала, — объяснил Максвелл. — Значит, тебе известно, что я отправился в заповедник показать там фотографию картины Ламберта.

— Да, — скрывал Дух. — Той, которая находится у Нэнси Клейтон.

— У меня такое ощущение, — продолжал Максвелл, — что я узнал больше, чем рассчитывал. Во всяком случае, я узнал одно обстоятельство, которое отнюдь не облегчает дела. Цену, назначенную хрустальной планетой, колеснику сообщил банши. Ему было поручено назвать ее мне, но он предпочел колесника. Он утверждал, что колесник явился к нему до того, как он узнал про меня, но мне что-то не верится. Банши умирал, когда рассказывал мне все это, но отсюда вовсе не следует, будто он говорил правду. Банши никогда нельзя было доверять.

— Банши умирает?

— Уже умер. Я сидел с ним до конца. Фотографию картины я ему показывать не стал. У меня не хватило духа допрашивать его в такую минуту.

— И все-таки он рассказал тебе о колеснике?

— Только для того, чтобы я понял, как он ненавидел человеческий род с самого начала его восхождения по эволюционной лестнице. И

еще — чтобы я понял, что ему в конце концов удалось расквитаться с нами. Ему явно хотелось сказать, что и гоблины, и все остальные обитатели холмов тоже нас ненавидят, но на это он все-таки не решился. Зная, наверное, что я все равно не поверю. Правда, еще перед этим, в разговоре с О'Тулом я понял, что отголоски какой-то давней неприязни, возможно, и существуют. Да, пожалуй, неприязни, но никак не ненависти. Однако из слов банши следовало, что Артефакт действительно собираются продать и что Артефакт это и есть цена, назначенная хрустальной планетой. Я так и подозревал с самого начала. А вчера колесник это подтвердил. Впрочем, абсолютной уверенности у меня все-таки нет хотя бы потому, что и сам колесник, по-видимому, не слишком уверен, как обстоит дело. Иначе зачем ему понадобилось подстерегать меня и предлагать работу? Получилось, что он хочет от меня откупиться, словно знает, что я каким-то образом могу сорвать сделку, которой он добивается.

— Итак, перспектива выглядит довольно безнадежной, — заметил Дух. — Друг мой, мне очень жаль. Не могли бы мы как-нибудь помочь? Оп, и я, и, может быть, даже та девушка, которая столь доблестно пила с тобой и Опом. Та, с тигренком.

— Несмотря на всю эту безнадежность, — ответил Максвелл, — я могу еще кое-что предпринять — пойти к Харлоу Шарпу в Институт времени и убедить его отложить продажу, а потом силой вломиться в административный корпус и загнать Арнольда в угол. Если мне удастся убедить Арнольда предложить Харлоу для финансирования его программ столько же, сколько предлагает колесник, тот, конечно, предпочтет с колесником дела не иметь.

— Я знаю, что ты не пожалеешь усилий, — заметил Дух. — Но боюсь, кроме неприятностей, это ничего не принесет. Не со стороны Харлоу Шарпа, так как он твой друг… но ректор Арнольд не друг никому. И ему вряд ли понравится, если его загонят в угол.

— Знаешь, что я думаю? — спросил Максвелл. — Я думаю, что ты прав. Но убедиться в этом можно, только попробовав. А вдруг в Арнольде проснется что-то человеческое, и он на минуту забудет, что он — официальное лицо и бюрократ!

— Я должен тебя предупредить, — сказал Дух, — что Харлоу Шарп, возможно, не найдет для тебя свободной минуты — ни для тебя и ни для кого другого. У него сейчас слишком много своих забот. Утром прибыл Шекспир…

— Шекспир! — возопил Максвелл. — А я совсем забыл про него. Да-да, он же читает лекцию завтра вечером. Вот уж невезенье, так невезенье! Обязательно надо было притащить его сюда именно сегодня!

— По-видимому, — продолжал Дух, — сладить с Вильямом Шекспиром оказалось не так-то просто. Он пожелал немедленно начать знакомство с новым веком, о котором ему столько порассказали. Временщики еле-еле смогли убедить его хотя бы сменить елизаветинский костюм на нашу нынешнюю одежду. Он согласился только после того, как они категорически заявили, что иначе не выпустят его из Института. А теперь они трясутся от страха, как бы с ним чего-нибудь не приключилось. Им нужно как-то держать его в руках и в то же время гладить по шерстке. Все билеты распроданы — и на приставные стулья, и на право стоять в проходах, и они больше всего опасаются, что лекция сорвется.

— Откуда тебе все это известно? — поинтересовался Максвелл. — По-моему, ты узнаешь самые свежие сплетни раньше всех.

— Ну, я не сижу на одном месте, — скромно ответил Дух.

— Что ж, хорошего тут мало, — сказал Макс-

велл. — Но придется рискнуть. У меня почти не остается времени. Если Харлоу вообще способен кого-то видеть, то меня он примет.

— Просто не верится, — грустно сказал Дух, — что путь тебе могло преградить столь ужасное стечение обстоятельств. Неужели из-за бюрократической тупости университет и Земля навеки лишатся свода знаний двух вселенных?

— Все дело в колеснике, — проворчал Максвелл. — Если бы не его предложение, все можно было бы сделать спокойно, не торопясь. Будь у меня больше времени, я без труда добился бы своего. Поговорил бы с Харлоу, по инстанциям добрался бы до Арнольда. И вообще я мог бы просто убедить Харлоу — библиотеку хрустальной планеты купил бы непосредственно Институт времени, обойдясь без санкции университета. Но у нас нет времени. Дух, ты что-нибудь знаешь о колесниках? Такое, чего не знаем мы?

— Не думаю. Только одно: возможно, они и есть те гипотетические враги, которых мы всегда опасались встретить в космосе. Их поведение свидетельствует о том, что они действительно враги, во всяком случае потенциальные. Их побуждения, нравы, этика, самое их мироощущение должны кардинально отличаться от наших.

Возможно, у нас с ними меньше общего, чем с осами или пауками. Хотя они и умны… что хуже всего. Они настолько разобрались в наших взглядах, настолько усвоили наши обычаи, что могут общаться с нами и вести с нами дела… как это следует из операции, которую они предприняли, чтобы заполучить Артефакт. Друг мой, меня больше всего пугает именно их ум, их гибкость. Думаю, что в подобной ситуации люди не смогли бы в такой степени приспособиться к обстоятельствам и использовать их.

— Да, ты прав, — ответил Максвелл. — Потому-то мы и не должны допустить, чтобы библиотека хрустальной планеты досталась им. Одному богу известно, что она таит в себе. Я провел там некоторое время, но ознакомился лишь с ничтожной долей ничтожнейшей доли ее сокровищ. И многое на сотню световых лет превосходило мое понимание. Хотя отсюда вовсе не следует, что, располагая временем, которого у меня не было, а также знаниями, которых у меня нет и самое существование которых мне неизвестно, другие люди не сумеют в этом разобраться. Мне кажется, эта задача человечеству по силам. И колесникам тоже. Гигантские области науки, пока совершенно от нас скрытые. И возможно, именно они

должны сыграть решающую роль в нашем споре с колесниками. Если человечество и колесники когда-нибудь столкнутся, возможно, библиотека хрустальной планеты решит вопрос о нашей победе или поражении. И ведь если колесники будут знать, что она находится у нас, они, скорее всего, не пойдут на такое столкновение. Другими словами, судьба этой библиотеки определит, быть ли миру или войне.

Максвелл съежился на своем сиденье, ощутив сквозь тепло мягкого осеннего дня порыв ледяного ветра, который пронесся не с этих багряно-золотых холмов и не с обнимающего их лазурного неба, а откуда-то из неведомого.

— Ты разговаривал с банши перед его смертью, — сказал Дух. — Он упоминал про Артефакт. А он не намекнул, что это может быть такое? Знай мы, что такое Артефакт, мы могли бы…

— Нет, Дух. Он ничего не сказал. Но у меня сложилось впечатление… вернее, у меня мелькнула смутная мысль, слишком неопределенная, чтобы ее можно было назвать впечатлением… И не в тот момент, а позже. Странная догадка, не подкрепленная никакими фактами. Я думаю, что Артефакт — это нечто из другой вселенной, той, которая предшествовала нашей, той, в которой

возникла хрустальная планета. Нечто драгоценное, сохранявшееся миллиарды и миллиарды лет со времен той вселенной. И еще одно: банши и другие древние, которых помнит Оп, были обитателями той вселенной, и между ними и жителями хрустальной планеты существует какая-то связь. Формы жизни, которые зародились, развились и эволюционировали в прошлой вселенной, а потом явились на Землю и другие планеты, как колонисты, пытаясь создать новую цивилизацию, которая пошла бы по пути, начатому хрустальной планетой.

Но что-то случилось. Все эти попытки колонизировать новые планеты потерпели неудачу — у нас на Земле из-за появления человека, а в других местах, возможно, по другим причинам. И, мне кажется, о некоторых из этих причин я догадываюсь. Возможно, расы тоже стареют и сами собой вымирают, уступая место чему-то новому. Может быть, у каждой расы есть свой срок и древние существа несут в себе свой смертный приговор. Наверное, существует какой-то принцип, о котором мы не задумывались, потому что еще очень молоды, — какой-то естественный процесс, расчищающий путь для непрерывной эволюции, чтобы ей ничто не мешало.

— Звучит логично, — заметил Дух. — То есть, что все эти колонии вымерли. Если бы где-нибудь в нашей Вселенной была уцелевшая колония, хрустальная планета передала бы свои знания ей, а не предлагала бы их нам и колесникам, то есть существам, ей чуждым.

— Меня смущает одно, — сказал Максвелл. — Зачем нужен Артефакт обитателям хрустальной планеты, которые так близки к полному вымиранию, что уже стали почти тенями? Какая им от него будет польза? Для чего он им?

— Ответить на это можно, только зная, что он такое, — задумчиво произнес Дух. — Ты уверен, что не мог бы догадаться? Что не видел и не слышал ничего такого, что…

— Нет, — сказал Максвелл, — Ничего.

Глава 19

Вид у Харлоу Шарпа был измученный.

— Прости, что я заставил тебя так долго ждать, — сказал он Максвеллу. — Это был безумный день.

— Я рад, что меня вообще сюда впустили, — сказал Максвелл. — Эта твоя церберша в приемной сначала была склонна указать мне на дверь.

— Я тебя ждал, — объяснил Шарп. — По моим расчетам, ты должен был рано или поздно объявиться. Я наслышался очень странных историй.

— И большинство из них соответствует истине, — сказал Максвелл. — Но я пришел сюда не потому. Считай, что это бредовое посещение, а не дружеский визит. Я не отниму у тебя много времени.

— Отлично, — сказал Шарп. — Ну, так чем же я могу тебе быть полезен?

— Ты продаешь Артефакт?

Шарп кивнул.

— Мне очень жаль, Пит. Я знаю, он интересует тебя и еще кое-кого. Однако он пролежал в музее уже много лет и остается бесполезной диковинкой, на которую глазеют гости университета и

туристы. А нашему институту нужны деньги. Уж тебе-то это известно. Фондов не хватает, а другие факультеты и институты уделяют нам жалкие крохи на составленные ими же программы, и…

— Харлоу, я все это знаю. И полагаю, что ты имеешь право его продать. Когда вы доставили Артефакт сюда, университет, помнится, не заинтересовался им. И все расходы по доставке легли на вас…

— Нам приходится экономить, клянчить, занимать, — сказал Шарп. — Мы разрабатывали программу за программой — полезные, нужные программы, которые сторицей окупились бы, позволив собрать новые сведения, получить новые знания, — и они никого не привлекли! Только подумай! Можно раскопать все прошлое — и никому это не интересно. Пожалуй, кое-кто опасается, что мы камня на камне не оставим от некоторых излюбленных теориек, которые кого-то кормят и поят. Вот нам и приходится всякими путями добывать средства для своих исследований. Думаешь, мне нравятся номера, к которым мы прибегаем, вроде этого представления с Шекспиром и всего прочего? Никакой пользы это нам не принесло. Только поставило нас в унизительное положение, не говоря уж о неприятностях и

хлопотах. Ты себе представить не можешь, Пит, что это такое. Возьми, к примеру, хоть Шекспира. Он где-то разгуливает как турист, а я сижу здесь и обгрызаю ногти чуть ли не до локтей, воображая все, что с ним может приключиться. А ты понимаешь, какая поднимется буча, если такого человека, как Шекспир, не вернуть в его эпоху? Человека, который…

Максвелл перебил его, пытаясь возвратиться к своему делу:

— Я не спорю с тобой, Харлоу. И я пришел не для того…

— И вдруг, — продолжал Шарп, не слушая, — вдруг подвертывается возможность продать Артефакт. И за сумму, которой от университетских сквалыг не дождешься и в сто лет. Пойми же, что значит для нас эта продажа! Мы получим возможность заняться настоящими исследованиями, которых не вели из-за недостатка средств. Конечно, я знаю, что такое колесники. Когда Черчилл явился нас прощупывать, мне сразу стало ясно, что он представляет какое-то неизвестное лицо. Но это меня не устраивало. Никаких неизвестных лиц! Я взял Черчилла за горло и наотрез отказался разговаривать с ним до тех пор, пока не узнаю, для кого он служит ширмой. А когда он

мне сказал, мне стало тошно, но я все-таки начал переговоры, так как знал, что другого такого шанса пополнить наши фонды нам не представится. Я бы хоть с самим дьяволом вступил в сделку, чтобы получить такие деньги.

— Харлоу, — сказал Максвелл, — я прошу тебя только об одном: пока ничего не решай окончательно. Дай мне немного времени…

— А зачем тебе время?

— Мне нужен Артефакт.

— Артефакт? Но зачем?

— Я могу выменять его на планету, — сказал Максвелл. — На планету, хранящую знания не одной, а двух вселенных. Знания, накопленные за пятьдесят миллиардов лет.

Шарп наклонился вперед, но тут же вновь откинулся на спинку кресла.

— Ты говоришь серьезно, Пит? Ты меня не разыгрываешь? Я слышал странные вещи — что ты раздвоился и один из вас был убит. А ты прятался от репортеров, а возможно, и от полиции. Кроме того, у тебя вышел какой-то скандал с администрацией.

— Харлоу, я могу тебе все объяснить, но вряд ли это нужно. Ты, вероятно, мне не поверишь. Но я говорю правду. Я могу купить планету…

— Ты? Для себя?

— Нет, не для себя. Для университета. Вот почему мне нужно время — добиться приема у Арнольда…

— И получить его согласие? Пит, можешь и не надеяться. Ты ведь не поладил с Лонгфелло, а парадом тут командует он. Даже если бы ты был официально уполномочен…

— Ну да! Да! Можешь мне поверить. Я разговаривал с обитателями планеты, я видел их библиотеку…

Шарп покачал головой.

— Мы с тобой друзья давно, очень давно, — сказал он. — Я готов для тебя сделать что угодно. Но только не это. Я не могу так подвести свой Институт. К тому же, боюсь, ты все равно опоздал.

— Как — опоздал?

— Условленная сумма была заплачена сегодня. Завтра утром колесник заберет Артефакт. Он хотел забрать его немедленно, но возникли затруднения с перевозкой.

Максвелл молчал, оглушенный этой новостью.

— Вот так, — сказал Шарп. — От меня теперь уже ничего не зависит.

Максвелл встал, но тут же снова сел.

— Харлоу, а если мне удастся увидеться с Ар-

нольдом сегодня вечером? Если мне удастся убедить его и он заплатит вам столько же…

— Не говори глупостей! — перебил Шарп. — Он грохнется в обморок, когда ты назовешь ему цифру.

— Так много?

— Так много, — ответил Шарп.

Максвелл медленно встал.

— Я должен сказать тебе кое-что, — продолжал Шарп. — Каким-то образом ты нагнал страху на колесника. Сегодня утром ко мне явился Черчилл и с пеной у рта потребовал, чтобы я завершил продажу сейчас же. Жаль, что ты не пришел ко мне раньше. Может быть, мы что-нибудь и придумали бы, хотя я не представляю себе — что.

Максвелл пошел к двери, в нерешительности остановился, а потом вернулся к столу, за которым сидел Шарп.

— Еще один вопрос… О путешествиях во времени. У Нэнси Клейтон есть картина Ламберта…

— Да, я слышал.

— На заднем плане там написан холм с камнем на вершине. Я готов поклясться, что этот камень — Артефакт. А Оп говорит, что он помнит существа, изображенные на картине, — видел их в своем каменном веке. И ведь ты действитель-

но нашел Артефакт на холме в юрский период. Откуда Ламберт мог знать, что он лежал на этой вершине? Артефакт же был найден через несколько веков после его смерти. Мне кажется, Ламберт видел Артефакт и те существа, которые изобразил на своей картине. Я полагаю, он побывал в мезозое. Ведь шли какие-то толки про Симонсона, верно?

— Я вижу, куда ты клонишь, — сказал Шарп. — Что ж, это, пожалуй, могло быть. Симонсон работал над проблемами путешествия во времени в двадцать первом веке и утверждал, что чего-то добился, хотя у него не ладилось с контролем. Существует легенда, что он потерял во времени одного путешественника, а то и двух — послал их в прошлое и не сумел вернуть. Но вопрос о том, действительно ли у него что-нибудь получилось, так и остался нерешенным. Его заметки, те, которые находятся у нас, очень скупы. Никаких работ он не публиковал. Свои исследования вел втайне, так как верил, что на путешествиях во времени можно нажить сказочное богатство — заключать контракты с научными экспедициями, любителями охоты и так далее и тому подобное. Рассчитывал даже побывать в доисторической Южной Африке и обчистить кимберлийские

алмазные поля. Поэтому свою работу он хранил в глубочайшем секрете, и никто ничего о ней точно не знает.

— Но ведь это все-таки могло произойти? — требовательно спросил Максвелл. — Эпоха совпадает. Симонсон и Ламберт были современниками, а стиль Ламберта претерпел внезапное изменение… словно с ним что-то произошло. И это могло быть путешествием во времени!

— Да, конечно, — сказал Шарп. — Но не думаю.

Глава 20

Когда Максвелл вышел из Института времени, в небе уже загорались звезды и дул холодный ночной ветер. Гигантские вязы сгустками мрака вставали на фоне ярко освещенных окон зданий напротив.

Максвелл зябко поежился, поднял воротник куртки, застегнул его у горла и быстро сбежал по ступенькам на тротуар. Вокруг не было ни души.

Максвелл вдруг почувствовал сильный голод и вспомнил, что не ел с самого утра. Он усмехнулся, подумав, что аппетит у него разыгрался именно тогда, когда рухнула последняя надежда. И ведь он не только голоден, но и остался без крова — возвращаться к Опу нельзя, там его ждут репортеры. А впрочем, теперь у него нет причины их избегать! Если он расскажет свою историю, это уже не принесет ни вреда, ни пользы. И все-таки мысль о встрече с репортерами была ему неприятна: он представил себе недоверие на их лицах, вопросы, которые они будут задавать, и снисходительный, насмешливый тон, который почти наверное прозвучит в их статьях.

Он все еще стоял на тротуаре, не зная, в какую

сторону пойти. Ему никак не удавалось припомнить кафе или ресторан, где он заведомо не встретит никого из знакомых. Он чувствовал, что сегодня не вынесет их расспросов.

Позади него послышался шорох, и, оглянувшись, он увидел Духа.

— А, это ты! — сказал Максвелл.

— Я уже давно тебя жду, — ответил Дух. — Ты что-то долго там пробыл.

— Сначала Шарп был занят, а потом мы никак не могли кончить наш разговор.

— Ты чего-нибудь добился?

— Ничего. Артефакт уже продан и оплачен. Колесник заберет его завтра утром. Боюсь, это конец. Я мог бы попробовать добраться сегодня до Арнольда, но что толку? То есть мой разговор с ним уже ничего не дает.

— Оп занял для нас столик. Ты, наверное, голоден.

— Как волк, — ответил Максвелл.

— Ну, так идем.

Они свернули в боковой проезд и принялись петлять по узким проулкам и проходным дворам.

— Уютный подвальчик, где мы никого не встретим, — объяснил Дух. — Но готовят там сносно и

подают дешевое виски. Оп особенно подчеркнул последнее обстоятельство.

Еще через несколько минут они спустились по железной лестнице, и Максвелл толкнул подвальную дверь. Они очутились в тускло освещенном зале, из глубины которого веяло запахом стряпни.

— Тут у них заведен семейный стиль, — сказал Дух. — Брякают на стол все разом, и каждый сам за собой ухаживает. Опу это очень нравится.

Из-за столика у стены поднялась массивная фигура неандертальца. Он помахал им. Поглядев по сторонам, Максвелл убедился, что занято не больше трех-четырех столиков.

— Сюда! — оглушительно позвал Оп. — Хочу вас кое с кем познакомить.

Максвелл в сопровождении Духа направился к нему. В полутьме он различил лицо Кэрол, а рядом — еще чье-то. Бородатое и как будто хорошо знакомое.

— Наш сегодняшний гость, — объявил Оп. — Достославный Вильям Шекспир.

Шекспир встал и протянул Максвеллу руку. Над бородой блеснула белозубая улыбка.

— Почитаю себя счастливым, что судьба свела меня со столь веселыми молодцами, — сказал

он.

— Бард подумывает остаться здесь, — сообщил Оп. — Ему у нас понравилось.

— А почему вы зовете меня бардом? — спросил Шекспир.

— Извините, — сказал Оп. — Мы уж так привыкли…

— Остаться здесь… — задумчиво произнес Максвелл и покосился на Опа. — А Харлоу знает, что он тут?

— По-моему, нет, — ответил Оп. — Мы уж постарались.

— Я сорвался с поводка, — сказал Шекспир, ухмыляясь и очень довольный собой. — Но в этом мне была оказана помощь, за которую сердечно благодарю.

— Помощь! — воскликнул Максвелл. — Еще бы! Неужели, шуты гороховые, вы так и не научитесь…

— Не надо, Пит! — вмешалась Кэрол, — Я считаю, что Оп поступил очень благородно. Человек явился сюда из другой эпохи, и ему только хотелось посмотреть, как живут люди теперь, а…

— Может быть, сядем? — предложил Дух Максвеллу. — Судя по твоему виду, тебе не мешает выпить.

Максвелл сел рядом с Шекспиром, а Дух опустился на стул напротив. Оп протянул Максвеллу бутылку.

— Валяй! — сказал он. — Не церемонься, пожалуйста. И не жди рюмки. Мы тут в дружеском кругу.

Максвелл поднес бутылку к губам и запрокинул голову. Шекспир смотрел на него с восхищением и, когда он кончил пить, произнес:

— Дивлюсь вашей доблести. Я сделал только один глоток, и меня прожгло насквозь.

— Со временем привыкнете, — утешил его Максвелл.

— Но вот этот эль, — продолжал Шекспир, погладив бутылку с пивом, — этот эль — добрый напиток, веселящий язык и приятный животу.

Из-за стула Шекспира выскользнул Сильвестр, протиснулся между ножками и положил голову на колени к Максвеллу. Максвелл почесал тигренка за ухом.

— Он опять к вам пристает? — спросила Кэрол.

— Мы с Сильвестром друзья навек, — объявил Максвелл. — Мы с ним сражались бок о бок. Вчера и он, и я, если вы помните, восстали на колесника и повергли его в прах.

— У вас веселое лицо, — сказал Шекспир, обра-

щаясь к Максвеллу. — Так, значит, дело, которое вас задержало, было завершено к вашему удовольствию?

— Наоборот, — ответил Максвелл. — И если мое лицо кажется веселым, то лишь потому, что я нахожусь в таком приятном обществе.

— Другими словами, Харлоу тебе отказал! — взорвался Оп. — Не согласился дать тебе день-другой!

— Он ничего не мог поделать, — объяснил Максвелл. — Он уже получил условленные деньги, и завтра колесник увезет Артефакт.

— У нас есть возможность заставить его пойти на попятный! — грозно и загадочно проговорил Оп.

— Ничего не выйдет, — возразил Максвелл — От него это уже не зависит. Продажа состоялась. Он не захочет вернуть деньги, а главное — нарушить свое слово. А если я правильно тебя понял, ему достаточно будет отменить лекцию и выкупить билеты.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Оп. — Мы ведь не знали, что у них там уже все решено, и рассчитывали укрепить свои позиции.

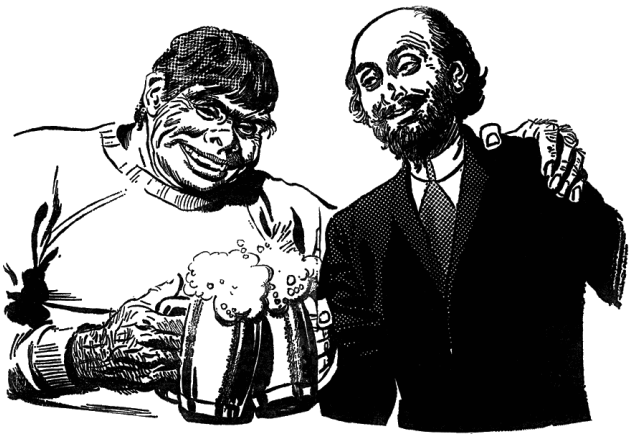
— Вы сделали все, что могли, — ответил Максвелл. — Спасибо.

— Мы прикинули, что нам нужно выиграть день-другой, чтобы всей компанией пробиться к Арнольду и втолковать ему, что к чему. Но раз теперь надеяться больше не на что, то… отхлебни еще глоток и передай мне бутылку.

Максвелл так и сделал. Шекспир допил пиво и с громким стуком поставил бутылку на стол. Кэрол отобрала виски у Опа и наполнила свою рюмку.

— Вы поступайте как хотите, — объявила она, — но я отказываюсь совсем одикариваться и буду пить из рюмки.

— Пива! — завопил Оп. — Еще пива для нашего благородного гостя!



— Весьма вам благодарен, сударь, — сказал Шекспир.

— Как ты отыскал этот притон? — спросил Максвелл.

— Мне известны все задворки сего ученого града, — сообщил ему Оп.

— Нам требовалось как раз что-то в этом роде, — заметил Дух. — Временщики скоро устроят

облаву на нашего друга. А Харлоу сказал тебе, что он исчез?

— Нет, — ответил Максвелл. — Но он как будто нервничал. И даже упомянул, что тревожится, но ведь по его лицу ни о чем догадаться нельзя. Он из тех, кто усядется на краю кратера действующего вулкана и даже глазом не моргнет… Да, а как репортеры? Все еще рыщут вокруг хижины?

Оп мотнул головой.

— Нет. Но они вернутся. Нам придется подыскать тебе другой ночлег.

— Я, пожалуй, уже могу с ними встретиться, — сказал Максвелл. — Ведь рано или поздно все равно нужно будет рассказать всю историю.

— Они раздерут вас в клочья, — заметила Кэрол. — А Оп говорит, что вы остались без работы и Лонгфелло зол на вас. Плохая пресса в такой момент вас вообще погубит.

— Все это пустяки, — ответил Максвелл. — Вопрос в том, что мне им сказать, а о чем умолчать.

— Выложи им все, — посоветовал Оп. — Со всеми подробностями. Пусть галактика узнает, чего она лишилась.

— Нет, — сказал Максвелл. — Харлоу — мой друг. И я не хочу причинять ему неприятности.

Подошел официант и поставил на их столик

бутылку пива.

— Одна бутылка?! — вознегодовал Оп. — Это что еще вы придумали? Тащите-ка сюда ящик! Нашего друга замучила жажда.

— Но вы же не предупредили! — обиженно огрызнулся официант. — Откуда мне было знать! — и он пошел за пивом.

— Ваше гостеприимство превыше всех похвал, — сказал Шекспир. — Но не лишний ли я? Вас, кажется, гнетут заботы.

— Это правда, — ответил Дух. — Но вы никак не лишний. Мы очень рады вашему обществу.

— Оп сказал что-то о том, будто вы намерены совсем остаться здесь. Это верно? — спросил Максвелл.

— Мои зубы пришли в негодность, — сказал Шекспир. — Они шатаются и порой очень болят. Мне рассказывали, что тут много искуснейших мастеров, которые могут вырвать их без малейшей боли и изготовить на их место новые.

— Да, конечно, — подтвердил Дух.

— Дома меня ждет сварливая жена, — сказал Шекспир, — и нет у меня желания возвращаться к ней. К тому же ваш эль, который вы зовете пивом, поистине дивен на вкус, и я слышал, что вы заключили мир с гоблинами и феями, а

это — великое чудо. И я сижу за одним столом с духом, что превосходит всякое человеческое понимание, хотя и мнится, что тут где-то кроется самый корень истины.

Подошел официант с охапкой бутылок и сердито брякнул их на стол.

— Вот! — сказал он неприязненно. — Пока наверное обойдетесь. Повар говорит, что горячее будет сейчас готово.

— Так, значит, — спросил Максвелл у Шекспира, — вы не собираетесь читать эту лекцию?

— Коли я ее прочту, — ответил Шекспир, — они мигом отошлют меня домой.

— Всенепременно, — вставил Оп. — Уж если они его заграбастают, то больше не выпустят.

— Но как же вы будете жить? — спросил Максвелл. — Ведь для того, что вы знаете и умеете, в этом мире вряд ли найдется применение.

— Что-нибудь да придумаю, — сказал Шекспир. — В тяжкие минуты ум человеческий удивительно проясняется.

Официант подкатил к столику тележку с дымящимися блюдами и начал расставлять их на столе.

— Сильвестр! — крикнула Кэрол.

Потому что Сильвестр вскочил, положил пе-

редние лапы на стол и схватил два сочных куска ростбифа. Услышав голос Кэрол, Сильвестр стремительно скрылся под столом вместе со своей добычей.

— Котик проголодался, — сказал Шекспир. — Он находит себе пропитание, где может.

— Когда дело касается еды, — пожаловалась Кэрол, — он забывает о хороших манерах.

Из-под стола донеслось довольное урчание.

— Досточтимый Шекспир, — сказал Дух. — Вы прибыли сюда из Англии, из городка на реке Эйвон.

— Край, радующий глаз, — вздохнул Шекспир. — Но полный всякого отребья. Разбойники, воры, убийцы — кого там только нет!

— А я вспоминаю лебедей на реке, — пробормотал Дух. — Ивы по ее берегам, и…

— Что-что? — вскрикнул Оп. — Как это ты вспоминаешь?

Дух медленно поднялся из-за стола, и в этом движении было что-то, что заставило их всех поглядеть на него. Он поднял руку — но это была не рука, а рукав одеяния… если это было одеянием.

— Нет-нет, я вспоминаю, — сказал он глухим голосом, доносившимся словно откуда-то издалека. — После всех этих лет я, наконец, вспоминаю.

Либо я забыл, либо не знал. Но теперь…

— Почтенный Дух, — сказал Шекспир, — что с вами? Какой странный недуг вас внезапно поразил?

— Теперь я знаю, кто я такой! — с торжеством сказал Дух. — Я знаю, чей я дух.

— Ну, и слава богу, — заметил Оп. — Перестанешь хныкать об утраченном наследии предков.

— Но чей же вы дух, если позволено будет спросить? — сказал Шекспир.

— Твой! — взвизгнул Дух. — Теперь я знаю! Теперь я знаю! Я дух Вильяма Шекспира!

На мгновенье наступила ошеломленная тишина, а потом из горла Шекспира вырвался глухой вопль ужаса. Одним рывком он вскочил со стула, перемахнул через стол и кинулся к двери. Стол с грохотом опрокинулся на Максвелла, и тот упал навзничь вместе со своим стулом. Край столешницы прижал его к полу, а лицо ему накрыла миска с соусом. Он обеими руками принялся стирать соус. Откуда-то со стороны доносились яростные крики Опа.

Кое-как протерев глаза, Максвелл выбрался из-под стола и поднялся на ноги. С его лица и волос продолжал капать соус.

На полу среди перевернутых тарелок восседала

Кэрол. Вокруг перекатывались бутылки с пивом. В дверях кухни, упирая пухлые руки в бока, стояла могучая повариха. Сильвестр, скорчившись над ростбифом, торопливо рвал его на части и проглатывал кусок за куском.

Оп, прихрамывая, возвратился от входной двери.

— Исчезли без следа, — сказал он. — И тот, и другой.

Он протянул руку Кэрол, помогая ей подняться.

— Не дух, а идиот! — сказал он злобно. — Не мог промолчать. Даже если он и знал…

— Но он же не знал! — воскликнула Кэрол. — Он только сейчас понял. Из-за этой встречи. Может быть, какие-нибудь слова Шекспира пробудили в нем воспоминания… Он же только об этом и думал все эти годы, и, конечно, от неожиданности…

— Последняя соломинка! — объявил Оп. — Шекспира теперь не разыщешь. Так и будет бегать без остановки.

— Наверное, Дух отправился за ним, — предположил Максвелл. Чтобы догнать его, успокоить и привести назад к нам.

— Успокоить? — переспросил Оп. — Это как же?

Да если Шекспир увидит, что Дух за ним гонится, он побьет все мировые рекорды и в спринте, и в марафоне.

Глава 21

Они уныло сидели вокруг дощатого стола в хижине Опа. Сильвестр лежал на спине у очага, уютно сложив передние лапы на груди, а задние задрав к потолку. На его морде застыло выражение глуповатого блаженства.

Оп подтолкнул стеклянную банку к Кэрол. Она понюхала ее содержимое и сморщила нос.

— Пахнет керосином, — сказала она. — И вкус, насколько помню, абсолютно керосиновый.

Зажав банку в ладонях, она сделала большой глоток и протянула ее Максвеллу со словами:

— А знаете, и к керосину можно привыкнуть!

— Это хороший самогон! — обиженно сказал Оп. — Впрочем, — признал он после некоторого раздумья, — ему, пожалуй, следовало бы дать немножечко дозреть. Только он расходуется быстрее, чем я успеваю его гнать.

Максвелл угрюмо отхлебнул из банки. Едкая жидкость обожгла горло, фейерверком вспыхнула в желудке, но и это не помогло. Он остался трезвым и мрачным. Бывают моменты, подумал он, когда напиться невозможно, сколько и чего ни пей. А как хорошо было бы сейчас напиться

до беспамятства и не приходить в себя дня два! Может быть, когда он протрезвеет, у него будет не так скверно на душе.

— Одного не могу понять, — говорил Оп. — Почему старина Билл так перепугался своего духа? А тут сомневаться не приходится. Он прямо-таки полиловел. Но ведь до этого они с Духом так хорошо ладили. Ну, конечно, сперва он немного нервничал — но чего и ждать от человека из шестнадцатого столетия? Однако, едва мы ему все объяснили, он даже обрадовался. И воспринял Духа с гораздо большей легкостью, чем мог бы его воспринять, например, человек двадцатого столетия. Ведь в шестнадцатом веке верили в духов, и поэтому встреча с духом не могла произвести впечатления чего-то сверхъестественного. И он был совершенно спокоен, пока Дух не заявил, что он — его дух. Но уж тогда…

— Его очень заинтересовали наши взаимоотношения с маленьким народцем, — сказала Кэрол. — Он взял с нас слово, что мы его свозим в заповедник и познакомим с ними. Он всегда в них верил, как и в духов.

Максвелл приложился к банке и пододвинул ее Опу, утирая рот тыльной стороной руки.

— Одно дело — чувствовать себя легко и сво-

бодно в обществе первого попавшегося духа, — сказал он, — и совсем другое — нарваться на духа, который оказывается твоим собственным. Человек внутренне неспособен понять и принять свою смерть. Даже зная, что духи — это…

— Ради бога, не начинайте сначала! — взмолилась Кэрол.

Оп ухмыльнулся.

— Ну, во всяком случае, он вылетел оттуда стрелой. Точно ему к хвосту привязали шутиху. Он даже щеколду не откинул, а пробил дверь насквозь.

— Я ничего не видел, — отозвался Максвелл. — У меня на физиономии лежала миска с соусом.

— Ну, радости эта заварушка никому не принесла, — философски объявил Оп, — кроме вон того саблезубого. Он сожрал целый ростбиф. С кровью, как ему нравится.

— Он никогда не теряется, — сказала Кэрол. — И из всего умеет извлечь выгоду.

Максвелл пристально посмотрел на нее.

— Я давно уже хочу спросить вас, каким образом вы-то очутились в нашей компании. Мне казалось, что после истории с колесником вы навсегда отрясли наш прах со своих ног.

— Она беспокоилась о тебе, — хихикнул Оп. — А

кроме того, она любопытна, как не знаю кто.

— И еще одно, — продолжал Максвелл. — Как вообще вы оказались замешанной в это? Вспомним, с чего все началось. Вы предупредили нас про Артефакт… что его продают.

— Я вас не предупреждала! Я просто проговорилась. А потом…

— Вы нас предупредили, — категорическим тоном повторил Максвелл. — И совершенно сознательно. Что вы знаете про Артефакт? Вы должны о нем что-то знать, иначе его продажа вас не встревожила бы.

— Что верно, то верно! — сказал Оп. — Ну-ка, сестренка, выкладывайте все начистоту.

— Два нахальных грубияна…

— Не надо превращать это в комедию, — попросил Максвелл. — Ведь речь идет о важном деле.

— Ну, хорошо. Как я вам говорила, я случайно услышала о том, что его собираются продать. И меня это встревожило. И очень не понравилось. То есть с точки зрения закона в этой продаже нет ничего такого. Насколько мне известно, Артефакт принадлежит Институту времени и может быть продан по усмотрению его администрации. Но мне казалось, что Артефакт нельзя продавать даже за миллиарды. Потому что я действительно

кое-что о нем знаю, чего не знает никто другой и о чем я боялась кому-нибудь сказать. А когда я заговорила с нашими сотрудниками о значении Артефакта, я увидела, что их это совершенно не трогает. И вот, когда позавчера вечером я поняла, как вы им интересуетесь…

— Вы подумали, что мы можем помочь.

— Я не знаю, что я подумала. Но Оп и вы были первыми, кого Артефакт интересовал. Однако я не могла говорить с вами откровенно. Взять и просто сказать. Во-первых, мне вообще не полагалось этого знать, а во-вторых, лояльность по отношению к Институту требовала, чтобы я промолчала. И я совсем запуталась.

— Вы работали с Артефактом? И в результате…

— Нет, — сказала Кэрол. — Я с ним не работала. Но как-то раз я остановилась посмотреть на него… Ну, как любой турист. Потому что я проходила через внутренний дворик, а Артефакт — интересный и таинственный предмет. И тут я увидела… или мне показалось… Я не знаю. У меня нет полной уверенности. Но тогда я не усомнилась. Я была абсолютно уверена, что видела то, чего никто прежде не замечал… Или, быть может, кто-то и заметил, но…

Кэрол умолкла и посмотрела сначала на Макс-

велла, потом на Опа, однако оба молчали, ожидая, что она скажет дальше.

— Но я не уверена, — сказала она. — Теперь я не уверена. Возможно, мне показалось.

— Говорите, — сказал Оп. — Расскажите все как было.

Кэрол кивнула.

— Это длилось одно мгновение. И сразу исчезло, но тогда я не сомневалась, что действительно видела его. Был ясный солнечный день, и на Артефакт падал солнечный луч. Вероятно, никому прежде не случалось видеть Артефакт в тот момент, когда солнечный свет падал на него именно под таким углом. Не знаю. Разгадка, возможно, кроется именно в этом. Но как бы то ни было, у меня создалось впечатление, что я вижу что-то внутри Артефакта. А точнее сказать — не внутри. Казалось, словно Артефакт был чем-то, что сложили и спрессовали в брусок, но заметить это удалось только при определенном освещении. Я как будто различила глаз… и в тот момент я почувствовала, что он живой и смотрит на меня, и…

— Но как же так! — воскликнул Оп. — Артефакт похож на камень. На слиток металла.

— Странный металл! — возразил Максвелл. —

Металл, который ничто не берет, который…

— Но не забывайте, что мне могло просто почудиться, — напомнила Кэрол.

— Правды мы уже никогда не узнаем, — сказал Максвелл. — Колесник завтра утром заберет Артефакт…

— И купит за него хрустальную планету, — докончил Оп. — По-моему, мы зря сидим здесь сложа руки. Эх, если бы мы не упустили Шекспира…

— Ничего хорошего из этого не вышло бы! — отрезал Максвелл. — И вообще похищение Шекспира…

— Мы его не похищали! — оскорбился Оп. — Он пошел с нами по доброй воле. Можно даже сказать, с радостью. Он только о том и думал, как бы избавиться от сопровождающего, которого к нему приставили временщики. И вообще инициатором был он. А мы только немножко поспособствовали.

— Хорошенько стукнув сопровождающего по голове?

— Да никогда в жизни! Все было чинно и благородно. Мы просто отвлекли его внимание с помощью небольшого дивертисмента, так сказать.

— Ну, ладно, — перебил Максвелл. — В любом случае план был дурацкий. Тут речь идет о слишком больших деньгах. Вы могли бы похитить хоть дюжину Шекспиров, но Харлоу все равно продал бы Артефакт.

— Неужели мы ничего не можем сделать? — вздохнула Кэрол. — Например, стащить Арнольда с постели…

— Арнольд мог бы спасти Артефакт, только возместив Харлоу сумму, которую тот получил от колесника. Вы способны представить себе это?

— Нет, не способны, — отозвался Оп и, взяв банку, опрокинул остатки ее содержимого в рот. Потом он направился к своему тайнику, вытащил очередную полную банку, неуклюже отвинтил крышку и протянул Кэрол. — Устроимся же поудобнее и налижемся как следует. Завтра утром явятся репортеры, и мне нужно набраться сил, чтобы повышвыривать их отсюда.

— Погоди! — остановил его Максвелл, — У меня наклевывается идея.

Кэрол и Оп в молчании ждали, чтобы идея проклюнулась.

— Аппарат-переводчик! — воскликнул Максвелл. — Тот, с помощью которого я читал на хрустальной планете металлические листы. Я

нашел его у себя в чемодане.

— Ну и что? — спросил Оп.

— Что если Артефакт просто содержит какие-то записи?

— Но Кэрол говорит…

— Я знаю, что говорит Кэрол! Но она же не уверена. Ей только кажется, что она видела смотрящий на нее глаз. А это маловероятно.

— Правильно, — сказала Кэрол. — Ручаться я не могу. А в словах Пита есть своя логика. Если он прав, эти записи должны быть очень важными и подробными. Может быть, они дают ключ к целому миру неведомых прежде знаний. Вдруг хрустальная планета оставила Артефакт на Земле, рассчитывая, что никто не станет искать его здесь! Что-то вроде тайного архива!

— Пусть даже так, — перебил Оп. — Но что это дает нам? Музей заперт, и Харлоу не станет открывать его для нас.

— Это я могу устроить! — заявила Кэрол. — Я позвоню сторожу и скажу, что мне необходимо поработать там. Или что мне надо забрать оттуда материал. У меня есть разрешение работать в музее в любое время.

— И вы вылетите с работы, — заметил Оп.

Кэрол пожала плечами.

— Найду что-нибудь другое. Зато если нам удастся…

— Но какой смысл? — спросил Максвелл. — Один шанс на миллион. Или даже меньше. По правде говоря, мне очень хотелось бы проверить, но…

— А если окажется, что это и в самом деле что-то очень важное? — сказала Кэрол. — Тогда мы могли бы пойти к Шарпу, объяснить ему и, возможно…

— Не думаю, — ответил Максвелл. — Вряд ли нам удастся обнаружить что-то настолько важное, чтобы Харлоу вернул такие деньги.

— Ну, во всяком случае, не будем терять зря время на обсуждения и предположения, — объявил Оп. — Надо действовать!

Максвелл посмотрел на Кэрол.

— По-моему, он прав, Пит, — сказала она. — По-моему, рискнуть стоит.

Оп взял со стола банку с самогоном и тщательно завинтил крышку.

Глава 22

Их окружало прошлое — в витринах, в шкафах, на подставках, утраченное, забытое, безвестное прошлое, отнятое у времени полевыми экспедициями, которые обследовали скрытые уголки истории человечества. Творения художников и искусных ремесленников, какие никому и не снились, пока люди не вернулись в прошлое и не обнаружили их там: новенькие гончарные изделия, прежде известные в лучшем случае только в черепках, флаконы из Древнего Египта, полные притираний и душистых мазей, совсем еще свежих, доисторические железные орудия, выхваченные чуть ли не прямо из кузнечного горна, свитки из Александрийской библиотеки, которые должны были бы сгореть, но не сгорели, потому что были посланы люди спасти их за мгновение до того, как их поглотило бы пламя пожара, уничтожившего библиотеку, прославленные ткани Элама, секрет изготовления которых был утрачен в незапамятные времена, — все это, и неисчислимое множество других экспонатов, бесценная сокровищница предметов (многие из которых сами по себе не были бесценными

сокровищами), добытых из недр времени.

Какой же это «Музей времени», подумал Максвелл. Нет, это, скорее, был «Музей безвременья», место, где сходились все эпохи, где исчезали все хронологические различия, где постепенно собирались все мечты человечества, претворенные в явь, — и при этом совершенно новые, сверкающие, созданные только накануне. Тут не приходилось по древним разрозненным обломкам угадывать гипотетическое целое, тут можно было брать в руки и применять орудия, инструменты и приспособления, которые человек создавал и использовал на всем протяжении своего развития.

Стоя возле пьедестала с Артефактом, Максвелл прислушивался к замирающим шагам сторожа, отправившегося в очередной обход здания.

Кэрол удалось-таки провести их в музей, хотя вначале он опасался, что ее план неосуществим.

Она позвонила сторожу и сказала, что ей и двум ее сотрудникам необходимо взглянуть на Артефакт в последний раз перед тем, как его увезут, и сторож встретил их у маленькой калитки, вделанной в величественные массивные двери, которые широко распахивались в часы, когда музей бывал открыт для посетителей.

— Только вы недолго, — ворчливо предупредил сторож. — Не знаю, может, вас и вообще-то пускать не следовало.

Но Кэрол заверила его, что все будет в порядке — он может ни о чем не беспокоиться, и сторож удалился, шаркая подметками и что-то бормоча себе под нос.

Над черным брусом Артефакта горели яркие лампы.

Максвелл нырнул под бархатный канат, ограживавший пьедестал, вскарабкался к самому Артефакту и скорчился рядом с ним, нащупывая в кармане аппарат-переводчик.

Дурацкая догадка, сказал он себе. Да и никакая это не догадка, а просто нелепая идея, порожденная отчаянием. Он только зря потратит время и поставит себя в глупое положение. Ну, а если это маловероятное предположение даже в какой-то мере и подтвердится, все равно изменить он уже ничего не сможет. Завтра колесник заберет Артефакт и вступит во владение библиотекой хрустальной планеты, а человечество навсегда лишится доступа к знаниям, тщательно и трудолюбиво копившимся пятьдесят миллиардов лет в двух вселенных, — к знаниям, которые должны были бы принадлежать Объединенным

университетам Земли и могли бы достаться им, а теперь навеки станут собственностью загадочной культуры, которая, возможно, окажется тем потенциальным галактическим врагом, которого Земля всегда опасалась встретить в космосе.

Ему не хватило времени! Еще какой-нибудь день или два — и он воспрепятствовал бы этой сделке, он нашел бы людей, которые его выслушали бы, которые приняли бы меры. Но обстоятельства все время складывались против него, а теперь было уже поздно.

Максвелл надел на голову аппарат-переводчик, но очки никак не желали опускаться на место.

— Дайте я помогу, — сказала Кэрол, и он почувствовал, как ее ловкие пальцы растягивают ремни, прилаживают застежки. Покосившись вниз, он увидел Сильвестра. Тигренок сидел у самого пьедестала и скалил зубы на Опа. Перехватив взгляд Максвелла, неандерталец сказал:

— Эта тигра чует, что я ее естественный враг. В один прекрасный день она соберется с духом и прыгнет на меня.

— Не говорите глупостей! — сердито огрызнулась Кэрол. — Он же просто шаловливый котенок.

— Это как посмотреть, — отозвался Оп.

Максвелл еще раз подергал очки и надвинул их на глаза.

И поглядел на Артефакт.

В этом слитке черноты было что-то. Линии, очертания… непонятные формы. Артефакт перестал быть просто сгустком непроницаемой тьмы, отражающим любые попытки проникнуть в него извне, ничего не приемлющим и ничего не открывающим, словно он был вещью в себе, инородным телом во вселенной.

Максвелл завертел головой, стараясь найти наиболее удобный угол зрения, чтобы разобраться в том, что увидел. Во всяком случае, это не записи… Нет, это что-то совсем другое! Он нащупал винт фокусировки и попробовал изменить настройку.

— В чем дело? — спросила Кэрол.

— Не понимаю…

И в то же мгновение он понял. И увидел. В уголке бруса виднелась лапа, покрытая радужной пленкой… или кожей… или чешуей, с когтями, сверкающими, как алмазы. И эта лапа… шевелилась и дергалась, словно стараясь высвободиться и дотянуться до него.

Максвелл вздрогнул, инстинктивно отпрянул и вдруг почувствовал, что падает. Он попытался

извернуться так, чтобы не удариться затылком. Его плечо задело бархатный канат, и стойки с грохотом опрокинулись на пол. Однако канат успел спружинить, и Максвелл упал на бок, чуть не сломав ключицу, но зато его голова не коснулась каменного пола. Он рывком сдвинул очки в сторону, чтобы освободить глаза.

Артефакт над ним стремительно изменялся. Из сгустка тьмы возникало что-то, свивалось и билось в судорожном стремлении вырваться на свободу. Что-то живое, полное буйной энергии, ослепительно прекрасное.

Изящная, вытянутая вперед голова, зубчатый гребень, сбегающий от лба по шее и спине. Могучая грудь, продолговатое туловище с полусложенными крыльями, красиво изогнутые передние лапы с алмазными когтями. Сказочное создание сверкало и переливалось всеми цветами радуги в ярком свете ламп, нацеленных на Артефакт — вернее, на то место, где раньше был Артефакт. И каждая сияющая чешуйка была зеркальцем, отражающим пучки бронзовых, золотых, оранжевых и голубых лучей.

Дракон, подумал Максвелл. Дракон, возникший из черноты Артефакта! Дракон, наконец обретший свободу после миллионов лет заключения в

сгустке мрака.

Дракон! После стольких лет поисков, размышлений, неудач он все-таки увидел живого дракона!

И совсем не такого, каким он рисовался его воображению, не прозаическое создание из плоти и чешуи, но великолепнейший символ. Символ дней расцвета хрустальной планеты, а может быть, и всей той вселенной, которая канула в небытие, уступая место новой, нашей Вселенной, — древний, легендарный современник тех странных, необыкновенных рас, захиревшими жалкими потомками которых были гоблины, тролли, феи и банши. Существо, название которого передавалось от отца к сыну тысячами и тысячами поколений, но которого до этой минуты не видел ни один человек.

Возле одной из упавших стоек замер Оп, с ужасом и удивлением глядя вверх — его кривые ноги были полусогнуты, точно он окаменел, готовясь к прыжку, окорокообразные руки свисали по бокам, пальцы были искривлены, как когти. Сильвестр припал к полу, разинув пасть, оцерив клыки. На его лапах под густой шерстью вздулись узлы мышц. Он был готов нападать и защищаться.

На плечо Максвелла легла ладонь, и он резко повернулся.

— Это дракон? — спросила Кэрол.

Ее голос был странен: точно она боялась этого слова, точно лишь с большим трудом заставила себя произнести его. Она глядела не на Максвелла, а вверх — на дракона, который, по-видимому, уже закончил свою трансформацию.

Дракон дернул длинным гибким хвостом, и Оп неуклюже припал к полу, увертываясь от удара.

Сильвестр яростно зашипел и пополз вперед.

— Сильвестр! Не смей! — крикнул Максвелл.

Оп поспешно кинулся вперед на четвереньках и ухватил Сильвестра за заднюю лапу.

— Да скажите ему что-нибудь! — потребовал Максвелл, поворачиваясь к Кэрол. — Если этот идиот сцепится с ним, произойдет черт знает что!

— Сильвестр Опа не тронет, можете не опасаться!

— При чем тут Оп? Я говорю о драконе. Если он прыгнет на дракона…

Из темноты донесся разъяренный вопль и топот ног.

— Что вы тут затеяли? — загремел сторож, выбегая на свет.

Дракон повернулся на пьедестале и соскользнул с него навстречу сторожу.

— Берегись! — рявкнул Оп, держа лапу Сильвестра железной хваткой.

Дракон двигался осторожной, почти семенящей походкой, вопросительно наклонив голову. Он взмахнул хвостом и смел на пол полдюжины чаш и кувшинов. Раздался оглушительный треск, блестящие черепки брызнули во все стороны.

— Эй, прекратите! — крикнул сторож и, по-видимому, только тут заметил дракона. Он взвизгнул и кинулся наутек. Дракон неторопливо затрусил за ним, с любопытством вытягивая шею. Его продвижение по залам музея сопровождалось грохотом и звоном.

— Если мы не уберем его отсюда, — заявил Максвелл, — тут скоро не останется ни одного целого экспоната. При таких темпах ему на это потребуется не больше пятнадцати минут. Он сотрет весь музей в порошок. И ради всего святого, Оп, не выпусти Сильвестра. Нам только не хватает боя тигра с драконом!

Он поднялся с пола, снял с головы аппарат и сунул его в карман.

— Можно открыть двери, — предложила Кэрол, — и выгнать его наружу. Я знаю, как отпи-

раются большие двери.

— Оп, а ты умеешь пасти драконов? — осведомился Максвелл.

Дракон тем временем добрался до последнего зала и повернул назад.

— Оп! — попросила Кэрол. — Помогите мне. Тут нужна сила.

— А тигр как же?

— Предоставь его мне, — распорядился Максвелл. — Может быть, он возьмет себя в руки. И вообще послушается меня.

Приближение дракона было отмечено новыми взрывами треска и грохота. Максвелл застонал. Шарп убьет его за это. И с полным правом: хотя они и друзья, но музей разгромлен, а Артефакт преобразился в буйствующее многотонное чудовище!

Максвелл осторожно направился туда, откуда донесся очередной грохот. Сильвестр, припадая к полу, последовал за ним. В темноте Максвелл с трудом различил очертания дракона, плутающего среди стендов.

— Хороший, хороший дракончик, умница! — сказал Максвелл. — Легче на поворотах, старина!

Это прозвучало довольно глупо и неубедительно. Но как вообще полагается разговаривать с

драконами?

Сильвестр испустил хриплое рычание.

— Хоть ты-то не суйся! — сердито сказал Максвелл. — И без тебя все так скверно, что дальше некуда.

А где сейчас сторож, подумал он. Наверное, звонит в полицию, так что гроза может разразиться с минуты на минуту.

Позади раздалось поскрипывание открывающихся створок огромной двери. Хоть бы дракон подождал, пока они совсем откроются! Тогда его, возможно, удастся выгнать из музея. Да, но дальше-то что?

Максвелл содрогнулся при мысли о том, как гигантское чудовище начнет резвиться на улицах городка и в академических двориках. Может быть, все-таки лучше оставить его взаперти?

Он замер в нерешительности, взвешивая минусы запертого дракона по сравнению с минусами дракона на свободе. Музей и так разнесен вдребезги, а потому довершение этого разгрома, пожалуй, все-таки предпочтительнее того, что может натворить дракон в городке.

Створки продолжали поскрипывать, расходясь. Дракон, до тех пор передвигавшийся легкой рысцой, вдруг припустился галопом в их сторону.

Максвелл стремительно повернулся, вопя:

— Двери! Закройте двери! — и еле успел отскочить с пути мчащегося дракона.

Створки остались полуоткрытыми, а Кэрол и Оп метнулись в разные стороны, стараясь предоставить как можно больше пустого пространства для надвигающегося на них чудовища, которому явно захотелось погулять.

По залам музея прокатился громовый рык, и Сильвестр помчался вдогонку за убегающим драконом.

Прижавшись к стене, Кэрол кричала:

— Сильвестр, прекрати! Не смей, Сильвестр! Не смей!

На бегу дракон нервно хлестал гибким хвостом. Разлетались витрины и столы, волчками крутились статуи. Дракон стремился к свободе, оставляя позади себя хаос и разрушение.

Максвелл со стоном бросился за Сильвестром и драконом, хотя сам не понимал, что он, собственно, собирается сделать. Меньше всего ему хотелось хватать дракона за хвост.

Дракон достиг дверей и прыгнул — прыгнул высоко в воздух, разворачивая крылья, которые загремели, как паруса под ветром.

Максвелл резко остановился в дверях, чуть

не потеряв равновесие. На нижней ступеньке крыльца Сильвестр, также с усилием затормозив, теперь тянулся всем телом вверх, негодующе рыча на летящего дракона.

Это было ошеломляющее зрелище. Лунный свет играл на поднимающихся и опускающихся крыльях, алыми, золотыми и голубоватыми огнями вспыхивал на тысячах полированных чешуек, и казалось, что в небе дрожит многоцветная радуга.

Из дверей выскочили Кэрол с Опом и тоже задрали головы.

— Как красиво! — сказала Кэрол.

— Да, не правда ли? — отозвался Максвелл.

И только тут он полностью осознал смысл случившегося: Артефакта больше не существовало и колесник лишился своей покупки. Но и он уже не мог представить хрустальной планете требуемую цену. Цепь событий, начавшаяся с дублирования его волновой схемы, когда он направлялся в систему Енотовой Шкуры, оборвалась. И если бы не эта летящая в небе радуга, можно было бы считать, что вообще ничего не произошло.

Дракон взмывал все выше, описывая расширяющиеся круги, и казался теперь просто многоцветным пятном.

— Вот так! — уныло сказал Оп. — Что мы предпримем теперь?

— Это я во всем виновата, — пробормотала Кэрол.

— Виноватых тут нет, — возразил Оп. — Неумолимый ход событий — и все.

— Ну, во всяком случае, мы сорвали Харлоу его продажу! — заметил Максвелл.

— Что да, то да, — раздался голос позади них. — Не будет ли кто-нибудь так любезен объяснить мне, что здесь происходит?

Они обернулись.

В дверях музея стоял Харлоу Шарп. В зале теперь горели все лампы, его фигура выделялась в светлом прямоугольнике дверей четким черным силуэтом.

— Музей разгромлен, — сказал Шарп, — Артефакт исчез, а тут я вижу вас двоих, как я мог бы предугадать заранее. Мисс Хэмптон, я удивлен. Я никак не ожидал найти вас в таком дурном обществе. Впрочем, этот ваш бешеный кот…

— Пожалуйста, не примешивайте сюда Сильвестра! — воскликнула она. — Он тут ни при чем!

— Так как же, Пит? — спросил Шарп.

Максвелл помотал головой.

— Мне трудно объяснить…

— Я так и предполагал, — сказал Шарп. — Когда ты разговаривал со мной сегодня вечером, ты уже имел в виду все это?

— Нет. Непредвиденная случайность.

— Дорогостоящая случайность! — заметил Шарп. — Может быть, тебе будет интересно узнать, что ты затормозил работу Института времени лет на сто, если не больше. Правда, если вы просто унесли Артефакт и где-то его припрятали, это еще можно исправить. В таком случае даю вам, мой друг, ровно пять секунд на то, чтобы вы его мне вернули.

Максвелл судорожно глотнул.

— Я его не уносил, Харлоу. И к нему даже не прикасался. Я сам не понимаю, что произошло. Он превратился в дракона.

— Во что? Во что?

— В дракона. Пойми же, Харлоу…

— Ага! — воскликнул Шарп. — Ты ведь всегда бредил драконами. И в систему Енотовой Шкуры отправился подыскать себе дракона. И вот теперь ты им обзавелся! Надеюсь, не завалящим каким-нибудь?

— Он очень красивый, — сказала Кэрол. — Золотой и сияющий.

— Чудесно. Нет, просто замечательно. Мы все

можем разбогатеть, таская его по ярмаркам. Организуем цирк и сделаем дракона гвоздем представления. Я уже вижу анонс — большими такими буквами: «ЕДИНСТВЕННЫЙ В МИРЕ ДРАКОН».

— Но его же здесь нет, — объяснила Кэрол. — Он взял и улетел.

— Оп! А вы почему молчите? — поинтересовался Шарп. — Что с вами приключилось? Обычно вы гораздо разговорчивее. Что произошло?

— Я глубоко огорчен, — пробормотал Оп.

Шарп отвернулся от неандертальца и посмотрел на Максвелла.

— Пит, — сказал он, — возможно, ты все-таки понимаешь, что ты натворил. Сторож позвонил мне и хотел вызвать полицию. Но я велел ему подождать, пока я сам не посмотрю, что произошло. Правда, ничего подобного я все-таки же ожидал. Артефакт исчез, и, значит, я не могу вручить его покупателю и должен буду вернуть деньги — и какие деньги! — а чуть ли не половина экспонатов разбита вдребезги…

— Их разбил дракон, — объяснил Максвелл. — Прежде чем мы успели его выпустить.

— Ах, так вы его выпустили? Он не сам удрал, а вы его просто выпустили!

— Но он же громил музей. Мы совсем растерялись, ну и…

— Пит, скажи мне, только честно. А был ли дракон?

— Да, был. Его заключили в Артефакт. Но возможно, что Артефакт — это и был он. Не спрашивай меня, как это было сделано. Скорее всего, с помощью чар…

— Ах, чар!

— Но чары существуют, Харлоу. Я не знаю принципа их действия. Хотя я много лет занимался их изучением, мне так и не удалось узнать ничего конкретного.

— Мне кажется, — сказал Харлоу, — здесь кое-кого не хватает. Еще одной личности, без которой не обходится ни один такой скандал. Оп, скажите, будьте так добры, где Дух, ваш ближайший и дражайший друг?

Оп покачал головой.

— Разве за ним уследишь? Постоянно куда-нибудь исчезает.

— И это еще не все, — продолжал Шарп. — Есть еще одно обстоятельство, которое нам следует прояснить. Пропал Шекспир. Не мог ли бы кто-нибудь из вас пролить свет на это исчезновение?

— Он некоторое время был с нами, — сказал

Оп. — Мы как раз собрались поужинать, но он вдруг перепугался и удрал. Это случилось в тот момент, когда Дух припомнил, что он — дух Шекспира. Вы же знаете, как он все эти годы мучился оттого, что не знал, чей он дух.

Медленно, постепенно Шарп опустился на верхнюю ступеньку и медленно, постепенно обвел их взглядом.

— Ничего, — сказал он, — ну ничего вы не упустили, начав губить Харлоу Шарпа. Вы прекрасно справились со своей задачей.

— Мы не собирались вас губить, — возразил Оп. — Мы питаем к вам самые лучшие чувства. Но просто все пошло вкривь и вкось, да так и не остановилось.

— Я имею полное право, — сказал Шарп, — подать на вас в суд для взыскания всех убытков музея. Я должен был бы потребовать судебного постановления — и, будьте спокойны, я его добился бы! — и оно обязало бы вас всех работать на Институт времени до скончания ваших дней. Но вы все трое вместе взятые неспособны отработать и миллионной доли того, во что обошлись Институту ваши сегодняшние развлечения. Поэтому мне нет никакого смысла обращаться в суд. Хотя, полагаю, без полиции обойтись будет нельзя. Я

обязан поставить ее в известность. Так что, боюсь, вам всем придется ответить на порядочное число вопросов.

— Если бы кто-нибудь из вас только согласился меня выслушать! — пожаловался Максвелл. — Я мог бы все объяснить. Только этого я и добивался с момента моего возвращения на Землю — найти кого-то, кто бы меня выслушал. Я ведь пытался объяснить тебе ситуацию, когда мы говорили вечером…

— В таком случае, — заявил Шарп, — можешь начать объяснения немедленно. Признаюсь, мне будет любопытно их послушать. Пойдемте в мой служебный кабинет, где нам будет уютнее разговаривать. Это ведь близко — через дорогу. Или это вам неудобно? Возможно, вам еще осталось сделать два-три завершающих штриха, чтобы окончательно разорить Институт времени?

— Да нет, пожалуй, — сказал Оп. — Насколько могу судить, мы уже сделали все, что было в наших силах.

Глава 23

В приемной Шарпа им навстречу поднялся инспектор Дрейтон.

— Хорошо, что вы, наконец, пришли, доктор Шарп, — сказал он. — Произошло нечто…

Тут инспектор увидел Максвелла и на мгновение умолк.

— А, это вы! — продолжал он после короткой паузы. — Рад вас видеть. Вы-таки заставили меня погоняться за вами!

Максвелл скорчил гримасу.

— К сожалению, не могу сказать, инспектор, что ваша радость взаимна.

Уж если он мог без кого-нибудь спокойно обойтись в настоящую минуту, сказал себе Максвелл, то, конечно, без инспектора Дрейтона.

— А кто вы, собственно, такой? — резко спросил Шарп. — По какому праву вы сюда врываетесь?

— Я инспектор службы безопасности. Моя фамилия Дрейтон. Позавчера у меня была короткая беседа с профессором Максвеллом касательно его возвращения на Землю, но, боюсь, осталось еще несколько вопросов, которые…

— В таком случае, — заявил Шарп, — будьте

добры встать в очередь. У меня есть к доктору Максвеллу кое-какое дело, и, боюсь, оно важнее вашего.

— Вы меня не поняли, — терпеливо оказал Дрейтон. — Я пришел сюда не для разговора с вашим другом. Его появление с вами — всего лишь приятный сюрприз. А ваша помощь нужна мне в связи с совсем другим делом, возникшим довольно неожиданно. Видите ли, я узнал, что профессор Максвелл был в числе гостей на последнем приеме мисс Клейтон, а потому я отправился к ней…

— Ничего не понимаю! — перебил Шарп. — Ну, при чем тут Нэнси Клейтон?

— Право, не знаю, Харлоу, — сказала Нэнси Клейтон, выходя из его кабинета. — Я всегда стараюсь избегать историй. Я просто люблю, когда у меня бывают мои друзья, и, по-моему, в этом нет ничего плохого!

— Нэнси, пожалуйста, погоди! — взмолился Шарп. — Объясни сначала, что, собственно, происходит. Зачем ты пришла сюда? И зачем пришел инспектор Дрейтон? И…

— Из-за Ламберта, — сказала Нэнси.

— Из-за художника, который написал эту твою картину?

— У меня их три! — с гордостью сообщила

Нэнси.

— Но Ламберт умер пятьсот с лишним лет назад!

— Я и сама так думала, — ответила Нэнси. — Но сегодня вечером он пришел ко мне. Говорит, что заблудился.

Из кабинета, вежливо отодвинув Нэнси в сторону, вышел мужчина — высокий, крепкий, белобрысый, с лицом, изборожденным глубокими морщинами.

— Господа! — сказал он. — Кажется, речь идет обо мне? В таком случае не разрешите ли вы и мне принять участие в вашей беседе?

Его произношение производило странное впечатление, но он улыбнулся им всем такой веселой и добродушной улыбкой, что они почувствовали к нему невольную симпатию.

— Вы — Альберт Ламберт? — спросил Максвелл.

— Не кто иной, — ответил Ламберт. — Надеюсь, я вам не помешал? Но со мной приключилась большая неприятность.

— Только с вами одним? — осведомился Шарп.

— Право, не могу сказать, — сказал Ламберт. — Вероятно, неприятности приключаются со множеством людей. Однако для каждого в подоб-

ном случае вопрос ставится просто — как найти выход из положения?

— Почтеннейший! — воскликнул Шарп. — Вот над этим-то я и ломаю голову, совсем как вы.

— Разве ты не понимаешь, что Ламберт его уже нашел? — спросил Максвелл у Шарпа. — Он явился именно туда, где ему могут помочь.

— На вашем месте, молодой человек, — вмешался Дрейтон, — я держался бы потише. В тот раз вы меня провели, но теперь вам от меня так просто не отделаться. Сначала вы ответите на некоторые вопросы.

— Инспектор, — попросил Шарп, — ну, пожалуйста, не вмешивайтесь. И без вас голова идет кругом. Артефакт исчез, музей разгромлен, Шекспир пропал.

— Но мне-то, — вразумительно сказал Ламберт, — мне-то нужно всего лишь одно: вернуться домой. В мой две тысячи двадцать третий год.

— Погодите минутку, — потребовал Шарп. — Вы лезете без очереди. Я не…

— Харлоу, — перебил Максвелл, — я же тебе уже объяснял. Не далее, как сегодня вечером. Я еще спросил тебя про Симонсона. Не мог же ты забыть!

— Симонсон? А, да! — Шарп посмотрел на Лам-

берта. — Вы — тот художник, который нарисовал картину с Артефактом?

— С каким Артефактом?

— Большим черным камнем на вершине холма.

Ламберт покачал головой.

— Нет, я ее не писал. Но наверное, еще напишу. Вернее, не могу не написать. Мисс Клейтон показала ее мне, и кисть, несомненно, моя. И хотя не мне бы это говорить, но вещь получилась недурная.

— Значит, вы действительно видели Артефакт в юрском периоде?

— Когда-когда?

— Двести миллионов лет назад.

— Так давно? — удивился Ламберт. — Впрочем, я так и полагал. Там ведь были динозавры.

— Но как же вы не знали? Ведь вы путешествовали во времени.

— Беда в том, — объяснил Ламберт, — что настройка времени закапризничала. Я больше не способен попадать в то время, в которое хочу.

Шарп вскинул руки и сжал ладонями виски. Потом отнял руки от головы и проговорил:

— Давайте по порядку. Не торопясь. Сначала одно, потом другое, пока во всем не разберемся.

— Я ведь объяснил вам, — сказал Ламберт, — что хочу одного, самого простого. Я хочу вернуться домой.

— А где ваша машина времени? — спросил Шарп. — Где вы ее оставили? Мы могли бы ее наладить.

— Я ее нигде не оставлял. Я вообще не могу ее оставить. Она всегда со мной. Она у меня в голове.

— В голове?! — взвыл Шарп. — Машина времени в голове? Но это же невозможно!

Максвелл посмотрел на Шарпа и ухмыльнулся.

— Когда мы разговаривали про это сегодня вечером, — сказал он, — ты упомянул, что Симонсон не публиковал никаких сведений о своей машине времени. И вот теперь выясняется…

— Да, я тебе это сказал, — согласился Шарп. — Но кто в здравом уме и твердой памяти мог бы заподозрить, что машина времени вживляется в мозг объекта опыта? Это какой-то новый принцип. Мы прошли мимо него. — Он повернулся к Ламберту. — Вы не знаете, как она действует?

— Не имею ни малейшего представления, — ответил тот. — Мне известно только, что с тех пор, как эту штучку засунули мне в череп — весьма сложная была операция, могу вас заверить! — я

получил способность путешествовать во времени. Мне нужно было просто подумать о том, куда я хочу попасть, используя определенные несложные координаты, и я оказывался там. Но что-то разладилось. Что бы я ни думал, меня бросает вперед и назад, точно бильбоке, из эпохи в эпоху, причем совсем не в те, в которые я хотел бы попасть.

— А ведь в этом есть свои преимущества, — задумчиво произнес Шарп, ни к кому не обращаясь. — Возможность независимых действий и малый объем аппарата… несравненно меньший, чем тот, которым пользуемся мы. Иначе ведь нельзя было бы вживить его в мозг и… Ламберт, а что вам все-таки про него известно?

— Я же вам уже сказал: ничего. Меня совершенно не интересовало, как он работает. Просто Симонсон — мой друг, и…

— Но почему вы очутились здесь? Именно здесь? В данном месте и в данное время?

— Чистейшая случайность. Но, попав сюда, я решил, что этот городок выглядит куда цивилизованнее, чем многие из тех мест, куда меня заносило, и начал наводить справки, чтобы сориентироваться. По-видимому, я еще никогда не забирался так далеко в будущее, поскольку почти

сразу узнал, что вы тут уже начали путешествовать во времени и у вас есть Институт времени. Потом я прослышал про свою картину у мисс Клейтон и рассудил, что в этом случае она может отнестись ко мне благожелательно, а потому отправился к ней в надежде, что она поможет мне связаться с теми, кто мог бы оказать мне большую любезность, отправив меня домой. А пока я беседовал с ней, пришел инспектор Дрейтон…

— Мистер Ламберт! — сказала Нэнси. — Прежде чем вы будете продолжать, я хотела бы задать вам вопрос. Почему вы, когда вы были в юрской… в юрском… ну, там, где, как сказал Харлоу, вы были и написали эту свою картину…

— Вы забыли, — прервал ее Ламберт, — что я еще ничего не написал. Правда, у меня есть эскизы, и я надеюсь…

— Ну, хорошо. Так почему, когда вы начнете ее писать, вы не введете в нее динозавров? На ней динозавров нет, а вы только что сказали, что поняли, в какую древнюю эпоху попали, когда увидели там динозавров.

— Я не написал динозавров по самой простой причине, — ответил Ламберт. — Там не было динозавров.

— Но вы же сами сказали…

— Поймите, — начал терпеливо объяснять художник, — я пишу только то, что вижу. Я никогда ничего не опускаю. И никогда ничего не ввожу. А динозавров там не было, потому что другие создания, которые есть на картине, их разогнали. И я не написал ни динозавров, ни прочих.

— Прочих? — переспросил Максвелл. — О чем вы говорите? Что это были за прочие?

— Ну, те, на колесах, — ответил Ламберт.

Он умолк и обвел взглядом их ошеломленные лица.

— Я сказал какую-то неловкость?

— Нет-нет, что вы! — успокоила его Кэрол. — Продолжайте, мистер Ламберт. Расскажите нам про этих… на колесах.

— Вы, наверное, мне не поверите, — сказал Ламберт. — И я не могу вам объяснить, что они были такое. Может быть, рабы. Рабочий скот. Носильщики. Сервы. По-видимому, они были не машинами, а живыми существами, но они передвигались не с помощью ног, а с помощью колес и представляли собой что-то вроде гнезда насекомых. Ну, как пчелиный рой или муравейник. Общественные насекомые, по-видимому. Разумеется, я не жду, чтобы вы мне поверили, но даю вам честное слово…

Откуда-то издали донесся глухой нарастающий рокот, словно от быстро катящихся колес. Они замерли, прислушиваясь, и поняли, что колеса катятся по коридору. Рокот все приближался, становясь громче и громче. Внезапно он раздался у самой двери, затих на повороте, и на дороге кабинета возник колесник.

— Вот один из них! — взвизгнул Ламберт. — Что он тут делает?

— Мистер Мармадьюк, — сказал Максвелл, — я рад снова увидеться с вами.

— Нет, — сказал колесник. — Не мистер Мармадьюк. Так называемого мистера Мармадьюка вы больше не увидите. Он в большой немилости. Он совершил непростительную ошибку.

Сильвестр двинулся было вперед, но Оп быстро протянул руку, ухватил его за загривок и не выпустил, как ни старался тигренок вывернуться.

— Гуманоид, известный под именем Харлоу Шарп, заключил условие о продаже. Кто из вас Харлоу Шарп?

— Это я, — сказал Шарп.

— В таком случае, сэр, я должен спросить вас, как вы думаете выполнить указанное условие?

— Я ничего не могу сделать, — ответил Шарп. — Артефакт исчез и не может быть вам вручен.

Ваши деньги, разумеется, будут вам немедленно возвращены.

— Этого, мистер Шарп, окажется недостаточно, — сказал колесник. — Далеко, далеко недостаточно. Мы возбудим против вас преследование по закону. Мы пустим против вас в ход все, чем мы располагаем. Мы сделаем все, чтобы ввергнуть вас в разорение и…

— Ах ты, самоходная тачка! — вдруг взорвался Шарп. — На какой это закон вы думаете ссылаться? Галактический закон неприложим к таким тварям! И если вы воображаете, что можете являться сюда и угрожать мне…

В проеме двери из ничего возник Дух.

— Явился, наконец! — взревел Оп сердито. — Где тебя носило всю ночь? Куда ты девал Шекспира?

— Бард в безопасном месте, — ответил Дух, — но у меня другие известия. — Рукав его одеяния взметнулся, указывая на колесника. — Его сородичи ворвались в заповедник гоблинов и ловят дракона!

Так, значит, они с самого начала охотились именно за драконом, несколько нелогично подумал Максвелл. Значит, колесники всегда знали, что в Артефакте скрыт дракон? И сам себе ответил — да, конечно, знали! Ведь это они сами или

их предки жили на Земле в юрский период. В юрский период — на Земле? А в какие времена на разных других планетах? Ламберт назвал их сервами, носильщиками, рабочим скотом. Были ли они биологическими роботами, которых создали эти древние существа? А может быть, одомашненными животными, приспособленными с помощью генетической обработки к выполнению определенных функций?

И вот теперь эти бывшие рабы, создав собственную империю, пробуют завладеть тем, что с некоторым правом могут считать своим. Потому что больше нигде во всем мире, исключая разрозненные, вымирающие остатки былых поселений, не осталось иных следов гигантского замысла освоить новую юную вселенную, о котором мечтала хрустальная планета.

И может быть, может быть, подумал Максвелл, это наследие и должно принадлежать им. Ибо осуществление этого замысла опиралось на их труд.

И не пытался ли умирающий банши, томимый сознанием давней вины, не пытался ли он искупить прошлое, когда обманул хрустальную планету, чтобы помочь этим бывшим рабам? Или он полагал, что лучше отдать это наследие

не чужакам, а существам, которые сыграли свою роль — пусть небольшую, пусть чисто служебную — в подготовке к осуществлению великого замысла, который так и не удалось привести в исполнение?

— То есть пока вы стоите здесь и угрожаете мне, — говорил Шарп колеснику, — ваши бандиты…

— Уж они ничего не упустят, — вставил Оп.

— Дракон, — сказал Дух, — отправился в единственное родное и близкое место, какое ему удалось отыскать на этой планете. Он полетел туда, где живет маленький народец, в надежде увидеть вновь своих сородичей, парящих в лунном свете над речной долиной. И тут на него с воздуха напали колесники, пытаясь прижать его к земле, чтобы там схватить. Дракон доблестно отбивает их атаки, но…

— Колесники не умеют летать, — перебил его Шарп. — И вы сказали, что их там много. Этого не может быть. Мистер Мармадьюк был единственным…

— Возможно, и считается, что они не могут летать, — возразил Дух. — Но вот летают же! А почему их много, я не знаю. Может быть, они все время были здесь и прятались, а может быть,

пополнение к ним прибывает с передаточных станций.

— Ну, этому мы можем положить конец! — воскликнул Максвелл. — Надо поставить в известность транспортников, и…

Шарп покачал головой.

— Нет. Транспортная система не принадлежит Земле. Это межгалактическая организация. Мы не имеем права вмешиваться…

— Мистер Мармадьюк, — сказал инспектор Дрейтон самым официальным своим тоном, — или как бы вы там себя ни называли, судя по всему, я должен вас арестовать.

— Прекратите словоизлияния! — воскликнул Дух. — Маленькому народцу нужна помощь.

Максвелл схватил стул.

— Довольно дурачиться! — сказал он и, занеся стул над головой, обратился к колеснику. — Нука, выкладывайте все начистоту, иначе я вас в лепешку расшибу!

Внезапно из груди колесника высунулись наконечники сопел и раздалось пронзительное шипение. В лицо людям ударила невыносимая вонь, смрад, который бил по желудку, как тяжелый кулак, вызывая мучительную тошноту.

Максвелл почувствовал, что падает на пол —

тело перестало ему повиноваться и словно связалось в узлы, парализованное зловонием, которое выбрасывал колесник. Он схватил себя за горло, задыхаясь, жадно глотая воздух, но воздуха не было, был только густой удушливый смрад.

Над его головой раздался ужасающий визг, и, перекатившись на бок, он увидел Сильвестра — вцепившись передними лапами в верхнюю часть тела колесника, тигренок рвал когтями мощных задних лап пухлое прозрачное брюхо, в котором извивалась отвратительная масса белесых насекомых. Колеса колесника отчаянно вращались, но с ними что-то произошло: одно колесо вертелось в одну сторону, а другое — в противоположную, в результате чего колесник волчком вертелся на месте, а Сильвестр висел на нем, терзая его брюхо. Максвеллу вдруг показалось, что они танцуют нелепый стремительный вальс.

Чья-то рука ухватила Максвелла за локоть и бесцеремонно поволокла по полу. Его тело стукнулось о порог, и он, наконец, глотнул более или менее чистого воздуха.

Максвелл перекатился на живот, встал на четвереньки и с трудом поднялся на ноги. Потом кулаками протер слезящиеся глаза. Вонь достигла и коридора, но тут все-таки можно было

кое-как дышать.

Шарп сидел, привалившись к стене, судорожно кашлял и тер глаза. Кэрол скорчилась в углу. Оп, согнувшись в три погибели, тащил из отравленной комнаты бесчувственную Нэнси, а оттуда по-прежнему доносился свирепый визг саблезубого тигра, расправляющегося с врагом.

Максвелл, пошатываясь, побрел к Кэрол, поднял ее, вскинул на плечо, как мешок, повернулся и заковылял по коридору к выходу.

Шагов через двадцать он остановился и оглянулся. В этот момент из двери приемной выскочил колесник. Он наконец стряхнул с себя Сильвестра, и оба колеса вращались теперь в одну сторону. Он двигался по коридору, выписывая фантастические вензеля, прихрамывая — если только существо на колесах способно прихрамывать, — натыкаясь на стены. Из огромной прорехи в его животе на пол сыпались какие-то маленькие белые крупинки.

Шагах в десяти от Максвелла колесник упал, потому что одно из колес, ударившись о стену, прогнулось. Медленно, с каким-то странным достоинством колесник перевернулся, и из его живота хлынул поток насекомых, образовавших на полу порядочную кучу.

По коридору крадущейся походкой скользил Сильвестр. Он припадал на брюхо, вытягивал морду и осторожными шажками подбирался к своей жертве.

За тигренком шел Оп, а за неандертальцем — все остальные.

— Вы могли бы спустить меня на пол, — сказала Кэрол.

Максвелл бережно опустил ее и помог встать на ноги. Она прислонилась к стене и негодующе заявила:

— По-моему, трудно придумать более нелепый способ переноски. Тащить женщину, как узел с тряпьем! Где ваша галантность?

— Прошу прощения, — сказал Максвелл. — Мне, конечно, следовало оставить вас на полу.

Сильвестр остановился и, вытянув шею, обнюхал колесника. Он наморщил нос, и на его морде было написано брезгливое недоумение. Колесник не подавал никаких признаков жизни. Сильвестр удовлетворенно попятился, присел на задние лапы и принялся умываться. На полу возле неподвижного колесника копошилась куча насекомых. Около десятка их ползло к выходу.

Шарп быстро прошел мимо колесника.

— Идемте, — сказал он, — Надо выбраться от-

сюда.

В коридоре все еще висела отвратительная вонь.

— Но что произошло? — жалобно спросила Нэнси. — Почему мистер Мармадьюк…

— Горстка жуков-вонючек, и ничего больше! — объяснил ей Оп. — Нет, вы подумайте! Галактическая раса жучков-вонючек! И они нагнали на нас страху!

Инспектор Дрейтон встал поперек коридора.

— Боюсь, — сказал он внушительно, — что вам всем придется пойти со мной. Мне понадобятся ваши показания.

— Показания? — злобно повторил Шарп. — Да вы с ума сошли! Какие там показания, когда дракон на воле и…

— Но ведь был убит внеземлянин! — возразил Дрейтон. — И не простой внеземлянин, а представитель наших возможных врагов. Это может привести к самым непредвиденным последствиям.

— Да запишите просто: «Убит диким зверем», — посоветовал Оп.

— Оп, как вы смеете! — вспылила Кэрол. — Сильвестр совсем не дикий. Он ласков, как котенок. И он вовсе не зверь!

— А где Дух? — спросил Максвелл, оглядываясь.

— Смылся, — ответил Оп. — Его обычная манера, когда дело начинает пахнуть керосином. Трус он, и больше ничего.

— Но он же сказал…

— Правильно, — отозвался Оп. — И мы напрасно тратим время. О'Тулу нужна помощь.

Глава 24

Мистер О'Тул ждал их у шоссе.

— Я знал, что вы не преминете прибыть, — приветствовал он их, едва они сошли с полосы. — Дух сказал, что разыщет вас и оповестит. А вам безотлагательно потребен кто-то, кто сумеет вразумить троллей, которые попрятались в мосту, бессмысленно бормочут и не слушают никаких доводов.

— Но при чем тут тролли? — спросил Максвелл. — Хоть раз в жизни не могли бы вы забыть про троллей?

— Тролли, — возразил мистер О'Тул, — как они ни подлы, одни лишь способны оказать нам помощь. Они ведь единственные, кто, не вкусив плодов цивилизации с ее множеством удобств, сохранили сноровку в колдовстве былых времен, и специализируются на самых черных, самых вредных чарах. Феи, естественно, также хранят заветы старины, но их волшебство направлено лишь на все доброе, а доброта это не то, в чем мы нуждаемся сейчас.

— Не могли бы вы объяснить нам, что, собственно, происходит? — попросил Шарп. — Дух

испарился, ничего толком не сказав.

— С удовольствием, — ответил гоблин. — Но прежде отправимся в путь, не мешкая, и я поведаю вам все обстоятельства на ходу. Нам не осталось времени, чтобы терять его зря, а тролли упрямы, и много потребуется убеждений, дабы они согласились помочь нам. Они засели в замшелых камнях своего дурацкого моста и хихикают, как умалишенные. Хотя, как ни горька такая правда, но этим грязным троллям и лишаться-то нечего!

Они начали гуськом подниматься вверх по узкому оврагу, разделявшему две гряды холмов. Небо на востоке посветлело, но на тропинке, вьющейся среди кустов под густыми деревьями, было совсем темно. Там и сям уже звучал щебет просыпающихся птиц, а где-то на холме верещал енот.

— Дракон прилетел к нам, — рассказывал О'Тул. — В единственное место на Земле, где он еще мог найти близких себе, а колесники — которые в древние времена назывались совсем по-другому — напали на него, как метлы, летящие боевым строем. Нельзя позволить, чтобы они принудили его спуститься на землю, ибо тогда они без труда изловят его и утащат к себе. И поистине, он сражается доблестно и отражает

их натиск, но он начинает уставать, и нам надо торопиться, если мы хотим поспособствовать ему в тяжелую минуту.

— И вы рассчитываете, — сказал Максвелл, — что тролли сумеют остановить колесников в воздухе, как они остановили автолет?

— Вы догадливы, друг мой. Именно это я и замыслил. Но поганцы тролли задумали погреть здесь руки.

— Я никогда не слышал, что колесники умеют летать, — сказал Шарп. — Все, которых я видел, только катались по твердой земле.

— Умений их не перечесть, — ответил О'Тул. — Они способны сотворять из своих тел разные приспособления, которые ни назвать, ни вообразить невозможно. Трубки, чтобы выбрасывать гнусный газ, пистолеты, чтобы поражать врагов смертоносными громами, реактивные двигатели для метел, что движутся с дивной быстротой. И всегда они замышляют только подлости и зло. Сколько ни прошло веков, а они, все еще полные злобы и мести, затаились в глубинах вселенной, лелея и вынашивая в своих смрадных умах планы, как стать тем, чем им никогда не стать, ибо они всегда были только слугами и слугами они останутся.

— Но к чему нам возиться с троллями? — растерянно спросил Дрейтон. — Я мог бы вызвать орудия и самолеты…

— Не валяйте дурака, — сердито ответил Шарп. — Мы их пальцем тронуть не можем. Нам необходимо обойтись без инцидента. Люди не могут вмешиваться в дело, которое обитатели холмов и их прежние служители должны разрешить между собой.

— Но ведь тигр уже убил…

— Тигр. А не человек. Мы можем…

— Сильвестр только защищал нас! — вмешалась Кэрол.

— Нельзя ли идти не так быстро? — взмолилась Нэнси. — Я не привыкла…

— Обопритесь на мою руку, — предложил Ламберт. — Тропа тут действительно очень крута.

— Знаешь, Пит, — радостно сказала Нэнси, — мистер Ламберт согласился погостить у меня год-другой и написать для меня несколько картин. Как мило с его стороны, не правда ли?

— Да, — сказал Максвелл. — Да, конечно.

Тропа, которая до сих пор вилась вверх по склону, круто пошла вниз, к оврагу, усыпанному огромными камнями, в полусвете раннего утра напоминавшими приготовившихся к прыжку

горбатых зверей. Через овраг был переброшен мост, казалось, доставленный сюда прямо с одной из дорог средневековья. Поглядев на него, Максвелл усомнился, действительно ли его построили всего несколько десятилетий назад, когда создавался заповедник.

И неужели, подумал он, прошло всего двое суток с того момента, когда он вернулся на Землю и попал прямо в кабинет инспектора Дрейтона? За этот срок произошло столько событий, что они, казалось, никак не могли вместиться в сорок восемь часов. И столько произошло — и продолжает происходить — самого невероятного! Но от исхода этих событий, возможно, зависели судьбы человечества и союза дружбы, который человек создал среди звезд.

Он попытался вызвать в своей душе ненависть к колесникам, но ненависти не было. Они были слишком чужды людям, слишком от них далеки, чтобы внушать ненависть. Они представлялись некоей абстракцией зла, а не злыми ожесточенными существами, хотя, как он прекрасно понимал, это не делало их менее опасными. Например, тот, другой Питер Максвелл: его, конечно, убили колесники — ведь там, где его нашли, в воздухе чувствовался странный,

отвратительный запах — и теперь, после тех нескольких минут в кабинете Шарпа, Максвелл легко представил себе, что это был за запах. А убили его колесники потому, что, по их сведениям, первым на Землю должен был вернуться Максвелл, попавший на хрустальную планету, и, убив его, они рассчитывали помешать ему сорвать переговоры, которые они вели о покупке Артефакта. Когда же появился второй Максвелл, они уже не рискнули прибегнуть к такому опасному средству вторично, а потому мистер Мармадьюк попытался подкупить его.

И тут Максвелл вспомнил, какую роль сыграл во всем этом Монти Черчилл, и обещал себе по завершении нынешнего утра, каким бы ни оказался исход, отыскать его и скрупулезно свести с ним счеты по всем статьям.

Тем временем они приблизились к мосту, прошли под ним и остановились.

— Эй вы! Ничтожные тролли! — завопил мистер О'Тул, обращаясь к безмолвным камням. — Нас много пришло сюда побеседовать с вами!

— Ну-ка, замолчите! — сказал Максвелл, обращаясь к О'Тулу. — И вообще не вмешивайтесь. Вы же не ладите с троллями.

— А кто, — возмущенно спросил О'Тул, — по-

ладить с ними может? Упрямцы без чести они, и разум со здравым смыслом равно им чужд!

— Замолчите, и ни слова больше, — повторил Максвелл.

Все они умолкли, и вокруг воцарилась глубокая тишина нарождающегося утра, а потом из-под дальнего конца моста донесся писклявый голос.

— Кто тут? — спросил голос. — Если вы пришли помыкать нами, мы не поддадимся! Крикун О'Тул все эти годы помыкал нами и поносил нас, и больше мы терпеть не будем.

— Меня зовут Максвелл, — ответил Максвелл невидимому парламентеру. — И я пришел не помыкать вами, я пришел просить о помощи.

— Максвелл? Добрый друг О'Тула?

— Добрый друг всех вас. И каждого из вас. Я сидел с умирающим банши, заменяя тех, кто не захотел прийти к нему в последние минуты.

— И все равно ты пьешь с О'Тулом, да-да! И разговариваешь с ним, да! И веришь его напраслине.

О'Тул выскочил вперед, подпрыгивая от ярости.

— Вот это я вам в глотки вобью, — взвизгнул он. — Дайте мне только наложить лапы на их мерзкие шеи…

Он внезапно умолк, потому что Шарп ухватил его сзади за штаны и поднял, не обращая внимания на его бессвязные гневные вопли.

— Валяй! — сказал Шарп Максвеллу. — А если этот бахвальщик еще посмеет рот раскрыть, я окуну его в первую попавшуюся лужу.

Сильвестр подобрался к Шарпу, вытянул морду и начал изящно обнюхивать болтающегося в воздухе О'Тула. Гоблин замахал руками, как ветряная мельница.

— Отгоните его! — взвизгнул он.

— Он думает, что ты мышь, — объяснил Оп. — И взвешивает, стоишь ли ты хлопот.

Шарп попятился и пнул Сильвестра в ребра.

Сильвестр с рычанием отскочил.

— Харлоу Шарп! — закричала Кэрол, кидаясь к нему. — Если вы позволите себе еще раз ударить Сильвестра, я… я…

— Да заткнитесь же! — вне себя от бешенства крикнул Максвелл. — Все заткнитесь. Дракон там бьется из последних сил, а вы тут затеваете свары!

Все замолчали и отошли в сторону. Максвелл выдержал паузу, а потом обратился к троллям.

— Мне неизвестно, что произошло раньше, — сказал он. — Я не знаю причины вашей ссоры.

Но нам нужна ваша помощь, и вы должны нам помочь. Я обещаю вам, что все будет честно и справедливо, но если вы не поведете себя разумно, мы проверим, что останется от вашего моста после того, как в него заложат два заряда взрывчатки.

Из-под моста донесся тихий писклявый голосок.

— Но ведь мы только всего и хотели, мы только всего и просили, чтобы крикун О'Тул сварил нам бочонок сладкого октябрьского эля.

— Это правда? — спросил Максвелл, оглядываясь на гоблина.

Шарп поставил О'Тула на землю, чтобы тот мог ответить.

— Это же будет неслыханное нарушение всех прецедентов! — возопил О'Тул. — Вот что это такое! С незапамятных времен только мы, гоблины, варим радующий сердце эль. И сами его выпиваем. Мы не можем сварить больше, чем мы можем выпить. А если сварить его для троллей, тогда и феи потребуют…

— Но ты же знаешь, — перебил его Оп, — что феи не пьют эля. Они ничего не пьют, кроме молока. И эльфы тоже.

— Из-за вас нас всех мучит жажда, — вопил

О'Тул. — Неизмеримый тяжкий труд мы тратим, чтобы сварить его столько, сколько нужно нам! И времени, и размышлений, и усилий!

— Если вопрос только в производительности, — вмешался Шарп, — то ведь мы могли бы вам помочь.

Мистер О'Тул в бешенстве запрыгал на месте.

— А жучки?! — неистовствовал он. — А что будет с жучками? Вы не допустите их в эль, я знаю, пока он будет бродить. Уж эти мне гнусные правила санитарии и гигиены! А чтобы октябрьский эль удался на славу, в него должны падать жучки и всякая другая пакость, не то душистости в нем той не будет!

— Мы набросаем в него жучков, — пообещал Оп. — Наберем целое ведро и высыпем в чан.

О'Тул захлебывался от ярости. Его лицо побагровело.

— Невежество! — визжал он. — Жуков ведрами в него не сыплют. Жуки сами падают в него с дивной избирательностью и…

Его речь завершилась булькающим визгом и воплем Кэрол:

— Сильвестр! Не смей!

О'Тул, болтая руками и ногами, свешивался из пасти Сильвестра, который задрал голову так,

что ноги гоблина не могли дотянуться до земли.

Оп с хохотом повалился на пожухлую траву, колотя по ней кулаками.

— Он думает, что О'Тул — это мышка! — вопил неандерталец. — Вы посмотрите на эту кисаньку! Она поймала мышку!

Сильвестр держал О'Тула очень осторожно, раня только его достоинство. Он почти не сжимал зубов, но огромные клыки не позволяли гоблину вырваться.

Шарп занес ногу для пинка.

— Нет! — крикнула Кэрол. — Только посмейте!

Шарп в нерешительности застыл на одной ноге.

— Оставь, Харлоу, — сказал Максвелл. — Пусть себе играет с О'Тулом. Он ведь так отличился сегодня у тебя в кабинете, что заслужил награду.

— Хорошо! — в отчаянии завопил О'Тул. — Мы сварим им бочонок эля! Два бочонка!

— Три! — пискнул голос из-под моста.

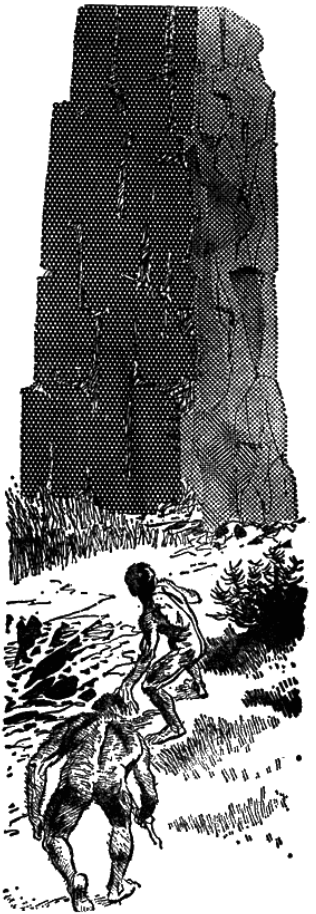
— Ладно, три, — согласился гоблин.

— И без увиливаний? — спросил Максвелл.

— Мы, гоблины, никогда не увиливаем, — заявил О'Тул.

— Ладно, Харлоу, — сказал Максвелл. — Дай ему хорошего пинка.

Шарп снова занес ногу. Сильвестр отпустил О’Тула и попятился.



Из моста хлынул поток троллей — возбужденно вопя, они кинулись на холм.

Люди начали взбираться по склону вслед за троллями.

Кэрол, которая шла впереди Максвелла, споткнулась и упала. Он помог ей подняться, но она вырвала у него руку и повернулась к нему, пылая гневом:

— Не смейте ко мне прикасаться! И разговаривать со мной не смейте! Вы велели Харлоу дать Сильвестру хорошего пинка! И накричали на меня! Сказали, чтобы я заткнулась!

Она повернулась и бросилась вверх по склону почти бегом. Максвелл несколько секунд ошеломленно смотрел ей вслед, а потом начал карабкаться прямо на обрыв, цепляясь за кусты и камни.

С вершины холма донеслись радостные вопли, и Максвелл увидел, как с неба, бешено вращая колесами, скатился большой черный шар и под треск ломающихся веток исчез в лесу справа от него. Он остановился, задрал голову и увидел, что над вершинами деревьев два черных шара мчатся прямо навстречу друг другу. Они не свернули в сторону, не снизили скорости. Столкнувшись, они взорвались. Максвелл проводил взглядом ку-

выркающиеся в воздухе обломки. Через секунду они дождем обрушились на лес.

Вверху на обрыве все еще слышались радостные крики, и вдали, у вершины холма, вздымающегося по ту сторону оврага, что-то, скрытое от его взгляда, тяжело ударилось о землю.

Максвелл полез дальше. Вокруг никого не было.

Вот и кончилось, сказал он себе. Тролли сделали свое дело, и дракон может теперь опуститься на землю. Максвелл усмехнулся. Столько лет он разыскивал дракона, и вот, наконец, дракон, но так ли все просто? Что такое дракон и почему он был заключен в Артефакте, или превращен в Артефакт, или что там с ним сделали?

Странно, что Артефакт сопротивлялся любым воздействиям, не давая проникнуть в себя, пока он не надел переводящий аппарат и не посмотрел на черный брус сквозь очки. Так что же высвободило дракона из Артефакта? Несомненно, переводящий аппарат дал к этому какой-то толчок, но самый процесс оставался тайной. Впрочем, тайной, известной обитателям хрустальной планеты в числе многих и многих других, еще скрытых от жителей новой вселенной. Да, но случайно ли переводящий аппарат попал в его чемодан? Не

положили ли его туда для того, чтобы он вызвал то превращение, которое вызвал? И вообще, действительно ли это был переводящий аппарат или совсем иной прибор, которому придали тот же внешний вид?

Максвелл вспомнил, что одно время он раздумывал, не был ли Артефакт богом маленького народца или тех неведомых существ, которые на заре земной истории вступали в общение с маленьким народцем. Так, может быть, он и не ошибся? Не был ли дракон богом из каких-то невообразимо древних времен?

Он снова начал карабкаться на обрыв, но уже не торопясь, потому что спешить больше было некуда. Впервые после того, как он возвратился с хрустальной планеты, его оставило ощущение, что нельзя терять ни минуты.

Максвелл уже достиг подножия холма, когда вдруг услышал музыку — сперва такую тихую и приглушенную, что он даже усомнился, не чудится ли она ему.

Он остановился и прислушался. Да, это, несомненно, была музыка.

Из-за горизонта высунулся краешек солнца, ослепительный сноп лучей озарил вершины деревьев на склоне над ним, и они заиграли всеми

яркими красками осени. Но склон под ним все еще был погружен в сумрак.

Максвелл стоял и слушал — музыка была, как звон серебряной воды, бегущей по счастливым камням. Неземная музыка. Музыка фей. Да-да. Слева от него на лужайке фей играл их оркестр. Оркестр фей! Феи, танцующие на лужайке! Он никогда еще этого не видел, и вот теперь ему представился случай! Максвелл свернул влево и начал бесшумно пробираться к лужайке.

— Пожалуйста! — шептал он про себя. — Ну, пожалуйста, не исчезайте! Не надо меня бояться. Пожалуйста, останьтесь и дайте посмотреть на вас!

Он подкрался уже совсем близко. Вон за этим валуном! А музыка все не смолкала.

Максвелл на четвереньках пополз вокруг валуна, стараясь не дышать.

И вот — он увидел!

Оркестранты сидели рядком на бревне у опушки и играли, а утренние лучи солнца блестели на их радужных крылышках и на сверкающих инструментах. Но на лужайке фей не было. Там танцевала только одна пара, которую Максвелл никак не ожидал увидеть в этом месте. Две чистые и простые души, каким только и дано

танцевать под музыку фей.

Лицом друг к другу, двигаясь в такт волшебной музыке, на лужайке плясали Дух и Вильям Шекспир.

Глава 25

Дракон расположился на зубчатой стене замка, и солнце озаряло его многоцветное тело. Далеко внизу, в долине, река Висконсин, синяя, как уже забытое летнее небо, струила свои воды между пламенеющими лесными чащами. Со двора замка доносились звуки веселой пирушки — гоблины и тролли, на время забыв вражду, пили октябрьский эль, гремя огромными кружками по столам, которые ради торжественного случая были вынесены из зала, и распевали древние песни, сложенные в те далекие времена, когда такого существа, как Человек, не было еще и в помине.

Максвелл сидел на ушедшем в землю валуне и смотрел на долину. В десяти шагах от него, там, где обрыв круто уходил на сто с лишним футов вниз, рос старый искривленный кедр — искривленный ветрами, проносившимися по этой долине несчетное количество лет. Его кора была серебристо-серой, хвоя светло-зеленой и душистой. Ее бодрящий аромат доносился даже до того места, где сидел Максвелл.

Вот все и кончилось благополучно, сказал он себе. Правда, у них нет Артефакта, который можно было бы предложить обитателям хрустальной планеты в обмен на их библиотеку, но зато вон там, на стене замка, лежит дракон, а возможно, именно он и был настоящей ценой. Но если и нет, колесники проиграли, а это, пожалуй, еще важнее.

Все получилось отлично. Даже лучше, чем он мог надеяться. Если не считать того, что теперь все на него злы. Кэрол — потому что он сказал, чтобы Харлоу пнул Сильвестра, а ее попросил заткнуться.

О'Тул — потому что он оставил его в пасти Сильвестра и тем принудил уступить троллям. Харлоу наверняка еще не простил ему сорванную продажу Артефакта и разгром музея. Но может быть,

заполучив назад Шекспира, он немного отойдет. И конечно, Дрейтон, который, наверное, еще прицеливается снять с него допрос, и Лонгфелло в ректорате, который ни при каких обстоятельствах не проникнется к нему симпатией.

Иногда, сказал себе Максвелл, любить что-то, бороться за что-то — это дорогое удовольствие. Возможно, истинную мудрость жизни постигли только люди типа Нэнси Клейтон — пустоголовой Нэнси, у которой гостят знаменитости и которая устраивает сказочные приемы.

Он почувствовал мягкий толчок в спину и обернулся. Сильвестр немедленно облизал его щеки жестким шершавым языком.

— Не смей! — сказал Максвелл. — У тебя не язык, а терка.

Сильвестр довольно замурлыкал и устроился рядом с Максвеллом, тесно к нему прижавшись. И они начали вместе смотреть на долину.

— Тебе легко живется, — сообщил Максвелл тигренку. — Нет у тебя никаких забот, живешь себе и в ус не дуешь.

Под чьей-то подошвой хрустнули камешки. Чей-то голос сказал:

— Вы прикарманили моего тигра. Можно, я сяду рядом и тоже им попользуюсь?

— Ну конечно, садитесь! — отозвался Максвелл. — Я сейчас подвинусь. Мне казалось, что вы больше не хотите со мной разговаривать.

— Там, внизу, вы вели себя гнусно, — сказала Кэрол, — и очень мне не понравились. Но вероятно, у вас не было выбора.

На кедр опустилось темное облако.

Кэрол ахнула и прижалась к Максвеллу. Он крепко обнял ее одной рукой.

— Все в порядке, — сказал он. — Это только банши.

— Но у него же нет тела! Нет лица! Только бесформенное облако…

— В этом нет ничего странного, — сказал ей банши. — Так мы созданы, те двое из нас, которые еще остались. Большие грязные полотенца, колышущиеся в небе. И не бойтесь — человек, который сидит рядом с вами, — наш друг.

— Но третий не был ни моим другом, ни другом всего человечества, — сказал Максвелл. — Он продал нас колесникам.

— И все-таки ты сидел с ним, когда остальные не захотели прийти.

— Да. Это долг, который следует отдавать даже злейшему врагу.

— Значит, — сказал банши, — ты способен

что-то понять. Колесники ведь были одними из нас и, может быть, еще останутся одними из нас. Древние узы рвутся нелегко.

— Мне кажется, я понимаю, — сказал Максвелл. — Что я могу сделать для тебя?

— Я явился только для того, чтобы сообщить тебе, что место, которое вы называете хрустальной планетой, извещено обо всем, — сказал банши.

— Им нужен дракон? — спросил Максвелл. — Тебе придется дать нам их координаты.

— Координаты будут даны Транспортному центру. Вам надо будет отправиться туда — и тебе и многим другим, — чтобы доставить на Землю библиотеку. Но дракон останется на Земле, здесь, в заповеднике гоблинов.

— Я не понимаю, — сказал Максвелл. — Им же нужен был…

— Артефакт, — докончил банши. — Чтобы освободить дракона. Он слишком долго оставался в заключении.

— С юрского периода, — добавил Максвелл. — Я согласен: это слишком долгий срок.

— Но так произошло против нашей воли, — сказал банши. — Вы завладели им прежде, чем мы успели вернуть ему свободу, и мы думали, что он пропал бесследно. Артефакт должен был

обеспечить ему безопасность, пока колония на Земле не утвердилась бы настолько, чтобы могла его оберегать.

— Оберегать? Почему его нужно было оберегать?

— Потому что, — ответил банши, — он последний в своем роду и очень дорог всем нам. Он последний из… из… я не знаю, как это выразить… У вас есть существа, которых вы зовете собаками и кошками.

— Да, — сказала Кэрол. — Вот одно из них сидит здесь с нами.

— Предметы забавы, — продолжал банши. — И все же гораздо, гораздо больше, чем просто предметы забавы. Существа, которые были вашими спутниками с первых дней вашей истории. А дракон — то же самое для обитателей хрустальной планеты. Их последний четвероногий друг. Они состарились, они скоро исчезнут. И они не могут бросить своего четвероногого друга на произвол судьбы. Они хотят отдать его в заботливые и любящие руки.

— Гоблины будут о нем хорошо заботиться, — сказала Кэрол. — И тролли, и феи, и все остальные обитатели холмов. Они будут им гордиться. Они его совсем избалуют.

— И люди тоже?

— И люди тоже, — повторила она.

Они не уловили, как он исчез. Только его уже не было. И даже грязное полотенце не колыхалось в небе. Кедр был пуст.

Четвероногий друг, подумал Максвелл. Не бог, а домашний зверь, И все-таки вряд ли это так просто и плоско. Когда люди научились конструировать биомеханические организмы, кого они создали в первую очередь? Не других людей — во всяком случае, вначале — не рабочий скот, не роботов, предназначенных для одной какой-нибудь функции. Они создали четвероногих друзей. Кэрол потерлась о его плечо.

— О чем вы думаете, Пит?

— О приглашении. О том, чтобы пригласить вас пообедать со мной. Один раз вы уже согласились, но все получилось как-то нескладно. Может, попробуете еще раз?

— В «Свинье и Свистке»?

— Если хотите.

— Без Опа и без Духа. Без любителей скандалов.

— Но конечно, с Сильвестром.

— Нет, — сказала Кэрол. — Только вы и я. А Сильвестр останется дома. Ему пора привыкать к

тому, что он уже не маленький.

Они поднялись с валуна и направились к замку.

Сильвестр поглядел на дракона, разлегшегося на зубчатой стене, и зарычал.

Дракон опустил голову на гибкой шее и посмотрел тигренку прямо в глаза. И показал ему длинный раздвоенный язык.

Рэй Бредбери
И грянул гром

Объявление на стене расплылось, словно его затянуло пленкой скользящей теплой воды; Экельс почувствовал, как веки, смыкаясь, на долю секунды прикрыли зрачки, но и в мгновенном мраке горели буквы:

А/О САФАРИ ВО ВРЕМЕНИ
ОРГАНИЗУЕМ САФАРИ В ЛЮБОЙ ГОД ПРОШЛОГО
ВЫ ВЫБИРАЕТЕ ДОБЫЧУ
МЫ ДОСТАВЛЯЕМ ВАС НА МЕСТО
ВЫ УБИВАЕТЕ ЕЕ

В глотке Экельса скопилась теплая слизь; он судорожно глотнул. Мускулы вокруг рта растянули губы в улыбку, когда он медленно поднял руку, в которой покачивался чек на десять тысяч долларов, предназначенный для человека за конторкой.

— Вы гарантируете, что я вернусь из сафари живым?

— Мы ничего не гарантируем, — ответил слу-

жащий, — кроме динозавров. — Он повернулся. — Вот мистер Тревис, он будет вашим проводником в Прошлое. Он скажет вам, где и когда стрелять. Если скажет "не стрелять", значит — не стрелять. Не выполните его распоряжения, по возвращении заплатите штраф — еще десять тысяч, кроме того, ждите неприятностей от правительства.

В дальнем конце огромного помещения конторы Экельс видел нечто причудливое и неопределенное, извивающееся и гудящее, переплетение проводов и стальных кожухов, переливающийся яркий ореол — то оранжевый, то серебристый, то голубой. Гул был такой, словно само Время горело на могучем костре, словно все годы, все даты летописей, все дни свалили в одну кучу и подожгли.

Одно прикосновение руки — и тотчас это горение послушно даст задний ход. Экельс помнил каждое слово объявления. Из пепла и праха, из пыли и золы восстанут, будто золотистые саламандры, старые годы, зеленые годы, розы усладят воздух, седые волосы станут черными, исчезнут морщины и складки, все и вся повернет вспять и станет семенем, от смерти ринется к своему истоку, солнца будут всходить на западе и по-

гружаться в зарево востока, луны будут убывать с другого конца, все и вся уподобится цыпленку, прячущемуся в яйцо, кроликам, ныряющим в шляпу фокусника, все и вся познает новую смерть, смерть семени, зеленую смерть, возвращения в пору, предшествующую зачатию. И это будет сделано одним лишь движением руки…

— Черт возьми, — выдохнул Экельс; на его худом лице мелькали блики света от Машины — Настоящая Машина времени! — Он покачал головой. — Подумать только. Закончись выборы вчера иначе, и я сегодня, быть может, пришел бы сюда спасаться бегством. Слава богу, что победил Кейт. В Соединенных Штатах будет хороший президент.

— Вот именно, — отозвался человек за конторкой. — Нам повезло. Если бы выбрали Дойчера, не миновать нам жесточайшей диктатуры. Этот тип против всего на свете — против мира, против веры, против человечности, против разума. Люди звонили нам и справлялись — шутя, конечно, а впрочем… Дескать, если Дойчер будет президентом, нельзя ли перебраться в 1492 год. Да только не наше это дело — побеги устраивать. Мы организуем сафари. Так или иначе, Кейт — президент, и у вас теперь одна забота…

— ...убить моего динозавра, — закончил фразу Экельс.

— Tyrannosaurus rex. Громогласный Ящер, отвратительнейшее чудовище в истории планеты. Подпишите вот это. Что бы с вами ни произошло, мы не отвечаем. У этих динозавров зверский аппетит.

Экельс вспыхнул от возмущения.

— Вы пытаетесь испугать меня?

— По чести говоря, да. Мы вовсе не желаем отправлять в прошлое таких, что при первом же выстреле ударяются в панику. В том году погибло шесть руководителей и дюжина охотников. Мы предоставляем вам случай испытать самое чертовское приключение, о каком только может мечтать настоящий охотник. Путешествие на шестьдесят миллионов лет назад и величайшая добыча всех времен! Вот ваш чек. Порвите его.

Мистер Экельс долго, смотрел на чек. Пальцы его дрожали.

— Ни пуха, ни пера, — сказал человек за конторкой. — Мистер Тревис, займитесь клиентом.

Неся ружья в руках, они молча прошли через комнату к Машине, к серебристому металлу и рокочущему свету.

Сперва день, затем ночь, опять день, опять

ночь; потом день — ночь, день — ночь, день. Неделя, месяц, год, десятилетие! 2055 год. 2019, 1999! 1957! Мимо! Машина ревела.

Они надели кислородные шлемы, проверили наушники.

Экельс качался на мягком сиденье — бледный, зубы стиснуты. Он ощутил судорожную дрожь в руках, посмотрел вниз и увидел, как его пальцы сжали новое ружье. В машине было еще четверо. Тревис — руководитель сафари, его помощник Лесперанс и два охотника — Биллингс и Кремер. Они сидели, глядя друг на друга, а мимо, точно вспышки молний, проносились годы.

— Это ружье может убить динозавра? — вымолвили губы Экельса.

— Если верно попадешь, — ответил в наушниках Тревис. — У некоторых динозавров два мозга: один в голове, другой ниже по позвоночнику. Таких мы не трогаем. Лучше не злоупотреблять своей счастливой звездой. Первые две пули в глаза, если сумеете, конечно. Ослепили, тогда бейте в мозг.

Машина взвыла. Время было словно кинолента, пущенная обратным ходом. Солнца летели вспять, за ними мчались десятки миллионов лун.

— Господи, — произнес Экельс. — Все охотники, когда-либо жившие на свете, позавидовали бы нам сегодня. Тут тебе сама Африка покажется Иллинойсом.

Машина замедлила ход, вой сменился ровным гулом. Машина остановилась.

Солнце остановилось на небе.

Мгла, окружавшая Машину, рассеялась, они были в древности, глубокой-глубокой древности, три охотника и два руководителя, у каждого на коленях ружье — голубой вороненый ствол.

— Христос еще не родился, — сказал Тревис. — Моисей не ходил еще на гору беседовать с богом. Пирамиды лежат в земле, камни для них еще не обтесаны и не сложены. Помните об этом. Александр, Цезарь, Наполеон, Гитлер — никого из них нет.

Они кивнули.

— Вот, — мистер Тревис указал пальцем, — вот джунгли за шестьдесят миллионов две тысячи пятьдесят пять лет до президента Кейта.

Он показал на металлическую тропу, которая через распаренное болото уходила в зеленые заросли, извиваясь между огромными папоротниками и пальмами.

— А это, — объяснил он, — Тропа, проложенная

здесь для охотников Компанией. Она парит над землей на высоте шести дюймов. Не задевает ни одного дерева, ни одного цветка, ни одной травинки. Сделана из антигравитационного металла. Ее назначение — изолировать вас от этого мира прошлого, чтобы вы ничего не коснулись. Держитесь Тропы. Не сходите с нее. Повторяю: не сходите с нее. Ни при каких обстоятельствах! Если свалитесь с нее — штраф. И не стреляйте ничего без нашего разрешения.

— Почему? — спросил Экельс.

Они сидели среди древних зарослей. Ветер нес далекие крики птиц, нес запах смолы и древнего соленого моря, запах влажной травы и кроваво-красных цветов.

— Мы не хотим изменять Будущее. Здесь, в Прошлом, мы незваные гости. Правительство не одобряет наши экскурсии. Приходится платить немалые взятки, чтобы нас не лишили концессии. Машина времени — дело щекотливое. Сами того не зная, мы можем убить какое-нибудь важное животное, пичугу, жука, раздавить цветок и уничтожить важное звено в развитии вида.

— Я что-то не понимаю, — сказал Экельс.

— Ну так слушайте, — продолжал Тревис. — Допустим, мы случайно убили здесь мышь. Это

значит, что всех будущих потомков этой мыши уже не будет — верно?

— Да.

— Не будет потомков от потомков от всех ее потомков! Значит, неосторожно ступив ногой, вы уничтожаете не одну, и не десяток, и не тысячу, а миллион — миллиард мышей!

— Хорошо, они сдохли, — согласился Экельс. — Ну и что?

— Что? — Тревис презрительно фыркнул. — А как с лисами, для питания которых нужны были именно эти мыши? Не хватит десяти мышей — умрет одна лиса. Десятью лисами меньше — подохнет от голода лев. Одним львом меньше — погибнут всевозможные насекомые и стервятники, сгинет неисчислимое множество форм жизни. И вот итог: через пятьдесят девять миллионов лет пещерный человек, один из дюжины, населяющей весь мир, гонимый голодом, выходит на охоту за кабаном или саблезубым тигром. Но вы, друг мой, раздавив одну мышь, тем самым раздавили всех тигров в этих местах. И пещерный человек умирает от голода. А этот человек, заметьте себе, не просто один человек, нет! Это целый будущий народ. Из его чресел вышло бы десять сыновей. От них произошло бы сто — и

так далее, и возникла бы целая цивилизация. Уничтожьте одного человека — и вы уничтожите целое племя, народ, историческую эпоху. Это все равно что убить одного из внуков Адама. Раздавите ногой мышь — это будет равносильно землетрясению, которое исказит облик всей земли, в корне изменит наши судьбы. Гибель одного пещерного человека — смерть миллиарда его потомков, задушенных во чреве. Может быть, Рим не появится на своих семи холмах. Европа навсегда останется глухим лесом, только в Азии расцветет пышная жизнь. Наступите на мышь — и вы сокрушите пирамиды. Наступите на мышь — и вы оставите на Вечности вмятину величиной с Великий Каньон. Не будет королевы Елизаветы, Вашингтон не перейдет Делавер. Соединенные Штаты вообще не появятся. Так что будьте осторожны. Держитесь тропы. Никогда не сходите с нее!

— Понимаю, — сказал Экельс. — Но тогда, выходит, опасно касаться даже травы?

— Совершенно верно. Нельзя предсказать, к чему приведет гибель того или иного растения. Малейшее отклонение сейчас неизмеримо возрастет за шестьдесят миллионов лет. Разумеется, не исключено, что наша теория ошибочна. Быть

может, мы не в состоянии повлиять на Время. А если и в состоянии — то очень незначительно. Скажем, мертвая мышь ведет к небольшому отклонению в мире насекомых, дальше — к угнетению вида, еще дальше — к неурожаю, депрессии, голоду, наконец, к изменениям социальным. А может быть, итог будет совсем незаметным — легкое дуновение, шепот, волосок, пылинка в воздухе, такое, что сразу не увидишь. Кто знает? Кто возьмется предугадать? Мы не знаем — только гадаем. И покуда нам не известно совершенно точно, что наши вылазки во Времени для истории — гром или легкий шорох, надо быть чертовски осторожным. Эта Машина, эта Тропа, ваша одежда, вы сами, как вам известно, — все обеззаражено. И назначение этих кислородных шлемов — помешать нам внести в древний воздух наши бактерии.

— Но откуда мы знаем, каких зверей убивать?

— Они помечены красной краской, — ответил Тревис. — Сегодня, перед нашей отправкой, мы послали сюда на Машине Лесперанса. Он побывал как раз в этом времени и проследил за некоторыми животными.

— Изучал их?

— Вот именно, — отозвался Лесперанс. — Я про-

слеживаю всю их жизнь и отмечаю, какие особи живут долго. Таких очень мало. Сколько раз они спариваются. Редко… Жизнь коротка. Найдя зверя, которого подстерегает смерть под упавшим деревом или в асфальтовом озере, я отмечаю час, минуту, секунду, когда он гибнет. Затем стреляю красящей пулей. Она оставляет на коже красную метку. Когда экспедиция отбывает в Прошлое, я рассчитываю все так, чтобы мы явились минуты за две до того, как животное все равно погибнет. Так что мы убиваем только те особи, у которых нет будущего, которым и без того уже не спариться. Видите, насколько мы осторожны?

— Но если вы утром побывали здесь, — взволнованно заговорил Экельс, — то должны были встретить нас, нашу экспедицию! Как она прошла? Успешно? Все остались живы?

Тревис и Лесперанс переглянулись.

— Это был бы парадокс, — сказал Лесперанс. — Такой путаницы, чтобы человек встретил самого себя, Время не допускает. Если возникает такая опасность. Время делает шаг в сторону. Вроде того, как самолет проваливается в воздушную яму. Вы заметили, как Машину тряхнуло перед самой нашей остановкой? Это мы миновали самих себя по пути обратно в Будущее. Но мы не

видели ничего. Поэтому невозможно сказать, удалась ли наша экспедиция, уложили ли мы зверя, вернулись ли мы — вернее, вы, мистер Экельс, — обратно живые.

Экельс бледно улыбнулся.

— Ну, все, — отрезал Тревис. — Встали!

Пора было выходить из Машины.

Джунгли были высокие, и джунгли были широкие, и джунгли были навеки всем миром. Воздух наполняли звуки, словно музыка, словно паруса бились в воздухе — это летели, будто исполинские летучие мыши из кошмара, из бреда, махая огромными, как пещерный свод, серыми крыльями, птеродактили. Экельс, стоя на узкой Тропе, шутя прицелился.

— Эй, бросьте! — скомандовал Тревис. — Даже в шутку не цельтесь, черт бы вас побрал! Вдруг выстрелит…

Экельс покраснел.

— Где же наш Tyrannosaurus rex?

Лесперанс взглянул на свои часы.

— На подходе. Мы встретимся ровно через шестьдесят секунд. И ради бога — не прозевайте красное пятно. Пока не скажем, не стрелять. И не сходите с Тропы. Не сходите с тропы!

Они шли навстречу утреннему ветерку.

— Странно, — пробормотал Экельс. — Перед нами — шестьдесят миллионов лет. Выборы прошли. Кейт стал президентом. Все празднуют победу. А мы — здесь, все эти миллионы лет словно ветром сдуло, их нет. Всего того, что заботило нас на протяжении нашей жизни, еще нет и в помине, даже в проекте.

— Приготовиться! — скомандовал Тревис. — Первый выстрел ваш, Экельс. Биллингс — второй номер. За ним — Кремер.

— Я охотился на тигров, кабанов, буйволов, слонов, но видит бог — это совсем другое дело, — произнес Экельс. — Я дрожу, как мальчишка.

— Тихо, — сказал Тревис.

Все остановились.

Тревис поднял руку.

— Впереди, — прошептал он. — В тумане. Он там. Встречайте Его Королевское Величество.

Безбрежные джунгли были полны щебета, шороха, бормотанья, вздохов.

Вдруг все смолкло, точно кто-то затворил дверь.

Тишина.

Раскат грома.

Из мглы ярдах в ста впереди появился Tyrannosaurus rex.

— Силы небесные, — пролепетал Экельс.

— Тсс!

Оно шло на огромных, лоснящихся, пружинящих, мягко ступающих ногах.

Оно за тридцать футов возвышалось над лесом — великий бог зла, прижавший хрупкие руки часовщика к маслянистой груди рептилии. Ноги — могучие поршни, тысяча фунтов белой кости, оплетенные тугими каналами мышц под блестящей морщинистой кожей, подобной кольчуге грозного воина. Каждое бедро — тонна мяса, слоновой кости и кольчужной стали. А из громадной вздымающейся грудной клетки торчали две тонкие руки, руки с пальцами, которые могли подобрать и исследовать человека, будто игрушку. Извивающаяся змеиная шея легко вздымала к небу тысячекилограммовый каменный монолит головы. Разверстая пасть обнажала частокол зубов-кинжалов. Вращались глаза — страусовые яйца, не выражая ничего, кроме голода. Оно сомкнуло челюсти в зловещем оскале. Оно побежало, и задние ноги смяли кусты и деревья, и когти вспороли сырую землю, оставляя следы шестидюймовой глубины. Оно бежало скользящим балетным шагом, неправдоподобно уверенно и легко для десятитонной махины. Оно

настороженно вышло на залитую солнцем прогалину и пощупало воздух своими красивыми чешуйчатыми руками.

— Господи! — Губы Экельса дрожали. — Да оно, если вытянется, луну достать может.

— Тсс! — сердито зашипел Тревис. — Он еще не заметил нас.

— Его нельзя убить. — Экельс произнес это спокойно, словно заранее отметал все возражения. Он взвесил показания очевидцев и вынес окончательное решение. Ружье в его руках было словно пугач. — Идиоты, и что нас сюда принесло… Это же невозможно.

— Молчать! — рявкнул Тревис.

— Кошмар…

— Кру-гом! — скомандовал Тревис. — Спокойно возвращайтесь в Машину. Половина суммы будет вам возвращена.

— Я не ждал, что оно окажется таким огромным, — сказал Экельс. — Одним словом, просчитался. Нет, я участвовать не буду.

— Оно заметило нас!

— Вон красное пятно на груди!

Громогласный Ящер выпрямился. Его бронированная плоть сверкала, словно тысяча зеленых монет. Монеты покрывала жаркая слизь. В слизи

копошились мелкие козявки, и все тело переливалось, будто по нему пробегали волны, даже когда чудовище стояло неподвижно. Оно глухо дохнуло. Над поляной повис запах сырого мяса.

— Помогите мне уйти, — сказал Экельс. — Раньше все было иначе. Я всегда знал, что останусь жив. Были надежные проводники, удачные сафари, никакой опасности. На сей раз я просчитался. Это мне не по силам. Признаюсь. Орешек мне не по зубам.

— Не бегите, — сказал Лесперанс. — Поверните кругом. Спрячьтесь в Машине.

— Да. — Казалось, Экельс окаменел. Он поглядел на свои ноги, словно пытался заставить их двигаться. Он застонал от бессилия.

— Экельс!

Он сделал шаг — другой, зажмурившись, волоча ноги.

— Не в ту сторону!

Едва он двинулся с места, как чудовище с ужасающим воем ринулось вперед. Сто ярдов оно покрыло за четыре секунды. Ружья взметнулись вверх и дали залп. Из пасти зверя вырвался ураган, обдав людей запахом слизи и крови. Чудовище взревело, его зубы сверкали на солнце.

Не оглядываясь, Экельс слепо шагнул к краю

Тропы, сошел с нее и, сам того не сознавая, направился в джунгли; ружье бесполезно болталось в руках. Ступни тонули в зеленом мху, ноги влекли его прочь, он чувствовал себя одиноким и далеким от того, что происходило за его спиной.

Иллюстрация EMSH

Снова затрещали ружья. Выстрелы потонули в громовом реве ящера. Могучий хвост рептилии дернулся, точно кончик бича, и деревья взорвались облаками листьев и веток. Чудовище протянуло вниз свои руки ювелира — погладить людей, разорвать их пополам, раздавить, как ягоды, и сунуть в пасть, в ревущую глотку! Глыбы глаз очутились возле людей. Они увидели свое отражение. Они открыли огонь по металлическим векам и пылающим черным зрачкам.

Словно каменный идол, словно горный обвал, рухнул. Tyrannosaurus rex.

Рыча, он цеплялся за деревья и валил их. Зацепил и смял металлическую Тропу. Люди бросились назад, отступая. Десять тонн холодного мяса, как утес, грохнулись оземь. Ружья дали еще залп. Чудовище ударило бронированным хвостом, щелкнуло змеиными челюстями и затихло. Из горла фонтаном била кровь. Где-то внутри лопнул бурдюк с жидкостью, и зловонный поток захлестнул охотников. Они стояли неподвижно, облитые чем-то блестящим, красным.

Гром смолк.

В джунглях воцарилась тишина. После обвала — зеленый покой. После кошмара — утро.

Биллингс и Кремер сидели на Тропе; им было

плохо. Тревис и Лесперанс стояли рядом, держа дымящиеся ружья и чертыхаясь.

Экельс, весь дрожа, лежал ничком в Машине Времени. Каким-то образом он выбрался обратно на Тропу и добрел до Машины.

Подошел Тревис, глянул на Экельса, достал из ящика марлю и вернулся к тем, что сидели на Тропе.

— Оботритесь.

Они стерли со шлемов кровь. И тоже принялись чертыхаться. Чудовище лежало неподвижно. Гора мяса, из недр которой доносилось бульканье, вздохи — это умирали клетки, органы переставали действовать, и соки последний раз текли по своим ходам, все отключалось, навсегда выходя из строя. Точно вы стояли возле разбитого паровоза или закончившего рабочий день парового катка — все клапаны открыты или плотно зажаты. Затрещали кости: вес мышц, ничем не управляемый — мертвый вес, — раздавил тонкие руки, притиснутые к земле. Колыхаясь, оно приняло покойное положение.

Вдруг снова грохот. Высоко над ними сломался исполинский сук. С гулом он обрушился на безжизненное чудовище, как бы окончательно утверждая его гибель.

— Так. — Лесперанс поглядел на часы. — Минута в минуту. Это тот самый сук, который должен был его убить. — Он обратился к двум охотникам. — Фотография трофея вам нужна?

— Что?

— Мы не можем увозить добычу в Будущее. Туша должна лежать здесь, на своем месте, чтобы ею могли питаться насекомые, птицы, бактерии. Равновесие нарушать нельзя. Поэтому добычу оставляют. Но мы можем сфотографировать вас возле нее.

Охотники сделали над собой усилие, пытаясь думать, но сдались, тряся головой.

Они послушно дали отвести себя в Машину. Устало опустились на сиденья. Тупо оглянулись на поверженное чудовище — немой курган. На остывающей броне уже копошились золотистые насекомые, сидели причудливые птицеящеры.

Внезапный шум заставил охотников оцепенеть: на полу Машины, дрожа, сидел Экельс.

— Простите меня, — сказал он.

— Встаньте! — рявкнул Тревис.

Экельс встал.

— Ступайте на Тропу, — скомандовал Тревис. Он поднял ружье. — Вы не вернетесь с Машиной. Вы останетесь здесь!

Лесперанс перехватил руку Тревиса.

— Постой…

— А ты не суйся! — Тревис стряхнул его руку. — Из-за этого подонка мы все чуть не погибли. Но главное даже не это. Нет, черт возьми, ты погляди на его башмаки! Гляди! Он соскочил с Тропы. Понимаешь, чем это нам грозит? Один бог знает, какой штраф нам прилепят! Десятки тысяч долларов! Мы гарантируем, что никто не сойдет с Тропы. Он сошел. Идиот чертов! Я обязан доложить правительству. И нас могут лишить концессии на эти сафари. А какие последствия будут для Времени, для Истории?!

— Успокойся, он набрал на подошвы немного грязи — только и всего.

— Откуда мы можем знать? — крикнул Тревис. — Мы ничего не знаем! Это же все сплошная загадка! Шагом марш, Экельс!

Экельс полез в карман.

— Я заплачу сколько угодно. Сто тысяч долларов! Тревис покосился на чековую книжку и плюнул.

— Ступайте! Чудовище лежит возле Тропы. Суньте ему руки по локоть в пасть. Потом можете вернуться к нам.

— Это несправедливо!

— Зверь мертв, ублюдок несчастный. Пули! Пули не должны оставаться здесь, в Прошлом. Они могут повлиять на развитие. Вот вам нож. Вырежьте их!

Джунгли опять пробудились к жизни и наполнились древними шорохами, птичьими голосами. Экельс медленно повернулся и остановил взгляд на доисторической падали, глыбе кошмаров и ужасов. Наконец, словно лунатик, побрел по Тропе.

Пять минут спустя он, дрожа всем телом, вернулся к Машине, его руки были по локоть красны от крови.

Он протянул вперед обе ладони. На них блестели стальные пули. Потом он упал. Он лежал там, где упал недвижимый.

— Напрасно ты его заставил это делать, — сказал Лесперанс.

— Напрасно! Об этом рано судить. — Тревис толкнул неподвижное тело. — Не помрет. Больше его не потянет за такой добычей. А теперь, — он сделал вялый жест рукой, — включай. Двигаемся домой.

1492. 1776. 1812

Они умыли лицо и руки. Они сняли заскоруз-

лые от крови рубахи, брюки и надели все чистое. Экельс пришел в себя, но сидел молча. Тревис добрых десять минут в упор смотрел на него.

— Не глядите на меня, — вырвалось у Экельса. — Я ничего не сделал.

— Кто знает.

— Я только соскочил с Тропы и вымазал башмаки глиной. Чего вы от меня хотите? Чтобы я вас на коленях умолял?

— Это не исключено. Предупреждаю Вас, Экельс, может еще случиться, что я вас убью. Ружье заряжено.

— Я не виноват. Я ничего не сделал.

1999. 2000. 2055.

Машина остановилась.

— Выходите, — скомандовал Тревис.

Комната была такая же, как прежде. Хотя нет, не совсем такая же. Тот же человек сидел за той же конторкой. Нет, не совсем тот же человек, и конторка не та же.

Тревис быстро обвел помещение взглядом.

— Все в порядке? — буркнул он.

— Конечно. С благополучным возвращением!

Но настороженность не покидала Тревиса. Казалось, он проверяет каждый атом воздуха,

придирчиво исследует свет солнца, падающий из высокого окна.

— О'кей, Экельс, выходите. И больше никогда не попадайтесь мне на глаза.

Экельс будто окаменел.

— Ну? — поторопил его Тревис. — Что вы там такое увидели?

Экельс медленно вдыхал воздух — с воздухом что-то произошло, какое-то химическое изменение, настолько незначительное, неуловимое, что лишь слабый голос подсознания говорил Экельсу о перемене. И краски — белая, серая, синяя, оранжевая, на стенах, мебели, в небе за окном — они… они… да: что с ними случилось? А тут еще это ощущение. По коже бегали мурашки. Руки дергались. Всеми порами тела он улавливал нечто странное, чужеродное. Будто где-то кто-то свистнул в свисток, который слышат только собаки. И его тело беззвучно откликнулось. За окном, за стенами этого помещения, за спиной человека (который был не тем человеком) у перегородки (которая была не той перегородкой) — целый мир улиц и людей. Но как отсюда определить, что это за мир теперь, что за люди? Он буквально чувствовал, как они движутся там, за стенами, — словно шахматные фигурки, влекомые сухим

ветром…

Зато сразу бросалось в глаза объявление на стене, объявление, которое он уже читал сегодня, когда впервые вошел сюда.

Что-то в нем было не так.

А/О СОФАРИ ВОВРЕМЕНИ
АРГАНИЗУЕМ СОФАРИ ВЛЮБОЙ ГОД ПРОШЛОГО
ВЫ ВЫБЕРАЕТЕ ДАБЫЧУ
МЫ ДАСТАВЛЯЕМ ВАС НАМЕСТО
ВЫ УБЕВАЕТЕ ЕЕ

Экельс почувствовал, что опускается на стул. Он стал лихорадочно скрести грязь на башмаках. Его дрожащая рука подняла липкий ком.

— Нет, не может быть! Из-за такой малости… Нет!

На комке было отливающее зеленью, золотом и чернью пятно — бабочка, очень красивая… мертвая.

— Из-за такой малости! Из-за бабочки! — закричал Экельс.

Она упала на пол — изящное маленькое создание, способное нарушить равновесие, повалились маленькие костяшки домино… большие костяшки… огромные костяшки, соединенные

цепью неисчислимых лет, составляющих Время. Мысли Экельса смешались. Не может быть, чтобы она что-то изменила. Мертвая бабочка — и такие последствия? Невозможно!

Его лицо похолодело Непослушными губами он вымолвил:

— Кто… кто вчера победил на выборах?

Человек за конторкой хихикнул.

— Шутите? Будто не знаете! Дойчер, разумеется! Кто же еще? Уж не этот ли хлюпик Кейт? Теперь у власти железный человек! — Служащий опешил. — Что это с вами?

Экельс застонал. Он упал на колени. Дрожащие пальцы протянулись к золотистой бабочке.

— Неужели нельзя, — молил он весь мир, себя, служащего, Машину, — вернуть ее туда, оживить ее? Неужели нельзя начать все сначала? Может быть…

Он лежал неподвижно. Лежал, закрыв глаза, дрожа, и ждал. Он отчетливо слышал тяжелое дыхание Тревиса, слышал, как Тревис поднимает ружье и нажимает курок.

И грянул гром.

***

Гордон Диксон
Лалангамена

В том, что произошло на Разведочной станция 563 сектора Сириуса, можете винить Клея Харбэнка или Уильяма Питерборо, по прозвищу Крошка. Я не виню никого. Но я с планеты Дорсай...

Неприятности начались с того самого дня, как скорый на слова и поступки Крошка появился на станции и обнаружил, что Клей, единственный среди нас, не хочет с ним играть — хотя сам утверждал, что некогда был заядлым игроком.

Но развязка наступила через четыре года, когда они вместе вышли в патруль на осмотр поверхности купола. Все двадцать человек, свободные от вахты, собрались в кают-компании и чувствовали по звуку раздававшихся в тамбуре голосов, по лязгу снимаемых скафандров, по гулким шагам в коридоре, что всю смену Крошка язвил особенно колко.

— Вот и еще один день, — донесся голос Крошки. — Еще пятьдесят кредиток. А как поживает твоя свинушка с прорезью?

Я отчетливо представил себе, как Клей сдерживает раздражение. Потом послышался его

приятный баритон, смягченный тарсусианским говором:

— Отлично, Крошка. Она никогда не ест слишком много и оттого не страдает несварением.

Это был искусный ответ, намекающий на то, что счет Крошки раздувался от выигрышей у своих же товарищей по станции. Но у Крошки была слишком толстая кожа для подобных уколов. Он рассмеялся, и они вошли в кают-компанию.

Похожи они были как два брата — или, скорее, как отец и сын, учитывая разницу в возрасте. Оба высокие, черноволосые, широкоплечие, с худощавыми лицами. Но прожитые годы наложили печать на лицо Клея, обострили черты, прорезали морщины, опустили уголки рта. Были и другие отличия. Однако в Крошке был виден юнец, каким когда-то был Клей, а в Клее угадывался мужчина, каким со временем станет Крошка.

— Привет, Клей, — сказал я.

— Здравствуй, Морт, — отозвался он, садясь рядом.

— Привет, Морт, — сказал Крошка.

Я не ответил, и на миг он напрягся. В чернильных глубинах его глаз вспыхнул огонь. Но я родом с Дорсай, а мы если уж бьемся, то насмерть. Возможно, поэтому мы, дорсайцы, очень вежливы.

Однако вежливостью Крошку не проймешь — впрочем, как и тонкой иронией. На таких, как он, действует только дубинка.

Наши дела оставляли желать лучшего. Два десятка человек на Разведочной станции 563 — за Сириусом, у границы освоенной человечеством зоны — стали нервными и злыми; многие подали рапорты о переводе. Скрытая война между Крошкой и Клеем раскалывала станцию надвое.

Мы все пошли на Службу из-за денег — вот где таился корень зла. Пятьдесят кредиток в день. Правда, необходимо завербоваться на десять лет. Можно, конечно, выкупить себя, но это обойдется в сто тысяч. Посчитайте, сами. Почти шесть лет, если откладывать каждый грош.

Клей собирался отслужить полный срок. В бурной молодости он был игроком. Ему не раз доводилось выигрывать и спускать целое состояние. Теперь, состарившись и утомившись, он хотел вернуться домой, — в Лалангамену, на маленькую планету Тарсус.

С игрой он покончил. Это грязные деньги, говорил Клей. Весь свой заработок он переводил в банк.

А вот Крошка стремился урвать куш. Четыре года игры с товарищами принесли ему более чем

достаточно, чтобы выкупиться и еще остаться с кругленькой суммой. Возможно, он так и поступил бы, не притягивай его, как Эльдорадо, банковский счет Клея. И Крошка оставался на станции, безжалостно терзая Клея.

Он постоянно бил в две точки: заявлял, что не верит, будто Клей когда-нибудь играл, и насмехался над Лалангаменой, родиной Клея, его заветной целью и мечтой. Со стариковской болезненной тоской по дому Клей. Только и говорил, что о Лалангамене, по его словам, самом чудесном месте во Вселенной.

— Морт, — начал Крошка, не обращая внимания на щелчок по носу и усаживаясь рядом с нами, — а как выглядит хиксаброд?

Выходит, не подействовала и моя дубинка. Очевидно, я тоже уже не тот. Не считая Клея, я был старшим на станции, наверное, потому мы и стали близкими друзьями.

— А что?

— Скоро он нас посетит.

Разговоры в кают-компании сразу прекратились, и Крошка оказался в центре внимания. Пересекая границу зоны человеческого влияния, любой гость обязан пройти через станцию, подобную нашей. Но в таком глухом уголке, где

находилась Станция 563, это случалось крайне редко и всегда было выдающимся событием.

Даже Клей поддался искушению.

— Интересно, — сказал он. — Откуда ты знаешь?

— Я только что принял сообщение, — ответил Крошка, беззаботно махнув рукой. — Так как он выглядит, Морт?

На своем веку я повидал больше, чем любой из них, даже Клей. Это был мой второй срок на Службе. Я отлично помню события двадцатилетней давности — Денебский Конфликт.

— Прямой, как Кочерга, — ответил я. — Холодный и чопорный. Гордый, как Люцифер, честный, как солнечный свет, и тугой, как верблюд на пути сквозь игольное ушко. Похож на гуманоида с лицом колли. Вам, полагаю, известна их репутация?

Кто-то сзади сказал «нет», хотя, возможно, это было сделано ради меня. Возраст и меня превратил в болтуна.

— Они первые и последние платные посредники во Вселенной. Хиксаброда можно нанять, но нельзя уговорить, подкупить или силой заставить уклониться от правды. Вот почему они постоянно нужны. Стоит где-нибудь разгореться

спору, как обе стороны нанимают хиксаброда, чтобы тот представлял их интересы на переговорах. Хиксаброд — воплощение честности.

— Что ж, мне это нравится, — заметил Крошка. — Отчего бы нам не устроить ему роскошный прием?

— Благодарности от него не дождешься, — пробормотал я. — Хиксаброды не так устроены.

— Ну и пусть, — заявил Крошка. — Все-таки развлечение.

В комнате одобрительно зашумели. Я остался в меньшинстве. Идея пришлась по душе даже Клею.

— Они едят то же, что мы? — спросил Крошка. — Так значит, суп, салат, горячее, шампанское и бренди... — Он с воодушевлением перечислял блюда, загибая пальцы. Его энтузиазм увлек всех. Но под конец Крошка не выдержал и вновь поддел Клея.

— Ну и, разумеется, — сказал он, — ты сможешь рассказать ему о Лалангамене, Клей.

Клей моргнул, и на лицо его легла тень. Я дорсайец и уже немолод. И знаю: никогда не следует смеяться над узами, связывающими нас с родным домом. Они так же прочны, как и неосязаемы. Шутить над этим жестоко.

Но Крошка был юн и глуп. Он только прилетел с Земли — планеты, где никто из нас не был, но которая много веков назад дала начало всем нам. Крошка был нетерпелив, горяч и презирал эмоции. В болезненной словоохотливости Клея, в его готовности вечно славить красоту Лалангамены он, как, впрочем, и остальные, уловил первую слабость некогда мужественного и несгибаемого человека, первый признак старости.

Но в отличие от тех, кто прятал скуку из симпатии к Клею, Крошка стремился сломить его решимость никогда больше не играть. И бил постоянно в одну эту точку, столь уязвимую, что даже самообладание Клея не могло служить достаточной защитой.

В глазах моего друга вспыхнула ярость.

— Довольно, — хрипло проговорил он. — Оставь Лалангамену в покое.

— Я бы и сам хотел, — сказал Крошка, — да ты мне все время напоминаешь. Это и еще выдумки, будто ты был игроком. Если не можешь доказать последнее, как же мне верить твоим россказням о Лалангамене?

На лбу Клея выступили вены, но он сдержался.

— Я говорил тысячу раз, — процедил он сквозь зубы. — Такие деньги не держатся в кармане.

Когда-нибудь ты в этом убедишься.

— Слова! — пренебрежительно бросил Крошка. — Одни слова.

На секунду Клей застыл, не дыша, бледный как смерть. Не знаю, понимал ли опасность Крошка, но я тоже затаил дыхание, пока грудь Клея не поднялась. Он резко повернулся и вышел из кают-компании. Его шаги замерли в коридоре, ведущем к спальному отсеку.

Позже я застал Крошку одного в камбузе, где он готовил себе бутерброд. Он поднял голову, удивленный и настороженный.

— О, привет, Морт, — сказал он, искусно имитируя беззаботность. — В чем дело?

— В тебе. Напрашиваешься на драку с Клеем?

— Нет, — промычал он с полным ртом. — Не сказал бы.

— Ну так ты ее получишь.

— Послушай, Морт, — произнес он и замолчал, пока не проглотил последний кусок. — Тебе не кажется, что Клей достаточно вырос, чтобы присматривать за собой?

Я почувствовал, как по всему телу пробежала волна возбуждения. Наверное, возбуждение отразилось и на моем лице, потому что Крошка, который сидел на краю стола, торопливо встал

на ноги.

— Полегче, Морт, — сказал он. — Я не имел в виду ничего обидного.

Я взял себя в руки и ответил как мог спокойнее:

— Клей гораздо опытнее тебя. Советую оставить его в покое.

— Боишься за него?

— Нет, — сказал я. — Боюсь за тебя.

Крошка внезапно рассмеялся, едва не подавившись очередным куском.

— Теперь понимаю. По-твоему, я слишком молод, чтобы отвечать за себя.

— Ты недалек от истины. Я хочу, чтобы ты выслушал мое мнение, и можешь не говорить, прав я или нет, — мне будет ясно без слов.

— Оставь свое мнение при себе, — сказал он, покраснев. — Я не нуждаюсь в нравоучениях.

— Нет уж, тебе придется выслушать, потому что это касается нас всех. Ты завербовался, ожидая романтики и славы, а вместо этого столкнулся с однообразием и скукой.

Он усмехнулся.

— Теперь ты скажешь, что я стараюсь развлекаться за счет Клея, так?

— Клей достаточно опытен, чтобы выносить

однообразие и скуку. Кроме того, он научился жить в мире с людьми и самим собой. Ему не приходится доказывать свое превосходство, унижая всех подряд.

Крошка отхлебнул кофе

— А я, значит, унижаю?

— Ты... Ты — как и вся молодежь. Испытываете свои способности, ищете свое место... И, найдя, успокаиваетесь — взрослеете. За исключением некоторых. Я думаю, что ты рано или поздно повзрослеешь. И чем скорее ты перестанешь утверждаться за счет других, тем лучше для тебя и для нас.

— А если не перестану? — вскинулся Крошка.

— К сожалению, это не колледж на Земле и не какая-нибудь тихая родная планета, где злые насмешки и издевательства вызовут просто досаду или раздражение. На станции некуда скрыться. Если шутник не видит опасности в своей забаве и не прекращает ее, то объект шуток терпит, сколько хватает сил... а потом что-нибудь случается.

— Значит, ты все-таки беспокоишься о Клее.

— Да пойми же наконец! Клей — настоящий мужчина, у него за плечами еще не такое. А у тебя... Если кто-нибудь и пострадает, то это ты!

Он засмеялся и вышел в коридор, громко хлоп-

нув дверью. Я позволил ему уйти. Какой смысл продолжать обманывать, если всем видно, что это ложь.

* * *

На следующий день прилетел хиксаброд. Его звали Дор Лассое. Типичный представитель своей расы, выше самого высокого из нас на полголовы, с зеленоватой кожей и бесстрастным собачьим лицом.

Он прибыл во время моей вахты, а когда я освободился, его уже встретили и проводили в каюту.

Но я все же пошел к нему в слабой надежде, что у нас найдутся общие знакомые. И его, и мой народы довольно малочисленны, так что такая возможность в принципе была. И, подобно Клею, я томился тоской по дому.

— Простите, хиксаброд... — начал я, входя в его каюту, и осекся.

В каюте сидел Крошка. Он посмотрел на меня со странным выражением.

— Ты говоришь на их языке? — недоверчиво спросил он.

Я кивнул. Денебский Конфликт многое тогда мне дал.

Справившись с удивлением, я задал свой вопрос, и хиксаброд покачал головой.

Что ж, это был выстрел наугад. Ну конечно, откуда он мог знать нашего переводчика во время Денебского Конфликта? У хиксабродов нет привычной нам системы семьи. Имена свои они принимают в честь любимых или почитаемых старших. Я вежливо поклонился и вышел.

И только потом мне пришло в голову — о чем Крошка мог беседовать с хиксабродом?

Признаться, я и в самом деле беспокоился. Так как мой блеф с Крошкой не удался, я решил переговорить с самим Клеем. Какое-то время ждал подходящего случая, но с момента последней стычки с Крошкой Клей держался своей каюты. Наконец я воспользовался каким-то предлогом и отправился к нему.

Клей был погружен в чтение. Странно было видеть этого высокого, еще сильного человека в стариковской пижаме. Прикрывая глаза тонкими гибкими пальцами, он склонился над мерцающим экраном. Когда я вошел, он поднял голову, и я увидел на его лице знакомую улыбку, ставшую мне привычной за четыре года совместной службы.

— Что это? — поинтересовался я, кивнув на

проектор.

— Плохой роман, — улыбаясь, ответил Клей, — скверного писателя. Но и тот, и другой — тарсусианские.

Я сел на выдвинутый стул.

— Не возражаешь, если я буду говорить без обиняков?

— Давай, — подбодрил он.

— Крошка, — прямо сказал я, — и ты. Так больше продолжаться не может.

— А что ты предлагаешь?

— Две вещи. И прошу хорошенько подумать над каждой, прежде чем отвечать. Во— первых, мы можем собрать необходимое большинство, то есть девять десятых голосов, и убрать его со станции как не ужившегося.

Клей медленно покачал головой.

— Нет, Морт.

— Мне кажется, я сумею собрать подписи, — возразил я. — Все от него устали.

— Ты же знаешь, что дело не в этом, — сказал Клей. — После такой петиции его загонят в какую-нибудь дыру, там он попадет в еще худший переплет и загубит свою жизнь. Он будет ненавидеть нас до конца своих дней.

— Что с того? Поделом ему.

— Я тарсусианин, и мне это небезразлично. Нет, я не согласен.

— Хорошо, — сказал я. — В таком случае второй вариант. У тебя есть почти половина суммы, чтобы выкупиться. За эти годы и у меня кое-что скопилось. Кроме того, я переведу на тебя заработок за оставшиеся мне три года. Бери и уходи со Службы. Конечно, это не то, на что ты рассчитывал, но синица в руках...

— А как же ты вернешься домой? — спросил он.

— Посмотри на меня.

Он посмотрел, и я знал, что он видит: сломанный нос, шрамы, изборожденное морщинами лицо, лицо дорсайца.

— Я никогда не вернусь домой.

Клей молча глядел на меня, и мне показалось, что в глубине его глаз разгорелся огонек. Но вот огонек исчез, и я понял, что проиграл.

— Возможно, — тихо проговорил он. — Но только не из-за меня.

Я оставил его наедине с романом.

Вообще-то, на станции всегда кто-нибудь несет вахту. Но в особых случаях, как, например, обед в честь хиксаброда, можно собрать в кают-компании всех — если выполнить работы заранее и

выбрать такой период времени, когда ни радиосообщеиий, ни кораблей не ожидается.

Из кают-компании убрали лишнюю мебель и внесли туда большой обеденный стол. Мы выпили коктейли, и начался обед.

Застольная беседа, естественно, выходила за узкие рамки нашей рутинной жизни. Воспоминаний о необычных встречах и местах, загадочные случаи — вот темы, вокруг которых в основном вертелся разговор. Все невольно старались расшевелить хиксаброда. Но тот сидел на своем месте во главе стола между Клеем и мной, храня ледяное молчание, пока не убрали десерт и не упомянули Медию.

— Медия, — задумчиво произнес Крошка. — Я слышал о ней. Неприметная планета, но там, как утверждают, есть такая форма жизни, которая содержит нечто ценное для любого вида метаболизма. Она называется... сейчас вспомню... называется...

— Она называется «нигта», — неожиданно подсказал Дор Лассос деревянным голосом. — Небольшое четвероногое животное со сложной нервной системой и толстой жировой прослойкой. Я был на Медии восемьдесят лет назад, до того как планету открыли для широкого доступа.

Запасы пищи у нас испортились, и нам представилась возможность проверить теорию, будто нигти способны поддерживать существование любой известной формы разумной жизни.

Он замолчал.

— Ну? — потребовал Крошка. — Раз мы имеем удовольствие слушать эту историю, я полагаю, вы все-таки уцелели.

— Я и все находившиеся на корабле люди нашли нигти вполне съедобными. К сожалению, среди нас было несколько микрушни с Поляриса.

— И что? — поинтересовался кто-то.

— Высокоразвитые, но негибкие существа, — проговорил Дор Лассос, пригубив бренди. — У них начались конвульсии, и последовала смерть.

У меня был некоторый опыт общения с хиксабродами и с их манерой поведения, и я знал, что вовсе не садизм, а полная отрешенность подсказала Дор Лассосу эту маленькую выдумку. Но по комнате прокатилась волна отвращения. Микрушни — существа деликатные, со склонностью к философии и поэзии. Их любят повсюду.

За столом почти незаметно отпрянули от гостя. Но это тронуло его не больше, чем тронули бы громовые овации. Хиксаброды крайне сдержан-

ны в выражении чувств.

— Скверно, — негромко произнес Клей. — Мне они всегда нравились.

Он пил, пожалуй, слишком много, и эта безобидная реплика прозвучала как вызов.

Холодные карие глаза Дор Лассоса повернулись в его сторону. Однако что он увидел, к каким выводам пришел — оставалось скрытым маской равнодушия.

— В целом, — бесстрастно констатировал он, — правдивая раса.

Это была наивысшая похвала в устах хиксаброда, и я полагал, что инцидент исчерпан. Но в разговор вновь вмещался Крошка.

— Не то что мы, люди, — заметил он. — Не правда ли?

Я бросил на него яростный взгляд, но, не обращая внимания, он громко повторил:

— Не то что мы, а, Дор Лассос?

Крошка тоже пил чересчур много, и его голос зазвенел во внезапно наступившей тишине.

— Люди сильно отличаются друг от друга, — спокойно ответил хиксаброд. — Некоторые приближаются к истине. В общем же человеческую расу нельзя назвать особенно правдивой.

Это был типичный, беспощадно точный ответ

хиксабродов. Дор Лассос ответил бы так же и перед лицом смерти. И опять подал голос Крошка.

— Ах, да. Но понимаете ли, Дор Лассос, значительная доля человеческого юмора основана на умышленной лжи. Кое-кто из нас врет просто для забавы.

Дор Лассос отпил бренди и промолчал.

— Конечно, — продолжал Крошка, — иногда такой человек мнит, что его враки очень занимательны. А они часто скучны и надоедливы, особенно если вам приходится слушать их снова и снова. Но с другой стороны, встречаются и такие специалисты, что даже вы сочтете их выдумки веселыми.

Клей внезапно выпрямился, и от резкого движения содержимое его стакана выплеснулось на белую скатерть.

Я посмотрел на них — на Клея, не сводящего глаз с Крошки, на Дор Лассоса, — и мной овладело зловещее предчувствие.

— Вряд ли, — сказал Дор Лассос.

— Нет, вам следует послушать настоящего корифея, — возбужденно настаивал Крошка, — особенно когда у него есть благодатная почва для измышлений. Взять к примеру тему родных планет. На что похожа Хикса, ваша родина?

Я услышал более чем достаточно, чтобы утвердиться в зародившемся подозрении. Стараясь не привлекать к себе излишнего внимания, я поднялся и вышел из кают-компании.

Дор Лассос сухо кашлянул.

— Она очень красива, — донесся его невыразительный голос — Диаметр Хиксы — тридцать восемь тысяч универсальных метров. На планете имеется двадцать три горные цепи, семнадцать крупных масс соленой воды.

Я быстро прошел по пустым коридорам в радиорубку и открыл журнал входных сообщений. Там, в графе «Прибытия», были занесены сведения о Дор Лассосе. Последняя строчка называла предыдущую остановку хиксаброда.

Тарсус.

Клей был моим другом. И есть предел тому, что может выдержать человек. На стене висел список членов станции. Против имени Уильяма Питерборо я начертил дорсайский знак, достал из шкафчика свое оружие и вернулся в кают-компанию.

Дор Лассос продолжал рассказ:

— ...Флора и фауна находятся в таком великолепном естественном равновесии, что за последние шестьдесят тысяч лет численность

ни одной популяции не изменилась более чем на один процент. Жизнь на Хиксе размеренна и предсказуема. Погода регулируется в пределах возможного. — Бесстрастный голос Дор Лассоса на миг дрогнул. — Когда-нибудь я туда вернусь.

— Прекрасная картина, — вставил Крошка. Он наклонился над столом, его глаза разгорелись, зубы блестели в улыбке. — Чудесная у вас родина. Но я, к сожалению, должен сообщить, что она бледнеет по сравнению с неким волшебным местом.

Хиксаброды тоже бойцы. Лицо Дор Лассоса по-прежнему оставалось невыразительным, но голос, неожиданно зазвенел.

— Ваша планета?

— Если бы! — воскликнул Крошка все с той же волчьей ухмылкой. — Я никогда его не видел, но рассказы о нем слушаю вот уже несколько лет. И либо это самое удивительное место во Вселенной, либо человек, который рассказывает...

Я отодвинул стул и привстал, но рука Клея легла на мой локоть и усадила назад.

— Ты говорил... — обратился он к Крошке, чей поток слов был прерван моим движением.

— ...Человек, который рассказывает о нем, — один из упомянутых мной специалистов по

лжи, — докончил Крошка.

Я вновь попытался подняться, но Клей меня опередил.

— Мое право... — процедил он сквозь стиснутые зубы.

Он медленно поднял стакан бренди и выплеснул содержимое Крошке в лицо.

— Доставай оружие! — приказал Клей.

Крошка вскочил. Несмотря на то что все развивалось по его плану, он не мог справиться со своими чувствами. Его лицо побелело от ярости.

— Зачем же оружие? — выдавил он срывающимся голосом.

— Ты назвал меня лжецом.

— Разве оружие всесильно? — Крошка глубоко вздохнул и хрипло рассмеялся. — Теперь наконец мы можем разрешить наш спор с полной определенностью. — Его глаза обежали комнату и остановились на Клее. — Две вещи ты повторял чаще всего. Первое: что ты был игроком. Второе: что Лалангамена, твоя драгоценная Лалангамена на Тарсусе, — самое чудесное место во Вселенной. Что из этого правда?

Клей тяжело выдохнул, стараясь взять себя в руки.

— И то, и другое.

— Ты готов это подтвердить?

— Своей жизнью!

— Ага, — насмешливо проговорил Крошка. — Но я прошу тебя подтвердить это не жизнью, а

той кругленькой суммой, которая накопилась за прошедшие годы. Ты заявлял, что был игроком. Заключим пари?

Тут Клей, казалось, впервые увидел расставленную ловушку.

— Давай же, — подначивал Крошка. — Это подтвердит твое первое заявление.

— А второе? — потребовал Клей.

— Как же... — Крошка взмахнул рукой в сторону Дор Лассоса. — Можно ли пожелать лучшего судью? У нас за столом сидит хиксаброд. — И, полуобернувшись к гостю, Крошка слегка поклонился. — Пусть он скажет: правда это или нет?

Я еще раз попытался подняться, и снова Клей с силой усадил меня на место.

— Вы полагаете, что могли бы рассудить наш спор, сэр? — обратился он к Дор Лассосу.

Их взгляды встретились.

— Я только что с Тарсуса, — после неуловимой паузы сказал хиксаброд. — Объединенный Топографический отряд составлял карту планеты. Мне было поручено засвидетельствовать ее верность.

Выбора не оставалось. Все замерли, ожидая ответа. Сдерживая бурлящую ярость, я не сводил глаз с лиц своих товарищей, думая, что эту безобразную сцену вот-вот остановят. Но

вместо симпатии видел безразличие, цинизм, даже неприкрытую заинтересованность людей, которым все равно, если их развлечение будет оплачено кровью или слезами.

И я с ужасом осознал, что остался единственным другом Клея. Меня одного не раздражали его бесконечные разговоры о прелести Лалангамены. Я сам был по— стариковски словоохотлив и снисходителен. Но терпение остальных истощилось. Там, где я видел трагедию, они видели лишь законное воздаяние завравшемуся зануде.

Глаза Клея стали черными и холодными.

— Сколько ты ставишь? — спросил он.

— Все, что есть, — отозвался Крошка, жадно подавшись вперед — Побольше, чем у тебя. Восьмилетний заработок.

Не говоря ни слова, Клей достал свою чековую книжку, выписал чек на всю сумму и положил книжку и чек перед хиксабродом. Крошка, который, очевидно, был готов к этому, сделал то же, добавив толстую пачку денег, выигранных за последние недели.

— Это все? — спросил Клей.

— Все, — сказал Крошка.

Клей кивнул и отступил назад.

— Начнем, — сказал он.

Крошка повернулся к гостю

— Дор Лассос, мы ценим вашу помощь.

— Рад слышать это, — отозвался хиксаброд, — так как моя помощь обойдется победителю в тысячу кредиток.

Эта неожиданная деловая хватка сбила Крошку с толку. Я, единственный в комнате, кто знал народ Хиксы, ожидал этого, но остальные были неприятно поражены. До сих пор пари казалось большинству жестокой, но по крайней мере честной игрой, касающейся только нас. Внезапно вся эта затея обернулась неприглядной стороной — все равно, что использовать наемника для расправы над товарищем.

Но было поздно, пари заключено. Тем не менее в комнате неодобрительно зашумели.

Подгоняемый мыслью о сбережениях Клея, Крошка гнул свою линию.

— Вы состояли в картографической группе? — спросил он Дор Лассоса.

— Верно, — ответил хиксаброд.

— Следовательно, вы хорошо знаете планету?

— Да.

— Знаете ее географию? — настаивал Крошка.

— Я не люблю повторяться. — Глаза хиксаброда казались отчужденными и даже враждебными,

когда они встречали взгляд Крошки.

— Что это за планета? — Крошка провел языком по пересохшим губам. К нему начало возвращаться обычное самообладание. — Она большая?

— Нет.

— Богатая?

— Нет.

— Красивая?

— Не нахожу.

— Ближе к делу! — рявкнул Клей.

Крошка взглянул на него, упиваясь своим торжеством, и повернулся к хиксаброду.

— Превосходно, Дор Лассос, переходим к сути дела. Вы слышали о Лалангамене?

— Да.

— Вы когда-нибудь были в Лалангамене?

— Да.

— Можете ли вы честно и откровенно... (впервые огонек ненависти прорвался и вспыхнул в глазах хиксаброда; Крошка только что неумышленно нанес ему смертельное оскорбление) — ...честно и откровенно сказать, что Лалангамена — самое прекрасное место во Вселенной?

Дор Лассос обвел взглядом комнату. Теперь наконец презрение ко всему происходящему ясно отразилось на его лице.

— Да, — сказал он.

Все потрясенно замерли. Дор Лассос поднялся на ноги, отсчитал из груды денег тысячу кредиток, а остальное, вместе с чеками и чековыми книжками, передал Клею. Потом он сделал шаг вперед и поднес руки ладонями кверху к самому лицу Крошки.

— Мои руки чисты, — сказал он.

Его пальцы напряглись. Вдруг на наших глазах из подушечек выскользнули твердые блестящие

когти и затрепетали на коже лица Крошки.

— Вы сомневаетесь в правдивости хиксаброда? — раздался металлический голос.

Крошка побелел и сглотнул. Острые как бритва когти были под самыми его глазами.

— Нет... — прошептал он.

Когти втянулись, хиксаброд опустил руки. Снова сдержанный и бесстрастный, Дор Лассос отступил и поклонился.

— Благодарю всех за любезность, — сказал он, и сухой голос прозвучал в тишине неестественно громко.

Затем Дор Лассос повернулся и чеканным шагом вышел из кают-компании.

* * *

— Итак, мы расстаемся, — произнес Клей Харбэнк, крепко сжав мою руку. — Надеюсь, Дорсай встретит тебя так же приветливо, как меня Лалангамена.

— Тебе не следовало выкупать и меня, — проворчал я.

— Чепуха. Денег было более чем достаточно для двоих, — сказал Клей.

Со времени пари прошел месяц. Мы оба стояли в гигантском космопорте на Денебе I. Через

десять минут отлетал мой корабль на Дорсай. Клею предстояло ждать несколько дней редкого транспорта на Тарсус.

— Пари было колоссальной глупостью, — настаивал я, желая излить на чем-нибудь свое недовольство.

— Вовсе нет, — возразил Клей. На его лицо легла мимолетная тень. — Ты забываешь, что настоящий игрок ставит только наверняка. Увидев глаза хиксаброда, я был уверен, что выиграю.

— Не понимаю.

— Хиксаброд любил свою родину.

Я ошеломленно уставился на него.

— Но ты ведь ставил не на Хиксу. Конечно, он предпочтет Хиксу любому другому месту во Вселенной. Ты же ставил на Тарсус — на Лалангамену!

Лицо моего друга снова помрачнело.

— Я играл наверняка. Исход был предрешен. Я чувствую себя виноватым перед Крошкой, но его предупреждали. Кроме того, он молод, а я старею и не мог позволить себе проиграть.

— Может быть, ты спустишься с облаков, — потребовал я, — и объяснишься наконец? Почему ты был уверен? В чем здесь фокус?

— Фокус? — с улыбкой повторил Клей. — Фокус

в том, что хиксаброд не мог не сказать правду. Все дело в названии моей родины.

Он посмотрел на мое удивленное лицо и опустил руку мне на плечо.

— Видишь ли, Морт... Лалангамена — не город и не деревня. Своя Лалангамена есть у каждого на Тарсусе. У каждого во Вселенной.

— Что ты хочешь сказать, Клей?

— Это слово, — объяснил он. — Слово на тарсусианском языке. Оно означает «родной дом».

Уильям Моррисон
Мешок

Сначала они даже и не подозревали о существовании Мешка. Если они и заметили его, когда опустились на астероид, то, вероятно, подумали, что это просто скалистый выступ на голой кремнистой поверхности эллипсоидальной планетки, наибольший диаметр которой, по определению капитана Ганко, составлял около трех миль, а наименьший — около двух. Никому бы не пришло в голову, что скромный предмет, так неожиданно попавший в их руки, вскоре будет признан самой драгоценной находкой в солнечной системе.

Остановка была случайной. Правительственный патрульный корабль потерпел аварию и был вынужден искать места для ремонта, на который требовалось по крайней мере семьдесят часов. К счастью, они располагали запасом воздуха, и рециркуляционная система на корабле работала безукоризненно. Запасы пищи были ограничены, но это мало беспокоило экипаж, так как все знали, что можно затянуть пояса потуже и несколько дней прожить на урезанном пайке. Гораздо хуже обстояло дело с водой: большая часть ее пропала

из-за течи в цистернах. В течение последующих пятидесяти часов вода была главной темой их разговоров.

Наконец капитан Ганко сказал:

— Что там говорить, воды не хватит. И нигде поблизости нет ни одной станции снабжения. Остается только радировать и надеяться, что нам навстречу вышлют спасательный корабль с аварийным запасом.

Шлемофон его помощника отозвался уныло:

— Будет очень скверно, если мы не найдем друг друга в пространстве, капитан.

Капитан Ганко невесело рассмеялся.

— Конечно, скверно. Нам тогда представится случай выяснить, долго ли мы сможем выдержать без воды.

Некоторое время все молчали. Затем второй помощник сказал:

— Возможно, вода есть где-нибудь здесь, на астероиде, сэр.

— Здесь? Да как она может удержаться здесь при силе тяжести, которой едва хватает, чтобы не улетели скалы? И где она, черт подери?

— Отвечаю на первый вопрос, — отозвался мягкий жидкий голос, казалось, проникавший сквозь ткань скафандров откуда-то сзади. — Она

может сохраниться в кристаллическом состоянии. Отвечаю на второй вопрос. Она находится на глубине шести футов, и добыть ее нетрудно.

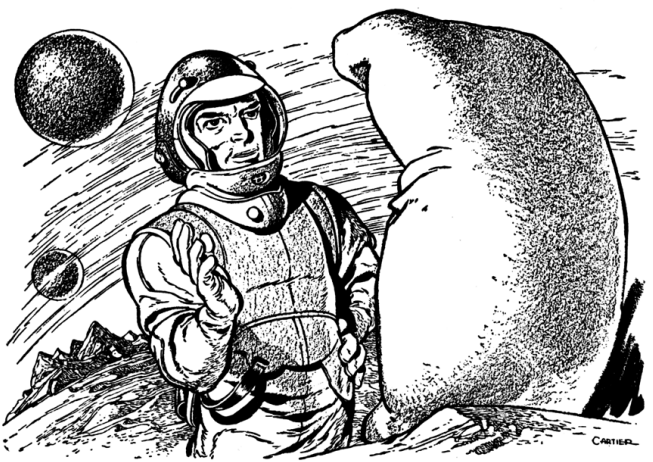
При первых же словах все обернулись. Но там, откуда, как им казалось, доносился голос, никого не было. Капитан Ганко нахмурился, глаза его угрожающе сузились.

— Полагаю, среди нас нет неумных шутников, — кротко проговорил он.

— Нет, — ответил голос.

— Кто это говорит?

— Я, Изрл.



Иллюстрации CARTIER

Тут один из членов экипажа заметил какое-то движение на поверхности огромной скалы. Когда голос смолк, движение прекратилось, но люди уже не спускали глаз с этого места. Так они узнали об Изрле, или Мешке Мудрости, как его чаще называли.

Если бы экипаж не состоял на государственной службе и если бы корабль не принадлежал правительству, капитан Ганко мог бы объявить Мешок своей собственностью или собственностью своих хозяев и вышел бы в отставку сказочно богатым человеком. Но при данных обстоятельствах Мешок перешел в собственность правительства. Его огромное значение было осознано почти сразу же, и Джейк Зиблинг имел основание гордиться, когда кандидатуры более важных и более влиятельных персон были отклонены, и Стражем Мешка назначили его. Зиблинг был коротеньким, плотным человечком, обладавшим чрезмерной склонностью к самокритике. Он выполнил несколько трудных заданий и позволил другим людям присвоить лавры своих успехов. Должность Стража была не для хвастуна, и те, от кого зависело назначение, знали об этом. На сей раз они игнорировали официальные чины

и поверхностную репутацию и выбрали человека, которого несколько недолюбливали, но на которого полностью полагались. И это была величайшая дань из когда-либо приносившихся на алтарь честности и способностей.

Мешок, как выяснил Зиблинг, наблюдая его ежедневно, редко изменял форму, в которой люди увидели его впервые — твердый сероватый ком, напоминающий мешок с картошкой. Таким он оставался всегда, и, пока ему не задавали вопросов, в нем не было заметно никаких признаков жизни. Питался он редко: по его словам — раз в тысячелетие, если оставался в покое, и раз в неделю — в периоды напряженной деятельности. Он ел и двигался, вытягивая ложноножку, после чего ложноножка убиралась обратно, и Мешок вновь становился мешком с картошкой.

Вскоре оказалось, что имя «Мешок» было удачным и с другой точки зрения. Ибо Мешок был набит сведениями и — еще больше — мудростью. Вначале многие сомневались в этом: кое-кто так и не уверовал до самого конца, точно так же, как некоторые люди уже через столетия после Колумба продолжали считать, что Земля плоская. Но у тех, кто видел и слышал Мешок, не оставалось никаких сомнений. Они даже были склонны

полагать, будто Мешок знает все. Это, конечно, было не так.

Официально функция Мешка, узаконенная Сенатской комиссией по Межпланетным сообщениям, состояла в том, что он отвечал на вопросы. Первые вопросы, как мы видели, были заданы случайно капитаном Ганко. Позже вопросы задавались намеренно, но цели их были сами по себе беспорядочны и случайны, и кое-кому из политиков удалось основательно обогатиться, прежде чем правительство положило конец утечке информации и упорядочило процесс задавания вопросов и получения ответов.

Время бесед с Мешком распределили на месяцы вперед и распродали неслыханно дешево, если принять во внимание прибыльность дел, ради которых эти беседы велись, — всего по сто тысяч за минуту.

Именно эта торговля временем привела к первой крупной склоке в правительстве.

Внезапно Мешок оказался не в состоянии ответить на вопрос, который для мозга его мощности должен был бы казаться весьма простым, и это вызвало второй взрыв такой силы, что его можно было бы назвать кризисом. Сто двадцать вопрошающих, каждый из которых уже уплатил свои

сто тысяч, подняли вой, слышный на всех планетах. Началось официальное расследование, на котором Зиблинга подвергли допросу и которое обнажило перед публикой все склоки и противоречия внутри правительства.

Зиблинг оставил Мешок на попечение своего помощника, и теперь на заседании Сенатской комиссии он неловко поеживался перед наведенными на него кинокамерами. Допрос вел сенатор Хорриган — грубый, напыщенный, крикливый политикан.

— Вашей обязанностью является поддержание Мешка в состоянии, позволяющем получать ответы на вопросы, не так ли, мистер Зиблинг? — осведомился сенатор Хорриган.

— Да, сэр.

— Тогда почему Мешок оказался неспособным ответить на вопросы, заданные ему клиентами? Эти джентльмены честно заплатили свои деньги — по сто тысяч каждый. Насколько я понимаю, пришлось возместить им эту сумму. Это означает, что правительство потеряло… э, одну минуту… сто двадцать на сто тысяч… Сто двадцать миллионов! раскатисто провозгласил он.

— Двенадцать миллионов, сенатор, — торопливо прошептал секретарь. Поправка принята не

была, и число сто двадцать миллионов в должное время украсило газетные заголовки.

Зиблинг сказал:

— Как мы установили, сенатор, Мешок оказался неспособным отвечать на вопросы потому, что он не машина, а живое существо. Он выдохся. Ведь ему задавали вопросы двадцать четыре часа в сутки.

— Кто дал разрешение на такой идиотский порядок?! загремел сенатор Хорриган.

— Вы сами, сенатор, — быстро сказал Зиблинг. — Порядок был установлен законом, внесенным вами и одобренным вашим комитетом.

Поскольку сенатор Хорриган не имел ни малейшего представления об этом законе, хотя и подписался под ним, его нельзя было, конечно, считать ответственным за те или иные положения указанного документа. Но в глазах общественного мнения такая ситуация подрывала его реноме. С этого момента он стал заклятым врагом Зиблинга.

— Следовательно, Мешок не отвечал на вопросы в течение целых двух часов.

— Да, сэр. Он возобновил ответы только после отдыха.

— И отвечал уже без каких-либо затруднений.

— Нет, сэр. Его ответы замедлились. Последующие клиенты жаловались, что у них мошенническими вымогают деньги. Но, поскольку ответы все же давались, мы не считались с этими жалобами, и финансовое управление отказало клиентам в возмещении убытков.

— Считаете ли вы, что обман клиентов, уплативших за свое время, честное дело?

— Это меня не касается, сенатор, — ответил Зиблинг, справившийся к этому моменту со своими нервами. — Я просто слежу за выполнением законов. Вопрос о честности я предоставляю разрешать вам. Полагаю, что в этом отношении вы безукоризненны.

Присутствующие рассмеялись, а сенатор Хорриган вспыхнул. Он был непопулярен настолько, на сколько может быть непопулярен политик, пока он еще остается политиком. Его не любили даже члены его партии, и среди смеявшихся были некоторые из его лучших политических друзей. Он решил изменить ход допроса.

— Правда ли, мистер Зиблинг, что вы часто не допускали клиентов, предъявлявших вам расписки в уплате необходимой суммы?

— Это так, сэр. Но…

— Вы признаете это?

— Дело здесь вовсе не в том, признаю я это или нет, сенатор. Я только хочу сказать…

— Не важно, что вы хотите сказать. Важно то, что вы уже сказали. Вы обманывали людей, уплативших деньги.

— Это неправда, сэр. Им давалось время позже. Причиной моего отказа дать им разрешение на немедленную консультацию с Мешком было то, что это время уже заранее было зарезервировано Управлением вооруженных сил. У них ведутся важные исследования и возникли кое-какие вопросы. Вы же знаете, что относительно порядка очередности в этом случае мнения разделились. Поэтому, когда возникает вопрос о том, кому идти первым, частному клиенту или представителю правительства, я никогда не беру ответственности на себя. Я всегда консультируюсь с правительственным советником.

— Таким образом, вы отказываетесь выносить собственное решение?

— Моя обязанность, сенатор, состоит в том, чтобы следить за самочувствием Мешка. Я не касаюсь политических вопросов. За три дня до того, как я покинул астероид, у нас было немного свободного времени — один из клиентов, уже уплативший деньги, задержался из-за аварии, —

и тогда я задал Мешку вопрос…

— И вы, конечно, использовали это время в своих собственных интересах?

— Нет, сэр. Я спросил Мешок о наиболее эффективном режиме его работы. Из осторожности — я знал, что моему слову могут и не поверить, — я произвел звукозапись. Если желаете, сенатор, я могу продемонстрировать здесь эту звукозапись.

Сенатор Хорриган хрюкнул и махнул рукой.

— Продолжайте.

— Мешок ответил, что ему требуется два часа полного отдыха из каждых двадцати плюс добавочный час на то, что он называет развлечением. Под этим он подразумевает беседу с кем-нибудь, кто будет задавать, как он выражается, разумные вопросы и не станет торопить с ответами.

— И вы предлагаете, чтобы правительство тратило три часа из каждых двадцати — сто восемьдесят миллионов наличными?!

— Восемнадцать миллионов, — прошептал секретарь.

— Это время тратится не зря. Если Мешок переутомится, он преждевременно погибнет.

— Это вы так полагаете?

— Нет, сэр, это сказал Мешок.

Тут сенатор Хорриган пустился в разговоры о

необходимости разоблачения преступных планов, и Зиблинга освободили от дальнейшего допроса. Были вызваны другие свидетели, но в конце концов Сенатская комиссия так и не смогла прийти к сколько-нибудь определенному решению, и было внесено предложение привлечь к расследованию сам Мешок.

Поскольку, однако, Мешок не мог явиться в Сенат, Сенату пришлось явиться к Мешку. Комитет семи не мог скрыть некоторого беспокойства, когда корабль затормозил и протянул причальные крючья к поверхности астероида. Каждому из членов Комитета уже приходилось путешествовать в пространстве, но раньше пунктами назначения были цивилизованные центры, и сенаторам, по-видимому, не улыбалась перспектива высадки на этой лишенной воздуха и света скалистой глыбе.

Представители телевизионных компаний были тут как тут. Они высадились и установили свои аппараты еще до того, как сенаторы сделали первые робкие шаги из безопасных кабин корабля.

Зиблинг отметил с усмешкой, что в этой несколько пугающей обстановке, вдали от родины, сенаторы были гораздо менее самоуверенны. Ему предстояло играть роль доброжелательного

экскурсовода, и он с удовольствием принялся за это дело.

— Видите ли, джентльмены, — сказал он почтительно, — по совету Мешка было решено обезопасить его от возможной угрозы со стороны метеоритов. Именно метеоры уничтожили целиком эту странную расу, и только по счастливой случайности последний ее представитель избег этой участи. Поэтому мы построили непробиваемый купол-укрытие, и теперь Мешок живет под его защитой. Клиенты консультируются с ним, используя телевизионную и телефонную связь, что почти так же удобно, как и личная беседа.

Сенатор Хорриган поспешил вцепиться в самый существенный пункт этого сообщения.

— Вы имеете в виду, что Мешок находится в безопасности, а мы подставлены под удары метеоритов?

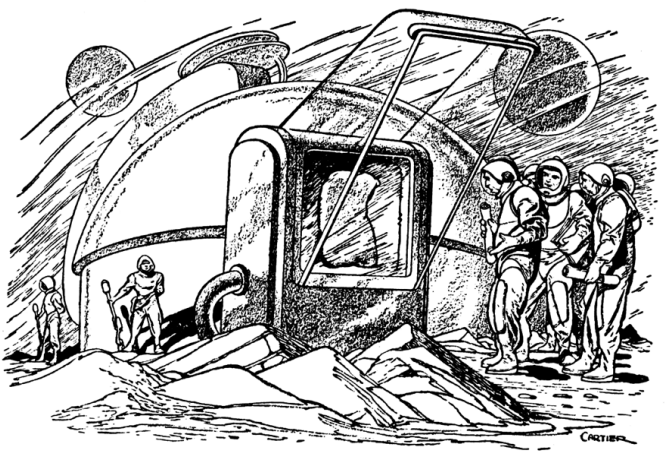
— Разумеется, сенатор. Мешок — единственный в своем роде. Людей, даже сенаторов, много. Их всегда можно заменить путем выборов.

Сенатор позеленел от страха.

— Я думаю, это оскорбление — считать, что правительство не заботится о безопасности и здоровье своих служащих.

— Я тоже так думаю. Я живу здесь круглый

год. — И Зиблинг добавил мягко: — Не желаете ли вы, джентльмены, взглянуть на Мешок?



Джентльмены уставились на телевизионный экран и увидели Мешок, который покоился на своем сиденье, похожий на дерюжный мешок с картофелем, сунутый на трон и забытый там. Он выглядел до такой степени неживым, что всем

казалось странным, почему он остается в вертикальном положении и не валится набок. Тем не менее некоторое время сенаторы не могли сдержать чувства благоговейного ужаса, охватившего их. Даже сенатор Хорриган молчал.

Впрочем, это скоро прошло, и он заявил:

— Сэр, мы официальная следственная комиссия межпланетного Сената, и мы прибыли сюда, чтобы задать вам несколько вопросов.

Мешок не обнаружил никаких признаков желания ответить, и сенатор Хорриган, откашлявшись, продолжал:

— Правда ли, сэр, что вы требуете два часа полного отдыха из каждых двадцати часов и один час на развлечения, или — я, пожалуй, выражусь более точно — на успокоение?

— Это правда.

Хорриган ждал продолжения, но Мешок не в пример сенаторам не стал вдаваться в подробности. Один из членов Комитета спросил:

— Где же вы найдете индивидуума, способного вести разумную беседу со столь мудрым существом, как вы?

— Здесь, — ответил Мешок.

— Необходимо задавать конкретные вопросы, сенатор, — заметил Зиблинг. — Мешок обычно

не говорит о том, о чем его не спрашивают специально.

Сенатор Хорриган поспешно сказал:

— Я полагаю, сэр, что когда вы говорите о подыскании интеллекта, достойного беседы с вами, вы имеете в виду одного из членов нашего Комитета, и я уверен, что из всех моих коллег нет ни одного, кто бы не был годен для этой цели. Но все мы не можем растрачивать наше время, необходимое для выполнения множества других обязанностей, и я хотел бы спросить вас, сэр, кто из нас, по вашему мнению, в особенности располагает мудростью, требуемой для этой огромной задачи?

— Никто, — сказал Мешок.

Сенатор Хорриган был смущен. Другой сенатор покраснел и спросил:

— Тогда кто же?

— Зиблинг.

Хорриган забыл о своем благоговении перед Мешком и вскричал:

— Это подстроено заранее!

Второй сенатор осведомился:

— А почему здесь нет других клиентов? Разве время Мешка не продано далеко вперед?

Зиблинг кивнул.

— Мне приказали аннулировать все ранее за-

казанные консультации, сэр.

— Какой болван это приказал?

— Сенатор Хорриган, сэр.

На том расследование, собственно, и закончилось. Прежде чем комиссия повернулась к выходу, сенатор Хорриган успел задать Мешку отчаянный вопрос:

— Сэр, буду ли я переизбран?

Крики возмущения, вырвавшиеся у его коллег, заглушили ответ Мешка, и только вопрос был услышан отчетливо и разнесен радиостанциями по межпланетному пространству.

Эффект этого происшествия был таков, что сам по себе явился ответом на вопрос сенатора Хорригана. Он не был переизбран. Но еще перед выборами он успел проголосовать против назначения Зиблинга на пост собеседника Мешка. Зиблинг все-таки был назначен четырьмя голосами против трех, и решение комиссии утвердил Сенат. А сенатор Хорриган исчез на время как из жизни Мешка, так и из жизни Зиблинга.

Зиблинг ожидал своего первого часового интервью с Мешком не без некоторого трепета. До сих пор его обязанности были ограничены несложными задачами, установленными в инструкции: присмотр за противометеоритным куполом-

укрытием, обеспечение необходимых запасов пищи, а также забота о воинском подразделении и гвардейцах межпланетного флота. Ибо к тому времени огромная ценность Мешка уже была признана во всей солнечной системе, и каждому было ясно, что тысячи преступников попытаются выкрасть это беззащитное сокровище.

А теперь, думал Зиблинг, я должен буду разговаривать с ним. Он боялся потерять то доброе мнение, которое Мешок почему-то составил о нем. Он находился в положении, до странности напоминающем положение молоденькой девицы, которой хотелось бы больше всего болтать о нарядах и мальчиках с кем-нибудь, кто находится на ее уровне, и которая вынуждена вести блестящую и глубокомысленную беседу с человеком втрое старше ее.

Но при виде Мешка его благоговейный страх до некоторой степени испарился. Было бы абсурдом утверждать, что его успокоили манеры этого странного существа. Оно было лишено каких-либо манер, и даже когда часть его приходила в движение — обычно во время разговора, — это движение казалось совершенно безличным. И тем не менее что-то в Мешке смягчило страхи Зиблинга.

Некоторое время он стоял перед Мешком молча. Потом, к его изумлению, Мешок заговорил — впервые заговорил сам, не ожидая вопроса.

— Вы не разочаруете меня, — сказал он, — я ничего не жду.

Зиблинг улыбнулся. Мешок никогда еще не говорил так. Впервые он показался Зиблингу не столько механическим мозгом, сколько живым существом. Зиблинг спросил:

— Кто-нибудь спрашивал раньше о вас самих?

— Один человек. Это было еще до того, как мое время распределили по минутам. И даже этот человек прекратил свои расспросы, когда сообразил, что ему лучше попросить совета, как стать богатым. Он почти не обратил внимания на мой ответ.

— Сколько вам лет?

— Четыреста тысяч. Я могу указать свой возраст с точностью до долей секунды, но полагаю, что точные цифры интересуют вас меньше, чем моих обычных собеседников.

Мешок по-своему не лишен чувства юмора, подумал Зиблинг и спросил:

— И сколько лет вы провели в одиночестве?

— Более десяти тысяч лет.

— Однажды вы сказали кому-то, что ваши то-

варищи были убиты метеорами. Вы не могли оградить себя от этой опасности?

Мешок проговорил медленно, почти устало:

— Это случилось уже после того, как мы потеряли интерес к жизни. Первый из нас умер триста тысяч лет назад.

— И с тех пор вы жили без желания жить?

— У меня нет и желания умереть. Жизнь стала привычкой.

— Почему вы потеряли интерес к жизни?

— Потому что мы потеряли будущее. Мы просчитались.

— Вы способны делать ошибки?

— Мы не утратили эту способность. Мы просчитались, и хотя те из нас, кто жил тогда, избежали гибели, нашему следующему поколению не повезло. После этого нам стало не для чего жить.

Зиблинг кивнул. Эту потерю интереса к жизни человек способен понять. Он спросил:

— Разве вы с вашими знаниями не могли устранить последствий своего просчета?

Мешок ответил:

— Чем больше вещей становится для вас возможными, тем отчетливее вы осознаете, что ничего нельзя сделать, минуя законы природы. Мы не всесильны. Иногда кто-нибудь из особо

глупых клиентов задает мне вопросы, на которые я не могу ответить, а потом сердится, потому что чувствует, что заплатил деньги напрасно. Другие просят меня предсказать будущее. Я могу предсказать только то, что могу рассчитать, но способность моя к расчетам тоже ограничена, и хотя мои возможности по сравнению с вашими огромны, они не позволяют предусмотреть всего.

— Как это случилось, что вы знаете так много? Знание рождается в вас?

— Рождается только возможность познания. Чтобы знать, мы должны учиться. Это мое несчастье, что я так мало забыл.

— Какие способности вашего организма или какие органы мышления позволяют вам так много знать?

Мешок заговорил, но слова его были непонятны Зиблингу, и тот признался в этом.

— Я мог бы сказать вам сразу, что вы не поймете, — промолвил Мешок, — но хотел, чтобы вы осознали это сами. Чтобы разъяснить все это, мне пришлось бы продиктовать вам с десяток томов, и тома эти вряд ли были бы поняты даже вашими специалистами по биологии, физике и тем наукам, которые вы еще только начинаете изучать.

Зиблинг не отвечал, и Мешок проговорил слов-

но в раздумье:

— Ваша раса все еще не разумна. Уже много месяцев я в ваших руках, но ни один из вас еще не задавал мне важных вопросов. Те, кто желает разбогатеть, расспрашивают о минералах и о концессиях на участки, спрашивают, какой из их планов сколотить состояние будет наилучшим. Некоторые врачи спрашивали меня, как лечить смертельно больных богатых пациентов. Ваши ученые просят меня разрешить проблемы, на которые они без моей помощи затратили бы годы. А когда задают вопросы ваши правители, они оказываются самыми глупыми из всех, ибо хотят знать только одно: как удержаться у власти. Никто не спрашивает того, что надо.

— О судьбе человечества?

— Это предсказание отдаленного будущего. Это вне моих возможностей.

— Что же мы должны спрашивать?

— Вот вопрос, которого я ожидал. Вам трудно понять его важность, потому что каждый из вас занят только самим собой.

Мешок замолк, затем пробормотал:

— Я болтаю непозволительный вздор, когда разговариваю с этими тупицами. Но даже вздор может считаться информацией. Другие не пони-

мают, что в больших делах прямота опасна. Они задают мне вопросы, требующие специальных ответов, а им следовало бы спросить о чем-нибудь общем.

— Вы не ответили мне.

— Это часть ответа — сказать, что вопрос важен. Ваши правители видят во мне ценную собственность. Им следовало бы спросить, так ли велика моя ценность, как это кажется. Им следовало бы спросить, что приносят мои ответы — пользу или вред.

— А что они приносят?

— Вред, огромный вред.

Зиблинг был поражен. Он сказал:

— Но если ваши ответы правдивы…

— Процесс достижения истины так же драгоценен, как и сама истина. Я лишил вас этого. Я даю вашим ученым истину, но не всю, ибо они не знают, как достигнуть ее без моей помощи. Было бы лучше, если б они познавали ее ценой многих ошибок.

— Я не согласен с вами.

— Ученый спрашивает меня, что происходит в живой клетке, и я говорю ему. Но если бы он исследовал клетку самостоятельно — пусть ценою затраты многих лет, он пришел бы к финишу не

только с этим знанием, но и множеством других, со знанием вещей, о которых он сейчас даже не подозревает, а они тесно связаны с его наукой. Он получил бы много новых методов исследования.

— Но ведь в некоторых случаях знание полезно само по себе. Например, я слышал, что уже используется предложенный вами дешевый способ производства урана на Марсе. Что в этом вредного?

— А вам известно, сколько имеется необходимого сырья? Ваши ученые не продумали этого вопроса, они растранжирят все сырье и слишком поздно поймут, что они наделали. У вас ведь уже было так на Земле. Вы узнали, каким образом можно дешево перерабатывать воду; вы тратили воду безрассудно, и вскоре вам перестало ее хватать.

— Что плохого в том, чтобы спасти жизнь умирающего пациента, как это делали некоторые врачи?

— Первый вопрос, который следовало бы задать, это — стоит ли спасать жизнь такого пациента.

— Но именно этого доктор не должен спрашивать. Он должен стараться спасти всех умирающих. Совершенно так же, как вы никогда не спрашиваете, в добро или зло обратят люди ваши

знания. Вы просто отвечаете на их вопросы.

— Я отвечаю только потому, что мне все равно, меня не интересует, как они используют то, что я скажу. Разве докторам тоже все равно?

Зиблинг сказал:

— Подразумевается, что вы отвечаете на вопросы, а не задаете их. Кстати, почему вы вообще отвечаете?

— Некоторые представители человечества любят хвастаться, другие — делать так называемое добро, третьи — добывать деньги. То небольшое удовольствие, какое я могу еще получать от жизни, состоит в том, чтобы давать информацию.

— А вы не могли бы находить удовольствие во лжи?

— Я так же не способен лгать, как ваши птицы не способны покинуть Землю на собственных крыльях.

— Еще один вопрос. Почему вы потребовали, чтобы во время отдыха разговаривал с вами именно я? У нас есть блестящие ученые, великие люди всех сортов, из которых вы могли бы выбирать.

— Меня не интересуют великие представители вашей расы. Я избрал вас, потому что вы честны.

— Спасибо, но на Земле много других честных

людей. И на Марсе и на других планетах. Почему я, а не они?

Мешок, казалось, колебался:

— Это доставило мне маленькое удовольствие. Возможно, потому, что я знал: мой выбор будет неприятен тем… семерым…

Зиблинг улыбнулся.

— Вы не так уж равнодушны, как вам кажется. Полагаю, очень трудно быть равнодушным к сенатору Хорригану.

Это был только первый из многих разговоров с Мешком. Сначала Зиблинга весьма обеспокоило предупреждение Мешка относительно опасности, грозящей человечеству, если его (Мешка) советами будут и впредь столь безрассудно пользоваться. Но было бы нелепостью стараться убедить правительственные органы, что Мешок, приносящий ежедневно многие миллионы, является бедствием, а не благословением человеческого рода, и Зиблинг даже не пытался этого сделать. Через некоторое время он постарался загнать все эти неприятные мысли как можно глубже.

Поскольку разговоры велись через каждые двадцать часов, Зиблингу пришлось реорганизовать свое расписание, что было не так уж просто

для человека, привыкшего к суткам межпланетным, тридцатичасовым. Но он чувствовал себя с лихвой вознагражденным за это беспокойство регулярными беседами с Мешком. Он узнал множество нового о планетах, солнечной системе, галактиках, но все эти сведения получал случайно, не задавая специальных вопросов.

Поскольку его познания а астрономии ограничивались школьным курсом, ему никогда и в голову не приходило, что существует целый ряд вопросов, которые следовало бы задать — главным образом относительно других галактик.

Впрочем, вероятно, ничего бы не изменилось, если бы он и задал эти вопросы, ибо некоторые ответы понять было слишком трудно. Он потратил три беседы подряд, стараясь уяснить, каким образом Мешок смог без всякого предварительного контакта с людьми понять земной язык капитана Ганко в тот исторический час, когда этот сверхразум впервые открыл себя людям, и как он смог ответить словами, практически лишенными всякого акцента. Но даже после трех бесед у Зиблинга осталось лишь весьма смутное представление о том, как это делалось.

Это не было телепатией, как он думал вначале. Это был чрезвычайно запутанный аналитиче-

ский процесс, учитывающий не только слова, которые произносились, но и природу межпланетного корабля, скафандров, которые носили люди, манеру их разговора и множество других факторов, характеризующих как психологию говорящего, так и его язык. Это было похоже на рассуждения математика, старающегося объяснить человеку, не знающему даже арифметики, как он определяет уравнение сложной кривой по ее короткой дуге. Только Мешок не в пример математику мог проделать все это в собственной, так сказать, голове без помощи бумаги и карандаша.

Через год Зиблинг уже затруднился бы сказать, что более занимало его: эти часовые беседы с Мешком или хитроумно-дурацкие требования некоторых мужчин и женщин, заплативших свои сотни тысяч за драгоценные шестьдесят секунд. Кроме сравнительно простых вопросов, задаваемых учеными и искателями счастья, желавшими знать, где можно найти драгоценные металлы, попадались и сложные проблемы, занимавшие по несколько минут.

Например, одна женщина спросила, где найти ее пропавшего сына. Без необходимых данных, с которых можно было бы начать, даже Мешок не

мог сказать ей ничего определенного. Она улетела обратно и вернулась через месяц с огромным количеством информации, тщательно подобранной в порядке уменьшения важности сведений. Мешку потребовалось меньше трех минут, чтобы ответить, что сын ее, по-видимому, жив и находится в малоисследованной области Ганимеда.

Все беседы с Мешком, в том числе и беседы Зиблинга, записывались на пленку, а записи, хранились в центральном архиве на Земле. Многие из записей Зиблинг не понимал, некоторые потому, что они были сугубо техническими, другие потому, что они были на незнакомом ему языке. Мешок, конечно, немедленно выучивал все языки при помощи процесса, суть которого он так и не смог объяснить Зиблингу, а в центральном архиве технические эксперты и эксперты-лингвисты тщательно изучали каждую фразу каждого вопроса и ответа, чтобы, во-первых, убедиться, что клиент не является преступником, и, во-вторых, чтобы иметь данные для сбора подоходного налога, когда клиент с помощью Мешка добудет состояние.

К концу года Зиблинг убедился в правильности предсказаний Мешка относительно бедствий, грозящих человечеству. Впервые за столетие

число учёных-исследователей не увеличилось, а уменьшилось. Знания «Мешка» сделали целый ряд исследований ненужными и уничтожили закономерную последовательность открытия. Мешок прокомментировал этот факт Зиблингу.

Зиблинг кивнул:

— Я вижу. Человечество теряет независимость.

— Да, и я из верного его раба превращаюсь в его же хозяина. А я ведь хочу быть хозяином не больше, чем рабом.

— Вы можете уйти, как только захотите.

Человек в ответ на это вздохнул бы — Мешок сказал просто:

— У меня нет силы чего-либо желать. К счастью, эта проблема скоро будет решена без меня.

— Вы имеете в виду политические склоки?

Ценность Мешка невероятно увеличилась, и одновременно с этим усилилась жестокая борьба за право пользоваться его услугами. Финансовая политика приобретала странное направление. Президенты, владельцы и директора стали почтя марионетками, ибо все главные вопросы политики теперь решались не на основе изучения фактов, а путем обращения к Мешку. Мешок зачастую давал советы ожесточенным противникам, и это походило на игру в космические

шахматы, где гигантские корпорации и правительственные агентства были пешками, а Мешок — Игроком, лелеющим попеременно ходы то за одну, то за другую сторону. Назревали кризисы экономические и политические.

Мешок сказал:

— Я имею в виду и политические склоки и многое другое. Борьба за мои услуги стала слишком жестокой. Она может иметь только один конец.

— Вы имеете в виду, что будет сделана попытка вас украсть?

— Да.

— Вряд ли это возможно. Ваша охрана все время усиливается.

— Вы недооцениваете силу жадности.

Он был прав — Зиблингу пришлось убедиться в этом довольно скоро.

В конце четырнадцатого месяца его службы, спустя полгода после провала Хорригана на перевыборах, появился клиент, заговоривший с Мешком на марсианском диалекте Прдл — экзотическом языке, известном весьма немногим. Он обратил на себя внимание Зиблинга еще и потому, что заранее уплатил миллион за беспрецедентнейшую привилегию говорить с Мешком десять минут подряд. Разговор был записан, но,

естественно, остался непонятным — ни Зиблингу, ни кому-либо другому из служащих станции. Замечательно было еще и то, что незнакомец покинул астероид через семь минут, так и не использовав оставшиеся три минуты, которых было бы достаточно для получения сведений, как сколотить несколько небольших состояний. Эти три минуты не могли быть использованы другими частными клиентами. Но никому бы и в голову не пришло запретить использовать их правительственному служащему, и Зиблинг сейчас же заговорил с Мешком:

— Что спрашивал этот человек?

— Совета, как украсть меня.

Зиблинг был ошарашен.

— Что?

Мешок всегда воспринимал такие восклицания, выражающие изумление, буквально.

— Совета, как украсть меня, — повторил он.

— Тогда… позвольте… он отбыл тремя минутами раньше. Это должно означать, что он торопится начать. Он хочет начать проводить свой план немедленно!

— Он уже проводит его, — ответил Мешок. — Организация преступников отлично, если не досконально, осведомлена о диспозиции войск

охраны. Вероятно, кто-то в правительстве оказался предателем. Меня спросили, какой из нескольких планов наилучший, и предложили рассмотреть их с точки зрения слабых мест. Так я и сделал.

— Хорошо, — но как мы можем воспрепятствовать выполнению этого замысла?

— Воспрепятствовать ему нельзя.

— Не понимаю, почему. Пусть мы не можем помешать им высадиться, но мы можем помешать им удрать отсюда с вами.

— Есть только один путь. Вы должны уничтожить меня.

— Я не могу сделать этого! У меня нет на это права, а если бы и было — я все равно не смог бы!

— Моя гибель была бы благословением для человечества.

— И всё же я не могу, — горестно проговорил Зиблинг.

— Тогда — если это исключается — выхода нет. Они попросили меня проанализировать возможные шаги, которые будут предприняты для преследования, но они не спросили совета, как бежать, ибо это было бы тратой времени. Они успеют спросить, когда я буду у них в руках.

— Значит, — с трудом сказал Зиблинг, — я ни-

чего не могу сделать, чтобы спасти вас. Как мне спасти своих людей?

— Вы можете спасти и их и себя, погрузившись в аварийный корабль и вылетев к Солнцу. Тогда вы избежите контакта с преступниками. Но меня с собой не берите, иначе за вами будет погоня.

Крики охраны привлекли внимание Зиблинга.

— Радио сообщает о нападении бандитов, мистер Зиблинг! Сигнализация тревоги не действует!

— Да, я знаю. Готовьте корабль, — Зиблинг снова повернулся к Мешку. — Мы можем бежать, но они захватят вас. И с вашей помощью будут управлять всей системой.

— Не в этом дело, — сказал Мешок.

— Они захватят вас. Можно сделать еще что-нибудь?

— Уничтожьте меня.

— Не могу, — сказал Зиблинг, чуть не плача.

К нему нетерпеливо подбежали его люди, и он понял, что времени больше не осталось. Он пробормотал простую и глупую фразу: «До свидания!», словно Мешок был человеком и мог переживать, как человек, и бросился к кораблю.

Они стартовали вовремя. Полдюжины кораблей неслись к астероиду с нескольких сторон, и

корабль Зиблинга успел проскочить как раз за секунду до того, как они оцепили астероид, на котором находился Мешок.

Зиблинг понял, что он и его люди спасены. Дело переходило отныне в руки командования Вооруженными силами, но Зиблинг представил себе, как они выступят против совершенного мозга Мешка, и сердце его сжалось. Но затем произошло нечто совершенно неожиданное. Впервые Зиблинг полностью уразумел, что хотя Мешок и позволил использовать себя, как простую машину, как раба, отвечающего на вопросы, однако это случилось вовсе не потому, что его возможности были ограничены лишь способностью анализировать. Экран телевизора вдруг осветился.

Связист подбежал к Зиблингу.

— Что-то случилось, Мистер Зиблинг, — сказал он, — ведь телевизор не включен!

Телевизор не был включен. И тем не менее они увидели камеру, в которой Мешок провел четырнадцать месяцев — краткое мгновение своей жизни. В камеру вошли двое — незнакомец, говоривший на Прдл, и сенатор Хорриган.

К изумлению обоих, первым заговорил Мешок. Он сказал:

— «До свидания» — не вопрос и не ответ. Это со-

общение не содержит почти никаких сведений.

Хорриган явно благоговел перед Мешком, но был не из тех, кто отступает перед непонятным. Он почтительно произнес:

— Нет, сэр. Разумеется, не содержит. Это просто выражение…

Незнакомец прервал его на превосходном английском языке:

— Заткнитесь, вы, болтун! Нечего терять время. Надо взять его и бежать. Мы поговорим с ним там.

Зиблинг успел обрушить не одно проклятие на голову Хорригана и пожалеть людей, которых бывший сенатор предал за то, что они не переизбрали его, когда на экране снова возникло изображение. Это была комната внутри пиратского корабля, покидающего астероид. Его никто не преследовал. По-видимому, планы похитителей плюс информация Мешка составили действенную комбинацию.

Сначала единственными людьми возле Мешка были Хорриган и незнакомец, говорящий на Прдл, но это продолжалось недолго. В помещение ввалилось еще человек десять. Лица их казались угрюмыми и выражали недоверие. Один из них объявил:

— Не смейте разговаривать с Мешком, пока мы все не соберемся около него. Мы все имеем на него право.

— Не нервничайте, Меррилл. Не думаете ли вы, что я собираюсь надуть вас?

— Да, я так думаю, — ответил Меррилл. — Что вы скажете, Мешок? Есть у меня основания не доверять ему?

Мешок ответил коротко:

— Да.

Незнакомец, говорящий на Прдл, побледнел. Меррилл холодно рассмеялся.

— Будьте осторожны, когда задаете вопросы возле этой штуки.

Хорриган прокашлялся.

— У меня нет намерения, как вы говорите, надувать кого бы то ни было. Не такой я человек. Поэтому я буду говорить с ним, — он повернулся к Мешку. — Сэр, грозит ли нам опасность?

— Да.

— С какой стороны?

— Ни с какой. Изнутри корабля.

— Опасность немедленная?

— Да.

Тут выяснилось, что Меррилл обладает самой быстрой реакцией: именно он первый начал

действовать в соответствия с намеками, содержавшимися в ответе. Он застрелил человека, говорившего на Прдл, прежде чем тот успел схватиться за оружие, а когда Хорриган бросился в ужасе к дверям, хладнокровно уложил и его.

— Вот так, — сказал он. — Есть ли еще опасность внутри корабля?

— Есть.

— Кто? — зловеще спросил Меррилл.

— Опасность не исчезнет до тех пор, пока я буду с вами, и на корабле останется больше одного человека. Я слишком большое сокровище для таких, как вы.

Зиблинг и его экипаж как завороженные глядели на экран, ожидая, что бойня начнется снова. Но Меррилл овладел собой.

Он сказал:

— Погодите, ребята. Я признаю, что мы — каждый из нас — хотели бы иметь эту штуку только для себя. Но это неосуществимо. Мы все вместе в этом деле и будь я проклят, если очень скоро нам не придется отбиваться от военных кораблей. Эй, Прадер! Почему ты здесь, а не у перископов?!

— Я слушаю, — сказал Прадер. — Если кто-нибудь вздумает разговаривать с этой штукой, то я хочу быть здесь и слышать ответы. А если есть

еще новые способы ударить из-за угла, то я хочу узнать и про них.

Меррилл выругался. В тот же момент корабль качнуло, и он заорал:

— Мы сошли с курса! По местам, идиоты! Живее!

Все кинулись вон, но Зиблинг заметил, что Меррилл был не настолько озабочен общей опасностью, чтобы не выстрелить Прадеру в спину, прежде чем несчастный успел выскочить.

— Теперь им конец, — сказал Зиблинг. — Они перебьют друг друга, а оставшиеся двое или трое погибнут потому, что их будет слишком мало, чтобы управлять таким кораблем. Должно быть, Мешок предвидел и это. Странно только, почему он не предупредил меня.

Мешок заговорил, хотя в помещении никого не было.

— Меня никто не спрашивал, — сказал он.

Зиблинг взволнованно закричал:

— Вы слышите меня! Но что будет с вами?! Вы тоже погибнете?

— Нет еще. Мне захотелось пожить дольше, — он помолчал и затем чуть тише добавил: — Я не люблю выражений, не содержащих сведений, но я должен сказать. Прощайте.

Послышались крики, стрельба. Затем экран внезапно потускнел и погас.

Мешок, существо, на вид столь чуждое человеческим эмоциям, навсегда ушло за пределы знания Зиблинга. Вместе с Мешком — как он сам и предсказывал — исчезла ужасная угроза всему человечеству.

Как странно, думал Зиблинг, я чувствую себя таким несчастным при таком счастливом конце.

Роберт Хайнлайн
Пасынки Вселенной

Экспедиция к Проксиме Центавра,[1] *спонсированная Фондом Джордана*[2] *и стартовавшая в 2119 году, была первой документально зафиксированной попыткой достичь ближайших звезд нашей Галактики. О несчастной судьбе экспедиции мы можем только гадать…*

Из книги Франклина Бака «Романтика современной астрографии»

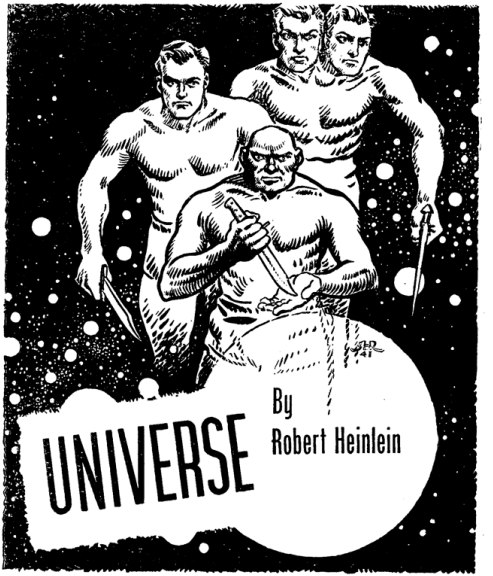
---

[1] notes: 1

Центавр (*лат.* Centaurus) — это созвездие в Южном полушарии, невидимое, к сожалению, с территории России. В нем находится ближайшая к Солнечной системе звезда — Проксима (от *лат.* proximus — ближайший) Центавра, красный карлик, отстоящий от Солнца на 4,3 световых года.

[2] notes: 2

Название фонда вызывает сразу несколько ассоциаций. Во-первых, оно может быть связано с увековечиванием имени итальянского философа Джордано Бруно (1548–1600), последователя Коперника, впервые высказавшего мысль о множественности обитаемых миров во Вселенной. Во-вторых, как справедливо заметил А. Балабуха (1993), именно так звучит по-английски название библейской реки Иордан — последнего рубежа перед входом в Землю Обетованную, а ведь создатели фонда тоже думали о достижении новых рубежей — далеких звезд.



Иллюстрации Rogers

Часть 1
Вселенная

— Берегись! Мут!

От этого вскрика Хью Хойланд резко, не теряя ни секунды, наклонился.

В переборку над его головой грянула железяка размером с яйцо. Запросто разнесло бы череп.

Инерция движения, сделанного Хойландом, привела к тому, что ноги оторвались от пола. Прежде чем его тело опустилось на палубу, Хью дотянулся ступней до переборки и оттолкнулся от нее. Длинным, плавным прыжком он пересек проход, держа нож наготове.

Сгруппировавшись в полете, он перевернулся в воздухе, затормозил движение, коснувшись противоположной стены, и медленно опустился на ноги. Теперь он находился в углу прохода, куда скрылся мут. Коридор был пуст. Двое товарищей приблизились к нему, неловко скользя по полу.

— Ушел? — спросил Алан Махони.

— Да, — ответил Хойланд. — Похоже, это была самка. И я, кажется, видел четыре ноги.

— Две ноги или четыре, все равно уже не пой-

маем, — заметил третий юноша.

— А на кой Хафф его ловить? — возразил Махони. — Я не собираюсь.

— А я собираюсь, — сказал Хойланд. — И Джордан меня побери, возьми он дюйма на два выше, я был бы уже массой для Конвертора.

— Вы можете хоть два слова связать без ругани? — упрекнул третий. — Слышал бы вас Капитан! — С этими словами он почтительно коснулся лба.

— Ох, ради Джордана, — отрезал Хойланд, — не будь таким занудой, Морт Тайлер. Ты ведь еще не ученый. Думаю, во мне не меньше благочестия, чем в тебе, а дать иногда волю чувствам — это не смертный грех. Так даже ученые поступают. Я слышал.

Тайлер открыл было рот, чтобы возразить, но, очевидно, передумал.

Махони тронул Хойланда за руку.

— Слушай, Хью, — взмолился он, — давай выбираться отсюда. Мы еще никогда так высоко не забирались. Меня так и мотает во все стороны, — хочу вниз, почувствовать сколько-нибудь веса в ногах.

Хойланд, крепко сжимая нож, с тоской поглядел на люк, в котором скрылся противник, и

повернулся к Махони.

— Ладно, малыш. Все равно еще спускаться и спускаться.

Он повернулся и заскользил к люку, через который они попали на этот уровень. Двое остальных следовали за ним. Не обращая внимания на лестницу, он шагнул в проем и стал медленно опускаться на палубу в пятнадцати футах внизу. Тайлер и Махони падали рядом. Через следующий люк, в нескольких футах от предыдущего, они попали на другую палубу. Вниз, вниз, вниз, они падали все ниже и ниже, через десятки палуб, каждая из который была тиха, тускло освещена и таинственна. Каждый раз они падали чуть быстрее, приземлялись чуть жестче. Наконец Махони запротестовал.

— Давай пешком пойдем, Хью. От последнего прыжка я ноги отшиб.

— Ладно. Только это будет дольше. Где мы сейчас? Кто-нибудь знает?

— До фермы еще около семидесяти палуб, — ответил Тайлер.

— Откуда ты знаешь? — подозрительно спросил Махони.

— Я считал, тупица. А когда мы спускались, я отнимал единицу после каждой палубы.

— Врешь. Никто, кроме ученых, так считать не может. Думаешь, если учишься читать и писать, так уже все знаешь?

Хойланд пресек разгорающуюся ссору.

— Заткнись, Алан. Может, он и правда умеет. Он у нас головастый. В любом случае осталось палуб семьдесят — видно по тяжести.

— А слабо, ему пересчитать лезвия на моем ноже?

— Хватит, я сказал! Дуэли за пределами деревни запрещены. Это Правило.

Дальше они продвигались в молчании, легко сбегая вниз по лестницам, пока увеличивающийся с каждой палубой вес не заставил их перейти на более степенный шаг. Наконец они достигли уровня, который был ярко освещен и по высоте был вдвое больше остальных. Воздух был влажным и теплым; растительность закрывала обзор.

— Ну вот мы и внизу, — сказал Хью. — Не узнаю эту ферму. Должно быть, мы спустились с другой стороны.

— Вон фермер, — сказал Тайлер. Он приложил мизинцы ко рту и свистнул, а потом крикнул: — Эй! Земляк! Где мы?

Крестьянин медленно оглядел их, потом неохотно процедил, как дойти до Главного Про-

хода, откуда можно добраться до их деревни.

Они прошли бодрым шагом полторы мили по широкому туннелю. Дорога была оживленной — путники, носильщики, тележки. В маленьком портшезе высокомерно раскачивался ученый, несли его четверо рослых прислужников, а впереди шествовал оруженосец, разгоняя с дороги простонародье. Через полторы мили дорога привела их к деревенской общине — просторному помещению в три палубы высотой и, пожалуй, вдесятеро шире. Тут их пути разошлись. Хью направился к себе в кадетскую казарму, где отдельно от родителей жили неженатые парни. Он вымылся и пошел к своему дяде, у которого работал за еду. Тетка покосилась на него в дверях, но промолчала, как и пристало женщине.

— Привет, Хью! — поздоровался дядя. — Все исследуешь?

— Доброй еды, дядя. Исследую.

Дядя, уравновешенный и разумный человек, благодушно полюбопытствовал:

— Где же ты был? Что нашел?

Тетка молча выскользнула из комнаты и вернулась с ужином, который поставила перед племянником. Хью набросился на еду; ему и в голову не пришло поблагодарить. Он прожевал

кусок, прежде чем ответить.

— Высоко. Мы добрались почти до невесомости. Мут мне чуть голову не снес.

Дядя захихикал.

— Ты найдешь свою смерть на этих ярусах, парень. Лучше займись делом… а там я, глядишь, помру и уберусь с твоей дороги.

На лице Хью выразилось упрямство.

— Разве Вам самому не любопытно, дядя?

— Мне? Ну, я порядком успел полюбопытствовать в молодости. Я прошел весь Главный Проход туда и обратно. Проходил прямо сквозь Темный Сектор, где муты наступают на пятки! Видишь этот шрам?

Хью кинул невнимательный взгляд. Он видел шрам много раз и наслушался этого рассказа до тошноты. Одна вылазка в глубину Корабля — тьфу! Он хотел побывать всюду, увидеть все и понять сущность вещей. Эти верхние уровни — зачем Джордан создал их, если человеку не дозволено забираться так высоко?!

Однако он оставил свои мысли при себе и продолжил трапезу. Дядя сменил тему.

— Я собираюсь сходить к Свидетелю. Джон Блэк утверждает, что я задолжал ему трех свиней. Хочешь пойти со мной?

— Ну, нет, наверное... Хотя подождите... Я пойду.

— Тогда поспеши.

У кадетских казарм они задержались, чтобы Хью отпросился.

Свидетель жил в маленькой вонючей каморке, дверь которой выходила в Общий Зал как раз напротив бараков; там его мог видеть всякий, кому понадобится его помощь. Они застали его сидящим в дверях и ковыряющим в зубах пальцем. Ученик Свидетеля, подросток с пухлым лицом и напряженным близоруким взглядом, сидел на корточках позади.

— Доброй еды! — сказал дядя Хью.

— И тебе доброй еды, Эдард Хойланд. Пришел по делу или просто поболтать со стариком?

— И то и другое, — дипломатично ответил дядя Хью и изложил свою проблему.

— Так? — сказал Свидетель. — Что ж — в контракте ясно сказано:

Отдал Эду Черный Джон
Десять бушелей овса.
Ожидал в уплату он
Двух грядущих поросят.
Как дозреют поросята —

— Подросли свиньи, Эдард Хойланд?

— Порядком, — признал дядя. — Но Блэк требует трех вместо двух.

— Передай ему — пусть чуток остынет. «Свидетель сказал свое слово». — И он засмеялся тоненьким голосом.

Потом они посплетничали пару минут, Эдард Хойланд углубился в рассказ о своих последних делах, желая удовлетворить ненасытную жажду подробностей, которую он знал за стариком. Хью сохранял пристойное молчание, пока старшие разговаривали. Однако когда дядя собрался уходить, он произнес:

— Я останусь ненадолго, дядя.

— Э? Как хочешь. Доброй еды, Свидетель.

— Доброй еды, Эдард Хойланд.

— Я принес Вам подарок, Свидетель, — сказал Хью, когда дядя отошел за пределы слышимости.

— Дай взглянуть.

Хью вытащил упаковку табака, которую предусмотрительно взял в своем шкафчике в казарме. Свидетель принял ее без благодарности и перебросил ученику, чтобы тот припрятал.

— Зайди, — пригласил Свидетель, потом обратился к ученику: — Эй, ты! Принеси кадету стул.

— Ну, парень, — продолжил он, когда они уселись, — расскажи мне, чем ты занимаешься.

Хью принялся рассказывать, как можно подробнее описывая приключения последнего похода, а Свидетель, не переставая, ругал его за неспособность запомнить все, что он видел.

— У вас, молодых, нет никаких способностей, — твердил он. — Никаких способностей! Даже этот тупица, — он кивнул в сторону ученика, — даже у него их нет, хоть он и в двадцать раз толковее тебя. Ты не поверишь, он и тысячи строк за день всосать не может, а надеется сесть на мое место, когда меня не будет. Да когда я был учеником, я эту тысячу строк читал про себя на сон грядущий, как колыбельную. Бурдюки вы дырявые — вот вы кто!..

Хью пришлось долго ждать пока старик выговорится. Наконец тот спросил:

— Так ты хотел задать мне вопрос, парень?

— Вроде того, Свидетель.

— Ну так задавай. Что ты мямлишь?

— Вы когда-нибудь забирались наверх так высоко, где уже нет веса?

— Я? Конечно, нет. Я ведь был Свидетелем, учился своему призванию. Нужно было запомнить строки всех Свидетелей до меня, а на развлечения

для пацанов времени не было.

— Я надеялся, что Вы скажете мне, что там может быть…

— А, ну это другое дело. Я никогда туда не забирался, но во мне память стольких из тех, кто лазил наверх, сколько ты никогда не увидишь. Я старый человек. Я знал отца твоего отца, а перед тем его деда. Что ты хочешь знать?

— Ну…

Что же он хочет узнать? Как задать вопрос, который был всего лишь ноющей болью у него в груди? И все же…

— Для чего это все, Свидетель? Зачем все эти уровни над нами?!

— Э? Что это ты?.. Во имя Джордана, сынок — я Свидетель, а не ученый!

— Ну… я думал, Вы должны знать. Извините.

— А я знаю. Ответ — в Строках из «*Начала*».

— Я слышал их.

— Послушай еще раз. Все ответы — там, если у тебя хватит мудрости понять их. Помогай мне. Впрочем, нет — дадим возможность моему ученику проявить свои знания. Эй, ты! Строки из «*Начала*» — и следи за ритмом.

Ученик облизал губы и начал:

Джордан был допрежь начала; до всего

были мысли одинокие его,
И была до человека пустота,
что безжизненна, безвидна и пуста.
Породило одиночество порыв
и стремленье, путь решению открыв;
И воздета длань Создателя была,
и Корабль сплотился из его тепла —
Протяженья добрым полнились жильем,
был хранилищ для зерна велик объем;
Переходы, всходы, двери и чулан —
для покуда не рожденных поселян.
И решил Творец, что мир уже готов
к восприятию венца его трудов.
Человек замыслен был венцом всего,
но ключа не оказалось от него.
А ведь диким, без бразды и борозды,
он испортил бы Создателя труды.
И Всевышний Уложенья даровал —
хаос в людях ограничил и сковал.
Чтобы каждый, целям маленьким служа,

неустанно и незримо приближал
Воплощение высоких дум Творца,
чтоб порядок снизошел во все сердца.
Джордан создал для работы Экипаж
и Ученых — направлять единый План.
А судьею — так решил Создатель наш —
был поставлен над народом Капитан.
То был Золотой Век!
Только Джордан в совершенство облачен,
а у прочих совершенства нет ни в чем:
Зависть, Жадность и Гордыня ищут нас,
чтоб в умах свои посеять семена.
Первым их в себе взрастил зловещий Хафф —
проклят будь, слуга гордыни и греха!
Насадив сомненье ли, безверье ли,
бунт его советы злые разожгли;
Кровь творений Божьих запятнала пол,
Капитан в Полет безвременный ушел.
Повсеместно грех возобладал в умах,

и пути Народа проглотила Тьма…[3]

Старик ударил мальчишку по губам тыльной стороной ладони.

— Заново!

— Сначала?

— Нет! С того места, где ты ошибся.

Мальчик замялся, потом исправился:

…Повсеместно грех возобладал в умах,
и пути Народа поглотила Тьма…

Мальчишечий голос бубнил, стих за стихом, многословную, но невнятную старую-престарую историю о грехе, бунте и времени тьмы. Как наконец возобладала мудрость и тела главарей смутьянов были отправлены в Конвертор. Как некоторые из смутьянов спаслись от *Путешествия* и породили первых мутов. Как выбрали нового Капитана после многих молитв и жертвоприношений.

Хью неловко ерзал, переступал ногами. Разумеется, ответы на его вопросы были здесь, ведь это Священные Строки, но он не мог охватить их разумом. Что все это значит? Неужели в жизни нет ничего, кроме еды, сна и, в конце концов,

---

[3] notes: 3
Перевод предания сделан Эльвирой Байгильдеевой.

долгого *Путешествия*? Разве Джордан не хотел, чтобы его поняли? Тогда откуда эта боль в груди? Этот голод, который не проходит даже после доброй еды?..

Когда, поспав, Хью разговлялся, к дверям дядиной квартиры подошел ординарец.

— Ученый требует присутствия Хью Хойланда, — произнес он.

Хью знал, что этим ученым был Лейтенант Нельсон, отвечавший за духовное и физическое благополучие того сектора Корабля, где находилась и родная деревня Хью. Он проглотил остатки завтрака и поспешил за посланцем.

— Кадет Хойланд! — объявили о его прибытии.

Ученый поднял глаза от своего завтрака и сказал:

— Ах, да. Заходи, мой мальчик. Садись. Ты уже ел?

Хью признался, что ел, но глаза его с интересом возвращались к странному фрукту на тарелке старшего. Нельсон проследил его взгляд.

— Попробуй эти фиги… Новая мутация — их принесли с дальней стороны. Давай, давай — мужчина в твоем возрасте всегда найдет местечко, куда влезут еще несколько кусочков.

Хью застенчиво принял приглашение. Никогда

раньше он не ел в присутствии Ученого. Старший откинулся на стуле, вытер пальцы о рубашку, расправил бороду и сказал:

— Я не видел тебя в последнее время, сынок. Расскажи мне, чем ты занимался.

Прежде чем Хью успел ответить, он продолжал:

— Нет, не говори мне — я сам скажу. Во-первых, ты ходил в экспедиции, исследовал запретные зоны Корабля. Не так ли?

Он смотрел молодому человеку прямо в глаза. Хью судорожно размышлял, что сказать в ответ.

Но ему снова не дали ответить.

— Ладно, я это знаю, и ты знаешь, что я знаю. Я не слишком сержусь. Но этот факт заставил меня задуматься, что пора тебе решить, что ты будешь делать в жизни. У тебя есть какие-нибудь планы?

— Ну… никаких определенных планов, сэр.

— Как насчет той девчонки, Идрис Бакстер? Собираешься жениться на ней?

— Ну… хм… я не знаю, сэр. Я бы, наверное, хотел, и ее отец согласен. Только…

— Только что?

— Ну… он хочет, чтобы я работал на его ферме. Наверное, это хорошая идея. Его ферма плюс

дело моего дяди — это было бы порядочное состояние…

— Но ты не уверен, что это хорошая идея?

— Ну… я не знаю.

— Именно. Тебе это не по душе. У меня есть другие планы. Скажи, ты когда-нибудь задумывался, почему я учил тебя читать и писать? Конечно, задумывался. Но ты держал это при себе. Это хорошо. Теперь слушай. Я наблюдал за тобой с тех пор, как ты был ребенком. У тебя больше воображения, чем у остальных, больше любопытства, больше энергии. И ты прирожденный лидер. Еще младенцем ты отличался от других. У тебя была слишком крупная голова, и кое-кто на твоем первом осмотре проголосовал за то, чтобы сразу спустить тебя в Конвертор. Но я их отговорил. Я хотел посмотреть, что из тебя выйдет. Крестьянская жизнь тебе не по нраву. Ты должен быть Ученым.

Старик замолчал и стал разглядывать его лицо. Хью был так смущен, что потерял дар речи. Нельсон продолжал:

— Да-да, действительно, у такого как ты есть только два выхода: выйти в люди или отправиться в Конвертор.

— Вы хотите сказать, что у меня нет выбора?

— Если прямо — то да. Оставлять в Экипаже блестящие умы — значит плодить ересь. Мы не можем пойти на это. Однажды это произошло — и человеческая раса оказалась на грани уничтожения. Ты блеснул необыкновенными способностями; теперь тебе пристало научиться мыслить правильно, прикоснуться к тайнам, стать охраняющей силой, а не очагом скверны и источником забот.

Вновь появился слуга, отягощенный поклажей, свалил ее на палубу. Хью взглянул и выпалил:

— Ой!.. Это же мои вещи!

— Конечно, — признал Нельсон. — Я послал за ними. Теперь ты будешь жить здесь. Позже мы начнем заниматься — если ты не передумал.

— Конечно нет, сэр. Думаю, нет. Должен признаться, я немного растерян. Видимо… видно, Вы не хотите, чтобы я женился?

— Ах это, — безразлично хмыкнул Нельсон. — Женись, если хочешь, теперь ее отец не посмеет возразить. Но помяни меня, она тебе надоест.

Хью Хойланд жадно пожирал древние книги, которые наставник разрешил ему прочесть, и на многие, многие циклы сна лишился желания слазить наверх, да и вообще выползать из каюты Нельсона. Неоднократно он чувствовал, что

напал на след разгадки тайны — тайны пока еще неопределенной, не оформленной даже в виде вопроса, — но только еще больше запутывался. Постичь мудрость Ученых оказалось сложнее, чем он думал.

Однажды, когда он удивлялся странным, запутанным характерам древних и пытался разобраться в их причудливой риторике и незнакомой терминологии, Нельсон зашел в тесную квартирку и, отечески положив руку ему на плечо, спросил:

— Как дела, сынок?

— Ну, вполне нормально, сэр, мне кажется, — ответил Хью, отставляя книгу. — Кое-что мне не совсем понятно — совсем не понятно, честно говоря.

— Этого следовало ожидать, — спокойно произнес старик. — Я оставил тебя для начала побороться самому, чтобы ты увидел ловушки, в которые может попасть неискушенный ум, если не получит поддержки. Многое невозможно понять без обучения. Что это у тебя? — Он поднял книгу и взглянул на обложку. «Основы современной физики». — Вот как? Это одна из самых ценных священных книг, но новичку в ней не разобраться без посторонней помощи. Первое,

что ты должен понять, мой мальчик, это то, что наши предки, при всем их духовном совершенстве, смотрели на мир иначе, чем мы. Они были неисправимыми романтиками, а не практиками, как мы, и истины, которые они передали нам, хоть и остаются несомненно верными, часто переданы языком аллегорий. Например, ты дошел до Закона Гравитации?

— Я читал об этом.

— Понял ли ты его? Нет, я вижу, что нет. Вот-вот! Рассуди сам. Ты понимал его в буквальном смысле, как рассуждение о принципах действия электрических аппаратов — в той же книге. «Два тела притягивают друг друга прямо пропорционально их массе и обратно пропорционально квадрату расстояния между ними». Похоже на формулировку обычного физического закона, не так ли? Ничего подобного; таким поэтическим способом предки выразили влечение, которым движет любовь. Тела здесь — это человеческие существа, масса — это их способность к любви. Молодые в большей мере наделены этой способностью, чем старики; соединяясь, они влюбляются, но, разделенные, быстро остывают. «С глаз долой — из сердца вон». Очень просто. А ты искал здесь глубокий смысл.

Хью улыбнулся.

— Мне не пришло это в голову. Теперь я понимаю, мне еще многого не понять без вашей помощи.

— Что-то еще беспокоит тебя?

— О да, множество вещей, хотя сейчас я, наверное, не вспомню всего. Да, вот еще… Скажи, отче: можно ли мутов считать людьми?

— Вижу, ты наслушался досужих разговоров. Отвечу: и да, и нет. Конечно, муты когда-то произошли от людей, но они больше не входят в Экипаж — теперь они не принадлежат к человеческой расе, так как преступили Закон Джордана.

— Это обширная тема, — продолжал он, разгораясь. — Под вопросом даже изначальное значение слова «мут».[4] Несомненно, первыми мутами — раньше говорили — «смутами» — были смутьяны, избежавшие смерти в эпоху бунта. В их жилах течет кровь многих смутировавших, рожденных в темные времена. Ты, конечно, знаешь, что тогда еще не было мудрого закона — искать печать греха у каждого новорожденного и возвращать в Конвертор любого мутанта. И теперь

---

[4] notes: 4

В английском языке «mut» является первым слогом и слова «мутант» (mutant) и слова «мятежник» (mutineer).

еще в темных переходах и на пустынных уровнях таится множество странных и ужасных существ.

Хью некоторое время размышлял об этом, потом спросил:

— Почему мутации все еще проявляются среди нас, людей?

— Это как раз легко понять. Зерна греха все еще в нас. Время от времени они прорастают. Искореняя чудовищ, мы очищаем род человеческий и тем самым приближаемся к исполнению Плана Джордана, к концу *Путешествия*, к нашему горнему чертогу, далекому Центавру.

Хойланд снова нахмурился.

— Есть еще кое-что, чего я не понимаю. Многие древние письмена говорят о *Путешествии* как о реальном движении, перемещении куда-то — как будто Корабль — это что-то вроде тележки. Как это может быть?

Нельсон заулыбался.

— В самом деле, как? Как может двигаться то, что само есть вместилище всего, что движется? Ответ, конечно, прост. Ты снова спутал аллегорию с явью. Разумеется, сущий Корабль недвижим в физическом смысле. Как может перемещаться Вселенная? Он *движется* в духовном смысле. С каждым праведным деянием мы приближаемся

к завершению божественного Плана Джордана.

Хью кивнул.

— Кажется, я понимаю.

— Конечно, Джордан мог бы создать мир в любом ином виде, а не в виде Корабля, будь у Него такая цель. В прежние времена, когда человечество было моложе и наивнее, святые отцы устраивали целые состязания, измышляя миры, которые мог бы создать Джордан. Одна из школ породила целую мифологию о странном мире, где все вверх дном, — там бесконечные пустые просторы, где блещут булавочными уколами редкие точки света и витают бестелесные мифические монстры. Они называли этот мир райскими кущами, или юдолью, как бы противопоставляя его суровой реальности Корабля. Надо думать, они неустанно пытались мыслию постичь Корабль и измышляли всякие нюансы, пытаясь его осмыслить. Думаю, они трудились к вящей славе Джордана, и кто скажет, как бы Он рассудил их грезы? Но мы живем в иное время и у нас более серьезные задачи.

Хью не заинтересовался астрономией. Даже его девственный разум понимал, что это учение чересчур абстрактно и оторвано от жизни. Он обратился к более насущным проблемам.

— Если муты — это семена зла, почему же нам не избавиться от них? Не будет ли это деянием, приближающим исполнение Плана?

Старик помедлил немного, прежде чем ответить.

— Справедливый вопрос, и заслуживает прямого ответа. Поскольку ты будешь Ученым, тебе необходимо знать ответ. Посуди сам: Корабль может обеспечить лишь ограниченное количество членов Экипажа. Если мы будем неограниченно плодиться, на всех не хватит доброй еды. Разве не лучше, если некоторые из нас погибнут в стычках с мутами, нежели станут убивать друг друга из-за пищи? Пути Джордана неисповедимы. Даже мутам отведено место в Его Плане.

Это звучало разумно… Но зерно сомнения осталось.

Однако когда Хью был переведен на активную работу в качестве младшего Ученого по обслуживанию функций Корабля, он узнал, что есть и другие мнения. По обычаю, некоторое время он обслуживал Конвертор. Работа была необременительной; в основном ему приходилось проверять отходы, доставляемые носильщиками из разных деревень, вести учет их вкладу и следить, чтобы металл, годный для переработки, не попадал в

бункер первой ступени. Но именно там он познакомился с Биллом Эртцем, помощником Главного Инженера. Он был чуть постарше Хью.

С ним он обсуждал все, что узнал от Нельсона, и был обескуражен позицией Эртца.

— Подумай своей головой, малыш, — говорил Эртц. — Мы — трезвые люди и занимаемся делом. Забудь эту романтическую чепуху. План Джордана! Эта ерунда нужна для того, чтобы держать в узде крестьян, но ты-то на это не покупайся! Никакого Плана нет — есть только наши собственные насущные планы. На Корабле должны быть свет, тепло, энергия для гидропоники и приготовления пищи. Экипаж не может обойтись без этого, поэтому мы — главные в Экипаже. Что же до мягкотелой терпимости к мутам, то скоро ты увидишь кое-какие перемены! Держи язык за зубами и держись нас.

Хью смекнул, что ему следует присмотреться к группе молодых ученых. Они создали свою сплоченную организацию и были практичными, трезвомыслящими людьми, работавшими, как они это понимали, на благо всего Корабля. Сплоченность их держалась на том, что новичок, не разделявший их взглядов, заканчивал плохо. Либо он переставал справляться со своими

обязанностями и снова мигом оказывался среди крестьян, либо, чаще, ему вменяли в вину служебное несоответствие и отправляли в Конвертор.

И Хойланд начинал понимать, что они правы.

Они реалисты. Корабль есть Корабль. Это факт, не требующий объяснений. Что касается Джордана — кто его видел, кто с ним говорил? Что значит его туманный План? Цель жизни — жизнь. Человек рождается, проживает жизнь, потом отправляется в Конвертор. Это очень просто, нет никакой тайны, никакого грандиозного Путешествия и никакой Центавры. Эти романтические истории — просто отрыжка детства человечества, когда люди еще не приобрели понимания и смелости смотреть в лицо фактам.

Он перестал забивать голову астрономией и мистической физикой и всей остальной мифологией, перед которой его научили преклоняться. Ему по-прежнему нравились Строки из «*Начала*» и все эти старинные рассказы о Земле (кстати, что за «Земля» такая, Хафф бы ее побрал?), но теперь он понимал, что воспринимать их серьезно могут только дети и полные олухи.

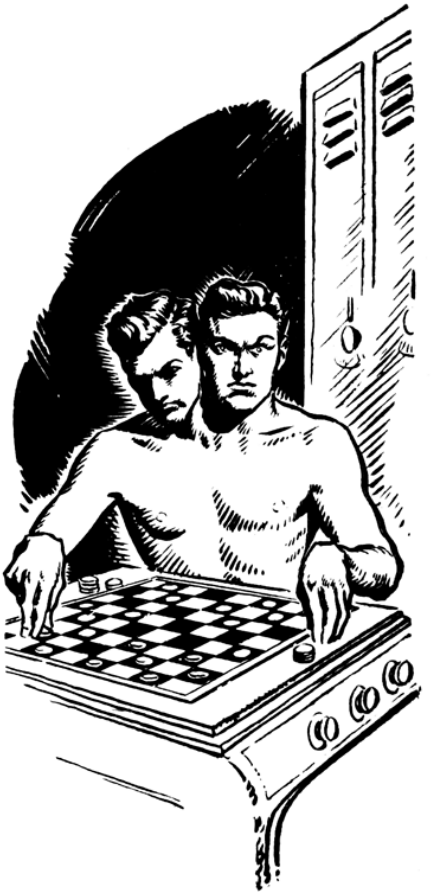
К тому же он был очень занят. Молодежь, формально подчиняясь власти старших, лелеяла и собственные планы. На первом месте стояло

планомерное уничтожение мутов. Кроме того, хотя их намерения были еще не окончательно определены, они предполагали начать полное использование ресурсов Корабля, включая верхние уровни. Молодые люди могли осуществлять свои планы, не вступая в открытую конфронтацию со старшими, просто потому, что старшим Ученым было наплевать на обыденные проблемы Корабля. Нынешний Капитан так растолстел, что редко показывался из своей каюты; его помощник из молодых присматривал за делами вместо него.

Хойланд никогда не встречался и с Главным Инженером, только на литургии по освящению Посадочных Модулей.

Истребление мутов между тем требовало тщательных разведывательных вылазок на верхние уровни. Однажды во время такой вылазки Хью Хойланду еще раз досталось камнем.

Этот мут владел пращой лучше предыдущего. Напарники Хойланда, уступив силе, ретировались, посчитав его мертвым.



Джо-Джим Грегори играл сам с собой в шашки. Были времена, когда он играл и в карты, но Джо, правая голова, начал подозревать Джима, левую голову, в шулерстве. Они долго ссорились, а потом бросили это дело, потому что еще в самом начале своего совместного пути поняли, что две головы на одних плечах должны все же как-то уживаться.

Шашки их устраивали. Оба видели доску, что исключало споры.

Громкий металлический стук в дверь квартиры прервал игру. Джо-Джим вытащил из ножен свой метательный нож и перехватил его поудобнее.

— Заходи! — рявкнул Джим.

Дверь открылась, и стучавший спиной вперед вошел в комнату — все знают, что это единственный безопасный способ входить к Джо-Джиму.

Вошедший был крепко сбитый и мощный детина не более четырех футов ростом. Он нес на плече, придерживая рукой, обмякшее тело.

Джо-Джим вернул нож в ножны.

— Клади его, Бобо, — велел Джим.

— И дверь закрой, — добавил Джо. — Ну, что притащил?

Это оказался молодой человек, похоже, мертвый, хотя ран на нем не было. Бобо погладил его

по бедру.

— Съедим? — с надеждой спросил он. Слюна сползла из его приоткрытого рта.

— Возможно, — уклонился Джим. — Ты убил его?

Бобо потряс своей несоразмерно маленькой головой.

— Молодец, Бобо, — одобрил Джо. — Куда ты ему попал?

— Бобо попал ему *туда*, — микроцефал[5] ткнул безжизненное тело толстым большим пальцем между пупком и грудиной.

— Хороший удар, — одобрил Джо. — Не хуже, чем мы могли бы ударить ножом.

— Бобо хороший удар, — радостно согласился гном. — Хочешь посмотреть? — Он с готовностью вытащил рогатку.

— Заткнись, — беззлобно сказал Джо. — Нет, мы не хотим смотреть; мы хотим, чтобы он заговорил.

— Бобо чинить, — согласился коротышка и приступил к делу с простодушной жестокостью.

Джо-Джим оттолкнул его и применил другие методы, болезненные, но значительно менее

---

[5] notes: 5

Микроцефалами в медицине называют людей, отличающихся ненормально малой величиной черепа и соответственно головного мозга.

опасные, чем методы карлика.

Молодой человек вздрогнул и открыл глаза.

— Съедим? — повторил Бобо.

— Нет, — сказал Джо.

— Когда ты последний раз ел? — спросил Джим.

Бобо затряс головой и стал тереть живот, изображая, что это было очень, очень давно. Джо-Джим подошел к шкафчику и вытащил кусок мяса. Джим понюхал, а Джо сморщил нос и отвернулся. Джо-Джим бросил мясо Бобо, который с восторгом поймал его на лету.

— А теперь убирайся, — приказал Джим.

Бобо рысью метнулся прочь, закрыв за собой дверь. Джо-Джим повернулся к пленному и слегка пнул его.

— Говори, — сказал Джим. — Кто ты, Хафф тебя раздери?

Молодой человек затрясся, схватился за голову, а потом, казалось, пришел в себя, потому что вскочил на ноги, двигаясь неуклюже из-за низкого веса этого уровня, и потянулся за своим ножом.

Ножа на поясе не было.

Джо-Джим вытащил свой нож и стал поигрывать им.

— Веди себя хорошо, и тебя не тронут. Как тебя

зовут?

Молодой человек облизал губы, глаза его обшаривали комнату.

— Говори, — потребовал Джо.

— Чего с ним возиться? — спросил Джим. — Я бы сказал, он только на мясо годен. Лучше позовем Бобо назад.

— Некуда спешить, — ответил Джо. — Я хочу поговорить с этим. Как тебя зовут?

Пленник снова взглянул на нож и пробормотал:

— Хью Хойланд.

— Это нам ни о чем не говорит, — заметил Джим. — Кем ты работаешь? Из какой ты деревни? И что ты делал в стране мутов?

Но на этот раз Хойланд молчал. Даже от укола ножом под ребра он только закусил губу.

— Ерунда все это, — сказал Джо. — Он просто тупой крестьянин. Брось его.

— Прикончим?

— Нет. Не сейчас. Пусть посидит взаперти.

Джо-Джим отпер крохотный закуток и, поигрывая ножом, загнал туда Хью. Потом запер дверь и вернулся к игре.

— Твой ход, Джим.

Каюта, где оказался Хью, была погружена в

темноту. Мало-помалу он убедился, передвигаясь на ощупь, что кроме гладких стальных стен и прочной, надежно запертой двери внутри нет ничего. Тогда он лег на пол и предался бесплодным размышлениям.

Времени для раздумий у него было более чем достаточно; не один раз он погружался в сон и просыпался. Наконец его совсем измучил голод; еще сильнее хотелось пить.

Когда Джо-Джим вспомнил о пленнике и открыл дверь темницы, он не сразу увидел Хойланда. Много раз тот планировал, что сделает, когда придет его звездный час, но когда это случилось, он оказался негоден к употреблению. Джо-Джим выволок его наружу.

От бесцеремонного обращения Хью немного пришел в чувство. Он сел и огляделся.

— Готов говорить? — спросил Джим.

Хойланд открыл рот, но не смог произнести ни звука.

— Ты что, не видишь, что он пересох и не может слова сказать? — бросил Джо близнецу. Потом обратился к Хью: — Пить дадим — говорить будешь?

Хойланд сначала не понял, потом энергично закивал.

Через минуту Джо-Джим вернулся с кружкой воды. Хью жадно напился, помедлил, потом, кажется, приготовился повторить.

Джо-Джим отобрал у него кружку.

— Пока достаточно, — сказал Джо. — Расскажи нам о себе.

Хью рассказал все. Во всех подробностях, с небольшими понуканиями.

Участь раба Хью воспринял без особого сопротивления и душевного волнения. Слово «раб» не входило в его словарный запас, но такое положение было для него обыденным. Всегда были те, кто отдавал приказы, и те, кто их исполнял, — другого он не мог себе представить. Такова жизнь.

Хотя вполне естественно, что он думал о побеге.

Но только думал. Джо-Джим догадался о его мыслях и заговорил без обиняков. Начал Джо:

— Парень, не затевай ерунды. Без ножа ты и трех уровней здесь не пройдешь. Даже если сопрешь у меня нож, все равно не доберешься до уровней с нормальным весом. Кроме того, есть еще Бобо.

Хью чуть помедлил и переспросил:

— Бобо?

Джим ухмыльнулся и ответил:

— Мы сказали Бобо, что он сможет съесть тебя, если ты высунешь голову из каюты без нас. Теперь он спит за дверью. Немало времени потерял.

— Это совершенно справедливо, — вставил Джо. — Он был очень разочарован, когда мы решили приберечь тебя.

— Слушай, — предложил Джим, поворачиваясь к брату. — А как насчет поразвлечься? — Он снова посмотрел на Хью. — Умеешь бросать нож?

— Конечно, — ответил Хью.

— Посмотрим. Держи. — Джо-Джим протянул ему их нож. Хью взял, покачал его в руке, проверяя балансировку. — Бросай туда.

На дальней стене комнаты, напротив любимого стула Джо-Джима, висела пластиковая мишень, на которой он оттачивал свое мастерство. Хью прицелился и быстрым, незаметным глазу движением метнул нож. Экономичный бросок из-под руки, большой палец на лезвии, остальные вместе.

Нож закачался почти в центре мишени, в той измочаленной области, которая свидетельствовала о достижениях Джо-Джима.

— Молодец! — одобрил Джо. — Как ты думаешь, Джим?

— Дадим ему нож и посмотрим, как далеко он сможет уйти.

— Нет, — сказал Джо. — Я не согласен.

— Почему?

— Если выиграет Бобо, мы лишимся слуги. Если выиграет Хью, мы лишимся обоих. Это расточительство.

— Ну… Если ты настаиваешь…

— Ага. Хью, принеси нож.

Хью принес. Ему и в голову не пришло направить оружие в сторону Джо-Джима. Хозяин есть хозяин. Чтобы слуга напал на хозяина — это не просто плохо. Это настолько немыслимо… Это непредставимо.

Хью надеялся, что Джо-Джима впечатлит его ученость. Но вышло по-другому. Джо-Джим, особенно Джим, обожал спорить. Очень скоро они выжали все из Хью и отбросили его за ненадобностью, фигурально выражаясь. Хойланд почувствовал себя униженным. В конце концов, разве он не Ученый? Разве он не умеет читать и писать?

— Заткнись, — сказал Джим. — Читать — это проще простого. Я умел читать, когда твой папаша еще не родился. Думаешь, ты первый ученый у нас в услужении? Ученые — ха! Толпа недо-

умков!

В попытке восстановить свое интеллектуальное достоинство Хью изложил теории молодых ученых, строго следующие фактам, неукоснительно реалистичные, атеистические и рассматривающие Корабль как он есть. Хью втайне надеялся, что Джо-Джим поддержит такую точку зрения; казалось, это совпадало с его (их?) характером.

Оба расхохотались ему в лицо.

— В самом деле, — допытывался Джим, когда перестал смеяться, — неужели вы, молодые олухи, настолько глупы? Да вы еще хуже, чем ваши старики.

— Но вы же сами говорили, — обиженно запротестовал Хью, — что все общепринятые религиозные представления — это чушь. Так и мои друзья думают. Они хотят выкинуть весь этот старый хлам.

Джо начал отвечать, но Джим перебил:

— Что с ним возиться? Он безнадежен.

— Вовсе нет. Мне нравится беседовать. Он первый, не знаю уж за сколько времени, с кем я могу поговорить. В общем, я хочу посмотреть, голова у него на плечах или только место, откуда уши растут.

— Ладно, — согласился Джим. — Только давай-

те потише. Хочу вздремнуть.

Левая голова закрыла глаза и вскоре захрапела. Джо и Хью продолжали беседовать шепотом.

— У вас, молодых, — сказал Джо, — проблема в том, что когда вы не можете понять что-то с ходу, вы считаете, что этого просто нет. У стариков — наоборот. Все, что они не понимают, они истолковывают, а потом считают, что все поняли. Никто из вас не попытался прочесть простейшие слова так, как они написаны, а потом просто понять их. Нет, вы все шибко умные — если не понятно сразу, значит, тут какой-то другой смысл.

— Что вы имеете в виду? — с подозрением спросил Хью.

— Ну, к примеру, возьмем *Путешествие*. Что это значит?

— Ну… По-моему, это ничего не значит. Просто чушь, сказочка для крестьян.

— А каково общепринятое значение?

— Ну… это куда ты попадаешь после смерти… или, скорее, посмертное бытие. Ты совершаешь *Путешествие к Центавре*.

— А что такое Центавр?

— Это — заметьте, я излагаю догмы; сам я в эту чушь не верю — место в конце Путешествия, где все счастливы и где всегда добрая еда.

Джо расхохотался. Джим перестал храпеть, приоткрыл один глаз, буркнул что-то и снова заснул.

— Вот об этом я и говорю, — прошептал Джо еще тише. — Ты не думаешь своей головой. Тебе никогда не приходило в голову, что Путешествие — это именно то, что написано в древних книгах, — что Корабль и весь Экипаж в самом деле движутся куда-то?

Хойланд подумал.

— Это несерьезно. Да и *физически* невозможно. Корабль не может двигаться *куда-то*. Он уже *везде*. Можно путешествовать *по* Кораблю, но совершить *Путешествие* можно лишь в духовном смысле, если там вообще есть какой-то смысл.

Джо воззвал к Джордану.

— Послушай, напряги свою дубовую голову. Вообрази место во много-много раз больше Корабля. Корабль — внутри, и он движется. Понял?

Хью попытался.

Потом еще попытался.

Потом затряс головой.

— Это бессмысленно. Ничто не может быть больше Корабля. Ни для чего другого просто не останется места.

— Хафф тебя побери! Слушай! Это место — *снаружи* Корабля, понял? За последним уровнем в

любом направлении. Там пустота! Просек?

— Но за последним уровнем ничего нет. Поэтому он и последний.

— Так. Возьми ножик и проверти дырку в полу последнего уровня. Что там будет?

— Но это невозможно. Пол-то твердый.

— Но представь, что ты все-таки смог сделать дырочку. Что там будет? Представь себе.

Хью закрыл глаза и попытался представить, как он вертит дырочку в полу последнего уровня. Как будто пол мягкий… словно сыр.

И перед ним забрезжило понимание каких-то возможностей — возможностей, выворачивающих душу наизнанку. Он будто падал, падал в дыру, которую сделал сам и под которой не было никаких уровней. Он быстро открыл глаза.

— Это ужасно! — еле выговорил он. — Я в это не верю.

Джо-Джим поднялся.

— Я *заставлю* тебя в это поверить, — мрачно сказал он, — даже если для этого придется свернуть тебе шею. — Он шагнул к двери в коридор и открыл ее.

— Бобо! — крикнул он. — Бобо!

Джим вздрогнул и поднял голову.

— Что у вас происходит?

— Сводим Хью к невесомости.

— Зачем?

— Чтобы вдолбить немного ума в его тупую башку.

— В другой раз.

— Нет, я хочу прямо сейчас.

— Ладно, ладно. Не трясись. Все равно я уже проснулся.

Джо-Джим Грегори обладал — или обладали — мозгами почти столь же уникальными, как и телом. Он стал бы лидером в любом случае. Среди мутов само собой разумелось, что он имеет право третировать, командовать и заставлять служить себе. Будь у него жажда власти, он вполне мог бы поднять мутов на борьбу и завоевал бы Корабль вместе со всем Экипажем.

Но у него не было таких устремлений. По своей исконной сути он был интеллектуалом, сторонним наблюдателем. Его интересовали вопросы «как» и «почему», но его воля к действию была направлена только на обеспечение собственного удобства и комфорта.

Если бы он родился двумя нормальными близнецами в Экипаже, то, вероятно, стал бы Ученым — самый простой и удобный способ обеспечить себя — и мирно развлекался бы беседами

и управленческой деятельностью. Ныне же ему не хватало компаньона для умственных упражнений, и он бездельничал, читая и перечитывая книги, наворованные для него тремя поколениями слуг.

Прочитанное обсуждалось обеими половинами его двойственной личности. Постепенно они выработали весьма толковую точку зрения на историю и физический мир — за одним исключением. Они не понимали, что такое художественный вымысел, и принимали за чистую монету романы, попавшие в их руки, — так же, как учебники и справочники.

На этом они расходились. Джим считал величайшим из людей Алана Квотермейна;[6] Джо отдавал пальму первенства Джону Генри.[7]

Оба они чрезвычайно любили поэзию; Киплинга они могли цитировать страницами, и почти

---

[6] notes: 6

Имеется в виду не реальный человек, а один из героев известного английского писателя Генри Райдера Хаггарда (1856–1925), действующий в ряде романов («Алан Квотермейн», «Копи царя Соломона», «Айша», «Возвращение Айши», «Люди тумана» и др.).

[7] notes: 7

Джон Генри был героем американского «железнодорожного фольклора», широко распространившегося в эпоху строительства трансконтинентальных железных дорог; был наделен невероятной физической силой и носил прозвище «Стальной Человек».

так же им нравился Райслинг,[8]«слепой певец космических дорог».

Пятясь, вошел Бобо. Джо-Джим ткнул пальцем в Хью.

— Гляди, — сказал Джо, — он выйдет.

— Сейчас? — счастливо спросил Бобо, ухмыляясь и пуская слюну.

— Тебе бы только брюхо набить! — ответил Джо, постучав Бобо по макушке. — Нет, ты его не ешь. Ты и он — кровные братья. Понял?

— Не есть его?

— Нет. Защищай его. Он будет защищать тебя.

— Хорошо. — Он обреченно кивнул своей крошечной головой, признавая неизбежное. — Кровные братья. Бобо знает.

— Хорошо. Теперь пойдем туда-где-все-летают. Ты пойдешь впереди. Охраняй.

Они двинулись. Гном трусил впереди, выглядывая опасность, за ним шел Хью, а Джо-Джим прикрывал тылы, причем Джо смотрел вперед, а Джим назад, повернув голову через плечо.

Они взбирались все выше и выше. С каждым пройденным уровнем вес незаметно уменьшался.

---

[8] notes: 8

Жизнь и стихи Райслинга описаны Хайнлайном в замечательном рассказе «Зеленые холмы Земли».

Наконец они достигли уровня, дальше которого идти было невозможно — люки кончились. Палуба чуть заметно искривлялась, было похоже, что мир имеет форму огромного цилиндра. Над головой, закрывая обзор, простиралась такая же искривленная металлическая поверхность, и неясно было, действительно ли палуба изгибается дальше.

Настоящих стен здесь не было; путников обступали огромные распорки, гигантские, несуразно мощные, аккуратно расчерчивая палубу и потолок.

Тяжесть не ощущалась. Если стоять неподвижно, ничтожный остаток веса заставлял тело чуть заметно дрейфовать вниз, к «полу», однако большой разницы между «низом» и «верхом» здесь не было. Хью это не понравилось; его подташнивало, зато Бобо был здесь явно не впервые. Он плыл по воздуху, как нелепая рыба, отталкиваясь от распорок, пола и потолка.

Джо-Джим следовал параллельно общей оси внутреннего и внешнего цилиндров по проходу, образованному распорками. Вдоль прохода располагались перила, и он передвигался, цепляясь за них, как паук по паутине. Он набрал приличную скорость, и Хью с трудом поспевал за ним.

Мало-помалу освоившись, он стал двигаться длинными скользящими шагами, иногда отталкиваясь рукой или ногой. Он не мог бы сказать, сколько они прошли — подозревал, что несколько миль, но не был уверен.

В конце прохода они остановились. Путь преграждала прочная переборка. Джо-Джим двинулся вдоль нее вправо, что-то высматривая.

Наконец он нашел то, что искал, — закрытую дверь в рост человека. Разглядеть ее можно было только благодаря тоненькой щели по контуру и причудливому геометрическому орнаменту на поверхности. Джо-Джим осмотрел ее и почесал правую голову. Головы немного пошептались, потом Джо-Джим поднял руку.

— Нет! — сказал Джим.

— Как нет? — удивился Джо. Они снова пошептались, Джо кивнул, и они опять подняли руку.

Рука, не дотрагиваясь, двинулась вдоль линий узора, дюймах в четырех от поверхности. Движение было незамысловатым, но смысл жеста оставался непонятным.

Наконец Джо-Джим толкнул дверь ладонью, отплыл и замер.

Через мгновение раздался мягкий, почти неслышный шипящий звук; дверь дрогнула, ото-

шла дюймов на шесть и тоже замерла. Джо-Джим, казалось, был озадачен. Он осторожно просунул руки в образовавшуюся щель и потянул. Ничего не произошло. Тогда он позвал Бобо:

— Открой.

Бобо, нахмурившись так, что узкий лоб почти весь ушел в морщины, осмотрел дверь. Потом уперся ногами в переборку, ухватившись одной рукой за дверь, и напрягся.

Он замер, изогнув спину, напружинив грудные мышцы, обливаясь потом. На шее выступили жилы, голова ушла в плечи. Хью услышал хруст суставов. Он подумал, что карлик может лопнуть от натуги — отступиться у него не хватит мозгов. Однако дверь неожиданно подалась и отлетела вместе с полоской металлического крепления. Она выскользнула из рук Бобо, и сила напружиненных ног отбросила его прочь от переборки. Он пролетел вдоль по проходу, пытаясь ухватиться за поручень. Но уже через минуту он снова оказался у двери, неловко переворачиваясь в воздухе и массируя ушибленную лодыжку.

Джо-Джим вошел внутрь, Хью держался за его спиной.

— Что это за место? — требовательно спросил Хью, у которого любопытство перевесило почти-

тельность к хозяину.

— Главная Рубка, — ответил Джо.

Главная Рубка. Самое священное и запретное место на Корабле! Само ее местоположение было давно забыто. Молодые Ученые считали, что такого места вовсе не существует. Старшие расходились во мнениях от фундаменталистской догматики до мистических толкований. Хью считал себя человеком просвещенным, но все же название напугало его. *Рубка!* По слухам, здесь обитает дух самого Джордана…

Он остановился.

Джо-Джим тоже остановился, и Хью отвел глаза.

— Пошли. В чем дело?

— Ну… ххм…

— Говори.

— Но… это место… дух Джордана…

— Ну, во имя Джордана! — запротестовал Джо, постепенно раздражаясь. — А мне казалось, ты говорил, что вы, молодые олухи, вообще не верите в Джордана.

— Да, но… но это…

— Хватит. Пошли, а не то я на тебя Бобо напущу.

Он повернулся. Хью неохотно, как на плаху,

последовал за ним.

Они протиснулись через проход, ширины которого хватало только чтобы идти плечом к плечу. Проход повернул на девяносто градусов по широкой плавной дуге и вывел прямо в рубку. Хью, исполненный страха и любопытства, выглянул из-за широкого плеча Джо-Джима.

Он увидел хорошо освещенную огромную комнату, добрых двухсот футов в диаметре. Комната-сфера казалась изнанкой гигантского глобуса. Поверхность стен была гладкой и серебристой. В центре сферы Хью увидел скопище приборов, занимающее футов пятнадцать в поперечнике. Для его неопытного взгляда они были совершенно непонятны; он не мог бы даже описать их, однако заметил, что они свободно висят в воздухе, ничем, по-видимому, не поддерживаемые.

От конца прохода к приборам в центре сферы тянулась металлическая решетчатая труба такой же ширины, что и проход. Джо-Джим обернулся к Бобо и велел ему стоять на месте, сам же вошел в трубу.

Вместе с Хью они двигались по трубе, перебирая прутья решетки. Наконец они добрались до приборов. Вблизи детали оборудования стали виднее, но оставались такими же непонятными,

и Хью взглянул на внутреннюю поверхность сферы.

Это оказалось ошибкой. Поверхность была ровной, серебристо-белой и не имела перспективы. Невозможно было понять, находится ли она в сотне футов, в тысяче или за много миль. Хью никогда не видел высоты больше двух палуб и открытого пространства шире деревни. Его охватила паника, неудержимый страх, тем более что он и сам не понимал, чего боится. Дух давно забытых первобытных предков проснулся в нем, и он замер в древнем примитивном страхе падения.

Он схватился одной рукой за панель управления, другой за Джо-Джима.

Джо-Джим ударил его тыльной стороной ладони по лицу.

— Что с тобой? — прикрикнул Джим.

— Не знаю. — Хью наконец смог отвести взгляд. — Не знаю, но мне здесь *не нравится*. Пойдемте отсюда!

Джим поднял брови, глядя на Хью с отвращением.

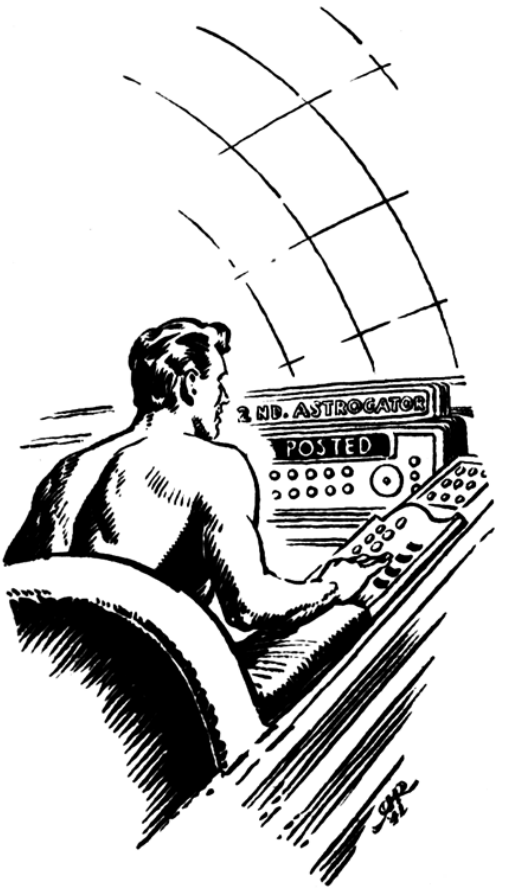
— Действительно. Этот слабак никогда не поймет ничего, что ты ему толкуешь.

— Да ладно, все в порядке, — отмахнулся Джо. — Хью, залезай в кресло — вон в то.

Тем временем Хью поглядел на трубу, по которой они добрались до панели управления. Сфера вдруг съежилась до своих нормальных размеров и приступ паники почти прошел. Все еще трясясь, Хью подчинился.

Центр управления был жесткой конструкцией из кресел, в которых должны были располагаться операторы, и контрольной панели, расположенной почти на уровне колен — так, чтобы она была перед глазами, но не закрывала обзора. Кресла имели высокие подлокотники со встроенными в них рукоятками, но об этом Хью еще не знал.

Он проскользнул под приборной панелью на кресло, удобно откинулся в нем, наслаждаясь его прочностью и неподвижностью. Он устроился полулежа — и ногам, и голове было удобно.


2 ND. ASTROGATOR
POSTED

Перед Джо-Джимом на панели что-то происходило; Хью заметил это краем глаза и повернулся посмотреть. В верхней части приборной доски мерцали красные буквы: «2-Й АСТРОНАВИГАТОР ГОТОВ». Что означает «2-й астронавигатор»? Хью об этом не имел ни малейшего понятия — и тут он заметил прямо перед собой надпись «2-Й АСТРОНАВИГАТОР». Хью понял, что речь идет о нем, точнее, о человеке, который должен сидеть на этом месте. Он почувствовал неловкость, словно второй астронавигатор мог войти и обнаружить, что его место занято, но выбросил эти мысли из головы — это казалось все же маловероятным.

И все же — что такое «второй астронавигатор»?

Буквы на панели Джо-Джима пропали, слева загорелась красная точка. Джо-Джим потрогал что-то правой рукой; панель отозвалась: «УСКОРЕНИЕ — НОЛЬ», «ГЛАВНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ». Последние слова моргнули несколько раз и сменились надписью «НЕ ОТВЕЧАЕТ». Эта надпись тоже исчезла, с правого края появилась зеленая точка.

— Приготовься, — сказал Джо, глядя на Хью. — Сейчас погаснет свет.

— Вы ведь не выключите его? — испугался тот.

— Нет — его выключишь ты. Посмотри там, рядом с твоей левой рукой. Видишь маленькие белые огоньки?

Хью посмотрел и обнаружил, что в подлокотнике светятся восемь маленьких ярких огоньков, расположенных двумя группами, одна над другой.

— Каждая лампочка управляет освещением в своем квадранте, — объяснил Джо. — Закрой их ладонью, и свет погаснет. Давай, попробуй.

С опаской, но сгорая от любопытства, Хью выполнил указание. Он положил на крошечные лампочки ладонь и стал ждать. Серебристая сфера сделалась тускло-свинцовой, потом еще больше потемнела, и они оказались во мраке, нарушаемом лишь слабым мерцанием приборов. Хью ощутил волнение и восторг. Он убрал ладонь; сфера осталась темной, а восемь огоньков засветились голубым.

— А теперь, — проговорил Джо, — я покажу тебе звезды!

В темноте рука Джо-Джима скользнула по другой группе из восьми лампочек.

О, миг сотворения мира!

Со стен стеллариума, точнейшим образом вос-

произведенные, светя так же ровно и безмятежно, как их прототипы в черных глубинах космоса, на него смотрели звезды.

Как драгоценные самоцветы, разбросанные с небрежной щедростью по искусственному небу, перед ним лежали бесчисленные солнца — перед ним, над ним, под ним, за ним, вокруг него. Он висел в одиночестве посреди звездной вселенной.

— Ооооооох! — невольно выдохнул он.

Хью так стиснул подлокотники, что чуть не сломал ногти, но не заметил этого. Он больше не боялся; в его душе оставалось место лишь для одного чувства. Жизнь Корабля, суровая и будничная, не оставляла место прекрасному; впервые в жизни он испытал невыносимый экстаз незамутненной красоты. Это потрясло его до боли.

Лишь через некоторое время Хью настолько оправился от шока и последовавшего за ним оцепенения, чтобы заметить сардоническую ухмылку Джима и сухой смешок Джо.

— Хватит? — спросил Джо. Не дожидаясь ответа, Джо-Джим включил свет с помощью панели на своем левом подлокотнике.

Хью вздохнул. У него болело в груди, а сердце тяжело стучало. Он вдруг осознал, что все это время не дышал.

— Ну, умник, — спросил Джо, — теперь убедился?

Хью снова вздохнул, сам не зная, почему. Когда вновь зажегся свет, он опять почувствовал себя в безопасности, но его охватило ощущение огромной потери. В глубине души он знал, что, раз увидев звезды, больше не сможет быть счастлив. Ему уже не заглушить этой ноющей боли в груди, этой только что зародившейся смутной тоски по утраченному небу и звездам, хотя в простоте своей он еще не мог этого понять.

— Что это было? — хрипло спросил он.

— Оно и было, — ответил Джо. — Мир. Вселенная. То, о чем я и пытался тебе рассказать.

Хью напрягся, яростно соображая.

— Это и есть «то, что Снаружи»? — спросил он. — Все эти прекрасные маленькие огоньки?

— Ну да, — сказал Джо. — Только они не маленькие. Понимаешь, они очень далеко — может, за тысячи миль отсюда.

— Что?

— Да, да, — настаивал Джо. — Там, снаружи, места много. Космос! Он огромен. Да что там, некоторые из этих звезд могут быть размером с Корабль — а то и больше.

Лицо Хью, перекошенное от умственных потуг,

представляло собой жалкое зрелище.

— Больше Корабля? — повторил он. — Но… но…

Джим нетерпеливо закивал головой.

— Что я тебе говорил? Теряешь время на этого балбеса. Он не способен…

— Полегче, Джим, — мягко перебил Джо. — Не жди, что он побежит, еще не научившись ползать. У нас и то это заняло некоторое время. Я смутно припоминаю, что и ты когда-то не сразу поверил своим глазам.

— Врешь, — заносчиво проговорил Джим. — Это тебя нужно было долго уговаривать.

— Ладно, ладно, — примирительно сказал Джо. — Мы оба не сразу поверили.

Хойланд не обратил внимания на перепалку братьев. Обычное дело; он же размышлял о вещах далеко не обычных.

— Джо, — спросил он, — а что случилось с Кораблем, когда мы смотрели на звезды? Мы что, смотрели прямо сквозь него?

— Не совсем, — сказал Джо. — Мы вообще-то смотрели не прямо на звезды, а как бы на их изображение. Как будто… Ну, в общем, это делается с помощью зеркал. У меня есть книга об этом.

— Но *можно* увидеть и сами звезды, — встрял

Джим, мгновенно забыв о пикировке. — Там впереди есть помещение…

— Ну да, — перебил Джо, — у меня из головы вылетело. Капитанский мостик. Там одна стена стеклянная. Можно просто посмотреть наружу.

— *Капитанский мостик?* Но…

— Да не этого Капитана! Он-то там никогда не был. Так написано на табличке над дверью.

— А что такое «мостик»?

— Провалиться мне, если я знаю. Просто название такое.

— Вы сводите меня туда?

Джо хотел было согласиться, но вмешался Джим.

— В другой раз. Пошли обратно — я проголодался.

Они снова прошли сквозь трубу, разбудили Бобо и проделали долгий путь назад.

Прошло много времени, прежде чем Хью уговорил Джо-Джима снова взять его на разведку, но это время прошло не зря. Нигде Хью не видел столько книг, как у Джо-Джима. Некоторые из них Хью читал и раньше, но теперь перечитывал с новым пониманием. Он читал и читал, поглощая новые мысли, спотыкался, боролся, пытался понять. Он забывал о сне и пище, и лишь боль в желудке напоминала ему о нуждах тела. Утолив голод, он возвращался к книгам и снова читал, пока голова не начинала раскалываться, а глаза не отказывались видеть.

Служить Джо-Джиму оказалось довольно легко. Хотя он не освобождал Хью от обязанностей, но не возражал против чтения, лишь бы тот находился в пределах слышимости и откликался по первому зову. Обязанности сводились в основном к игре в шашки с одной из голов, когда вторая отказывалась, да и это время было не совсем потеряно, потому что, играя с Джо, частенько удавалось завязать разговор о Корабле, его истории, приборах и оборудовании, людях, которые его построили и управляли им поначалу, — а также *их* истории, и о Земле, этом невероятном, странном месте, где люди жили не *внутри*, а *снаружи*.

Хью все удивлялся, как они не падали.

Он обсудил это с Джо и в конце концов получил некоторое представление о гравитации. Сердцем он так и не смог этого воспринять — идея оказалась слишком невероятной, но как концепцию смог ее понять и использовать много позже, в своих первых попытках приблизиться к науке баллистики и искусству астронавигации и управления космическим кораблем. Позже на этой основе он задумался о проблеме веса на самом Корабле, — о проблеме, которая никогда раньше не волновала его. То, что чем ниже спускаешься, тем тяжелее становишься, казалось ему настолько естественным, что тут и думать было не о чем. С центробежной силой он был знаком на примере пращи. Но применить это знание ко всему Кораблю, представить, что Корабль вращается как праща и тем самым придает предметам вес, — это было слишком сложно. В это он не мог поверить.

Джо-Джим еще раз сводил Хью в Рубку и показал то немногое, что сам знал об управлении Кораблем и астронавигационных приборах.

Давно забытые инженеры Фонда Джордана проектировали корабль, который не развалился бы от старости, даже если Путешествие продлится дольше запланированных шестидесяти лет. Задача оказалась решенной блестяще. Создавая

двигатели главной тяги, системы жизнеобеспечения Корабля, разрабатывая панель управления, которая бы позволяла отказаться от автоматики, инженеры отбросили идею движущихся частей. Все основывалось не на грубых механических движениях, а на чистой энергии, на силе электрических преобразований. Вместо того чтобы нажимать кнопки, дергать рычаги, щелкать тумблерами, астронавигатор должен был помещать ладонь на лампочку, тем самым перекрывая луч света и изменяя баланс статических полей.

Таким образом, понятия трения, износа и разрушения теряли смысл. Даже если все люди погибли бы, Корабль по-прежнему летел бы сквозь космос, с горящими огнями, с чистым воздухом, с готовыми к работе двигателями. Так и случилось. Хотя вышли из строя лифты и конвейеры, забылись их устройство и назначение, оборудование в основном продолжало обслуживать невежественный экипаж — либо спокойно дожидалось, пока кто-нибудь сможет его использовать.

В строительство Корабля вложено было немало гениальных идей. Поскольку он был слишком велик для сборки на Земле, его собирали по частям на орбите за Луной. Там он вращался пятнадцать долгих лет, пока не были поставлены и решены

все задачи надежности и долговечности оборудования. В процессе возникло и развилось целое направление субмолекулярной технологии.

Именно поэтому, когда Хью возложил свою необученную, но пытливую руку на ряд огоньков с надписью «УСКОРЕНИЕ, ПЛЮС», он получил немедленный ответ. Вспыхнула красная лампочка на верхней панели первого пилота, потом быстро замигала, а на информационной панели зажглась надпись: «ГЛАВНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ — НЕТ ВАХТЫ».

— Что это значит? — спросил он Джо-Джима.

— Никто не знает, — ответил Джим.

— Мы проделывали то же самое в комнате управления главными двигателями, — добавил Джо. — Так там высвечивается надпись «Рубка — нет вахты».

Хью поразмыслил.

— А что произойдет, — продолжал настаивать он, — если на всех постах будут люди, а я закрою эти огни рукой?

— Не знаю, — сказал Джо. — Мы ведь не могли попробовать.

Хью промолчал. В нем зрела смутная решимость, и ее следовало обдумать.

Чтобы выдвинуть свою идею, Хью дождался, когда обе головы Джо-Джима будут в хорошем настроении. Они были на Капитанском мостике, когда Хью решил, что момент созрел. Джо-Джим разнежился на Капитанском кресле, его брюхо было набито едой, а глаза разглядывали безмятежные звезды сквозь толстое стекло главного иллюминатора. Хью парил в воздухе рядом с ним. Корабль вращался, и звезды описывали в небе величественные окружности.

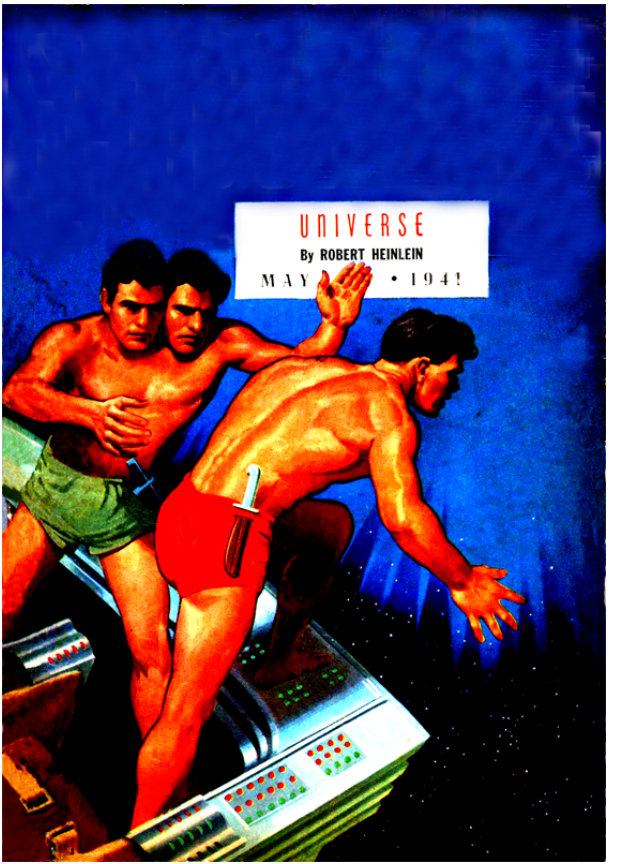
Наконец Хью произнес:

— Джо-Джим…

— А? Чего тебе, малыш? — откликнулся Джо.

— Очень красиво, правда?

— Что?


UNIVERSE
By ROBERT HEINLEIN
MAY
• 1941

— Все это. Звезды… — Хью махнул рукой на вид за иллюминатором, после чего ему пришлось схватиться за кресло, чтобы остановить свое собственное вращение.

— А, ну да. Поднимает настроение. — На удивление, это сказал Джим.

Хью понял, что время пришло. Он выждал еще мгновение, потом сказал:

— А если мы доведем это дело до конца?

Две головы повернулись одновременно.

— Какое дело?

— Путешествие. Запустим главный двигатель… Где-нибудь там, — поспешно продолжал он, боясь, что его перебьют, — есть планеты, похожие на Землю… по крайней мере, так считал Первый Экипаж. Надо найти их.

Джим глянул на него и расхохотался. Джо покачал головой.

— Малыш, — сказал он. — Ты сам не понимаешь, что несешь. Такой же идиот, как Бобо. Нет, с этим покончено. Забудь.

— Почему покончено, Джо?

— Ну, потому что… Это слишком большое дело. Нужен экипаж, чтобы разобраться во всем, научиться управлять Кораблем.

— Зачем столько народу? Вы показали мне

всего десяток мест, где должны находиться люди. Наверное, десятка достаточно, чтобы управлять Кораблем. Если они знают то же, что и вы, — лукаво добавил он.

Джим захихикал.

— Он поймал тебя, Джо. Он прав.

Джо отмел этот аргумент.

— Ты нас переоцениваешь. Может, мы и могли бы управлять Кораблем, но куда лететь? Мы не знаем даже, где находимся. Корабль дрейфует — уж не знаю, сколько поколений. Мы не знаем, куда летим и с какой скоростью.

— Но послушай, — взмолился Хью, — есть ведь приборы. Вы же мне их показывали. Разве мы не можем научиться пользоваться ими? Ты же смог бы разобраться в них, Джо, если бы захотел?

— Пожалуй, — согласился Джим.

— Не хвастайся, Джим, — сказал Джо.

— Я не хвастаюсь, — отрезал Джим. — Если они в порядке, я в них разберусь.

Джо фыркнул.

Вопрос повис в неустойчивом равновесии. Хью, как и хотел, добился разногласия между братьями, причем менее сговорчивая голова оказалась на его стороне. Теперь важно закрепить успех…

— У меня есть идея, — сказал он быстро, — где

достать тебе людей, Джим, если ты их согласишься обучить.

— Что еще за идея? — подозрительно спросил Джим.

— Помните, я рассказывал вам о компании молодых ученых…

— А, эти придурки!

— Да, конечно — они ведь не знают того, что знаете вы. Но они — по-своему — пытаются мыслить разумно. И если бы я спустился и рассказал им, чему тут научился, то у вас появилось бы много людей.

Джо перебил:

— Посмотри-ка на нас внимательно, Хью. Что ты видишь?

— Ну… я вижу вас… Джо-Джима.

— Ты видишь мута, — поправил Джо с сарказмом в голосе. — Мы — *мутик*. Дошло? Ученые твои не будут с нами работать.

— Нет, нет, — запротестовал Хью, — неправда. Я не о крестьянах толкую. Крестьяне не поймут, но это ведь *Ученые*, к тому же самые толковые из всех. Они поймут. От вас всего-то требуется — организовать им безопасный проход через края мутов. Это вы можете сделать, так ведь? — добавил он, инстинктивно переводя разговор на

более твердую почву.

— Уж будь уверен, — сказал Джим.

— Брось, — сказал Джо.

— Ну ладно, — согласился Хью, чувствуя, что Джо в самом деле раздражен его настойчивостью. — Но могло бы получиться забавно… — Он немного отодвинулся от братьев.

Он слышал, что Джо-Джим тихонько продолжает спор, но притворился, что ничего не слышит. У Джо-Джима был существенный недостаток, проистекавший из их двойственной природы: поскольку они были скорее сообществом, чем индивидуумом, из них был никудышный человек действия, ведь каждое решение требовало обсуждения и компромисса.

Вскоре Хью услышал, как Джо повысил голос:

— Ладно, будь по твоему!

Потом он позвал:

— Хью! Иди сюда!

Хью оттолкнулся от ближайшей переборки, подлетел к Джо-Джиму и ухватился за спинку Капитанского кресла.

— Мы решили, — без предисловий сказал Джо, — отпустить тебя обратно в твои края, чтобы ты попробовал пропихнуть свою идею. Но все-таки ты дурак, — угрюмо добавил он.

Бобо проводил Хью через все опасные уровни, где обитали муты, и оставил в ненаселенной зоне с нормальной тяжестью.

— Спасибо, Бобо, — сказал на прощанье Хью. — Доброй еды.

Карлик ухмыльнулся, кивнул и заспешил обратно, карабкаясь по лестнице, по которой они только что спустились.

Хью повернулся и двинулся вниз, придерживая свой нож. Приятно было снова чувствовать его на поясе. Конечно, это был не его прежний нож. Тот стал трофеем Бобо. Но и этот нож, данный ему взамен Джо-Джимом, был прилично сбалансирован и вообще хорош.

Бобо довел Хью, по его просьбе и по указанию Джо-Джима, до области, находившейся прямо над дополнительным Конвертором, которым пользовались Ученые. Он собирался найти Билла Эртца, Помощника Главного Инженера и лидера блока молодых ученых, к тому же ему не хотелось отвечать на лишние вопросы, пока он не нашел Билла.

Хью быстро прошел оставшиеся уровни и оказался в главном переходе, который он сразу узнал. Прекрасно! Поворот налево, еще двести ярдов, и вот он уже возле двери Конвертора. У двери

стоял охранник. Хью хотел прошмыгнуть, но был остановлен грозным окриком:

— Куда это ты собрался?

— Мне нужен Билл Эртц.

— Главный Инженер? Его здесь нет.

— Он — Главный? А что случилось с прежним? — Хойланд тут же пожалел о сказанном, но было поздно.

— Хм? Прежний? Да ведь он уже давным-давно отбыл в Путешествие. — Стражник посмотрел на него с подозрением. — Что это ты?

— Ничего, — сказал Хью, — просто оговорился.

— Странная оговорка. Главный Инженер, наверное, у себя в кабинете.

— Спасибо. Доброй еды.

— Доброй еды.

После недолгого ожидания Хойланду разрешили зайти к Эртцу. Тот взглянул на него из-за стола.

— Ну-ну, — сказал он. — Живым вернулся. Вот номер! Знаешь, мы уж тебя списали в Путешествие.

— Догадываюсь.

— Садись, рассказывай. Пару лишних минут я на тебя выкрою. Знаешь, я бы тебя не узнал. Ты сильно изменился — весь седой. Похоже, неслад-

ко пришлось?

Седой? Неужели он поседел? Да и Эртц сильно изменился, заметил Хью. Брюшко, морщины. О Джордан! Сколько же прошло времени?

Эртц побарабанил по столу, скривился.

— Твое возвращение создает проблему. Боюсь, что не смогу назначить тебя на прежнюю работу; на этой должности Морт Тайлер. Но мы найдем тебе место по чину.

Хью вспомнил Морта Тайлера без особой симпатии. Выскочка, буквоед… Значит, Тайлер теперь Ученый и занял место Хью у Конвертора. Впрочем, неважно.

— Хорошо, — начал он. — Я хотел поговорить с вами о…

— Конечно, встает еще вопрос старшинства, — продолжал Эртц. — Возможно, будет лучше, если эту проблему обсудит Совет. Я не слышал о прецедентах. Несколько Ученых пропадали у мутов раньше, но ты первый на моей памяти, кто остался в живых.

— Это неважно, — перебил Хью. — Там я обнаружил удивительные вещи, Билл, вещи первостепенной важности. Вы обязаны знать об этом. Поэтому я и пришел первым делом к тебе. Послушайте, я…

Эртц вдруг насторожился.

— Ну конечно! Как же я не подумал. У тебя ведь была прекрасная возможность исследовать мутов и их территорию. Ну давай, дружище, докладывай!

Хью покусал губу.

— Это не то, что ты думаешь, — сказал он. — Это намного важнее, чем просто доклад о мутах, хотя это их тоже касается. Фактически, нам, возможно, придется изменить всю политику относительно му…

— Ну, давай без предисловий! Я весь внимание.

— Ладно.

Тщательно подбирая слова и стараясь говорить убедительно, Хью рассказал ему о грандиозном открытии относительно истинной природы Корабля. Он слегка коснулся проблем, связанных с необходимостью реорганизации Корабля в соответствии с новой концепцией и сделал упор на престиже и уважении, ожидающих человека, который встанет во главе реформ.

Он говорил — и следил за лицом Эртца. Когда тот услышал от Хью, что Корабль действительно движется в огромном внешнем пространстве, на нем проступило изумление, но потом лицо Эрт-

ца окаменело и Хью уже ничего не мог по нему прочесть. Лишь когда Хью разливался, что Эртц как раз подходит на роль лидера, — ведь он и есть лидер молодых, прогрессивных ученых, — в глазах его мелькнул проблеск живого интереса.

Закончив, Хью замолк в ожидании. Эртц помолчал, с досадой постукивая по столу. Наконец он сказал:

— Это очень важно, Хойланд, слишком важно, чтобы решать на ходу. Мне нужно все обдумать.

— Конечно, — согласился Хью. — Я только хотел добавить, что о безопасном проходе в невесомость я договорился. Могу провести вас. Ты все увидишь своими глазами.

— Несомненно, это лучше всего… — произнес Эртц. — А пока… Ты голоден?

— Нет.

— Тогда отдыхай. Можешь пользоваться комнатой позади моего кабинета. Я не хочу, чтобы ты обсуждал все это с кем-либо, пока я все не обдумаю; это может вызвать ненужные волнения, если выйдет наружу без должной подготовки.

— Да, ты прав.

— Очень хорошо, тогда… — Эртц провел его в комнату за кабинетом, явно используемую как жилая. — Отдохни хорошенько, а позже пого-

ворим.

— Спасибо, — поблагодарил Хью. — Доброй еды.

— Доброй еды.

Когда Хью остался один, его радость постепенно увяла, и он понял, что сильно устал и хочет спать. Он вытянулся на встроенной койке и заснул.

Проснувшись, он обнаружил, что единственная дверь заперта снаружи. Хуже того, исчез его нож.

Он прождал неопределенно долгое время, прежде чем услышал шум за дверью. Дверь открылась; вошли двое крепких, угрюмых детин.

— Пошли, — сказал один из них.

Хью смерил их взглядом, заметив, что ни у того, ни у другого нет ножа. Значит, нечего выхватить у них из-за пояса. С другой стороны, больше шансов отбиться от безоружных.

Однако рядом, во внешней комнате, маячили еще двое громил. Один поигрывал ножом; другой держал нож метательным захватом.

Хью был в западне и знал об этом. Они только и ждали, когда он взбрыкнет.

Давным-давно он научился смиряться перед неизбежностью. Он сжал зубы и спокойно вышел. Через дверь он заметил Эртца, который явно командовал четырьмя мужчинами. Хью загово-

рил с ним, тщательно следя за тем, чтобы голос оставался спокойным.

— Привет, Билл. Хорошенькие меры предосторожности. Что стряслось?

Эртц, замявшись с ответом, все же сказал:

— Ты предстанешь перед Капитаном.

— Прекрасно! — ответил Хью. — Спасибо, Билл. Только почему ты думаешь, что с этой идеей стоит соваться сразу к Капитану? Может, сперва как следует обсудим с остальными?

Эртц был раздражен его очевидной тупостью и не скрывал этого.

— Ты не понял, — проворчал он. — Ты идешь к Капитану, чтобы предстать перед судом — за ересь!

Хью сделал вид, что такая мысль ему и в голову не приходила. Потом спокойно ответил:

— Вы спустились не по тому проходу, Билл. Возможно, суд и обвинение — это наилучшее решение проблемы, только я не крестьянин, чтобы меня тащить к Капитану. Меня должен судить Совет. Ведь я Ученый.

— До сих пор? — вкрадчиво спросил Эртц. — Я посоветовался по этому поводу. Ты уже вычеркнут из списков. Что ты сейчас есть — это решит Капитан.

Хью остался невозмутим. В этой ситуации не стоило зря злить Эртца. Эртц подал знак; невооруженные конвоиры схватили Хью за руки. Он безропотно пошел за ними.

Хью смотрел на Капитана с новым интересом. Старик не сильно изменился — может, еще чуть потолстел.

Капитан, кряхтя, опустился в кресло, потом взял лежащие перед ним листки.

— Что это? — раздраженно начал он. — Я ничего не понимаю.

Обвинение против Хью собирался изложить Морт Тайлер, обстоятельство, которое Хью не мог предвидеть и которое не добавило ему хорошего настроения. Он мысленно прошелся по воспоминаниям детства, чтобы найти какие-нибудь зацепки для завоевания его симпатии, но не вспомнил ничего. Тайлер откашлялся и ответил:

— Это дело Хью Хойланда, Капитан, бывшего молодого Ученого…

— А, Ученого? Так это же дело Совета?

— Он уже не Ученый, Капитан. Он перекинулся к мутам. Теперь он вернулся, проповедуя ересь и желая подорвать Ваш авторитет.

Капитан взглянул на Хью с явной враждебностью человека, ревниво относящегося к своим

прерогативам.

— В самом деле? — проревел он. — А сам ты что скажешь про себя?

— Это не так, Капитан, — ответил Хью. — Все, что я сказал, лишь подтверждает абсолютную истинность древнего Учения. Я не оспаривал законы, по которым мы живем; я лишь нашел им более веские подтверждения. Я…

— Я все-таки не понимаю, — прервал Капитан, тряся головой. — Ты обвиняешься в ереси, но утверждаешь, что веришь в Учение. Если ты невиновен, то почему ты здесь?

— Возможно, я могу прояснить дело, — встрял Эртц. — Хойланд…

— Да, надеюсь, что сможешь, — продолжил Капитан. — Давай, послушаем.

Эртц излагал довольно правильную, хотя и несколько произвольно сокращенную версию возвращения Хойланда и его странного рассказа. Капитан слушал с выражением, меняющимся от озадаченности до раздражения.

Когда Эртц закончил, Капитан повернулся к Хью.

— Хм! — произнес он.

Хью немедленно заговорил:

— Все, что я утверждаю, Капитан — то, что на-

верху воочию можно узреть истинность нашей веры и убедиться, что Корабль движется, увидеть План Джордана в действии. Это не отрицание веры; это подтверждение ее. Нет необходимости верить мне на слово. Сам Джордан засвидетельствует мои слова.

Видя, что Капитан колеблется, вмешался Тайлер:

— Капитан, существует возможное объяснение этой невероятной ситуации, и я считаю себя обязанным довести его до Вашего сведения. Вкратце — есть две очевидные интерпретации смехотворной истории, сочиненной Хойландом. Во-первых, возможно, он просто виновен в неслыханной ереси, а во-вторых, он, возможно, скрытый мут и лелеет план предать Вас в их лапы. Однако существует и третье, более милосердное толкование, и я лично считаю, что именно оно вернее всего. Существуют записи о том, что Хойланда всерьез собирались отправить в Конвертор во время послеродового освидетельствования. Отклонения от нормы были незначительны — слишком большая голова, и его оставили. Я думаю, что зверства, которым подвергали его муты, окончательно повредили его неустойчивый разум. Бедняга просто не отвечает за свои действия.

Хью взглянул на Тайлера с неким уважением. И снял все обвинения, и гарантированно отправил в Путешествие. Это надо уметь!

Капитан махнул рукой.

— Давайте заканчивать, — потом произнес, повернувшись к Эртцу. — Есть предложения?

— Да, Капитан. Конвертор.

— Что ж, очень хорошо. Но, Эртц, я в толк не возьму, — добавил он раздраженно, — зачем меня побеспокоили с этой ерундой. По-моему, ты и без моей помощи в состоянии навести у себя порядок.

— Да, Капитан.

Капитан, поднимаясь, отодвинулся от стола.

— Рекомендация подтверждается. На списание.

От бессмысленной несправедливости Хью окатило яростью. Они и не подумали взглянуть на единственное свидетельство его правоты. Он услышал вопль «Подождите!» — и понял, что это его собственный голос. Капитан остановился, глядя на него.

— Подождите минуту, — продолжал Хью. Слова лились сами собой. — Это ничего не решит, какого черта вы уверены, что знаете все ответы, что мудры настолько, что не хотите пойти и взгля-

нуть своими глазами? И все-таки — все-таки — *он движется*![9]

У Хью было время подумать, лежа в комнате, где его оставили дожидаться, пока Конвертору понадобится энергия. Время подумать, осознать свои ошибки. Ошибка номер один — немедленно рассказать свою историю Эртцу. Нужно было подождать, заново познакомиться с ним и прощупать, а не надеяться на дружбу, которая никогда не была слишком крепкой.

Вторая ошибка — Морт Тайлер. Услышав это имя, нужно было разузнать, какое влияние он имеет на Эртца. Хью же знал его слишком давно, следовало быть осторожнее.

И вот он осужден как мутант — а может быть, как еретик. Это все равно. Он поразмыслил, не следовало ли ему попробовать объяснить, как произошли мутанты. Сам он прочел об этом в одной рукописи из библиотеки Джо-Джима. Нет, это бы не помогло. Как рассказать о радиации Снаружи, вызывающей рождение мутантов, если слушатели не понимают, что такое Снаружи? Нет,

---

[9] notes: 9

Намек на знаменитую фразу, которую якобы произнес Галилео Галилей (1564–1642) после вынужденного отречения от учения Н. Коперника по приговору суда Святейшей инквизиции в 1633 г.: «А все-таки она вертится!».

он все провалил еще до встречи с Капитаном.

Его самообвинения прервал звук отпираемой двери. Время скудной кормежки еще не наступило; он подумал, что за ним наконец пришли, и вновь пообещал себе, что один в Путешествие не отправится.

Но он ошибся. Раздался голос, исполненный доброты и достоинства:

— Сынок-сынок, как же это случилось?

Это оказался Лейтенант Нельсон, его первый учитель, совсем постаревший и высохший.

Разговор расстроил обоих. Одинокий старик когда-то возлагал большие надежды на своего воспитанника, даже подумывал, что тот может стать капитаном, хотя никогда не говорил об этом, считая, что не следует захваливать молодых. Когда Хью пропал, сердце старика было разбито.

Теперь Хью вернулся мужчиной, вот только обстоятельства сложились против него и он приговорен к смерти.

Для Хью встреча тоже была нерадостной. Он по-своему любил старика, хотел порадовать его и получить его одобрение. Но, рассказывая свою историю, видел, что Нельсон не способен воспринимать ее иначе, как поразившее Хью

расстройство рассудка. Он подозревал, что Нельсон предпочел бы узнать, что он принял легкую смерть в Конверторе, где его атомы расщепились бы до водорода и дали чистую полезную энергию, чем видеть, как он глумится над древним Учением.

В этом он был несправедлив к старику; он недооценил милосердие Нельсона, а не его преданность «науке». Однако следует отдать Хью должное — если бы ставки не были так высоки, он, наверное, предпочел бы умереть, чем разбить сердце своего благодетеля, — ведь он был романтиком, способным на дурацкие поступки.

В конце концов, визит стал слишком тяжел для них обоих, и старик поднялся.

— Могу я что-то сделать для тебя, сынок? Тебя хорошо кормят?

— Вполне, спасибо, — солгал Хью.

— Тебе что-нибудь нужно?

— Нет… разве что немного табаку. Я так давно его не жевал.

— Об этом я позабочусь. Может, хочешь повидать кого-нибудь?

— Но мне казалось, что ко мне не пускают посетителей — обычных посетителей.

— Верно, но я думаю, что мог бы добиться по-

слабления. Только обещай мне, что не будешь говорить о своей ереси, — беспокойно добавил он.

Хью лихорадочно размышлял. Появился какой-то шанс. Дядя? Нет, они хорошо ладили, но никогда не понимали друг друга — а теперь стали и вовсе чужими. Ему никогда не везло на друзей; Эртц, например, считался его другом, а чем это кончилось! Тут он вспомнил своего деревенского приятеля, Алана Махони, с которым играл еще мальчишкой. Правда, он почти не видел его с тех пор, как стал учеником Нельсона. И все же…

— Алан Махони все еще живет в нашей деревне?

— Ну да.

— Я бы хотел увидеться с ним, если он согласится прийти.

Алан пришел, нервный, смущенный, но, очевидно, обрадованный встречей с Хью и сильно расстроенный тем, что Хью приговорили к Путешествию. Хью похлопал его по спине.

— Молодец, — сказал он. — Я знал, что ты придешь.

— Конечно, я пришел, как только узнал, — запротестовал Алан. — Только в деревне никто не знает. Думаю, даже Свидетель не знает.

— Что ж, ты здесь, и это главное. Расскажи, как ты живешь. Женился?

— Хм-хм, нет. Да что обо мне говорить — только время тратить. У меня ничего не происходит. Но как, во имя Джордана, ты попал в такой переплет?

— Я не могу об этом рассказывать, Алан. Я обещал Лейтенанту Нельсону.

— Старина, какие обещания, когда речь идет о голове?!

— А то я не понимаю!..

— Кто-то что-то против тебя имеет?

— Хм… Наш старый приятель Морт Тайлер был не на моей стороне; думаю, это-то я могу сказать.

Алан присвистнул и медленно покачал головой.

— Это многое объясняет.

— Та-ак… Ты что-то знаешь?

— Может да, а может и нет. Когда ты пропал, он женился на Идрис Бакстер.

— Вот оно что… Да, это кое-что проясняет.

Он помолчал.

Вдруг Алан сказал:

— Слушай, Хью. Ты ведь не собираешься тут задерживаться, так? Особенно если впутался Тайлер. Нам надо вытащить тебя отсюда.

— Как?

— Не знаю. Может, устроить налет. Думаю, я смогу собрать лихих ребят с ножами…

— И все окажемся в Конверторе. И ты, и я, и твои приятели. Отпадает.

— Но ведь нужно что-то делать. Нельзя же просто сидеть и ждать, когда тебя аннигилируют.

— Понимаю. — Хью заглянул Алану в глаза. Можно ли доверить ему такое?

Ободренный увиденным, он продолжил.

— Слушай. Ты сделаешь все, чтобы вытащить меня отсюда, так?

— Сам знаешь, — в голосе Алана прозвучала обида.

— Что ж, хорошо. Есть карлик по имени Бобо. Я скажу тебе, как его найти…

Алан карабкался все выше и выше, выше, чем когда-то, еще мальчишкой, безрассудно рискуя, забирался вместе с Хью. Теперь он повзрослел, стал осторожнее; исчез молодой задор. К реальным опасностям, подстерегающим вдали от исхоженных маршрутов, примешивался суеверный страх. Однако он двигался вперед.

Должно быть, уже близко — если только не ошибся в счете. Но никаких карликов не видно.

Бобо заметил его первым. Снаряд из пращи

попал Алану прямо в солнечное сплетение. Он успел лишь вскрикнуть «Бобо!».

Пятясь, Бобо вошел в комнату Джо-Джима и свалил свой груз к ногам близнецов.

— Свежее мясо, — гордо произнес он.

— Да-да, — безразлично сказал Джим. — Забери и проваливай.

Карлик поковырял большим пальцем в своем корявом ухе.

— Смешно, — сказал он. — Знает, как зовут Бобо.

Джо поднял глаза от книги. Он читал «Собрание стихов» Браунинга[10] в издании «Л-Пресс» (Нью-Йорк, Лондон, Луна-Сити).

— Интересно. Подожди минутку.

Хью подготовил Алана к шоку от внешности Джо-Джима. Достаточно быстро Алан собрался с мыслями и смог изложить свою историю. Джо-Джим слушал в основном молча, Бобо — внимательно, но мало что понимая.

Когда Алан закончил, Джим заметил:

— Ну, ты выиграл, Джо. У него не получилось. — Потом, повернувшись к Алану, добавил: — Ты

---

[10] notes: 10

Роберт Браунинг (1812–1889), классик английской литературы, поэт.

можешь занять место Хойланда. Умеешь играть в шашки?

Алан переводил взгляд с одной головы на другую.

— Вы что, — сказал он, — ничего не поняли? Разве вы ничего не собираетесь делать?

Джо, кажется, был озадачен.

— Мы? А зачем?

— Но вы *должны*. Как вы не понимаете? Он надеется на вас. Ему больше не от кого ждать помощи. Поэтому я и пришел. Разве не понятно?

— Подожди минутку, — медленно произнес Джим. — Подожди минутку. Предположим, мы бы хотели помочь ему — а мы не хотим — как, Джордан побери, мы бы это сделали? Ответь-ка.

— Ну… ну… — Алан даже начал заикаться от такой тупости. — Само-собой… собрать отряд, спуститься и отбить его!

— А почему это мы должны погибать в драке, пытаясь спасти твоего приятеля?

Бобо навострил уши.

— Драка? — с надеждой спросил он.

— Нет, Бобо, — покачал головой Джо. — Никакой драки. Просто разговариваем.

— А, — сказал Бобо и снова притих.

Алан взглянул на карлика.

— Если бы вы хоть Бобо отпустили со мной…

— Нет, — отрезал Джо. — Об этом не может быть и речи. Забудь.

Алан уселся в уголке, в отчаянии обхватив колени. Если бы он мог выбраться отсюда. Он бы все еще мог попытаться собрать какую-нибудь подмогу внизу. Кажется, карлик спит, хотя кто его разберет. Если бы Джо-Джим тоже заснул…

Джо-Джим не выказывал никаких признаков сонливости. Джо пытался продолжать чтение, но Джим то и дело прерывал его. О чем они говорили, Алан не слышал.

Вдруг Джо повысил голос.

— Значит, для тебя это развлечение? — требовательно спросил он.

— Ну, — сказал Джим, — это лучше, чем шашки.

— Да ну? А если получишь ножом в глаз — что тогда со мной будет?

— Стареешь, Джо. Теряешь кураж.

— Мы одногодки.

— Да, только я хоть в мыслях молод.

— Уф, меня от тебя тошнит. Делай, что хочешь — только меня потом не вини. Бобо!

Карлик вскочил, готовый к действию.

— Да, хозяин.

— Иди и приведи Коренастого, Борова и Долгорукого.

Джо-Джим поднялся, подошел к шкафчику и принялся доставать ножи.

В коридоре, ведущем к его застенку, Хью услышал какой-то гвалт. Может быть, это стража явилась затолкать его в Конвертор? С чего бы им так галдеть? Может, этот шум вообще к нему не относится? А может быть…

Это оно и было! Дверь распахнулась, и влетел орущий Алан, швырнул ему в руки охапку ножей. Хью выскочил, затолкал ножи за пояс и схватил еще пару.

Джо-Джим не обратил на него внимания, он был занят — невозмутимо и методично, словно в собственной комнате, метал ножи. Бобо закивал головой и широко ухмыльнулся окровавленным рассеченным ртом, не переставая вращать пращу. Из троих оставшихся Хью узнал двоих — личных телохранителей Джо-Джима. Это были муты только по месту рождения; они не были обезображены уродствами.

Несколько человек неподвижно лежали на полу.

— Пошли! — завопил Алан. — Сейчас сюда еще набегут. — Он рванул направо по проходу.

Джо-Джим поколебался и последовал за ним. Хью наудачу запустил ножом в фигуру, убегающую налево. Мишень была плохая, и у него не было времени посмотреть, попал ли он в цель. Они пробирались по проходу, Бобо позади всех, будто не желая покидать место развлечения. Наконец они достигли пересечения главного прохода с боковым.

Алан снова повел их направо.

— Впереди лестница! — крикнул он.

До лестницы они не добрались. Перед ними, ярдов за десять до лестницы, упала шлюзовая дверь, которая сроду раньше не закрывалась. Головорезы Джо-Джима остановились и с сомнением посмотрели на хозяина. Бобо обломал свои толстые ногти, пытаясь открыть дверь.

За их спинами, уже совсем близко, топотала погоня.

— Западня, — мягко произнес Джо. — Надеюсь, Джим, теперь ты доволен?

Хью увидел, как из-за угла, который они миновали, показалась голова. Он бросил нож, но расстояние было слишком велико; нож бесполезно клацнул о сталь. Голова исчезла. Долгорукий наблюдал за углом с пращой наготове.

Хью схватил Бобо за плечо:

— Слушай! Видишь свет?

Карлик тупо моргнул. Хью указал на осветительные трубки, там, где они сходились над перекрестком проходов.

— Свет. Сможешь попасть точно в пересечение?

Бобо на глаз измерил расстояние. Попасть туда в любом случае было бы непросто. К тому же — узкий проход, настильная траектория, да еще непривычно высокий вес.

Бобо не ответил. Хью лишь почувствовал дуновение ветерка от его пращи. Раздался треск; проход погрузился в темноту.

— Вперед! — завопил Хью, увлекая всех за собой. Рядом с перекрестном он крикнул:

— Не дышать! Здесь газ!

Радиоактивный газ медленно выливался из разбитой трубы наверху и наполнял коридоры зеленоватым туманом.

Хью побежал направо, радуясь, что он инженер и знает расположение осветительных схем. Он выбрал верное направление; проход впереди был черным, лампы не работали. Вокруг него раздавались шаги; были это враги или друзья, он не знал.

Они вырвались на свет. Вокруг никого не было,

кроме испуганного крестьянина, который тут же дал тягу. Беглецы быстро огляделись. Прорвались без потерь, только Бобо с трудом передвигал ноги.

Джо посмотрел на него.

— Газом надышался. Постучите его по спине.

Боров охотно исполнил это. Бобо глубоко вздохнул, его вырвало, и он заухмылялся.

— Он в порядке, — решил Джо.

Эта небольшая задержка позволили одному из преследователей догнать их. Он выскочил из темноты, не сразу сообразив, на какую силу нарвался. Алан схватил за руку Борова, готового метнуть нож.

— Оставь его мне, — потребовал он. — Он мой!

Это был Тайлер.

— Поединок? — предложил Алан, держа руку на лезвии ножа.

Тайлер окинул взглядом противников и принял приглашение, ринувшись на Алана. Помещение было слишком мало для метания ножей; они приблизились друг к другу, готовясь к рукопашной.

Алан был крупнее и сильнее; Тайлер проворнее. Он попытался ударить Алана коленом в промежность. Алан увернулся, наступив Тайлеру на вытянутую ногу. Оба рухнули. Раздался отвра-

тительный хруст.

Через мгновение Алан уже вытирал нож о штанину.

— Давайте двигаться, — сказал он. — Что-то я опасаюсь…

Они добрались до лестницы, взбежали по ней. Долгорукий и Боров двигались впереди, оглядывая каждый уровень и прикрывая фланги, а третий из драчунов — Хью услышал, что его называли Коренастым, — защищал тыл. Остальные шли посередине.

Хью уже начал думать, что они оторвались, когда он услышал крики и звон ножа прямо над головой. Он как раз вылез на верхний уровень и его ранило срикошетившим лезвием. Рана оказалась неглубокой, но рваной.

На полу уже лежало трое преследователей. У Долгорукого из плеча торчал нож, но это его, кажется, не беспокоило. Его праща все так же вращалась. Боров истратил собственные ножи и подбирал падающие. Вокруг лежали результаты его деятельности; футах в двадцати от них стоял на коленях еще один результат. Он истекал кровью от раны в бедре.

Когда человек оперся одной рукой о переборку, а другой потянулся к опустевшему поясу, Хью

узнал его.

Билл Эртц.

Он провел преследователей по другой лестнице — на свою беду.

Бобо уже приготовил пращу, когда Хью придержал его.

— Полегче, Бобо, — велел он. — В живот и вполсилы.

Карлик, казалось, удивился, но сделал как велено. Эртц сложился пополам и свалился на палубу.

— Хороший выстрел, — похвалил Джим.

— Хватай его, Бобо, — приказал Хью, — и тащи за нами.

Он обвел глазами команду, сгрудившуюся на вершине лестничного пролета.

— Порядок, парни, идем дальше. Будьте внимательны.

Долгорукий и Боров поднялись на следующий уровень, остальные следовали за ними в том же порядке. Джо выглядел раздраженным. Каким-то образом — пока совершенно не понятно, каким, — он перестал быть командиром отряда (его отряда!), а Хью начал отдавать приказы. Впрочем, теперь не время выяснять отношения. Их жизнь висела на волоске.

Джиму, похоже, все это не приходило в голову. Он развлекался.

Они оставили позади еще десять уровней, погони не было. Хойланд велел не убивать крестьян попусту. Трое громил послушались; а Бобо был слишком тяжело нагружен телом Эртца, чтобы создавать проблемы с дисциплиной.

Хью отсчитал еще тридцать уровней. Только на безлюдных территориях он позволил себе расслабиться. Наконец он скомандовал остановиться, и они осмотрели свои раны.

Единственные серьезные ранения получили Долгорукий — в руку, и Бобо — в лицо. Джо-Джим осмотрел их и наложил повязки, которыми запасся еще перед походом. Хью отказался от перевязки.

— Кровь уже остановилась — а дел еще много.

— Все, что остается сделать, — это добраться до дома, — сказал Джо, — и тогда конец этим глупостям.

— Не совсем, — не согласился Хью. — Вы можете идти домой, а я, Алан и Бобо пойдем в невесомость — на Капитанский мостик.

— Что за ерунда, — сказал Джо. — Зачем?

— Посмотри сам, если хочешь. Пошли, парни.

Джо начал что-то говорить, но остановился, когда заметил, что Джим молчит. Так что Джо-Джим двинулся вслед за всеми.

Они тихо вплыли в дверь мостика, Хью, Алан, Бобо со своей все еще бесчувственной ношей — и Джо-Джим.

— Вот оно, — обратился Хью к Алану, указывая на звездное великолепие. — Вот об этом я тебе говорил.

Алан посмотрел и схватился за руку Хью.

— Джордан! — простонал он. — Мы же упадем! — Он крепко зажмурился.

Хью встряхнул его.

— Все в порядке, — сказал он. — Взгляни на эту красоту! Да открой ты глаза!

Джо-Джим дотронулся до руки Хью.

— Что происходит? — требовательно спросил он. — Зачем ты притащил его сюда? — Он указал на Эртца.

— А, его… Когда он очнется, я покажу ему звезды, чтобы он убедился, что Корабль движется.

— Ну и зачем?

— Отправлю его обратно, чтобы он убедил остальных.

— Хм-м… А если с ним повторится твоя история?

— Тогда… — Хью пожал плечами, — тогда, наверное, придется повторить все сначала. Пока мы не убедим их. Мы обязаны это сделать. По-

нимаете?

Часть 2
Здравый смысл

Джо, правая голова Джо-Джима, обратился к Хью Хойланду:

— Ладно, умник, ты убедил Главного Инженера… — он махнул ножом в сторону Билла Эртца, потом продолжал ковырять им в зубах Джима. — И что? Чего ты добился?

— Я уже объяснил, — раздраженно ответил Хью Хойланд. — Будем продолжать, пока каждый ученый на Корабле, от Капитана до самого зеленого ученика, не будет знать, что Корабль движется, и не поверит, что мы можем заставить его двигаться, куда нам нужно. Тогда мы завершим Путешествие, как завещал Джордан. Сколько бойцов ты можешь дать?

— Ох, во имя Джордана! Послушай, уж не вбил ли ты себе в голову дурацкую идею, что мы будем помогать тебе в твоих дурацких замыслах?

— Естественно. Без вас никак.

— Придумай что-нибудь получше. Баста! Бобо, доставай и тащи шашки.

— Да, хозяин, — карлик-микроцефал вскочил с

пола и потрусил через комнату Джо-Джима.

— Стой, Бобо, — заговорил Джим, левая голова. Карлик остановился, нахмурив узкий лоб. Тот факт, что две головы его хозяина не всегда давали единый приказ, был единственным источником беспокойства в его безмятежном кровожадном существовании.

— Послушаем, что он скажет, — продолжал Джим. — Это может быть забавно.

— Забавно! Забавно получить нож под ребро! Позволю себе напомнить, что это и мои ребра тоже. Я не согласен.

— А я не просил тебя соглашаться; я прошу тебя послушать. Кроме того, что это забавно, это может оказаться единственным способом избежать ножа в ребрах.

— О чем это ты? — с подозрением спросил Джо.

— Ты слышал, что сказал Эртц. — Джо ткнул большим пальцем в сторону пленника. — Офицеры Корабля планируют очистить верхние уровни. Хочешь оказаться в Конверторе, Джо? Когда нас расщепят на атомы, будет не до шашек.

— Чушь! Экипаж не может истребить мутов — уже пытались.

Джим повернулся к Эртцу:

— Что скажешь?

Эртц запнулся, понимая, что теперь он военнопленный, а не старший офицер Корабля. Голова у него шла кругом; слишком многое свалилось на него в одночасье. Его схватили, вытолкнули на Капитанский мостик, показали звезды — *звезды*.

В его твердокаменно-рационалистическом сознании такое просто не укладывалось. Если бы земному астроному наглядно продемонстрировали, что земной шар вращается оттого, что кто-то крутит его за рукоятку, тот не был бы столь шокирован.

Мало того, Эртц прекрасно понимал, что его жизнь висит на волоске. Джо-Джим оказался первым мутом, перед которым он стоял безоружным. Стоит ему лишь мигнуть этому уродцу, растянувшемуся на полу…

Поэтому Билл тщательно выбирал слова:

— Думаю, на этот раз удача будет на стороне Экипажа. Мы… они хорошо подготовились. Если мы не ошиблись в вашем числе, если у вас нет сильной организации, то Экипаж одолеет. Видите ли… хм, готовил это я.

— Ты?

— Да. Многим в Совете не нравится политика сосуществования с мутами. Здравая это религиозная доктрина или нет, а дети и свиньи то и дело

пропадают.

— А чем, вы думаете, должны питаться муты? — враждебно вопросил Джим. — Воздухом?

— Нет, конечно. В любом случае, в новой политике не предусмотрено перебить всех. Любого мута, сложившего оружие и приобщившегося к цивилизации, мы собирались сдать в работы, как некую часть Экипажа. Тех, у которых нет явных… а остальных… м-м-м… — он замолчал, пряча глаза от стоящего перед ним двухголового монстра.

— Ты хочешь сказать — тех, кто физически не изуродован, как мы, — неприязненно вставил Джо. — Так? А таких как я, — в Конвертор, что ли? — Он раздраженно шлепнул ножом по ладони.

Эртц отпрянул, его рука метнулась к ножнам. Они были пусты; он ощутил себя голым и беспомощным.

— Минуточку, — сказал он, защищаясь. — Вы спросили, я описал ситуацию. От меня ничего не зависит. Я просто рассказываю.

— Оставь его, Джо. Он честно излагает факты. Я тебе то же самое говорил — либо план Хью, либо на нас начнется охота. И не вздумай его убивать — он нам еще пригодится.

С этими словами Джим попытался вложить

нож обратно в ножны. Последовала короткая и молчаливая борьба между близнецами за контроль над иннервацией правой руки, незаметная для постороннего схватка двух сознаний. Джо сдался.

— Ладно, — сердито согласился он. — Но если я пойду в Конвертор, этот пойдет со мной.

— Уймись ты, — сказал Джим. — Для компании у тебя есть я.

— Слушай, почему ты ему веришь?

— Ему нет смысла врать. Спроси Алана.

Алан Махони, приятель Хью с детских лет, слушал спор молча, округлив глаза. Он тоже еще не пришел в себя от потрясающего зрелища звезд снаружи, но в его невежественный мозг крестьянина не были заложены отточенные формулировки, как у Главного Инженера Эртца. Эртц почти сразу смог понять, что само существование мира вне Корабля меняет все его планы и все, во что он верил; Алан был в состоянии только изумляться.

— Что скажешь насчет плана войны с мутами, Алан?

— Что? Ну, я об этом ничего не знаю. Поймите, я ведь не Ученый. Постойте — а ведь недавно в деревне у Лейтенанта Нельсона появился по-

мощник — младший офицер… — он замолчал в недоумении.

— Так что же? Продолжай.

— Организовал всех кадетов, да и некоторых женатых тоже привлек. Тренировал их на ножах и пращах. Только он не говорил, зачем.

Эртц развел руками:

— Вот видите?

Джо кивнул.

— Вижу, — мрачно сказал он.

Хью Хойланд испытующе посмотрел на него:

— Значит, вы со мной?

— Получается, так, — признал Джо.

— Само собой! — подтвердил Джим.

Хойланд снова взглянул на Эртца:

— А ты, Билл Эртц?

— А у меня есть выбор?

— Конечно. Я очень хочу, чтобы ты был с нами. Расклад таков: Экипаж не в счет; необходимо убедить офицеров. Все, кто не совсем пустоголовый и закостенелый, кто сможет понять после того, как увидит звезды и Рубку, — те будут с нами. Остальных… — он провел большим пальцем поперек горла, — в Конвертор.

Бобо счастливо ухмыльнулся и повторил жест.

Эртц кивнул:

— И что дальше?

— Муты вместе с Экипажем под руководством нового Капитана поведут Корабль к Далекому Центавру! Воля Джордана исполнится!

Эртц встал и посмотрел в лицо Хойланду. Величественные перспективы не сразу укладывались в голове, но нравилось ему, Хафф побери! Он протянул руку через стол:

— Я с тобой, Хью Хойланд!

На столе перед ним звякнул нож с пояса Джо-Джима. Джо, казалось, удивился, хотел было что-то сказать брату, но передумал. Эртц с благодарным видом засунул нож за пояс.

Близнецы пошептались, потом заговорил Джо:

— Отступать некуда.

Он вытащил оставшийся нож и, зажав лезвие так, что выступал лишь кончик, надрезал себе левое плечо.

— Нож за нож!

Брови Эртца взлетели вверх. Он вытер свой вновь обретенный нож и сделал разрез на том же месте своей руки. Кровь потекла к локтю.

— Спина к спине! — Он прижал кровоточащее плечо к ране Джо-Джима.

Алан Махони, Хью Хойланд, Бобо — все вынули ножи. Руки окрасились алым. Они плотно сдви-

нули кровоточащие плечи. Кровь, смешиваясь, капала на палубу.

— Рука к руке!

— Спина к спине!

— Кровь за кровь!

— Кровные братья — *до конца Путешествия*!

Ученый-еретик, Ученый-пленник, невежественный крестьянин, двухголовый монстр, недоразвитый идиот — пять ножей, считая Джо-Джима за одного; пять голов, считая Бобо за безголового, — пять ножей и пять голов против целого мира.

— Но я не хочу возвращаться, Хью. — Алан мялся и смотрел побитой собакой. — Почему мне нельзя остаться с вами? Я хорошо владею ножом.

— Разумеется, старина. Но сейчас ты можешь принести больше пользы как шпион.

— Но для этого есть Билл Эртц.

— Да, но ты нам тоже нужен. Билл всегда на виду; он не сможет исчезать и пробираться на верхние уровни незамеченным. Тут нужен ты — будешь связным.

— Хафф знает, как я смогу объяснить, где пропадал.

— Не объясняй больше самого необходимого. И держись подальше от Свидетеля. — Хью пред-

ставил, как бы Алан попытался обмануть старого деревенского историка с его хитрыми речами и жаждой подробностей. — Не разговаривай со Свидетелем. Старик тебя выпотрошит.

— Свидетель-то? А, ты о прежнем — так он давным-давно отправился в Путешествие. А новый ни на что не годен.

— Тем лучше. Если будешь осторожен, ты в безопасности. — Хью повысил голос: — Билл! Ты готов спускаться?

— Думаю, да. — Эртц поднялся и с неохотой отложил книгу из числа украденных Джо-Джимом — «Три мушкетера» с иллюстрациями. — Чудесная книга! Хью, неужели *Земля* действительно такая?

— Конечно. Так ведь в книге написано.

Эртц пожевал губу и поразмыслил.

— А сколько на Земле уровней?

— Да ни одного нет.

— Я и сам сначала так думал, но там, оказывается, можно пройти и сверху.

— В каком смысле?

— Там народ ходит по улице, а знатных проносят верхом.

— Дай посмотреть, — велел Джо. Эртц передал ему книгу. Джо-Джим быстро пролистал несколь-

ко страниц. — Понятно. Не «проносят верхом», а «проносятся верхом». Верхом на коне.

— А это что такое?

— Конь — животное такое, вроде большой свиньи или коровы. Залезаешь ему на спину и оно тебя несет.

Эртц подумал над этим.

— Но это непрактично. Когда тебя несут в носилках, ты говоришь старшему носильщику, куда ехать. А как сообщить корове, куда тебе надо?

— Очень просто. Коня-то ведет слуга.

Эртц снова поразмыслил.

— Да и вообще, можно упасть. Непрактично. Я бы лучше пешком ходил.

— Да, это непросто. Нужна тренировка.

— А вы можете пронестись верхом?

Джим фыркнул, Джо рассердился.

— На Корабле нет коней.

— Ладно, ладно. А еще у этих ребят — Атоса, Портоса и Арамиса — были такие…

— Потом, потом, — перебил Хью. — Бобо уже подошел. Ты готов, Билл?

— Не торопись, Хью. Это важно. У этих парней были такие ножи…

— Ну были. И что?

— Так ведь они были гораздо лучше наших.

Длиной с руку, а то и длиннее. Если дело дойдет до ближнего боя с Экипажем, это может оказаться большим преимуществом.

— Хм-м… — Хью вытащил свой нож и взвесил в руке. — Возможно. Но их неудобно метать.

— Метать будем метательные ножи.

— Да, пожалуй… Это неплохая мысль.

Близнецы молча прислушивались к разговору.

— Он прав, — вставил Джо. — Хью, займись делами. А нам с Джимом нужно кое-что прочесть.

Обе головы Джо-Джима вспоминали другие книги, где в мельчайших подробностях описывались бесконечно разнообразные методы сокращения жизни неприятеля. Джо-Джим превратился в Факультет Исторических Изысканий Военной Академии, хотя и не назвал бы, конечно, свой проект таким пышным термином.

— Хорошо, — согласился Хью, — только сначала замолви словечко перед своими.

— Сейчас. — Джо-Джим вышел из своей комнаты в коридор, где Бобо уже собрал пару десятков мутов — сторонников Джо-Джима. Кроме Долгорукого, Борова и Коренастого, которые принимали участие в спасении Хью, все они были незнакомы Хью, Алану и Биллу — и все они без колебаний убивали незнакомцев.

Джо-Джим махнул рукой, чтобы трое пришельцев с нижних уровней приблизились. Он показал их мутам, велел запомнить и обеспечить им свободное передвижение и безопасность на всей территории. Более того, в отсутствие Джо-Джима его люди должны были подчиняться приказам любого из троицы.

Муты переглянулись и зароптали. К приказам они привыкли, но только от Джо-Джима.

Один из них, с огромным носом, поднялся и заговорил, глядя на Джо-Джима, но обращаясь ко всем:

— Я Джек-носач. У меня острый нож и верный глаз. Джо-Джим с его двумя мудрыми головами — мой хозяин, и я буду сражаться за него. Но мой хозяин — Джо-Джим, а не пришельцы с тяжелых палуб. Что скажете, ребята? Разве это по Правилам?

Он выждал. Другие слушали его нервозно, бросая украдкой взгляды на Джо-Джима. Джо что-то тихонько сказал Бобо. Джек-носач открыл рот, чтобы продолжать. Раздался слитный хруст выбитых зубов и сломанных позвонков. Снаряд Бобо заткнул ему рот.

Тело повалилось на палубу, а Бобо перезарядил пращу.

Джо-Джим махнул рукой.

— Доброй еды! — объявил Джо. — Он ваш.

Муты, словно сорвавшись с цепей, кинулись на труп. Выросла чавкающая куча-мала. Муты, обнажив ножи, грызлись за куски.

Джо-Джим терпеливо ждал, когда с едой будет покончено, и наконец, когда от Джека-носача осталось только мокрое место на палубе, а все небольшие перепалки по поводу дележа завершились, Джо снова заговорил:

— Долгорукий, Сорок-первый и Топор — вы спускаетесь с Бобо, Аланом и Биллом. Остальные дожидаются здесь.

Бобо заскользил прочь длинными плавными прыжками, получавшимися из-за низкой искусственной гравитации возле оси вращения Корабля. Трое мутов отделились от остальных и последовали за ним. Эртц и Алан Махони поспешили следом.

Достигнув первого лестничного пролета, Бобо шагнул в проем, и центробежная сила мягко опустила его на следующую палубу. Алан и муты сделали так же, а Эртц задержался у края и взглянул назад.

— Да хранит вас Джордан, братья! — крикнул он.

Джо-Джим помахал в ответ:

— И вас! — ответил Джо.

— Доброй еды! — добавил Джим.

— Доброй еды!

Бобо провел их через сорок палуб далеко в глубь пустой территории, не населенной ни мутами, ни членами экипажа, и остановился. Он по очереди указал на Долгорукого, Сорок-первого и Топора.

— Две Мудрые Головы велели вам сторожить здесь. Сначала ты, — указал он на Сорок-первого.

— Сделаем так, — сказал Эртц. — Мы с Аланом идем туда, где большой вес. Вы трое должны сторожить здесь по очереди, чтобы я мог передавать сообщения Джо-Джиму. Понятно?

— Ну да. Ясное дело, — ответил Долгорукий.

— Джо-Джим же велел, — добавил Сорок-первый таким тоном, словно этим все сказано.

Топор промычал что-то утвердительное.

— Ладно, — сказал Бобо.

Сорок-первый уселся на лестнице, свесив ноги, и обратил все свое внимание на принесенную с собой еду.

Бобо похлопал Эртца и Алана по спинам.

— Доброй еды, — ухмыляясь, напутствовал он. Восстановив дыхание, Эртц вернул доброе пожелание и шагнул на следующую палубу. Алан не

отставал. Путь до цивилизованных территорий был еще долог.

Командор Финеас Нарби, исполнительный помощник Капитана, роясь в столе Главного Инженера, с удивлением обнаружил, что Билл Эртц тайно хранит там пару Ненужных книг. Конечно, там были и обычные Священные книги, включая бесценные «Обеспечение функционирования Дополнительного Четырехступенчатого Конвертора» и «Руководство по системам жизнеобеспечения корабля „Авангард“».[11] Это было каноническое Священное писание, несущее знак самого Джордана. Держать его у себя по рангу имел право только Главный Инженер.

Нарби считал себя скептиком и рационалистом. Вера в Джордана — это прекрасно — для Экипажа. И все же вид титульного листа со словами «Фонд Джордана» пробудил в нем следы религиозного благоговения, которого он не испытывал с тех пор, как был принят в касту Ученых.

---

[11] notes: 11

Наконец-то космический корабль назван по имени (по-английски его название звучит Vanguard). Интересно, что в другом романе Хайнлайна («Время звезд», 1956) также упоминается, что первая космическая экспедиция полетела с Земли к Проксиме Центавра на корабле «Авангард», однако судя по тексту это были разные экспедиции. Впрочем, в своих произведениях Хайнлайн описывает события «Истории будущего», укладывающиеся в несколько разных «параллелей времени».

Он знал, что это чувство иррационально — возможно, в прошлом и существовал человек или несколько людей под именем Джордан. Джордан мог быть одним из первых инженеров или капитаном, утвердившим правила жизни на Корабле, базировавшиеся на здравом смысле, почти на инстинктах. Либо, что кажется более вероятным, миф о Джордане намного старше, чем эта книга у него в руках, а ее автор просто воспользовался невежественным суеверием Экипажа, чтобы придать вес своим сочинениям. Нарби знал, как это делается, — он и сам собирался, когда придет время, осенить свой Новый курс благословением Джордана.

Да, порядок, дисциплина и культ власти необходимы — для Экипажа. И столь же очевидно, что рациональный, хладнокровный здравый смысл необходим Ученым, хранителям благополучия Корабля. Здравый смысл и преклонение только перед фактами.

Он полюбовался четкостью букв. Определенно, древние писцы не чета нынешним. Эти недотепы и двух букв ровно не напишут.

Он положил себе изучить эти бесценные пособия, прежде чем передать их преемнику Эртца. Когда он сам станет капитаном, подумал он,

очень полезно не зависеть от амбиций Главного Инженера. Нарби не очень-то уважал инженеров — в основном потому, что сам инженерных задатков не имел. Когда на него, как на Ученого, легла ответственность за духовное и материальное благополучие Экипажа, когда он сподобился благодати Учения Джордана, то скоро обнаружил, что общее руководство и кадровые вопросы ему больше по душе, чем обслуживание Конвертора или энергетических линий. Он был клерком, деревенским старостой, писцом в Совете, офицером по кадрам, а теперь выбился в Главные исполнительные секретари самого Капитана — с тех пор, как несчастный и довольно таинственный случай пресек жизнь предшественника Нарби на этом посту.

Его решение вспомнить инженерное дело перед выборами нового Главного Инженера навело его на раздумья о новом шефе. Обычно Главным Инженером, когда тот отправлялся в Экспедицию, становился Главный Вахтенный Конвертора. Но в данном случае Морт Тайлер, Главный Вахтенный, и сам отправился в Экспедицию — его остывший труп нашли, когда муты отбили еретика Хью Хойланда. Поэтому пост оставался вакантным, и Нарби колебался, кого

ему выгоднее предложить Капитану.

Одно несомненно — новым Главным нельзя ставить столь неуемного человека, как Эртц. Нарби признавал, что Эртц сделал большое дело, подготовив грядущее искоренение мутов, но оно вывело его в сильные кандидаты на капитанскую должность. Говоря без обиняков, следует признать, что жизнь нынешнего Капитана чрезмерно затянулась именно потому, что Нарби не был абсолютно уверен, прокатят ли Эртца на выборах.

А вот в чем он был уверен, так это в том, что теперь подошло самое подходящее время старому Капитану отдать душу Джордану. Старая туша давно пережила возраст, когда от нее еще был толк. Нарби уже устал пластаться перед ним, внушая нужные решения. И если перед Советом встанет необходимость выбрать нового Капитана, то найдется только один приемлемый кандидат…

Нарби отложил книгу. Решение принято.

Решение убрать старого Капитана не вызвало у Нарби чувства стыда, греха или предательства. Он презирал старика, но ненависти к нему не питал, так что решение не было окрашено злобой. Расчеты Нарби диктовались благородными госу-

дарственными интересами. Он искренне верил, что условия благосостояния Экипажа — толковое руководство, порядок, дисциплина, добрая еда. Так кому как не ему очевидно, кто именно наилучшим образом отвечает этим требованиям? То, что кто-то из высших интересов должен отправиться в Путешествие, его не трогало. Зла он никому не желал.

— Какого Хаффа ты роешься в моем столе?

Нарби поднял голову. Перед ним с недовольным видом стоял покойный Билл Эртц. Нарби протер глаза… Закрыл рот… Он был так уверен, что исчезнувший после налета Билл освежеванным и съеденным отправился в Путешествие…

Какой удар ниже пояса — Эртц жив-здоров. Мало того — раздражен…

Все же он взял себя в руки.

— Билл! Благослови тебя Джордан, старик — мы-то думали, что ты ушел в Путешествие! Садись, садись, рассказывай, что с тобой случилось.

— Если ты слезешь с моего стула… — едко произнес Эртц.

— Ох, прости! — Нарби поспешно освободил стул за столом Эртца и взял себе другой.

— А теперь, — продолжал Эртц, усевшись, — можешь объяснить мне, почему ты рылся в моих

бумагах.

Нарби удалось принять оскорбленный вид.

— Разве непонятно? Мы думали, что ты умер. Кто-то же должен был принять дела и присматривать за твоим отделом, пока не назначили нового главного инженера. Я действовал от имени Капитана.

Эртц посмотрел ему в глаза.

— Не корми меня байками, Нарби. И ты, и я знаем, кто вкладывает речи в уста Капитана — у обоих рыльце в пушку. Даже если ты думал, что я мертв, мне кажется, нужно было выждать подольше, чем два цикла сна, прежде чем кидаться потрошить мой стол.

— Ну послушай, старик — если человек пропадает после налета мутов, то здравый смысл подсказывает, что он отправился в Путешествие.

— Ладно, замнем. Почему Морт Тайлер не принял дела?

— Он в Конверторе.

— Что, убит? А кто отдал приказ отправить его в Конвертор? Такая масса приведет к пиковой загрузке.

— Приказал я, вместо Хью Хойланда. Ты сделал расчет по Хойланду, а массы у них примерно одинаковые.

— «Примерно одинаковые» — такая точность не для Конвертора. Мне придется все пересчитать. — Он начал подниматься из-за стола.

— Не волнуйся, — сказал Нарби. — Я ведь не совсем профан в инженерном деле. Я приказал, чтобы его массу разделили и использовали по тому же графику, который ты составил для Хойланда.

— Что ж, ладно. И все же я перепроверю. Мы не можем транжирить массу.

— Кстати об использовании массы, — сладко пропел Нарби. — В твоем столе я нашел пару Ненужных книг.

— Да?

— Они ведь считаются массой, подлежащей переработке в энергию.

— И что? Кто распоряжается массой, подлежащей переработке?

— Ты, конечно. Но зачем они лежат в твоем столе?

— Позволь напомнить тебе, мой дорогой Капитанский Любимчик, что это моя прерогатива и мое дело — где хранить массу, подлежащую использованию.

— Хм-м… Наверное, ты прав. Кстати, если ближайшее время они не входят в план переработки,

ты не дашь их мне почитать?

— Разумеется, если ты будешь благоразумен. Я запишу их на тебя — это необходимо, они уже взвешены. А ты помалкивай о них.

— Спасибо. У некоторых древних авторов изумительная фантазия. Бред, конечно, но как скрашивает досуг!

Эртц вытащил оба фолианта и подготовил справку для Нарби. Он проделывал это рассеянно, погруженный в раздумья, как подступиться к Нарби. Он знал, что Финеас — одна из главных фигур в деле, за которое взялись он и его побратимы, возможно, самая главная фигура. Если привлечь его на свою сторону…

— Фин, — сказал он, когда Нарби подписал справку, — я все думаю, правильно ли мы обошлись с Хойландом.

Нарби, казалось, был удивлен, но ничего не сказал.

— Не подумай, что я изменил мнение о его выдумках, — поспешно добавил Эртц, — но я чувствую, что мы упустили какую-то возможность. Надо было поводить его за нос. Через него можно было выйти на мутов. Мы хотим подчинить территории мутов Совету, но главная трудность в том, что мы очень мало о них знаем. Мы не

знаем, сколько их, насколько они сильны и как организованы. Кроме того, нам придется воевать на их территории, а для них это большое преимущество. Мы ведь почти не ориентируемся на верхних палубах. Если бы мы подыграли его россказням, то могли бы узнать много интересного.

— Нельзя же полагаться на эти россказни, — возразил Нарби.

— Этого не требовалось. Он ведь предлагал нам прогуляться в невесомость и все посмотреть.

Нарби был потрясен.

— Ты серьезно? Член Экипажа, поверивший слову мута! Да он не в невесомость отправится, а в Путешествие — и очень скоро!

— Я в этом не уверен, — возразил Эртц. — Хойланд сам верил в то, что говорил, — это точно. И…

— Что? Вся эта чушь насчет того, что Корабль *движется*! Сущий-то Корабль. — Он постучал по переборке. — Кто в это поверит!

— Но он в это верил. Он религиозный фанатик — несомненно. Но он что-то видел там, наверху, и интерпретировал это по-своему. Мы могли бы подняться и посмотреть, о чем он толкует, а заодно разведать насчет мутов.

— Полнейшая ерунда.

— Я так не думаю. Он, должно быть, пользуется большим авторитетом среди мутов; они ведь пошли на риск, чтобы спасти его. Если он говорит, что может обеспечить безопасный проход наверх, — думаю, это правда.

— Почему ты так резко переменил мнение?

— Меня переубедил этот налет. Если бы раньше мне сказали, что целая банда мутов спустится вниз и, рискуя собственными шкурами, спасет человека, я бы ни за что не поверил. Но это случилось. Я вынужден пересмотреть свою точку зрения. Независимо от того, что он рассказывал, стало очевидно, что муты готовы сражаться за него, а возможно, и исполнять его приказы. Если это так, то имело бы смысл потакать его религиозным убеждениям, если это поможет нам добиться власти над мутами, не вступая с ними в войну.

Нарби пожал плечами.

— Теоретически в этом, может, что-то и есть. Но к чему тратить время на упущенные возможности? Сделанного не воротишь.

— А вдруг? Хойланд жив, он вернулся к мутам. Если найти способ переправить ему весточку, мы могли бы попробовать все это провернуть.

— Но как?

— Еще не знаю. Может, возьму пару ребят и

поднимусь немного наверх. Если бы мы захватили живьем мута, это могло бы сработать.

— Шансы ничтожны.

— Я бы рискнул.

Нарби обдумал сказанное. Он считал, что весь план строится на туманных предположениях и дурацких соображениях. Однако если Эртц рискнет и план сработает, самые заветные планы Нарби намного приблизятся к реальности. Подавление мутов силой — дело долгое и кровавое, а возможно, и вовсе невыполнимое. Он прекрасно осознавал все трудности на этом пути.

Если же план не удастся, ничего не потеряно — кроме Эртца. А потеря Эртца — это вовсе не потеря в этой игре. Хм-м.

— Давай, — сказал Нарби. — Риск оправдан, парень ты смелый.

— Хорошо, — согласился Эртц. — Доброй еды.

Нарби понял намек.

— Доброй еды, — ответил он, собрал книги и удалился. Только много позже он сообразил, что Эртц так и не сказал ему, где пропадал столько времени.

Эртц тоже осознавал, что Нарби не был с ним до конца откровенен, но, зная Нарби, он не удивился. Он был доволен уже и тем, что его

импровизированная подготовка к будущим действиям была воспринята так хорошо. Ему и в голову не пришло, что, возможно, было бы проще и эффективнее просто сказать правду.

Некоторое время Эртц занимался рутинной проверкой Конвертора, а также назначил действующего Старшего Вахтенного Офицера. Довольный тем, что его отдел может теперь работать в его отсутствие, он велел слуге привести к нему Алана Махони из деревни. Поначалу он собирался вызвать портшез и встретить Махони на полпути, но потом посчитал, что это будет выглядеть подозрительно.

Алан с радостью приветствовал его. Сверстники Алана давно остепенились, а он, все еще неженатый кадет, до сих пор батрачил на более преуспевающих односельчан. Так что важнейшим жизненным достижением оказалось для него кровное братство со старшим Ученым. Это затмило даже недавние приключения, значения которых, впрочем, его крестьянский ум все равно не мог полностью осознать.

Эртц оборвал его и торопливо закрыл дверь.

— У стен есть уши, — тихо сказал он, — а у клерков также и языки. Хочешь, чтобы мы оба отправились в Путешествие?

— Ох, черт, Билл… я не хотел…

— Ничего. Встретимся на той же лестнице, по которой мы спускались, десятью палубами выше. Считать можешь?

— Конечно, до десяти могу. Даже до двадцати могу. Один да один будет два, да еще один будет три, да еще один будет четыре, да еще один будет пять, да…

— Достаточно. Вижу, что можешь. Но я больше надеюсь на твою верность и твой нож, чем на математические способности. Приходи туда как можно скорее. Поднимись где-нибудь, где тебя не заметят.

Сорок-первый был еще на посту, когда состоялось свидание. Эртц окликнул его по имени, стоя за пределами досягаемости пращи или метательных ножей — разумная предосторожность, когда имеешь дело с тем, кто дожил до своих лет только благодаря умению обращаться с оружием. После того как его опознали, Билл отправил стража найти Хью Хойланда. Сам же с Аланом уселся ждать.

Сорок-первый не нашел Хью Хойланда в квартире у Джо-Джима. Самого Джо-Джима тоже не было. Бобо спал на своем месте, но от него было мало толку. Хью, сказал Бобо, пошел туда-где-вселетают. Сорок-первому это мало что говорило;

сам он был на территории невесомости один раз в жизни. Поскольку палуба с невесомостью простиралась на всю длину Корабля, будучи фактически последним концентрическим цилиндром вокруг оси Корабля — хотя Сорок-первый и не мог бы выразить это в таких терминах, — то информация о том, что Хью отправился в невесомость, была бесполезной.

Сорок-первый озадачился. Приказ Джо-Джима нельзя оставить без внимания, и он крепко вбил в свои дремучие мозги, что приказ Эртца имеет такую же силу. Он снова растолкал Бобо.

— Где Две Мудрые Головы?

— Ушел к мастерице ножей, — Бобо опять закрыл глаза.

Уже лучше. Сорок-первый знал, где живет мастерица ножей. Каждому муту приходилось иметь с ней дело; она была незаменимым мастером и торговцем в их краях. Поэтому сама она была неприкосновенна; ее мастерская и вся прилегающая территория были нейтральной зоной. Он вскарабкался на две палубы и поспешил к ее дому.

Дверь с надписью «Термодинамическая Лаборатория — вход воспрещен» была открыта настежь. Сорок-первый не умел читать; ни на-

звание, ни запрет ничего для него не значили. Но он услышал голоса и определил, что один голос исходит от близнецов, а другой — от мастерицы ножей. Он вошел.

— Хозяин… — начал он.

— Заткнись, — сказал Джо. Джим не обернулся, продолжая спор с Матерью Лезвий. — Ты сделаешь эти ножи, — говорил он, — и без разговоров.

Она стояла перед ним, уперев все четыре огрубевшие руки в широкие бедра. Глаза ее покраснели — ей приходилось смотреть на плавящийся в горне металл; по морщинистому лицу на редкие усы, уродующие ее верхнюю губу, стекал пот и капал на обнаженную грудь.

— Вот именно, — отрезала она, — я делаю ножи. Нормальные ножи. А не вертела для свиней, которых тебе хочется. Ножи длиной в руку — тьфу! — Она плюнула в вишнево-красное нутро горна.

— Послушай, старая Экипажная кляча, — ровно произнес Джим, — или сделаешь как тебе говорят, или я поджарю тебе пятки в твоем собственном горне. Ясно?

Сорок-первый потерял дар речи от изумления. Никто никогда не говорил *так* с Матерью Клинков; действительно, Босс — большая шишка!

Иллюстрации Orban

Мастер ножей вдруг сдалась.

— Но так *нельзя* делать ножи, — визгливо пожаловалась она. — Баланс будет неправильный. Вот, смотри…

Она схватила четыре заготовки ножей со своего верстака и метнула их в крестообразную мишень на другом конце комнаты — всеми четырьмя руками одновременно. Ножи взвились в воздух и через долю секунды впились в лучи креста.

— Видишь? А длинными ножами так не сдела-

ешь. Они не лететь, а вихляться будут!

— Хозяин… — снова попытался вклиниться Сорок-первый. Джо-Джим, не оборачиваясь, дал ему зуботычину.

— Я тебя понимаю, — сказал Джим мастерице ножей, — но нам не нужно, чтобы эти ножи летали. Мы будем ими резать и колоть вблизи. Работай — я хочу увидеть первый до того, как ты поешь.

Старуха пожевала губу.

— Плата как обычно? — резко спросила она.

— Конечно, как обычно, — заверил он. — Десятая часть с каждого добытого твоим ножом, пока не будет выплачена вся стоимость. Плюс добрая еда все время работы.

Она пожала уродливыми плечами.

— Ладно.

Она повернулась, двумя левыми руками подхватила щипцами длинную тонкую полоску стали и засунула ее в горн. Джо-Джим повернулся к Сорок-первому.

— Ну что? — спросил Джо.

— Босс, Эртц послал меня разыскать Хью.

— Ну и почему ты этого не сделал?

— Я не знаю, где его искать. Бобо сказал, что он ушел туда, где невесомость.

— Так найди его. Впрочем, нет, — ты его не найдешь. Придется мне самому идти. Возвращайся к Эртцу и скажи, чтобы он подождал.

Сорок-первый поспешил прочь. Босс очень хороший, но мешкать при нем нельзя.

— Ну вот мы уже и на побегушках, — желчно заметил Джим. — Как тебе нравится быть кровным братом, Джо?

— Это ты втянул нас.

— Ну и что? Клясться на крови ты придумал.

— Хафф побери, ты ведь знаешь, зачем этот балаган. Для них это серьезно. А нам нужна любая подмога, какую мы можем обеспечить, если не хотим закончить с дырявой шкурой.

— Ага. Так для тебя, значит, это балаган?

— А для тебя?

Джим цинично улыбнулся.

— Как и для тебя, мой лукавый братец. В нынешней ситуации для нас намного, намного лучше вести эту игру до конца. «Один за всех и все за одного».

— Снова начитался Дюма.

— Почему бы и нет?

— Да так. Только не оплошай.

— Обижаешь. Я знаю, которая сторона у ножа заточена.

Джо-Джим обнаружил Коренастого и Борова спящими под дверью в Рубку. Из этого он заключил, что Хью должен быть внутри, ведь он сам назначил этих двоих его телохранителями. Да и вообще — если Хью пошел в область невесомости, значит, он либо у Главного Двигателя, либо в Рубке. Скорее в Рубке. Рубка манила Хью с тех нор, как Джо-Джим буквально втащил его туда и заставил своими глазами убедиться, что Корабль — это не весь мир, а лишь скорлупка, влекомая по бескрайним просторам, — с тех самых пор и до сегодняшнего дня он был одержим идеей управлять Кораблем, заставить его *двигаться* по воле человека!

Для него это означало гораздо больше, чем могло значить для пилота с Земли. С момента когда первая ракета совершила робкий прыжок с Земли на Луну, космический пилот был романтическим героем, которому хотел подражать каждый мальчишка. Но замысел Хью был не чета такой мелочи. Он собирался привести в движение *Вселенную*. Заставить Солнце по воле человека стронуться с места и пересечь Галактику — даже такой план оказался бы куда менее дерзновенным.

Юный Архимед обрел рычаг. Теперь он искал

точку опоры.

Джо-Джим остановился у двери огромного серебристого звездного глобуса внутри Рубки и заглянул туда. Хью он не видел, но знал, что тот должен быть в кресле главного астронавигатора, потому что огни то загорались, то гасли. Горели изображения звезд, разбросанные по внутренней поверхности сферы, составляя образ неба снаружи Корабля. С того места, где стоял Джо-Джим, иллюзия была не очень впечатляющей; из центра сферы она была полной.

Хью гасил сектор за сектором, пока не остался единственный сектор напротив него. В нем выделялось большое и сверкающее светило, во много раз ярче всех остальных. Джо-Джим перестал смотреть и взобрался по решетке к креслам пилотов.

— Хью! — позвал он.

— Кто здесь? — спросил Хью, высовываясь из глубокого кресла. — А, это ты. Привет.

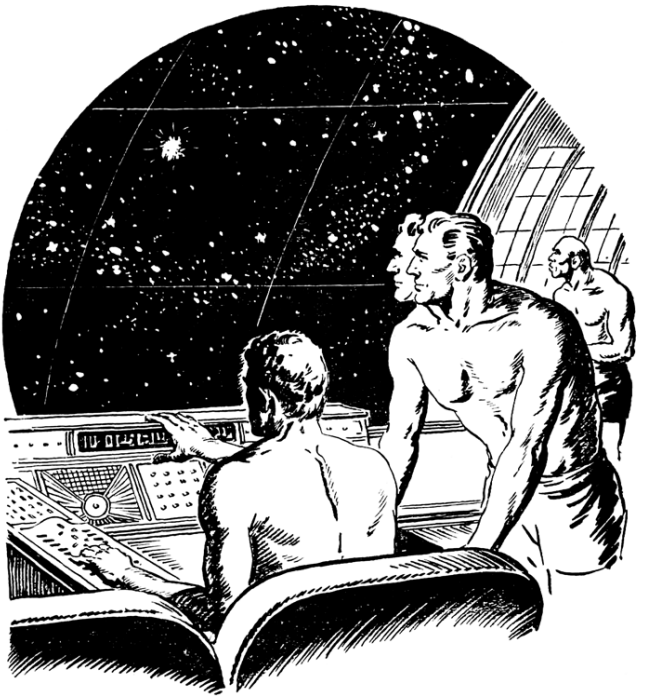
— Эртц хочет тебя видеть. Пошли.

— Ладно. Только сначала посмотри сюда. Хочу тебе кое-что показать.

— С ума сошел, — сказал Джо брату. Но Джим ответил: — Давай посмотрим. Много времени это не займет.

Близнецы вскарабкались в кресло рядом с креслом Хью.

— Ну что?



— Вон та звезда, — сказал Хью, указывая на яркую точку. — Она стала больше с тех пор, как я последний раз был здесь.

— Хм. Точно. Она уже давно становится ярче. Когда мы пришли сюда в первый раз, ее вообще не было видно.

— Значит, мы теперь ближе к ней.

— Разумеется, — согласился Джо. — Я это и так знал. Это еще раз доказывает, что Корабль движется.

— Но почему же вы мне не сказали?

— О чем?

— Об этой звезде. О том, что она растет.

— А какая разница?

— Какая разница! Джордан мой, да ведь… это она! Мы движемся туда. Это *Конец Путешествия*!

Джо-Джим — обе головы — был потрясен. Поскольку сам он был озабочен только своим комфортом и безопасностью, то не сразу уразумел, что Хью, а возможно, и Эртц загорелись целью восстановить утерянные достижения предков и завершить забытое, полумифическое Путешествие к Далекому Центавру.

Джим пришел в себя.

— Хм-м… возможно. Но с чего ты взял, что эта звезда — Далекий Центавр?

— Возможно, и нет. Мне все равно. Но мы ближе всего к этой звезде и движемся прямо к ней. Когда не умеешь различать звезды, одна стоит другой. Джо-Джим, а у древних был какой-то способ различать звезды?

— Был, конечно, — подтвердил Джо. — Но что с того? Ты-то выбрал себе звезду. Ну и валяй. А я иду вниз.

— Хорошо, — неохотно согласился Хью. Они начали долгий спуск.

Эртц кратко пересказал Джо-Джиму и Хью свой разговор с Нарби.

— Теперь я думаю сделать следующее, — продолжал он, — пошлю Алана обратно вниз с посланием для Нарби. В нем будет сказано, что мне удалось войти в контакт с тобой, Хью, и я прошу его встретиться с нами где-нибудь выше территории Экипажа и выслушать, что мы узнали.

— Почему бы тебе просто не вернуться и не привести его самому? — возразил Хью.

Эртц слегка смутился.

— Потому что ты уже пробовал — не получилось. Ты вернулся из страны мутов и поведал мне о чудесах, которые там видел. Я тебе не поверил и отдал тебя под суд за ересь. Если бы Джо-Джим не

спас тебя, ты бы отправился в Конвертор. Если бы ты не притащил меня в область невесомости и не заставил увидеть все собственными глазами, я бы тебе никогда не поверил. Могу тебя уверить, что Нарби не проще убедить, чем меня. Я хочу привести его сюда, наверх, показать ему звезды. Получится — миром; не выйдет — силой.

— Я не понимаю, — сказал Джим. — Разве не проще было бы перерезать ему глотку?

— Это было бы приятно, но не разумно. Нарби может оказать нам неоценимую помощь. Джим, если бы ты знал структуру Корабля так, как я ее знаю, ты бы понимал. Нарби имеет больше веса в Совете, чем любой из офицеров. Кроме того, он объявляет волю Капитана. Если мы завоюем его, нам, возможно, вообще не понадобится драться. А если нет — что ж, я не знаю, что будет, если все же придется воевать.

— Я не думаю, что он придет. Он заподозрит ловушку.

— Именно поэтому должен пойти Алан, а не я. Мне он задаст множество вопросов и будет сомневаться в ответах. Алана он не будет выспрашивать, — Эртц повернулся к Алану у продолжал: — Если он тебя спросит, ты не знаешь ничего, кроме того, что я тебе сейчас скажу. Понял?

— Конечно. Я ничего не знаю, ничего не видал и не слыхал. — С откровенным простодушием он добавил: — Я и раньше ничего не знал.

— Хорошо. Ты никогда не видел Джо-Джима, не слышал о звездах. Ты просто мой посланник, я взял тебя с собой на случай нападения. А вот что тебе нужно будет сказать… — Он пересказал Алану послание для Нарби, которое было простым, но провокационным. Потом убедился, что Алан все запомнил. — Что ж — в путь! Доброй еды.

Алан покрепче ухватил свой нож, ответил: «Доброй еды!», — и поспешил прочь.

Простому крестьянину взять да и войти к Исполнительному Секретарю Капитана — немыслимое дело, понял Алан. Часовой у дверей Нарби немного поиздевался над ним и направил к бездушному клерку. Тот записал его имя и приказал вернуться в деревню — дожидаться вызова. Алан твердо стоял на своем, повторяя, что принес послание чрезвычайной важности от Главного Инженера к Командору Нарби. Клерк снова взглянул на него.

— Давай бумагу.

— Нет никакой бумаги.

— Что за ерунда? Должна быть бумага. Таков Порядок.

— Ему некогда было писать. Он передал на словах.

— Что он передал?

Алан покачал головой:

— Лично Командору Нарби. У меня приказ.

Клерк пришел в бешенство.

Однако, будучи еще новичком, он отказался от соблазна проучить упрямую деревенщину в пользу более безопасного решения передать обузу повыше.

Главный клерк был краток:

— Давай сюда свое сообщение.

Алан собрал все силы и заговорил так, как ни с кем не говорил в своей жизни:

— Сэр, все, о чем я прошу — это передать Командору Нарби, что у меня есть для него сообщение от Главного Инженера Эртца. Если это сообщение не будет передано, не я один отправлюсь в Конвертор! Но никому другому я не смею передать его.

Чиновник поразмыслил и рискнул побеспокоить начальника.

Алан передал сообщение Нарби шепотом, чтобы не подслушал слуга за дверью. Нарби вытаращил глаза.

— Эртц хочет, чтобы я пошел с тобой в страну мутов?

— Не до самой страны мутов, сэр. На середине пути нас встретит Хью Хойланд.

Нарби шумно выдохнул.

— Это нелепо. Я пошлю бойцов, и они приведут его сюда.

И Алан произнес решающую фразу — но теперь повысив голос так, чтобы слуга, а возможно, и другие услышали его слова:

— Эртц сказал, что если вы испугаетесь, то просто выбросьте из головы. Он сам решит вопрос в Совете.

После этих слов Алан остался жив только потому, что Нарби был из тех, кто ставит разум выше грубой силы. У Нарби был нож; Алан же был вынужден оставить свой у стражника.

Нарби сдержал свои чувства. Он был слишком умен, чтобы приписать вину за оскорбление стоящей перед ним деревенщине, хотя и пообещал себе при случае присмотреться к нему. Задетое самолюбие, любопытство, да и опасность потерять лицо привели его к решению.

— Я иду с тобой, — со злобой сказал он. — Я узнаю у Эртца, правильно ли ты передал его сообщение.

Нарби подумал было взять с собой главного стражника, но отказался от этой мысли. Не только

потому, что это привлекло бы излишнее внимание до того, как он смог бы оценить политические последствия, но и потому, что это означало бы почти такую же потерю лица, как и отказ идти. Но все же когда Алан брал у стражника свой нож, Нарби нервно спросил:

— Ты хороший боец?

— Лучше не бывает, — бодро ответил Алан.

Нарби очень надеялся, что крестьянин не хвастает. Муты… Он пожалел, что сам пренебрегал боевой подготовкой.

Самообладание постепенно возвращалось к Нарби, когда он вслед за Аланом поднимался к областям низкого веса. Во-первых, вокруг было тихо. Во-вторых, оказалось что Алан — проводник толковый и осторожный. Он двигался бесшумно и никогда не поднимался выше, предварительно не выглянув из люка. Нарби бы, естественно, нервничал, если бы слышал то, что слышал Алан, — шорохи из мрачных глубин палуб, слабый шум, подсказывавший ему, что их продвижение контролируется с флангов. Подсознательно это беспокоило Алана, хотя он ожидал чего-то подобного — он знал, что и Хью, и Джо-Джим способны тщательно продумать операцию и подстраховаться. Сам Алан бы нервничал боль-

ше, если бы не слышал звуков, которые должны были быть.

Дойдя до места встречи через двадцать палуб после самой высокой населенной палубы, он остановился и свистнул. Услышав ответный свист, он крикнул:

— Это Алан.

— Подойди и покажись. — Алан выполнил приказ, не забывая о своих обычных мерах предосторожности. Не увидев никого, кроме друзей — Эртца, Хью, Джо-Джима и Бобо, он махнул рукой Нарби.

При виде Джо-Джима и Бобо недавно обретенное спокойствие Нарби рухнуло и сменилось ощущением пойманного зверя. Он выхватил нож и неловко отступил к лестнице. Еще быстрее нож выхватил Бобо. На долю секунды исход встречи висел на волоске. Потом Джо-Джим ударил Бобо по лицу и забрал у него нож и пращу.

Нарби припустил назад, напрасно Хью и Эртц звали его вернуться.

— Притащи его, Бобо! — скомандовал Джим, — и поосторожнее.

Бобо побежал следом.

Вернулся он очень скоро.

— Быстро бегает, — прокомментировал он,

сваливая Нарби на палубу. Тот лежал тихо, пытаясь восстановить дыхание. Бобо взял нож у него с пояса и стал пробовать остроту лезвия на жестких черных волосах, покрывавших его левое предплечье.

— Хороший клинок, — одобрил он.

— Отдай ему нож, — приказал Джим. Бобо крайне озадачился, но с неохотой подчинился. Джо-Джим отобрал у него оружие и вернул Нарби.

Нарби был не меньше Бобо поражен тем, что ему вернули нож, но лучше скрывал свои чувства. Ему даже удалось принять оружие с достоинством.

— Послушай, Фин, — озабоченно начал Эртц, — извини, что пришлось с тобой так обойтись. Бобо не виноват. Надо же было тебя вернуть.

Нарби кое-как восстановил ледяное самообладание, с которым всегда встречал превратности судьбы. Проклятье! — подумал он. — До чего нелепая ситуация. Ладно…

— Забудем об этом, — отрезал он. — Я ожидал встретить здесь тебя, а не толпу вооруженных мутов. Странные у тебя друзья, Эртц.

— Извини, — повторил Билл Эртц, — наверное, мне следовало предупредить тебя… — Он приврал

во имя дипломатии. — Все они вполне свойские ребята. С Бобо ты уже знаком. Это Джо-Джим. Он среди мутов… что-то вроде офицера Корабля.

— Доброй еды, — вежливо приветствовал Джо.

— Доброй еды, — машинально проговорил в ответ Нарби.

— С Хью ты, наверное, знаком.

Нарби согласился. Повисла неловкая пауза. Молчание нарушил Нарби.

— У вас была какая-то причина вызвать меня сюда? Надеюсь, мы тут не в игрушки играем?

— Была, — согласился Эртц. — Я… Тьфу ты — не знаю, с чего начать. Послушай, Нарби, ты не поверишь, но я *видел*. Все, о чем говорил Хью, — правда. Я был в Рубке. Я видел звезды. Я *знаю*.

Нарби уставился на него.

— Эртц, — медленно проговорил он, — ты сошел с ума.

Хью Хойланд взволнованно вмешался:

— Ты так говоришь потому, что не видел. Говорят тебе — движется! Корабль движется, как…

— Я все улажу, — оборвал Эртц. — Послушай меня, Нарби. Решать тебе, а я расскажу о том, что видел сам. Они водили меня в невесомость и на Капитанский Мостик. Это помещение со стеклянной стеной. И за стеной огромное черное

пустое пространство, громадное, больше всего на свете. Больше Корабля. И там — огни. Те звезды, о которых говорят предания.

На лице Нарби отразилось брезгливое изумление.

— Где твоя логика? И ты еще зовешься Ученым! Что значит «больше Корабля»? Это терминологическая бессмыслица. Корабль есть Корабль по определению. Все прочее — его составные части.

Эртц беспомощно пожал плечами.

— Я понимаю, как это звучит. Я не могу объяснить; вся логика летит в тартарары. Это… Хафф побери! Поймешь, когда сам увидишь.

— Образумься, — посоветовал Нарби. — Не говори ерунды. Либо логика есть, либо ее нет. Если нечто существует, оно занимает какое-то место. Ты видел или думаешь, что видел, нечто невероятное, но, чем бы оно ни было, оно не может быть больше места, в котором находится. Ты не сможешь показать мне ничего опровергающего этот очевиднейший закон природы.

— Я уже сказал, что не могу объяснить.

— Разумеется, не можешь.

Близнецы недовольно пошептались, и Джо рявкнул:

— Хватит болтать! Пошли.

— Действительно, — охотно согласился Эртц. — Нарби, доспорим, когда посмотришь сам. Теряем время — лезть далеко.

— Что-что? — возмутился Нарби. — О чем речь? Куда пошли?

— Наверх, на Капитанский Мостик и в Рубку.

— Я? Не смеши меня. Я немедленно иду вниз.

— Нет, Нарби, — возразил Эртц. — Я тебя вызвал только для этого. Ты должен посмотреть.

— Чушь. Я не собираюсь никуда смотреть; мне хватает здравого смысла… Тем не менее я хочу поздравить тебя с установлением дружественных отношений с мутами. Мы могли бы обсудить перспективы сотрудничества. Я думаю…

Джо-Джим выступил вперед.

— Теряем время, — ровным голосом произнес он. — Мы идем наверх. Ты тоже. Я сказал.

Нарби покачал головой.

— Об этом не может быть и речи. Может быть, позже, когда мы всесторонне обсудим аспекты нашей совместной деятельности…

С другого бока к нему шагнул Хью.

— Ты что, не понял? Мы идем сейчас.

Нарби взглянул на Эртца. Тот кивнул.

— Именно так, Нарби.

Нарби молча проклял себя. Великий Джордан!

О чем же он, во имя Корабля, думал? Как позволил втянуть себя в такое дело? Он чувствовал, что двухголовый монстр только и ждет любого неверного шага. Вот влип! Он проклял себя еще раз, внешне стараясь оставаться в рамках приличий.

— Ну хорошо! Чтобы избежать лишних прений… Куда идти?

— Держись рядом, — посоветовал Эртц. Джо-Джим оглушительно свистнул. Сейчас же из-под пола, из-за переборок, с потолка высыпало шесть или восемь мутов. Нарби стало плохо — до него в полной мере дошло, какую он проявил неосмотрительность. Отряд двинулся вверх.

До невесомости они добирались долго — Нарби не умел карабкаться. Постоянное уменьшение веса отчасти облегчало его усилия, но вместе с тем вызывало приступы тошноты. Вообще-то, как и все, рожденные в Корабле, он был худо-бедно приспособлен к низкой силе тяжести, но по лестницам и переходам он не лазал с далекого беззаботного детства. Добравшись до невесомости, он окончательно выдохся и едва мог пошевелиться.

Джо-Джим вернул свою команду назад и приказал Бобо позаботиться о Нарби. Тот отмахнулся:

— Я сам.

Стиснув зубы, он заставил тело слушаться. Джо-Джим глянул на него и отменил приказ. Через несколько скользящих прыжков Нарби добрался до последней переборки перед Рубкой. Ему чуть полегчало.

Они не стали задерживаться у Рубки, а, как и планировал Хью, дошли до Капитанского Мостика. Путаные объяснения Эртца и восторженная болтовня Хью уже отчасти подготовили Нарби к предстоящему. По дороге Хью успел проникнуться к Нарби почти нежностью — как хорошо, когда кто-то тебя слушает!

Хью вплыл первым, перевернулся в воздухе, ухватился за спинку Капитанского кресла и указал на роскошные звездные россыпи.

— Вот! — выпалил он. — Вот. Посмотрите — разве не чудесно?

С бесстрастным лицом Нарби долго и напряженно вглядывался в сверкающий небосвод.

— Замечательно, — признал он наконец, — замечательно. Никогда не видел ничего подобного.

— Замечательно — это не то слово, — возразил Хью. — Это восхитительно!

— Ну хорошо — восхитительно, — снизошел Нарби. — Эти маленькие яркие огоньки — это и есть звезды, о которых рассказывали древние?

— Ну да, — ответил Хью, испытывая безотчетное смущение, — только они не маленькие. Они очень большие, огромные, как Корабль. Они просто кажутся маленькими, потому что очень далеко. Видишь вон ту яркую, крупную звезду слева? Она выглядит больше, потому что она ближе. Я думаю, что это и есть Дальняя Центавра… Правда, я не вполне уверен, — признался он в приступе откровенности.

Нарби мельком взглянул на него, потом перевел взгляд на большую звезду.

— Насколько она далеко?

— Пока не знаю. Но я узнаю. В Рубке есть приборы для таких измерений, но я в них еще не совсем разобрался. Но это неважно. Мы доберемся туда!

— Хм?

— Конечно! Завершим Путешествие!

Нарби бесстрастно молчал. Он обладал скрупулезным, в высшей степени логичным мышлением. Он был толковым руководителем, способным принимать мгновенные решения, но по натуре своей предпочитал держать свои мысли по возможности при себе — до тех пор, пока на досуге не обмозгует информацию со всех сторон.

В Рубке он окончательно замкнулся. Он смотрел, слушал, но почти не задавал вопросов. Хью не

расстраивался. Рубка была его игрушкой, его радостью, ребенком. Все, что он хотел — поделиться всем, что его переполняет, с новым слушателем.

По предложению Эртца на обратном пути остановились у Джо-Джима. Чтобы разработанный план принес свои плоды, необходимо было вовлечь в него Нарби и договориться о дальнейших шагах. Нарби охотно согласился. Он уверился, что договор, ставший причиной его беспрецедентной вылазки в страну мутов, — не пустые слова. Но когда Эртц излагал свои соображения, он слушал молча. Выслушав, не проронил ни слова.

— Ну? — не выдержал Эртц, когда молчание начало действовать ему на нервы.

— Ты ждешь от меня какого-то комментария?

— Конечно. Ты теперь тоже участник.

Нарби это понимал и понимал также, какого ответа от него ждут; он просто тянул время.

— Что ж… — Нарби выпятил губу и сложил перед собой руки. — Мне представляется, что эта проблема распадается на две. Хью Хойланд! Как я понимаю, ты собираешься завершить древний План Джордана. Эта цель не может быть достигнута без единства всего Корабля. Тебе нужен порядок и дисциплина и среди Экипажа, и среди мутов. Верно?

— Разумеется. Требуется управлять Главным Двигателем, а это означает…

— Постой. Честно говоря, у меня нет достаточной квалификации, чтобы разобраться в увиденном, а учиться мне некогда. Техническая сторона — сфера деятельности Главного Инженера. Это ваши трудности. Кстати, это и есть вторая часть. Но вы не сможете к ней подобраться, не выполнив первую.

— Конечно.

— Тогда давайте говорить только о ней. Это административные вопросы, касающиеся общественного мнения и руководства, в этом я лучше разбираюсь; возможно, мой совет окажется полезным. Джо-Джим, кажется, ищет возможности достичь согласия между мутами и Экипажем — обеспечить мир и добрую еду? Верно?

— Правильно, — подтвердил Джим.

— Хорошо. С давних пор это и моя цель, — как и многих офицеров Корабля. Честно говоря, не думал, что ее можно достичь иначе, чем силой. Мы готовились к долгой, трудной и кровавой войне. Древнейшие летописи, передающиеся Свидетелями из поколения в поколение со времен мифической Смуты, не описывают ничего, кроме войн между мутами и Экипажем. Но я

счастлив, что мы ступили на иной, лучший путь.

— Так ты с нами! — воскликнул Эртц.

— Спокойно — еще многое не ясно. Эртц, мы с тобой понимаем, думаю, как и Хойланд, что не все офицеры Корабля примут это путь. Как поступить с ними?

— Проще простого, — вставил Хью Хойланд. — Привести их разок в невесомость, показать звезды, и они все поймут.

Нарби покачал головой.

— У тебя носилки несут носильщика. Я ведь говорил, что проблема состоит из двух частей. Не обязательно убеждать человека в том, во что он не верит, если тебе нужно, чтобы он сделал что-то, ему доступное. А вот после того, как Корабль будет объединен, можно будет без лишних сложностей показать офицерам Рубку и звезды.

— Но…

— Он прав, — остановил Хойланда Эртц. — Не стоит раздувать теологические прения, если наш первый этап чисто практический. Мы привлечем на свою сторону множество офицеров, поставив задачу мирного объединения Корабля, но если мы начнем с ниспровержения догм, заявим, что Корабль движется, дело кончится бунтом.

— Но…

— Никаких «но». Нарби прав. Он подходит разумно. Так вот, Нарби, обсудим положение с офицерами, которых не удастся переубедить. Вот что я думаю. Во-первых, наша с тобой задача — перетянуть на свою сторону как можно больше офицеров. Ну а упрямцы — что ж, в конце концов, Конвертер всегда нуждается в массе.

Нарби кивнул. Политика массовых репрессий его явно не смущала.

— Пожалуй, это наилучший подход. Но дело довольно трудное.

— Здесь нам поможет Джо-Джим. Нас поддержат лучшие бойцы Корабля.

— Понятно. Джо-Джим, как я понимаю, правит всеми мутами?

— С чего ты взял? — проворчал Джо с непонятной ему самому обидой.

— Ну, я просто предположил… Я так понял…

Нарби осекся. Никто не *говорил* ему, что Джо-Джим главенствует на верхних палубах; он предположил это по его манерам. Он вдруг сочувствовал себя не в своей тарелке. А если все это пустой разговор? Что толку в переговорах с двухголовым монстром, если тот не владеет полномочиями?

— Мне следовало объяснить, — поправился

Эртц. — Джо-Джим не правитель мутов, но самый могучий лидер. Джо-Джим поможет нам захватить власть, а мы поможем ему подчинить остальных мутов. Позже — с нашей помощью — он придет к власти.

Нарби учел новые сведения и проиграл в уме ситуацию. Распря среди мутов, небольшая помощь Экипажа — хороший способ вести войну. Если поразмыслить, это выгоднее, чем затевать мирные переговоры. Когда все утрясется, мутов сильно поубавится, а значит — уменьшится риск мятежа.

— Понимаю, — сказал он. — Итак… Как вы представляете дальнейшее развитие событий?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Хойланд.

— Как вы думаете, нынешний Капитан согласится вас поддержать?

Эртц понял его сразу. У Хью тоже забрезжила догадка.

— Продолжай, — сказал Эртц.

— *Кто станет новым Капитаном*?

Нарби в упор взглянул на Эртца.

Такая постановка вопроса не приходила Эртцу в голову. Но теперь он понял, что это важнейший вопрос, если они не хотят, чтобы переворот выродился в кровавую драку за власть. Бывало, и он

позволял себе мечтать о Капитанском кресле. Однако на него метил и Нарби. Эртц об этом знал.

Эртца, как и Хойланда, пленила идея двинуть Корабль. Теперь он осознал, что старые мечты несовместимы с новыми, и с легкой ноткой сожаления расстался с прежними ради нынешних.

— Капитаном придется стать тебе, Фин. Ты не возражаешь?

Финеас Нарби милостиво согласился:

— Если ты настаиваешь — я не возражаю. Но из тебя самого получился бы прекрасный Капитан, Билл.

Эртц покачал головой, понимая, что отныне Нарби полностью на их стороне.

— Я остаюсь Главным Инженером. Мое дело во время Путешествия — Главный Двигатель.

— Стоп! — перебил Джо. — Я не согласен. С какой стати ему быть Капитаном?

Нарби повернулся к нему.

— Капитаном хотите быть вы?

Он постарался, чтобы в голосе не проскользнул оттенок сарказма. Мут-Капитан!

— Хафф побери, нет! Но почему именно ты? Почему не Эртц или Хью?

— Только не я, — отвел Хью. — Мне будет некогда. Я астронавигатор.

— В самом деле, Джо-Джим, — объяснил Эртц. — Нарби — единственный из нас, кто может договориться с офицерами Корабля.

— Да если они хоть пикнут, мы им глотки перережем.

— С Капитаном Нарби не понадобится резать глотки.

— Мне это не по нутру, — проворчал Джо. Брат шикнул на него: — Что ты психуешь, Джо? Да упаси нас Джордан от такой ответственности.

— Я вполне понимаю ваши опасения, — учтиво произнес Нарби, — но, думаю, вам не стоит беспокоиться. По части мутов я буду вынужден зависеть от вас. Я буду управлять нижними палубами, в этом я разбираюсь. Вы же, если хотите, станете вице-капитаном мутов. Для меня было бы глупо командовать там, где я не знаю местных обычаев. Если вы не соглашаетесь мне помочь, я не могу принять пост Капитана. Беретесь?

— Я в этом не участвую, — отрезал Джо.

— Извините. Тогда я вынужден отказаться от поста Капитана. Я действительно не смогу осилить это бремя без вашей помощи.

— Ну давай, Джо, — настаивал Джим. — Давай возьмемся, хотя бы временно. Надо же довести дело до конца.

— Ладно, — сдался Джо, — но все равно мне это не нравится.

Нарби не стал заострять внимания на том, что Джо-Джим фактически не признал его Капитаном. Больше они к этому не возвращались.

Обсуждение деталей оказалось долгим и утомительным делом. Было решено, что пока решающий удар не подготовлен, Эртц, Алан и Нарби вернутся к своим обязанностям.

Хью послал охрану проводить их вниз.

— Когда будете готовы, пошлешь Алана? — спросил он Нарби перед расставанием.

— Да, — согласился Нарби, — но не жди его слишком скоро. Нам с Эртцем понадобится время, чтобы подобрать верных людей. К тому же надо решить со старым Капитаном. Придется как-то уломать его созвать собрание всех офицеров Корабля. Стариком не так-то легко управлять.

— Ну, это твоя работа. Доброй еды!

— Доброй еды.

В тех редких случаях, когда Ученые, управлявшие Кораблем, собирались в полном составе, они сходились в большом зале на последнем обитаемом уровне. Много забытых поколений назад, еще до Смуты, возглавлявшейся техником Корабля Роем Хаффом, это был спортивный зал,

предназначенный для развлечения и укрепления здоровья, — но нынешние обитатели не имели об этом ни малейшего понятия.

Нарби наблюдал, как дежурный отмечает прибытие офицеров Корабля. Он волновался, но не подавал виду. Оставалось всего несколько человек, скоро придется объявить Капитану, что все в сборе, а от Джо-Джима и Хойланда не было никаких известий. Неужели этот кретин Алан дал себя убить по дороге? Или упал и сломал свою никчемную шею? Или получил от мута ножом в живот?

Вошел Эртц, и прежде чем занять свое место среди начальников отделов, подошел к Нарби и тихонько спросил:

— Ну как?

— Все в порядке, — ответил тот, — но никаких известий.

— Хм-м… — Эртц повернулся и нашел глазами своих сторонников в толпе. Нарби сделал то же. Не большинство, не абсолютное большинство, ведь дело такое необычное. Ну что ж — ведь не голосованием будет решаться этот вопрос.

Дежурный прикоснулся к его руке.

— Все в сборе, сэр, кроме отсутствующих по болезни и одного вахтенного у Конвертора.

С неприятным чувством, что что-то идет не так, Нарби послал оповестить Капитана. Капитан, как обычно не принимая во внимание удобство остальных, опоздал. Нарби был рад задержке, но с трудом выдержал ее. Когда старик наконец появился с ординарцами по сторонам и тяжело уселся в свое кресло, то, опять же как обычно, немедленно стал проявлять нетерпеливое желание поскорее закончить собрание. Он сделал знак всем сесть и обратился к Нарби:

— Очень хорошо, Командор Нарби, огласите повестку дня — надеюсь, у вас есть повестка дня?

— Да, Капитан, она имеется.

— Так читайте же, читайте! Чего вы тянете?

— Да, сэр.

Нарби повернулся к клерку, зачитывавшему документы, и передал ему стопку бумаг. Клерк взглянул с удивлением, но, получив сигнал Нарби, начал читать: «Петиция Совету и Капитану: лейтенант Браун, управляющий деревней в Секторе 9, будучи слабого здоровья и в преклонных летах, просит освободить его от обязанностей и...». Клерк продолжал зачитывать рекомендации офицеров и отделений.

Капитан нетерпеливо ерзал в своем кресле и наконец прервал чтение.

— В чем дело, Нарби? Почему вы не можете решить рутинные вопросы без этой суматохи?

— Я понял так, что Капитан был недоволен тем, как я лично недавно разрешил аналогичный вопрос. Мне бы не хотелось превышать свои полномочия.

— Что за чушь! Не читай мне Устав. Пусть Совет работает, потом я проверю и завизирую.

— Да, сэр, — Нарби забрал записи у клерка и дал ему другие бумаги. Клерк прочел.

Дело было такое же пустяковое. Деревня сектора 3 просила уменьшить налоги по причине необъяснимой болезни, поразившей их гидропонные фермы. Капитан прервал чтение этого прошения еще раньше. Нарби было бы чрезвычайно трудно найти предлог для продолжения собрания, если бы не прибыло известие, которого он ждал. Оно оказалось клочком пергамента, переданного снаружи с верным человеком. На нем стояло только одно слово: «Готовы». Нарби взглянул, кивнул Эртцу, потом обратился к Капитану:

— Сэр, поскольку у Вас нет желания выслушивать прошения Вашего Экипажа, я перейду к основному вопросу сегодняшнего собрания.

Завуалированное оскорбление, содержавшееся в этом высказывании, заставило Капитана

подозрительно уставиться на него, но Нарби продолжал.

— В течение многих поколений, на памяти долгой череды Свидетелей, Экипаж страдал от постоянных набегов мутов. Наше имущество, наши дети, даже мы сами постоянно находились под угрозой. Законы Джордана не признаются на верхних уровнях. Даже сам Капитан, преемник Джордана не может свободно ходить там. Считалось, что Джордан установил так, что дети платят кровью за грехи предков. Такова, нам говорили, была воля Джордана. Сам я никогда не мог смириться с этой постоянной утечкой массы Корабля.

Старый Капитан, кажется, не верил своим ушам. Обретя наконец голос и ткнув пальцем в Нарби, он взвизгнул:

— Ты оспариваешь учение?

— Нет. Я утверждаю, что Учение не заставляет нас оставлять мутов за рамками Правил. Я требую, чтобы они подчинялись Закону!

— Вы… Вы… вы освобождены от своих обязанностей, сэр!

— Нет, — издевательски ответил Нарби, — пока не скажу всего, что должен.

— Арестуйте его!

Однако телохранители Капитана не тронулись с места, хотя и переминались с несчастным видом — Нарби сам подобрал их.

Нарби повернулся к пораженному Совету, поймал взгляд Эртца.

— Все в порядке, — произнес он. — Давай!

Эртц поднялся и поспешил к двери. Нарби продолжал:

— Многие из вас разделяют мои чаяния. Доселе мы считали, что за наши помыслы придется сражаться. Но с помощью Джордана я сумел установить контакт с мутами и подготовить заключение договора. Их лидеры сейчас прибудут сюда для переговоров. Вот они! — Он театрально указал в сторону двери.

Эртц снова вошел; за ним шли Хью Хойланд, Джо-Джим и Бобо. Хойланд повернул направо и стал обходить зал по периметру. За ним следовала цепочка мутов — лучшие бойцы Джо-Джима. Еще одна колонна во главе с Джо-Джимом и Бобо прошла налево.

Джо-Джим, Хью и по полудюжине бойцов с каждого фланга были одеты в тяжелую броню, спускавшуюся ниже талии. На головах у них были неуклюжие шлемы из металлической сетки, которые защищали, не мешая обзору.

Все они держали неслыханные ножи — длиной в руку человека!

Пораженные офицеры могли бы остановить вторжение в узких дверях, если бы кто-то взял на себя руководство. Но они были неорганизованны, беспомощны, а сильнейшие лидеры были на стороне захватчиков. Офицеры ерзали в креслах, тянулись за ножами и переглядывались. Но никто не решился сделать первый шаг, за которым последовало бы кровопролитие.

Нарби повернулся к Капитану.

— Ну так что? Вы принимаете эту мирную делегацию?

Казалось бы, что долгие годы, прожитые в сытости, могли научить Капитана благоразумно промолчать, когда нужно. Но он прохрипел:

— Уберите их! Прочь! А ты… ты за это отправишься в Путешествие!

Нарби повернулся к Джо-Джиму и сделал знак большим пальцем. Джим сказал что-то Бобо — и в толстое брюхо Капитана вонзился нож. Тот издал скорее хрип, чем визг, а на его лице появилось выражение полнейшего недоумения. Он ощупал рукоятку ножа, будто желая убедиться, что он действительно там.

— Смута… — произнес он. — Смута…

Он согнулся в кресле и тяжело рухнул на стол лицом.

Нарби пнул тело и приказал охране:

— Вытащите это наружу.

Те выполнили приказ, казалось радуясь про себя, что их миновали безначалие и безработица. Нарби снова повернулся к притихшему залу:

— Кто-нибудь еще возражает против мира с мутами?

Пожилой офицер, проспавший всю жизнь в роли судьи и духовного наставника в отдаленной деревне, встал и направил костлявый палец на Нарби, возмущенно тряся белой бородой:

— Джордан накажет тебя за это! Смута и грех — дух Хаффа!

Нарби кивнул Джо-Джиму; слова застряли у старика в горле, из которого торчал нож. Бобо выглядел очень довольным собой.

— Довольно болтовни, — объявил Нарби. — Лучше пролить немного крови сейчас, чем намного больше потом. Пусть те, кто поддерживает меня в этом вопросе, встанут и подойдут сюда.

Эртц показал пример, выйдя вперед и сделав знак своим самым верным сторонникам присоединиться к нему. Оказавшись перед залом, он вынул нож и поднял его вверх:

— Да здравствует Финеас Нарби, преемник Джордана!

Серьезные молодые люди, верные Нарби — костяк диссидентского рационалистского блока среди Ученых, — выступили все вместе, поднятыми ножами салютуя новому Капитану. Колеблющиеся и оппортунисты поспешили присоединиться, увидев, какая сторона ножа заточена. Когда закончилось разделение, на месте осталась лишь горстка офицеров, почти все они были либо стариками, либо религиозными фанатиками.

Эртц заметил, как Капитан Нарби оглядел их, потом посмотрел на Джо-Джима. Эртц дотронулся до его руки:

— Их очень мало и они практически беспомощны, — сказал он. — Почему бы не разоружить их и не отпустить восвояси?

Нарби неприветливо взглянул на него:

— Оставишь их в живых — пожнешь смуту. Я вполне способен сам принимать решения, Эртц.

Эртц прикусил губу:

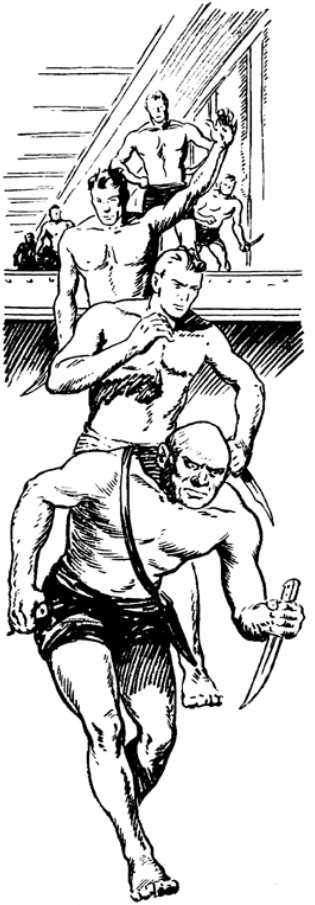
— Очень хорошо, Капитан.

— Так-то лучше, — он сделал знак Джо-Джиму.

Длинные ножи сделали свою короткую работу.

Хью отвернулся от места побоища. Его ста-

рый учитель Лейтенант Нельсон, деревенский Ученый, который разглядел его способности и выбрал его для научной карьеры, оказался в этой группе. Этого фактора он не предвидел.



Завоевание мира — и его объединение. Вера или Меч. Бойцы Джо-Джима, усиленные группой горячих молодых кадетов Капитана Нарби, захватили средние и верхние палубы. Муты, индивидуалисты по самой природе своего существования, не испытывающие почтения ни к кому, кроме главарей своих банд, не могли противостоять странным длинным ножам Джо-Джима, которые убивали, не давая опомниться.

По стране мутов прошел слух, что лучше мирно подчиниться банде Двух-Мудрых-Голов — подчинившихся ждет добрая еда, сопротивляющихся — неминуемая смерть.

И все же это был долгий и медленный процесс — слишком много палуб, много миль темных коридоров, несчетное количество комнат, где могли скрываться непокорные муты. Кроме того, наступление замедлялось еще и тем, что Джо-Джим на очищенных ударными группами территориях организовывал внутренние караулы, патрулирование каждого сектора, палубы и лестничного пролета.

К разочарованию Нарби, двухголовый монстр в ходе кампании остался цел и невредим. Из книг Джо-Джим узнал, что генералу не обязательно лично принимать участие в схватках.

Хью пропадал в Рубке. Не только потому, что его больше интересовали тонкие материи управления кораблем и звездной баллистики, но и потому, что все это кровопролитие вызывало в нем отвращение — из-за лейтенанта Нельсона. К насилию и смерти он привык; это было обычное дело даже на нижних уровнях — однако тот случай вызвал в нем смутное разочарование, хотя его собственные рассуждения убеждали его, что сам он лично не виновен в смерти старика.

Просто ему хотелось, чтобы этого не случилось.

Но пульт управления… Вот чему стоило посвятить жизнь! Он пытался решить задачу, которую землянин посчитал бы невыполнимой — ведь землянин *знал* бы, что пилотирование межзвездного корабля — задача настолько сложная, что даже наилучшее техническое образование вкупе с обширным опытом полетов на более мелких космических судах вряд ли послужат базой для такой сугубо специальной миссии.

Хью Хойланд не знал этого. Так что он двигался вперед и обучался.

В каждой попытке ему помогал гений создателей Корабля. Управление любой техникой обычно сводится к элементарным развилкам:

идти/стоять, на себя/от себя, вверх/вниз, внутрь/наружу, включить/выключить, вправо/влево, а также их комбинаций. Настоящие трудности возникают при необходимости что-то настраивать или ремонтировать, приспосабливать или менять.

Однако управление приборами и двигателем космического корабля «Авангард» не требовало ни настройки, ни ремонта. Конструкции находилась на субмолекулярном уровне. В них не было движущихся частей, трение не играло роли, и они не были подвержены износу. Если бы Хью понадобилось разобраться в действии приборов или починить их, он потерпел бы поражение. Четырнадцатилетнему подростку можно доверить вертолет, и он полетит в одиночку за тысячу миль; он скорее объестся по дороге, чем каким-то образом повредит машину. Но если вертолет выйдет из строя, необходима ремонтная бригада — ребенок не сможет его починить.

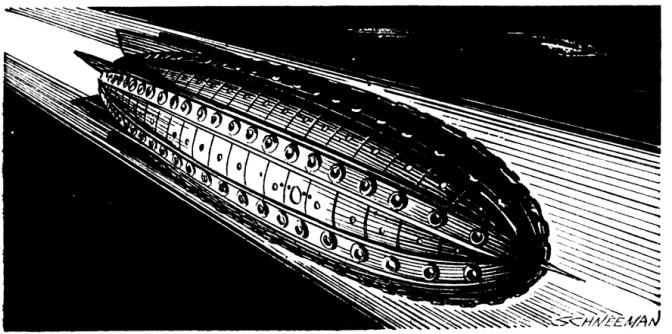


Иллюстрация Schneeman

«Авангарду» не требовалась ремонтная бригада. Разве что несущественным дополнительным устройствам — таким как конвейеры, лифты, автомассажеры. Но все, что двигалось, вышло из строя еще до появления первого Свидетеля. Оставшаяся ненужная масса либо была отправлена в Конвертор, либо приспособлена для вещей попроще. Хью даже представления не имел, что такое оборудование существовало; ободранные

стены во многих помещениях были для него просто явлением природы, а не поводом для размышлений.

Хью помогали два фактора.

Во-первых, баллистика звездных кораблей очень проста, поскольку использует в основном второй закон Ньютона применительно к четырехмерному пространству. Обычно все думают по-другому, однако это так. Чтобы испечь пирог, требуется гораздо больше знаний, правда интуитивных. Чтобы связать свитер, нужно понимать гораздо более сложную математику. Топология вязаного орнамента… попробуйте на зуб!

Настоящие дебри — это неврология или катализаторы, но только не баллистика.

Во-вторых, создатели «Авангарда» считались с тем, что корабль достигнет места назначения не раньше чем через два поколения; они хотели облегчить жизнь еще не родившимся пилотам, которым суждено будет завершить миссию. Хотя они и не предвидели такого забвения технических знаний, какое произошло на самом деле, они все же постарались сделать панель управления простой, понятной интуитивно и защищенной от дурака. Вышеупомянутый умный подросток, хоть чуточку интересующийся космическими поле-

тами, без сомнения, разобрался бы за несколько часов. Хью, воспитанный в культуре, где верили, что Корабль суть весь мир, продвигался не так быстро.

Его озадачили два незнакомых понятия — глубокий космос и метрическое время. Ему пришлось освоить приборы, специально разработанные для «Авангарда», снять показания с пары десятков звезд, прежде чем он понял, что получаемые им результаты имеют смысл. Все показания были в парсеках, и это ему ни о чем не говорило. Он попытался перевести их в понятные ему линейные единицы с помощью Священных книг, но результаты он счел поначалу ошибкой, абсурдом. Он проверял и перепроверял, часами размышляя, пока не начал смутно осознавать необъятность просторов космоса.

Это испугало и ошарашило его. Несколько циклов сна он не подходил к Рубке, предаваясь смятению. Это время он потратил на то, чтобы выбрать себе женщин. Впервые после того, как Джо-Джим взял его в плен, у него появилось и желание, и возможность заняться этой проблемой. Кандидаток было множество: в дополнение к деревенским девушкам, военные операции Джо-Джима добавили вдов. Хью, по праву своего

высокого положения, взял себе двух жен. Первая была вдовой. Сильная, толковая женщина, умеющая создать мужчине домашний уют. Он поселил ее в своих новых апартаментах на одной из верхних палуб, дал ей свободу действий и разрешил оставить старое имя — Хлоя.

Вторая была молодой девушкой, невоспитанной и дикой, как мут. Хью и сам не мог бы объяснить, зачем он ее взял. У нее, конечно, не было никаких достоинств, но с ней ему было весело. Она укусила его, когда он ее осматривал; разумеется, он шлепнул ее, и тем дело должно было закончиться. И все же он приказал отцу прислать ее.

Дать ей имя он еще не удосужился.

С метрическим временем он запутался так же, как и с астрономическими расстояниями, но это хотя бы не подавляло. Проблема опять заключалась в отсутствии сходных понятий на Корабле. Экипаж оперировал топологическим временем; они понимали, что такое «сейчас», «раньше», «потом», «уже», «еще», и даже такими понятиями, как длинные и короткие промежутки времени, но концепция измеряемого времени выпала из их культуры. Самая примитивная из земных культур имеет представление об измерении

времени, хотя бы в пределах дней и времен года. Но ведь любая земная концепция измеряемого времени берет начало в астрономических явлениях, а Экипаж был оторван от астрономических явлений на многие поколения.

На контрольной панели перед Хью находились единственные на Корабле действующие часы — но лишь очень не скоро он понял, для чего они и как связаны с остальными приборами. До тех пор пока он не понял этого, он не мог управлять Кораблем. Скорость и ее производные, ускорение и кривизна базируются на измеряемом времени.

Но когда две эти новые концепции были поняты, обдуманы, а древние книги перечитаны в свете нового знания, он стал, в очень ограниченном теоретическом понимании, астронавигатором.

Хью разыскивал Джо-Джима, чтобы задать ему вопрос. Головы Джо-Джима обладали очень проницательным умом, когда они давали себе труд задуматься; поскольку это случалось нечасто, братья оставались поверхностными дилетантами.

Нарби уже уходил. Для поддержания мира среди мутов Нарби и Джо-Джим должны были регулярно совещаться; к их обоюдному удивлению, они вполне поладили друг с другом. Нарби

был умелым администратором, способным делегировать полномочия и не стоять попусту над душой; Джо-Джим удивил и порадовал Нарби тем, что оказался самым талантливым из всех, кто когда-либо был у него в подчинении. Они не испытывали друг к другу нежных чувств, но признавали ум и заинтересованность, не уступавшие их собственным. В сумме — уважение и ревнивая высокомерная приязнь.

— Доброй еды, Капитан, — формально приветствовал Хью Нарби.

— А, привет, Хью, — ответил тот, потом снова повернулся к Джо-Джиму: — Тогда я буду ожидать отчета.

— Вы его получите, — согласился Джо-Джим. — Скрылись не больше нескольких десятков. Мы их либо выловим, либо уморим голодом.

— Я не помешал? — спросил Хью.

— Нет, я уже ухожу. Как продвигается великий труд, друг мой? — он раздражающе улыбнулся.

— Хорошо, хотя и медленно. Вам нужен отчет?

— Можешь не спешить. Да, кстати, я поставил запрет на Рубку и Главный Двигатель, фактически на весь уровень невесомости — запрет для всех, и для мутов, и для Экипажа.

— Вот как? Кажется, я понимаю. Не стоит туда

ходить никому, кроме офицеров.

— Ты не понял. Это запрет для всех, включая офицеров. Кроме нас, конечно.

— Но… но… Так не пойдет. Единственный способ убедить остальных — это провести их наверх и показать звезды!

— Именно так я и думаю. Я не могу позволить смущать моих офицеров разными непривычными идеями, когда мне приходится укреплять правление. Это может породить религиозные разногласия и подорвать дисциплину.

Хью был так поражен и расстроен, что не сразу нашелся с ответом.

— Но, — сказал он наконец, — в этом-то и был смысл. Поэтому тебя и сделали Капитаном.

— И как Капитан я должен принимать окончательные политические решения. Вопрос закрыт. Вам не разрешено водить кого бы то ни было в Рубку или в другую область невесомости, пока я не посчитаю это целесообразным. Придется вам подождать.

— Это правильно, Хью, — заметил Джим. — Не стоит вносить путаницу, пока идет война.

— Объясните мне еще раз, — настаивал Хью. — Это временная политика?

— Можно сказать и так.

— Ну… хорошо, — сдался Хью. — Но постойте, нам с Эртцем нужно начинать готовить помощников.

— Очень хорошо. Перечислите мне их, и я выдам им пропуска. Кто у вас на примете?

Хью поразмыслил. На самом деле ему не нужны были помощники; хотя в Рубке было полдесятка противоперегрузочных кресел, управлять Кораблем мог один человек, сидящий в кресле главного астронавигатора. То же относилось и к Эртцу с его Главным Двигателем, за исключением одного аспекта.

— А как же Эртц? Ему нужны носильщики, чтобы доставлять топливо к Главному Двигателю.

— Прекрасно. Я подпишу приказ. Проследи, чтобы носильщиков набрали из бывших мутов. Чтобы никто не проник в Рубку, кроме тех, кто там уже был.

Нарби повернулся и вышел с недовольным видом.

Хью посмотрел ему вслед, потом проговорил:

— Не нравится мне это, Джо-Джим.

— Почему? — спросил Джим. — Это разумно.

— Возможно. Но… черт побери! Мне почему-то кажется, что правда должна быть открыта для всех и в любое время! — он в раздражении взмах-

нул руками.

Джо-Джим странно посмотрел на него:

— Какая невероятная идея, — сказал Джо.

— Да, я знаю. Это не разумно, но мне кажется, что так должно быть. А, ладно, забудьте! Я не за этим пришел.

— Что ты еще придумал, парень?

— Смотрите, мы завершаем Путешествие, так? Наш Корабль сядет на планету, вот так... — он свел кулаки вместе.

— Так. Продолжай.

— И вот, когда это произойдет, *как мы выйдем из Корабля*?

Вопрос смутил близнецов, и они занялись пересудами. Наконец Джо перебил брата:

— Погоди, Джим. Будем логичными. Предполагается, что мы должны выйти — значит, должна быть дверь, так?

— Конечно.

— Здесь двери нет. Значит, она в области высокого веса.

— Но ее там нет, — возразил Хью. — Эта область хорошо известна. Там нет никакой двери. Она должна быть в стране мутов.

— В этом случае, — продолжал Джо, — она либо в том конце коридора, либо в другом. В том конце

ее не может быть, потому что за отсеком Главного Двигателя только прочные переборки. Значит, она с другой стороны.

— Глупо, — заметил Джим. — Там Рубка и Капитанский мостик. И все.

— Да? А как насчет запертых кают?

— Это не дверь — там не может быть выхода наружу. За Рубкой мощная переборка.

— Нет, но что если через них можно пройти к двери?

— Даже если так, как ты их откроешь, а, умник?

— Что такое запертые каюты? — потребовал ответа Хью.

— Ты разве не знаешь? В той же стене, где вход в Главную Рубку, есть семь дверей. Мы не смогли открыть их.

— Возможно, это то, что мы ищем. Пойдемте посмотрим!

— Пустая трата времени, — ответил Джим.

Но они все же пошли.

Они взяли с собой Бобо, чтобы попробовать его чудовищную силу на этих дверях.

Но даже его узловатые мышцы не сдвинули с места рычаги, которые явно предназначались для открывания дверей.

— Ну? — фыркнул Джим. — Видите?

Джо пожал плечами.

— Ладно, ты победил. Пошли вниз.

— Подождите, — взмолился Хью. — Кажется, у второй двери ручка чуть повернулась. Попробуем еще раз.

— Боюсь, что все напрасно, — откликнулся Джим. Но Джо возразил: — Ну ладно, раз уж мы здесь.

Бобо снова попытался открыть, подставив плечо под рычаг и толкая вверх. Рычаг вдруг подался, но дверь не открылась.

— Сломал, — объявил Джо.

— Ага, — признал Хью. — Видимо, так. — И он положил руку на дверь.

Дверь легко распахнулась.

К счастью для троих друзей, она вела не в открытый космос — ведь ничто не предостерегало их против опасностей внешнего вакуума. Вместо этого короткий и узкий коридорчик привел их к другой, чуть приоткрытой двери. Петли заело, но Бобо легко ее высадил. Возможно, тот, кто последним выходил через эту дверь, оставил ее приоткрытой, чтобы металлические части не спаялись вместе за много лет.

Следующая дверь находилась в шести футах от

предыдущей.

— Не понимаю, — пожаловался Джим, когда Бобо уперся в третью дверь. — Какой смысл в этой бесконечной последовательности?

— Подождем и посмотрим, — посоветовал ему брат.

Однако за третьей дверью находилось несколько кают, очень странных, необычных форм, маленьких, лепившихся друг к другу. Бобо рванулся вперед и обследовал все помещения, держа нож наготове. Хью и Джо-Джим медленно последовали за ним, зачарованные необычностью этого места.

Бобо вернулся, умело замедлив свой полет у переборки, и доложил:

— Двери нет. Больше двери нигде нет. Бобо смотреть.

— Должна быть, — настаивал Хью, злясь, что карлик уничтожил его надежды.

— Бобо смотреть, — карлик пожал плечами.

— Теперь мы посмотрим, — Хью и близнецы разошлись по помещению.

Хью не обнаружил двери, но то, что он обнаружил, своей невероятностью заинтересовало его еще больше. Он уже хотел было позвать Джо-Джима, когда услышал собственное имя:

— Хью! Иди сюда!

Он неохотно оставил свое открытие и разыскал братьев:

— Пойдемте посмотрим, что я нашел, — начал он.

— Неважно, — перебил его Джо. — Посмотри лучше сюда.

Хью посмотрел. Это был Конвертор. Довольно маленький, но, без сомнения, Конвертор.

— Бессмыслица, — возмутился Джим. — В помещении такого размера не нужен Конвертор. Эта штука могла бы снабдить энергией половину Корабля. Что ты об этом думаешь, Хью?

Хью осмотрел Конвертор.

— Я не знаю, — признал он. — Но если вы считаете странной штукой *это*, пойдемте посмотрим, что нашел я.

Последовав за Хью, близнецы увидели небольшое помещение, одна стена которого была, видимо, сделана из черного стекла, так как за ней ничего не было видно. Напротив этой стены рядом стояли два противоперегрузочных кресла. Подлокотники кресел и панели перед ними были покрыты узором из маленьких светящихся лампочек, похожих на то, что они видели на креслах в Главной Рубке.

Джо промолчал, Джим только присвистнул. Они уселись в одно из кресел и стали осторожно экспериментировать с лампочками. Хью сел рядом. Джо-Джим накрыл группу белых огоньков на правом подлокотнике; все лампы в помещении погасли. Когда он поднял руку, крошечные огоньки были голубыми, а не белыми, как раньше. Ни Джо-Джим, ни Хью не удивились происходящему; ведь эта панель управления была подобна такой же панели в Рубке.

Джо-Джим попытался вызвать изображение звездного неба на пустое стекло перед собой. Это ему не удалось. Он не понял, что стекло было не экраном, а настоящим окном, затемненным собственно оболочкой Корабля.

Однако что-то включилось; это что-то оказалось надписью «Запуск». Джо-Джим не обратил внимание на надпись, потому что не понял ее. Никакого особого результата не последовало, только быстро замигал красный огонек и появилась новая надпись: «Шлюз открыт».

Джо-Джиму, Хью и Бобо очень повезло. Если бы они закрыли за собой двери и если бы в малом Конверторе было хоть несколько граммов массы, их бы выбросило прямо в космос на этой шлюпке, неприспособленной для долгого путешествия,

знаки на панели управления которой они все еще очень смутно понимали. Возможно, им бы и удалось завести шлюпку обратно в гнездо; но более вероятно, что они бы разбились при попытке сделать это.

Но Хью и Джо-Джим все еще не знали, что «помещение», где они оказались, было космическим судном; такая мысль еще не могла прийти им в голову.

— Включи свет, — попросил Хью. Джо-Джим включил. — Ну? Что вы думаете об этом?

— Совершенно очевидно, что это другая Рубка, — ответил Джим. — Мы не догадывались, что она здесь есть, потому что не могли открыть дверь.

— Бессмысленно, — снова произнес Джо. — Зачем на одном Корабле две Рубки?

— Зачем одному человеку две головы? — возразил его брат. — С моей точки зрения, ты явно лишний.

— Это не одно и то же; мы так родились. А *это* не случайность — Корабль ведь *строили*.

— Ну и что? — возразил Джим. — У нас ведь два ножа, так? А мы с ними не родились. Просто хорошо иметь что-нибудь про запас.

— Но отсюда нельзя управлять Кораблем, — за-

метил Джо. — Отсюда ничего не видно. Если бы нужен был второй набор панелей управления, его бы поместили на Капитанском мостике. Откуда видно звезды.

— А это что? — спросил Джим, указывая на стеклянную стену.

— Подумай головой, — посоветовал брат. — Она смотрит не в ту сторону. Она повернута внутрь Корабля, а не наружу. И устроено все не так, как в Рубке; нечем отражать звезды на эту поверхность.

— Может быть, мы просто еще не во всем разобрались.

— Даже если так, ты кое о чем забыл. Как насчет маленького Конвертора?

— А что насчет него?

— Он должен иметь какое-то предназначение. Он здесь не случайно. Могу поспорить, что вот эти огоньки как-то с ним связаны.

— Почему?

— А почему бы и нет? Зачем они здесь?

Хью нарушил озадаченное молчание. Все, что говорили близнецы, кажется, имело какой-то смысл, даже их возражения. Что-то смущало его. Этот Конвертор, маленький Конвертор…

— Слушайте! — выпалил он.

— Что?

— А что если… Вдруг эта часть Корабля движется?

— Ну да. Весь Корабль движется.

— Нет, нет, я совсем не то имею в виду. Вдруг она движется сама по себе? Тут есть панели управления и маленький Конвертор — возможно, она может *двигаться* отдельно от Корабля.

— Совершенно невероятно.

— Вполне вероятно… Если это так, *то это и есть выход*.

— Что? — сказал Джо. — Ерунда. Здесь тоже нет двери наружу.

— Но она появится, если эта часть отделится от Корабля — мы вошли сюда через нее!

Две головы разом повернулись к нему, будто их дернули за одну и ту же веревочку. Потом они взглянули друг на друга и начали спорить. Джо-Джим повторил свой эксперимент с панелью управления.

— Видишь? — говорил Джо. — «Запуск». Это означает «начать что-то», «заставить двигаться».

— Тогда почему же ничего не движется?

— «Шлюз открыт». Это, видимо, та дверь, через которую мы вошли. Все остальное закрыто.

— Давай попробуем закрыть.

— Сначала придется запустить Конвертор.

— Хорошо.

— Не так быстро. Вдруг мы выйдем и не сможем зайти обратно. Умрем от голода.

— Хм-м… лучше подождать.

Хью слушал их спор, обследуя панели управления и пытаясь в них разобраться. Под крышкой стола обнаружился ящичек; он пошарил в нем и что-то нашел.

— Посмотрите!

— Что такое? — спросил Джо. — А, книга. Там, в комнате рядом с Конвертором, их полно.

— Давай посмотрим, — предложил Джим.

Но Хью уже открыл ее и начал читать:

Вахтенный журнал,
Космический Корабль «Авангард».
2 июня 2172 г. Полет нормальный…

— Что? — завопил Джо. — Дай-ка сюда!

3 июня. Полет нормальный.

4 июня. Полет нормальный. Совещание у Капитана по вопросу награждений и взысканий в 13.00, см. Бортовой журнал.

5 июня. Полет нормальный…

— Дай сюда!
— Подожди!

6 июня. В 04.31 начался бунт. Вахта узнала об этом по видеофону. Унтер-офицер Хафф вышел на связь с рубкой и приказал вахте сдаться, называя себя «капитаном». Вахтенный офицер приказал ему считать себя арестованным и сообщил в каюту Капитана. Ответа не было.

04.35. Связь прервана. Вахтенный офицер выслал наряд из трех человек, чтобы известить Капитана и помочь в аресте Хаффа.

04.41. Конвертор не дает энергии; свободный полет.

05.02. Унтер-офицер Лейси, посланный в составе группы из трех человек вниз, вернулся один. Устно доложил, что двое других, Малькольм Янг и Артур Сирс, мертвы, а ему разрешили вернуться, чтобы предложить вахте сдаться. Бунтовщики назначили крайний срок 05.15.

Следующая запись была сделана другой рукой:

05.45. Я приложил все усилия к тому,

чтобы установить связь с другими службами и офицерами Корабля, но безуспешно. В данных обстоятельствах считаю своим долгом оставить пульт управления без приказа и попытаться восстановить внизу порядок. Возможно, это ошибочное решение, ведь мы не вооружены, но я не знаю, что еще предпринять. Джин Болдуин, пилот третьего класса, вахтенный офицер.

— Это все? — спросил Джо.
— Нет, — ответил Хью.

1 октября (примерно) 2172 г. Я, Теодор Маусон, бывший рядовой службы снабжения, был сегодня выбран Капитаном «Авангарда». Со времени последней записи в этом журнале произошли огромные изменения. Смута была подавлена, или скорее умерла, однако трагической ценой. Погибли или считаются погибшими все пилоты и инженеры. Меня не выбрали бы Капитаном, если бы остался хоть один специалист.

Примерно девяносто процентов персонала мертвы. Не все они погибли в первой

стычке; после смуты не был выращен урожай; запасы продовольствия подходят к концу. Среди несдавшихся смутьянов, похоже, начинается людоедство.

Сейчас моя первейшая задача — восстановить хоть какое-то подобие порядка и дисциплины среди Экипажа. Нужно посадить злаки. Необходимо наладить постоянную вахту у дополнительного Конвертора, который поставляет нам все тепло, свет и энергию.

Следующая запись была без даты.

«Я слишком занят, чтобы аккуратно вести этот журнал. Честно говоря, я не знаю даже приблизительной даты. Часы на Корабле больше не работают. Возможно, причина этого в неправильных действиях с дополнительным Конвертором, возможно, в излучении из космоса. Антирадиационной защиты вокруг Корабля больше нет, потому что не работает Главный Конвертор. Главный Инженер утверждает, что его можно запустить, но у нас нет астронавигатора. Я попытался разобраться в книгах, но математика

слишком сложна.

Примерно один из двадцати новорожденных имеет отклонения в развитии. Я ввел спартанский кодекс — таким детям не дают права на жизнь. Это сурово, но необходимо».

«Я уже совсем стар и слаб и должен подумал о преемнике. Я последний член команды, рожденный на Земле, но и я мало что помню — мне было пять лет, когда родители взошли на борт. Я не знаю своего возраста, но некоторые признаки говорят, что недалеко то время, когда и я отправлюсь в свое Путешествие в Конвертор.

С моими людьми происходит странная перемена. Поскольку они никогда не жили на планете, с течением времени им все труднее понять что-либо, не связанное с Кораблем. Я перестал говорить с ними об этом — в любом случае это не милосердно, ведь я не могу надеяться вывести их из тьмы. Их жизнь и так трудна; они выращивают урожай, а его разворовывают преступники, все еще процветающие на верхних палубах. Зачем же возбуждать

бесплодные мечты?

Вместо того чтобы передать журнал своему преемнику, я думаю, будет лучше попытаться спрятать его в единственной шлюпке, оставленной сбежавшими смутьянами. Там он спокойно пролежит долгое время — иначе какой-нибудь безголовый кретин может использовать его как топливо для Конвертора. Я поймал вахтенного, скармливающего Конвертору последний том из серии „Энциклопедия Земли“ — бесценные книги. Этого идиота никогда не учили читать! Надо издать какой-нибудь закон о книгах».

«Это моя последняя запись. Я откладывал попытку спрятать этот журнал, потому что подниматься выше самых низких уровней очень опасно. Но теперь моя жизнь не имеет ценности; я хочу умереть, зная, что останется правдивая запись.

Теодор Маусон, капитан».

Даже близнецы долго молчали, когда Хью закончил чтение. Наконец Джо тяжело вздохнул и сказал:

— Так вот как это случилось.

— Бедняга, — вздохнул Хью.

— Кто? Капитан Маусон? Почему?

— Нет, не Капитан Маусон. Другой, пилот Болдуин. Только представь, он выходил в дверь, зная, что за ней Хафф — Хью содрогнулся. Несмотря на свою просвещенность, он все еще подсознательно представлял себе Хаффа, «Проклятого Хаффа, первого из согрешивших», как существо вдвое выше Джо-Джима, вдвое сильнее Бобо и с клыками вместо зубов.

Хью взял у Эртца пару носильщиков из тех, которых тот использовал для переноски тел погибших в боевых стычках к Конвертору. Хью же использовал их, чтобы экипировать шлюпку. Туда доставили воду, хлеб, мясные консервы, массу для Конвертора. Об этом он не стал докладывать Нарби, как и о находке шлюпки вообще. Этому не было разумного объяснения — просто Нарби ему не нравился.

Их звезда становилась все больше и больше. Наконец стал виден диск, и на нее уже невозможно было долго смотреть из-за ее яркости. Ее пеленг быстро (для звезды) менялся; она ползла по нижней части небесного свода. Без управления Корабль облетел бы вокруг нее по широкой

дуге и снова скрылся в глубинах тьмы. Хью много недель вычислял элементы траектории; еще дольше Эртц и Джо-Джим проверяли его результаты и привыкали к тому, что эти нелепые цифры верны. Еще больше времени потребовалось на то, чтобы убедить Эртца, что для перемены своего положения в космосе нужно приложить усилие, которое оттолкнет тебя в другую сторону от того места, куда хочешь попасть, — как будто упираешься каблуками, нажимаешь на тормоза, гасишь инерцию.

Только целая серия экспериментов в невесомости позволила убедить Эртца — иначе он завершил бы Путешествие, на полной скорости врезавшись в звезду. Затем Хью и Джо-Джим рассчитывали, как приложить ускорение, чтобы погасить скорость «Авангарда» и направить его по эксцентрическому эллипсу вокруг звезды. После этого они должны будут заняться поиском планет.

Эртцу не сразу удалось понять разницу между звездой и планетой. Алану это вовсе не удалось.

— Если мои расчеты верны, — сообщил Хью Эртцу, — мы теперь должны начать ускорение.

— Хорошо, — ответил Эртц, — Главный Двигатель готов — больше двухсот тел и еще куча

неиспользованной массы. Чего же мы ждем?

— Надо встретиться с Нарби и получить разрешение начать.

— Зачем его спрашивать?

Хью пожал плечами.

— Он Капитан. Ему нужно знать.

— Ладно. Давай захватим Джо-Джима и сходим.

Они отправились в каюту Джо-Джима. Того не было, зато они увидели Алана, тоже разыскивающего его.

— Коренастый сказал, что он ушел к Капитану, — сообщил Алан.

— Вот как? Тем лучше — встретим его там. Алан, старик, знаешь, что я тебе скажу?

— Что?

— Время пришло. Мы сделаем это! Мы сдвинем Корабль!

Алан округлил глаза.

— Ну?! Прямо сейчас?

— Как только сообщим Капитану. Пойдем с нами, если хочешь.

— Еще бы! Только скажу жене, — он побежал к себе домой.

— Балует свою старуху, — заметил Эртц.

— Иногда это получается само собой, — сказал

Хью с отсутствующим видом.

Алан скоро вернулся, хотя было видно, что он надел чистые штаны.

— Хорошо, — радостно сказал он. — Пошли!

Алан подходил к кабинету Капитана гордой походкой. Сейчас он был важной персоной. Он представлял себе, как прошагает со своими друзьями мимо стражника, отдающего им честь, и больше никто не будет толкать и унижать его.

Однако стражник не отодвинулся, хотя честь и отдал. Он загородил дверь.

— В сторону, парень! — мрачно сказал Эртц.

— Да, сэр, — ответил страж, не двигаясь с места. — Ваше оружие, пожалуйста.

— Что? Ты что, не узнал меня, дурак? Я Главный Инженер.

— Да, сэр. Оставьте оружие здесь, пожалуйста. Правила.

Эртц толкнул стражника в плечо. Тот устоял.

— Извините, сэр. Никто не должен приближаться к Капитану с оружием. Никто.

— Черт побери!

— Он не забыл судьбы прежнего Капитана, — тихо произнес Хью. — Он умен.

Он вытащил свой нож и бросил его стражнику. Тот аккуратно поймал нож за рукоятку. Эртц

взглянул, пожал плечами и отдал свой нож. Алан, совершенно упавший духом, передал свой нож, наградив стражника таким взглядом, который вполне мог сократить тому жизнь.

Нарби что-то говорил; Джо-Джим хмурился обоими своими лицами; Бобо выглядел очень озадаченным и каким-то обнаженным, незаконченным без своих многочисленных ножей и пращи.

— Вопрос закрыт, Джо-Джим. Таково мое решение. Я согласился объяснить тебе свои соображения, но мне безразлично, нравятся они тебе или нет.

— В чем дело? — спросил Хью.

Нарби взглянул на них:

— О, я рад, что вы зашли. Ваш друг мут, кажется, сомневается, кто здесь Капитан.

— А что случилось?

— Он, — прорычал Джим, тыча пальцем в сторону Нарби, — кажется, считает, что сможет разоружить мутов.

— Ну, война ведь окончена, не так ли?

— Такой договоренности не было. Муты должны были стать частью Экипажа. Заберите у них ножи, и Экипаж убьет их всех в мгновение ока. Это несправедливо. У Экипажа ведь есть ножи.

— Придет день, когда не станет, — предсказал Нарби, — но я сделаю это, когда посчитаю нужным и как посчитаю нужным. Это первый шаг. С чем ты пришел, Эртц?

— Спросите Хью. — Нарби повернулся к Хью.

— Я пришел сообщить вам, Капитан, — официально заявил тот, — что мы собираемся запустить Главный Конвертор и начать движение Корабля.

Нарби был, казалось, удивлен, но не обеспокоен.

— Боюсь, что с этим придется повременить. Я еще не готов разрешить офицерам подняться на уровень невесомости.

— В этом нет необходимости, — объяснил Хью. — Мы с Эртцем можем провести первые маневры самостоятельно. Но ждать нельзя. Если не начать двигать Корабль сейчас, Путешествие не завершится в течение нашей с вами жизни.

— В таком случае, — ровно произнес Нарби, — это подождет.

— Что? — вскричал Хью. — Нарби, неужели ты не хочешь завершить Путешествие?

— Я никуда не тороплюсь.

— Что за чертова ерунда? — требовательно спросил Эртц. — Что на тебя нашло, Фин? Разумеется, мы должны начать двигать Корабль.

Прежде чем ответить, Нарби побарабанил по столу. Потом он произнес:

— Поскольку здесь, кажется, назревает легкое непонимание того, кто именно отдает приказы на Корабле, я могу сказать вам об этом прямо. Хойланд, до тех пор пока твое времяпрепровождение не мешало управлять Кораблем, я разрешал тебе развлекаться. Я делал это с радостью, потому что ты по-своему был полезен. Но если твои сумасшедшие идеи становятся возможным источником падения нравов и угрозой миру и безопасности Корабля, то я вынужден положить этому конец.

Во время этой речи Хью несколько раз открывал и закрывал рот. Наконец ему удалось произнести:

— Сумасшедшие? Ты сказал «сумасшедшие»?

— Да. Если человек верит, что неподвижный Корабль способен двигаться, то либо он сумасшедший, либо невежественный религиозный фанатик. Поскольку вы оба все-таки получили подготовку как ученые, то я считаю, что вы потеряли разум.

— Джордан правый! — сказал Хью. — Человек своими собственными глазами видел бессмертные звезды — и может сидеть здесь и говорить,

что мы сумасшедшие!

— Что все это значит, Нарби? — холодно спросил Эртц. — К чему этот шум? Ты никого не обманешь — ты был в Рубке, был на Капитанском мостике, ты знаешь, что Корабль движется.

— Очень интересно, Эртц, — произнес Нарби, оглядывая его. — Я все размышлял, подыгрываешь ты заблуждениям Хойланда или сам заблуждаешься. Теперь я вижу, что ты тоже сумасшедший.

Эртц сдержался.

— Объяснись. Ты видел Рубку; как ты можешь утверждать, что Корабль неподвижен?

Нарби улыбнулся.

— Я думал, ты более знающий инженер, Эртц. Рубка — это большая мистификация. Ты сам знаешь, что эти огоньки можно включать и выключать — очень интересное изобретение. Я считаю, что оно использовалось, чтобы вселить священный ужас в невежд и заставить их поверить в древние мифы. Но нам это больше не нужно, вера Экипажа и без того сильна. Теперь это источник разногласий — и я собираюсь разрушить Рубку и запечатать дверь.

Хью от всего этого совершенно потерял голову, начал бессвязно угрожать и схватился бы с

Нарби, если бы Эртц не сдержал его. Джо-Джим взял Хью за руку, оба лица его были похожи на каменные маски.

Эртц спокойно сказал:

— Предположим, ты прав. Предположим, что и Главный Конвертор, и Главный Двигатель — не что иное, как подделки, и мы никогда не сможем запустить их. Но как же Капитанский мостик? Там ты видел настоящие звезды, а не изображения.

Нарби пожал плечами.

— Эртц, ты еще глупее, чем я думал. Признаюсь, представление на мостике и меня сначала поразило, хотя я и не поверил в эти звезды. Но Рубка подсказала — это иллюзия, сложная инженерная игрушка. За стеклом находится еще одно помещение, примерно такого же размера, но не освещенное. На фоне темноты эти крошечные движущиеся огоньки производят впечатление бездонного пространства. Тот же самый трюк, что и в Рубке.

— Это же очевидно, — продолжал он. — Я удивлен, что вы этого не видите. Когда очевидный факт противоречит логике и здравому смыслу, очевидно, что вы просто не смогли правильно интерпретировать этот факт. Очевиднейший

факт природы — это реальность самого Корабля, прочного, недвижного, совершенного. Любой так называемый факт, который вроде бы противоречит этому, есть иллюзия. Зная это, я стал искать подвох и нашел его.

— Подожди, — сказал Эртц. — Ты хочешь сказать, что побывал за стеклом Капитанского мостика и увидел эти фальшивые огоньки, о которых ты толкуешь?

— Нет, — признал Нарби, — в этом нет необходимости. Без сомнения, сделать это будет достаточно просто, но это не нужно. Не надо резать себя, чтобы понять, что нож острый.

— Вот как... — Эртц остановился на минутку, размышляя. — Я хочу заключить с тобой сделку. Если мы с Хью сошли с ума с нашей верой, от этого не будет никакого вреда, пока мы держим рты на замке. Мы попробуем сдвинуть Корабль. Если это не удастся, значит, ты прав, а мы ошибались.

— Капитан не торгуется, — указал Нарби. — Тем не менее — я подумаю. Это все. Можете идти.

Эртц повернулся к выходу, но заметил выражение лиц Джо-Джима и остановился.

— Еще одно, — сказал он. — Что тут насчет мутов? Почему ты давишь на Джо-Джима? Он и его ребята сделали тебя Капитаном — ты должен

проявить справедливость.

Нарби на миг сбросил свою улыбчивую снисходительность.

— Не вмешивайся, Эртц! Нельзя терпеть банды вооруженных дикарей. Это окончательное решение.

— С пленными можешь делать, что хочешь, — заявил Джо-Джим, — но мои ребята должны сохранить ножи. Им обещали добрую еду, если они сражаются за тебя. Они сохранят ножи. Это окончательное решение!

Нарби смерил его взглядом.

— Джо-Джим, — заметил он. — Я долго верил, что хороший мут — это мертвый мут. Ты сильно укрепляешь меня в этом мнении. Тебе будет интересно узнать, что сейчас твоя банда уже разоружена и перебита. Поэтому я и послал за тобой!

Вошли стражники по сигналу или так было условленно заранее — неизвестно. Застигнутые врасплох, пятеро безоружных друзей обнаружили за спиной по вооруженному громиле.

— Уведите их, — приказал Нарби.

Бобо взвыл и взглянул на Джо-Джима, ожидая приказаний.

— Давай, Бобо, — сказал Джо.

Карлик, не думая о ноже, упиравшемся в его спину, прыгнул прямо на стражника, стоявшего за спиной Джо-Джима. Вынужденный разделить внимание, тот потерял драгоценные полсекунды. Джо-Джим ударил его ногой в живот и завладел ножом. Хью придавил к полу стражника и выкручивал нож. Джо-Джим сделал последний выпад. Двухголовый монстр огляделся и увидел кучу-малу из четырех тел — Эртца, Алана и двух их стражников. Джо-Джим вдумчиво работал ножом, следя за тем, чтобы не перепутать тела. Наконец все было кончено.

— Заберите их ножи, — велел Джо-Джим.

Его слова потонули в нечеловеческом вое. Бобо, у которого все еще не было ножа, воспользовался своим естественным оружием. Лицо его стражника, наполовину откушенное, превратилось в кровавое месиво.

— Забери его нож, — приказал Джо.

— Не могу достать, — виновато признался Бобо. Причина этого была очевидна — рукоятка ножа торчала у него между ребер, прямо из-под правой ключицы.

Джо-Джим осмотрел место ранения, осторожно дотронулся до ножа. Он сидел прочно.

— Идти можешь?

— Ну да, — проворчал Бобо и поморщился.

— Оставим нож там, где он есть. Алан! Со мной. Хью и Билл — прикрывайте тыл. Бобо в середине.

— А где же Нарби? — спохватился Эртц, ощупывая царапину у себя на скуле.

Нарби исчез — улизнул через потайную дверь позади стола, заперев ее за собой.

Клерки разбегались от них по приемной. Джо-Джим заколол стражника у внешней двери, когда тот еще поднимал свисток. Друзья быстро разобрали свое оружие, присоединив его к захва-

ченному, и побежали наверх.

Через две палубы после последней заселенной Бобо споткнулся и упал. Джо-Джим поднял его.

— Сможешь продержаться?

Карлик молча кивнул, на губах его выступила кровь. Они полезли дальше. Еще через двадцать палуб стало очевидно, что Бобо не сможет больше идти, хотя они по очереди поддерживали его. Однако вес уже сильно уменьшился. Алан поднял Бобо, как ребенка, и они двинулись дальше.

Джо-Джим сменил Алана.

Эртц сменил Джо-Джима. Хью сменил Эртца.

Они достигли уровня, где жили раньше, и Хью повернул в направлении их комнаты.

— Положи его, — скомандовал Джо. — Куда ты направился?

Хью устроил раненого на полу.

— Домой. Куда же еще?

— Дурак! Здесь нас в первую очередь будут искать.

— А куда же нам идти?

— Никуда — на Корабле. Выйдем из корабля!

— Что?

— На шлюпке.

— Он прав, — согласился Эртц. — Теперь весь Корабль против нас.

— Но… но… — Хью подчинился. — Шансы ничтожны — но стоит рискнуть.

Он снова двинулся в направлении дома.

— Эй! — крикнул Джим. — Не туда.

— Нужно забрать женщин.

— К Хаффу женщин! Вас поймают. Нет времени.

Но Эртц и Алан последовали за Хью.

— Ну и ладно! — фыркнул Джим. — Но поторопитесь! Я останусь с Бобо.

Джо-Джим уселся, положил голову Бобо себе на колени и тщательно осмотрел его. Кожа была влажной и серой; длинная алая дорожка бежала с правого плеча. Бобо прерывисто вздохнул и потерся головой о бедро Джо-Джима.

— Бобо устал, хозяин.

Джо-Джим погладил его по голове.

— Потерпи, — сказал Джим. — Будет больно.

Чуть приподняв раненого, он осторожно взялся за нож и выдернул его. Хлынула кровь.

Джо-Джим осмотрел нож, отметил смертельную длину лезвия и прикинул к ране.

— Он не вытянет, — прошептал Джо.

Джим взглянул на него:

— Тогда?..

Джо медленно кивнул. Джо-Джим потрогал

лезвие вынутого из раны ножа и взял один из своих, острый, как бритва. Он взял карлика за подбородок левой рукой, и Джо скомандовал:

— Посмотри на меня, Бобо!

Бобо посмотрел, беззвучно прошептав что-то. Джо смотрел ему прямо в глаза.

— Хороший Бобо! Сильный Бобо!

Карлик ухмыльнулся, будто услышал и понял, но не попытался ответить. Хозяин чуть повернул его голову; лезвие вонзилось глубоко, взрезав сонную артерию, но не задев гортань.

— Хороший Бобо! — повторил Джо. Бобо снова ухмыльнулся.

Когда глаза его остекленели, а дыхание совершенно прекратилось, Джо-Джим положил тело к стене и взглянул в направлении, куда ушли остальные. Им уже пора было вернуться.

Он засунул лезвие милосердия в ножны. Убедился, что оружие в порядке.

Остальные вернулись бегом.

— Небольшая заминка, — объяснил Хью, задыхаясь. — Коренастый мертв. Никого из твоих не видно. Возможно, их перерезали — похоже, Нарби не соврал. Вот…

Он протянул Джо-Джиму длинный нож и доспех, сделанный специально для него — с

широкой стальной клеткой вместо шлема, покрывающей обе головы.

Эртц и Алан были в доспехах, Хью тоже. Для женщин доспехов не делали. Джо-Джим отметил, что у младшей жены Хью только что разбита губа — видимо, аргумент попался весомый. Ее глаза метали молнии, хотя внешне она сохраняла покорность. Старшая, Хлоя, кажется, считала происходящее вполне естественным. Жена Эртца тихонько плакала; женщина Алана была в такой же растерянности, что и он сам.

— Как Бобо? — спросил Хью, прилаживая доспех Джо-Джима.

— Отправился в Путешествие, — сообщил Джо.

— Вот как? Ну что ж — пора идти.

Они быстро дошли до уровня невесомости. Тут пришлось замедлиться — женщины не умели двигаться в таких условиях. Они добрались до переборки, отделяющей Рубку со шлюпками от Корабля, и принялись подниматься. Они не встретили никакой засады, хотя Джо показалось, что он заметил чью-то мелькнувшую голову на одной из палуб. Он шепнул об этом брату. Остальным они ничего не сказали.

Дверь в шлюпочный отсек заклинило, а Бобо уже не было с ними. Все приложились по оче-

реди, обливаясь потом от напряжения. Снова взялся Джо-Джим, причем Джо расслабился, чтобы не мешать Джиму напрягать мышцы. Дверь подалась.

— Все внутрь! — рявкнул Джим.

— Быстро! — скомандовал Джо. — Они приближаются. — Пока его брат трудился, он оглядывался по сторонам. Крик снизу подтвердил его опасения.

Близнецы обернулись, чтобы встретить опасность лицом к лицу. Мужчины забивали своих женщин в двери. Бестолковая подруга Алана вдруг потеряла выдержку, завизжала и попыталась убежать, но ее подвела невесомость. Хью схватил ее, втолкнул внутрь и от души приложил ногой. Джо-Джим метнул нож, чтобы задержать преследователей. Он достиг цели; полдесятка наступающих приостановились. Потом, явно по сигналу, в воздух взвилось сразу пять ножей.

Джим почувствовал удар, но боли не было. Он решил, что доспех уберег его.

— Промазали, Джо, — порадовался он.

Ответа не было. Джим повернул голову, чтобы взглянуть на брата. В нескольких дюймах от его лица сквозь прутья решетки торчал нож. Лезвие глубоко засело в левом глазу Джо.

Брат был мертв.

Выглянул Хью.

— Давай, Джо-Джим, — заорал он. — Все внутри.

— Зайди внутрь, — велел Джим. — Закрой дверь.

— Но…

— Заходи! — Джим повернулся и втолкнул Хью внутрь, закрыв за ним дверь. Хью успел заметить нож, торчащий из безжизненно склоненной головы. Потом дверь перед ним затворилась, и он услышал лязг рычага.

Джим повернулся к атакующим. Оттолкнувшись от переборки уже непослушными ногами, он полетел навстречу врагам, обеими руками сжимая свой чудовищный клинок. В его сторону летели ножи, ударялись в стальную броню на груди, впивались в ноги. Он размахнулся и развалил почти пополам первого противника.

— Это за Джо!

Удар отбросил его. Он перевернулся в воздухе, нашел равновесие и снова ударил.

— Это за Бобо!

Его окружили; он яростно дрался, не обращая внимания, куда бьет его клинок, лишь бы находил цель.

— А это за меня!

Нож воткнулся ему в бедро. Он не замедлил движения; ноги не имели значения в невесомости.

— Один за всех!

На плечах повис человек — он чувствовал его. Неважно — перед ним тоже был враг, который ждал удара. Замахиваясь, Джим прокричал:

— Все за одно… — он не успел досказать, но успел ударить…

Хью попытался открыть дверь, захлопнувшуюся перед его лицом. Ему это не удалось — если он и мог ее открыть, то не знал, как. Он прижал ухо к стали и прислушался, но шлюзовая дверь не пропускала ни звука.

Эртц дотронулся до его плеча.

— Пойдем, — сказал он. — Где Джо-Джим?

— Он остался там.

— Что? Открой дверь!

— Не открывается. Он сам решил остаться, он захлопнул дверь у меня перед носом.

— Надо спасти его — мы ведь кровные братья.

— Я думаю, — сказал Хью, внезапно озаренный догадкой, — я знаю, почему он остался. — И он рассказал Эртцу, что видел.

— В любом случае, — завершил он, — для него это Конец Путешествия. Иди назад и загрузи

массу в Конвертор. Мне нужна энергия. — Они вошли в шлюпку; Хью закрыл за собой воздушный шлюз.

— Алан! — позвал он. — Мы стартуем. Пусть женщины не путаются под ногами.

Он уселся в кресло пилота и выключил свет.

В темноте он накрыл ладонью узор из зеленых лампочек. На подлокотнике высветилась надпись: «Двигатель готов». Эртц делал свое дело. Вот оно! — подумал Хью и активизировал комбинацию запуска. Короткая пауза — потом быстрый, вызывающий тошноту крен — и поворот. Это напугало его, ведь он не знал, что траектория запуска была построена так, чтобы погасить обычное вращение Корабля.

Стекло перед его глазами было теперь испещрено точками звезд; и они двигались — они были свободны!

Но не все пространство было равномерно заполнено звездами, как это всегда виделось с Капитанского мостика или из Рубки. Теперь огромная, гигантская, неуклюжая масса мягко блестела под светом звезды, в чью систему они уже вступили. Сначала он не мог понять, что это. Потом с суеверным ужасом вдруг осознал, что смотрит на сам Корабль, настоящий Корабль,

снаружи. Несмотря на то что долгое время он умом знал, что такое Корабль, он никогда и представить себе не мог, что будет смотреть на него. Можно видеть звезды, внешнюю поверхность планет — эту концепцию он воспринял с трудом, — но не внешнюю поверхность Корабля.

Зрелище привело его в шок.

Алан дотронулся до его руки:

— Хью, что это?

Хью попытался объяснить. Алан затряс головой и заморгал.

— Я не понимаю.

— Ничего. Позови сюда Эртца. И приведи женщин — пусть посмотрят.

— Хорошо. Но, — добавил он со здравой интуицией, — не надо показывать это бабам. Они только испугаются — они ведь и звезд никогда не видели.

Удача, умное инженерное решение и немного знаний. Гениальное инженерное решение, большая удача и совсем мало знаний. Удачей было то, что Корабль оказался вблизи звезды с планетной системой, что Корабль приблизился к ней с такой небольшой скоростью и Хью смог противостоять ей на своем крошечном судне, что он научился управлять этим судном раньше, чем они умерли

от голода или затерялись в открытом космосе.

Благодаря гениальным инженерным решениям маленькое суденышко обладало огромным запасом энергии и скорости. Создатели предполагали, что первопроходцам может понадобиться исследовать отдаленные планеты звездных систем. Они заложили такую возможность в шлюпки Корабля, обеспечив их значительным резервом безопасности. Хью почти исчерпал этот резерв.

Им повезло, что они оказались вблизи плоскости планетной орбиты, что когда Хью удалось направить крошечный кораблик вокруг солнца, он двинулся по орбите в ту же сторону, что и планеты.

Повезло, что эксцентрическая орбита, на которой они оказались, постепенно вынесла их ближе к гигантской планете, которую он смог визуально отличить от звезд.

Большинство землян в силу геоцентристских и антропоцентристских представлений совершает одну ошибку. Они воображают планетарную систему стереоскопически. Они рисуют мысленным взором солнце в отдалении от россыпи звезд, окруженное вращающимися шариками — планетами. Выйдите на балкон и посмотрите.

Можете ли вы отличить звезду от планеты? Венеру найти легко, но отличите ли вы ее от Канопуса, если не знали его раньше? Та маленькая красная точка — это Марс или Антарес? Как узнать, если вы невежественны, как Хью Хойланд? Рванете к Антаресу, думая, что это планета, и внуков у вас не будет.

Они медленно подползали к планете. Наконец она превратилась в видимый невооруженным глазом диск. Огромная, как Юпитер, она величественно кружила вокруг своего светила. Несколько суток Хью тормозил шлюпку. Наконец он достаточно приблизился к планете и заметил ее спутники.

Удача снова оказалась на его стороне. Он собирался, за неимением лучшего, сесть на гигантскую планету. Осуществи он свой план, и они дожили бы только до открытия люка.

Но ему не хватало массы, ведь они выполнили титаническую задачу, сходя с гиперболической траектории, ведущей мимо звезды, и выходя на внутреннюю орбиту сначала вокруг звезды, затем вокруг огромной планеты. Хью корпел над древними книгами, бесконечно решая уравнения, освящающие законы движения небесных тел. Он вычислял и перепроверял, и наконец

вывел из терпения даже спокойную Хлою.

Вторая его жена, безымянная, после потери зуба держалась от него в стороне.

По всем уравнениям выходило, что даже разденься они догола и выброс ножи, ему придется потратить на топливо по крайней мере нескольких драгоценных, незаменимых древних книг.

Он предпочел бы расстаться с одной из своих жен.

И он решил сесть на одну из лун.

И снова удача. Совпадение настолько маловероятное, что можете в него не верить, — но спутник оказался пригодным для жизни людей. Не хотите — не верьте; возникновение нашей собственной планеты настолько же маловероятно. Это просто редкостная случайность.

Удача Хью оказалась такой же редкостной случайностью.

На следующем этапе вновь помог гений создателей корабля. Хотя Хью и научился управлять своим суденышком в космосе, где есть место для маневра, посадка — совсем другое и очень непростое дело. Он неминуемо разбил бы любое судно, созданное до «Авангарда». Но создатели корабля знали, что шлюпкой будет управлять по крайней мере второе поколение астронавтов. Неумелым

пилотам придется летать без посторонней помощи. Древние инженеры учли это.

Хью ввел шлюпку в стратосферу и победоносно направил ее по гибельному курсу.

Автопилот перехватил управление.

Хью бушевал и ругался такими словами, которые переключили на себя восторженное внимание Алана, до того созерцавшего звездное небо за иллюминатором. Но что бы он ни делал, судно не реагировало. Оно двигалось своим курсом, выровнялось на высоте в тысячу футов и не меняло ее, несмотря на усилия Хью.

— Звезды пропали!

— Я знаю.

— Но Джордан! Хью, что с ними случилось?

Хью взглянул на Алана.

— Я — не — знаю — и — не — хочу — знать! Сиди с женщинами и не задавай глупых вопросов.

Алан неохотно ретировался, бросив взгляд на поверхность планеты и яркое небо. Зрелище заинтересовало его, но не слишком — его способность удивляться уже почти перегорела.

Только спустя несколько часов Хью обнаружил, что имеется еще одна группа лампочек, манипуляции с которой запустили механизм посадки. Он действовал методом проб и ошибок и

не выбирал места высадки. Однако недремлющее око автопилота передало информацию в «мозг»; субмолекулярный механизм начал сравнивать и отклонять. Корабль мягко приземлился посреди холмистой прерии рядом с небольшой рощицей.

Появился Эртц.

— Что случилось, Хью?

Хью указал на иллюминатор.

— Мы на месте.

На большее его не хватило — сказывались усталость и эмоциональное истощение. Несколько недель он боролся с кораблем, плохо понимая, что именно нужно делать, боролся с голодом, а в последние дни и с жаждой. Много лет он жил одной страстной надеждой — и теперь у него почти не осталось сил радоваться.

И все же они приземлились, они завершили Путешествие Джордана. Он был счастлив, и он очень устал.

— Джордан! — Эртц не мог сдержать восклицания. — Давай выйдем!

— Давай.

В воздушном шлюзе стоял Алан, за ним сгрудились женщины.

— Прилетели, Капитан?

— Заткнись, — сказал Хью.

Женщины столпились возле иллюминатора; Алан с важным видом порол чушь, объясняя им, что они видят снаружи. Эртц открыл последнюю дверь.

Внутрь хлынул свежий воздух.

— Холодно, — произнес Эртц. На самом деле температура была всего лишь на каких-нибудь пять градусов ниже, чем постоянная температура на Корабле, но Эртц еще не знал, что такое «погода».

— Ерунда, — фыркнул Хью, раздраженный малейшей критикой в адрес «его» планеты. — Тебе просто кажется.

— Возможно, — отступил Эртц. После неловкой паузы он предложил: — Выходим?

— Конечно. — Преодолев собственную робость, Хью оттолкнул его и спрыгнул с пятифутовой высоты на землю.

— Давайте — здесь здорово.

Эртц спрыгнул вслед и встал рядом. Больше они не решались сделать ни шага.

— Просторно, да? — хрипло произнес Эртц.

— Ну, так и должно было быть, — отрезал Хью, злясь на себя за то же чувство потерянности.

— Эй! — Алан осторожно выглянул из люка. — Можно спускаться? Как там?

— Давай.

Алан бесстрашно перевалился через край, оглянулся и присвистнул: «Боже мой!»

Свою первую вылазку они совершили за пятьдесят футов от Корабля.

Они держались кучкой и старались не спотыкаться на странной неровной палубе. Ничего необычного не произошло, пока Алан не оторвал взгляда от земли и не обнаружил, впервые в своей жизни, что ни стен, ни потолка нет. Голова его закружилась, накатил острый приступ агорафобии; он застонал, закрыл глаза и повалился на траву.

— Какого Хаффа… — начал Эртц, озираясь — и повалился рядом.

Хью держался из последних сил. Он упал на колени, но не позволил себе лечь на землю, лишь оперся на руку. У него все же было преимущество — он подолгу смотрел в иллюминатор, а ведь и Алан с Эртцем не были трусами.

— Алан! — пронзительно закричала его жена от двери шлюпки. — Алан! Вернись!

Алан приоткрыл один глаз, сфокусировал зрение на Корабле и снова припал к земле.

— Алан! — скомандовал Хью. — Прекрати! Садись.

Тот сел с видом человека, которому нечего

больше терять.

— Открой глаза!

Алан осторожно подчинился, но снова поспешно закрыл их.

— Посиди спокойно, и все пройдет, — добавил Хью. — Я уже в порядке.

В подтверждение своих слов он поднялся на ноги. Голова еще кружилась, но он справился. Эртц тоже сел.

Солнце пересекло уже немалую часть неба, времени прошло столько, что и упитанный человек успел бы проголодаться — а они уже давно не ели досыта. Даже женщины вышли наружу — точнее, их вытолкали. Они не решались отойти от Корабля и сидели тесной кучкой. Однако мужская половина уже освоилась ходить поодиночке даже в открытых местах. Алану было теперь нипочем отойти и на пятьдесят ярдов от Корабля, что он с гордостью проделал несколько раз на виду у женщин.

В одну из таких вылазок он заметил маленького зверька, чье любопытство пересилило осторожность. Нож Алана остановил его. Алан подобрался к нему, схватил добычу за ногу и гордо принес Хью.

— Посмотри, Хью! Добрая еда!

Хью посмотрел одобрительно. Его первый непонятный страх прошел. Теперь его переполняло теплое глубокое чувство обретенного дома. Это было хорошим предзнаменованием.

— Да, — согласился он. — Добрая еда. Отныне и навсегда, Алан, добрая еда.

Лион Спрэг де Камп
С ружьем на динозавра

Нет, мистер Зелигман, я не возьму вас с собой в поздний мезозой.

Почему? А какой ваш вес? Сто тридцать фунтов? Постойте-ка... Так это же меньше шестидесяти килограммов? Сам я никогда так мало не весил.

Я готов взять вас в любой период кайнозоя. Я позволю вам пострелять в энтелодона, титанотерия или уинтатерия.

Я даже возьму вас в плейстоцен, где можно поохотиться на мамонта или мастодонта.

Я возьму вас и в триас, и вы сможете застрелить там какого-нибудь недоросля — предка динозавров.

Но я ни за что, нет, ни за что на свете не возьму вас в юру или мел охотиться на динозавра.

При чем тут ваш вес, говорите?

Дело вот в чем, старина. Скажите-ка, с каким ружьем вы собираетесь охотиться на них?

Не подумали? Вот то-то и оно!

Ну, ладно. Посидите-ка минутку... Держите!.. Это мое собственное — «континенталь-0.600». Как раз для такой охоты. Похоже на дробовик, не

правда ли? Но нарезное, как вы можете убедиться, заглянув в стволы. Стреляет нитропатронами размером с банан. Калибр — 0.600, высокая начальная скорость, весит четырнадцать с половиной фунтов, а дульная энергия — свыше семи тысяч футофунтов. Стоит тысячу четыреста пятьдесят долларов. Куча денег, верно?

У меня есть запасные ружья, и я даю их напрокат сахибам. Выстрелом из такого ружья можно свалить слона. Не просто ранить, а именно свалить. Эти ружья не делают в Америке, но, как мне кажется, придется их выпускать, если благодаря машине времени охотничьи партии будут все дальше углубляться в прошедшие эры.

Я вожу охотничьи партии уже лет двадцать. Я был проводником в Африке, пока там не пришел конец охоте на крупного зверя.

А хочу я сказать вот что: за все эти годы мне ни разу не повстречался человек вашего роста, который мог бы справиться с «шестисоткой». От сильной отдачи все они летели кувырком. Те же, кто смог устоять на ногах, после нескольких выстрелов так были напуганы проклятой пушкой, что дрожали, как осиновый лист. Не попадали в слона на расстоянии плевка. Да и тяжеловато для них это ружье. Тащить его на себе по пере-

сеченной местности в мезозойскую эру им не под силу.

Правда, многие убивали слона из ружей и меньшего калибра, например из двустволок калибра 0.500, 0.475 и 0.465, а то и из магазинной винтовки калибра 0.375. Все дело в том, что из ружья калибра 0.375 вы должны попасть в его жизненные центры, лучше всего в сердце. На одну лишь убойную силу пули не приходится рассчитывать.

Слон весит, постойте-ка... от четырех до шести тонн. Вы же собираетесь охотиться на рептилий весом в два или три раза больше слона, к тому же они намного живучее. Вот почему синдикат решил не брать на охоту на динозавров людей, которые не могут справиться с «шестисоткой». Мы научены горьким опытом. Были несчастные случаи.

Вот что, мистер Зелигман. Ба! Да уже шестой час. Пора закрывать контору. Не заглянуть ли нам по пути домой в бар, я расскажу вам одну историю?

Это случилось во время пятой охотничьей экспедиции, которую вели Раджа и я. Раджа? Айяр, совладелец фирмы «Риверз и Айяр». Я зову его Раджей, потому что он наследный монарх Джанпура. В наши дни, конечно, этот титул не

стоит и выеденного яйца. Я знал его еще в Индии, затем неожиданно встретил в Нью-Йорке, где он возглавлял индийское туристическое агентство. Помните, темнолицый малый на фотографии, что висит на стене нашей конторы, — он еще поставил ногу на труп саблезубого тигра?

Ну так вот, Раджа был сыт по горло раздачей проспектов о Тадж Махале и хотел снова поохотиться, как в былые времена. А я был без дела, когда мы впервые услышали о профессоре из Вашингтонского университета и его машине времени.

Где сейчас Раджа? В раннем олигоцене, они там охотятся на титанотерия, пока я управляю конторой. Теперь мы работаем по очереди, а сначала отправлялись вместе.

Так вот первым же рейсом мы вылетели в Сен-Луи. Мы здорово приуныли, когда обнаружили, что были далеко не первые.

Бог ты мой, куда там! Просто отбоя не было от проводников охотничьих партий и от ученых, напичканных всякими идеями, как наилучшим образом использовать машину времени.

Первым делом мы отшили историков и археологов.

Кажется, чертова машина рассчитана для пери-

ода не ближе ста тысячи лет до нашего времени. И дальше — примерно до биллиона лет.

Почему так? Не очень-то я смыслю в четырех измерениях. Но насколько я понимаю, если бы люди попали во время до ста тысяч лет, их действия могли бы сказаться на нашей истории. А этого не должно быть. Такое не может случаться в хорошо устроенной вселенной. Но где-то за сто тысяч лет до нашей эры, еще до зари человеческой истории, все действия затеряются в потоке времени. По той же причине, если вы использовали какой-то отрезок прошлого времени, скажем январь миллионного года до нашей эры, вы не можете использовать этот месяц еще раз и послать туда другую экспедицию.

Но профессор не тужит: имея в своем распоряжении биллион лет, он не скоро выйдет за опасные пределы.

Габариты машины тоже ограничивают возможности ее применения.

По техническим причинам конструктору пришлось построить транзитную камеру, только-только вмещающую четырех человек со снаряжением и обслуживающий персонал. Более крупные партии приходится засылать в несколько приемов. А это значит, как вы понимаете,

что джипы, лодки, самолеты и прочее с собой не захватишь.

С другой стороны, поскольку вы отбываете в безлюдные периоды, нельзя ожидать, что только вы свистнете — и перед вами, тут как тут, сотня туземцев-носильщиков, готовых тащить на голове вашу поклажу. Поэтому мы обычно берем с собой караван ослов — бурро, как их зовут здесь. В большинстве периодов им вполне хватает естественного корма; так что любые дороги нам не заказаны.

Я уже сказал, каждый приехал со своей идеей, как использовать машину. Ученые смотрели на нас, охотников, свысока. По их мнению, было бы преступлением тратить дорогое время этой удивительной машины ради каких-то эгоистических развлечений.

Мы же подошли к делу с другой стороны. Машина обошлась в кругленькие тридцать миллионов. Как я понимаю, постройка ее субсидировалась концерном Рокфеллера или что-то в этом роде. Но в эту сумму вошла только первоначальная стоимость, без эксплуатационных расходов. А эта штука потребляла чудовищное количество энергии.

Тогда мы, проводники, обратились к *денежным*

мешкам, к тем людям, которых мы обслуживали и которыми в Америке, кажется, хоть пруд пруди. Не в обиду будь сказано, дружище. Многие из них были в состоянии сделать существенный взнос за то, что машина времени перенесет их в прошлое. Так мы помогли финансировать эксплуатацию машины в научных целях при условии, что нам будет уделена часть времени по справедливости.

Не тратя лишних слов, скажу лишь, что в конце концов для распределения машинного времени проводники образовали синдикат из восьми членов, одним из которых стала фирма «Риверз и Айяр».

В пятой экспедиции нашими кормильцами оказались два сахиба: оба американцы, обоим шел четвертый десяток, крепкие парни и, главное, платежеспособные. В остальном же не было на свете двух более несхожих людей.

Кэртни Джеймс, богатый молодой человек из Нью-Йорка, всячески прожигал жизнь и не понимал, почему это приятное времяпрепровождение не должно продолжаться вечно. Цветущий, рослый парень, почти как я, но уже начинающий тучнеть. Он был женат в четвертый раз, и, когда появился в конторе с блондинкой, у которой прямо-таки на лице было написано, что она ма-

некенщица, я принял ее за четвертую миссис Джеймс.

— Мисс Бартрэм, — поправила она меня, смущенно хихикнув.

— Моя жена в Мексике, где она, судя по всему, добивается развода, — пояснил Джеймс. — Так вот. Банни, которую вы видите перед собой, хотела бы вместе со мной отправиться...

— Сожалею, — перебил я, — но мы не берем дам. И тем более в поздний мезозой.

Это было не совсем верно, но я не хотел впутываться в семейные дела, ведь мы и так подвергаемся риску, отправляясь на поиски малоизвестной фауны.

— Чепуха! — сказал Джеймс. — Раз она хочет, она поедет. Она ходит на лыжах, управляет моим самолетом, так почему бы ей и...

— Не в правилах фирмы.

— Если мы наткнемся на опасного зверя, она отойдет в сторонку.

— Нет. К сожалению, это невозможно.

— К дьяволу! — сказал он, багровея. — В конце концов я плачу вам кругленькую сумму и имею право взять с собой кого хочу.

— Принцип есть принцип. Плата тут ни при чем. Не согласны — ищите другого проводника.

— Ладно. Так я и сделаю. И скажу всем друзьям, что вы проклятый... — Ну, тут он наговорил такого, о чем я лучше умолчу. Кончилось тем, что я велел ему убираться, пригрозив вышвырнуть его вон.

Я сидел в конторе, с грустью размышляя об уплывших денежках, которые Джеймс отвалил бы мне, не будь я таким упрямцем, когда вошел второй барашек, некто Огэст Холтзингер. Небольшого роста, худощавый, бледный малый в очках, вежливый и чопорный, не в пример первому — ветреному и наглому.

Холтзингер присел на краешек стула и начал:

— Видите ли, мистер Риверз, я не хотел бы, чтобы у вас сложилось обо мне неправильное впечатление. По натуре я не бесшабашный бродяга и, наверное, умру со страха, повстречавшись с живым динозавром. Но я решил твердо: или голова динозавра будет висеть над моим камином, или пусть я погибну, охотясь за этим трофеем.

— Все мы вначале хватили страху, — подбадривал я его. Оттаяв, он рассказал мне свою историю.

В то время как Джеймс всю жизнь купался в золоте, Холтзингер лишь недавно стал на ноги. Раньше у него было небольшое дело здесь, в Сен-

Луи, и он только-только сводил концы с концами, как вдруг один из его дядей неожиданно сыграл в ящик, оставив Оги кучу денег.

Он никогда не был женат, но у него есть невеста. Сейчас он строит большой дом, и, когда тот будет закончен, они поженятся и переедут в него. И одним из предметов меблировки должна стать голова цератопса над камином. Ну, вы знаете, огромная рогатая голова, клюв попугая, костяной воротник вокруг шеи.

Мы толковали обо всем этом, когда вошла девушка, да нет — девчушка лет двадцати, ничего особенного.

— Оги! — говорит она, обливаясь слезами. — Ты не можешь! Ты не должен! Тебя убьют!

Она судорожно обняла его и, обращаясь ко мне, сказала:

— Мистер Риверз, вы не должны брать его с собой! Он для меня все.

— Милая мисс, — ответил я, — ни в коем случае не хотел бы причинять вам огорчения. Путь мистер Холтзингер решит сам, нужны ли ему мои услуги.

— Бесполезно, Клэр, — сказал Холтзингер. — Я отправляюсь. Хоть, кажется, я ненавижу каждый миг этого предстоящего путешествия.

— В чем дело, дружище? — спросил я. — Не хотите — не езжайте. Вы что, держите пари?

— Нет, — сказал Холтзингер. — Дело в другом. Как бы вам это объяснить... Понимаете, я самый заурядный человек. Нет у меня ни блестящего ума, ни силы, как у быка, ни смазливой физиономии. Я всего лишь обыкновенный маленький бизнесмен со Среднего Запада. А между тем я всегда мечтал отправиться в далекие края и совершить там что-нибудь необыкновенное. Я бы хотел быть рисковым парнем. Как вы, мистер Риверз.

— Ну что вы! — запротестовал я. — Жизнь охотника-профессионала кажется блестящей только со стороны. Для меня охота — лишь кусок хлеба.

Он покачал головой.

— Нет, нет... Вы же понимаете, что я имею в виду. Теперь, получив наследство, я мог бы посвятить остаток жизни игре в бридж и гольф. Но я твердо решил совершить нечто необычное. Так как охоты на крупного зверя в наше время уже нет, я решил застрелить динозавра и повесить его голову у себя над камином.

Холтзингер и его девушка продолжали препираться, но он не сдавался. Тогда она заставила меня поклясться, что я буду беречь Оги как зени-

цу ока, и ушла вместе с ним, всхлипывая.

После ухода Холтзингера кто бы вы думали вошел в контору? Мой вспыльчивый друг Кэртни Джеймс. Он извинился за оскорбления, хотя едва ли в самом деле сожалел о них.

— Я не так уж часто бываю в дурном настроении, — сказал он. — Только в тех случаях, когда люди не хотят соглашаться со мной. Тогда я иногда срываюсь. Но пока они проявляют готовность к сотрудничеству, со мной не трудно поладить.

Я прекрасно понимал, что для него «сотрудничество» — это когда все поступают так, как того хочет Кэртни Джеймс, но не стал наступать на его любимую мозоль.

— Как насчет мисс Бартрэм? — спросил я.

— Мы поссорились, — сказал он. — С женщинами покончено. Так что, если вы ничего не имеете против, продолжим наш разговор с того места, где мы его прервали.

— Идет, — согласился я. — Бизнес есть бизнес!

Раджа и я решили, что вместе отправимся в охотничью экспедицию на восемьдесят пять миллионов лет назад: в раннюю эпоху верхнего мелового периода, или в средний мел, как называют его некоторые американские геологи. Это были самые лучшие денечки для динозавров на

Миссури. К тому же период представлял больший интерес с точки зрения разнообразия форм.

Что касается снаряжения, то мы с Раджей держали по «континенталю-0.600» и несколько ружей калибром поменьше. В то время наш капитал был еще невелик, и мы не могли приобрести лишних «шестисоток», чтобы давать их напрокат.

Между тем Огэст Холтзингер как раз хотел взять ружье напрокат, полагая, что эта охотничья экспедиция останется единственной в его жизни и потому бессмысленно выкладывать тысячу с лишним долларов за ружье, из которого ему придется выстрелить всего несколько раз. Но поскольку у нас не было лишней «шестисотки», ему приходилось выбирать: либо купить ее, либо взять напрокат одно из наших ружей меньшего калибра.

Мы отправились за город испытать «шестисотку». Установили цель. Холтзингер с трудом поднял ружье, словно оно весило целую тонну, и выстрелил. Пуля ушла «за молоко», а сам он повалился на землю.

Он встал бледнее обычного и вернул мне ружье со словами:

— Знаете... я лучше опробую какое-нибудь

полегче.

Ему понравился мой винчестер-70 с патронником под патрон калибра 0.375. Это отличное универсальное ружье...

Какого типа? Обычная магазинная винтовка со скользящим затвором, как у винтовки Маузера. Превосходна для охоты на тигров и медведей, но легковата для слона и совсем уж не годится для динозавра. Никогда бы не согласился на это, но мы спешили, а поиски новой «шестисотки» заняли бы месяцы. Как вы знаете, они делаются на заказ. Джеймс же выражал нетерпение. У него уже была двустволка калибра 0.500 фирмы «Голанд и Голанд», почти одного класса с «шестисоткой».

Меткость моих клиентов меня не беспокоила. Охота на динозавра требует лишь ясной головы и четкости действий — чтобы не заело механизм ружья от случайно попавшей туда веточки, чтобы вы не упали в яму, не карабкались на деревце, откуда вас легко сорвет динозавр, и не прострелили голову вашему проводнику.

Тот, кто привык охотиться на млекопитающих, порой пытается попасть динозавру в мозг. Глупее ничего нельзя придумать, потому что у динозавров нет мозга. Или, если быть более точным,

у них есть маленький комок мозговой ткани размером с теннисный мячик в передней части позвоночного столба. Но поди доберись до него.

Самый надежный способ охоты на динозавра — целиться ему в сердце. У них большие сердца, свыше ста фунтов у самых крупных экземпляров. Пара зарядов из «шестисотки» прямо в сердце валит их замертво. Все дело в том, как пробиться к сердцу сквозь гору мяса и броню костей.

Так вот, в одно дождливое утро мы собрались в лаборатории профессора: Джеймс и Холтзингер, Раджа и я, погонщик Боргард Блэк, трое помощников, повар и двенадцать «джеков», то есть осликов.

Транзитная камера представляет собой кубическое помещение размером с небольшой лифт. По заведенному порядку я слежу за тем, чтобы первыми отправились вооруженные охотники, на случай если у машины времени в момент ее прибытия окажется голодный теропод. И вот два сахиба, Раджа и я набились в камеру с нашими ружьями и вьюками. Оператор втиснулся вслед за нами, задраил дверь и стал колдовать у приборов. Он поставил стрелку указателя времени на 24 апреля восьмидесятипятимиллионного года до нашей эры и нажал красную кнопку.

Свет погас, лишь крошечная лампочка, работающая от батарейки, освещала камеру. Джеймс и Холтзингер позеленели, но виной тому могло быть тусклое освещение. Радже и мне уже приходилось испытать все это, так что вибрация и головокружение нас мало беспокоили.

Со своего места я мог видеть, как маленькие черные стрелки приборов описывали круги: одни — медленно, другие — с такой сумасшедшей скоростью, что рябило в глазах. Но вот стрелки стали замедлять свой бег и замерли. Оператор посмотрел на прибор и, повернув ручной штурвал, приподнял камеру, чтобы материализация произошла не на поверхности земли. Затем он нажал кнопку, и дверь отворилась.

Каждый раз, когда я выхожу в прошлую эру, меня охватывает дрожь волнения. От камеры до поверхности земли было около фута, и я выпрыгнул с ружьем наготове. Остальные последовали за мной. Мы оглянулись — в воздухе висел большой сияющий куб с маленькой круглой дверцей.

Иллюстрации EMSH

— Все в порядке! — сказал я технику, и он закрыл дверь. Камера исчезла. Мы осмотрелись. Ландшафт не изменился со времени моей последней экспедиции в эту эру — экспедиции, которая закончилась за пять дней до начала нынешней. Динозавров не было и следа. Одни ящерицы.

Мы стояли на каменистой возвышенности. Отсюда, куда ни кинь глаз, открывались бескрайние, теряющиеся в дымке дали.

К западу виднелся залив Канзасского моря,

простирающийся до Миссури и далее. Вокруг залива — огромное болото, где живут завроподы. Принято думать, что завроподы вымерли еще до мелового периода, но это не так. Сократилась лишь область их распространения, так как болота и лагуны уже не занимали столь большую поверхность суши, как раньше. Но завроподов в этот период еще достаточно. Нужно только знать, где их искать.

К северу тянется низкая горная цепь, которую Раджа окрестил Джанпурскими Холмами — в честь маленького индийского княжества, которым правили его предки. К востоку местность постепенно повышается и переходит в плато — рай для цератопсов. А на юге простирается болотистая низменность, где обитают завроподы и орнитоподы — утконосые динозавры и игуанодоны.

Меловой период чарует своим климатом: он мягок, как на Островах Южных Морей, мало зависит от времен года и не так влажен, как климат юрского периода. Мы прибыли туда весной, когда повсюду цвели карликовые магнолии, но воздух там душист точно так же почти в любое время года.

Замечательная черта ландшафта мелового

периода — своеобразный тип растительного покрова. Травы в процессе эволюции не образовали еще сплошного ковра на всей поверхности суши, и земля покрыта густой растительностью из лавра, сассафраса и других кустарников с огромными плешинами между ними. Кругом густые заросли карликовых пальм и папоротников. По холмам одиночками и рощицами растут саговники. Их обычно называют пальмами, хотя мои друзья-ученые говорят, что это не настоящие пальмы.

Пока один из помощников выводил из машины времени двух осликов и привязывал их к колышкам, а я пытался проникнуть взглядом сквозь дымку, позади меня прогремели выстрелы — *бах! бах!*

Я обернулся и увидел Кэртни Джеймса с дымящейся «пятисоткой» в руках, а в пятидесяти ярдах от него — улепетывающего вовсю орнитомима. Орнитомимы — это среднего размера динозавры, безобидные существа с длинной шеей и длинными ногами, нечто среднее между ящерицей и страусом. Они семи футов высотой и весят столько же, сколько и человек.

Я был несколько обескуражен, потому что сахиб, безрассудно палящий по всему живому, столь же опасен, как и тот, кто впадает в панику

или удирает со всех ног.

Я заорал:

— Идиот вы этакий! Какого черта вы стреляете без разрешения?

— А кто вы такой, чтобы тут распоряжаться, когда мне стрелять, когда нет из собственного ружья? — отпарировал он.

Мы снова крупно поговорили, пока Холтзингер и Раджа не утихомирили нас.

Я пояснил:

— Выслушайте меня, мистер Джеймс, доводы мои достаточна убедительны. Во-первых, если вы расстреляете все ваши патроны еще до конца экспедиции, ваше ружье превратится в бесполезную палку и им нельзя будет воспользоваться в случае нужды, а другого, такого же калибра у нас нет. Во-вторых, если вы будете палить из обоих стволов по кому попало, что вы станете делать, если крупный теропод нападет на вас, прежде чем вы успеете перезарядить ружье? И последнее. Не спортивно убивать все, что попадает в поле зрения. Я стреляю, чтобы раздобыть мяса, или ради трофеев, или защищаясь, а не для того, чтобы только слышать звуки выстрелов. Если бы люди могли обуздать свою страсть к убийству, охотничий спорт процветал бы и в нашу эру. Дошло?

— Да-а... как будто... — протянул этот парень, живой, как ртуть.

Из машины времени вышли остальные участники охоты, и мы разбили лагерь на безопасном расстоянии от места материализации. Нашей первой задачей было раздобыть свежего мяса. Охотничья экспедиция рассчитана на двадцать один день, и мы точно калькулируем наш пищевой рацион, чтобы в случае необходимости обойтись консервами и концентратами, но все же рассчитываем убить хотя бы одного зверя. Обеспечив себя мясом, мы отправляемся в короткое путешествие с четырьмя или пятью стоянками, охотимся и возвращаемся на базу за несколько дней до появления транзитной камеры.

Холтзингеру, как я сказал, нужна была голова цератопса любого вида. Джеймса устраивала только голова тиранозавра.

Представление о тиранозавре как о самом жестоком хищнике сильно преувеличено. Он не активный хищник, больше питается падалью, хотя проглотит и вас, если вы ему подвернетесь. Он не так опасен, как некоторые другие плотоядные тероподы, например большой заврофаг юрского периода или даже более мелкий горгозавр той эпохи, в которой мы находились.

Тиранозавр того периода, в который прибыли мы, не являлся царем ящеров, так называемым тиранозавром-рексом. Тот появился позднее, был более крупного размера и более специализирован. Этот же носит название — тиранозавр-трионикс. Его передние конечности еще не стали рудиментами, хотя они и годны лишь для того, чтобы ковырять в зубах после сытной трапезы.

Сразу же после полудня, разбив лагерь, Раджа и я взяли наших сахибов на первую охоту. У нас была карта местности, составленная во время предыдущих экспедиций.

У Раджи и у пеня своя система охоты на динозавра. Мы разделяемся на две партии, по два человека в каждой, и двигаемся параллельным маршрутом на расстоянии от двадцати до сорока ярдов друг от друга. В каждой партии — сахиб, идущий впереди, и проводник, который следует за ним и показывает, куда идти.

Сахибам мы говорим, что ставим их впереди, чтобы они могли стрелять парными. И это действительно так. Но есть и другая причина. Дело в том, что они постоянно спотыкаются и падают с ружьем на изводе — будь проводник впереди, он был бы убит.

Разделяемся же мы на две партии потому, что,

если динозавр двинется в сторону одной группы, другая сможет сбоку выстрелить ему в сердце.

Мы карабкались по бесчисленным руслам высохших речек, пересекавших местность во всех направлениях, в течение часа, и сахибы уже обливались потом, когда Раджа вдруг свистнул. Он заметил группу «крепкоголовых» динозавров, ощипывающих побеги саговника.

Это были троедонты — маленькие орнитоподы ростом с человека, с выпуклостью на верхушке головы, что придавало им человекообразный вид. Но выпуклость была всего лишь толстой костью, и мозг их так же мал, как и у других динозавров. Когда самцы дерутся из-за самок, то бодают друг друга головами.

Они то опускались на все четыре лапы, прожевывая побеги, то вставали и оглядывались — троедонты осторожнее прочих динозавров: ведь они любимое блюдо крупных тероподов. Иногда думают, что раз динозавры глупы, то и чувства их неразвиты. У некоторых видов, как, например, у завроподов, это действительно так. Но у большинства хорошее обоняние, зрение и тонкий слух. Уязвимость их в другом: поскольку у них нет ума, у них нет и памяти. Отсюда: с глаз долой — из головы вон. Если вас, брызгая

слюной и заранее облизываясь, атакует крупный теропод, лучше всего спрятаться в расселине или за кустом, и, как только он потеряет вас из виду и не сможет почуять, он тут же забудет о вас и побредет прочь.

Укрываясь за карликовыми пальмами, мы подкрадывались с наветренной стороны к ящерам. Я шепнул Джеймсу:

— Вы уже стреляли сегодня. Подождите, пока выстрелит Холтзингер, но и тогда стреляйте только в том случае, если он промахнется или ранит зверя.

— Угу, — сказал Джеймс.

Мы разделились. Он пошел с Раджей, а Холтзингер со мной. Это стало уже правилом. Джеймс и я действовали друг другу на нервы, а Раджа, если только выбросить из головы весь этот вздор о восточном монархе-предке, был славным, отзывчивым малым, которого нельзя было не любить.

Итак, мы пробирались ползком, с противоположных сторон огибая участок карликовых пальм, и Холтзингер уже приподнялся, приготовившись стрелять. Из крупнокалиберного ружья нельзя стрелять лежа.

Нет достаточной амортизации, и отдача может сломать плечо.

Холтзингер прицеливался, скрываясь за листвой крайних пальм. Я видел покачивающееся дуло его ружья, когда вдруг прогремели оба ствола ружья Джеймса. Самый крупный динозавр упал, катаясь в агонии по земле, а остальные огромными прыжками помчались прочь; головы их судорожно подергивались, хвосты стояли торчком.

— Поставьте ружье на предохранитель! — крикнул я Холтзингеру, бежавшему к убитому динозавру. Когда мы подбежали к «крепкоголовому», над ним, переломив ружье и продувая стволы, уже стоял Джеймс. Самодовольство прямо-таки распирало его, можно было подумать, что ему только что отвалили миллион. Он стал просить Раджу заснять его в этой героической позе — попирающим ногой динозавра. Его первый выстрел был в самом деле превосходен — прямо в сердце. Но Джеймс не мог побороть искушения выстрелить еще раз, хотя бы впустую.

— Стрелять был черед Холтзингера, — заметил я.

— К черту! Я ждал, — сказал Джеймс, — но он проканителился, и я решил, что с ним что-то стряслось. Сколько можно мешкать? Они увидели бы или почуяли нас.

Его возражения были не так уж глупы, но меня раздражала сама его манера говорить.

Я сказал:

— Если это повторится, в следующий раз мы оставим вас в лагере.

— Не будем ссориться, джентльмены, — успокаивал Раджа. — Не следует забывать, Реджи, что они ведь еще неопытные охотники.

— Что будем делать дальше? — спросил Холтзингер. — Потащим зверя сами или пришлем за ним людей?

— Я думаю, мы можем донести его на шесте, — сказал я. — Он не потянет больше двухсот фунтов.

В рюкзаке у меня был складной алюминиевый шест для переноски тяжестей с мягкими прокладками из губчатой резины на концах, чтобы не натирало плечи.

Раджа и я выпотрошили «крепкоголового» динозавра и привязали его к шесту. Тучи мух налетели на отбросы. Ученые утверждают, что это не мухи в обычном смысле слова, но они схожи с нашими, да и повадки у них те же.

До самого вечера мы обливались потом под тяжестью шеста с ношей. Одна пара несла зверя, другая — ружья. Время от времени мы менялись.

Из-под ног разбегались ящерицы, и мухи, жужжа, вились над тушей.

До лагеря мы добрались перед самым закатом. Мы были так голодны, что могли бы за один присест проглотить целого динозавра. В лагере все было в порядке; пока повар поджаривал куски мяса «крепкоголового», мы сели опрокинуть по стаканчику виски.

— Хотел бы я знать, — сказал Холтзингер, — если я убью цератопса, как мы справимся с его головой?

— Если позволит рельеф, мы привяжем его к раме катка и покатим, — пояснил я.

— А сколько может весить его голова? — спросил он.

— Это зависит от возраста и экземпляра, — ответил я. — У самого крупного — около тонны, у прочих — от пятисот до тысячи фунтов.

— И повсюду такая овражистая местность, как та, по которой мы шли сегодня?

— Почти везде. Это все из-за сильных дождей. Эрозия здесь устрашающе быстра — мало растительности.

— А кто потянет каток с головой?

— Да все, у кого есть руки. Крупная голова потребует участия всей партии. И даже тогда мы

можем не справиться с ней.

— О! — сказал Холтзингер. По всему было видно, что он размышляет, стоит ли голова цератопса всех этих усилий.

Следующие два дня мы обследовали окрестности. Ничего интересного для охотника — ящерицы и птерозавры, птицы и насекомые. Встретилось только стадо, голов пятьдесят, орнитомимов, которые убежали прыжками, как толпа балетных танцовщиков. Среди насекомых была огромная муха с кружевными крыльями, жалящая динозавров. Сами понимаете, кожа человека для их хобота — ничто. Одна из этих мух ужалила Холтзингера сквозь рубашку, да так, что он подскочил. Джеймс подтрунивал над ним по этому поводу, приговаривая: «Сколько шума из-за какой-то мошки!»

На следующую ночь в дежурство Раджи вдруг слышим страшный крик Джеймса. Мы выскочили из палаток с ружьями наизготовку. А случилось вот что: один из паразитирующих на динозаврах клещей заполз в палатку к Джеймсу и присосался у него под мышкой. Этот клещ, даже не насосавшись, размером с большой палец руки, так что испуг Джеймса вполне понятен. К счастью, он разделался с клещом раньше, чем тот

высосал из него пинту крови. Холтзингер, еще не забывший насмешек Джеймса, теперь отомстил ему, заметив: «Сколько шума из-за какого-то паршивого клопика, дружище!»

Джеймс со злости топнул ногой и что-то проворчал — он не терпел насмешек.

Мы сложили свои пожитки и снова отправились в путь. Нам хотелось сводить сахибов на край болота, где водились завроподы.

Я вел охотников к краю болота, к песчаному, лишенному растительности гребню, откуда открывался чудесный вид. Когда мы добрались до гребня, солнце почти зашло. При виде нас несколько крокодилов скользнули в воду. Сахибы, выбившиеся из сил, замертво растянулись на песке.

Над головой парили мелкие птерозавры, похожие на летучих мышей.

Боргард Блэк набрал хвороста и разжег костер. Мы только что принялись за бифштекс, когда из воды, шумно дыша и издания скрежещущие звуки, вынырнул завропод.

Сахибы вскочили, размахивая руками и крича:

— Где он? Где он?

Я показал:

— Вон то черное пятно на воде... левее...

Они голосили, пока завропод не наполнил легкие воздухом и не исчез.

— Я читал, — сказал Холтзингер, — что они никогда не выходят из воды, потому что слишком тяжелы.

— Это неверно, — сказал я. — Они отлично передвигаются но суше и часто совершают прогулки, чтобы отложить яйца или перейти в другое болото. Но большую часть времени они проводят в воде, как гиппопотамы, и съедают за день по восемьсот фунтов нежных болотных растений. Они бродят, жуя, по дну озера и болот и каждые четверть часа высовывают из воды голову, чтобы подышать воздухом. Уже темнеет, так что эта бестия скоро выйдет наружу и уляжется поспать на отмели.

— Не подстрелить ли нам его? — спросил Джеймс.

— Я бы не стал этого делать, — сказал я.

— Почему?

— Бессмысленно, — ответил я. — И не спортивно. Прежде всего, поразить его в мозг очень трудно из-за повадки постоянно покачивать головой на длинной шее. А чтобы попасть ему в сердце, прикрытое горой мяса, нужна исключительная удача. Затем, если вы убьете его в

воде, он утонет, и найти его невозможно. Если же вы убьете его на суше, единственным трофеем станет маленькая голова. Вы не можете унести с собой зверя, так как он весит тонн тридцать, а то и больше.

— Музей в Нью-Йорке — как его там? — заполучил-таки один экземпляр, — сказал Холтзингер.

— Да, — согласился я. — Американский музей естественной истории послал в раннюю эпоху мелового периода экспедицию из сорока восьми человек с пулеметом пятидесятого калибра. Они установили пулемет на краю болота, убили завропода, и им потребовалось целых два месяца, чтобы освежевать его, отделить скелет от мышц и дотащить до машины времени. Я знаком с парнем, которому было поручено осуществление этой операции: до сих пор его мучают кошмары и преследует запах разлагающегося динозавра. Им пришлось заодно убить еще дюжину крупных тероподов, которых привлекло зловоние и которых никак нельзя было отпугнуть. Все они полегли вокруг и тоже гнили. И тероподы все же сожрали трех участников экспедиции, несмотря на пулемет.

На следующее утро мы как раз кончали завтрак, когда один из помощников позвал меня:

— Гляньте, мистер Риверз! Вон туда!

Он показывал на берег. Шесть крупных утконосых динозавров паслись на отмели. Они принадлежали к виду паразавролоф, на макушке у них возвышался гребень, состоящий из длинного костяного шипа наподобие рога антилопы бейза, и кожной ткани, соединяющей этот шип с затылком.

— Тише! — предостерег я.

Утконосые динозавры, как и прочие орнитоподы, очень осторожны, так как у них нет ни защитного панциря, ни какого-либо оружия против тероподов. Они пасутся в прибрежной полосе озер и болот и, если из-за деревьев внезапно нападает горгозавр тут же погружаются в воду и уплывают. Если же в воде на них начинает охоту гигантский крокодил фобозух, они выбегают на сушу. Расчудесная жизнь! Не правда ли?

— Послушайте, Реджи, — сказал Холтзингер, — я все время вспоминаю ваши слова про голову цератопса. Сними я череп с одного из тех вон там, я, пожалуй, им бы удовлетворился. Такая голова выглядела бы достаточно внушительно в моем доме, разве нет?

— Конечно, старина, — сказал я. — Но как подойти к ним? Мы могли бы сделать крюк и выйти

на берег, но придется целые полмили месить грязь и продираться сквозь заросли по колено в воде, и они могут услышать, как мы подкрадываемся. Есть другой путь — переползти на северный конец песчаной косы. Оттуда до них около четырех или пяти сотен ярдов. Стрелять придется с далекой дистанции, но попасть можно. Как вы думаете? Попадете?

— С оптическим прицелом и из положения сидя — да. Я попытаюсь.

— Оставайтесь здесь, — сказал я Джеймсу. — Эта голова — для Оги, и я не хочу, чтобы опять возник спор, кому стрелять первым.

Джеймс что-то проворчал, но Холтзингер уже привинчивал оптический прицел к своей винтовке. Пригнувшись, мы двинулись к косе, стараясь, чтобы песчаный гребень все время оставался между нами и утконосыми динозаврами. Достигнув открытого места, мы поползли на четвереньках, продвигаясь вперед с крайней осторожностью.

Утконосые динозавры, опустившись на все четыре лапы, продолжали кормиться, каждые несколько секунд поднимая головы и оглядываясь. Холтзингер присел, занял удобное положение для стрельбы, взвел курок и начал целиться. И

вдруг...

— Бах! бах! _ — прогремели выстрелы из крупнокалиберного ружья позади нас, со стороны лагеря.

Холтзингер вскочил на ноги. Утконосые динозавры, резким движением вскинув головы, суматошными прыжками уходили на большие глубины; лишь брызги фонтаном летели из-под их тел. Холтзингер выстрелил и промахнулся. Я

послал пулю вдогонку за последним утконосым динозавром, прежде чем тот окончательно исчез из виду. И тоже промахнулся: «шестисотка» не годится для стрельбы с дальней дистанции.

Холтзингер и я повернули обратно к лагерю. У нас мелькнула мысль, не напали ли на него тероподы и не нужна ли там наша помощь.

Произошло же вот что. Крупный завропод, по-видимому тот самый, чьи вздохи ияд слышали минувшей ночью, кормясь по пути, прибрел под водой к лагерю. Перед ним была отмель. Завропод взбирался вверх по склону, пока почти все его тело не выступило из воды. Покачивая головой, он осматривался, ища чего бы такого пожевать из зелени.

Когда я увидел вдали лагерь, завропод как раз с ужасающим ревом поворачивал назад, чтобы вернуться той же дорогой, по которой пришел. Он все больше и больше уходил под воду, пока над поверхностью не осталась только голова и десяти– или двадцатифутовый отрезок шеи, которые раскачивались некоторое время, пока не исчезли в дымчатой дали.

Когда мы подошли к стоянке, Джеймс спорил с Раджей. Холтзингер взорвался:

— Чертов ублюдок! Второй раз портишь мне

охоту!

Сильные выражения для маленького Оги!

— Не дури! — сказал Джеймс. — Не мог же я позволить ему пройтись по лагерю и растоптать все.

— Опасности не было никакой, — вежливо возразил Раджа. — Вы же видите, что берег тут крут. Просто наш воинственный мистер Джеймс не может равнодушно видеть живую тварь, чтобы не пальнуть в нее.

Я сказал:

— Подойди он в самом деле чересчур близко, запустили бы в него палкой. И делу конец! Они совершенно безобидны.

Тут я покривил душой. Когда граф де Лотрек погнался за одним таким, завропод оглянулся, стеганул хвостом и смахнул графскую голову, да так чисто, что в Тауэре* [12] бы позавидовали.

— Откуда мне было знать это? — заорал Джеймс, побагровев. — Вы все против меня. Какого дьявола мы забрались сюда, как не для того, чтобы стрелять? Охотнички дутые! Из вас всех я один хоть раз да попал!

---

[12] notes: 12

Тауэр — старинный замок в Лондоне, в средние века служил тюрьмой для особо важных государственных преступников и местом казни знаменитых узников

Я разозлился и сказал, что он мальчишка и хвастун, у которого больше денег, чем мозгов, и что мне не следовало брать его с собой.

— Ах так! — сказал он. — Дайте мне осла и немного еды, и я сам доберусь до базы. Не хочу осквернять воздух, которым вы дышите, своим презренным присутствием.

— Не будьте сами ослом! — фыркнул я. — Это невозможно.

— Что ж, обойдусь и без вашей помощи! — Он схватил рюкзак, швырнул туда несколько банок бобовых консервов и консервный нож и пошел прочь, прихватив с собой ружье.

Тут заговорил Боргард Блэк:

— Мистер Риверз, нельзя отпускать его одного в таком состоянии. Он заблудится и умрет с голоду или его сожрет теропод.

— Я верну его! — сказал Раджа и пустился за беглецом. Он догнал Джеймса, когда тот уже исчезал в саговниках. Мы могли видеть, как они спорили и размахивали руками, но о чем они там говорили, так и осталось тайной. Только через некоторое время видим: оба возвращаются, обнявшись, будто старые школьные товарищи. Просто ума не приложу, как Радже удается такое.

Я вовсе не хочу, чтобы создалось впечатление,

что Кэртни Джеймс для всех был только обузой. У него были и хорошие черты. Он быстро отходил и на следующий день после очередной ссоры бывал весел как обычно. Во всяком случае, когда он был в хорошем настроении, он вносил свою лепту в общий труд по лагерю.

В этом лагере мы пробыли еще два дня. Мы видели крокодила, правда небольшого, и множество завроподов — иногда по пять сразу, — но утконосые динозавры больше не появлялись.

Не видно было и гигантского пятидесятифутового крокодила.

Первого мая мы свернули лагерь и двинулись на север, к Джанпурским Холмам. Мои сахибы все более ожесточались и выражали нетерпение. Мы пробыли в меловом периоде уже неделю — и никаких трофеев.

Не буду подробно рассказывать об этом переходе. Никакого крупного зверя. Только горгозавр, которого не достать было пулей, промелькнул мимо нас вдалеке, да еще наткнулись на следы огромного игуанодона. Новый лагерь мы раскинули у подножия холмов.

Мы доели «крепкоголового» динозавра, так что первой нашей заботой было добыть свежего мяса. Не забывая, конечно, о трофеях. На утро третьего

дня мы собрались, на охоту.

Я сказал Джеймсу:

— Послушайте, старина, хватит ваших штучек! Ждите, пока Раджа не подаст знак, что можно стрелять.

— Ладно, вас понял, — сказал он, кроткий, как Моисей. Ни за что на свете не решился бы я предсказать, как поступит этот парень в том или ином случае.

Мы искали «крепкоголового» динозавра, но не отказались бы и от орнитомима. Не исключено было, что и Холтзингеру повезет подстрелить цератопса. Поднимаясь в горы, мы видели двоих, но то были детеныши, без хороших рогов.

Было жарко и душно, и вскоре мы были загнаны и взмылены, как лошади. Все утро мы то продирались сквозь кустарник, то карабкались но невысоким горам, когда вдруг мне почудился трупный запах. Я остановил партию и потянул носом воздух. Мы находились на открытой прогалине, образованной высохшими руслами маленьких речек. Эти высохшие русла вели к двум глубоким узким ущельям, густо заросшим кустарником, саговником и пандануса-ми. Прислушавшись, я уловил жужжание трупных мух.

— Сюда! — сказал я. — Здесь какая-то падаль.

А! Вот и она!

И в самом деле, останки огромного цератопса лежали в небольшой ложбинке на опушке рощицы. Наверное, живой он весил от шести до восьми тонн. Трехрогая разновидность — может быть, предпоследний вид трицератопса. Трудно было это определить, так как большая часть шкуры с верхней части трупа была содрана, а вокруг валялось множество обглоданных костей.

— О, черт! — вырвалось у Холтзингера. — Почему я не добрался до него, пока он еще не подох! Дьявольски красивая была бы голова!

Вы заметили: общение с нами, грубыми охотниками, испортило словарь маленького Огэста.

— Дела идут на лад, ребята! — весело сказал я. — Тут был теропод. Лакомился этой падалью. Он должен быть где-то поблизости.

— Откуда вам это известно? — возразил Джеймс. Пот капал с его красного круглого лица. Он пытался (хотя это ему и плохо удавалось) говорить приглушенным голосом: мысль о тероподе, находящемся где-то рядом, действует отрезвляюще даже на самых легкомысленных.

Я снова потянул носом воздух. Мне казалось, что я чую характерный отвратительный запах теропода. Но я не мог быть уверен — мне сильно

мешало зловоние, издаваемое трупом.

Я сказал Джеймсу:

— Даже самый крупный теропод крайне редко нападает на взрослого цератопса. Рога цератопса чересчур велики для него. Но цератопс мертвый или умирающий — их любимейшее блюдо. Они неделями будут кружить вокруг трупа, насыщаясь, а затем по целым дням отсыпаясь после своих трапез. Обычно они ищут укрытия от дневной жары, так как подолгу не выдерживают прямых солнечных лучей. Их можно обнаружить лежащими в рощицах вроде этой или в ложбинках — повсюду, где есть тень.

— Что же будем делать? — спросил Холтзингер.

— Сначала прочешем эту рощицу. Двумя парами, как обычно. В любом деле прежде всего хладнокровие и выдержка.

Я бросил взгляд на Кэртни Джеймса, но он невозмутимо посмотрел на меня и занялся проверкой ружья.

— Нести мне его по-прежнему, переломив? — спросил он.

— Нет, закройте, но держите на предохранителе, — ответил я. Нести двустволку закрытой рискованно, особенно в чаще, но, когда где-то

рядом теропод, еще больший риск — нести ружье переломленным: случайно попавшая туда ветка может помешать своевременно закрыть его.

— Будем держаться поближе, чтобы не терять друг друга из виду, — продолжал я.

Мы пробирались некоторое время сквозь чащобу, ничего не видя. Наконец заросли несколько расступились, и мы снова могли хоть что-то разглядеть.

Косые лучи солнца проникали сквозь чащу. Я ничего не слышал, кроме жужжания насекомых, шороха разбегающихся ящериц да пронзительных криков зубастых птиц на верхушках деревьев. Мне казалось, что я определенно чую запах теропода, но это могло быть игрой воображения.

— Вперед! — шепнул я Холтзингеру. Было слышно, как Джеймс и Раджа продвигались справа от нас.

— Чуть ближе! — окликнул я их, и вскоре они появились, приближаясь к нам под углом.

Мы спустились в овраг, заросший папоротниками, выбрались из него и увидели большую группу карликовых пальм, преградившую нам дорогу.

— Вы обходите рощу той стороной, а мы этой, — сказал я, и мы двинулись вперед, останавливаясь, чтобы прислушаться к звукам и втянуть в себя

запахи. Наше расположение было в точности таким же, как в первый день, когда Джеймс убил «крепкоголового» динозавра.

Наверное, мы прошли две трети пути по полуовалу вокруг пальм, когда впереди, слева от нас, мне послышался шум. Холтзингер тоже услышал его и сдвинул предохранитель. Я, держа на предохранителе большой палец, отступил в сторону для лучшего обзора.

Треск усиливался. Я поднял ружье и прицелился в то место, где, по моему предположению, должно было находиться сердце крупного теропода, если тот паче чаяния появится перед нами из зарослей на ожидаемой дистанции. Листва раздвинулась — и «крепкоголовый» динозавр ростом около шести футов возник перед нами, торжественно шествуя слева направо и покачивая головой при каждом шаге, точно гигантский голубь.

Я еле удерживался от смеха.

— Ого!.. — вырвалось у Холтзингера.

— Тише!.. — прошептал я. — Теропод может еще...

Но тут прогремело распроклятое ружье Джеймса: *бах! бах!* Крепкоголовый динозавр полетел вверх тормашками.

— Попа-ал! — завопил Джеймс. Слышно было, как он бежал к поверженному зверю.

— Боже мой! Опять он за свое! — простонал я.

Внезапно послышался громкий свистящий звук и дикий вопль Джеймса. Что-то огромное вздыбилось и выплыло из кустарника... Я узнал голову крупнейшего из плотоядных того времени — самого тиранозавра-трионикса.

Пусть ученые говорят, сколько хотят, что тиранозавр-рекс крупнее трионикса. Я же готов поклясться, что этот тиранозавр был побольше любого когда-либо существовавшего рекса. Ростом он был не менее двадцати пяти футов и футов пятьдесят длиной. Я разглядел его огромный блестящий глаз, шестидюймовые зубы и толстый подгрудок, свисавший с подбородка до груди.

Одно из высохших русл, прорезывавших рощу, пересекало наш путь у дальнего края группы карликовых пальм. Глубина руша была футов шесть. Оно-то и служило лежбищем тиранозавру, отсыпавшемуся после сытой трапезы. Папоротники на краю русла скрывали вздымавшуюся спину. Джеймс разрядил оба ствола над головой теропода и разбудил его. Затем Джеймс побежал вперед, не перезарядив ружья. Еще каких-то двадцать шагов — и он вскочил бы тиранозавру на спину.

Джеймс, понятно, остановился, когда эта гора внезапно выросла перед ним. Он вспомнил, что ружье не заряжено и что Раджа остался слишком далеко позади, и не мог сделать прицельного выстрела из-за мешавших зарослей.

В этой критической ситуации Джеймс сначала действовал правильно. Он переломил ружье, вынул два патрона из патронташа и вогнал их в стволы. Но в спешке при закрывании ружья его правая рука, а именно мясистая часть между большим пальцем и ладонью, попала между стволами и ударным механизмом. От нестерпимой боли Джеймс уронил ружье. Это совсем лишило его рассудка, и в паническом страхе он помчался прочь.

Ничего не могло быть хуже этого. Раджа уже приближался, держа перед собой ружье, в любой момент готовый вскинуть его к плечу и выстрелить, как только тиранозавр покажется из зарослей. Увидев бегущего Джеймса, он заколебался, боясь попасть в сахиба. А тот сломя голову летел прямо на него и, прежде чем Раджа успел отскочить в сторону, сбил его с ног. Они покатились в папоротники. Тиранозавр собрал жалкие крохи своего ума и, круша все на своем пути, помчался им вслед, горя желанием распра-

виться с обоими.

А как в это время обстояло дело с Холтзингером и со мной по другую сторону пальмовой рощи? Так вот, в тот момент, когда мы услышали крик Джеймса и заметили голову тиранозавра, Холтзингер с быстротой зайца ринулся вперед. Я вскинул ружье, чтобы выстрелить тиранозавру в голову, надеясь, что попаду хотя бы в глаз, но, прежде чем я поймал ее на мушку, голова исчезла за пальмами. Может быть, мне следовало выстрелить в то место, где, по моему разумению, она должна была быть, но весь мой опыт восставал против неприцельных выстрелов.

Когда я оглянулся, Холтзингер уже исчез за пальмами. Я довольно грузен, как видите, но помчался за ним со всей прытью, на какую только был способен; и вдруг услышал выстрелы из его винтовки и клацанье затвора между выстрелами: *бах!* — клик-клик — *бах!* — клик-клик — что-то вроде этого.

Он подоспел к тиранозавру, когда зверь уже нагибался над Джеймсом и Раджей. С шагов двадцати от тиранозавра он стал всаживать пулю за пулей 0.375 калибра в тело чудовища. Он успел выстрелить три раза, когда рассерженный тиранозавр, оглушительно взревев, обернулся

посмотреть, кто это жалит его. Пасть его раскрылась, а голова раскачивалась из стороны в сторону и сверху вниз.

Холтзингер выстрелил еще раз и попытался отскочить в сторону. Он стоял на узкой площадке между группой пальм и глубоким руслом высохшей речки и свалился туда. Тиранозавр, продолжая описывать головой круги, поймал его то ли на лету, то ли когда тот уже коснулся земли. Челюсти захлопнулись — и голова тиранозавра с бедным, жалобно кричащим Холтзингером пошла вверх.

В этот момент подоспел я и прицелился. Но тут до меня дошло, что, целясь в морду, я могу попасть в Холтзингера. Когда голова, как ковш гигантского экскаватора, пошла вверх, я выстрелил в сердце. Но тиранозавр уже поворачивался, собираясь уходить, и я подозреваю, что пуля скользнула по ребрам.

Зверь сделал еще несколько шагов, когда я из второго ствола выстрелил ему в зад. Он зашатался, но устоял. Еще шаг, и он уже почти исчез из виду среди деревьев, когда дважды выстрелил Раджа. Отважный охотник освободился наконец от Джеймса, вскочил на ноги, схватил свое ружье и разрядил его в тиранозавра. Мощный сдвоенный удар опрокинул зверя. Он упал в карликовые магнолии, и я видел, как его задняя нога нелепо раскачивалась среди моря красивых бело-розовых лепестков.

Можете вы представить себе ногу хищной птицы толщиной со слоновью?

Но затем тиранозавр встал и заковылял прочь, так и не выпуская из челюстей своей жертвы. Последнее, что я видел, были ноги Холтзингера, свисавшие по одну сторону пасти (теперь он уже не кричал), и длинный хвост, который бился о стволы пальм, когда зверь качался из стороны

в сторону.

Раджа и я перезарядили ружья и со всех ног помчались за зверем. Когда мы выбежали из рощи, тиранозавр был уже в дальнем конце прогалины. Я быстро выстрелил, но, вероятно, промахнулся, и он скрылся из виду, прежде чем я мог повторить выстрел. Мы продолжали бежать по его следам, залитым кровью, пока не задохнулись. Походка динозавров кажется медленной, но с такими ногами им не нужно слишком много шагов, чтобы покрыть значительное расстояние.

Немного отдышавшись и утерев пот со лба, мы возобновили преследование, предполагая, что тиранозавр упал где-то неподалеку и подыхает. Но следы вдруг исчезли, и мы остановились в растерянности.

Прошло несколько часов, прежде чем мы, обшарив всю округу, прекратили поиски и в подавленном настроении отправились назад, к прогалине.

Кэртни Джеймс сидел, прислонившись спиной к дереву, держа два ружья, свое и Холтзингера. Кисть его правой руки опухла и посинела и том месте, где он прищемил ее, но он все же мог владеть ею.

Он встретил нас бранью:

— Где это, дьявол побери, вы шатались? Вы не должны были покидать меня. Вдруг явилось бы еще какое-нибудь чудовище? Хватит того, что из-за нашей глупости мы потеряли одного охотника. А вы рискуете еще и вторым.

Я приготовился было разругать Джеймса в пух и прах. Но его наглость настолько ошеломила меня, что я только и смог что пробормотать:

— Из-за нашей глупости?!

— Ну да, — сказал он. — Вы поставили нас впереди себя, как заслон, чтобы в случае опасности не вас сожрали в первую очередь. Вы послали против этих тварей плохо вооруженного охотника. Вы...

— Грязная свинья! — взорвался я и наговорил ему еще кучу приятных вещей. Как я догадался позже, за время нашего отсутствия он выработал стройную теорию; по ней выходило, что несчастье произошло по нашей вине — Холтзингера, Раджи и моей. В ней не было места тому факту, что Джеймс открыл стрельбу, когда не следовало, а потом струсил и что Холтзингер спас его паршивую жизнь. Это, оказывается, Раджа был виноват, что не отскочил в сторону, когда Джеймс налетел на него, и все остальное в том же роде.

Ну, что ж. Я огрубел, ведя жизнь, полную лише-

ний, и могу выражаться вполне красноречиво. Раджа пытался не отстать от меня, но английский язык не давал ему достаточного простора, и он вынужден был перейти на хиндустани, на котором и продолжал осыпать Джеймса проклятиями.

По медленно багровевшему лицу Джеймса я мог видеть, что слова мои попали в цель. И будь у меня время подумать, я понял бы, как опасно оскорблять вооруженного человека. Вдруг Джеймс швырнул ружье Холтзингера на землю и ухватился за свое со словами:

— Никому еще не проходили даром такие оскорбления! Я просто скажу, что тиранозавр сожрал и вас!

Раджа и я стояли с переломленными ружьями под мышкой; понадобилось бы не меньше секунды, чтобы закрыть их и привести в боевую готовность. К тому ж я понимал, к чему приведет выстрел из «шестисотки», которую свободно держишь в руках. А Джеймс уже приставил приклад ружья к плечу, и дула глядели прямо мне в лицо. Как два туннеля в преисподнюю.

Зато реакция Раджи была мгновенна. Когда негодяй прицелился, он отчаянным прыжком бросился на него. Раджа ударом подбросил «пятисотку» вверх, и пуля прошла на дюйм выше

моей головы. От грохота выстрела у меня чуть не лопнули перепонки.

В момент выстрела Джеймс, видно, неплотно прижал приклад, и при отдаче тот лягнул его в плечо, как конь копытом, так что Джеймса с силой развернуло в обратную сторону.

Раджа, отбросив свое ружье, вывернул ружье Джеймса у него из рук, чуть не сломав ему лежащий на спусковом крючке указательный палец. Я тут же хватил Джеймса по голове стволом своего ружья, сбил его с ног и начал выколачивать из него глупость. Он был рослый парень, но, принимая во внимание мои сто килограммов, дело его было безнадежно.

Порядком разукрасив его физиономию, я остановился, чтобы перевести дух. Мы повернули Джеймса лицом к земле, вынули из его рюкзака веревку и связали ему руки за спиной. Мы пришли к выводу, что не можем считать себя в безопасности, если он не будет под постоянной охраной до тех пор, пока мы не доставим его обратно в наше время.

Мы отвели Джеймса под конвоем в лагерь и рассказали команде, что произошло. Джеймс, отвратительно бранясь, проклинал всех и каждого.

— Лучше убейте меня, или в один несчастный

день укокошу вас я, — орал он. — Смелей! Или вы боитесь, что кто-то проговорится и выдаст вас? Ха-ха!

Время охотничьей экспедиции подходило к концу. Все были подавлены и мрачны. Мы безуспешно потратили три дня, прочесывая местность в поисках тиранозавра-убийцы. Он мог лежать в одном из высохших русл, сдохший или поправляющийся, и его нипочем не заметишь, пока не споткнешься об него. Но мы чувствовали, что было бы низко не попытаться найти останки Холтзингера.

После нашего возвращения в базовый лагерь пошли дожди. В промежутках между дождями мы собирали мелких рептилий и других представителей фауны мелового периода для наших друзей-ученых.

Когда материализовалась прибывшая за нами транзитная камера, все, обгоняя друг друга, спешили занять в ней места.

Раджа и я еще ранее обсудили вопрос о преследовании Кэртни Джеймса но закону. Мы пришли к выводу, что нет прецедента для наказания преступника, совершившего преступление восемьдесят пять миллионов лет назад, и что дело, по всей вероятности, было бы прекращено за

истечением срока давности. Поэтому, когда подошла наша очередь, мы развязали его и втолкнули в транзитную камеру.

Возвратившись в свое время, мы вручили Кэртни Джеймсу его ружье, правда незаряженным, и все его пожитки. Как мы и ожидали, навьюченный амуницией, он молча пошел прочь. Тут подбежала невеста Холтзингера крича:

— Где он? Где Огэст?

Не буду описывать эту мучительную сцену, хочу только сказать, что девушка была безутешна, несмотря на искусство Раджи в такого рода делах.

Как вы думаете, мистер Зелигман, что же надумал этот негодяи Джеймс? Он отправился домой, запасся уймой патронов и вернулся к университету. Там он подстерег конструктора машины времени и сказал ему:

— Профессор, я хотел бы еще раз совершить короткую прогулку в меловой период. Немедленно. За ценой я не постою. Даю пять тысяч аванса. Я хочу попасть туда 23 апреля восьмидесятипятимиллионного года до нашей эры.

— Что вы там забыли? К чему такая спешка? — спросил его конструктор.

— Я обронил в меловом периоде бумажник, —

сказал Джеймс. — И вот думаю: если вернусь в эту эру на день раньше, чем в прошлый раз, увижу прибытие самого себя и замечу, как теряю бумажник.

— Разве он стоит пяти тысяч?

— Это уж мне судить, стоит ли он этих денег.

— Ладно, — сказал конструктор, размышляя. — Партия, которая должна была отбыть сегодня утром, немного задерживается, так что, может быть, я смогу включить вас в нее. Меня всегда интересовало, что произойдет, если один и тот же человек дважды окажется в одном и том же времени.

Словом, Джеймс выписал чек, и конструктор проводил его до транзитной камеры и простился с ним. По-видимому, Джеймс замышлял притаиться за кустом в нескольких ярдах от места, где должна была появиться машина времени, и пристрелить Раджу и меня, как только мы возникнем перед ним.

Прошло несколько часов. Мы переоделись и позвонили по телефону нашим женам, чтобы они встречали нас. Мы стояли на Форсайтском бульваре, поджидая их, как вдруг раздался страшный грохот, похожий на взрыв или близкий удар грома. Не далее как в пятидесяти шагах от нас

сверкнула вспышка пламени. Взрывная волна выбила окна в ближайших зданиях и оглушила нас.

Мы побежали к месту происшествия, куда уже спешили несколько прохожих и полисмен. На бульваре, у обочины, лежал человек. Или, лучше сказать, то, что было когда-то человеком: кости, казалось, превратились в прах, а в жилах не было и капли крови. Одежда, которую он когда-то носил, истлела. Но я узнал двуствольное ружье калибра 0.500 фирмы «Голанд и Голанд». Приклад обуглился, металл местами оплавился, но это было ружье Кэртни Джеймса. Вне всякого сомнения.

После расследования и изучения обстоятельств дела вот что удалось установить. Никто ведь не застрелил нас, когда мы появились 24-го в меловом периоде, и этого факта, конечно, ничто не могло изменить. Поэтому в тот момент, когда Джеймс приступил к действиям, которые могли вызвать заметные изменения и мире восьмидесятипятимиллионного года до нашей эры, пространственно-временные силы вытолкнули его, во избежание парадокса, в настоящее.

Теперь, когда суть проблемы стала яснее, профессор следит за тем, чтобы путешественников во

времени разделял промежуток не менее пятисот лет, иначе даже срубленное ими дерево или утеря какого-нибудь предмета может повлиять на мир в последующем периоде. Если же путешествия более отдалены друг от друга, то, по его словам, возникшие изменения сглаживаются и теряются в потоке времени.

После всех этих событий нам пришлось нелегко: дурная слава и все такое прочее. Правда, нам удалось все же получить гонорар из состояния Джеймса. Что касается несчастья, то оно произошло не только по вине Джеймса. Мне не нужно было брать его в прошлое, раз я видел, что это дрянной, вспыльчивый как порох человек. А если бы Холтзингер мог справиться с ружьем большего калибра, он скорей всего своим выстрелом свалил бы динозавра, а мы бы прикончили его.

Вот потому-то я и не беру вас на охоту в тот период. Хватит и других эпох. Если вы хорошенько подумаете, я убежден, вы согласитесь...

Хол Клемент
У критической точки

Пролог

С расстояния в шестнадцать световых лет Сол кажется несколько менее ярким, чем звезда на острие меча Ориона. Поэтому искорку, вспыхнувшую в алмазных линзах странной машины, вряд ли зажгли его лучи. Но не одному оператору на корабле в этот момент подумалось, что робот как бы бросил прощальный взгляд на планетную систему, где его изготовили (это было бы вполне естественно для чувствительного и сентиментального создания). Робот уже начал падать на огромное темное тело, от которого его отделяло теперь всего лишь несколько тысяч миль.

На этом расстоянии даже обыкновенная планета казалась бы ослепительно яркой, ибо Альтаир — мощный источник света — и в данный момент занимал наилучшее положение. Альтаир — не переменная звезда, но вращение его столь стремительно, что он значительно сплющен, Тенебра же сейчас находилась в той части своей орбиты, где она получала наибольшее количество света от самых раскаленных и ярких полярных областей Альтаира. Несмотря на это, обширная поверхность планеты казалась мутным пятном,

по яркости лишь незначительно превосходящим Млечный путь, на фоне которого она наблюдалась. Казалось, планета не столько отражала белое сияние Альтаира, сколько поглощала и гасила его.

Однако зрительные рецепторы аппарата при конструировании были рассчитаны именно на атмосферу Тенебры. Операторам было видно, как робот переключил свое внимание на планету, беловатый корпус из синтетического материала в металлической оправе медленно разворачивался. Батарея коротких, толстых цилиндров повернулась в направлении спуска. Струи пока еще не были видны — атмосфера была слишком разрежена, чтобы раскалиться от соприкосновения с ионным потоком, но тонны металла и пластика уже изменили ускорение. Тормозные двигатели вступили в борьбу с мощным притяжением планеты, в три раза превосходящей диаметром далекую Землю. Они сопротивлялись силе тяготения так успешно, что аппарат ничуть не пострадал, когда, наконец, вошел в плотные слои атмосферы.

По мере того как робот погружался в газовую оболочку нового мира, сияние в его алмазных глазах все более тускнело. Теперь он снижался

медленно и равномерно. Пожалуй, если можно так выразиться, осторожно. Альтаир все еще сверкал вверху, но другие звезды меркли по мере того, как аппарат опускался.

Внезапно очертания аппарата изменились. До этого момента он напоминал ракету необычной конструкции, садящуюся на планету и тормозящую с помощью подвесных двигателей. То, что реактивные струи сверкали все ослепительней, было вполне естественно: чем ниже, тем плотнее становилась атмосфера. Однако сами тормозные двигатели не должны были светиться. А они светились. Все ярче и ярче сверкали струи, словно стремясь изо всех сил замедлить падение, ускорявшееся вопреки их усилиям. Пора было вмешаться далеким операторам. Ослепительно блеснули вспышки, но не в соплах двигателей, а на узлах металлических балок, на которых они были подвешены. Крепления двигателей были мгновенно срезаны, и аппарат перешел в свободное падение.

Но только на миг. Он был оснащен еще одним устройством — не прошло и полсекунды после отбрасывания двигателей, как над падающей глыбой раскрылся гигантский парашют. Можно было ожидать, что при такой огромной силе тя-

жести он тут же оторвется, но его конструкторы хорошо знали свое дело. Парашют выдержал. Невероятно плотная атмосфера — даже на этой высоте в несколько раз плотнее, чем земная, — надежно поддерживала огромную поверхность парашюта. Без малейших повреждений робот опустился на грунт планеты.

Через несколько мгновений яйцевидное тело робота, лежавшее нижней уплощенной частью на грунте, освободилось от легких креплений, соединявших его с парашютом, отползло на почти невидимых гусеницах в сторону от путаницы металлических строп и снопа остановилось, словно для того, чтобы осмотреться.

Однако это лишь казалось, робот не осматривался. Зрение к нему еще не вернулось. Глаза, так зорко видевшие в вакууме, тоже нужно было отрегулировать, чтобы различие коэффициентов преломления алмаза и новой внешней среды не искажало изображения. Впрочем, это длилось недолго — регулирование осуществляла автоматически сама атмосфера, проникая в оптическое устройство.

После оптической регулировки почти полный мрак, царивший на планете, был уже не страшен для глаз робота — их усилители улавливали

каждый квант света. Далеко отсюда люди не отрывались от телевизионных экранов, воспроизводящих все увиденное роботом.

Перед оператором предстал пересеченный ландшафт, на первый взгляд, не столь уж отличный от земного. Вдали виднелись контуры высоких холмов, размытые, возможно, покрытые лесом. Вблизи почву сплошь покрывала растительность, похожая на траву, но, судя по следу, оставленному роботом, куда более ломкая, чем земная трава. Кое-где на пригорках виднелись купы высоких растений. Мир этот казался совершенно неподвижным. Однако микрофоны, вделанные в массу пластика, время от времени регистрировали шумы и треск. И нигде не было заметно никаких признаков животной жизни.

Довольно долго робот задумчиво вглядывался в окружающее пространство. Вероятно, операторы надеялись, что живые существа, спрятавшиеся при спуске робота, снова вылезут из своих укрытий. Но надежды их не оправдались. Через некоторое время робот опять подполз к парашютным креплениям и стропам, включил освещение и внимательно осмотрел груду металлических перекладин, проводов и тросов. Затем снова двинулся в сторону, на этот раз весьма целе-

устремленно.

В последующие десять часов он тщательно исследовал район посадки, то освещая своим прожектором какое-нибудь растение, то надолго останавливаясь и без всякой видимой причины разглядывая местность. Порой он издавал звуки, разные по высоте и силе. Чаще он это проделывал в лощинах и уж, во всяком случае, не на вершинах холмов. Казалось, он изучает эхо.

То и дело робот возвращался к покинутым стропам и придирчиво осматривал их, словно ждал, что с ними что-то должно произойти. И конечно, в среде с такими экстремальными условиями события не заставили себя долго ждать. Робот с большим интересом наблюдал, как коррозия пожирает металл, и не оставлял района посадки до тех пор, пока не исчез последний кусочек металла.

Но гораздо интереснее было то, что на планете обнаружилась животная жизнь. Почти все живые существа были маленькие, но, судя по действиям робота, от этого их привлекательность для него ничуть не уменьшилась. Он разглядывал самым тщательным образом все, что появлялось в поле его зрения, стараясь подойти как можно ближе. Большинство этих существ имело чешуйчатый

покров и восемь конечностей. Одни, очевидно, питались растениями, другие, похоже, были плотоядные.

После того как коррозия окончательно разъела металлические детали парашюта, операторы всецело занялись изучением животных. Наблюдения, впрочем, неоднократно прерывались, но это объяснялось скорее неполадками связи, чем невниманием. Несколько раз корабль, перемещаясь относительно планеты, терял связь с исследуемым районом. Однако вскоре методом проб и ошибок удалось установить период вращения Тенебры, и перебои в управлении прекратились.

Проект исследования планеты диаметром втрое больше земного с помощью одного-единственного аппарата мог показаться просто смехотворным. Один робот, конечно, был бы бессилен. Но робот, обслуживаемый группой мыслящих помощников, особенно принадлежащих к цивилизации, почти всесветной по своему распространению, — это уже нечто иное. Да еще, несмотря на тяжелейшие условия, в которые попал робот, операторы твердо рассчитывали на помощь разумных обитателей планеты. Это были опытные люди, кое-что знавшие о формах жизни

во Вселенной.

Однако прошли недели, потом месяцы, а кроме существ, обладавших зачаточной нервной системой, на планете ничего обнаружить не удалось. Если бы операторы поняли принцип действия фасеточных глаз без хрусталика, присущих местным живым существам, они, возможно, смотрели бы на будущее более оптимистично. Но они этого не могли знать, и многие из них начали смиряться с мыслью, что исследование планеты потребует труда нескольких поколений.

Мыслящее существо обнаружили чисто случайно. Росту оно было добрых девять футов и, следовательно, в условиях этой планеты должно было весить значительно больше тонны. Согласно местным биологическим традициям, оно было покрыто чешуей и снабжено восемью конечностями. Однако существо это принадлежало к стопоходящим, то есть ходило на двух конечностях, следующими двумя, видимо, не пользовалось, а верхние четыре служили ему в качестве рук. Операторы убедились также, что существо это разумно: оно несло два длинных и два коротких копья с каменными наконечниками и все четыре держало наизготовку.

Иллюстрации VAN DONGEN

Наконечники из камня! Пожалуй, это несколько разочаровало наблюдателей-землян. Впрочем, они, возможно, припомнили, что происходило с металлами на этой планете, и не стали поспешно судить об уровне культуры туземцев по используемому ими материалу. Так или иначе, но они принялись внимательно изучать туземца.

Он шел медленно, явно стремясь оставлять поменьше следов. Вместе с тем он, видимо, учитывал, что совсем не оставлять следов просто невозможно. Время от времени он останавливал-

ся и сооружал хитроумное устройство из упругих веток довольно редко попадавшихся растений и заостренных каменных пластинок, неисчерпаемый запас которых он нес в большом кожаном мешке, закинутом за его чешуйчатую спину.

Назначение этих устройств стало понятным, когда туземец отошел достаточно далеко, и их можно было получше рассмотреть. Эти ловушки, сделанные так, чтобы вогнать острие камня в тело любого, кто попытался бы идти по следу, вероятно, предназначались скорее для животных, чем для туземцев, — любое разумное существо могло легко избежать их, идя не по следу, а параллельно ему.

Однако интересно было уже и то, что предпринимались такие меры предосторожности. Роботу дали команду следовать за туземцем, соблюдая максимальную осторожность. Туземец прошел пять-шесть миль и поставил за это время около сорока ловушек. Робот легко обходил их, но несколько раз натыкался на другие, поставленные, видимо, раньше. Острые пластинки не причинили вреда аппарату, некоторые даже сломались о его пластиковую оболочку. Похоже было, что вся местность в округе «заминирована».

Идя по следу, робот подполз к холму с округлой вершиной. Туземец быстро взобрался на него и остановился у края узкой расщелины близ вершины. Он оглянулся, казалось, чтобы убедиться, не преследуют ли его, хотя к тому времени наблюдатели-земляне еще не обнаружили у него органов зрения. Решив, видимо, что опасности нет, туземец вытащил из своего мешка какой-то овальный предмет величиной примерно с грейпфрут, ощупал его своими тонкими пальцами и исчез в расщелине.

Через две-три минуты он вылез из нее уже без этого предмета. Спускаясь с холма, он тщательно обходил ловушки, и свои, и поставленные другими, и пошел уже в другом направлении.

Операторам пришлось быстро решить: следовать ли роботу за туземцем или сначала выяснить, что он делал на холме. Первое казалось более разумным — туземец уходил, а холм оставался стоять на месте. Однако они сочли, что туземца будет легко найти по следам. К тому же близилась ночь: весьма вероятно, что туземцу, как и другим животным Тенебры, было присуще особое свойство — через несколько часов после наступления ночи впадать в состояние анабиоза. Робот подождал, пока туземец исчез из виду, и на-

чал подниматься по склону холма к расщелине. Она вела к неглубокому кратеру, на дне которого лежало около сотни овальных предметов, в точности похожих на только что оставленный там. Все они были аккуратно уложены в один ряд. Истинная природа этих предметов казалась столь очевидной, что роботу даже не приказано было рассечь один из них. Это были яйца.

Тут, вероятно, возникла длительная и оживленная дискуссия. Поэтому робот долго бездействовал. Затем он покинул кратер, спустился по склону холма, с большой осторожностью прошел по «минному полю» и последовал за туземцем.

Это было не так просто, как днем, — пошел дождь, и видимость ухудшилась. Земляне еще не решили, как лучше передвигаться роботу в ночное время: придерживаться лощин и долинок и мало что при этом видеть или выбирать возвышенности и вершины холмов, чтобы хоть иногда иметь широкий обзор. Впрочем, в данном случае эта проблема не имела значения. Туземец выбирал путь, максимально приближенный к прямой, пренебрегая рельефом. Робот шел по его следу миль десять и очутился на поляне возле утеса, изъеденного гротами и пещерами.

В пещерах стояли туземцы, но они никак не

реагировали на свет прожекторов робота. Либо это был сон, более или менее похожий на человеческий, либо ночное оцепенение, типичное для животных Тенебры.

Никаких признаков цивилизации, которая была бы выше уровня каменного века, робот не обнаружил и через несколько минут, выключив большую часть своих фар, отправился обратно к холму с кратером.

Он полз непрерывно и целеустремленно. Когда он взобрался на верхушку холма, в его боках открылось несколько отверстий, из которых высунулись механические подобия рук. Робот осторожно взял десять овальных предметов с одного конца ряда, не оставляя промежутков, и спрятал их внутри своего корпуса. Затем снова спустился по склону холма и принялся разыскивать и изучать ловушки. Он вынимал из них каменные лезвия, отбирая те, что были в хорошем состоянии, и прятал их в гнездах пластикового корпуса.

Покончив с этим, робот на максимальной скорости двинулся прочь. К тому времени, когда взошел Альтаир, робот с образцами местного оружия и похищенными яйцами был уже далеко от кратера и еще дальше от пещерного селения.

1

Раздвигая высокие растения, Ник вышел на открытое пространство, остановился и произнес несколько слов из тех, которые Феджин неизменно отказывался перевести. Он не был ни удивлен, ни раздосадован тем, что впереди увидел воду — ведь стояло еще раннее утро, — но его огорчило, что справа и слева тоже была вода. Проклятое невезение загнало его на полуостров, а возвращаться уже поздно.

Строго говоря, он не знал, что его преследуют, но ни минуты не сомневался в этом. После бегства он затратил два дня на то, чтобы максимально запутать свой след, и дал большой крюк к западу, прежде чем повернуть к своему селению. Правда, он не заметил никаких признаков преследования. Его задерживали в пути обычные препятствия — непроходимые участки местности да дикие звери; однако те, кто держал Ника в плену, пока его не догнали. Не случайно летающие животные и растения, которых нужно всегда остерегаться, не проявляли никакого интереса к местности позади него. Между тем в плену Ник убедился, что его похитители — превосходные

охотники и следопыты, однако он надеялся, что они потеряли его след. Искушение было велико, но он не мог заставить себя поверить этому. Ведь им так хотелось, чтобы он привел их к Феджину!

Ник сделал над собой усилие и вернулся в мир действительности. Рассуждать нечего — надо решать, возвращаться ли назад или ждать, пока озеро высохнет; и в том, и в другом случае они могут его настигнуть. Решить, где риск больше, было нелегко, но Ник мог кое-что проверить.

Он подошел к воде, внимательно посмотрел на ее поверхность и энергично ударил по ней ладонью. Круги, медленно расходящиеся по озеру, его не интересовали, иное дело — брызги, поднятые ударом. Он смотрел, как они летели в его сторону, медленно опускаясь, и с радостью увидел, что даже самые крупные из них испарились, не долетев до поверхности. Озеру оставалось жить недолго; Ник сел и принялся терпеливо ждать.

Подул легкий ветерок, растения просыпались, встречая новый день. Ник чуял это ноздрями. Он знал, что будет: ветер усилится, на озере появятся… нет, не волны, а вихревые воронки под более теплыми потоками воздуха. С этого момента уровень воды в озере начнет снижаться даже быстрее, чем это будет нужно Нику. Ветерок

позволит ему не задохнуться, если он не станет слишком приближаться к убывающей воде — да, теперь уже ждать недолго. Он хорошо видел поверхность озера. Вода отступала, исчезая, словно мираж. Ник осторожно двинулся вперед, с обеих сторон его окружала вода. Значит, этот полуостров действительно завершался мысом, рассекающим все озеро. Что ж, тем лучше.

Однако мыс не доходил до противоположного берега. Опять задержка! Добрых четверть часа ему пришлось ждать на его оконечности, пока озеро не высохло совсем. У Ника не хватило терпения, и он пошел вперед, вдыхая еще не рассеявшиеся пары. К счастью, с ним не случилось ничего дурного. Через несколько минут он уже взбирался на склон противоположного, восточного берега, пробираясь сквозь гущу высоких растений. Погони не было видно. Только два летающих хищника преследовали его. Он схватился за нож и с огорчением подумал о потерянных копьях. Впрочем, если он пойдет достаточно быстро, его не догонят. Он без колебаний нырнул в густые заросли.

Идти оказалось не очень трудно. Растения были гибкие, и он просто раздвигал их. Иногда, однако, приходилось прорубать себе путь, и это было не

очень приятно, не столько потому, что требовало труда, сколько из-за ножа — воздух разрушал его. Ножей и так не хватало, а Феджин выдавал новые не слишком щедро.

Утро проходило, а преследователи все не появлялись. Большую часть дороги он двигался быстро, без задержек на схватки с дикими зверями. Ему на редкость повезло — обычно на сорокамильный переход приходилось четыре или пять схваток с хищниками, сегодня же на его долю выпало лишь одно сражение.

Проходили часы. Ник продолжал идти с такой скоростью, на какую только был способен. Единственное столкновение почти не задержало его. Это был летающий хищник, он плыл навстречу Нику и спикировал почти до самого грунта, ему наперерез. По счастью, хищник был небольшой, и рука Ника оказалась подлинней его щупалец. Выхватив нож, Ник проткнул газовые пузыри хищника так удачно, что тот начал беспомощно барахтаться. Ник вложил оружие в ножны и пошел дальше, почти не замедлив шага и потирая руку, которой все же коснулось ядовитое щупальце.

Когда он, наконец, очутился в знакомых местах, рука уже перестала болеть, а Альтаир стоял высоко в небе. Ник немного изменил направление и прибавил шагу. Ему было неясно, что он будет говорить. Рассказывать обо всем происшедшем в подробностях, по порядку, пожалуй, отнимет много времени; важно, чтобы Феджин и остальные успели уйти. С другой стороны, придется все объяснить, иначе ему не убедить Учителя в реальности происшедших событий. Размышляя над этой проблемой, Ник невольно замедлил шаг. Вдруг чей-то голос окликнул его по имени:

— Ник! Да неужели?! Где ты был? Уж больно ты

часто дома не ночуешь!

Ник, потянувшийся было за ножом, узнал голос и опустил руку.

— Джонни! Как приятно снова услышать настоящую речь! Что ты делаешь так далеко от дома? Неужели овцам больше негде пастись?

— Я охочусь, а не пасу стадо.

Продравшись сквозь подлесок, Джон Дулиттл вышел на открытое место.

— Но где ты был? Уже несколько недель, как ты ушел, мы даже перестали искать тебя.

— Вы меня искали? Это плохо. А, впрочем, толку от этого было мало, иначе я узнал бы о ваших поисках раньше.

— Как, как? Не пойму, что ты мелешь. И что это значит: приятно услышать «настоящую речь»? Какая еще бывает речь? Ну-ка, рассказывай.

— Это длинная история, и мне все равно придется рассказать ее всем, так что пошли домой. Нет смысла повторять ее дважды.

Не дожидаясь ответа, он направился к долине, туда, где они жили.

Феджин был на своем обычном месте в центре круга, образованного хижинами. Подойдя поближе, Ник окликнул Учителя.

— Феджин! Нам грозит беда! Есть у тебя еще

какое-нибудь оружие, о котором мы не знаем?

Как обычно, прошло несколько секунд, прежде чем раздался ответ.

— Да это Ник! А мы уж не надеялись увидеть тебя! Что это за разговор об оружии? Ты собираешься с кем-то драться?

— Боюсь, что да.

— С кем же?

— С теми, кто похож на нас. Но они не разводят скот, не умеют пользоваться огнем и называют вещи по-другому.

— Где ты встретился с ними? Почему мы должны драться?

— Это длинная история. Пожалуй, лучше мне рассказать ее с самого начала. Но нам не следует терять времени.

— Начинай. И рассказывай поподробнее.

— Как и было решено, я не торопясь пошел на юг, нанося местность на карту. В районе, где мы обычно охотимся и пасем скот, больших перемен не произошло. А про те места, что находятся за его пределами, трудно сказать, изменилось ли там что-либо за последнее время и как именно. К концу первого дня я заметил отличный ориентир — гору правильной конической формы, гораздо более высокую, чем все виденные мною прежде.

На второй день, вскоре после восхода солнца, я прошел вдоль восточного подножия этой горы. Ветер в тех местах очень сильный, поэтому на карте я дал ей название «Гора бурь». Там должно быть много трав и деревьев, растущих ночью. Разведку нужно планировать так, чтобы спускаться с горы до наступления темноты. В остальном все шло как обычно. Защищаясь, я убил достаточно зверей, чтобы прокормиться. Однако на третий день, когда гора уже скрылась из виду, какой-то зверь, сидевший в норе, высунул из нее лапу и схватил меня за ноги. Мои копья, видимо, не причиняли ему большого вреда. Я не вырвался бы, наверно, если бы меня не выручили.

— Выручили? — этот вопрос задал не Феджин, а Джим. — Кто мог тебя выручить? Нас же там не было.

— Так это и был не наш — во всяком случае, не совсем наш. Выглядел он точно так, как мы, и копья у него были такие же. Но когда нам удалось, наконец, прикончить зверя в норе и мы попытались заговорить друг с другом, оказалось, что у него совсем иные слова, чем у нас. Я даже не сразу понял, что он обращается ко мне. Я решил пойти с ним и разведать побольше. Это показалось мне важнее, чем просто съемка местности. В

пути я стал понимать некоторые из его слов. Это было нелегко, потому что он соединял их как-то по-чудному. Однако мы охотились вместе и все время учились разговаривать друг с другом. Хотя шли мы не по прямой, я хорошо запомнил наш маршрут и могу нанести его селение на карту.

— Селение? — опять спросил Джим. Феджин промолчал.

— Другого названия я не знаю. Оно совсем не похоже на наше, это место у подножия крутой скалы. На склоне этой скалы много отверстий, среди них есть очень большие. Там-то и поселились пещерные жители. Мой спутник и был одним из них.

Ник рассказал о том, как встретили его эти существа. Он не сразу сообразил, что они живут в пещерах, и решил ночевать под открытым небом. Набрав валежника, он развел костер, приведя своих хозяев в крайнее изумление. Они обступили костер и не уходили, хотя начался дождь, несущий с собой вредные, ядовитые испарения. Ник прожил с пещерными жителями несколько недель, ознакомился с их бытом и научился сносно объясняться на их языке. Больше всего его удивило то, что они были неодинакового роста, от огромных девятифутовых до совсем маленьких,

самых любопытных и дружелюбных. Слушатели Ника встретили это сообщение откровенным недоумением.

Ник рассказал пещерным жителям и их вождю по имени Быстрый о жизни в своем селении, обо всем, чему их научил Феджин: как возделывать почву, как добывать огонь. И вот что за этим последовало.

Вождь, властный и грубый повелитель своего племени, потребовал, чтобы Ник отправился к Феджину и привел его к пещерам — пускай Феджин научит пещерных жителей всему, что он знает. Ник с готовностью согласился передать просьбу Быстрого Феджину и выразил надежду, что Феджин поможет им. Но Быстрый привык к беспрекословному повиновению, и Ник из гостя превратился в пленника. Быстрый под угрозой зверской расправы потребовал доставить к нему Феджина. Ник понял, что допустил роковую ошибку, и теперь опасность грозит не только ему, но и Феджину и всем его друзьям. Дождавшись ночи, он решил бежать. Его стража была уверена, что он никуда не уйдет до рассвета — слишком много опасностей грозило всякому, кто осмелится ночью углубиться в чащу леса. Ник, понимая, на какой риск он идет, все же отважился на ночной

побег. Набрав сухих палок, он зажег одну из них и с факелом, хоть немного отпугивавшим ночных хищников, тронулся в путь. Шел он несколько суток. Он спешил домой, но, чтобы запутать преследователей, сделал длинный крюк на запад и лишь потом свернул на север, к родной долине…

Закончив свой рассказ, Ник добавил:

— Они меня так и не догнали. Но рано или поздно они найдут наше селение. Нам нужно уходить отсюда как можно скорее.

Наступило молчание. Потом все загалдели разом. Один только Ник молча ждал, что скажет Феджин.

Наконец робот заговорил.

— Ты, конечно, прав, пещерные жители отыщут наше селение. Они, вероятно, уже знают, где мы живем. Было бы крайне глупо с их стороны схватить тебя в пути. Они понимали, что ты идешь домой. Но я не вижу никакого проку в том, чтобы уходить отсюда: они будут преследовать нас везде. Очень скоро нам предстоит встреча с ними. Но я не хочу, чтобы вы вступали в бой. Я очень люблю всех вас, потратил немало времени на ваше воспитание, и мне будет горько видеть, как вы погибнете в резне. Вы никогда не дрались — этому я не учил вас — и не устоите против

воинственного племени.

Поэтому, Ник, я хочу, чтобы ты и еще кто-нибудь из вас вышли им навстречу. Когда вы встретите Быстрого, скажите ему, что мы с удовольствием придем в его селение или пусть он приходит в наше, и я научу его людей всему, чему он захочет. Если ты сумеешь объяснить ему, что я не знаю его языка и что он сможет говорить со мной только через тебя, у него, должно быть, хватит ума не причинить вреда кому-либо из вас.

— Когда нам выходить? Сейчас?

— Так было бы всего лучше, но ты долго шел и заслужил отдых. К тому же приближается вечер, и мы, вероятно, ничего не потеряем, если ты спокойно проспишь ночь. Отправляйтесь завтра утром.

— Хорошо, Учитель.

Ник ничем не проявил тревоги, которую вызывала в нем перспектива новой встречи с Быстрым. За те несколько недель, что Ник пробыл у скалы, он понял, что представляет собой этот дикарь, а Феджин никогда даже не видел Быстрого. Но Учитель так мудр; он научил Ника почти всему, что тот знал, и на протяжении жизни целого поколения — по крайней мере, жизни Ника — был в селении высшим авторитетом. Наверно, все

будет так, как предсказал Феджин.

Вероятно, так оно и было бы, если б люди, управлявшие роботом, сумели сколько-нибудь правильно оценить необычайные способности пещерных жителей как следопытов. Когда пошел дождь, Ник разжег сторожевой костер, но не успел даже задремать, как услышал испуганный крик Нэнси и в то же мгновение увидел самого Быстрого, а бок о бок с ним шеренгу его отборных воинов. Они молча окружали холм и поднимались по склону.

2

— Что теперь будете делать?

Рекер не ответил. Ему было некогда болтать попусту даже со столь значительной персоной, задававшей этот вопрос. Нужно было действовать. Телевизионные экраны, связывающие его с Феджином, занимали всю стену перед ним, и на всех было видно одно: толпа похожих на еловые шишки существ, осаждавшая селение. Микрофон был выключен, чтобы ученики робота не слышали посторонних разговоров в пункте управления. Палец Рекера блуждал над тумблером включения, но не касался его. Рекер не мог придумать, что ответить.

Все, что он передал Нику через робота, было правильно. Никакой пользы от схватки быть не могло, но, к сожалению, она уже началась. Если бы Рекер и мог дать полезные советы по обороне селения, все равно было поздно. Человеческий глаз не в силах был отличить атакующих от обороняющихся. Копья мелькали в воздухе с потрясающей быстротой. В свете костров сверкали топоры и ножи.

— Во всяком случае, зрелище любопытное, —

послышался тот же пронзительный голос, минутой раньше задавший вопрос. — От костров там светлее, чем днем.

Спокойный тон привел Рекера в бешенство: он-то не мог равнодушно относиться к беде, в которую попали его друзья. Однако он не потерял самообладания и не ответил резкостью, причем отнюдь не по соображениям престижа. Посторонний наблюдатель случайно подал ему одну мысль. Палец Рекера нажал тумблер микрофона.

— Ник! Ты меня слышишь?

— Да, Учитель!

На голосе Ника не отразилось чудовищное физическое напряжение, которое он испытывал в этот момент; у тенебрийцев органы речи не так тесно связаны с дыхательным аппаратом, как у землян.

— Хорошо. Пробивайтесь поскорее к ближайшей хижине. Спрячьтесь так, чтоб меня не было видно. Не удастся добраться до хижины — укройтесь за поленницей или где-нибудь еще — например, за склоном холма, если не найдете ничего лучше. Крикните мне, как только спрячетесь.

— Постараемся.

У Ника не было времени добавить еще хоть

одно слово. А те, кто находился в пункте управления, могли только наблюдать, хотя пальцы Рекера уже нависли над другой группой тумблеров на сложной приборной панели перед ним.

— Один из них добрался, — произнес тот же высокий голос, и на этот раз Рекеру пришлось ответить.

— Я знаю их уже шестнадцать лет, но сейчас не могу отличить своих от нападающих. Как вам это удается?

Он быстро перевел взгляд с экрана на двух неземлян, высившихся над ним.

— У нападающих нет топоров, они вооружены только ножами и копьями,— спокойно сказал голос.

Человек поспешно повернулся к экрану. Да, не было оснований сомневаться в том, что дроммианин разглядел, как они вооружены. Он пожалел, что плохо знает Дромм и его обитателей. Рекер ничего не ответил тощему гиганту, но не стал следить за топорами, сверкавшими в свете костров. Действительно, те, кто держал их в руках, пробивались к хижинам на вершине холма. Это удалось не всем.

И все же кое-кто добрался до вершины. С полминуты четырехрукое, покрытое чешуей существо

стояло в дверях одной из хижин, нанося удары тем, кто решался к нему приблизиться. Трое других, видимо раненые, подползли к нему и под защитой его могучих рук укрылись в хижине. Один из троих остался в дверях и, орудуя двумя копьями, оборонял от ударов снизу того, кто действовал топором.

Вот еще один обороняющийся пробился к первому, и оба отступили в глубь хижины. Никто из пещерных жителей не решился последовать за ними.

— Вы все в хижине, Ник? — спросил Рекер.

— Нас здесь пятеро. Не знаю, что с остальными. Алиса и Том, наверно, погибли. В начале боя они держались поблизости от меня, но я давно их не видел.

— Позови тех, кто не с тобой. Мне скоро придется кое-что сделать, и я не хочу, чтобы вы от этого пострадали.

— Они либо спрятались, либо мертвы. Бой затих. Теперь вас гораздо лучше слышно, чем прежде. Делайте, что задумали, за нас не беспокойтесь. Воины Быстрого, кажется, идут к вам. У хижины осталось только двое. Все остальные окружают место, где я видел вас недавно. Вы ведь не ушли оттуда?

— Нет, — согласился Рекер, — и ты прав, они меня окружают. Один из самых рослых воинов идет прямо на меня. Спрячьтесь все в хижине, постарайтесь, чтоб свет не попадал вам в глаза. Даю вам десять секунд.

— Хорошо, — ответил Ник. — Мы заберемся под столы.

Рекер медленно сосчитал до десяти, следя на экранах за приближением нападающих. На счете «десять» пальцы его коснулись рубильника, который одновременно включил двадцать тумблеров. И, как позднее рассказывал Ник, «весь мир вспыхнул».

На самом же деле вспыхнули только мощные прожекторы робота, которые не включались уже много лет, но были вполне исправны.

По замыслу Рекера, вспышка должна была мгновенно ослепить пещерных жителей, выросших в вечной мгле Тенебры. Однако он был вынужден с огорчением признать, что этого не произошло.

Пещерные жители были несомненно очень удивлены. На мгновение они даже остановились и принялись громко переговариваться. Затем гигант, шедший впереди, направился прямо к роботу, нагнулся и принялся разглядывать одну

из фар. Земляне давно уже поняли, что у жителей Тенебры органы зрения каким-то образом связаны с колючими гребнями на их голове, и существо, которое, как подозревал Рекер, было самим вождем Быстрым, приблизило именно эту часть черепа к одному из небольших отверстий, излучавших свет.

Землянин вздохнул и выключил прожекторы.

— Ник, — позвал он. — Боюсь, моя выдумка провалилась, попробуй заговорить с этим, как его, Быстрым. Может, он как раз пытается побеседовать со мной, кто его знает.

— Попробую, — голос Ника был едва слышен.

Затем послышалось какое-то невнятное щебетание с фантастическим диапазоном звуков, от самых высоких до самых низких. Нельзя было понять, кто говорит, а тем более — о чем идет речь. Рекер раздраженно откинулся на спинку кресла.

— Нельзя ли использовать для боя манипуляторы робота? — прервал размышления Рекера резкий голос дроммианина.

— Можно, но в других условиях, — ответил Рекер. — Мы находимся слишком далеко от него. Вы, вероятно, заметили паузы между вопросами и ответами, когда мы переговариваемся с Ником. Мы на орбите Тенебры, но слишком далеко от

ее поверхности, чтобы держаться все время над одним меридианом. Сутки на Тенебре равны примерно четырем земным; таким образом, разделяющее нас расстояние превышает сто шестьдесят тысяч миль. Двухсекундная задержка с передачей команд делает робота не очень-то хорошим бойцом.

— Несомненно. Я должен был сам догадаться. Извините, что отнял у вас время в такой трудный момент.

Сделав над собой усилие, Рекер оторвался от сцены, разыгравшейся внизу, и повернулся к дроммианам.

— Боюсь, что извиняться нужно мне, — сказал он. — Я ведь знал о вашем предстоящем визите и о его целях. Разумеется, я должен был хотя бы поручить кому-нибудь показать вам все, раз уж я не мог сделать этого сам. Единственное мне оправдание — чрезвычайные обстоятельства, свидетелем которых вы являетесь. Позвольте мне хоть сейчас загладить свою вину. Вы, полагаю, хотели бы осмотреть «Виндемиатрикс».

— Ни в коем случае. Мне и в голову не пришло бы увести вас сейчас из пункта управления. К тому же сам корабль по сравнению с той увлекательной программой, которую вы осуществляете

на планете, не представляет большого интереса. Вы вполне можете рассказать нам о нем здесь, пока ожидаете ответа вашего агента. Насколько я понимаю, ваш робот уже давно находится на Тенебре. Не расскажете ли мне, как вы завербовали там своих сторонников? А моему сыну, возможно, захочется осмотреть корабль, если кто-нибудь другой покажет его без ущерба для дела.

— О, конечно. Я не знал, что это ваш сын. В сообщении о вашем прибытии не упоминалось о нем, и я решил, что это ваш помощник.

— Все это пустяки. Познакомься, сын. Это доктор Хелвен Рекер. Доктор Рекер, это Аминадорнелдо.

— Очень рад познакомиться с вами, сэр, — пропищал младший из дроммиан.

— Я также весьма рад. Подождите минутку, и вам покажут «Виндемиатрикс», если только вы не предпочтете остаться здесь и присоединиться к нашей беседе.

— Спасибо. Мне больше хочется посмотреть корабль.

Рекер кивнул и ненадолго умолк. Он нажал кнопку и вызвал в пункт управления одного из членов экипажа. Его немного удивляло, зачем дроммианин захватил своего сына; уж наверно это было не без умысла. Впрочем, разговаривать

без него будет легче, потому что Рекер совершенно не мог отличить одного от другого, а путать их было неловко. С точки зрения землян, оба были гиганты; встав на задние конечности — поза для них совершенно неестественная — они смотрели бы на землян с высоты в девять футов. Они напоминали ласку или, вернее, бобра, поскольку тонкие пальцы, которыми заканчивались пять пар их конечностей, были снабжены перепонками. Сами конечности — короткие и сильные, а перепонки на двух передних парах превратились в узенькие бахромки вдоль пальцев — совершенно естественное эволюционное развитие разумных амфибий, живущих на планете, где сила тяжести вчетверо превышает земную. На теле у обоих на специальных лямках висели баллончики, от которых к углам рта отходили почти незаметные трубки. Дроммиане привыкли к кислородному давлению, примерно на одну треть превышавшему привычное для землян. Волосяного покрова на них не было, но кожа блестела, как мокрая шкура тюленя.

Дроммиане растянулись на полу в позах блаженного покоя, задрав головы повыше, чтобы видеть экран. Когда дверь отодвинулась в сторону и в помещение вошел член экипажа, один

из них легко поднялся. Рекер представил их друг другу, и оба покинули пункт управления.

— Вы хотели узнать о наших агентах на планете, — обратился он к старшему дроммианину, продолжая разговор. — Что ж, попробую рассказать. Наибольшая трудность состояла в установлении контакта с поверхностью планеты. Отправленный туда робот — выдающееся достижение техники. Температура окружающей среды там близка к критической точке, а атмосферное давление почти в восемьсот раз превышает земное. В этих условиях легко распадается даже кварц, а потому прошло немало времени, прежде чем удалось сконструировать аппарат, способный выдержать такую среду. В конце концов с этим справились; робот находится там уже больше шестнадцати лет. Я биолог и в технике разбираюсь слабо. Если она вас интересует, здесь найдутся специалисты. Первый год мы вели разведку и наконец обнаружили разумных туземцев. Они кладут яйца, и нам удалось добыть несколько штук. Наши агенты на Тенебре — выводок из этих яиц. Мы начали их учить с детства. И вот теперь, когда мы наконец приступили к настоящей разведке планеты, приключилась такая беда.

Он показал на экраны. Быстрый перестал разглядывать робота; похоже было, что он слушал кого-то; видимо, Нику удалось его заинтересовать.

— Если вы сумели сделать машину, которая так долго действует в подобной среде, вы, вероятно, можете создать корабль, который доставит на планету живых людей, — сказал дроммианин.

Рекер горько усмехнулся.

— Вы совершенно правы. Самое обидное, что такой корабль у нас есть, он почти готов к спуску. Да, мы рассчитывали уже через несколько дней установить непосредственный контакт с нашими воспитанниками внизу.

— Вот как! Наверное, вам пришлось долго повозиться с проектированием и постройкой.

— Так и было. Главная трудность не в спуске: робота мы посадили отлично с помощью парашютов. Все дело в другом — как потом взлететь…

— Почему? Насколько я понимаю, гравитация на поверхности Тенебры слабее, чем в моем мире. Любой ракетный двигатель может вас поднять.

— Конечно, если он будет работать. К сожалению, никто еще не изобрел ракетный двигатель, реактивная струя которого способна преодолеть давление в восемьсот атмосфер. Двигатели пла-

вятся — не взрываются они только потому, что наружное давление слишком велико.

Дроммианин на мгновение призадумался, но потом мотнул головой совсем по-человечески.

— Понял. Но как же вы решили эту проблему? Какой-нибудь принципиально новый тип реактора?

— Ничего нового. Все известно уже сотни лет. В принципе это тот же тип корабля, который издавна применялся в моем мире для глубоководных исследований — так называемый батискаф. Ну, своего рода управляемый аэростат. Я могу описать его, если хотите, но вам лучше обратиться к…

— Учитель! — раздался знакомый голос из репродуктора. Даже Аминадабарли с планеты Дромм узнал его. Рекер повернулся и включил микрофон.

— Да, Ник? Что говорит Быстрый?

— В сущности, он сказал: нет. Он не хочет иметь дела ни с кем из этого селения, кроме вас.

— А ты объяснил ему, что мы не поймем друг друга?

— Да, но он ответил — если я сумел выучить его язык, то вы, мой Учитель, сделаете это еще быстрее. Он согласен оставить всех нас здесь,

если вы пойдете с ним.

— Ясно. Пока что надо согласиться. По крайней мере, это убережет вас от новых бед. Быть может, нам скоро удастся устроить Быстрому небольшой сюрприз. Скажи ему, что я пойду с ним к его пещерам. Когда воины Быстрого уйдут, оставайтесь на месте. Разыщи всех, кто уцелел, и подлечи их. Вы, наверно, почти все пострадали в этой потасовке. Ждите сигнала от меня.

Ник вспомнил, что Феджин может ходить ночью без огня. Он думал, что разгадал замысел Учителя — ведь про батискаф он никогда даже не слышал.

— Учитель! — сказал он после минутной паузы. — А может, нам лучше убраться отсюда поскорее? Давайте условимся, где мы встретимся после того, как вы удерете от них. Ведь Быстрый обязательно вернется сюда.

— Не беспокойся. Оставайся здесь и поскорее приводи всех в порядок. Скоро увидимся.

— Хорошо, Учитель.

Рекер медленно кивнул и снова откинулся на спинку сидения. Дроммианин, видимо, достаточно долго пробыл на Земле и научился понимать людей.

— Вы повеселели, я вижу, — заметил он. — Вид-

но, вы нашли выход из положения.

— Как будто так, — ответил Рекер. — Надо спустить батискаф, и все будет решено. У нашего робота гусеничный ход, поэтому его легко выследить. А батискаф передвигается в атмосфере — с точки зрения туземцев, летает. Батискаф спустится, подцепит робота своими наружными манипуляторами и унесет его от скалы куда угодно. Пусть Быстрый поломает себе голову.

— Но тогда прав Ник! Быстрый поспешит прямо в селение. Не лучше ли прислушаться к совету Ника?

— У них будет уйма времени после того, как мы унесем робота. А если они уйдут раньше, нам будет трудно их найти. Съемки этого района неточны, да и то, что нанесено на карту, быстро меняется.

— Как так? Это звучит довольно странно.

— А Тенебра и есть довольно странная планета. Тектонические процессы на ней подобны погоде на Земле. Приходится гадать не о том, будет ли завтра дождь или ясное небо, а не превратится ли сегодняшнее пастбище завтра в высокий холм. Наши геофизики буквально грызут удила

— ждут запуска батискафа, чтобы связаться с товарищами Ника. Главная причина такой из-

менчивости нам известна — атмосфера Тенебры состоит в основном из паров воды с температурой, близкой к критической точке, а кремниевые породы в таких условиях быстро разрушаются. За ночь планета так остывает, что какая-то часть ее атмосферы превращается в жидкость. А ночь длится почти двое земных суток, и за это время кора частично смывается в океан. Если учесть, что гравитация здесь равна трем «g», не приходится удивляться, что кора то и дело перестраивается. Так или иначе, сейчас остается только ждать. До утра на Тенебре целых двое суток, и за это время там вряд ли произойдет что-либо интересное. Скоро явится мой сменщик и, если вы хотите, я смогу показать вам батискаф.

— Мне это будет очень интересно.

К сожалению, осмотреть батискаф удалось не сразу. Когда Рекер и дроммианин добрались до отсека, где обычно помещалось небольшое посыльное судно, он был пуст. Вахтенный офицер пояснил, что судно взял один из членов экипажа, которого сам Рекер еще до этого попросил показать корабль Аминадорнелдо.

— Дроммианин хотел посмотреть батискаф, доктор, и маленькая Изи Рич тоже.

— Кто?

— Да дочка советника Рича, которую он таскает с собой повсюду. Прошу прощения у джентльмена, который вас сопровождает, но политическая инспекция хороша, пока занимается делом. А когда инспекторы устраивают увеселительные прогулки для своих отпрысков…

— Я взял с собой сына, — поспешно прервал его Аминадабарли.

— Знаю. Но одно дело личность, достаточно взрослая, чтобы отвечать за себя, а другое — ребенок, пальцы которого приходится держать подальше от контактов под током…

Офицер, механик по специальности, замолк и покачал головой. Рекер заподозрил, что незадолго до этого вся компания побывала в машинном отделении, но не стал задавать вопросов.

— Не скажете ли, когда вернется посыльное судно? — спросил он.

Инженер пожал плечами.

— Понятия не имею. Флэнаген сказал девчурке, что полетит, куда она попросит. Вернется, когда ей надоест, так я думаю. Вы, разумеется, можете вызвать Флэнагена.

— Хорошая мысль.

Рекер повел своих спутников в радиорубку корабля, сел возле экрана и набрал сигнал вызова

посыльного судна. Через несколько секунд экран засветился и на нем появилось лицо механика второго класса Флэнагена. Увидев биолога, Флэнаген приветственно кивнул.

— Хелло, доктор. Чем могу помочь?

— Мы хотели узнать, когда вы вернетесь. Кроме того, советник Аминадабарли хотел осмотреть батискаф.

— Я могу вернуться и забрать вас, когда захотите; мои гости увлеклись батискафом.

Рекер не без удивления спросил:

— А кто с ними?

— Был я, но я не особенно разбираюсь в этой штуковине. Они обещали ничего не трогать.

— Ненадежная гарантия! Сколько лет девочке Рича? Около двенадцати, не так ли?

— Примерно. Да я бы не оставил ее одну, но там дроммианин, а он заверил, что все будет в порядке.

— Я все же думаю…

Тут Рекеру пришлось умолкнуть. Четыре длинные перепончатые лапы с крепкими, как сталь, пальцами вцепились ему в плечи, и гладкая голова дроммианина появилась в поле зрения Флэнагена рядом с головою Рекера. Пара желто-зеленых глаз уставилась на изображение на экране,

и молчание было прервано такими низкими звуками, каких на памяти Рекера еще никогда не издавали дроммианские голосовые связки.

— Возможно, я хуже знаю ваш язык, чем предполагал, — начал он. — Правильно ли я понял, что вы оставили двух детей без присмотра в корабле, находящемся в космосе?

— Не совсем детей, — возразил Флэнаген. — Девочка-землянка достаточно большая и разумная, а вашего сына вообще едва ли можно считать ребенком — он ростом с вас.

— Мы достигаем полного физического развития через год после рождения, — прервал его дроммианин. — Моему сыну четыре года, что соответствует примерно семи годам у землян. У меня создалось впечатление, что человечество — великолепнейшая раса, но поручить ответственное задание особе столь глупой, как вы, могут только существа, которые по уровню развития недалеко ушли от дикарей. Если с моим мальчиком что-нибудь случится…

Он остановился. Флэнаген внезапно исчез с экрана. Но дроммианин еще не выговорился. Повернувшись к Рекеру, лицо которого стало бледнее обычного, он продолжал:

— Содрогаюсь при одном воспоминании о том,

что, находясь на Земле, я иногда оставлял своего сына на попечение людей. Я считал вашу расу цивилизованной. Если эта глупость приведет к наиболее вероятному роковому результату, Земля заплатит за это сторицей; ни один космический корабль землян не совершит более посадки ни на одной из планет Галактики, где считаются с чувствами дроммиан.

Его прервали, но не словами. Из репродуктора послышался страшный треск, и несколько предметов, видимых на экране, полетели к ближайшей стенке, с грохотом стукнулись о нее и тут же были отброшены назад, отнюдь не повинуясь законам противодействия. Все предметы неслись в одном направлении — том самом, в котором, как с ужасом осознал Рекер, находился воздушный шлюз посыльного судна. В поле зрения в ту же сторону пролетела какая-то книга и ударилась о металлический прибор, пересекавший помещение с несколько меньшей скоростью.

Но удары были уже не сильными. Репродуктор умолк. На посыльном судне воцарилось молчание — молчание безвоздушного пространства…

3

Аминадабарли умолк, не сводя глаз с телевизионного экрана. Хотя вел он себя отвратительно, Рекер проникся сочувствием к нему. Он и сам в подобном случае был бы, наверно, по меньшей мере мрачен. Однако сейчас некогда было предаваться состраданию, пока еще есть надежда, нужно действовать.

— Велленбах! Как вызвать батискаф? — отрывисто крикнул Рекер.

Через его плечо перегнулся дежурный по связи.

— Сейчас соединю вас, доктор.

Рекер отвел его руку.

— Погодите. Скажите, там нормальная установка? Я имею в виду — там обычный радиотелефон или что-нибудь, встроенное в панели?

— Совершенно обычный. А почему вы спрашиваете?

— Потому что, если не так, ребята, чего доброго, могут открыть воздушный шлюз или натворить еще что-нибудь, пытаясь ответить на вызов. Но если по внешнему виду установка обычная, девочка сможет ответить без риска.

— Понимаю. У нее не будет никаких затруднений. Я сам видел, как она говорила здесь по телефону с кнопочным набором номера.

— Хорошо. Вызывайте их.

Пока офицер нажимал одну кнопку за другой, Рекер старался скрыть чувства, охватившие его. Все еще нельзя было понять, что случилось на посыльном судне. Ясно одно — по какой-то причине прорвало воздушный шлюз, но батискаф мог и не пострадать. Если же порван шлюз и на батискафе, дети погибли. Впрочем, оставалось надеяться, что сопровождавший ребят механик надел на них скафандры. Нет, отчаиваться еще рано.

Наконец экран засветился, и на нем появилось осунувшееся личико, очень бледное, с шапкой волос, казавшихся на экране черными, хотя на самом деле, как хорошо знал Рекер, они были рыжие. Лицо выражало ужас, едва сдерживаемый панический ужас, но все же оно было лицом живого человека. Сейчас это было важнее всего!

Тут в радиорубку ворвался еще один человек, он остановился рядом с неподвижным дроммианином.

— Изи! Ты цела?

Рекер без труда узнал советника Рича. Узнали его и Аминадабарли, и девочка на экране. После

двухсекундной паузы — видно, батискаф был уже далеко от корабля — выражение ужаса исчезло с лица девочки, и, заметно успокоившись, она заговорила.

— Да, папа. Сначала я очень испугалась, но теперь все в порядке. Ты прилетишь ко мне?

На мгновение в радиорубке возникла неразбериха — Рич, Рекер и дроммианин пытались заговорить разом. Но верх взяло физическое превосходство Аминадабарли, и он оттолкнул всех и подсунул свою гладкую голову чуть ли не к самому экрану.

— Где второй, где мой сын? — визгливо спросил он.

Девочка ответила без задержки:

— Он здесь, с ним все в порядке.

— Я хочу поговорить с ним.

Лицо девочки ушло за пределы видимости, и они услышали ее голос, но не разобрали слов. Потом она снова появилась; волосы ее были растрепаны, на щеке кровоточила царапина.

— Он забился в угол и не хочет оттуда выходить. Давайте я прибавлю громкость, чтобы вы могли поговорить с ним.

Она не сказала ничего о своей царапине и, к удивлению Рекера, отец ее тоже промолчал.

Аминадабарли же, казалось, и вовсе ничего не заметил. Он перешел на свой язык, которого в радиорубке никто, кроме Рича, не понимал, и говорил несколько минут, изредка останавливаясь, чтобы выслушать ответ.

Сначала сын ему вообще не отвечал, но потом уговоры отца, видимо, подействовали, и в репродукторе раздался слабый писк. Услышав эти звуки, дроммианин успокоился и стал говорить медленнее. Спустя минуту рядом с головой Изи появилась голова Аминадорнелдо. Рекер старался понять, стыдно ли тому, но выражение лица дроммиан было для него закрытой книгой. Однако в Аминадорнелдо явно заговорила совесть, потому что, послушав еще немного, ребенок повернулся к Изи и перешел на английский:

— Мне очень жаль, что я сделал вам больно, мисс Рич. Я очень испугался и подумал, что вы зря подняли такой шум, да еще зачем-то хотите вытащить меня из угла. Отец сказал, что вы старше меня и я должен во всем вас слушаться, пока мы с ним снова не будем вместе.

Девочка, видимо, правильно оценила ситуацию.

— Ладно, Мина, — ласково сказала она. — Мне почти не больно. Я буду заботиться о тебе, и мы

вернемся к твоему папе… через некоторое время.

Добавив последние слова, она взглянула в объектив камеры, и Рекеру снова стало не по себе. Взгляд, брошенный на советника Рича, подтвердил его подозрения, девочка хотела дать им что-то понять, стараясь, видимо, не испугать своего спутника. Вежливо, но решительно Рекер вытеснил дроммианина из поля зрения передающей камеры. Изи кивнула ему; незадолго до этого она познакомилась с ним, когда осматривала «Виндемиатрикс».

— Мисс Рич, — начал он, — мы все еще не знаем точно, что у вас там случилось. Сможете ли вы что-нибудь объяснить нам? Где офицер, который сопровождал вас?

Девочка покачала головой.

— Я не знаю, где мистер Флэнаген. Он остался на посыльном судне, наверно, покурить. Велел нам не трогать никаких кнопок, — видно, думает, что мы глупенькие. Мы конечно, держались подальше от панели, да и вообще только поглядели и ушли из рубки, стали осматривать другие комнатки. А потом собрались было надевать скафандры, чтобы вернуться на посыльное судно, и тут услышали голос мистера Флэнагена: он оставил приемник включенным и настроил его

как нужно. Он сказал, что находится у наружного шлюза и откроет его, как только закроет шлюз посыльного судна — оба судна были так близко друг к другу, что мы просто шагнули из одного в другое. Еще он велел, пока не придет, сидеть тихо и ничего не делать. Мина только раскрыл рот, собираясь ответить ему, как мы почувствовали толчок. Нас швырнуло к стене, меня так прижало — шевельнуться не могла, похоже было ускорение в три-четыре «g». Мина ходил как ни в чем не бывало. Он попытался вызвать Флэнагена через передатчик, никакого ответа не было, а я не разрешила ему ничего трогать. Ускорение продолжалось, наверно, с полминуты. Вам лучше знать. Оно прекратилось как раз перед тем, как вы нас вызвали…

К этому времени радиорубка заполнилась людьми. Двое-трое принялись что-то просчитывать на линейках; Рекер, отвернувшись от приемника, следил за одним из них и, когда тот кончил считать, спросил:

— Разобрались немного, Саки?

— Кажется, да, — ответил инженер. — Разумеется, девочка рассказала не очень точно, но по ее оценке ускорения и продолжительности его и учитывая массу батискафа, следует думать,

что каким-то образом включилось одно кольцо ускорителей, работающих на твердом топливе. Это как раз и должно было дать немногим больше четырех «g» в течение сорока секунд; суммарное приращение скорости около мили в секунду. Определить положение судна нельзя, пока не выйдем в космос и не засечем его. Вычислить тоже не можем — мы же не знаем направления ускорения. Вообще-то я предпочел бы, чтобы «скаф» был подальше от планеты.

Рекер понял Саки и решил не уточнять, но Аминадабарли немедленно спросил:

— Почему?

Бортинженер взглянул на него, потом на изображение второго дроммианина на экране и, видимо, решил не ходить вокруг да около.

— Потому что приращение скорости на одну милю в секунду в любом направлении может вывести его на орбиту, входящую в атмосферу, — отрезал он.

— Когда это может произойти? — вмешался Рич.

— Понятия не имею. Вычислим в пути. Думаю, не позднее чем через несколько часов.

— Так что же мы тут болтаем? — завопил Аминадабарли. — Почему не ведется подготовка к их

спасению?

— Подготовка ведется, — спокойно ответил инженер. — В повседневной эксплуатации было только одно судно, в резерве есть еще несколько. Одно готовится к отправлению и стартует не позже чем через десять минут. Вы полетите, доктор Рекер?

— Только лишняя масса, и никакой пользы, — ответил Рекер.

— Думаю, что это относится и ко мне, — сказал Рич. — Но все же я хотел бы — если найдется место. Конечно, неприятно быть вам помехой.

— Лучше оставайтесь здесь, — сказал Сакииро. — Мы будем держать связь с кораблем и со «скафом», так что вы будете в курсе событий.

С этими словами он выбежал из рубки.

Аминадабарли явно собирался настаивать на том, чтобы спасатели взяли его с собой, но после слов Рича он просто не мог этого потребовать. Он облегчил душу, пробурчав:

— Только дурак-землянин мог подключить к недостроенному судну ускорители для запуска!

— Батискаф был совершенно готов, если не считать последней проверки сетей и соединений, — спокойно ответил другой инженер. — А двигатели предназначены как для запуска, так и

для посадки. Их, собственно, не предполагалось подключать до последней минуты, и мы не сможем установить, почему произошло зажигание, пока не доберемся до батискафа. А сейчас искать виновных — только попусту терять время.

Он холодно взглянул на дроммианина, и Ричу пришлось вмешаться, чтобы разрядить напряжение. Рекер мысленно признал, что дипломат знает свое дело. Казалось, сейчас этот огромный бобер выкинет всех людей из рубки, но Рич за какие-нибудь четыре-пять минут успокоил разъяренного гостя.

К этому времени спасательное судно было уже в полете, и с каждой минутой крепли надежды людей на корабле, на батискафе и у самих спасателей. Если «скаф» вышел на орбиту, не входящую в атмосферу Тенебры, опасности вообще не было. Аппаратура для производства пищи и восстановления воздуха на борту была давно смонтирована, и на нее можно было положиться. Компьютер на спасательном судне работал непрерывно, вычисляя возможные орбиты. В худшем случае батискаф должен был войти в атмосферу через три четверти часа после аварии. Если этого не случится в течение двух часов, такая возможность вообще исключалась.

На «скафе» были иллюминаторы; Изи сумела узнать некоторые созвездия. Это позволило приближенно определить, с какой стороны планеты находится «скаф». Однако без точных измерений пользы от этого сообщения было мало.

Через шестьдесят семь минут после аварии Изи сообщила о возникновении ускорения. К этому времени даже Аминадабарли прекрасно понимал, чем это грозит. Спасательное судно было уже «рядом», то есть примерно в половине диаметра планеты от батискафа, но они ничем не могли помочь попавшим в ловушку детям. Инженерам легко было запеленговать батискаф и определить его положение с точностью до нескольких миль, однако вычислить орбиту для его перехвата в атмосфере Тенебры они не умели. Слишком мало они знали об этой атмосфере. Ясно было одно — перехват возможен, когда батискаф опустится в нижние слои, а там ракетные двигатели спасателей работать не будут — слишком велико атмосферное давление. Через минуту после сообщения Изи Сакииро передал свои соображения по этому поводу на «Виндемиатрикс» и, прежде чем Аминадабарли успел раскрыть рот, повернулся к передатчику, настроенному на волну батискафа.

— Мисс Рич, пожалуйста, слушайте меня вни-

мательно. Через несколько минут ускорение сильно возрастет. Пристегнитесь к сидению перед панелью управления и позаботьтесь о своем спутнике.

— Да ему ни одно из кресел не годится… — начала объяснять девочка.

— Четыре «g» — его норма, — вмешался Рич с борта «Виндемиатрикса».

— Тут ему придется получить чуть больше, — ответил Сакиро. — Надеюсь, он выдержит. Скажите ему только, пусть он ляжет на пол. Теперь, мисс Рич…

— Зовите меня Изи. Для экономии времени…

— Теперь посмотрите на приборную панель перед вами. Что вам знакомо на ней?

— Немногое. С левой стороны — выключатели света. Здесь написано. Наверху, в центре — управление связью. Около выключателей света — контрольные приборы, под особой крышкой — управление шлюзом. Чуть ли не два квадратных фута рычажков «Включено-Выключено», и над каждым какие-то буквы… Тут я ничего не понимаю… — Изи умолкла.

Саки одобрительно кивнул.

— Ладно. Теперь поглядите на верхнюю часть панели. Справа от управления связью есть группа

рычажков. И надпись «Поиск». Нашли?

— Да, вижу.

— Так, вот, убедитесь, что рубильник в левом нижнем углу этой группы находится в положении «Выключено». Проверьте. Затем переведите три рычажка группы «Атмосфера» в положение «Включено». Удостоверьтесь, что рубильник «D-I» выключен. Понятно?

— Да, сэр.

— Знаете, что вы сейчас сделали? Вы связали радиокомпас, настроенный на передатчик робота, находящегося на поверхности планеты, с аэродинамическим контрольным устройством вашего «скафа». Включение двигателей боюсь вам доверить. Если все пойдет как надо, автопилот посадит вас где-нибудь поблизости от робота, не беспокойтесь. В атмосфере вы не сгорите. Батискаф рассчитан на вход в атмосферу без торможения. Планета велика, но ничего… Даже если мы посадим вас с ошибкой в пятьсот миль, мы все равно вас разыщем. Понимаете?

— Да. Я уже привязала себя к креслу, а Мина лег на пол.

— Отлично. Теперь протяните руку к тому самому участку, где написано «Поиск», и возьмите на себя рукоятку рубильника. Вы не страдаете

морской болезнью? Боюсь, что поначалу вам придется тяжко.

Сакииро на борту спасательного судна и люди в радиорубке «Виндемиатрикса» следили за ребятами — вот рука девочки потянулась за пределы поля зрения камеры. Они и не могли видеть, как она включила рубильник. К удивлению инженеров, ничего особенного не произошло. Они ожидали, что внезапное ускорение втиснет девочку в кресло, но все обошлось благополучно.

Изи сообщила:

— Я чувствую, что судно кренится — планета сейчас слева от нас. Меня немножко прижимает к креслу. А вот мы снова выровнялись. Теперь то, что было «низом», очутилось впереди, если только панель передо мной находится в носовой части батискафа.

— Да, именно там, — ответил инженер. — Вы направляетесь к роботу. Скорость спуска будет уменьшаться и в атмосфере дойдет до пятисот миль в час. Торможение будет резкое. Ваше судно снабжено отделяющимися тормозными двигателями для преодоления теплового барьера. Не отвязывайтесь!

— Хорошо. А сколько все это продлится?

— Часа два. Вы отлично выдержите.

Тут в разговор вмешался Рич.

— Мистер Сакииро, а что если батискаф пройдет над вашим роботом, не погасив скорости? Как поступит автопилот? Перейдет в пикирование?

— Разумеется, нет. Это же корабль, а не ракета. Он войдет в вираж, и ускорение возрастет еще на 0,5 «g». При необходимости автопилот посадит корабль. Но мы сумеем этого избежать.

— Каким же образом? Уж не хотите ли вы, чтобы Изи управляла батискафом?

— Ну, не в прямом смысле этого слова. Однако, когда скорость «скафа» снизится до обычной при полете в воздушной среде, главные цистерны, обеспечивающие его плавучесть, заполнятся атмосферой Тенебры. Тогда я объясню Изи, как включить установки для электролиза. В цистернах образуется водород, и батискаф «всплывет» до такой высоты, на которой мы сможем подойти к нему. Жаль, что его ускорители не подключены. Но, я полагаю, мы сможем добраться до них, когда «скаф» повиснет на максимальной высоте. Вы же знаете, конструкция его так и рассчитана, чтобы на этой высоте могли включиться ускорители.

— Следовательно, вы ее спасете.

Это утверждение больше походило на вопрос. Сакииро был честный человек, но ему трудно

было дать прямой ответ. И все же, поколебавшись, он сказал, глядя в глаза этому немолодому человеку, чье лицо на экране так откровенно выражало безысходную муку.

— Мы должны спасти обоих. Не скрою — дело трудное и опасное. Надо пересадить инженера с ракеты, «висящей» на реактивных струях своих двигателей, на внешнюю оболочку «скафа», чтобы он подключил проводку. А «скаф» ведь будет плавать, как воздушный шар. Это будет нелегко.

— А почему бы не перевести ребят на спасательное судно?

— Потому что их скафандры не выдержат давления на той высоте, где будет парить «скаф», — ответил Сакииро. — Я не знаком с дроммианскими конструкциями, но нашу-то знаю хорошо.

— Мистер Сакииро, — снова вмешалась в разговор Изи.

— Да, Изи.

— Может, дадите мне какую-нибудь работу? Противно сидеть сложа руки; мне даже становится чуть-чуть страшно.

Рич умоляюще взглянул на инженера. Как всякий дипломат, он был тонким психологом и к тому же хорошо знал свою дочь. Она вовсе не была истеричкой, но какой двенадцатилетней

девочке доводилось попадать в такую переделку! Сам он не мог ничего придумать, чтобы занять ее внимание; к счастью, Сакииро понял все.

— Слева от вас — манометры, — сказал он. — Не сможете ли вы передавать нам их показания? А ваш друг пусть наблюдает за звездами и сообщит нам, когда они начнут меркнуть. Этим вы нам немного поможете. Продолжайте передачу, пока вам еще нетрудно следить за показаниями приборов; ускорение, возможно, вот-вот сильно возрастет.

Рич с благодарностью кивнул инженеру. Может, Аминадабарли выразил такие же чувства, но никто из присутствующих этого не мог заметить. В течение многих минут молчание нарушалось только голосами ребят, сообщавших о показаниях манометров и о яркости звезд.

Затем Изи сказала, что корабль опять дал крен.

— Отлично, — ответил Сакииро. — Это значит, что вы уже находитесь где-то над роботом. Теперь вас придавит ускорение побольше трех с половиной «g»; вам придется потерпеть, пока не погасится скорость батискафа. Ваше кресло автоматически откидывается на пружинах в наиболее удобное положение, но все равно ощущение будет не из приятных. Ваш приятель,

несомненно, перенесет все это легко, предупредите его только, чтоб он не вздумал вставать. Корабль несется в атмосфере с огромной скоростью — несколько тысяч миль в час, и переход из одного атмосферного потока в другой может дать здоровенную встряску.

— Мы готовы!

— Звезды меркнут. — Это сказал Аминадорнелдо.

— Спасибо. Можете еще раз сообщить мне показания манометров?

Девочка исполнила его просьбу, но чувствовалось, что ей уже трудно говорить. До начала последнего разворота «скаф» находился в свободном падении. Но сейчас рудиментарные плоскости батискафа уже получили опору в атмосфере, пусть еще сильно разреженной, и обеспечили его виражирование; положение резко изменилось.

Внезапно плавное движение батискафа, которое показалось Сакииро началом планирования и спуска, прервалось резкими толчками, которые следовали один за другим. Ремни прочно удерживали тело девочки, но голова ее, руки и ноги беспомощно болтались, словно у огородного пугала в ветреный день. Юный дроммианин

впервые за все время не мог лежать спокойно. Сквозь скрип и грохот, которыми сопровождались толчки, из приемника доносились рыдания девочки и почти неуловимый для человеческого уха — так он был высок — вой Аминадорнелдо. Старший дроммианин вскочил, тревожно всматриваясь в экран.

Инженеры не могли понять, что случилось, но Рекеру показалось, что он нашел объяснение!

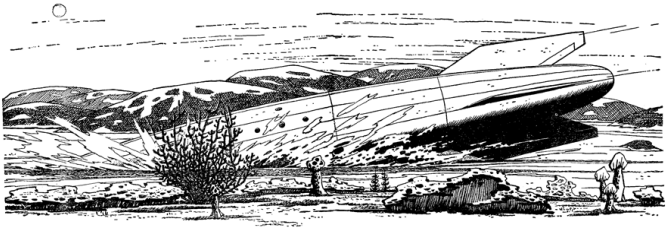
— Это удары дождевых капель! — закричал он.

Все с ним согласились. С наступлением ночи пары воды в атмосфере конденсировались и из-за особых гравитационных условий Тенебры сливались в огромные, диаметром в несколько десятков футов, шаровые скопления воды, падавшие на поверхность планеты. Их-то и назвали за неимением другого слова каплями… Кстати, в них растворялись некоторые газы, которые были ядовиты даже для выносливых аборигенов Тенебры. Батискаф ходил ходуном. Автопилот старался удержать судно на заданной траектории, но аэродинамические контрольные устройства позорно не справлялись со своей задачей. Не меньше двух раз батискаф перекувырнулся — во всяком случае, так решил Рекер, увидев, как дроммианина швырнуло из одного

угла кабины в другой. По чистой случайности его не ударило о рычаги управления. Правда, сейчас они были бесполезны. Что может сделать руль в положении левого поворота, если в этот момент о правое крыло ударилась капелька диаметром этак футов в пятьдесят? То, что вода была лишь немногим плотнее атмосферы Тенебры, не меняло дела. Сейчас судно попросту падало в самом прямом значении этого слова.

Для гравитации в три «g» скорость падения оказалась удивительно низкой. Причина этого была весьма проста. Несмотря на то, что внешняя атмосфера заполняла большую часть корпуса батискафа, объемный вес его был незначителен. Судно представляло собой сигарообразную оболочку длиной в двести футов. Единственной действительно тяжелой ее частью был шар в центре диаметром в сорок футов, где находились жилые отсеки. Вероятно, батискаф избежал бы серьезных поломок даже при посадке на твердый грунт. Но случилось так, что он упал в жидкую среду.

В настоящую жидкость, а не в то вещество в критическом состоянии, которое составляло большую часть атмосферы Тенебры.



Батискаф упал «брюхом» вверх, но плоскости уже были отброшены подобно тормозным двигателям, а центр тяжести был достаточно низок, и потому судно перевернулось в более удобное положение. Наблюдатели видели, как похожий на бобра гигант осторожно встал на ноги, медленно подошел к креслу девочки и прикоснулся к ее плечу. Она вздрогнула и попыталась приподняться.

— У тебя все в порядке? — прокричали оба отца почти в один голос.

Аминадорнелдо, помня наставления отца, подождал, пока ответит Изи.

— Кажется, да, — сказала она не сразу. — Прости, что я разревелась, папа, мне было так страшно. Я не хотела пугать Мину.

— Все хорошо, детка. Уверен, что никто не попрекнет тебя. Главное, что ты цела, да и корпус судна не пострадал. Иначе вас обоих уже не было бы в живых.

— Разумеется, — поддержал его Сакииро.

— Вас изрядно растрясло, но теперь все позади. Ну, раз уж вы попали на Тенебру, посмотрите в иллюминаторы — вы первые, кто видит воочию эту планету, не считая, конечно, тамошних жителей. Когда наглядитесь вдоволь, скажите мистеру Сакииро, он объяснит вам, как снова подняться наверх. Ладно?

— Ладно, папа! — Изи провела ладонью по все еще мокрому от слез лицу, отстегнула ремни и встала. — Ну, когда же они выключат двигатели? Скорее бы избавиться от этой тяжести! — сказала она.

— Тяжесть так и останется, пока мы не вытащим вас оттуда, — ответил ей отец.

— Знаю. Я просто пошутила. Ой, снаружи, кажется, ночь: ничего не видать.

— Так оно и есть, если вы в том же районе, где робот, — ответил Рекер. — Впрочем, на Тенебре

и в полдень немногим светлее. Даже свет Альтаира не может пробиться сквозь эту атмосферу, его недостаточно для того, чтобы человеческий глаз что-нибудь увидел. Вам придется включить прожекторы.

— Хорошо, попробую.

Девочка посмотрела на приборную панель, где еще раньше приметила выключатели света. Затем, к удивлению и радости инженеров, спросила Сакииро, те ли это выключатели. Саки потом говорил, что в этот миг его надежды на спасение детей возросли во сто крат.

Когда вспыхнул свет, ребята прильнули к иллюминаторам.

— Там не на что смотреть, — передала Изи. — Мы, видно, плюхнулись в озеро или океан. Гладь кругом, словно стекло. Даже ряби никакой нет. Я бы подумала, что здесь все твердое, если бы «скаф» не погрузился в это. Сверху опускаются туманные шары — большие-большие! Но они как будто тают, не долетев до поверхности. И больше ничего не видно.

— Это дождь, — сказал Рекер. — Озеро, вероятно, из серной кислоты. Думаю, что в это время ночи она уже порядком разжижена и настолько теплее атмосферы, что капли превращаются в

пар, не достигнув озера. А волн и не должно быть, там же нет ветра. На Тенебре небольшой ветер — уже грозный ураган.

— Несмотря на изобилие тепловой энергии? — поразился Рич.

— Да, так. Для тепловой энергии нет объектов приложения. Она не может превратиться в работу в физическом смысле этого слова. Когда на Тенебре меняется температура атмосферы или даже фаза ее состояния, колебания ее объема столь незначительны, что разности давлений, порождающей сильные ветры, не возникает. Атмосфера Тенебры, вероятно, самая спокойная во всей Галактике.

— Но это же не вяжется с вашими словами насчет землетрясений на Тенебре! — сказал Аминадабарли.

Видно, он уже обрел прежнюю уверенность, раз мог говорить не только о глупости землян.

— Да, не вяжется, — согласился Рекер. — Придется допустить, Изи, что вы увидите волны, если вам придется поплавать на этом озере подольше. Однако эти волны никак не назовешь бурными, и они не унесут вас к чудесным берегам. Кажется, вы уже посмотрели здесь все, что можно. Теперь пора подниматься наверх и спокойненько дожи-

даться спасения.

— Ладно. Только мне хотелось бы знать, что заставит эту штуку плавать в атмосфере, и еще одно… Неужели при подъеме нас будет трепать так же, как и при спуске?

— Не бойтесь. Подниматься вы будете вертикально и гораздо медленнее. Как на воздушном шаре. Большая часть корпуса вашего корабля разделена на отсеки, и каждый отсек в свою очередь делится надвое гибкой мембраной. Сейчас эти мембраны прижаты атмосферным давлением к одной из стен каждого отсека. Когда вы приведете в действие устройства для электролиза, часть воды разложится. Кислород будет выбрасываться наружу, а водород постепенно заполнит пространство между мембранами и стенками отсеков и вытеснит из них атмосферу. В конструкции старых морских батискафов была использована та же идея, но там не нужны были мембраны.

— Понимаю. А сколько времени понадобится, чтобы образовалось достаточно газа и мы начали подниматься?

— Не могу сказать — нам неизвестна электропроводность атмосферы. Как только вы запустите установку, надо следить за амперметрами — они

там, над выключателями, на каждый отсек отдельно. Если вы передадите мне их показания, я быстро все подсчитаю.

— Хорошо. Где же они? А вот, здесь… Вы очень понятно их обозначили. Вверху справа? Двенадцать рычажков и большой рубильник?

— Они самые. А над ними — амперметры. Включите их, а затем — главный рубильник и давайте мне показания.

— Ладно.

Тонкая рука поднялась и исчезла из поля зрения камеры; все услыхали щелканье выключателей. Потом Изи опустила руку на колени и тяжело откинула на спинку кресла свое тело, которое весило там триста фунтов; оглядев одну за другой шкалы приборов она сказала:

— На всех амперметрах ноль. А теперь что мне делать?

Страшная опасность, угрожавшая детям, надолго отвлекла Рекера от бедственного положения, в которое попали его любимое детище, робот Феджин, и воспитанные им жители Тенебры. На пункте связи с роботом все это время дежурил коллега Рекера, с которым они чередовались, непрерывно поддерживая контакт со своими питомцами.

Между тем события там продолжали развиваться. Ник, незаметно для самого себя оказавшийся в роли вожака всей группы, не мог примириться с мыслью о том, что любимый Учитель, их Феджин, уходит один во вражеский стан. Правда, он сообразил, что каменные ножи вряд ли причинят вред крепкому белому материалу, в который одет Феджин, но все же тревога за Учителя не покидала его.

И он решил на свой страх и риск пойти на хитрый маневр, который, по расчетам, должен был поразить Быстрого и все его войско. От испарений, приносимых огромными каплями тенебрийского ночного дождя, пещерных жителей пока спасали костры, зажженные питомцами Феджина еще до нападения. Запас топлива для костров был сложен в большой штабель неподалеку от хижины, ставшей убежищем для Ника и его друзей. Ник, меньше других пострадавший в схватке с воинами Быстрого, натаскал побольше сучьев в свою хижину, а остальные дрова поджег. План его был прост: костры скоро погаснут, поддерживать их будет нечем, и Быстрый со своими воинами задохнутся в испарениях дождя, от которого они обычно укрываются в пещерах.

Но Быстрый оказался не так уж глуп. Когда он

обнаружил, что топлива для костров не осталось, он атаковал хижину Ника, чтобы отобрать припасенные сучья. Хотя силы были неравны, удобство «позиции» Ника помогло ему отбить натиск врагов и даже нанести им некоторые потери. Очень выручили Ника каменный топор и горящие сучья. Раскаленные угли, рассыпанные перед входом в хижину, послужили своего рода заграждением — подошвы нижних конечностей у тенебрийцев были достаточно чувствительны.

Дрожа от ярости, Быстрый был явно готов метнуть в Ника все четыре копья, которые он держал в руках, или прорваться по горячим углям к двери и схватиться с Ником и другими защитниками хижины врукопашную. Но он не сделал ни того, ни другого. Спокойно опустив копья, он повернулся и пошел прочь. Потом, словно вспомнив о чем-то, снова обернулся к Нику.

— Ну что ж, Дровосек, спасибо за выручку. Я попрощаюсь с тобой. А ты попрощайся со своим Учителем.

Ник опешил.

— Как же так? Ведь вы ночью не сможете…

— Почему? Ты-то смог?

— А Феджин?

— Ну, ты же сам сказал, что он может делать

все, что умеешь ты… А не захочет пойти, мы его поджарим на огне.

— Учитель! Феджин! Ты слышишь?! — истошно завопил Ник. Он кричал и кричал, забыв, что Учитель никогда не отвечает сразу.

— Что случилось, Ник? — наконец откликнулся коллега Рекера.

— Быстрый сказал, что поджарит тебя на костре, если ты откажешься пойти с ними. Ты выдержишь?

Пауза была длиннее обычной. Трудно было решиться на ответ — никто на корабле толком не знал, какова истинная температура пламени на Тенебре. А робот — штука дорогая…

— Н-нет… Я пойду с Быстрым, — ответил наконец дежурный устами робота.

— А нам что делать?

Рекер забыл сказать своему коллеге о том, что всей группе он велел оставаться на месте, и дежурный вышел из положения как сумел.

— Решайте сами. За меня не беспокойтесь, они меня не тронут. А с вами я потом свяжусь.

— Хорошо.

Ника вполне устраивало новое решение Учителя, поэтому он и не заикнулся о предыдущем. Он молча смотрел, как воины Быстрого с горящими

сучьями в руках окружили Феджина полукольцом, и вся процессия медленно тронулась в путь.

Семь питомцев Феджина, уцелевших после боя, хотя и порядком израненных и потрепанных, впервые с тех пор как вылупились из яиц, оказались без своего наставника. Дотянув до рассвета у чуть теплившегося костра, они стали решать, что им делать дальше.

Оставаться в хижинах не было смысла — топлива нет, вся поросль на несколько миль вокруг селения давно уже вырублена, тратить силы на заготовку сучьев и подвоз их на примитивной тележке, сколоченной под руководством Феджина, явно не стоило. Лучше уйти подальше, где есть лес и где Быстрый не сразу их разыщет…

Они долго спорили, куда им отправиться. Ник не раз думал, что иногда было бы неплохо обладать таким непререкаемым авторитетом, каким пользовался Быстрый у своего племени. Победило предложение Нэнси. Ее поддержали Джим, Дороти, Бетси и Оливер. Да и сам Ник, хотя и не без досады, признал, что оно разумно. Нэнси предложила уйти на берег моря — сравнительно недалеко от их стоянки. Это море, как сказал им Феджин, было заполнено не водой, а серной кислотой, и поэтому не испарялось с наступлением дня, как все водоемы и реки на Тенебре. И Феджину будет легко разыскать их — достаточно добраться до пещер и шепнуть: «Берег моря», а там уж он не собьется.

И они погрузили свой нехитрый скарб и оружие на тележку, собрали стадо, несколько поредевшее за ночь от набегов хищников, и тронулись в путь. Он был не очень долог, но утомителен — грунт

здесь был почти сплошь покрыт острыми кристаллами кварца. Ближе к берегу им стали все чаще попадаться лужицы и озерца со странной тяжелой маслянистой жидкостью. Такой жидкостью было заполнено и море, на берегу которого они разбили свой лагерь. К ночи, к началу дождя, они успели заготовить достаточно дров, поужинать и расположились на отдых под защитой спасительных костров.

Ник учел все, кроме одного — что дождевые капли падают и в море. Скоро ему пришлось убедиться в этом. Разведенная дождевой водой серная кислота вышла из берегов, и в свете костров они увидели, как холмик, на котором разбит их лагерь, превратился в остров, окруженный со всех сторон разлившимся морем.

Ночь была трудная и страшная. Они уцелели, но стадо еще более поредело. Надо было искать новую стоянку.

Посовещавшись, они решили перекочевать на более высокое место, но все-таки около берега моря, а Ник немедленно отправился к пещерам выручать Учителя.

К обрыву над пещерами Ник добрался еще засветло, но предпочел ничего не предпринимать до наступления темноты. Он был уверен, что Быстрый разведет костры. Однако, когда он уже в сумерках осторожно заглянул вниз, через край обрыва, костров там не было. Вероятно, в пути пещерные жители утратили огонь, а добывать его никто их еще не научил.

Ник долго размышлял, как же ему связаться с Феджином; план, родившийся в результате этих раздумий, был и хитрый, и дерзкий.

Собрав побольше сучьев, он извлек свои нехитрые принадлежности для добывания огня и развел костер на краю обрыва. Одну горящую ветку он сбросил вниз, к подножию утеса. Феджина он приметил сразу. Дальше события развивались именно так, как он предполагал.

Увидев огонь, пещерные жители кинулись за топливом, и по неопытности набросали столько сучьев, что погасили ветку. Заметив отблески пламени на вершине утеса, все во главе с Быстрым побежали по извилистой и крутой тропе наверх. Ник не был уверен, бегут ли они только за огнем или же за тем, кто его разжег. Так или иначе, это отвечало его замыслу. Он начал спускаться вниз по обходной, более длинной тропе, поджигая за собой всю поросль, чтобы затруднить погоню. Когда пещерные жители со своим вожаком еще только подбегали к костру, Ник был уже рядом с Феджином.

— Учитель, это я, Ник! Вы меня слышите?

— Да, слышу хорошо. Как ты сюда пробрался? Значит, вся эта суматоха из-за тебя?

— Ну да! — торжествующе крикнул Ник. — Я пришел за вами!

Он торопливо рассказал Учителю обо всем, что случилось за те двое долгих тенебрийских суток, которые прошли с момента их разлуки, и предложил немедленно тронуться в путь.

Учитель молчал необычно долго. Нику, конечно, не могло прийти в голову, что где-то в полутораста тысячах миль от него, у пульта связи с роботом, идет оживленная дискуссия, в кото-

рую уже включился и Рекер. Там решали вопрос, уходить ли роботу от пещерного племени или пока остаться и начать их обучение…

Наконец Учитель заговорил:

— Ты знаешь, Ник, что я не могу так быстро ходить, как ты. Надо их задержать подольше. На утес ведет одна тропа?

— Да, если не считать обходной, по которой я прибежал. Но она намного длиннее. Вам надо сейчас же трогаться в путь. Идите на северо-восток до моря, а затем по его берегу — дневному, конечно. А я постараюсь задержать Быстрого.

Без лишних слов Феджин пополз на своих гусеницах, а Ник, подбирая на ходу сучья, валежник, сухие растения, побежал к глубокой расселине, где начиналась тропа, ведущая на утес, и разжег там костер. Потом собрал все сучья вокруг и принес их в расселину. Таким образом, выход к подножию утеса был прегражден огненной баррикадой. Капли, скатывавшиеся по расселине сверху, испарялись, не достигая этого огромного костра, и заполняли ее дно плотной пеленой паров, в которых тенебрийцы не могли дышать.

Поджигая по дороге все, что могло гореть, Ник быстро догнал Феджина.

Робот одобрил действия своего верного учени-

ка, но заметил:

— Впрочем, вряд ли это нам поможет. К концу ночи они все равно нас догонят…

Однако прошло несколько часов, а погони не было видно.

Между тем, идти Нику становилось все труднее. Лужи и озерца дождевой воды встречались все чаще и разрастались в размерах. Феджин полз напрямую, Ник же был вынужден обходить их, иначе он бы давно потерял сознание.

— Видимо, теперь уж им и костры не помогут. Мне это нравится, — удовлетворенно сказал Феджин.

— А мне нет, — огорченно сказал Ник. — Впереди глубокие лощины. Сейчас по ним текут широкие реки прямо к морю. Мы застрянем обязательно, и они нас нагонят.

— Реки? Да ведь это отлично! Быстрому ни за что не переправиться через реку, а мы с тобой переберемся без труда.

— А я-то как же? — недоуменно спросил Ник.

— Потом увидишь.

Но реки как назло не попадалось. Они шли по берегу моря, позади уже появились смутные проблески колеблющегося света факелов погони, когда наконец перед ними открылась широкая

лощина, заполненная водой. Спасительная река встретилась им как нельзя более кстати.

— Приготовься, Ник. Сейчас я тебя подхвачу. Не робей, все будет хорошо.

— Я готов.

Робот подполз к Нику. Из небольших люков в его белом корпусе высунулись четыре шарнирных манипулятора. Крепко, но бережно они подхватили Ника и закинули его на верхнюю плоскость корпуса.

Робот спустился в реку и пошел ко дну. Ник тотчас же потерял сознание; впрочем, это было не страшно.

Спустя пятнадцать минут воины Быстрого подошли к месту, где следы робота исчезли в реке.

4

— Ну, и сколько времени вы выиграете, доктор?

Рекер ответил, не отрывая глаз от телевизионных экранов:

— Вероятно, весь остаток ночи и еще немного, пока река не высохнет после восхода солнца. А до восхода осталось часов двадцать.

— Может быть, за этот срок растения разрастутся так, что совсем скроют следы робота?

— Увы, мои представления о растительном мире Тенебры недостаточны.

— И это после шестнадцати лет наблюдений!

— За все шестнадцать лет у меня не было случая изучить характер растительности на северном берегу этой лощины, — немного раздраженно ответил Рекер. — От Ника я знаю только, что Быстрый — отличный следопыт, но у меня нет информации, позволяющей определить, что такое «отличный». Право же, советник, мне известно, что последние три недели вы живете как в аду. Но если вы будете только критиковать, вряд ли особенно поможете дочери. Вы становитесь похожим на Аминадабарли.

— Рад, что вы о нем упомянули, — в голосе Рича не слышалось обиды.

— Я знаю, доктор, что вам трудно терпеть манеры дроммиан. Это довольно вспыльчивая раса, и их понятия о хорошем тоне не вполне совпадают с нашими. Аминадабарли необычайно сдержан для дроммианина, потому он и занимает столь высокий пост. Но я настоятельно прошу вас обуздать свои вполне естественные импульсы и не отвечать ему резкостью на его оскорбления.

Рекер на мгновение оторвал свой взгляд от экрана.

— Должен признаться, все сказанное вами никак не поможет спасению Изи и Мины; я и без того делаю все, что могу.

— Верю и благодарю, но я был обязан сказать вам об этом. Постарайтесь учесть особенности характера Аминадабарли. Он станет только больше уважать вас за это. И я тоже.

— Сделаю, что смогу, — обещал Рекер. — Но сейчас лучше бы он не появлялся еще несколько часов. Я перетаскиваю Ника через реку... Если вы предположите, что я считаю Ника своим ребенком, то окажетесь недалеки от истины. Я не прочь поговорить, пока все идет гладко, но если вдруг замолчу на полуслове, не удивляйтесь. Вы

говорили с детьми?

— Да. Они держатся молодцами. Счастье, что там этот дроммианин; боюсь, Изи сдала бы, если бы не чувствовала ответственности за своего Мину. Он, видимо, признал ее главенствующую роль, так что с моральным состоянием детей все в порядке. Да, кстати, говорил ли я вам о том, что обнаружил мистер Сакииро? Оказывается на батискафе остались открытыми несколько смотровых люков, так что сеть электролитических устройств, несомненно, подверглась коррозии под воздействием внешней атмосферы. Он надумал отправить туда ваших воспитанников для ремонта.

— Знаю. Я и сам сейчас не могу придумать ничего другого. Но для этого я должен сначала найти их, а они должны найти «скаф». Пока успокаивает хотя бы то, что механизмы будут бесперебойно снабжать детей пищей, воздухом и водой, так что они смогут прожить там сколько угодно долго.

— Да, но Изи не протянет долго в условиях тройной силы тяжести.

Рекер нахмурился.

— Простите, я об этом не подумал. А что говорит медицина?

— Ничего! Вопрос о детях никогда не изучался.

Взрослые выдерживают по многу месяцев, это мне очень хорошо известно.

— Понятно. Ну, я полагаю, у вас больше оснований донимать нас, чем у Аминадабарли. Его сынок от тяжести не пострадает.

— Но может пострадать от другого. Синтезаторы батискафа производят пишу, рассчитанную на людей.

— Ну и что? Разве у дроммиан обмен веществ не такой же, как у нас? Они дышат кислородом, и я сам видел, как они ели нашу пищу здесь, на корабле.

— Вообще вы правы, но тут нужно кое-что уточнить. Их потребность в витаминах гораздо больше, чем у нас, хотя они и потребляют, подобно нам, жиры, углеводы и белки. Мина почти наверняка начнет страдать от авитаминоза, если застрянет там надолго. Отец его, как и я, не имеет точной медицинской информации.

Рекер присвистнул, и лицо его помрачнело. Рич подумал было, что его встревожили какие-нибудь события на Тенебре, но на экране по-прежнему виднелось лишь русло реки. Судя по продолжительности переправы, ширина потока была не меньше мили. Дипломат молча смотрел, как робот продвигался вперед и наконец выбрался на

противоположный берег.

Дождь продолжался. Поскольку факел Ника погас, пришлось включить прожектор, чтобы вовремя увертываться от медленно падающих капель. Пробыв минут десять в нормальной атмосфере, Ник стал оживать. Придя в себя, он подобрал сук потолще, зажег факел, и путешествие продолжалось, как и до переправы, только их уже не тревожило больше, где сейчас находится Быстрый.

Вскоре пришел сменный оператор. Рекеру не хотелось передавать ему пост наблюдения — обстановка внизу все еще оставалась сложной, — но он понимал, что не имеет на это права. Человек просто не способен бодрствовать и быть в состоянии боевой готовности на протяжении целой тенебрийской ночи — двух земных суток. Поэтому Рекер рассказал сменщику, как обстоят дела, и нехотя покинул наблюдательный пункт.

— Не думаю, что мне удастся сразу заснуть, — сказал он Ричу. — Пойдемте в радиорубку, посмотрим, как поживает Изи.

— Два часа назад она спала, — ответил отец девочки. — Поэтому я и пришел посмотреть, что тут у вас творится. Впрочем, лишний раз поглядеть никогда не мешает. — Он помолчал и

добавил: — Я люблю смотреть на нее, когда она просыпается.

Рекер помолчал.

Дежурный по связи сказал, что происшествий никаких, но Рекер и Рич уселись у экрана связи с батискафом. Разговаривать им не хотелось.

Рекер уже задремал, когда из приемника раздался голос Изи:

— Папа, ты здесь?

Возможно, Рич тоже дремал, но ответил он мгновенно:

— Да, дорогая! Что случилось?

— Батискаф двигается. Мина еще спит. Я не хочу будить его, но решила, что надо сказать вам.

— Расскажи обо всем доктору Рекеру. Он здесь и Тенебру знает лучше всех.

— Ладно. Помните, в первую ночь после посадки я думала, что мы лежим на дне, а озеро становится все глубже? Так?

— Да, Изи. Мы решили, что дождь разжижает кислоту, в которую попал «скаф», и плотность ее снижается, поэтому вы продолжаете погружаться.

— Правильно. Через некоторое время бортовые иллюминаторы погрузились в жидкость, и мы не могли видеть даже дождь. А под утро жидкость

покрыла и верхний иллюминатор, так что мы уходим под воду.

— Ну, это не совсем точно, но я тебя понимаю. Тогда бы вы ничего не видели вокруг, верно? Откуда же ты знаешь, что сейчас вы начали двигаться?

— А нам видно, если включить фары. Мы на дне озера или океана, или еще чего-то, и в иллюминаторе виднеются скалы и какие-то смешные штуки вроде растений, и нас медленно несет мимо них. Иногда мы как будто подпрыгиваем, иногда нас покачивает. Когда мы касаемся дна, я слышу треск и скрип.

— Ясно. Ну, особых оснований для беспокойства пока нет. Хорошо бы, правда, разобраться, чем вызвана такая перемена на шестую ночь. С наступлением дня излишек воды испарится, и вы окажетесь в обычном положении, если, конечно, вы все еще будете в озере или в море. Если же, что весьма вероятно, вас снесет вниз по течению реки, то, когда вода высохнет, вы можете оказаться где-нибудь на суше. Так что завтра, может быть, вы увидите пейзаж повеселее. Трудность у нас одна — как разыскать вас. Если вы начнете дрейфовать каждую ночь, то нелегко будет показать нашим питомцам, где вас найти. Вы уж сообщите нам поподробнее, какая местность вокруг вас, а мы будем все передавать Нику и его друзьям. Ты умница, что сразу нас вызвала, как только заметила, что вы поплыли.

— Спасибо, доктор. Мы будем смотреть во все глаза. Я ведь очень хочу познакомиться с вашим

другом Ником.

— Мы тут стараемся изо всех сил, чтобы это знакомство состоялось.

— Может, мне лучше пока не засыпать, чтобы передать вам сразу, если что-то случится. Потом подежурит Мина, а я посплю.

— Это будет здорово! А здесь все время кто-нибудь будет вас слушать.

Рекер выключил микрофон и обернулся к Ричу. Дипломат испытующе глядел на него.

— Сколько из сказанного вами предназначено для поддержания бодрости Изи и сколько для моего успокоения? — спросил он.

— Я просто подбавил немного розовой краски, — сознался Рекер. — Ради детишек. Но я не лгал. Думаю, что довольно скоро смогу подвести свою «команду» к «скафу». Признаюсь, я не очень-то уверен в том, что они сумеют что-нибудь сделать, когда найдут его. Учтите, мы в сущности не имеем почти никакого представления о среде, в которой находится батискаф. Прежде чем давать какие-либо указания Нику, нам придется дождаться его сообщения.

Рич строго посмотрел на биолога, но потом смягчился.

— Резонно, — согласился он.

Если Рич и собирался продолжать, то такой возможности ему не дали.

— А мне это совсем не кажется резонным!

Кому принадлежал этот пронзительный голос, сомневаться не приходилось.

— Все земляне, присутствующие тут, несут просто чушь! Научить орду дикарей исправить проводку в машине, которая опередила их развитие на две тысячи лет! Абсурд! Самое абсурдное утверждение, какое я когда-либо слыхивал! Любое мыслящее существо старше трех лет от роду поймет, что только второй батискаф может дать какие-то шансы на спасение потерпевших аварию. Между тем я не слышал ни единого слова о таком проекте. Видно, для землян деньги дороже жизней.

— Я тоже не слышал, чтобы на Дромм были посланы радиограммы с подобным предложением, — отрезал Рекер. — Насколько мне известно, Дромм обладает не меньшим промышленным потенциалом, чем Земля, и находится немногим дальше от Альтаира. Видимо, дроммиане не очень-то рвутся искать выход из трудных ситуаций, возникших, с их точки зрения, по чужой вине, даже если речь идет о спасении жизней.

Никто из землян не мог определить, как Ами-

надабарли реагировал на это. А Рич не дал ему времени, чтобы сказать хоть одно слово.

— Вы забываетесь, доктор Рекер, — резко сказал он. — Если советник Аминадабарли согласится пойти со мной, я готов обсудить с ним все рациональное, что, возможно, содержится в ваших словах, а также весьма ценную идею, которую он сам здесь подал. Если вы способны добавить какие-либо соображения, сообщите их мне в корректной форме. Прошу вас, сэр.

Дипломаты покинули радиорубку. Дежурный по связи смущенно взглянул на Рекера.

— С дроммианами так нельзя разговаривать, — заметил он наконец.

— Знаю, — ответил Рекер. — Рич меня предупредил. Мне очень не хотелось этого, но необходимо было как-то отвлечь его внимание от дочки. Возможно, я немного поспешил… Но так или иначе, Рич какое-то время будет занят, дроммианин тоже, а мы займемся тем, чтобы вызволить ребят из беды. Теперь уж я никогда не стану совать свой нос в космическую дипломатию.

— По правде говоря, вы меня успокоили. А что вы скажете насчет этого предложения — строить новый «скаф»?

— Я не инженер, — резко заговорил Рекер, — но

отлично представляю, сколько времени уйдет на это, нам не поможет даже опыт постройки первого батискафа. Я как биолог утверждаю, что никто из ребят не доживет до спуска второго. Если Рич и дроммианин хотят попробовать — пускай, не надо их отговаривать. Новый «скаф» пригодится. Да, может быть, я и ошибаюсь в оценке сроков. Но я уверен, что спасательную операцию придется вести по уже разработанному плану.

— А ведь дроммианин был прав насчет ремонта проводки?..

— Вы имеете в виду наше намерение поручить ремонт группе Ника? Да. Правда, это не настолько абсурдно, как изображает Аминадабарли. Я ведь уже шестнадцать лет воспитываю их. Учатся они очень быстро, и их можно считать такими же разумными существами, как и нас, людей. Уж конечно, они смогут соединить несколько проводов.

На лице дежурного отразилось сомнение.

— Если только соединят те провода, которые нужно, — пробормотал он.

— А чем будут изолировать сростки?

— Они варят клей из чешуи животных. Я научил их. Надо еще проверить, является ли он изолятором, но это меня не особенно волнует.

— Хотя вы и полагаете, что жидкость в их организме содержит серную кислоту?

— Я же сказал: это меня не особенно волнует, — подчеркнул Рекер. — Главная задача сейчас — связать их между собой. Вы уверены, что не можете поточнее определить местоположение робота и «скафа»?

— Совершенно уверен. Они работают на разных волнах, к тому же я не имею возможности определить коэффициент рассеяния волн атмосферой в этой части спектра. Я уж не говорю о точном измерении толщины атмосферы или уменьшении погрешности, вообще присущих радиолокации. Пятьдесят шансов из ста за то, что они находятся сейчас на расстоянии сорока миль друг от друга, но девять из десяти — за то, что это расстояние не превышает ста миль. Точнее я сказать не могу, поскольку ни робот, ни станция «скафа» не дают мне частот, необходимых для более точного определения.

— Ну, что ж. Придется мне расспросить Изи и сопоставить ее данные с картами Ника. Хорошо еще, что Ник сумеет заметить свет прожекторов «скафа» за несколько миль.

Дежурный понимающе кивнул. Оба погрузились в молчание, созерцая включенный экран. Но

он был пуст; если Изи и не спала, выполняя свое обещание, то в рубке ее не было. Иногда до них доносились негромкий глухой стук и скрежетание. Вероятно, судно все еще несло течением, но ориентиров, заслуживающих внимания, девочка пока не заметила.

Рекера, наконец, сморило, и он уснул, сидя в кресле. Дежурный не спал, но принял одно-единственное сообщение: Изи отправилась отдыхать, а на вахту заступил Аминадорнелдо. Его дежурство тоже, видно, шло без тревог. Репродуктор молчал.

Час за часом батискаф без помех плыл вперед. Иногда он останавливался то на мгновение, то на несколько минут. Но всякий раз течение снова сдвигало его с места. Изи проснулась и занялась завтраком. Потом приготовила обед, довольно невкусный, — так, во всяком случае, она сказала. Аминадорнелдо отозвался об этом обеде учтиво и свалил все недостатки на синтезаторы. Что хорошего можно приготовить из аминокислот, жиров и декстрозы? Тут даже витамины в порошке не улучшат вкуса.

Долгая ночь Тенебры все продолжалась. Рекер снова отдежурил смену в пункте управления роботом и помог Нику и Феджину добраться до

места, которое, как он полагал, было близко к тому, где разбили стоянку остальные члены их группы. Даже одна ночь на планете, которая без малого за сто часов оборачивается вокруг оси, может изрядно надоесть. Впрочем, иногда и ночью бывает не скучно, подумал Рекер, без особого удовольствия вспомнив те часы, когда Быстрый совершил свой набег.

После восхода Альтаира обстановка начала проясняться. Ник узнал местность, по которой они шли, и заверил, что они встретятся с друзьями часа через два. Пришел сменщик, и Рекер ввел его в курс дела. Наконец из радиорубки поступило сообщение, что батискаф, кажется, остановился.

— Спросите, пожалуйста, лейтенанта Веллен-баха, не сможет ли он обеспечить телевизионную связь между радиорубкой и нашим пунктом, — сказал Рекер инженеру, который принес известие от Изи. — Похоже, что скоро мне придется вести одновременные переговоры с батискафом и моими учениками.

— Не сомневаюсь, сэр, — ответил инженер. — Никаких затруднений это не вызовет.

— Хорошо. А теперь я пройду в радиорубку послушать, что скажет Изи. Сюда вернусь, когда связь будет налажена.

— Вам же надо поспать, доктор! — воскликнул его сменщик.

— Надо, но пока я не могу еще позволить себе это. Вы посидите со мной, когда я вернусь, и дергайте меня за рукав, если я начну нести околесицу.

Рекер знал, что поступает вопреки здравому смыслу, но не мог заставить себя уйти сейчас, когда события начали развертываться. И он поспешил в радиорубку.

Рич и Аминадабарли были уже там. Дипломат-землянин, видимо, успокоил своего коллегу хотя бы на время, поскольку появление Рекера не вызвало взрыва. Когда биолог вошел в радиорубку, Изи что-то передавала. Рекер прислушался.

— …минут с тех пор, как мы опять сдвинулись с места. Снаружи так же темно, как и раньше, но качка не так сильна, наверно, течение стало слабее. Если я правильно следила за временем, солнце уже взошло, так что вода, надо думать, испаряется.

Девочка умолкла, и тогда Рекер заговорил:

— Как я понимаю, Изи, ни ты, ни Мина не видели во время дрейфа никаких существ, живущих в воде?

— Только растения. Или что-то похожее на

растения.

— А теперь как?

— Так же.

— Значит, вы, верно, еще не достигли океана. Ник утверждает, что там есть животные. Хотя их, конечно, могли распугать ваши прожекторы… Выключи их, пожалуйста, минут на пять примерно, а потом включи разом, чтобы осветить всех, кто мог подплыть к вам за это время.

— Хорошо, но только я хочу оставить освещение в рубке управления. Здесь нет иллюминаторов, так что свет не будет виден снаружи. Я боюсь выключать свет, потом в темноте я могу задеть не тот выключатель, когда надо будет снова зажигать.

— Ты права. А я и не подумал об этом.

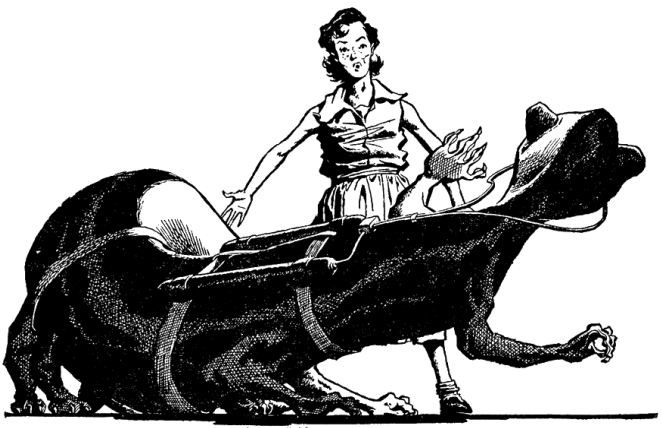
— За последние три недели я о многом передумала.

На миг маска беспечности, надетая ради младшего товарища, чуть сдвинулась, и перед ними предстала несчастная, испуганная двенадцатилетняя девочка, которая вот-вот потеряет самообладание. Рич закусил губу и сжал кулаки. Остальные земляне старались не встречаться с ним взглядами. Аминадабарли внешне оставался совершенно бесстрастным. Затем маска была

водворена на место, и к дроммианскому малышу обратилась веселая девчурка, какой они ее все хорошо знали до аварии.

— Мина, пойди, пожалуйста, к иллюминатору в большой лаборатории. Крикни мне оттуда, и я выключу прожекторы.

— Хорошо, Изи.



Длинное тело пересекло экран. Потом из другого помещения раздался писклявый голос, и пальцы девочки легли на выключатели.

— Теперь снаружи темно, Мина?

— Да, Изи. Я ничего не вижу.

— Хорошо. Скажи мне, если что заметишь. Некоторое время будет темно. Доктор Рекер, отец Мины с вами?

— Да, я здесь, мисс Рич, — ответил сам Амина-дабарли.

— Скажите, пожалуйста, мне и доктору Рекеру, сколько времени требуется вашим глазам, чтобы привыкнуть к темноте.

Рекер не переставал удивляться тому поразительному результату, к которому может привести воспитание. Судьба подарила Ричу чудесного ребенка. Он знавал студентов на добрый десяток лет старше Изи, которые по интеллекту отставали от нее. Важные мысли и соображения приходили ей в голову раньше, чем Рекеру, а ведь беда случилась не с ним…

Он вернулся к действительности, когда услышал свое имя.

— Доктор Рекер, Мина ничего не разглядел. Возможно, впрочем, что за пять минут ваши морские животные еще не опомнились от страха.

— Может быть, — согласился Рекер. — Не исключено, что их вообще не очень-то интересует батискаф. Будем все же исходить из предположения, что вы еще не достигли моря. Когда наступит утро и дождь испарится, интересно будет увидеть, находитесь ли вы в озере или торчите где-нибудь на суше. В любом случае нам понадобится возможно более подробное описание окружающей местности.

— Знаю. Мы уж постараемся.

— Мы тут готовим одно приспособление. Оно позволит вам напрямую разговаривать с Ником, и ты сможешь непосредственно давать ему указания; тебе не придется больше полагаться на мой пересказ твоих сообщений. Устройство скоро заработает.

— Отлично! Знаете, с той самой минуты, как я увидела вас в пункте управления роботом, мне захотелось самой поговорить с Ником. А как я буду говорить с ним, когда — он найдет нас? На «скафе» есть наружные микрофоны и репродукторы?

— О, да, мистер Сакииро объяснит тебе, как их включить. А через меня вы будете говорить, пока он еще не нашел вас.

— Хорошо. Мы вас вызовем снова, когда вода окончательно спадет. Мина голоден, и я тоже.

Рекер откинулся в кресло и подремал несколько минут. Потом тоже почувствовал голод и поел. Вот тут-то ему и захотелось спать по-настоящему. Но по переговорному устройству сообщили, что робот установил телекамеру в пункте управления, и он поспешил туда. Прошло много часов, прежде чем он отправился спать.

Ник и Феджин только что нашли своих соратников на новой лагерной стоянке, и Ник рассказывал им о своих приключениях. Рекер слушал его напряженно — следовало учитывать, что Ник многое воспринимал иначе, чем земляне.

На этот раз в рассказе Ника для него не было ничего нового, но Рекеру все равно надо было знать, что сделали товарищи Ника. Как Ник и наметил, они много занимались топографической съемкой, и доклады их отняли несколько часов. Обычно карты показывали роботу, и их фотографировали на борту корабля. Затем каждый составитель по своей карте давал подробные пояснения. Приморская местность, где развертывались сейчас события, была достаточно своеобразна даже для Тенебры, поскольку почти полностью затоплялась каждую ночь. Поэтому много времени ушло на приведение ранее со-

ставленных карт в соответствие с последними наблюдениями.

Чересчур много времени…

Увлечение топографией могло дорого обойтись ученикам Рекера и если не сорвать поиски батискафа, то надолго затормозить их. Но по счастливой случайности все обошлось благополучно.

Пока все были заняты картами, Бетси, скользнув взглядом по окрестным холмам, заметила фигуру, мелькнувшую среди кустов. Она быстро сообразила, что это может быть только один из воинов Быстрого — все ее друзья были рядом. Незаметно для других она шепнула об этом Нику. Опасность была велика: ведь это означало, что воины Быстрого сумели перебраться через реку шириной в целую милю и вот-вот нагрянут сюда. Сметливость и решительность Ника порадовали бы Рекера, но в тот момент он ничего не заметил: чтобы не спугнуть разведчика, Ник решил действовать самостоятельно, без помощи Учителя. Воин Быстрого был схвачен живым.

Правда, прежде чем сложить оружие, он потребовал, чтоб Феджин гарантировал ему безопасность — не так уж глупы оказались эти пещерные дикари! Рекер устами робота сумел убедить воина в том, что здесь он в безопасности, и тут у него родилась новая идея. Он решил привлечь к поискам батискафа все племя Быстрого.

Монолог Рекера был долгий и трудный для обеих сторон. Ведь ученики его тоже еще ничего

не знали о батискафе. Не так просто оказалось объяснить и относительно цивилизованным спутникам Феджина и тем более лазутчику Быстрого, что за штука космический корабль. Единственной ближайшей аналогией могла послужить убогая тележка, которую смастерили ученики робота. Нужно было все облечь в такие слова, которые Ник смог бы и понять, и перевести на примитивный язык тенебрийцев.

— У вас где-то неподалеку находится «тележка» с моими собратьями. Она прилетела сверху и не может улететь назад. У нее кое-что поломалось — ведь и у вас иногда что-нибудь ломается, например, наконечник копья. Надо разыскать ее и починить. Что и как — я расскажу потом.

Рекер-Феджин сумел убедить воина пещерного племени, что в награду за такую помощь он обучит племя многим полезным делам, в том числе и добыванию огня, а потом будут прилетать новые «тележки» и привозить тенебрийцам всякие полезные вещи.

За этим необычным диалогом следили и дети в батискафе, и оба дипломата.

Не обошлось без очередной вспышки ярости со стороны Аминадабарли. Но вмешательство Изи спасло положение.

— Пожалуйста, не сердитесь на доктора Рекера, хорошо? Мы с Миной видим, что он все делает, чтобы нам помочь. А если воины Быстрого найдут нас, они не сумеют причинить нам никакого вреда…

Длинная очередь пронзительных звуков, вырвавшаяся из уст «малыша» Мины, очевидно, подкрепила увещевания Изи, потому что старший дроммианин заметно поостыл.

Рекер смог приступить к подробному инструктажу «команды» робота. Он направил три поисковые группы, указав им направления и примерные районы разведки. Ник и Бетси вместе с роботом оставались в лагере и охраняли стадо.

Шел двадцать седьмой день по земному счету (и всего седьмые сутки по тенебрийскому времени), с тех пор как началась трагическая история с батискафом.

Родители не отходили от камеры, подбадривая своих детей, а те были настроены по-деловому. Они почти не отрывались от иллюминаторов, осматривая местность вокруг, и то и дело просили разрешения включить прожекторы, чтобы облегчить поиск.

Рекер долго не соглашался. Ему все же не хотелось, чтобы Быстрый нашел «скаф» раньше Ника.

Но, отправив поисковые группы «своих» тенебрийцев, он почему-то уверился, что они быстрее разыщут судно, и позволил Изи включить свет. Хотя до ночи было еще далеко, прожекторы в той сумеречной мгле, которая называлась на Тенебре днем, могла служить отличным маяком.

Теперь предстояли долгие часы ожидания. Три пары разбрелись в разных направлениях, и связи с ними не было.

Как стало известно потом, одна из пар, Джон и Нэнси, вскоре обнаружили источник неясного света и к концу дня подошли к нему, но это оказался кратер действующего вулкана. Они было хотели заночевать вблизи него, но когда совсем рядом с ним огромная глыба скалы отвалилась и рухнула в огненную бездну, благоразумно решили ретироваться.

На обратном пути впереди снова забрезжил свет. На сей раз это был обыкновенный костер. Минуту спустя их окликнули знакомые голоса Оливера и Дороти. Они тоже заметили издалека свечение вулкана, но ночь застала их в пути. А на соседний холм они убежали, увидев факел Джона и решив, что это пещерные жители. Две пары разведчиков устроились на ночлег возле костра, так и не выполнив своей основной задачи…

А на корабле продолжалась неусыпная вахта у каналов связи с роботом и с батискафом. Не сводя глаз с экранов, но выключив свои микрофоны, земляне говорили о том единственном, что волновало весь экипаж — о детях в батискафе и их судьбе. Рекера тревожила близившаяся ночь — ведь судно опять либо затопит, либо унесет куда-нибудь, и снова надо будет выспрашивать Изи, цепляться за сомнительные ориентиры и посылать разведку в новых направлениях. И всех страшило, что невероятной выдержки и самообладания маленькой Изи может не хватить…

Их невеселую беседу прервал пронзительный вопль в репродукторе связи с батискафом:

— Изи! Иди сюда скорей! Тут что-то шевелится!

— Сейчас, Мина. Иду! — Экран пересекла фигурка Изи. — Наверно, это какое-нибудь животное, вроде тех, какие держит Ник в своем стаде.

После паузы издалека снова послышался голос девочки.

— Ничего не вижу. Одни кусты.

— Он только что был тут. Совсем такой же, как Ник. Во-о-н у того куста стоял, — пропищал Аминадорнелдо.

— Ну, что ж, подождем. Он еще вернется.

Рич покосился на Рекера и сокрушенно пока-

чал головой.

— Этого я и боялся. Они теперь сон и покой потеряют. Им каждый куст будет…

Его прервал внезапный крик, такой пронзительный, что они не сразу сообразили, кто это кричит.

5

— Папа! Доктор Рекер! Мина прав — это Ник!

В голосе Изи звучали почти истерические нотки. Мужчины тревожно переглянулись. Рич жестом попросил Рекера ответить. Рекер кивнул и включил микрофон.

— Ты уверена, что это действительно Ник, Изи? — спросил он как можно более непринужденным тоном. — Видишь ли, Ник должен был оставаться в лагере. Вас ищут шестеро других, они пошли попарно. Ты видишь двоих?

— Нет, — ответила Изи, теперь уже гораздо спокойнее.

Отец ее откинулся на спинку кресла, и на лице его было написано облегчение.

— Нет, там был только один. Я видела его какую-нибудь секунду. Погодите, вот он опять. Я все еще вижу только одного из них — вернее, его голову и плечи, если их можно так назвать. Он прячется в кустах. Вот он подходит ближе. Он должен видеть «скаф», хотя я не понимаю, куда и чем он смотрит. Я не уверена, что он ростом с Ника, но фигура такая же. Не пойму, как вы их отличаете друг от друга…

— Скажите мне, у него за спиной или в руках есть что-нибудь?

— Да. Справа у него что-то вроде рюкзака, перекинутого через… через… ну, через то место, что мы называем бедром. Спереди на рюкзаке висит нож, впрочем, может быть, есть и второй на перевязи с другой стороны. У него четыре копья — точно такие же, как у Ника и его друзей; чем больше я гляжу на него, тем больше мне кажется, что это сам Ник.

— А топор у него есть? — спросил Рекер.

— Если и есть, то где-нибудь сзади и левее, и нам его не видно.

— Д-да… Вот теперь тебе придется доказать, что ты сумеешь договориться и с воинами Быстрого. Мои ученики носят только два копья, а те, кто пошли вас искать, взяли с собой одни топоры. Ну что ж, нам придется немного изменить план; мы надеялись, что наши ребята найдут вас первыми. Случай решил по-другому; очевидно, на вас наткнулся один из охотников Быстрого.

— Ваши разведчики вернутся в лагерь, верно, еще нескоро? — спросила Изи, подумав немного.

— Боюсь, что так. Не раньше, чем через неделю. Но Быстрый даст свой ответ Нику, конечно, раньше.

— Если бы только время не так тянулось в этом дурацком мире, где один день длиннее четырех. Мне кажется, вы немного изучили язык Быстрого, пока робот был в пещерном селении?

— Да. Не особенно хорошо, правда. Людям очень трудно произносить звуки их языка. Мы много записали на пленку. Звуки мы тебе передадим, если ты думаешь, что это пригодится, а некоторые слова я тебе переведу. Во всяком случае, это поможет скоротать время.

На экране появилось улыбающееся лицо Изи.

— Даже очень поможет. Правда, папа?

Теперь даже Рич улыбнулся.

— Так, так, доченька. Вы знаете, Рекер, она способна выучить любой язык.

— Да ну? Но она говорила только по-английски даже со своим молодым другом.

— А какой человек способен выговорить хоть одно словечко по-дроммиански? Но понимает его она, во всяком случае, не хуже меня.

— Ну, тогда я не поручусь, что она выговорит хоть одно тенебрийское слово.

— Возможно. Но давайте-ка лучше займемся главным. Что делает сейчас туземец, дочка?

— Он ходит вокруг «скафа» на расстоянии тридцати-сорока ярдов, должно быть, разглядывает

его. Если и заметил нас через иллюминаторы, то виду не подает. Пока он один. Вы, наверное, правы, доктор Рекер.

— Да, я не сомневаюсь, что это воин Быстрого, — ответил Рекер. — Если он затеет что-нибудь, сразу скажи нам.

— Ну так вот! Он уходит в ту сторону, откуда пришел. Топора у него точно нет. Сейчас его уже почти не видно, наши прожекторы туда не достают. Ушел совсем.

Рекер посмотрел на стенные часы и быстро прикинул что-то в уме.

— До начала дождя осталось четыре часа. Скажи, Изи, у него был зажженный факел или вообще какой-нибудь огонь?

— Нет. Может, он потом зажжет.

— Племя Быстрого пока еще не умеет это делать. Наши воспитанники добывают огонь трением. Если тот, кого ты видела, не имел с собой огня, то до Быстрого ему всего три-четыре часа ходьбы. Быстрый сейчас либо у своих пещер, либо где-то на пути к тому месту, где Ник и робот вчера переправились через реку. Возможно, они даже ближе к тебе, чем я думаю. Будь начеку и сразу дай нам знать, как только они появятся. Тогда мы сможем определись расстояние точнее.

— Поняла. Будем высматривать их, — ответила Изи. — А пока мы ждем, почему бы не послушать ленты с их записями? Чем скорее мы начнем учить их язык, тем больше будет от него пользы.

С наступлением ночи возникло новое осложнение, которого следовало ожидать. Русло реки снова наполнилось водой. Батискаф подхватило и понесло. Определить скорость, с которой они плыли, дети не могли, хотя внимательно следили за растениями и другими предметами, удаляющимися от них в свете прожекторов. Во всяком случае, скорость была непостоянной. Оценки были весьма приблизительные: «иногда двигаемся как будто быстрым шагом, иногда ползем, иногда стоим на месте». Хуже всего, что дети даже не заметили, когда именно батискаф сдвинулся с места. Они вдруг почувствовали сильный толчок и, подбежав к иллюминаторам, увидели, что местность вокруг была уже незнакомой. С начала дрейфа могла пройти минута, и полчаса.

Это новое событие явно обрадовало Рекера, хотя девочка сначала чуть не разревелась.

— Успокойся, Изи, — сказал Рекер. — Мы получили лишний шанс, что наши доберутся до вас раньше, чем пещерные жители. Ведь им придется искать вас заново. А мы сумеем точнее

определить положение батискафа.

— Как же это? — спросила Изи дрожащим голосом. — Вы не знали, где мы, когда батискаф сдвинулся с места, мы не знаем, куда нас несет и с какой скоростью, не знаем даже, когда все это началось. Значит, мы знаем меньше, чем ничего, если так можно сказать. А прошлой ночью все-таки кое-что было известно.

— Мы не знаем, — согласился Рекер, — но зато нам легче догадаться. Мы уверены, насколько это вообще возможно без карт всего района, что вся эта местность находится в бассейне океана, открытого товарищами Ника. Значит, течение несет вас именно в океан и в конце концов вы окажетесь там — не нынешней ночью, так на следующую или на третью. Стало быть, Нику останется только искать вас вдоль берега, либо на суше, либо где-то близко к берегу на море по вашим огням. Не думаю, чтобы вас отнесло далеко в море: течение реки быстро слабеет, а не забывайте, что настоящего ветра на Тенебре ведь не бывает.

Изи заметно приободрилась.

— А если нас вынесет в море, что смогут сделать Ник и другие? — вдруг спросила она. — До нас не доберется ни он, ни Быстрый, а ветров тут не

бывает, хоть я и не понимаю, почему…

— Ну, это тебе трудно пока объяснить. Вот будешь в школе изучать физику, тогда легко поймешь… а впрочем… — и Рекер принялся долго и невнятно объяснять особенности поведения газов под высоким давлением.

— Спасибо. Я постараюсь вспомнить про это, когда вернусь в школу, — терпеливо выслушав его, сказала Изи. — Но вы не ответили, как все-таки доберется к нам Ник, если мы окажемся в море. Простите, если я помешала вам заговорить мне зубы.

Впервые за несколько недель Рекер громко расхохотался.

— Молодец, девочка. Нет, я не пытался заговаривать тебе зубы. Просто ты задала мне тот же вопрос, что и все гости, побывавшие здесь за шестнадцать лет. Ты, как говорится, нажала на красную кнопку. Ну, а насчет твоего вопроса, так ты уж предоставь это мне. Утром я поговорю об этом с Ником — сейчас он все равно ничего не может сделать…

— Хорошо, — сказала Изи. — Если вы так спокойны, не стану тревожиться и я. Но как я догадаюсь, что мы уже в море?

— Чуть только часть воды утром испарится,

вы всплывете на поверхность, как тогда, в озере. Может случиться даже, что вы оторветесь от дна ночью, когда река вольется в море. Следи за донным ландшафтом и сообщи нам, если вы начнете всплывать.

— Хорошо. Это будет легко.

Но когда «скаф» остановился, они все еще были на дне. К этому времени люди на обоих концах линии связи успели поспать, но до наступления дня на планете оставалось еще несколько часов. Течение почему-то замедлилось, и тяжелое судно застряло. Рекер предположил было, что оно уже вышло в океан, но проверить это можно было только днем. А пока дети занялись тенебрийским языком; делать больше было нечего.

И тут батискаф начал всплывать. Движение это было таким медленным и постепенным, что прошла минута или две, прежде чем ребята поняли, что происходит. С наступлением дня Рекера покинули сомнения — теперь он почти точно знал, где находится батискаф. Накануне река высохла гораздо быстрее. Он попросил Изи слушать повнимательнее и вызвал Ника.

Рекер послал к нему робота. Когда они вернулись, Ник спросил, что случилось.

— Сейчас расскажу, — ответил Феджин. — Схо-

ди-ка к тележке, возьми ведро, потом подойди ко мне. Я буду вон у того озерка.

— Сейчас.

Ник мигом взбежал на холм. Манипуляторы робота Рекер пускал в дело только в крайнем случае.

Озерко, о котором говорил Рекер, заполняло круглую впадину, а в эти часы оно занимало лишь небольшую часть впадины. Рекер давно знал, что жидкость эта — олеум, то есть серная кислота со значительными примесями ионов металлов и атмосферных газов.

— Эта штука не течет, Ник? Она удержит жидкость?

В ответ Ник погрузил ведро из звериной шкуры в озерко, дополна зачерпнул и, вытащив, подождал, пока посудина обсохнет снаружи.

— Думаю, что все в порядке, оно не течет, — сказал, наконец, Ник. — Но почему это так важно? Нам ведь не нужно носить жидкость далеко, озерки есть повсюду.

— А я и не хочу тащить ее в ведре. Ник. Опорожни его.

Ученик повиновался.

— А теперь опусти ведро в озерко боком и отпусти… нет, наполнять его не нужно.

Ведро наклонилось, и в него влилось три-четыре галлона олеума. Теперь его борта поравнялись с поверхностью озерка; в таком положении ведро и осталось. Ник очень удивился: он считал, что оно быстро пойдет ко дну.

Вскоре Ник начал понимать сущность закона Архимеда.

— Теперь проверь, сколько груза оно выдержит, прежде чем затонуть, — сказал Рекер.

Ник не спросил даже, что означает новый глагол «затонуть»; он немедленно, без возражений, все исполнил. К его нескрываемому удивлению, ведро не затонуло даже после того, как он доверху завалил его ломкими ветками растений. Рекер на этом не остановился и продолжал показательный урок. По его приказанию Ник взбаламутил ногами поверхность озерка. Поднятые им волны захлестнули ведро, и оно почти тотчас же затонуло.

— Как ты думаешь, можно построить какую-нибудь посудину наподобие этого ведра, которая выдержит несколько человек? — спросил Рекер.

Ник ответил неуверенно.

— Готов сказать «да». А зачем нам такая штука?

Рекер рассказал о сообщениях Изи, о появле-

нии разведчика пещерных жителей и поделился своим предположением, что батискаф достиг моря. Остальное Ник понял сам. И сразу же намного опередил Учителя — такой уж у него бы характер.

— Понимаю! — воскликнул он. — Корабль в океане, где никто его не достанет! А вы показали нам, как можно путешествовать по океану. Вы хотите, чтобы мы сделали большое ведро, добрались до того корабля и перетянули его на другой берег, где Быстрый не сможет досаждать нам. Отлично! Мы начнем делать ведро, как только вернутся остальные!

— Погоди минутку, Ник. Пересекать океаны, даже такие небольшие, как тенебрийский, не так-то просто. Кроме того, надо подумать и о другом. Что если вы окажетесь в этом… этом ведре ночью?

Ник призадумался.

— Когда уровень океана поднимается, — продолжал Рекер, — плотность его падает, и я опасаюсь, что еще в начале ночи ваше ведро затонет, и вы вместе с ним…

— Да, — задумчиво согласился Ник и опять замолчал, но потом снова преисполнился энтузиазма. — Погодите минутку. Ведро тонет, потому что в него попадает жидкость, и оно становится

тяжелее, чем вытесняемый им объем… Верно я говорю?

— Верно.

— А что, если вместо ведра у нас будет мешок, наполненный воздухом? Завяжем его поплотнее, и море не проникнет внутрь, сколько бы ни поднималось.

— Все это верно, если твой мешок не пропустит ни капельки. Было бы здорово сделать судно из многих мешков, связанных вместе. Тогда даже если некоторые из них дадут течь, вы все же останетесь на плаву.

— Ясно.

— Так и порешили!

— А Быстрый?

— Я займусь им сам. Мы ведь ему предложили соглашение.

Ник задумался.

— Ну да! А вдруг он не захочет? Если у корабля вчера был его разведчик, может, он решил сам, без нас искать.

— Я все еще думаю, что это чистая случайность. Если же окажется, что ты прав, мы займемся этим, когда надо будет. Изи говорит, что охотно померяется силами с Быстрым. Правильно я говорю, Изи?

— Конечно.

— Тебе что — нравится Быстрый? — удивленно спросил Ник. — А я не могу забыть, что он убил двух моих друзей.

— Я никогда его не видела, — сказала Изи. — Конечно, он поступил плохо, напав на ваше селение, но… наверно, он просто не мог придумать лучшего способа получить то, что ему было нужно. Будь ты половчее, Ник, тебе удалось бы заставить Быстрого делать то, что тебе надо, и убедить его, будто он придумал это сам.

— Никогда в жизни о таком не слыхивал! — воскликнул Ник.

— Что ж, тогда послушай внимательно мои разговоры с Быстрым, если он снова найдет нас, — ответила девочка тоном, который поразил даже ее отца своей уверенностью. — Кое-чему научишься.

Изи продолжала поучать таинствам дипломатии изумленного, но сомневающегося Ника. Рекера немало позабавил этот диалог, но через несколько минут он тактично перебил Изи, попросив ее рассказать Нику что-нибудь о строительстве лодок и плотов. Об этом молодой тенебриец знал еще меньше, чем о дипломатии, а нуждался в таких поучениях гораздо больше.

Изи охотно сменила тему, — ее же не заставляли молчать!

Однако скоро Мина, добросовестно несший обязанности наблюдателя, позвал ее — они как будто всплыли на поверхность моря. Изи прервала разговор и убежала. Через мгновение она крикнула, что ее приятель, кажется, прав.

— Мы болтаемся дальше от берега, чем вы предполагали, доктор Рекер, — сообщила она. — Берег едва виден, наш самый мощный прожектор только-только достает до него. Разглядеть ничего нельзя. Может, это какой-нибудь мыс или островки.

— А Мина тоже не видит?

— Говорит, что нет, — ответила Изи после короткой паузы. — Кстати, у него зрение вообще хуже, чем у меня.

— Так… Вероятно, ты не сможешь определить, двигаетесь вы или стоите на месте.

— Океан абсолютно спокоен, никаких волн нет. Как тут скажешь, двигаемся мы или стоим. Единственное, что нам видно, это здоровенные медузы, которые плавают в воздухе. Они медленно движутся в разных направлениях, но большинство как будто к берегу.

— Ну, хорошо, — сказал Рекер. — Следи за оке-

аном, чтобы ничего не упустить, и просвещай Ника, пока он готов тебя слушать. Вдвоем с Бетси они сделают все, что можно, но до возвращения остальных мало что успеют. А те вернутся, вероятно, только завтра к вечеру по тенебрийскому времени, то есть через пять-шесть суток по нашему.

— Ладно, доктор, вы о нас не беспокойтесь. Эти летучие медузы очень занятные.

Рекер выключил микрофон и в задумчивости откинулся на спинку кресла. Пожалуй, он удовлетворен. Кажется, все идет нормально. Может, медленнее, чем хотелось бы… но на большее трудно было бы надеяться. Настроение это, видимо, отразилось на лице Рекера, потому что мысли его были угаданы совершенно точно.

— Вы, я вижу, довольны собой, землянин?

Не стоило поднимать глаза, чтобы узнать говорящего. Рекер попытался, впрочем безуспешно, изменить выражение лица.

— Н-ну… не совсем так, советник…

— Почему не совсем? — так же резко спросил Аминадабарли. — Как вы вообще способны испытывать сейчас удовлетворение хотя бы в малейшей степени? Разве вы хоть чего-нибудь достигли?

— Думаю, что да, — не без удивления ответил Рекер. — Мы довольно точно знаем теперь, где находится ваш мальчик, а через неделю или десять дней туда доберется наша спасательная группа.

— Через неделю или десять дней? А затем вам придется присвоить ученые степени по электротехнике всей толпе дикарей и возносить мольбы о том, чтобы коррозия окончательно не разъела всю проводку на этой вашей нелепой посудине! Сколько времени, по вашему мнению, займут сами спасательные работы?

— Мне не хотелось бы гадать, — ответил Рекер насколько мог мягче. — Как вы совершенно справедливо заметили, мы не знаем, какой ущерб нанесен проводке из-за того, что смотровые люки остались открытыми. Понимаю, ждать тяжело, но ведь они уже целый месяц там, и с ними не случилось ничего плохого…

— Где же предел глупости человека? — воскликнул дроммианин, апеллируя ко всей Вселенной. — Вы только что говорили с планетой и слышали не хуже меня слова девочки с Земли о том, что мой сын видит не так хорошо, как она.

— Я действительно слышал, но, боюсь, не вполне оценил значение этих слов, — признался Рекер.

— У дроммиан зрение такое же острое, как у людей, а может, и получше. И мой сын всегда был нормальным ребенком для своего возраста. Если он видит хуже вашей девочки, значит, с ним что-то неладное. Я лично предполагаю, что причина этого — низкое содержание кислорода. И уж, конечно, ваши инженеры не предусмотрели возможности изменить состав воздушной среды на корабле.

— Боюсь, что нет, — сокрушенно сказал Рекер. — Ведь судно рассчитано на людей. Признаюсь, советник, я недооценил серьезности положения. Постараюсь ускорить операцию. Вероятно, я смогу получить от инженеров схемы проводки и скажу Нику, что надо делать немедленно, не ожидая остальных. Да, кстати, удалось ли вам получить медицинскую консультацию с Дромма? Насколько мне известно, с Земли несколько часов назад прибыл врач, который занимается сейчас улучшением рациона питания на батискафе.

— Наша Эта Кассиопеи на полпарсека дальше отсюда, чем ваше Солнце, поэтому мне не удалось получить ответ так быстро, — нехотя признался дроммианин. — Впрочем, он должен скоро поступить.

Рекер понял, что сделал ловкий ход, вынудив у

дроммианина признание. К сожалению, у людей вынужденное признание ошибки не способствует хорошему настроению; дроммиане в этом отношении ничем не отличались от землян. Поэтому, пусть на время, Аминадабарли пришлось распрощаться со своим высокомерным тоном. Он немедленно удалился в свою каюту, где «бестолковые» инженеры-земляне по крайней мере ему обеспечили должный состав воздуха, и погрузился в мрачные раздумья.

Как только появился сменщик, Рекер отправился к инженерам. Сакииро и его коллеги согласились с предложением Рекера. Они тут же извлекли чертежи, чтобы решить, какие указания и каким образом передать Нику.

На это ушло несколько часов. Затем Рекер перекусил и отправился в каюту немного поспать.

Когда он снова появился в наблюдательном пункте, сменщик обрадованно поднялся ему навстречу.

— Изи хочет что-то сообщить, — сказал он, — но только вам лично.

Рекер включил микрофон.

— Я здесь, Изи, — сказал он. — Что случилось?

— Я решила, что лучше сказать вам… Вы говорили, что мы не будем двигаться, — немедленно

откликнулась девочка. — А мы вот уже пять или шесть часов приближаемся к берегу.

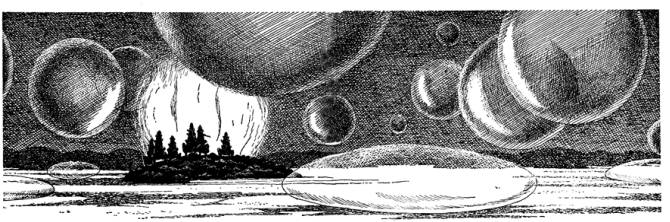
Рекер улыбнулся.

— Ты уверена? А может, берег сам приближается к вам? — спросил он.

— Совершенно уверена. Нам хорошо виден один участок берега, и море от него не отступает, это нас несет к нему. Там есть кое-что, хорошо заметное. Правда, только сейчас мы сумели разглядеть это как следует.

— Что же это такое? — спросил Рекер, поняв по паузе, что от него ждут этого вопроса.

Изи посмотрела на него с тем выражением, которое дети приберегают специально для взрослых, совершивших грубую ошибку.



— Толпа туземцев. Их там примерно полсотни, — сказала она.

6

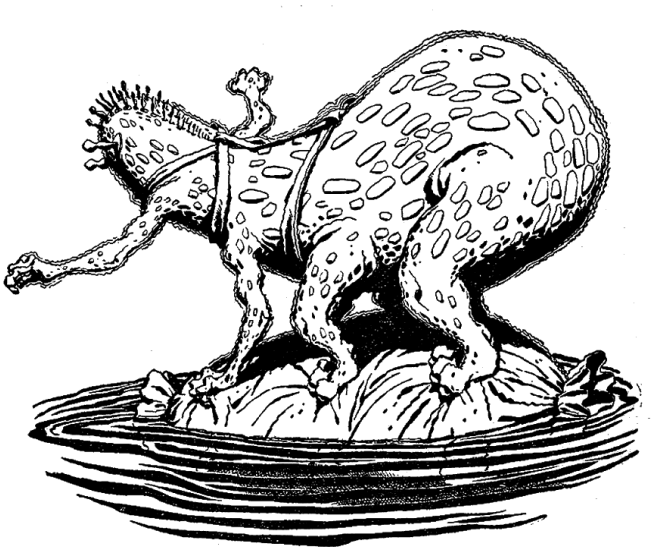
Ник в сотый раз сердито посмотрел в ту сторону, где должен быть океан. Он, разумеется, ничего не увидел; чтобы лагерь не затопило ночью, пришлось расположиться так далеко от дневного берега, что его не было видно. А ему очень хотелось видеть море, и не только видеть, но и плавать по нему. Но пока что надо было строить плот. Вдвоем с Бетси они построить его, конечно, не могли. Приходилось ждать, пока вернутся разведчики. На заготовку шкур у них не хватало времени — стадо и сбор топлива отнимали большую часть дня.

Ник не знал, сколько требовалось шкур. Феджин, к его удивлению, не захотел сказать даже приблизительно. Ведь Рекеру не были известны ни плотность жидкости в океане, ни плотность атмосферы Тенебры, ни даже вес его учеников. Да и размер кожаного мешка — бурдюка — ему тоже не был известен. Он предложил Нику разобраться во всем самому — Феджину частенько приходилось делать это в процессе обучения своих питомцев.

Ник решил изготовить пробный бурдюк. Заби-

вать еще одно животное из их поредевшего стада ему не хотелось, и он отправил Бетси на охоту. Через несколько часов она принесла шкуру довольно крупного зверя, и в конце концов шкура превратилась в непроницаемый бурдюк. Ник придирчиво осмотрел его и остался доволен. Он потащил его к тому озерку, где утром плавало ведро.

Испытание бурдюка доставило Нику мало удовольствия. Он потерпел поражение в соревновании с надутым, вертлявым бурдюком — тот так и норовил выскользнуть из-под Ника. Как он ни хитрил, как ни цеплялся за него всеми восемью конечностями, бурдюк снова и снова, крутясь, сбрасывал его в озерко.



Единоборство с бурдюком приводило Ника в неистовство, но каждый раз, взбираясь на его крутые бока, он преисполнялся решимости удержать равновесие. В конце концов он установил, что бурдюк выдерживает его. Усталый и запыхав-

шийся, Ник потащил мешок к берегу.

— Не знаю, сколько таких штук нам еще понадобится, наверно, много, — сказал он Бетси. — Плот надо делать на шестерых — двое останутся сторожить стадо. А пока будем по очереди охотиться и заготовим еще несколько шкур.

— Ладно, — согласилась Бетси. — Нам еще надо научиться держаться на этих пузырях.

— Может, теперь Учитель нам что-нибудь подскажет, — предложил Ник.

— Кстати, Бетси, мне пришла в голову одна мысль. Помнишь, он объяснял нам, что голоса можно передавать из одного места в другое с помощью каких-то особых приспособлений? А вдруг Учитель вовсе и не Учитель, а всего лишь приспособление, доносящее до нас чей-то голос? Как ты думаешь?

— Может быть, ты и прав. Но какое это имеет значение?

— Ну как же! Феджин говорит, что чем больше знаешь, тем лучше.

— А может, он и сам скажет, если мы его спросим. Он ведь всегда отвечает на наши вопросы, когда считает, что мы сами не сумеем найти ответ.

— Правильно. Но сейчас важно одно — по-

строить плот. Не стоит задавать всякие другие вопросы: Учитель может сказать, что нельзя разбрасываться.

— Хорошо, — ответила Бетси.

За разговорами они и не заметили, как добрались до вершины холма, где стоял робот. Бетси и Ник подробно рассказали о своих делах. Феджин молча выслушал их.

— Вы хорошо поработали, — заметил он наконец. — Кое-что узнали. Советую вам сделать деревянную раму величиной со стену хижины, а мешки привяжите по углам. У вас получится устойчивый плот. А пока будете работать, подумайте вот над чем: батискаф приближается к берегу. Осложнение заключается в том, что Быстрый и большая часть его племени, видимо, стоят на берегу и ждут, пока батискаф прибьет к ним течением. Изи не узнала Быстрого, но никого другого там быть не может. Неясно одно: принял ли Быстрый наше предложение или хочет захватить батискаф ради собственной выгоды? Пока что ждать от него ответа рано. Но если мы не получим ответа до конца дня, нам придется, я думаю, полагаться только на себя и действовать соответственно.

— Как именно?

— Вот вы сами и подумайте. Но при любом решении, я полагаю, вам без плота не обойтись, а потому принимайтесь за него поскорей.

Учитель умолк. Ученики взялись за работу. Провозившись несколько часов, они сделали прямоугольную раму размерами пятнадцать на двадцать футов. На нее ушло около трех десятков жердей, как назвал бы их землянин. Ник и Бетси связали их друг с другом под прямыми углами, образовав прочную решетку. Впрочем, их мало радовала мысль, что эта решетка будет служить им полом. Промежутки между перекладинами были так велики, что в них проваливались ноги, а ноги у тенебрийцев еще меньше приспособлены к хватательным движениям, чем у землян. Однако Ник и Бетси решили, что с этим неудобством придется смириться.

Они обо всем доложили Учителю, и тот одобрил их работу. Ник и Бетси не сумели уловить в голосе Рекера желания отвязаться, но в тот момент ему было не до них. Батискаф был уже всего в пятидесяти ярдах от берега и сел на мель. Узкая полоска моря не позволяла воинам Быстрого добраться до батискафа, но расстояние отнюдь не препятствовало Изи практиковаться в тенебрийском языке. Рекер был лишен удовольствия слышать

этот разговор. Микрофоны наружной связи были вполне разумно размещены у иллюминаторов, так что Изи нужно было кричать, чтобы ее слышали и на корабле. Но она не особенно старалась кричать; на время она забыла о Рекере и, честно говоря, даже об отце. Ее не очень-то интересовали ни биология, ни геология, ни малоизученный климат Тенебры. Своим спасателям она больше ничем не могла помочь и только ожидала от них известий. А тут перед ней появились живые существа, с которыми она хоть как-то умела объясняться. Поэтому она с увлечением болтала, и людям лишь изредка удавалось привлечь ее внимание к себе и что-то от нее узнать.

Она выяснила, что в толпе на берегу находится и Быстрый. Рекер сейчас же передал эту новость Нику. Но Изи не могла ответить, собирается ли Быстрый действовать по плану, с которым к этому времени его наверняка уже ознакомил бывший пленник Ника. Рекер не понимал, чем объясняется такая неосведомленность девочки: то ли Изи плохо владеет языком, то ли Быстрый преднамеренно уклончив в своих ответах. Рекер, конечно, нервничал. Неопределенность и раздражала и тревожила его.

Во второй половине дня вернулись Джим и

Джейн. Они рассказали о своих приключениях, но сейчас их сообщения интересовали Рекера только в плане изучения геологии планеты. Ему было не до того.

Теперь, когда прибавилось еще два работника, сооружение плота пошло быстрее. Зверя вокруг нового лагеря, естественно, было больше, чем в окрестностях старого селения, и шкуры заготовили быстро. Сначала поплавки крепили по углам, помня указания Учителя, но к концу дня их сделали столько, что уже нельзя было найти свободное место еще хотя бы для одного поплавка. А как это отразится на устойчивости, строители даже не подумали.

Работа, разумеется, шла с перерывами. Нужно было поесть, запасти топлива на ночь, охранять скот. Несколько раз, к общему удивлению, стадо подвергалось нападению летающих хищников. Обычно такие нападения были редки. Эти странные существа быстро понимали, где им грозит наибольшая опасность, и избегали ее. А тут пришлось сразиться с четырьмя хищниками подряд чуть не за один час. Это было и необычно, и весьма неприятно: не всем удалось увернуться от прикосновения щупалец, длинных и ядовитых, которые в значительной мере компенсировали

такие недостатки хищников, как уязвимость и медлительность.

Питомцы Феджина обратили внимание на то, что в атмосфере произошли какие-то неуловимые изменения, но поток воздуха с юга на запад, вызванный активностью далекого вулкана, был настолько слаб, что его почти невозможно было ощутить. Поэтому до начала дождя никто не заметил ветра.

К этому времени плот был в основном закончен — во всяком случае, для новых поплавков уже не оставалось ни одного свободного местечка. Никто, разумеется, не знал, сколько тенебрийцев сможет поднять этот плот. Решили так: когда остальные вернутся, отнести плот к океану и там на деле все проверить.

Когда зажглись вечерние костры, товарищей Ника поразило еще одно загадочное явление: дождевые капли опускались не по вертикали, а как-то странно — вкось. Нэнси и Джон, которые еще не вернулись с разведки, уже наблюдали такое накануне ночью у самого вулкана, но там им было ясно, почему это происходит. Ник сообщил о загадочном явлении Феджину.

— Знаю, — ответил Учитель. — По словам Изи, то же самое делается поблизости от корабля.

Капли там заметно отклоняются к берегу. Жаль, что девочка не может точно определить направление. Все это очень любопытно.

— Та, которую вы называете Изи, должно быть, вообще не чувствует ветра? — спросил Ник.

— Так ведь она же в корабле. А ты чувствуешь?

— Немножко. Особенно теперь, когда движение капель показывает, что он все же есть. Мне кажется, ветер даже усиливается.

— Если ты в этом окончательно убедишься, скажи мне, — ответил Рекер. — А мы будем передавать тебе все, что нам сообщат с батискафа.

Рекер верно сказал — «мы». Из всех отсеков корабля в наблюдательный пункт и радиорубку сбежались геологи, инженеры и операторы. По огромному кораблю быстро распространилась весть, что на Тенебре происходит нечто загадочное. Тотчас же возникло множество всяких гипотез.

Изи с увлечением описывала волнующую картину, которая была видна из батискафа. Ночной дождь она видела уже не раз, но впервые попала в такое место, где могла непосредственно наблюдать его воздействие на уровень моря. Берег находился в пределах видимости, и море пузырем вздувалось над ним по мере того, как олеум

разбавлялся водой. Зрелище было необычным и тревожным. Получалось так, что дети смотрели на берег сверху вниз; батискаф всплывал, и вздыбившееся море уносило его все дальше в глубь суши. Так продолжалось до тех пор, пока плотность жидкости не упала настолько, что та уже не могла удерживать батискаф на плаву. Он погрузился в море, но дети еще долго ощущали толчки — движение его не прекращалось.

— Я больше ничего не вижу, папа, — закричала, наконец, Изи. — Мы можем спокойно прервать передачу. Да мне и спать уже хочется. Если понадобится, разбуди нас.

— Хорошо, Изи. — Рич отвечал за Рекера и других слушателей. — Сейчас в лагере Ника ничего особенного не происходит, если не считать ветра, а он им вроде не угрожает.

Девочка на миг появилась на экране, улыбнулась, пожелав доброй ночи, и исчезла; затем показалось узкое лицо Аминадорнелдо, и связь с ними прервалась до утра.

Теперь все столпились в наблюдательном пункте, откуда можно было видеть поверхность суши близ стоянки Ника. Там, впрочем, не происходило ничего особенного. Робот, как обычно, стоял в центре лагеря, окаймленного кострами

— с одной стороны их было меньше, с другой — больше. Трое тенебрийцев стерегли костры с северо-восточной стороны, а четвертый обходил как часовой остальные три четверти окружности. Можно было легко понять, почему они так неравномерно распределили сторожевые посты. Костры на северо-восточной стороне гасли в десять раз чаще, чем на всех остальных.

Ник и его товарищи без передышки бегали с факелами, зажигая погасшие костры. Но непосредственная опасность, судя по всему, им не грозила. Помощнику Рекера удалось по времени движения дождевой капли через отрезок, равный длине корпуса робота, измерить скорость ветра. Она достигла рекордной цифры — почти две мили в час. Ученые, узнав об этом, не смогли ни объяснить это явление, ни прогнозировать его возможные последствия. Только один член экипажа, уходя с вахты, задержался у дверей наблюдательного пункта и задал роковой вопрос:

— А лагерь далеко от моря?

— Милях в двух от дневной линии берега.

— А от ночной?

— Море достигает долины ниже подножия их холма.

— А вы не опасаетесь, что ночью, когда плотность морской воды не выше плотности воздуха, даже этот жалкий двухмильный ураган способен натворить много бед?

Рекер опешил. Потом окинул взглядом собравшихся и прочитал на лицах то же, что испытывал сам: эта мысль не приходила в голову никому из них. Рекер задумался — опасение и впрямь было обоснованно… Его охватила тревога. Рич

мгновенно понял, о чем думает Рекер.

— Считаете, доктор, надо их отодвинуть подальше, пока не поздно? — спросил он.

— Не уверен. Они не смогут перебросить все свое имущество, ведь их только четверо. Жалко оставлять их пожитки… Все-таки холм на целых пятьдесят футов выше обычного ночного уровня моря.

— При таких колебаниях уровня моря пятьдесят футов — не очень-то много…

— Не знаю. Не могу решить.

— Полагаю, вам придется что-то предпринять, — твердо сказал Рич. — Если море затопит их, вы потеряете все.

— Да, но…

— Какие там «но»! Смотрите!

Это крикнул тот самый член экипажа, который первым заговорил о ветре. Его взгляд был прикован к экрану, обращенному в сторону моря. И Рекер, и Рич мгновенно поняли, что именно он увидел, еще не успев взглянуть на экран.

Намного раньше, чем обычно, маслянистые языки моря начали лизать подножие холмов на востоке. На какое-то мгновение все словно онемели. Но Рекер тут же опомнился, и Ричу пришлось проститься с представлением о нем, как о

медлительном, непрактичном, нерешительном «типичном ученом». Когда его ученикам и его делу грозила явная и непосредственная опасность, он принимал решения и отдавал приказы быстро и твердо.

— Ник! И все остальные! Посмотрите, что вам угрожает с востока, и немедленно за работу! Все записи и особенно карты хорошенько завернуть и привязать к плоту! Оставьте достаточно веревок, чтобы привязаться к плоту самим. Вы и карты — самое важное, не забывайте об этом. А потом уж постарайтесь закрепить оружие на себе или на плоту. Быстрее!

— А как же скот?

Рекер прервал Ника:

— Сейчас это неважно. Спасайте самих себя, карты и оружие!

Тенебрийцы принялись за работу, ни о чем больше не спрашивая. Наблюдатели, затаив дыхание, следили за тем, как далеко внизу шло состязание на скорость между мыслящими существами и стихией.

Море, сильно разбавленное дождем, уже захлестнуло холм и разом погасило костры, так что панорама лагеря на экранах сразу потускнела. Через минуту на экранах операторы увидели

фигуры четырех скорчившихся туземцев. Плот так и не всплыл, а двигался рывками, скребя поплавками по суше, которая стала теперь дном океана. Рекер отдал приказание роботу следовать за плотом.

7

Тенебрийские ночи были очень тяжелы для дроммианина Аминадабарли. Для людей, которым приходилось иметь с ним дело, пока на планете царила тьма, они были еще тяжелее. Он просто не мог видеть людей, занятых работой, не имевшей прямого отношения к спасению его сына. Его необузданные эмоции быстро и неуклонно подводили его к мысли о том, что земляне — самая бездушная, самая недружелюбная раса во всей Галактике. И даже усилия Рича, который постоянно отвлекал его делами, ничего не могли изменить.

Сам Рекер был слишком занят, чтобы размышлять о Дромме и экспансивности его жителей. К счастью, роботу ни с кем не пришлось вступать в схватку; ни один из хищных представителей морской фауны не приближался к плоту и его беспомощным пассажирам. Бдительный робот не видел никого. Хотя это в какой-то степени облегчало положение Рекера, он как биолог был разочарован. Ему хотелось хоть что-нибудь узнать об обитателях кислотной среды с весьма малым содержанием кислорода.

Так или иначе, четверке тенебрийцев, привязанных к плоту, непосредственно ничего не угрожало. Тем не менее плот не должен был удаляться от робота — нужно было все время внимательно следить за ним.

Постепенно течение ослабло, и плот прочно заклинило. Был даже момент, когда Рекер чуть не уснул в кресле.

Наконец наступил день. Четверка тенебрий-

цев осталась невредимой, но все же положение обострилось. По мере того как вода испарялась, плотность моря возрастала, и в конце концов плот всплыл. К счастью, течение исчезло и их уже никуда не несло. Всплывая, плот перевернулся, и два часа подряд оператор не без ужаса взирал на безжизненные тела тенебрийцев, болтающиеся под плотом. Но дрейф закончился удачно — в небольшом озерке.

Когда испарение прекратилось, озерко так обмелело, что плот, в сущности, не плавал, а лежал на телах бесчувственных тенебрийцев. Рекер дал роботу команду вытащить его на берег. В конце концов груда мокрых тел, жердей и бурдюков очутилась на суше. Ник и его друзья постепенно приходили в себя.

К этому времени батискаф тоже оказался на материке. Подобно плоту, он закончил свои странствия в другом озерке, на дне другой долины, но не на плаву, а на мели — озерко было слишком неглубоким. Изи и ее друг-дроммианин как бы очутились в герметичном замке, окруженном рвом, который надежно преграждал путь Быстрому.

А Быстрый оказался тут как тут. Через час после того, как озерко перестало испаряться, пещерные

жители явились, хотя за ночь батискаф унесло на значительное расстояние.

— Отсюда уже не видно моря, — сообщила Изи.

Появление Быстрого ничуть не встревожило девочку, она считала, что установила с ним прекрасные отношения. Не вызвала у нее особого волнения и весть о ночных приключениях Ника.

Итак, Ник и Бетси, Джим и Джейн вышли невредимыми из ночных испытаний; уцелели и карты, и оружие, привязанные к плоту. Теперь надо было разыскать место их стоянки, хотя Рекер не рассчитывал найти там что-либо из имущества. Стадо, конечно, погибло. Вряд ли уцелела и тележка.

Найти стоянку оказалось легче, чем Рекер предполагал. На помощь пришел Джим. Он проявил наиболее острое «чувство направления», которое у тенебрийцев, как и у землян, представляет собой сочетание зрительной памяти с пониманием сущности простейших явлений природы. Определив направление на море, они уже не испытывали никаких затруднений. Ведь их несло от лагеря в глубь материка почти по прямой. Час спустя была найдена тележка, а вокруг нее остатки костров. К удивлению Рекера, ни тележка, ни сложенные на ней пожитки нисколько

не пострадали. Ведь вода в наступавшем океане была немногим плотнее атмосферы!

— Мы, пожалуй, сумеем сэкономить немного времени, — сказал он наконец, когда имущество группы было осмотрено. — Отправляйтесь к морю, плот несите с собой. А тележку оставьте на месте и напишите записку остальным двум парам; пускай они идут вслед за вами. Мы испытаем плот и пройдем по морю на юг вдоль берега, сколько успеем.

— Будем искать дотемна? — спросил Ник. — Или нам нужно вернуться сюда засветло?

— Почти дотемна, — тотчас же ответил Феджин. — Обследуем побережье, а потом свернем в глубь материка, чтобы уйти подальше от океана.

— Тогда те, кто возвратятся, пусть пойдут с тележкой прямо на юг. У нас и у них будет трудно с едой. Стадо ведь потеряно.

— Потеряно? А я вроде бы видел, как Джим и Джейн сгоняли довольно много голов в одно место.

— Да, потеряны не все, но осталось так мало, что нам нельзя их забивать, пока не подрастет новый выводок. Надо здесь оставить кое-кого из наших — разыскивать остальной скот. Может, он

просто разбрелся.

Рекер лихорадочно соображал. Потеря стада — серьезный удар по его группе. Без стада ученикам Рекера придется почти непрерывно охотиться, чтобы прокормиться. Но все-таки они пока проживут. А вот Изи и ее спутник, если их не спасти в самое ближайшее время, могут погибнуть. Значит, все силы надо бросить на спасение детей.

— Вы пойдете к морю. Как быть со стадом, решим позже. Если плот не поднимет всех, лишние вернутся и займутся поисками скота.

— Хорошо.

Голос Ника звучал спокойно. Если Учитель сказал, что новое дело важнее стада, значит, так оно и есть, во всяком случае, для самого Учителя. Ник огорчился, что сам-то он этим чувством не проникся. Спорить он не стал, но раздумья и беспокойство его не оставляли.

Вчетвером они без труда несли плот, хотя было нелегко идти против ветра, а в этот день ветер, по мнению Ника, еще усилился.

Они быстро прошли две мили, отделявшие их от моря, и сейчас же приступили к испытанию плота. Оказалось, что он держит всех четверых, хотя и очень неустойчив. Рекер подсказал им, как смастерить некое подобие весел, и все теперь

усердно учились ими орудовать.

— Зачем вы вообще послали их на поиски? — вмешался вдруг Аминадабарли. — Робот может идти по берегу с такой же скоростью, с какой они гребут на этом дурацком плоту, притом батискаф находится не на море, а на суше. Если вы надеетесь, что от ваших учеников будет хоть какой-то толк, почему бы им не пойти вместе с роботом?

— Потому что без плота они не смогут добраться до наших детей. В остальном вы совершенно правы. Если они найдут его, им все равно придется возвращаться за плотом.

— Понимаю, — сказал дроммианин.

Рекер взглянул на него. Если учесть меру дроммианского терпения, этот субъект вел себя сейчас необыкновенно любезно. С чего бы это? Однако у биолога не было времени для размышлений на эту тему: Ник и его спутники все еще нуждались в пристальном наблюдении.

Дроммианину пришла в голову некая мысль. Он отправился в свою каюту и растянулся на полу, чтобы спокойно все обдумать. Часа через два, крайне довольный собой и преисполненный еще большего чувства превосходства над бестолковыми землянами, он отправился в радиорубку, чтобы поделиться со своим сыном и девочкой

с Земли блестящей мыслью, которая должна способствовать успешному и скорейшему их спасению.

Радиорубка была, как всегда, битком набита людьми. Один из них, незнакомый Дроммианину, стоял перед камерой.

— Изи! — кричал он в микрофон. — Ты поняла меня? Спроси сейчас же Быстрого: правда ли, что он знает, когда и где должны появиться новые реки и холмы? Спроси, почему он не боится жить в пещере, раз скала может в любое время обрушиться от подземного толчка.

— Хорошо, сейчас, — спокойно ответила девочка, и ее лицо исчезло с экрана.

Разъяренный Аминадабарли даже не заметил этого. Как смеют эти маленькие уродцы присваивать себе идеи, только что родившиеся в его мозгу? Неважно, что он еще не разработал их в деталях. Они должны были подвести именно к той мысли, которую сейчас высказал ученый-землянин. В этом Аминадабарли был уверен. Возможно, впрочем, что гипотеза недостаточно обоснованна… Действительно, предположение, что пещерные жители способны почти инстинктивно прогнозировать тектонические процессы, что они заранее знали, например, куда понесет

батискаф, и потому так быстро нашли его, пожалуй, звучит малоубедительно. Да, конечно же, поразмыслив хорошенько, он это увидел совершенно ясно. Вся эта концепция носит чисто спекулятивный характер. Просто жаль, что девочка будет даром тратить время. Сейчас он сам займется этим и поведает сыну об уязвимых местах этой гипотезы. А потом предложит более перспективный план… как только разработает его в деталях…

Тут он заметил, что и Аминадорнелдо исчез с экрана. Видимо, ушел с девочкой-землянкой. Что ж, не беда. Все равно ему нужно еще додумать кое-что. Минут пятнадцать-двадцать он был погружен в размышления и почти не слышал пустой болтовни землян. Потом дети вернулись, спокойные и деловитые. Изи сразу заговорила о деле.

— Кажется, вы правы, — сказала Изи. — По-моему, они даже удивились, что не всякий знает заранее, когда и где начнутся подземные толчки или когда выйдет из берегов озеро и в каком направлении оно будет разливаться. Им даже трудно было объяснить мне, по каким признакам они это узнают.

Геофизик, беседовавший с Изи, и его коллеги

обменялись взглядами.

— Пусть все же попытаются объяснить! — сказал геофизик. — Записывайте то, что они говорят, и передавайте нам; неважно, поняли вы сами или нет. Потом мы используем учеников Рекера, чтобы изучить динамику процессов в коре планеты!

Это было уже выше сил Аминадабарли — заниматься сейчас такими пустяками! Пренебрегая правилами вежливости, как земной, так и дроммианской, он протиснулся в глубину радиорубки. Обтекаемое тело его раздвинуло толпу землян, словно корабль, рассекающий воду. Аминадабарли встал перед экраном и, не глядя на Изи, словно ее и не было, торопливо заговорил с сыном, испуская пронзительные звуки, от которых человеческим ушам было просто больно. Земляне не прерывали его. Размеры дроммианина и его конечности с десятком когтей каждая призывали к благоразумию даже того, кто совершенно не знал нрава этих инопланетян.

Сын явно пытался вставить в речь отца хоть словечко, однако попытки его были тщетны. Старший умолк лишь тогда, когда, казалось, окончательно исчерпал свой словарный запас. Ответ он получил немедленно, но вместо дроммианина ответила ему Изи, конечно, на своем родном

языке: ее голосовые связки не были способны воспроизводить звуки дроммианской речи.

— Мина все знает, сэр. Доктор Рекер просил меня сказать и вам, когда вы появитесь. Вы ушли из пункта связи как раз перед тем, как я начала разведку. В общем, доктор Рекер все сказал Нику, и задолго до наступления ночи Ник подплывет на плоту как можно ближе к нам. А потом они поволокут плот по суше. Быстрый говорит, что они с моря заметят свет наших прожекторов. Робот пошел обратно в лагерь, чтобы встретить остальных и показать им дорогу сюда.

Дроммианин совершенно опешил, но нашел в себе силы проявить учтивость и заговорил по-английски.

— Вы просили Быстрого объяснить, как пройти из лагеря к месту, где вы находитесь? — растерянно спросил он.

— Ну да. Это придумал Мина. Мне надо было раньше сказать об этом доктору Рекеру или одному из вас.

Сообщение о том, что предложение исходит от сына, заметно успокоило Аминадабарли. Большинство землян втайне усомнилось в истинности слов девочки. Они знали, сколько лет юному дроммианину, да и об Изи уже успели

составить довольно четкое представление.

— Сколько времени нужно Нику, чтобы добраться до вас? — спросил Аминадабарли.

— Быстрый считает, что Ник пешком придет к нам немного позднее полудня.

— А вы не предлагали вашему другу Быстрому сделать такой же плот, как у Ника?

— Предлагала. Он не умеет и вообще не представляет, что это такое. Его воины могут заготовить сколько угодно шкур, но не знают, как сделать мешки… ну, герметичными. И они не умеют варить клей. А я тоже не умею. Вот Быстрый и ждет, пока Ник доберется сюда со своим плотом.

— И, конечно, отнимет плот у Ника.

— Ой, нет, что вы! Он ничего не имеет против Ника. Я рассказала ему, кто такой Ник, как робот украл яйца, положенные в расселину, он, кажется, немного рассердился на робота, но это не страшно. Я обещала научить его всему, что он захочет узнать. У нас с ним очень хорошие отношения.

Дроммианин не мог скрыть своего удивления.

— Это доктор Рекер вам посоветовал?

— Вовсе нет! Я сама придумала. Вернее, мы с Миной. Мы решили, что самое правильное — по-

дружиться с пещерными жителями. Возможно, они и не смогут повредить «скаф», если разозлятся на нас, но на всякий случай так будет вернее.

— Понимаю!

Аминадабарли был несколько сбит с толку. Он весьма учтиво закончил и отправился опять на наблюдательный пункт к Рекеру. Едва он успел выйти из радиорубки, как ученые набросились на девочку с новыми расспросами.

Тем временем четверо туземцев и робот двигались на юг, таща за собой тележку и отвечая на ходу на бесконечные вопросы ученых с корабля. К удивлению дроммианина, в наблюдательном пункте набилось почти столько же народу, сколько незадолго да этого в радиорубке. Аминадабарли не сразу понял, о чем идет спор.

— Может, мы сумеем определить расстояние методом засечки? И в районе «скафа», в в районе лагеря ветер, очевидно, дует прямо в сторону вулкана.

— Да, но мы не знаем точного направления. К тому же он может меняться под воздействием сил Кориолиса.

— Ну, на такой планете, как Тенебра, возможное отклонение невелико. К тому же, мы можем определить обратный азимут. Ведь гора на кар-

тах уже обозначена. Мы сможем использовать направление ветра, чтобы засечь местоположение «скафа»...

Дроммианин услышал все это, войдя в помещение наблюдательного пункта, но ничего не мог понять. Лишь спустя несколько минут до него дошло, что речь идет о вновь открытом вулкане. Ему было ясно, что такой мощный источник тепла может вызвать возникновение воздушных потоков даже в предельно сжатой газовой оболочке Тенебры.

— А что, если каждую ночь ветер станет гнать батискаф все дальше в глубь материка? — спросил он. — Не окажутся ли наши ребята в опасной близости от вулкана?

— Пока не нужно тревожиться. Какой бы ни был ветер, в глубине материка море все равно будет состоять главным образом из воды, так что далеко их не унесет. А кроме того, бьюсь об заклад: если извержение не прекратится, то ни днем, ни ночью на много миль от вулкана вообще не будет воды в жидком состоянии.

Аминадабарли не дослушал до конца. У него появился новый повод для волнений, а уж волноваться-то он умел! Он ринулся обратно в радиорубку на максимальной скорости.

Ученые на время оставили Изи в покое ради новой сенсации. Аминадабарли не стал задумываться, спят ли дети или, может, беседуют с пещерными жителями.

— Мисс Рич! Мина! — бесцеремонно завопил он в микрофон.

На этот раз на экране появилась Изи, потирая кулачком сонные глаза. Аминадабарли не понял этого жеста или сделал вид, что не понимает.

— Где мой сын? — спросил он.

— Спит.

Обычно Изи была не столь лаконична.

— Ну ладно, поговорю с вами. Вы слышали о том, что стало ясно, почему дует ветер?

— Да. Кажется, это вулкан. Я заснула сразу же после того, как услышала о нем. А что, есть еще новости?

— Не то чтоб новости. Эти гадалки — ваши ученые соотечественники — вдруг сообразили, что каждую ночь батискаф будет относить к вулкану и вам грозит серьезная опасность. Что думает об этом ваш друг Быстрый?

— Во всяком случае, еще несколько дней нам ничего не грозит. Свет вулкана отсюда не виден.

— Вам-то он не виден. А важно то, что видят и думают туземцы. Вы спрашивали Быстрого?

— Нет. Я же только недавно узнала об этом. И вообще это меня не тревожит. Если бы они увидели свет, они тут же сказали бы нам. Они решили бы, что это робот. В худшем случае мы можем подойти к вулкану через несколько тенебрийских суток. Во всяком случае, не завтра.

— Не завтра! Да кто говорит о завтрашнем дне? Нет, для меня навсегда останется тайной, как вам, землянам, удалось создать свою цивилизацию! Разумные существа составляют планы на будущее, слышите!

— Разумные существа не делают поспешных выводов, — отрезала девочка, потеряв спокойствие впервые после аварии. — Я не строю планы на послезавтра, потому что к концу завтрашнего дня нас здесь уже не будет. Пожалуйста, скажите мистеру Сакииро, чтобы он приготовил посыльное судно к встрече.

Она повернулась и вышла, вернее, просто исчезла из поля зрения камеры. Аминадабарли был так поражен, что даже не рассердился на ее неучтивость.

8

Когда Ник добрался до батискафа, Изи уже проснулась. Он без труда нашел судно — свет прожекторов был хорошо виден с побережья. Ветер дул прямо в сторону батискафа. Ник и его друзья еще ничего не знали о вулкане и мысль о том, что они сбились с пути, не могла их тревожить. Выйдя на берег, они взвалили на себя плот и двинулись на огонек.

Феджин с четырьмя учениками пришли раньше — даже тихоходный робот двигался по суше быстрее, чем неуклюжий, громоздкий плот по морю. Быстрый был настроен весьма благожелательно.

Через несколько минут после прихода робота он потребовал, чтобы ему показали, как добывают огонь. Изи велела Джону научить его. Тот повиновался беспрекословно, вынул свой лучок, и через две минуты огонь уже пылал.

Тогда Быстрый решил взяться за дело сам. К тому времени, когда Ник, Бетси, Джин и Джейн пришли к батискафу, таща плот, вождь уже добыл огонь и пребывал в отличнейшем настроении.

На «Виндемиатриксе», напротив, настроение

было неважное. Изи проснулась сердитая. Она не забыла оскорбительных реплик дроммианина и отказалась объяснить не только ему, но и вообще кому бы то ни было, на чем основана ее уверенность в том, что они с Миной смогут покинуть батискаф еще до конца следующего тенебрийского дня. Разумеется, она вела себя по-детски. Но Изи и была ребенком. Советника Рича попросили вмешаться. Он пристально посмотрел в лицо дочери, потом отвел глаза от экрана и сказал:

— Пожалуйста, попросите мистера Сакииро подготовить посыльное судно к встрече с батискафом. Насколько я понимаю, потребуется некоторое время на подвеску и регулировку наружных ускорителей.

Затем он поспешно покинул помещение, не отвечая на сыпавшиеся градом вопросы, и заперся в своей каюте.

— Что же нам делать? — спросил геофизик.

— Пожалуй, то, о чем он просил, — ответил другой ученый. — Рич как будто уверен, что девочка знает, о чем говорит.

— Он-то уверен. А она?

— В конце концов, даже если ребенок ошибается, никому вреда не будет от того, что мы подготовим спасательное судно к полету, — ска-

зал третий. — Почему вы так тревожитесь?

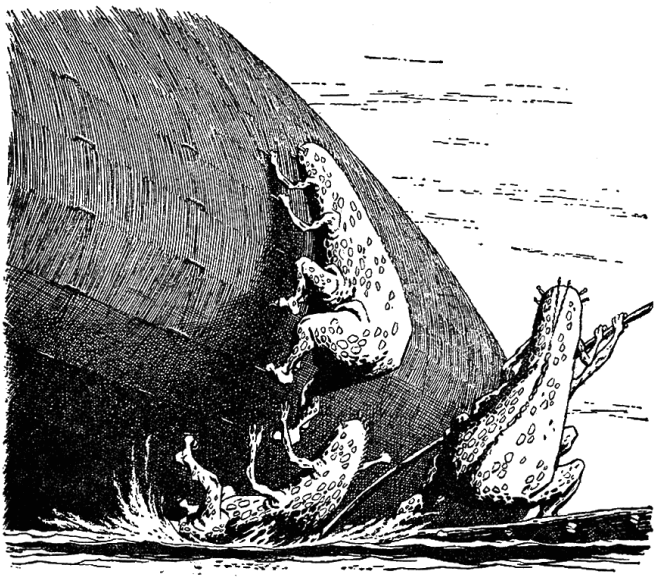
— Просто мы понимаем, что будет с Изи и ее отцом, если она ошибается, — ответил геофизик. — Хорошо, если она знает, что говорит. А если ее просто вывел из себя этот десятиногий бобер и она, не подумав, брякнула…

Он положил конец дискуссии, подключив еще один телефон и передав инженерам просьбу Рича.

Робот уже не был в центре событий, хотя и мог наблюдать за их ходом. Его ученики, видимо, влились в племя Быстрого и получали указания либо от самого вождя, либо от Изи из батискафа. Никто уже не спрашивал Феджина, что и как делать. События разворачивались такими темпами, что многое ускользало от Рекера. Он слышал о ссоре Изи с Аминадабарли, о ее намерении покинуть завтра Тенебру, но не больше других знал о том, как она собирается это сделать.

Рекер имел представление о том, чем занимаются тенебрийцы, но далеко не все было ему понятно, а добиться объяснений он не мог. Ему не приходило в голову, что Изи прервала поступление информации на «Виндемиатрикс» только для того, чтобы досадивший ей дроммианин ничего не узнал. Так или иначе, Рекеру оставалось

лишь наблюдать, фотографировать, записывать на пленку доходившие до него обрывки разговоров и пытаться как-то истолковывать все, что он улавливал.



Плот спустили на поверхность озерка, и Ник с Бетси перевезли Быстрого к батискафу. Рекер видел, как у одного из иллюминаторов тенебрийцы вступили в беседу с детьми, но не слышал ни слова — робот находился слишком далеко. Беседа была долгая и довольно оживленная; закончилась она только вечером. Затем плот вернулся к берегу, все начали собирать свои пожитки и вскоре тронулись в путь. Пещерные жители помогали нести плот и тащить тележку. Быстрый впервые за все время обратился к роботу и приказал ему следовать за собой. Переводчиком служил Ник. Рекер решил, что тенебрийцы уходят, спасаясь от ночного наступления моря. Естественно было ожидать, что в эту ночь оно разольется по меньшей мере так же, как и прошлой ночью.

— Куда унесет сегодня ночью большой корабль? — спросил он скорее ради того, чтобы пещерные жители могли продемонстрировать свой дар прогноза. Для него было неважно, что ему скажут. Он предполагал, что Быстрый вообще не снизойдет до ответа, но вождь был в прекрасном настроении. Он пошел рядом с роботом, весело болтая с ним; Ник переводил. Вождь подробно описал местность, куда они направились, и район, куда, по его предположению, батискаф будет

занесен течением. Он рассказал также, каким образом он знает об этом. Геофизики слушали, делали заметки и заботливо следили за магнитофонами, записывающими беседу. В этой зоне системы Альтаира царило такое безмятежное счастье, какого она, вероятно, давно не видывала. Пожалуй, только Аминадабарли и Рекер не разделяли общего благодушного настроения.

Часа через два Быстрый остановил воинов. Ночь вступила в свои права, и пошел дождь.

Целых шестнадцать лет появление вечерних костров знаменовало собой начало сорокавосьмичасового отдыха на борту «Виндемиатрикса», потому что ночью на Тенебре не случалось ничего — там всегда шел дождь. Теперь все изменилось... Дискуссии, временами переходившие в жаркие споры, не прекращались. Инженеры работали без отдыха, подвешивая к оболочке посыльного судна гидроферроновые ускорители и сеть управления ими.

Рекер наотрез отказался покинуть наблюдательный пункт. Он был уверен, что дело идет к развязке, и боялся даже думать о ней. Беспокойство это особенно обострилось при встрече с дипломатами. Рекер больше всего страдал от того, что вдруг потерял уверенность в себе. Он

продолжал ломать голову, как ему научить своих подопечных произвести необходимый ремонт батискафа и как заставить их выслушать его.

Но вот ночь подошла к концу. Ничего серьезного не произошло ни в лагере, ни в батискафе. Вскоре все направились туда, где, по прогнозу Быстрого, должен быть батискаф. Это значило, что им придется пройти почти столько же, сколько накануне ночью — Быстрый считал, что «скаф» снесло не очень далеко.

Рекер продолжал терзаться — он не мог представить, каким образом эта смелая девочка собирается с помощью пусть смышленых, но совершенно невежественных аборигенов поднять батискаф для контакта с посыльным судном. В те редкие мгновения, когда он засыпал, его мучили чудовищные кошмары: он считал себя ответственным за судьбу детей, и сознание собственного бессилия было для него нестерпимо.

Нетрудно себе представить, что пережили геофизики, когда батискафа не оказалось там, где его ожидали найти. Каждый из ученых выдвигал свою гипотезу, и никто не слушал соседа. Аминадабарли потерял сознание, и в течение нескольких минут все только и говорили, что о способах оказания первой помощи. К счастью,

дроммианин скоро сам пришел в себя, ибо никто из людей не имел ни малейшего понятия, чем ему помочь.

А через четверть часа батискаф обнаружили на прежнем месте. Родители вздохнули с облегчением, но геофизики на корабле и тенебрийцы недоумевали, как это случилось. Споры между учеными разгорелись с новой силой, а тем временем вокруг батискафа закипела работа. Туземцы действовали явно по какому-то определенному плану, но Рекер никак не мог понять, что они намерены делать.

Быстрый выслал несколько вооруженных охотничьих партий, причем в каждой из них был один из учеников Феджина с топором. Плот то и дело сновал между берегом и батискафом. Быстрый и несколько его помощников тщательно осмотрели обшивку судна. Изи непрерывно разговаривала с ними, но Рекер и его коллеги не могли ее слышать. Туземцев очень заинтересовала верхняя часть корпуса батискафа, куда отводилось избыточное тепло из жилых отсеков, и они принялись карабкаться по корпусу, пользуясь многочисленными скобами, укрепленными на нем. Батискаф был круглый и едва касался дна, поэтому равновесие его было мгновенно

нарушено и он двинулся к плоту. Любознательные аборигены поспешили спрыгнуть с него. Плот подошел ближе к роботу, и Рекер, наконец, услышал несколько фраз. Ник сказал Бетси:

— Мы можем выиграть много времени. Если учителя, сидящие внутри, не будут возражать, мы перекатим эту штуку ближе к берегу, и нам будет удобнее работать.

Ник и Бетси столкнули плот снова на глубокое место и погребли к батискафу. На этот раз Рекер знал, о чем пойдет речь и, увидев, как Изи одобрительно кивнула, понял, чем закончились переговоры. Он встревожился и немедленно позвонил бортинженерам. Те заверили его, что батискаф абсолютно герметичен и его перекатывание никакого вреда, кроме разве неприятных ощущений для юной команды, не принесет.

Плот подплыл к берегу, и Ник стал что-то кричать Быстрому. Рекер понял лишь несколько слов, но этого было достаточно. Как только плот достиг мели, Быстрый влез на него. Затем плот вернулся к батискафу, вождь и Бетси схватились за скобы и принялись осторожно карабкаться вверх. Ник остался на плоту, чтобы в любой момент отвести его в сторону. Все обошлось без происшествий — Быстрый и Бетси проявили

необычайную ловкость. Они держались над самой поверхностью олеума. К счастью, скобы шли вокруг корпуса, хотя Бетси и Быстрый вряд ли знали об этом раньше.

Перевернувшись дважды, батискаф оказался на мелком месте. Теперь он уже почти не плавал, и Бетси с Быстрым пришлось затребовать подкрепление — их веса было уже недостаточно. После третьего оборота батискаф лег правым бортом на берег. Тенебрийцы спрыгнули с него, и тут возникло небольшое осложнение — батискаф покатился было в обратном направлении. Но Рекер заставил слушать себя; он быстро объяснил Нику, что надо с наружной стороны подложить колодки из дерева, и батискаф прочно стал у берега. Изи и Мина принялись с любопытством разглядывать робота, который стоял всего в нескольких ярдах от них, а Рекер поспешил заговорить с ними, — он хотел узнать, что же Изи намерена делать.

— Хелло, Изи. Наконец-то мы вместе.

— Хелло, доктор. Да, ваши воспитанники здесь. Я думала, мы сумеем обойтись без них, но они здорово помогли нам. Вы хотите посмотреть, что мы тут будем делать?

Этот вопрос, мягко выражаясь, ошеломил биолога.

— Посмотреть? Да мы же только приступаем к работе. Я сейчас вызову инженеров — пусть послушают, что я буду говорить Нику и остальным. Они бы уже были тут, но я не ожидал, что мы так быстро найдем вас. Мы выясним, что случилось с проводами — коррозия или обрыв и…

Изи, видимо, заговорила раньше, чем он произнес последние слова, но из-за двухсекундной задержки сигнала он услышал ее не сразу.

— Простите, доктор, но мне бы не хотелось, чтобы Ник начал мудрить с проводкой. Я сама в ней ничего не понимаю и не представляю себе, как он может там не напутать чего-нибудь. Мы скоро взлетим и без этого, и лучше скажите ему, чтобы он не совался в смотровые люки, если они действительно открыты.

Девочка говорила, как всегда, вежливо, но в голосе ее слышалась твердость, которой нельзя было не заметить. Рекер сначала опешил, а потом возмутился.

— Почему ты не хочешь, чтобы работал Ник? Кто может заменить его? Конечно, он незнаком с электричеством, но какой будет толк, если вместо него этим займешься ты или Быстрый? Мы обдумывали этот план несколько недель и ты не можешь…

— Не знаю, сколько времени вы его обдумывали, но я могу, — ответила девочка все еще учтиво. — Быстрый сделает то, что я попрошу, а Ник, — то, что прикажет ему Быстрый. Сначала мы попытаемся осуществить предложение Быстрого. Я уверена, что у нас получится как надо, ну а если не пойдет, тогда мы подумаем о вашем плане.

Рекер беспомощно огляделся. Девочка права. У него нет ни малейшей возможности навязать ей свою волю. Может быть, ее отец… Но Рич слушал из радиорубки, и на лице его, которое Рекер видел на экране ретранслятора, можно было прочесть удовлетворение. Биолог сдался.

— Что ж, ладно, Изи. Может, ты мне скажешь, в чем состоит план Быстрого? И почему, если ты не доверяешь мне и Нику, тебе пришло в голову прислушаться к тому, что говорит невежественный дикарь, пещерный житель?

— Ваши ученые друзья очень даже прислушиваются к его словам, — язвительно ответила Изи. — Если я скажу вам, меня услышит отец Мины, начнет копаться в этом плане и искать недостатки, а папа будет волноваться. Вы просто посмотрите, что мы станем делать. Теперь уже недолго ждать.

— А что думает твой молодой друг? Он не сердится, что ты не посвящаешь в эти дела его отца?

— Он ничего не имеет против, правда, Мина?

— Правда, — пропищал молодой дроммианин. — Папа велел мне делать все, что скажет Изи, а потом он был очень груб с ней. Мы ему покажем!

Услышав такое, Рекер взметнул брови и немного повеселел. Если кто-то собирается поставить Аминадабарли в глупое положение, то…

План Быстрого вскоре перестал быть загадкой. На экране появилась группа охотников, волочив-

ших безжизненное тело летающего хищника. Опасные щупальца этого существа были обрублены — вот зачем каждую охотничью партию сопровождал ученик Феджина с топором. Охотники проткнули часть газовых пузырей — столько, сколько нужно было, чтобы тело хищника не могло взмыть вверх. Остальные пузыри были целы. Нетрудно было догадаться, как их собирались использовать.

Отсеки водородных камер батискафа на нижней стороне его корпуса были снабжены клапанами для уравнения давления. Клапаны эти имели выводные трубки из пластика для сбрасывания в наружную среду излишков электролитического водорода. Обычно давление внешней атмосферы удерживало эти трубки в закрытом, точнее, сплющенном состоянии. Однако было вполне возможно ввести в такую трубку снаружи другую, твердую трубку и впустить в отсек газ или жидкость. Именно этим и занялись теперь тенебрийцы. Рекер не знал точно, из чего они сделали трубки, но он не удивился их находчивости. Конечно, при перекачке много газа пропадало, но это никого не тревожило. Летающих хищников, слава богу, было достаточно.

— Понимаю, — сказал Рекер через несколько

минут. — Но я предвижу одну опасность.

— Какую? — быстро откликнулась Изи. Очевидно, и у нее возникли кое-какие сомнения.

— Батискаф рассчитан на подъемную силу водорода. Откуда ты знаешь, что газ, которым вы пользуетесь, поднимет вас так высоко, чтобы можно было включить ваши ускорители, даже если мы доставим на борт инженера, чтобы…

— Почему вы думаете, что этот газ — не водород?

— А почему ты думаешь, что это водород?

— Ну, а что еще можно найти на этой планете, что было бы легче воды в парообразном состоянии?

— Гм, наверно, очень много всяких газов… Впрочем, не знаю. Я об этом не думал. — Тут его осенило. — Ты что, говорила с инженерами?

— Конечно. Я не хочу дерзить, но скажите сами, у кого еще я могла узнать что-нибудь толком о нашем судне? Вы, конечно, хорошо знаете планету, но этого мало…

— Вот оно что… — медленно протянул Рекер. — Я действительно меньше занимался батискафом, чем надо было бы, но насчет проводки с инженерами говорил…

На этом, собственно, все и кончилось. Ник

вспомнил о своем плавании на плоту и позаботился, чтобы передние камеры батискафа были заполнены больше, чем задние. Батискаф понесло ветром в сторону вулкана. Он поднимался так медленно, что детям пришлось досыта наглядеться на устрашающее зрелище извержения. Войдя в нагретые слои атмосферы, батискаф начал угрожающе снижаться по направлению к огнедышащей горе, но вовремя выровнялся и пошел на подъем — водород в камерах тоже нагрелся. Зарево внизу постепенно удалялось и меркло, и счастливая Изи со своим другом стали ждать встречи со спасательным судном.

Эпилог

— Я давно говорил, что земляне беспомощны и вообще никчемны. — Как ни счастлив был Аминадабарли, он с большим трудом расставался со своими концепциями. — Вы потратили многие недели, пытаясь организовать спасательную экспедицию, а дикари, у которых меньше знаний, чем у любого из этих детей, оказались сметливее вас. Вы десять или двадцать лет учили собственных агентов на этой планете. И что же? За одну неделю вы узнали больше полезного от аборигенов, с которыми раньше не потрудились установить непосредственный контакт.

— Ну да, аборигены. Они немедленно попробовали бы съесть робота, — возразила Изи. — Не забудьте, мы с Миной хорошо узнали Быстрого. Он не тронул робота, потому что тот мог учить его — с помощью Ника! Иначе он просто не обратил бы на него внимания. Или уничтожил бы.

Аминадабарли поискал глазами сына, но тот мотнул головой, подтверждая слова Изи.

— Как бы то ни было, — снова затоварил дроммианин, — но аборигены с их самобытной культурой могут оказаться полезными, и я скоро

докажу это.

— Как? — спросил Рекер.

— Через три месяца сюда прибудет экспедиция с Дромма. Я этого добьюсь. Мы сумеем договориться с Быстрым не хуже вас, и тогда поглядим, кто быстрее обогатит геофизику знаниями о Тенебре.

— Разве не выгоднее работать совместно и обмениваться информацией?

— Я сыт по горло сотрудничеством с землянами, и если мое мнение чего-нибудь стоит, то все дроммиане согласятся со мной. Ты ведь выучился языку Быстрого, сынок?

— Да, папа, но…

— Никаких «но». Понимаю, ты подружился с Изи… и полагаю, что, пробыв с тобой все это время, она стала менее ядовитой, чем большинство землян, но я-то знаю, о чем говорю. Свяжись-ка с Быстрым через робота.

— Но я не могу, папа.

Даже земляне поняли, что Аминадорнелдо смущен.

— Не можешь? Как это не можешь? Ты же сейчас сказал, что изучил их язык…

— О, я хорошо понимаю их, но говорить не могу.

— Значит, ты слушал, а говорить предоставил девочке с Земли? Мне стыдно за тебя. Ты отлично знаешь, что никогда нельзя упускать возможность изучить новый язык.

— Я ее не упустил, папа.

Аминадабарли начал выходить из себя.

— Тогда во имя обоих солнц, чем ты занимался?

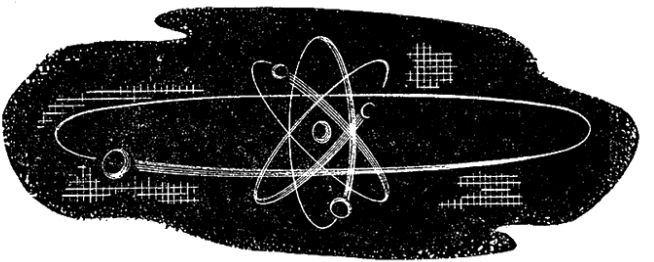
Люди, успевшие уже изучить нрав дроммианина, никогда еще не слышали, чтобы голос его звучал столь громоподобно. Аминадорнелдо беспомощно посмотрел на Изи.

— Хорошо, — сказала девочка. — Мы ему покажем.

Они заняли свои места перед микрофоном, и Изи включила его. Затем, не отрывая глаз друг от друга, они одновременно заговорили. Они издавали удивительно странные звуки; то они говорили вместе, то звучал голос одного дроммианина, когда нужно было взять особенно высокую ноту, а то — только Изи, когда требовались ноты более низкие. В ответ из репродуктора донеслись подобные же звуки. Изи отвечала Быстрому, одновременно пуская в ход руки, — подсказывала своему «маленькому» спутнику, что говорить дальше. Они явно выработали своего рода код глухонемых для объяснения друг с другом. Конечно, они говорили гораздо медленнее Быстрого, но туземец, видимо, их отлично понимал.

— Он здесь, советник, — сказала Изи после небольшой паузы. — Что вы хотите передать ему? Группа переводчиков готова приступить к работе. Надеюсь, вы простите Мине сотрудничество с девочкой с Земли. У нас, право же, не было другого выхода.

Никому не пришло в голову рассмеяться.



The Monster

Человечество бессмертно. Даже если когда-нибудь, через многие тысячи лет… даже если представить себе самое худшее, — всепобеждающий разум возродится, как феникс из пепла.

[= Пятый вид: Загадочное чудовище; Воскрешшее чудовище; Возрождение]

На высоте четверти мили огромный звездолет повис над одним из городов. Внизу все носило следы космического опустошения. Медленно опускаясь в энергетической гондолосфере, Инэш заметил, что здания уже заметно пострадали от времени.

— Никаких следов военных действий! Никаких следов… — ежеминутно повторял бесплотный механический голос.

Инэш перевел настройку.

Достигнув поверхности, он отключил поле своей гондолы и оказался на заросшем, окруженном стенами участке. Несколько скелетов лежало в высокой траве перед зданием с обтекаемыми

стремительными линиями. Это были скелеты длинных двуруких и двуногих созданий, череп каждого держался на верхнем конце тонкого спинного хребта. Все кости явно принадлежали взрослым особям и казались прекрасно со хранившимися, но, когда Инэш нагнулся и тронул один из них, целый сустав рассыпался в прах. Выпрямившись, он увидел, как Йоал приземляется поблизости. Подождав, пока историк выберется из своей энергетической сферы, Инэш спросил:

— Как вы думаете, может попробовать наш метод оживления?

Йоал казался озабоченным.

— Я уже интересовался у всех, кто спускался сюда в звездолете, — ответил он. — Здесь что-то не так. На этой планете не осталось живых существ, не осталось даже насекомых. Прежде, чем начинать какую-либо колонизацию, мы должны выяснить, что же произошло.

Инэш промолчал. Слабый ветерок играл листвой в кронах рощицы неподалеку от них. Инэш взглянул на деревья. Йоал кивнул.

— Да, растительность не пострадала, однако растения, как правило, реагируют совсем иначе, чем активные формы жизни.

Их прервали. Из приемника Йоала прозвучал

голос:

— В центральном районе города обнаружен музей. На его крыше красный маяк.

— Я пойду с вами, Йоал, — сказал Инэш. — Там, возможно, сохранились скелеты животных и разумных существ на различных стадиях эволюции. Кстати, вы не ответили мне. Собираетесь ли вы оживлять эти существа?

— Я поставлю вопрос на обсуждение Совета, — медленно проговорил Йоал, — но мне кажется, ответ не вызывает сомнений. Мы обязаны знать причину этой катастрофы. — Он описал неопределенный полукруг одним из своих щупалец и как бы про себя добавил: — Разумеется, действовать надо осторожно, начиная с самых ранних ступеней эволюции. Отсутствие детских скелетов указывает, что эти существа, по видимому, достигли индивидуального бессмертия.

Совет собрался для осмотра экспонатов. Инэш знал: это пустая формальность. Решение принято — они буду оживлять. Помимо всего прочего, они были заинтригованы. Вселенная безгранична, полеты сквозь космос долги и тоскливы, поэтому, спускаясь на неведомые планеты, они всегда с волнением ожидали встречи с новыми формами жизни, которые можно увидеть своими

глазами, изучить.

Музей не отличался от всех музеев. Высокие сводчатые потолки, обширные залы. Пластмассовые фигуры странных зверей, множество предметов — их было слишком много, чтобы все осмотреть и понять за столь короткое время. Эволюция неведомой расы была представлена последовательными группами реликвий. Инэш вместе со всеми прошел по залам, и облегченно вздохнул, когда они наконец добрались до ряда скелетов и мумий. Укрывшись за силовым экраном, наблюдал, как специалисты-биологи извлекают мумию из каменного саркофага. Тело мумии было завернуто в несколько слоев материи, но биологи не стали разворачивать истлевшую ткань. Раздвинув пелены, они, как обычно делалось в таких случаях, взяли пинцетом только обломок черепной коробки. Для оживления годится любая часть скелета, однако лучшие результаты, наиболее совершенную реконструкцию дают некоторые участки черепа.

Главный биолог Хамар объяснил, почему они выбрали именно эту мумию:

— Для сохранения тела применены некоторые вещества, которые свидетельствуют о зачаточном представлении о химии. Резьба же на

саркофаге говорит о примитивной цивилизации, незнакомой с машинами. На этой стадии потенциальные способности нервной системы вряд ли были особенно развитыми. Наши специалисты по языкам проанализировали записи говорящих машин, установленных во всех разделах музея, и, хотя языков оказалось очень много — здесь есть запись разговорной речи даже той эпохи, когда жило это существо, — они, не затрудняясь, расшифровали все понятия. Сейчас универсальный переводчик настроен ими так, что переведет любой наш вопрос на язык оживленного существа. То же самое, разумеется, и с обратным переводом. Но простите, я вижу, первое тело уже подготовлено!

Инэш вместе с остальными членами Совета пристально следил за биологами: те закрепили зажимами крышку воскресителя, и процесс пластического восстановления начался. Он почувствовал, как все внутри него напряглось. Он знал, что сейчас произойдет. Знал наверняка. Пройдет несколько минут, и древний обитатель этой планеты поднимется из воскресителя и встанет перед ними лицом к лицу. Научный метод воскрешения прост и безотказен.

Жизнь возникает из тьмы бесконечно малых

величин, на грани, где все начинается и все кончается, на грани жизни и не жизни, в той сумеречной области, где вибрирующая материя легко переходит из старого состояния в новое, из органической в неорганиническую и обратно. Электроны не бывают живыми или неживыми, атомы ничего не знают об одушевленности и неодушевленности. Но когда атомы соединяются в молекулы, на этой стадии достаточно одного шага, ничтожно малого шага к жизни, если только жизни суждено зародиться. Один шаг, а за ним темнота. Или жизнь.

Камень или живая клетка. Крупица золота или травинка. Морской песок или столь же бесчисленные живые существа, населяющие бездонные глубины подводного царства. Разница между ними возникает в сумеречной области зарождения материи. Там каждая живая клетка обретает присущую ей форму. Если у краба оторвать ногу, вместо нее вырастет такая же новая. Червь вытягивается и вскоре разделяется на двух червей, на две одинаковые желудочные системы, такие же прожорливые, совершенно и ничуть не поврежденные таким разделением. Каждая клетка может превратиться в целое существо. Каждая клетка «помнит» это целое в таких мельчайших

подробностях, что для их описания просто не хватит слов.

Но вот что парадоксально — нельзя считать память органической! Обыкновенный восковой валик запоминает звуки. Магнитная лента легко воспроизводит голоса, умолкшие столетия назад. Память — это физиологический отпечаток, следы, оставленные на материи, изменившие строение молекул, и, если ее пробудить, молекулы воспроизведут те же образы, в том же ритме.

Квадрильоны и квинтильоны пробужденных образов-форм устремились из черепа мумии в воскреситель. Память, как всегда, не подвела.

Ресницы воскрешенного дрогнули, и он открыл глаза.

— Значит, это правда, — сказал он громко, и машина сразу же перевела его слова на язык гэнейцев. — Значит, смерть — переход в другой мир. Но где же все мои приближенные?

Последняя фраза прозвучала растерянно и жалобно.

Воскрешенный сел, потом выбрался из аппарата, крышка которого автоматически поднялась, когда он ожил. Увидев гэнейцев, он дрогнул, но лишь на миг. Воскрешенный был горд и обладал своеобразным высокомерным мужеством, кото-

рое ему сейчас пригодилось. Неохотно опустился он на колени, простерся ниц, но тут сомнения его одолели.

— Вы боги Египта? — спросил он и снова встал. — Что за уроды! Я не поклоняюсь неведомым демонам.

— Убейте его! — сказал капитан Горсид.

Двуногое чудовище судорожно дернулось и растаяло в пламени лучевого ружья.

Второй воскрешенный поднялся, дрожа и бледнее от ужаса.

— Господи боже мой, чтобы я еще когда-нибудь прикоснулся к проклятому зелью! Подумать только, допился до розовых слонов…

— Это что за «зелье», о котором ты упомянул, воскрешенный? — с любопытством спросил Йоал.

— Первач, сивуха, отрава во фляжке из заднего кармана, молоко от бешеной коровки, — чем только не поят в этом притоне, о господи, боже мой!

Капитан Горсид вопросительно посмотрел на Йоала.

— Стоит ли продолжать?

Йоал, помедлив ответил:

— Подождите, это любопытно.

Потом снова обратился к воскрешенному:

— Как бы ты реагировал, если бы я тебе сказал, что мы прилетели с другой звезды?

Человек уставился на него. Он был явно заинтересован, но страх оказался сильнее.

— Послушайте, — сказал он. — Я ехал по своим делам. Положим, я хватил лишнего, но во всем виновата эта пакость, которой сейчас торгуют. Клянусь, я не видел другой машины, и если это новый способ наказывать тех, кто пьет за рулем, я сдаюсь. Ваша взяла. Клянусь, до конца своих дней больше не выпью ни капли, только отпустите меня.

— Он водит «машину», но он о ней совершенно не думает, проговорил Йоал. — Никаких «машин» мы не видели. Они не позаботились сохранить их в своем музее.

— Инэш заметил, что все ждут, когда кто-нибудь еще задаст вопрос. Почувствовать, что, если он сам не заговорит, круг молчания замкнется, Инэш сказал:

— Попросите его описать «машину». Как она действует?

— Это же совсем другое дело! — обрадовался человек. — Скажите, куда вы клоните, и я отвечу на любой вопрос. Я могу накачаться так, что в

глазах задвоится, но машину все равно поведу. Как она действует? Просто. Включаешь стартер и ногой даешь газ…

— Газ, — вмешался техник — лейтенант Виид. — Мотор внутреннего сгорания. Все ясно.

Капитан Горсид подал знак стражу с лучевым ружьем.

Третий человек сел и некоторое время внимательно смотрел на них.

— Со звезд? — наконец спросил он. — У вас есть система или вы попали к нам по чистой случайности?

Гэнейские советники, собравшиеся под куполом зала, неловко заерзали в своих гнутых креслах. Инэш встретился глазами с Йоалом. Историк был потрясен, и это встревожило метеоролога. Он подумал: «Двуногое чудовище обладает ненормально быстрой приспособляемостью к новым условиям и слишком острым чувством действительности. Ни один гэнеец не может сравниться с ним по быстроте реакций».

— Быстрота мысли не всегда является признаком превосходства, — проговорил главный биолог Хамар. — Существа с медленным обстоятельным мышлением занимают в ряду мыслящих особей почетные места.

«Дело не в скорости, — невольно подумал Инэш, — а в правильности, в точности мысли». Он попробовал представить себя на месте воскрешенного. Сумел бы он вот так же сразу представить, что вокруг него чужие существа с далеких звезд? Вряд ли.

Все это мгновенно вылетело у него из головы, когда человек встал. Инэш и остальные советники не спускали с него глаз. Человек стремительно подошел к окну, выглянул наружу. Один короткий взгляд, и он повернулся к ним.

— Везде то же самое?

Снова быстрота, с которой он все понял, поразила гэнейцев. наконец Йоал решился ответить.

— Да. Опустошение. Смерть. Развалины. Вы знаете, что здесь произошло?

Человек подошел и остановился перед силовым экраном, перед которым сидели гэнейцы.

— Могу я осмотреть музей? Я должен прикинуть, в какой я эпохе. Когда я был жив, мы обладали некоторыми средствами разрушения. Какое из них было применено — зависит от количества истекшего времени.

Все смотрели на капитана Горсида. Тот поколебался, приказал стражу с лучевым ружьем:

— Следи за ним!

Потом взглянул человеку в глаза.

— Нам ясны ваши намерения. Вам хочется использовать ситуацию и обеспечить себе безопасность. Хочу вас предупредить: ни одного лишнего движения, и тогда все кончится для вас хорошо.

Трудно было понять, поверил ли человек в эту ложь. Ни жестом, ни взглядом он не показал, заметил ли он оплавленный пол там, где лучевое ружье сожгло и обратило в ничто двух его предшественников. С любопытством приблизился он к ближайшей двери, внимательно взглянул на следившего за ним стража и быстро направился дальше. Следом прошел страж, за ним двинулся силовой экран, и, наконец, все советники один за другим.

Инэш переступил порог третьим. В этом зале были выставлены модели животных. Следующий представлял эпоху, которую Инэш для простоты назвал про себя «цивилизованной». Здесь было представлено множество аппаратов одного периода. Все они говорили о довольно высоком уровне развития. Когда гэнейцы проходили здесь в первый раз, Инэш подумал: «Атомная энергия». Это же поняли и другие. Капитан из-за его спины обратился к человеку:

— Ничего не трогать. Один ложный шаг — и страж сожжет вас.

Человек спокойно остановился посреди зала. Несмотря на чувство тревожного любопытства, Инэш залюбовался его самообладанием. Он ведь понимает, какая судьба его ожидает, и все-таки он стоит перед ними, глубоко задумавшись о чем-то. Наконец человек уверенно заговорил:

— Дальше идти незачем. Может быть вам удастся определить точней, какой промежуток времени лежит между днем моего рождения и вот этими машинами. Вот аппарат, который, судя по табличке, считает взрывающиеся атомы. Когда их число достигает предела, автоматически выделяется определенное количество энергии. Периоды рассчитаны так, чтобы предотвратить цепную реакцию. В мое время существовали тысячи грубых приспособлений для замедления атомной реакции, но для создания такого аппарата понадобилось две тысячи лет с начала атомной эры. Вы можете сделать сравнительный расчет?

Советники выжидательно смотрели на Виида. Инженер был в растерянности. Наконец он решился и заговорил:

— Десять тысяч лет назад мы знали множество способов предотвращать атомные взрывы.

Но, — прибавил он уже медленнее, — я никогда не слышал о приборе, который отсчитывает для этого атомы.

— И все-же они погибли, — пробормотал чуть слышно астроном Шюри.

Воцарилось молчание. Его прервал капитан Горсид:

— Убей чудовище! — приказал он ближайшему стражу.

В то же время объятый пламенем страж рухнул на пол. И не страж, а стражи! Все одновременно были сметены и поглощены голубым смерчем. Пламя лизнуло силовой экран, отпрянуло, рванулось еще яростней и снова отпрянуло, разгораясь все ярче. Сквозь огненную завесу Инэш увидел, как человек отступил к дальней двери. Аппарат, считающий атомы, светился от напряжения, окутанный синими молниями.

— Закрыть все выходы! — пролаял в микрофон капитан Горсид. — Поставить охрану с лучевыми ружьями! Подвести боевые ракеты ближе и расстрелять чудовище из тяжелых орудий!

Кто-то сказал:

— Мысленный контроль. Какая-то система управления мыслью на расстоянии. Зачем только мы в это впутались!

Они отступали. Синее пламя полыхало до потолка, пытаясь пробиться сквозь силовой экран. Инэш в последний раз взглянул на аппарат. Должно быть, он все еще отсчитывал атомы, потому что вокруг него клубились адские синие вихри.

Вместе с остальными советниками Инэш добрался до зала, где стоял воскреситель. Здесь их укрыл второй силовой экран. С облегчением спрятались они в индивидуальные гондолы, вылетели наружу и поспешно поднялись в звездолет. Когда огромный корабль взмыл ввысь, от него отделилась атомная бомба. Огненная бездна разверзлась внизу над музеем и над всем городом.

— А ведь мы так и не узнали, отчего погибла раса этих существ, — прошептал Йоал на ухо Инэшу, когда раскаты взрыва замерли в отдалении.

Бледно-желтое солнце поднялось гад горизонтом на третье утро после взрыва бомбы. На восьмой день их пребывания на этой планете Инэш вместе с остальными спустился в новый город. Он решил воспрепятствовать любой попытке воскрешения.

— Как метеоролог, — сказал он, — я объявляю, что эта планета вполне безопасна и пригодна для гэнейской колонизации. Не вижу никакой

необходимости еще раз подвергаться риску. Эти существа проникли в тайны своей нервной системы, и мы не можем допустить…

Его прервали. Биолог Хамар насмешливо сказал:

— Если они знали так много, почему же не переселились на другую звездную систему и не спаслись?

— Полагаю, — ответил Инэш, — они не открыли наш метод определения звезд с планетами.

Он обвел хмурым взглядом круг друзей.

— Мы все знаем, что это было уникальное, случайное открытие. Дело тут не в мудрости — нам просто повезло.

По выражению лиц понял: они мысленно отвергают его довод. Инэш чувствовал свое бессилие предотвратить неизбежную катастрофу. Он попытался представить себе, как эта великая раса встретила смерть. Должно быть, она наступила быстро, но не столь быстро, чтобы они не успели понять. Слишком много скелетов лежало на открытых местах, в садах великолепных домов. Видимо, мужья вышли с женами наружу, чтобы встретить гибель своего народа под открытым небом. Инэш пытался описать советникам их последний день много-много лет назад, когда

эти существа спокойно смотрели в лицо смерти. Однако вызванные им зрительные образы не достиг ли сознания его соплеменников. Советники нетерпеливо задвигались в своих креслах за несколькими рядами защитных силовых экранов, а капитан Горсид спросил:

— Объясните, Инэш, что именно вызвало у вас такую эмоциональную реакцию?

Вопрос заставил Инэша замолкнуть. Он не думал, что это была эмоция. Он не отдавал себе отчета в природе наваждениятак незаметно оно им овладело. И только теперь он вдруг понял.

— Что именно? — медленно проговорил он. — Знаю. Это был третий воскрешенный. Я видел его сквозь завесу энергетического пламени. Он стоял там, у дальней двери, и смотрел на нас, пока мы не обратились в бегство. Смотрел с любопытством. Его мужество, спокойствие, ловкость, с которой он нас одурачил, — в этом все дело…

— И все это привело его к гибели, — сказал Хамар. Все захохотали.

— Послушайте, Инэш! — добродушно обратился к нему Мэйард, помощник капитана. — Не станете же вы утверждать, что эти существа храбрее нас с вами или что даже теперь, приняв все меры предосторожности, нам всем следует опасаться

одного воскрешенного нами чудовища?

Инэш промолчал. Он чувствовал себя как-то неуютно. Открытие, что у него могут быть эмоции, совершенно его убило. К тому же не хотелось выглядеть упрямцем. Тем не менее он сделал последнюю попытку:

— Я хотел бы сказать только одно, — сердито проворчал он, — стремление выяснить, что случилось с погибшей расой, не кажется мне таким уж оправданным. Это вовсе необязательно.

Капитан Горсид кивнул биологу.

— Приступайте к оживлению! — приказал он.

И, обращаясь к Инэшу, проговорил:

— Разве мы можем вот так, не закончив всего, вернуться на Гэйну и посоветовать массовое переселение? Представьте, что мы чего-то не выяснили здесь до конца. Нет, мой друг, это невозможно.

Довод был старый, но сейчас Инэш почему-то сразу с ним согласился. Он хотел еще что-то сказать, но забыл обо всем, потому что четвертый человек поднялся в воскресителе.

Он сел, и исчез.

Наступила мертвая тишина, полная ужаса и изумления. Капитан Горсид хрипло проговорил:

— Он не мог никуда деться. Мы это знаем. Он

где-то здесь.

Гэнейцы вокруг Инэша, привстав с кресел, всматривались в пустое пространство под энергетическим колпаком. Стражи стояли, безвольно опустив щупальца с лучевыми ружьями. Боковым зрением Инэш увидел, как один из техников, обслуживавших защитные экраны, что то шепнул Вииду, который сразу последовал за ним. Вернулся он, заметно помрачнев.

— Мне сказали, — проговорил Виид, — что, когда воскрешенный исчез, стрелки приборов прыгнули на десять делений. Это уровень внутриядерных процессов.

— Во имя первого гэнейца! — прошептал Шюри. — Это то, чего мы всегда опасались.

— Уничтожить все локаторы на звездолете! — кричал капитан Горсид в микрофон. — Уничтожить все, вы слышите?

Он повернулся, сверкая глазами, к астроному.

— Шюри, они, кажется, меня не поняли. Прикажите своим подчиненным действовать! Все локаторы и воскресители должны быть немедленно уничтожены!

— Скорее, скорее! — жалобно подтвердил Шюри.

Когда это было сделано, они перевели дух. На

лицах появились угрюмые усмешки. Все чувствовали мрачное удовлетворение. Помощник капитана Мэйард проговорил:

— Во всяком случае, теперь он не найдет нашу Гэйну. Великая система определения звезд с планетами останется нашей тайной. Мы можем не опасаться возмездия…

Он помолчал и уже медленно закончил:

— О чем это я говорю?.. Мы ничего не сделали. Разве мы виноваты в том, что случилось с жителями этой планеты?

Но Инэш знал, о чем он подумал. Чувство вины всегда возникало у них в подобные моменты. Призраки всех истребленных гэнейцами рас, беспощадная воля, которая вдохновляла их, когда они впервые приземлялись; решимость уничтожить здесь все, что им помешает; темные бездны безмолвного ужаса и ненависти, разверзающиеся за ними повсюду; дни страшного суда, когда они безжалостно облучали ничего не подозревавших обитателей мирных планет смертоносной радиацией, — вот что скрывалось за словами Мэйарда.

— Мне кажется, все же, что он не мог сбежать, — заговорил капитан Горсид. — Он здесь, в здании. Он ждет, когда мы снимем защитные экраны, и тогда он сумеет уйти. Пусть ждет. Мы этого не

сделаем.

Снова воцарилось молчание. Они выжидательно смотрели на пустой купол энергетической защиты. Только сверкающий воскреситель стоял там на своих металлических подставках. Кроме этого аппарата, там не было ничего — ни одного постороннего блика, ни одной тени. Желтые солнечные лучи проникали повсюду, освещая площадку с такой яркостью, что укрыться на ней было просто немыслимо.

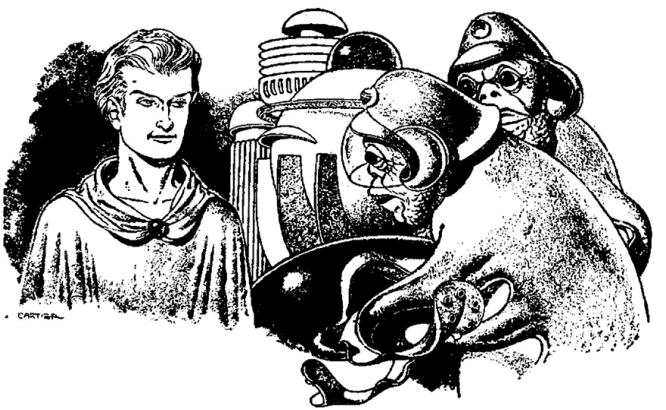
— Стража! — приказал капитан Горсид. — Уничтожьте воскреситель. Я думаю, он вернется, чтобы его осмотреть, поэтому не стоит рисковать.

Аппарат исчез в волнах белого пламени. Вместе с ним исчезла и последняя надежда Инэша, который все еще верил, что смертоносная энергия заставит двуногое чудовище появиться. Больше надеяться было не на что.

— Но куда же он мог подеваться? — спросил Йоал.

Инэш повернулся к историку, собираясь обсудить с ним этот вопрос. Уже почти повернувшись, он заметил чудовище, стоящее чуть поодаль под деревом и внимательно их разглядывающее. Должно быть, оно появилось именно в этот миг,

потому что все советники одновременно открыли рты и отпрянули. Один из техников, проявляя величайшую находчивость, мгновенно установил между гэнейцами и чудовищем силовой экран. Существо медленно приблизилось. Оно было хрупким и несло голову, слегка откинув назад. Глаза его сияли, будто освещенные внутренним огнем.



Иллюстрации CARTIER

Подойдя к экрану, человек вытянул руку и коснулся его пальцами. Экран ослепительно вспыхнул, потом затуманился переливами красок. Волна красок перешла на человека: цвета стали ярче и в мгновение разлились по всему его телу, с головы до ног. Радужный туман рассеялся. Очертания стали незримы. Еще миг — и человек прошел сквозь экран.

Он засмеялся — звук был удивительно мягким — и сразу посерьезнел.

— Когда я пробудился, ситуация меня позабавила, — сказал он. — Я подумал: «Что мне теперь с вами делать?»

Для Инэша его слова в утреннем воздухе мертвой планеты прозвучали приговором судьбы.

В тишине прозвучал голос, настолько сдавленный и неестественный, что Инэшу понадобилось время, чтобы узнать голос капитана Горсида.

— У-б-ейте его!

Когда взрывы пламени опали обессиленные, неуязвимое существо по-прежнему стояло перед ними. Оно медленно двинулось вперед и остановилось позади всех. Человек неторопливо произнес:

— Напрашиваются два решения: одно — осно-

ванное на благодарности за мое воскрешение, второе — на действительном положении вещей. Я знаю, кто вы и что вам нужно. Да, я вас знаю в этом ваше несчастье. Тут трудно быть милосердным. Но попробую. Допустим, — продолжал он, — вы откроете тайну локатора. Теперь, поскольку система существует, мы больше никогда не попадемся так глупо, как в тот раз.

Инэш напрягся. Его мозг работал так лихорадочно, пытаясь охватить возможные последствия катастрофы, что казалось, в нем не осталось места ни для чего другого. И тем не менее какая-то часть сознания была отвлечена.

— Что же произошло? — спросил он.

Человек помрачнел. Воспоминания о том далеком дне сделали хриплым его голос.

— Атомная буря, — проговорил он. — Она пришла из иного, звездного мира, захватив весь этот край нашей галактики. Атомный циклон достигал в диаметре около девяноста световых лет, гораздо больше того, что нам было доступно. Спасения не было. Мы не нуждались до этого в звездолетах и ничего не успели построить. К тому же Кастор, единственная известная нам звезда с планетами, тоже был задет бурей.

Он умолк. Затем вернулся к прерванной мыс-

ли:

— Итак, секрет локатора… В чем он?

Советники вокруг Инэша вздохнули с облегчением. Теперь они не боялись, что их раса будет уничтожена. Инэш с гордостью отметил, что, когда самое страшное осталось позади, никто из гэнейцев даже не подумал о себе.

Значит, вы не знаете тайны? — вкрадчиво проговорил Йоал. — Вы достигли очень высокого развития, однако завоевать галактику можем только мы.

С заговорщицкой улыбкой он обвел глазами всех остальных и добавил.

— Господа, мы можем по праву гордиться великими открытиями гэнейцев. Предлагаю вернуться на звездолет. На этой планете нам больше нечего делать.

Еще какой-то момент, пока они не скрылись в своих сферических гондолах, Инэш с тревогой думал, что двуногое существо попытается их задержать. Но, оглянувшись, он увидел, что человек повернулся к ним спиной и неторопливо идет вдоль улицы.

Этот образ остался в памяти Инэша, когда звездолет начал набирать высоту. И еще одно он запомнил: атомные бомбы, сброшенные одна за

другой на город, не взорвались.

— Так просто мы не откажемся от этой планеты, — сказал капитан Горсид. — Предлагаю еще раз поговорить с чудовищем.

Они решили снова спуститься в город-Инэш, Йоал, Виид, и командир корабля. Голос капитана Горсида прозвучал в их приемниках:

CARTIER

— На мой взгляд... — голос капитана; взгляд Инэша улавливал сквозь утренний туман блеск прозрачных гондол, которые опускались вокруг него. — На мой взгляд, мы принимаем это создание совсем не за то, что оно собой представляет в действительности. Вспомните, например, — оно пробудилось и сразу исчезло. А почему?... Потому что испугалось. Ну конечно же! Оно не было хозяином положения. Оно само не считает себя всесильным.

Это звучало убедительно. Инэшу доводы капитана пришлись по душе. И ему вдруг показалось непонятным, чего это он так легко поддался панике. Теперь опасность представлялась перед ним не такой уж реальной. На всей планете всего один человек. Если они действительно решатся, можно будет начать переселение колонистов, словно его вообще нет. Он вспомнил, так уже делалось в прошлом неоднократно. На многих планетах небольшие группки исконных обитателей избежали действия смертоносной радиации и укрылись в отдаленных областях. Почти всюду колонисты постепенно выловили их и уничтожили. Однако, в двух случаях, если ему не изменяет память, туземцы еще удерживали за собой небольшие части своих планет. В обоих

случаях было решено не истреблять их радиацией — это могло повредить самим гэнейцам. Там колонисты примирились с уцелевшими автохтонами. А тут и подавно — всего один обитатель, он не займет много места!

Когда они его обнаружили, человек деловито подметал нижний этаж небольшого особняка. Он отложил веник и вышел к ним на террасу. На нем теперь были сандалии и свободная развевающаяся туника из какой-то ослепительно сверкающей материи. Он лениво посмотрел на них и не сказал ни слова.

Переговоры начал капитан Горсид. Инэш только диву давался, слушая, что он говорит механическому переводчику. Командир звездолета был предельно откровенен: так решили заранее. Он подчеркнул, что гэнейцы не собираются оживлять других мертвецов этой планеты. Подобный альтруизм был бы противоестественным, ибо все возрастающие орды гэнейцев постоянно нуждались в новых мирах. И каждое новое возрастание населения выдвигало одну и ту же проблему, которую можно разрешить одним только путем… Но в данном случае колонисты добровольно обязуются не посягать на права единственного уцелевшего обитателя планеты.

В этом месте человек прервал капитана Горсида:

— В чем же цель этой бесконечной экспансии?

Казалось, он был искренне заинтересован.

— Предположим, вы заселите все планеты нашей галактики? А что дальше?

Капитан Горсид обменялся взглядом с Йоалом, затем с Инэшем и Виидом в полном недоумении. Инэш отрицательно покачал туловище из стороны в сторону. Он почувствовал жалость к этому созданию. Человек не понимал и, наверное, не способен понять. Старая история! Две расы, жизнеспособная и угасающая, держались противопожных точек зрения: одна стремилась к звездам, а другая склонялась перед неотвратимостью судьбы.

— Почему бы вам не установить контроль над своими инкубаторами? — настаивал человек.

— И вызвать падение правительства? — сыронизировал Йоал. Он проговорил это снисходительно, и Инэш увидел, как все остальные тоже улыбаются наивности человека. Он почувствовал, как расширяется интеллектуальная пропасть между ними. Это существо не понимало природы жизненных сил, управляющих миром.

— Хорошо, — снова заговорил человек. — Если

вы не способны ограничить свое размножение, это сделаем за вас мы.

Наступило молчание.

Гэнейцы начали костенеть от ярости. Инэш чувствовал это сам и видел те же признаки у других. Его взгляд переходил с лица на лицо и возвращался к двуногому созданию, по-прежнему стоявшему в дверях. Уже не в первый раз Инэш подумал, что их противник выглядит совершенно беззащитным.

«Сейчас, — подумал он, — я могу обхватить его щупальцами и раздавить!»

Умственный контроль над внутриядерными процессами и гравитационными полями, сочетается ли он со способностью отражать чисто механическое, макроскопическое нападение? Инэш думал, что сочетается. Сила, проявление которой они видели два часа назад, конечно, должна была иметь какие-то пределы. Но они не знали этих пределов. Но все это теперь не имело значения. Сильнее они или слабее — неважно. Роковые слова были произнесены: «Если вы не способны ограничить, это сделаем мы за вас!»

Эти слова еще звучали в ушах у Инэша, и чем глубже их смысл проникал в его сознание, тем менее изолированным и отчужденным чувство-

вал он себя. До сих пор он считал себя зрителем, и только. Даже протестуя против дальнейших воскрешений, Инэш действовал, как не заинтересованое лицо, наблюдающее за драмой со стороны, но не участвующее в ней. Только сейчас он с предельной ясностью понял, почему он всегда уступал и в конечном счете соглашался с другими. Возвращаясь в прошлое, к самым отдаленным дням, теперь он видел, что никогда по-настоящему не считал себя участником захвата новых планет и уничтожения чуждых рас. Он просто присутствовал при сем, размышлял, рассуждал о жизни, не имевшей для него значения. Теперь это понятие конкретизировалось. Он больше не мог, не хотел противиться могучей волне страстей, захлестнувшей его. Сейчас он мыслил и чувствовал заодно с необъятной массой гэнейцев. Все силы и все желания расы бушевали в его крови.

— Слушай, двуногий! — прорычал он. — Если ты надеешься оживить свое мертвое племя — оставь эту надежду!

Человек посмотрел на него, но промолчал.

— Если бы ты мог нас всех уничтожить, — продолжал Инэш, — то давно бы уже это сделал. Но все дело в том, что сил у тебя недостаточно. Наш

корабль построен так, что на нем невозможна никакая цепная реакция. Любой частице потенциально активной материи противостоит пассивная античастица, не допускающая образования критических масс. Ты можешь взорвать наши двигатели, но эти взрывы останутся тоже изолированными, а их энергия обратится на то, для чего двигатели предназначены, — превратится в движение.

Инэш почувствовал прикосновение Йоала.

— Осторожней! — шепнул историк. — В запальчивости ты можешь выболтать один из наших секретов.

Инэш стряхнул его щупальце и сердито огрызнулся:

— Не будь наивным! Этому чудовищу достаточно было взглянуть на наши тела, чтобы разгадать почти все тайны нашей расы. Нужно быть дураками, чтобы воображать, будто оно еще не взвесило свои и наши возможности в данной ситуации.

— Инэш! — рявкнул капитан Горсид.

Услышав металлические нотки в его голосе, Инэш отступил и ответил:

— Слушаюсь.

— Его ярость остыла так же быстро, как и вспыхнула.

— Мне кажется, — продолжал капитан Горсид, — я догадываюсь, что вы намеревались сказать. Я целиком с вами согласен, но в качестве высшего представителя Гэйны считаю своим долгом предъявить ультиматум.

Он повернулся. Его рогатое тело нависло над человеком.

— Ты осмелился произнести слова, которым нет прощения. Ты сказал, что вы попытаетесь ограничить движение великого духа Гэйны.

— Не духа, — прервал его человек. Он тихонько рассмеялся. — Вовсе не духа!

Капитан Горсид пренебрег его словами.

— Поэтому, — продолжал он, — у нас нет выбора. Мы полагаем, что со временем, собрав необходимые материалы и изготовив соответствующие инструменты, ты сумеешь построить воскреситель. По нашим расчетам, на это понадобится не менее двух лет, даже если ты знаешь все. Это необычайно сложный аппарат, и собрать его единственному представителю расы, которая отказалась от машин за тысячелетие до того, как была уничтожена, будет очень и очень непросто.

Ты не успеешь построить звездолет. И мы не дадим тебе построить воскреситель. Через считанные минуты наш корабль начнет бомбар-

дировку. Возможно, ты сумеешь оградить себя от взрывов на каком-то расстоянии вокруг себя. Тогда мы полетим к другим материкам. Если ты помешаешь и там, значит нам понадобится помощь. Через шесть месяцев полета с наивысшим ускорением мы достигнем точки, откуда ближайшие колонизированные гэнейцами планеты услышат наш призыв. Они пошлют огромный флот; ему не смогут противостоять все твои силы. Сбрасывая по сотне или тысяче бомб в минуту, мы уничтожим все города, так что от скелетов твоего народа не останется даже праха.

Таков наш план. И так будет. А теперь делай с нами, что хочешь — мы в твоей власти.

Человек покачал головой.

— Пока я ничего не буду делать, — сказал он и подчеркнул: — Пока ничего.

Помолчав, добавил задумчиво:

— Вы рассуждаете логично. Очень. Разумеется я не всемогущ, но мне кажется, вы забыли одну маленькую деталь. Какую — не скажу. А теперь прощайте. Возвращайтесь на свой корабль и летите, куда хотите. У меня еще много дел.

Инэш стоял неподвижно, чувствуя, как ярость разгорается в нем. Потом, зашипев, он прыгнул, растопыривая щупальца. Они уже почти каса-

лись нежного тела, как вдруг что-то отшвырнуло его…

Очнулся Инэш на звездолете.

Он не помнил, как очутился тут, он не был ранен, не испытывал никакого потрясения. Он беспокоился только о капитане Горсиде, Виде, Йоале, но все трое стояли рядом с ним такие же изумленные. Инэш лежал неподвижно и думал о том, что сказал человек: «… вы забыли одну маленькую деталь…» Забыли? Значит, они ее знали! Что же это такое? Он все еще раздумывал над этим, когда Йоал сказал; Глупо надеяться, что наши бомбы хоть что-нибудь сделают!

Он оказался прав…

* * *

Когда звездолет удалился от Земли на сорок световых лет, Инэша вызвали в зал Совета. Вместо приветствия Йоал уныло сказал:

— Чудовище на корабле.

Его слова как громом поразили Инэша, но вместе с их раскатами на него снизошло внезапное озарение.

— Так вот о чем мы забыли! — удивленно и громко проговорил он наконец. — Мы забыли, что при желании он может передвигаться в про-

странстве в пределах… — как это он сказал?.. — в пределах девяноста световых лет.

Инэш понял. Гэнейцы, которым приходилось пользоваться звездолетами, разумеется, не вспомнили о такой возможности. И удивляться тут нечему. Постепенно действительность начала терять для него свое значение. Теперь, когда все свершилось, он снова почувствовал себя измученным и старым, он снова был отчаянно одинок.

Для него чтобы ввести его в курс дела, понадобилось всего несколько минут. Один из физиков-ассистентов по дороге в кладовую заметил человека в нижнем коридоре. Странно только, что никто из многочисленной команды звездолета не обнаружил чудовище раньше.

«Но ведь мы в конце концов не собираемся опускаться или приближаться к нашим планетам, — подумал Инэш. — Каким образом он сможет нами воспользоваться, если мы включим только видео?..»

Инэш остановился. Ну, конечно, в этом все дело! Им придется включить направленный видеолуч, и, едва контакт будет установлен, человек сможет определить нужное направление.

Решение Инэш прочел в глазах своих сопле-

менников — единственно возможное в данном случае решение. И все же ему казалось, что они что-то упустили, что-то очень важное. Он медленно подошел к большому видеоэкрану, установленному в конце зала. Картина, изображенная на нем, была такой яркой, такой прекрасной и величественной, что непривычный разум содрогался перед ней, как от вспышки молнии. Даже его, хотя он видел это неоднократно, охватывало оцепенение перед этой немыслимой, невообразимой бездной космоса. Это было изображение части Млечного Пути. Четыреста миллионов звезд сияли, будто в окуляре гигантского телескопа, способного улавливать даже мерцание красных карликов, удаленных на расстояние тридцати тысяч световых лет.

Видеоэкран был диаметром в двадцать пять ярдов, — таких телескопов просто не существовало нигде, и к тому же в других галактиках не было столько звезд.

И только одна из каждых двухсот тысяч сияющих звезд имела пригодные для заселения планеты.

Именно этот факт колоссального значения заставил их принять роковое решение. Инэш устало обвел всех глазами. Когда он заговорил,

голос его был спокоен:

— Чудовище рассчитало прекрасно. Если мы полетим дальше, оно полетит вместе с нами, овладеет воскресителем и вернется доступным ему способом на свою планету. Если мы воспользуешься направленным лучом, оно устремится вдоль луча, захватит воскреситель и и опять же вернется к себе раньше нас. В любом случае, прежде чем наши корабли долетят до планеты, двуногий успеет оживить достаточное количество своих соплеменников, и тогда мы будем бессильны.

Он содрогнулся всем телом. Рассуждал он правильно, и все же ему казалось, что в его мыслях есть пробел. Инэш медленно продолжал:

— Сейчас у нас только одно преимущество. Какое бы решение мы не приняли, без машины-переводчика он его не узнает. Мы можем выработать план, который для него останется тайной. Он знает, что ни мы, ни он не может взорвать корабль. Нам остается единственный выход.

Капитан Горсид прервал наступившую тишину:

— Итак, я вижу, вы знаете все. Мы выключим двигатели, взорвем приборы управления и по-

гибнем вместе с чудовищем.

Они обменялись взглядами, и в глазах у всех была гордость за свою расу. Инэш по очереди коснулся щупальцем каждого.

Час спустя, когда температура в звездолете ощутимо поднялась, Инэшу пришла в голову мысль, заставившая его устремиться к микрофону и вызвать астронома Шюри.

— Шюри! — крикнул он. — Вспомни, Шюри, когда чудовище пробудилось и исчезло… Ты помнишь? — Капитан Горсид не мог сразу заставить твоих помощников уничтожить локаторы. Мы так и не спросили их, почему они медлили. Спроси их! Спроси сейчас!..

Последовало молчание, потом голос Шюри слабо донесся сквозь грохот помех:

— Они… не могли… проникнуть… отсек… Дверь… была заперта.

Инэш мешком осел на пол. Вот оно! Значит они проморгали не только одну деталь! Человек очнулся, все понял, стал невидимым и сразу устремился на звездолет. Он постиг тайну локатора и тайну воскресителя, если только не осмотрел его в первую очередь. Когда он появился снова, он уже взял от них все, что хотел. А все остальное понадобилось чудовищу, чтобы толкнуть их на

этот акт отчаяния, на самоубийство.

Сейчас, через несколько мгновений он покинет корабль в твердой уверенности, что вскоре ни одно живое существо не будет знать о его планете, и в такой же твердой уверенности, что его раса возродится, будет жить снова и отныне уже никогда не погибнет.

Потрясенный Инэш зашатался, цепляясь за рычащий приемник, и начал выкрикивать в микрофон последнее, что он понял. Ответа не было. Все заглушал рев невероятной, неуправляемой уже энергии. Жар начал размягчать его бронированный панцирь, когда Инэш, запинаясь, попробовал дотащиться до силового регулятора. Навстречу ему рванулось багровое пламя. Визжа и всхлипывая, он бросился обратно к передатчику.

Несколько минут спустя он все еще пищал в микрофон, когда могучий звездолет нырнул в чудовищное горнило сине-белого солнца.

Мюррей Лейнстер
Чужаки

В 4 часа 3 минуты по бортовому времени «Никкола» покинул орбиту Теты в солнечной системе Гозиль.

Теперь можно было с уверенностью сказать, что Тета не является колыбелью цивилизации плуми. Своей цели «Никкола» не достиг — откуда приходят плуми, осталось невыясненным. Не удалось обнаружить даже ни одного высокого, конического кургана с силиконо-бронзовыми тарелками — единственных свидетелей существования плуми.

Такие тарелки находили на планетах кислородного типа, разбросанных в пространстве радиусом до 1 200 световых лет. Возраст некоторых тарелок достигал ста лет. На других налет окиси образовался всего за несколько месяцев или недель, а то и дней до прибытия землян.

Не всем нравилось, что галактика оказалась достаточно большой, чтобы вместить в себя две расы разумных существ, способных к космическим путешествиям. Людей этот факт тревожил.

«Никкола» взял курс к центру системы Гизоль,

чтобы поискать плуми на более близких к солнцу планетах.

Продвигаясь к цели, корабль миновал остывшую планету, пересек орбиты трех других. Последняя оказалась газовым гигантом с бесчисленным роем спутников. Теперь она осталась в тридцати миллионах миль сзади...

Джон Бэрд, как обычно, находился в комнате пультов радиолокаторов. Он принадлежал к числу тех, кто надеялся, что плуми не окажутся врагами человечества.

Напротив него за своим рабочим местом сидела Диана Холт. Ее темная головка склонилась над экраном. Диана обязана была наносить на карту орбиты метеорных потоков. Никто из космонавтов даже не попытался бы пройти сквозь солнечную систему без такой карты. На корабле все шло своим чередом. В помещении двигателей царили тишина и покой. Шкипер вел себя так, как ведет себя любой шкипер, когда все обстоит нормально. Начальник вооружения Тэйн был занят собственными мыслями. В навигаторской рубке второй помощник следил за курсом.

Диана медленно манипулировала рычажками радара. На ровно мерцающем экране вдруг ярко вспыхнуло и тут же исчезло неясное изоб-

ражение.

— Вижу какую-то глыбу, — доложила она в селектор, — похожа на комету, потерявшую газовый хвост. Вокруг нее — рой метеоров.

В тот же момент — 4 часа 10 минут по корабельному времени — раздался сигнал тревоги. В коридоре захлопали двери. Этот сигнал мог означать только одно — от него учащалось дыхание или замирало сердце.

На экране телевизора замерцало лицо шкипера.

— Плуми? — голос его от волнения звучал чуть хрипло. — Эй, Бэрд, это плуми?

Пальцы Бэрда поспешно крутили ручки локаторов.

— Потерян контакт, сэр, — наконец доложил он, — что-то мешает нам.

Все встревожились. Радарная система, которая мгновенно давала точную информацию, не была делом рук любителей. Ее создала высокоразвитая промышленность.

Проходили секунды. Они казались годами. На круговом экране не появлялось ничего. Ничего, кроме того, о чем бы радар не сообщал раньше. Гигантская газовая планета могла вернуть сигнал лишь через несколько минут.

— Ни одного нового объекта в радиусе полумиллиона миль, — монотонно докладывал Бэрд, — ничего нового в радиусе трех четвертей миллиона миль... — Наконец: — Ничего нового в радиусе миллиона миль.

Следующее распоряжение шкипера звучало в достаточной степени язвительно:

— В таком случае разглядите получше те объекты, которые не являются новыми.

Шкипер повернулся к другому микрофону:

— Тэйн! Дайте вашим людям команду находиться в полной боевой готовности. Отсеку двигателей подготовиться к маневру. Аварийной команде надеть скафандры и занять свои посты. Бэрд, как насчет «не новых объектов»?

Диана фыркнула. Бэрд коротко сказал:

— Только один подозрительный объект, и тот не вызывает особых подозрений, сэр. Мы его определяем как бесхвостую комету.

Все же он еще раз нажал на кнопку. Поток микрокоротких волн устремился в пустоту космоса. Минули секунды — и сигнал вернулся на корабль, неся с собой требуемые сведения. Предмет, который они зарегистрировали, не имел ничего общего с кометой. Поляризованные лучи вернулись обратно деполяризованными, с та-

кими изменениями, которые говорили, что они отразились от округлого предмета с постоянной формой, изготовленного из бронзы, возможно из силиконовой бронзы.

— Это могут быть только плуми, сэр, — доложил Бэрд. — Верно, они прибрали к рукам наш ориентировочный луч и послали к нам единичный импульс, чтобы самим определить, кто мы и что мы. Полагаю также, что сейчас они анализируют наши лучи и знают уже, что обнаружены.

Шкипер выругался.

— Сколько их? — спросил он. — Может, там целый флот?

— Сейчас проверю, сэр, - сказал Бэрд и добавил: — Но пока мы не уловили никакой настроенной радиации из внешнего пространства. Возможно, они не ведут никаких передач, чтобы ввести нас в заблуждение.

— Выясните, сколько их! — прогремел шкипер. — И поживее!

Диана, более бледная, чем обычно, не отрывалась от радара.

«Никкола» был снаряжен отлично. Во время последней стоянки на Земле его специально оборудовали для «охоты» за плуми и налаживания с ними контакта. С тех пор как обнаружили их

следы, это стало важнейшей задачей Службы космических изысканий. Решение задачи волновало все человечество. Вот почему на «Никкола» установили 24 ракетных аппарата и специальные двигатели, не говоря уже о самой совершенной радиолокационной и счетно-решающей системах, которые были созданы человеческой расой. Без этого вряд ли стоило вторгаться в планетную систему, принадлежащую плуми.

В действие вступала еще одна радиолокационная установка. Ее показания автоматически наносились на трехмерную карту. Мерцали экраны осциллографов. Они должны были мгновенно обнаружить и сообщить самые точные данные о любом предмете из силиконовой бронзы на пути лучевого потока.

Первыми начали обследовать ближайшие объекты. Все решала скорость. Однако для получения трехмерного изображения требовалось время. Информация поступала: никаких других объектов из силиконовой бронзы в радиусе четверти миллиона миль... полумиллиона миль... миллиона... миллиона с половиной... двух миллионов.

Бэрд вызвал навигаторскую.

— Похоже, что этот плуми — единственный, — доложил он.

— Ну что ж, — отозвался шкипер, — тогда нанесем ему визит, Тэйн! Доложите план действий.

Бэрд покачал головой. Ведь «Никкола» должен был нагнать и изучить корабль плуми так, чтобы они не заподозрили, что обнаружены.

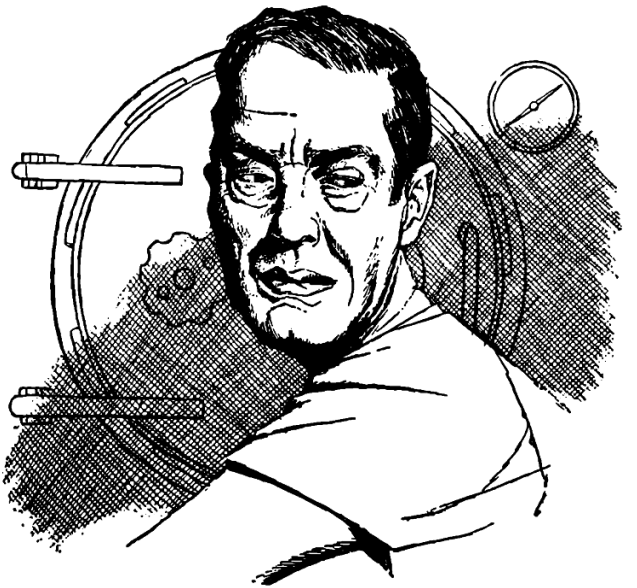
Из простой предусмотрительности на борту «Никкола» находился Тэйн — специалист по вооружению. Он обладал прирожденной подозрительностью и ненавистью ко всему чужому. Этот ксенофоб никогда не смог бы служить на корабле с экипажем из разумных существ, принадлежащих к разным мирам. И то, что делало его идеальным начальником вооружения «Никкола», навсегда закрывало ему доступ на пост командира корабля.

Зато окажись плуми врагами, никто не проник так хорошо в их замыслы, как Тэйн.

Но Бэрд не допускал такой мысли. Он не хотел заведомо считать плуми врагами. Ведь все находки в курганах — силиконо-бронзовые тарелки с изображениями птичьих перьев[13], от которых произошло и само название «плуми», — не приносили нового. Люди ничего не знали ни о цивилизации плуми, ни о них самих.

---

[13] notes: 13
Plumy (англ.) - перо



Иллюстрации

VAN DONGEN

Когда Тэйна пригласили на совещание в навигационную рубку — это было в 5 часов 10 минут по бортовому времени, — «Никкола» уже свернул со своего курса и мчался по направлению к кораблю плуми. А тот уходил к солнцу, продолжая прикрываться метеорным роем неизвестной кометы. Это был великолепный способ избежать наблюдения.

Теперь каждый корабль знал о существовании другого.

Бэрд удостоверился, что курс «Никкола» точно соответствует расчетному для перехвата на полной скорости, и сказал:

— Хотел бы я знать, как плуми истолкуют это изменение курса? Они знают, что мы не считаем их больше метеоритом. Но атака на них, даже без попытки установить связь, может сослужить нам дурную службу. Мы будем идиотами, если сразу ввяжемся в бой.

Он нажал кнопку, вызывая шкипера:

— Сэр! Я предлагаю попытаться установить связь с кораблем плуми. Мы обязаны сделать все, чтобы стать друзьями, чтобы сохранить чистую совесть.

Тэйн, по-видимому, находился в рубке, потому что до Бэрда донесся его резкий голос:

— Я категорически возражаю, сэр! Они не должны иметь представления об уровне наших достижений!

— Я думаю, что они уже осведомлены о них, — холодно сказал Бэрд.

Наступило молчание, нарушаемое лишь мерным гулом работающих двигателей. Бэрд подумал, что если бы не этот звук, можно было сойти с ума от тишины. Шкипер, наконец, пробурчал:

— Будь я проклят, Бэрд, если вам придется ждать приказа! Я готов просить вас об этом! Валяйте!

Джон оживился:

— Диана! Пошлите первый ролик!

Девушка вставила в передатчик ленту, надела наушники. Передача началась.

Предполагалось, что комбинация сигналов явно искусственных и явно констатирующих факты, известные обеим расам, будет самым разумным способом для установления контакта.

Лента отстукивала вначале серию числительных — от одного до пяти, а затем последовательно от «один плюс один» до «пять плюс пять» и, наконец, до «пятью пять». Это не было слишком сложной задачей для разумных существ других миров.

Бэрд нахохлился, поджав губы. Диана тоже молчала в ожидании ответных сигналов. Пока что им ничего не оставалось, как слушать распоряжения, передаваемые через громкоговоритель по всему кораблю.

В общем хоре голосов Джон различал Тэйна:

— Ракетной команде навинтить на нечетные ракеты обычные боеголовки, на четные — атомные. Об исполнении доложить.

Диана изо всех сил напрягала слух, чтобы не пропустить ответного сигнала, который свидетельствовал бы о готовности плуми вступить в переговоры.

А пока что чужой корабль по-прежнему прорезал пустоту.

Время текло. В пустоте ослепительно сияло солнце. Гигантская газовая планета сверкающим шаром словно катилась к нему, опутанная шлейфом своих бесчисленных спутников.

Корабль плуми казался вначале блестящей золотой точкой, потом точка превратилась в диск.

Вскоре корабли оказались в двадцати милях друг от друга.

— Черт побери этих петухов! — выругался шкипер. — Бэрд, как там со связью?

— Они не отвечают, — угрюмо буркнул Джон.

По выражению лица Дианы он понимал, что в ее наушниках не звучало ничего. Резко и отрывисто прозвучала команда Тэйна:

— Приготовиться к залпу нечетными ракетами!

Пока еще ничего не произошло. Оба корабля, не приближаясь и не удаляясь друг от друга, мчались к солнцу. Но с каждой секундой возрастала необходимость действовать — как угодно, но действовать.

— Бэрд! — шкипер явно нервничал. — Должны же вы, наконец, найти способ связаться с ними!

— Я и пробую это сделать, — с горечью ответил Бэрд, — в соответствии с инструкцией.

Но он не был согласен с этой инструкцией. Официальная теория утверждала, что арифметические символы, повторяемые в определенной последовательности, — единственно возможный путь для открытия переговоров. Предполагалось, что любое разумное существо догадается, что подобный порядок сигналов означает попытку установить связь.

Но Бэрд полагал, что одни и те же неизменные сигналы плуми могли просто-напросто принять за результат действия какой-нибудь машины и не обратить на них никакого внимания.

Прежде чем Джон решил, наконец, обратиться за разрешением вступить в переговоры по собственному методу, тишину внезапно нарушили громкие крики:

— Что это?

— Что он делает?

Золотой диск плуми пришел в странное колебательное движение, похожее на эксцентричное падение осеннего листа. Покачивания корабля в пространстве чем-то неуловимо напоминали перемещение боксера на ринге перед началом схватки.

Команда Тэйна перекрыла гул голосов.

— Все нечетные ракеты — огонь!

Шкипер что-то выкрикнул, но было уже поздно. Пронзительный рев ракет, вырывающихся из своих гнезд, заглушил его слова.

Плуми тем временем приблизились к «Никкола» на четыре мили. Снова послышался голос Тэйна:

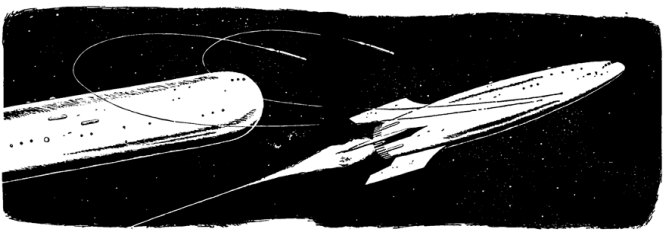
— Зарядить нечетные аппараты. На четных заменить атомные головки обычными. Дистанция слишком сократилась.

Бэрд схватился за голову. Он терпеть не мог Тэйна. Начальник вооружений даже на «Никкола» чуть не в каждом члене экипажа видел

врага. Но сейчас Тэйн был дважды прав: плуми действительно подошли слишком близко, а кто мог разобраться в их намерениях? Прав он был и в том, что приказал сменить головки — атомный взрыв на таком расстоянии неминуемо разрушил бы и «Никкола», не говоря уже о том, что от плуми не осталось бы ничего стоящего для исследования.

Корабль плуми, разумеется, видел вспышки ракет, но, словно не обратив на них никакого внимания, продолжал свой загадочный танец, приближаясь все ближе и ближе.

«Никкола» повернулся к плуми другим бортом: к чужому кораблю устремились еще шесть ракет. Неудержимо и стремительно они неслись к цели. Но с первой шестеркой произошло что-то странное: одна из ракет вдруг круто свернула влево, другая вправо, третья, четвертая, пятая, шестая, не слушая управления, совершили какой-то сумасшедший разворот и помчались назад к «Никкола».



Это казалось кошмаром, чудовищным, невероятным. Истерически закричал Тэйн:

— Взрывайте их! Взрывайте, иначе они разнесут нас! Операторы из группы вооружений едва успели уничтожить ракеты, как вторая шестерка, круто отвернув от плуми, последовала за первой. Ничего не оставалось, как взорвать и их.

Цепенящий страх охватил экипаж «Никкола». Все молчали. Тишину нарушали лишь злобные ругательства Тэйна в адрес «проклятых петухов».

Бэрд продолжал до боли в глазах всматриваться в экран. Наконец микроволны пробили туман быстро ионизирующихся газов.

— Радар действует, — доложил он, — их корабль по-прежнему падает на нас.

Шкипер спросил необычно спокойно:

— Как насчет других плуми?

Диана вмешалась:

— Никаких признаков. Похоже, в пределах действия радара это единственный корабль.

Бэрд в эти минуты ненавидел плуми. И не только потому, что они отказались от контакта и пошли на бой. Теперь «Никкола» уже обязан был помешать им уйти с известием о существовании людей и их тактике. Если не сделать этого, плуми подготовят флот — и участь человечества будет решена.

Он поднял голову и горько, словно виня самого себя, обратился к Диане:

— Если бы я знал, как все случится, то я... во всяком случае, ни за что не придерживался бы этой официальной инструкции. Я думаю, мы влипли, — добавил он невесело. — Судя по тому, с какой быстротой они прибрали к рукам наши ракеты...

В голову Джона пришла неожиданная мысль.

— Ракеты, ракеты... — лихорадочно бормотал он, нажимая на кнопку вызова.

— Шкипер? Это я, Бэрд. Слушайте, чтобы отразить наши ракеты какими-то отталкивающими

лучами, плуми потребовалось время. Всего — я засек — у них ушло сорок секунд на двенадцать штук. Если обернуться поживее, то...

— Ясно! — прогремел в ответ шкипер. — Тэйн! Если подпустить плуми поближе, то они ничего не успеют сделать.

Тэйну не нужно было повторять дважды. Он уже отдавал приказания своим людям. Через несколько мгновений две ракеты были готовы к бою.

— Боюсь, что Тэйн — теперь наш единственный шанс, — с горечью сказал Бэрд. От сознания, что это так, на душе у него стало совсем скверно.

Разнесся гул двух вылетевших одна за другой ракет. А затем радар рассказал, что произошло. Корабль плуми все так же пританцовывал в желтых лучах чужого солнца. Ракеты были отброшены и взорвались в двух милях от «Никкола».

Шкипер приказал Тэйну:

— Перед следующим залпом я ринусь к плуми на полной скорости, чтобы сократить дистанцию. Готовьтесь!

«Никкола» содрогнулся от рева магнетронных двигателей, развивших полную мощность. Корабли разделяло не более мили, когда Тэйн дал залп всем бортом. Казалось, уж теперь-то участь

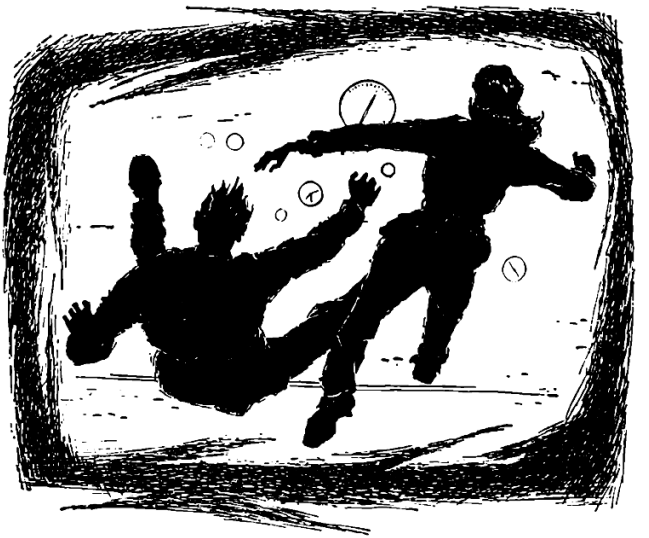
плуми решена. Ракет было попросту слишком много, чтобы успеть отразить их все до одной. Но и эта уловка оказалась тщетной. Маневр плуми был поистине хитроумен — с ужасающей скоростью они устремились навстречу ракетам, и те не успели среагировать на цель.

— Полный назад, — прохрипел шкипер. Рот у него пересох от волнения. Плуми шли на сближение, словно решили самоубийственным ударом разрушить оба корабля.

В тот миг, когда, казалось, все было кончено, корабль плуми внезапно замер, словно что-то оборвалось в нем. Потом покачнулся и стал медленно, как поплавок на воде, разворачиваться кормой к «Никкола». Снова замер — безжизненный, словно судно, брошенное в океане.

Шкипер выкрикивал еще что-то. Ругался, словно от его ругани мог быть какой-то толк. «Никкола» дрожал как в лихорадке. Магнетронные двигатели ревели. Все механизмы работали на пределе. Шкипер требовал от них чуда, но перегрузка была напрасной. Какая-то непонятная сила неудержимо притягивала «Никкола» к золотистому корпусу корабля плуми. Раздался ужасающий скрежет, экраны радара ослепительно вспыхнули и померкли. Чудовищной силы

толчок сбросил Бэрда с кресла и отшвырнул к противоположной стене. Погас свет...



— Диана! Диана!

Полуоглушенный Бэрд чувствовал, что сойдет

с ума, если не услышит ее голоса.

В коридоре с грохотом автоматически сдвигались аварийные перегородки, звенели стекла, пронзительно завывали сигнальные сирены.— Я... здесь, — наконец простонала девушка, — ушиблась сильно, но, кажется, все в порядке...

Бэрд попытался приподняться и тут же повис где-то посреди комнаты. Установка искусственной силы тяжести, по-видимому, вышла из строя.

Ориентируясь по аварийной лампочке, Бэрд добрался до пульта связи. На ощупь вызвал навигаторскую рубку.

— Говорит радарное помещение, — доложил он. — Сила тяжести исчезла, но больших разрушений, по-моему, нет.

Теперь ему оставалось лишь ждать. Из громкоговорителей стали доноситься голоса.

Сила тяжести исчезла всюду. Аварийное освещение действовало, атмосферное давление внутри корабля не упало, за исключением четырех отсеков между внутренним и внешним корпусами.

— Бэрд! — послышался голос шкипера. — Мы слепы. Забудьте обо всем, кроме того, как вернуть нам зрение!

— Попробую, — отозвался Джон, — но за успех не ручаюсь.

С помощью Дианы он приступил к работе. Им было не слишком удобно: то, что раньше было полом, теперь стало стеной. За инструментом приходилось плавать по всей комнате. Бэрд догадался в чем дело: «Никкола» кружился как волчок, и центробежная сила сводила на нет искусственную силу тяжести внутри корабля.

Через несколько минут ему удалось наладить один экран.

— Корабль плуми вверху, — доложил он шкиперу итог первых наблюдений, — мы сцепились и вертимся вместе! Похоже, приварились друг к другу добрыми двадцатью футами корпуса.

— Проклятье! — выругался шкипер. — Аварийным командам вооружиться и приготовиться взять на абордаж этих плуми. Впрочем, — хмыкнул он про себя, — если они сумели так ловко зацепить нас, то вряд ли позволят захватить свой корабль...

Бэрд принялся налаживать остальные экраны. Теперь это было важнее всего.

Вскоре он уже смог доложить:

— Никаких объектов в радиусе миллиона миль, если не считать корабля, к которому мы прива-

рились.

На экране радара, обращенного к кораблю плуми, появилось неясное изображение бортового отверстия. Потом в нем появилась какая-то фигурка. Детали было трудно различить, но фигурка явно шевелилась.

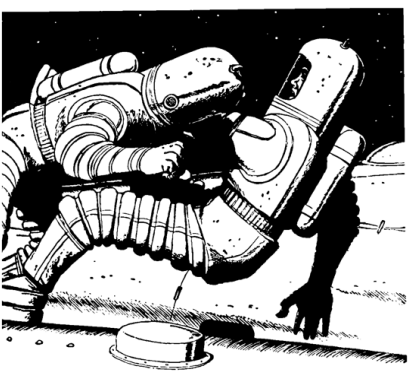
Как зачарованный Бэрд не отрывал глаз от первого живого плуми, когда-либо увиденного человеком. Он махнул рукой Диане, подзывая ее к экрану, но девушке было не до него. Склонившись над приборами, она пыталась определить положение «Никкола» в пространстве.

Это приваривание было результатом боевой тактики плуми. Отталкивающие и притягивающие лучи были известны и людям, но использовались ими лишь для очень ограниченных целей. Образование таких лучей требовало накопления чудовищного количества статических зарядов. Поэтому люди обычно не имели с ними дела. Плуми же, по-видимому, имели.

После расправы с ракетами «Никкола» золотистый корабль находился под напряжением в миллиарды вольт. И когда силиконо-бронзовый корпус плуми коснулся кобальто-стального, он не мог не поделиться с последним своим зарядом.

При грандиозном разряде часть обшивки обоих

кораблей мгновенно испарилась, часть расплавилась. А противники оказались соединенными самым совершенным сварочным швом, о котором только можно мечтать.



Бэрд затаив дыхание продолжал наблюдать за одинокой фигуркой на борту и докладывать шкиперу:

— Оно небольшое — меньше пяти футов. На нем скафандр — похоже, из того же самого материала,

что и корабль... Передвигается на двух ногах, как и мы... Имеет две руки или что-то в этом роде... Шлем на голове очень высокий, как у древних рыцарей... Направляется к нашему входному шлюзу... Оно не пользуется магнитной обувью...

Шкипер прервал холодно:

— Мистер Бэрд! Меня не интересует отсутствие магнитной обуви. Следите лучше за более важными вещами. Оставьте наблюдать Диану Холт, а сами отправляйтесь к входному шлюзу, и побыстрее!

Бэрд, согнувшись, выскользнул из помещения радаров и зашагал по полу, который вообще-то был стеной. Корабль, видимо, вертелся уже с меньшей скоростью, так как снова появилась сила тяжести, хотя и меньше в несколько раз, чем нормальная.

Джон подошел к шлюзу одновременно со шкипером. Здесь уже стояло несколько человек — из числа подчиненных Тэйна, — все в скафандрах и с оружием.

— И мы и создания на корабле плуми находимся в очень затруднительном положении, — обратился шкипер к собравшимся, — один из плуми сейчас будет здесь. Никакой враждебности, недружелюбия или угроз. Это парламентер...

Его слова прервал звон металла — стучали снаружи. Шкипер кивнул Бэрду.

— Впустите его!

Бэрд открыл внутреннюю дверь шлюза. Это было в 8 часов 10 минут по бортовому времени.

Медленно и осторожно в коридор «Никкола» ступил плуми. Ростом он был с десятилетнего мальчика. Его скафандр с инженерной точки зрения казался совершенным. Когда он говорил, звуки — очень высокие и звенящие — издавал маленький прибор на его плече.

Плуми осматривался вокруг с живым любопытством.

— Говорить с ним бессмысленно, — буркнул шкипер. Словно поняв, о чем идет речь, плуми вытащил из ящичка на поясе плоскую пластинку с белой поверхностью и протянул ее шкиперу.

— Мы должны это как-то увековечить, — неуверенно проговорил шкипер, словно ища поддержки.

Он взял пластинку в руки.

— Здесь нарисованы наши корабли как они есть сейчас, сцепившиеся.

Шкипер вернул пластинку. Плуми быстро начертил на ней что-то и протянул снова.

- Хм, — сказал шкипер. — Они не могут исполь-

зовать свой двигатель, пока не отцепятся.

Плуми добавил к рисунку еще несколько линий.

- Хо! — сказал шкипер. — Он предлагает использовать наш двигатель для обоих кораблей. Будем считать, что у нас перемирие. Положение одинаковое: мы не можем воевать, если не хотим покончить самоубийством...

Из-за плеча шкипера Бэрд видел рисунок.

- Сэр, — решил он вмешаться, — эти добавочные линии — координаты. Я полагаю, что он хочет сказать, что наши корабли потеряли курс и стремятся к солнцу и что мы должны предпринять совместные усилия, чтобы избежать этого.

— Только этого нам и не хватало,. — взорвался шкипер, — забраться в это место, ввязаться в идиотскую драку, припаяться к их кораблю и в довершение всех бед вместе сгореть!

В динамике послышался голос Дианы:

— Сэр! Измерения показывают, что мы летим прямо к солнцу! Я повторяю наблюдения.

Шкипер задумался. Неожиданно перед ним вырос Тэйн.

— Почему этот плуми не снимает своего шлема? Ведь он находится в кислородной атмосфере.

Бэрд жестом предложил гостю снять шлем. Тот

понял и на мгновенье нажал какой-то вентиль на скафандре. Послышался резкий свист вырывающегося наружу газа. Атмосферное давление Земли, по-видимому, было много ниже, чем на планете плуми.

Тэйн продолжал бубнить, но шкипер резко оборвал его:

— Не суйтесь не в свое дело! Надо смотреть фактам в глаза!

Уже мягче он обратился к Бэрду:

— Проведите его по кораблю. Покажите наши расплавившиеся двигатели, и он поймет, что мы никак не можем вытащить его корабль на орбиту. Он знает, что хоть мы и вооружены, но использовать наше оружие на такой дистанции не в состоянии. Поэтому не стоит морочить друг друга. Лучше быть вполне откровенными. Идите!

Широким жестом руки Бэрд предложил плуми следовать за ним. Жестами он объяснил гостю, что корабль перевернут, и показал, с какой скоростью предметы падают при нормальной силе тяжести.

Переносный коммуникатор на руке Бэрда щелкнул, и послышался голос Дианы. Девушка доложила, что, по ее расчетам, корабли окажутся в фотосфере солнца примерно через четырна-

дцать суток и шесть часов.

Плуми выжидающе смотрел на Бэрда. Он выглядел очень элегантно — хрупкая фигурка в золотистых латах и высоком шлеме.

Они добрались до помещения двигателей. Плуми тщательно осмотрел каждую рукоятку, каждую расплавившуюся и полурасплавившуюся катушку. Он явно не мог понять во всех деталях принцип магнетронного двигателя. Бэрд попытался объяснить, да разве жестами изобразишь теорию того, что происходит в кобальтовой стали, когда она магнетизируется более чем в сотню тысяч гауссов!

Затем прошли на ракетную батарею. Генераторная, как и двигатели, сгорела. Здесь плуми снова встал в тупик. Бэрд растолковал ему, что это помещение обеспечивает энергией осветительную систему корабля. Плуми радостно замотал головой — понял.

Следующими были помещения для экипажа. С подкупающей доверчивостью гость шел между двумя рядами улыбающихся человеческих существ, чуть было не уничтоживших его корабль. Бэрд включил свой коммуникатор и соединился со шкипером. — Этот плуми ведет себя, как солдаты в древности, когда носили латы. Они

дерутся, как дьяволы, но во время перемирия дружелюбны и доверчивы. Я думаю, что это часть их цивилизации, а может быть, даже это необходимая часть любой цивилизации. И если я прав, то кто-нибудь с нашего корабля будет приглашен в гости к плуми...

Когда Бэрд с гостем выходили в общий коридор, его задержал Тэйн:

— Даете ему возможность увидеть общую картину? Позволяете шпионить?

Бэрд включил коммуникатор и холодно сказал:

— Я выполняю приказ. Займитесь лучше собственными делами. Этот плуми находится здесь под флагом перемирия.

— Флаг перемирия! — язвительно хохотнул Тэйн. — Это же не человек, это гадина! Я...

— Если вы подойдете к нему хоть на один дюйм, — с вежливой яростью начал было Бэрд, но тут из динамика общего вызова прогремел голос шкипера:

— Мистер Тэйн, немедленно отправляйтесь в свою каюту под арест!

Скрипнув зубами, Тэйн невнятно выругался и удалился.

— Он не совсем нормален, — мягко стал объяс-

нять Бэрд, — и болезненно ненавидит все чужое.

Плуми смотрел на него своими круглыми глазами, и Бэрд подметил в его взгляде выражение, которое бывает у людей, когда они хотят в чем-то разобраться. И вдруг он вспомнил, что плуми его не понимает.

Они вернулись к шлюзу. Плуми вынул свою табличку, что-то начертил и протянул шкиперу.

— Вы оказались правы, Бэрд. Он предлагает кому-нибудь из нас посетить его корабль. Видите, здесь нарисованы две фигурки в скафандрах — одна крупнее другой — в их входном шлюзе. Хотите пойти?

— Конечно! — вскричал Бэрд. — Я захвачу с собой переносный телепередатчик.

Это было в 8 часов 40 минут бортового времени. Два огромных космических корабля — один серебристо-голубой, другой ослепительно-золотистый — продолжали вращаться вокруг общей оси, а космос был таким же безбрежным, как всегда. Ярко сияли звезды. Гигантская газовая планета из расплывчатого пятна снова превратилась в ослепительный диск.

Тяжело ступая магнитными башмаками по поверхности «Никкола», Бэрд в скафандре, с телепередатчиком за плечами медленно прибли-

жался к чужому кораблю.

Диана видела, как он скрылся в бортовом шлюзе корабля плуми. Экипаж «Никкола» приник к экранам. Бэрд пробыл в гостях довольно долго. Когда его спутник, очутившись на родном корабле, снял шлем, стала понятной его странная форма. На голове плуми оказался высокий гребень из перьев, и не искусственный. Вот почему изображение гребня неизменно присутствовало на таинственных пластинках!

Другие плуми оказались такими же грациозными, как и первый, говорили такими же высокими голосами. У каждого на голове был такой же странный гребень.

То, что увидел человек Земли на чужом корабле, было удивительным. Особенно...

— ...Мистер Бэрд, — спросил шкипер Джона, когда тот вернулся на борт «Никкола», — что вы можете добавить к тому, что передали раньше?

— Три пункта, сэр, — твердо сказал Бэрд. — Во-первых, — и это главное — корабль плуми не вооружен. Они используют отталкивающие и притягивающие лучи только для сбора материалов. Возможно, что с помощью лучистой энергии они строят свои курганы. Но это не оружие. Корабль чисто исследовательский, я видел — и вы

также — его снаряжение. Когда мы принудили их вступить в бой, они пытались уничтожить нас нашими же ракетами именно потому, что не имеют собственных.

Шкипер раскрыл рот от удивления.

— Во-вторых, — продолжал Бэрд, — они не применяют ни железа, ни стали. Только бронза и легкие металлы.

— Но они не могут передвигаться в немагнитном корпусе! — вскричал шкипер. — Корпус обязательно должен быть магнитным!

— Это, конечно, так, сэр, но они не используют магнетронного движения. Однажды в стереокартине по истории космических путешествий я видел двигатель, который стоит у плуми. Принцип его очень стар, и мы о нем давно забыли. У нас он применялся сразу вслед за ракетами — толкатели Дирака. Это реакция статических зарядов. Она не может протекать в магнитном поле свыше семидесяти гауссов.

Наконец-то шкипер стал кое-что понимать.

— Так это значит, — неуверенно сказал он, — что двигатель плуми заработает, лишь только их корабль отцепится от «Никкола»?

— Да, сэр, — подтвердил Бэрд. — Я видел, как их инженеры возились с двигателями, тщетно пы-

таясь обнаружить неисправность. Они попросту не знают, что во всем виновато магнитное поле «Никкола».

— Вы объяснили им все?

— Не так-то просто рассказать об этом жестами!

Громкоговоритель на стене щелкнул. Послышался торжествующий голос Тэйна:

— Сэр! Я предлагаю перебраться на корабль плуми, коль наш не в порядке, заменить на нем атмосферу, запустить его двигатель и вернуться к себе на базу. Надо только перебить этих гадин.

Бэрд вспыхнул, но сдержался.

— До нашего дома слишком далеко, Тэйн. Если мы попробуем уйти к себе на корабле плуми с толкателями Дирака, то умрем от старости где-нибудь на полпути.

— И все же это лучше, чем сгореть через четырнадцать суток!

Донесение Дианы прервало спор:

— Плуми в скафандре покинул свой входной шлюз. Он несет какой-то пакет к нашему входному шлюзу.

— Он хочет устроить взрыв на «Никкола», чтобы освободиться! — вскричал начальник вооружения.

Шкипер от досады сплюнул.

— Слушайте,. Тэйн! Пораскиньте лучше вашими куриными мозгами! Для того чтобы освободиться от нас, требуется взорвать по меньшей мере атомную бомбу!

Бэрд быстро заговорил: — Сомневаюсь, чтобы они считали возможным разделить корабли.

...На экране радара были видно, как плуми положил пакет около входного шлюза и вернулся обратно на свой корабль.

Дежурный инженер, перенесший пакет внутрь «Никкола», взволнованно доложил по коммуникатору:

— Сэр! Они прислали нам силовой генератор! И он дьявольски замечательно придуман! Попробую разобраться, как он действует.

Бэрд вернулся в радарную.

— Что-то будет, — задумчиво сказал он Диане. — И никого вокруг. И некого позвать на помощь. Что ж, будем вести себя как... как люди!

Девушка только слабо улыбнулась в ответ. Лампы на потолке, который был теперь стеной, вдруг вспыхнули и залили комнату ярким ровным светом.

— Что скажете, Бэрд? — раздался голос шкипера. — Как видите, генератор плуми действует

отлично!

Через несколько минут была восстановлена нормальная сила тяжести — с помощью все того же подарка.

...В 11 часов 05 минут по бортовому времени спокойный и сильный голос шкипера разнесся по всем помещениям. Командир говорил сжато, тщательно взвешивая каждое слово:

— Люди! Слушайте меня! Мы потеряли нашу скорость и сбились с курса. Восстановить наше движение, чтобы выйти на орбиту какой-нибудь планеты с атмосферой, пригодной для дыхания, невозможно. Через тринадцать суток «Никкола» подойдет к солнцу на такое близкое расстояние, что его корпус сгорит. Мы не в силах предпринять ничего, чтобы спасти наши жизни.

Шкипер обвел взглядом все экраны...

— Но плуми могут спастись, если мы им поможем. У них нет паяльных агрегатов. У нас есть. Мы сумеем разделить корабли. Если они отойдут хотя бы на милю от магнитного поля «Никкола», их двигатели начнут работать. Они не в силах помочь нам, но мы им можем. Рано или поздно корабли плуми встретятся с человеческими. И люди узнают, что мы сделали. Я не приказываю. Я прошу добровольцев выйти наружу и освободить

корабль плуми, чтобы они не сгорели вместе с нами.

...Более трех часов люди в скафандрах без устали работали: резали бело-голубым огнем мощных паяльных устройств двадцатифутовую полосу сплавленного металла. Из входного шлюза своего корабля за ними наблюдали плуми.

В 15 часов 40 минут по бортовому времени люди покинули поверхность «Никкола». Снаружи остался только один человек Он должен был уничтожить последнюю перемычку, связывающую два корабля. Это был самый опасный момент работы И Бэрд справился с ним. Центробежная сила сразу же отбросила золотистый корабль на милю в сторону. Последний человек на поверхности «Никкола» погасил паяльный агрегат и скрылся во входном шлюзе.

Золотой корабль вдали внезапно пришел в движение. Он дрогнул. Взметнулся вверх. Опустился вниз. Качнулся вправо. Качнулся влево. Он снова жил.

В радарной Диана задумчиво покачивалась в кресле.

— Значит, нам осталось жить тринадцать дней...

— Да, тринадцать.

Бэрд подошел к экрану радара внешнего наблюдения, нажал несколько кнопок.

Сказал поясняя:

— Когда плуми поняли, что мы делаем и для чего, они попросили оставить им наш передатчик. Я показал, как им пользоваться, и сам составил нечто вроде кода рисунков.

Экран засветился. На его мерцающей поверхности появилось неясное изображение. Донеслись высокие, звонкие звуки голосов плуми.

И Бэрд быстро принялся делать записи на листке бумаги. У него перехватило дыхание. Повернувшись к пульту связи, он нажал кнопку навигаторской и не отпускал ее до тех пор, пока на экране не появилось недоуменное лицо шкипера.

— Чего вы трезвоните, Бэрд? Что еще стряслось?

— Сэр, — взволнованно стал докладывать Джон, — плуми ведут передачу по коммуникатору с помощью диаграмм, которые я для них составил. Их двигатели работают хорошо. Они хотят переделать свои установки так, чтобы в несколько раз усилить действие притягивающих лучей.

— Ну и что из этого?

— Сэр! — Бэрд почти кричал. — Они хотят притянуть с их помощью «Никкола»! Они верят, что в состоянии отбуксировать нас на какую-нибудь

кислородную планету, где помогут найти металл, который нужен для восстановления «Никкола». Они хотят это сделать, чтобы люди и плуми стали друзьями!

Переведя дыхание, Бэрд продолжал:

— Кроме того, есть еще одно чертовски интересное предложение. Они хотят обмениваться с нами опытом. Шкипер молчал.

— Я думаю, — с жаром говорил Бэрд, — что плуми до встречи с нами считали себя единственной интеллектуальной расой в галактике. И они рады, что это оказалось не так. По-моему, первым металлом, который они стали использовать, был алюминий — как у наших предков медь. Следующий век вместо нашего железного у них был бериллиевый. Сейчас, возможно, перед ними стоит задача освоить железо, как перед нами — титан, бериллий и осмий. Наши культуры должны дружить и обогащаться взаимно!

Глаза шкипера смеялись. Мысленным взором он уже видел, как на еще неведомой планете его экипаж возрождает «Никкола». Вместе с плуми.

Это было в 16 часов 10 минут по бортовому времени — ровно через двенадцать часов после того, как прозвучал сигнал тревоги.

Сокращенный перевод с английского Т.

ГЛАДКОВА